

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Бородина Дарья Сергеевна

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СКАНДИНАВИИ:
ДИСКУРСИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Краснодар

2018

Содержание

Введение.....	6
Глава 1. Критерии идентификации английского как второго языка и его места в европейском языковом континууме.....	30
1.1. Предпосылки современного состояния социолингвистики.....	30
1.2. Проблема гетерогенности современного английского языка.....	47
1.3. Пути формирования новых вариантов английского языка.....	61
1.4. Функциональные носители vs. генетические носители.....	72
1.5. Английский язык межнациональных контактов.....	82
1.6. Статус английского языка как лингва франка.....	94
1.7. Формирование европейского национально-английского билингвизма.....	108
1.8. Культурная концептуализация английского языка в Европе.....	121
Выводы к Главе 1.....	131
Глава 2. Функционально-прагматическая характеристика транснационального английского языка в Скандинавии.....	138
2.1. Предпосылки языковой ситуации в регионе Северной Европы...	138
2.2. Эмоционально-оценочные стереотипы адаптации английского языка в лингвокультурном пространстве Скандинавии.....	152
2.2.1. Языковая ситуация в Дании.....	155
2.2.2. Языковая ситуация в Швеции.....	157
2.2.3. Языковая ситуация в Норвегии.....	161
2.3. Ценностные факторы, способствующие распространению английского языка в странах Скандинавии.....	164
2.4. Аспекты распространения англицизмов в скандинавских языках.....	179
2.5. Социолингвистическая природа потери доменов и переключения кодов.....	190
2.6. Английский язык в науке и высшем образовании.....	199

Выводы к Главе 2.....	210
Глава 3. Английский язык как составляющая часть датского языкового пространства.....	217
3.1. Языковая ситуация и языковая политика в Дании.....	217
3.2. Статус английского языка в Дании.....	231
3.3. Английский язык в специализированных сферах датской экономики и высшего образования.....	243
3.4. Структурно-семантические особенности английского языка в условиях датско-английского билингвизма.....	259
3.5. Механизм фонетической интерференции в датско-английском билингвизме.....	274
3.5.1. Программа исследования особенностей произношения датско-английских билингвов.....	276
3.5.2. Фонетическая система информантов по результатам анализа, проведенного носителями, преподавателями английского языка.....	279
3.5.2.1. Система согласных фонем.....	279
3.5.2.2. Система гласных фонем.....	281
3.5.3. Лингвистическая интерпретация результатов анализа, проведенного носителями английского языка.....	282
3.5.4. Факторы, характеризующие особенности произношения датско-английских билингвов.....	288
Выводы к Главе 3.....	290
Глава 4. Английский язык как составляющая часть шведского языкового пространства.....	294
4.1. Языковая ситуация и языковая политика в Швеции.....	294
4.2. Статус английского языка в Швеции.....	304
4.3. Английский в специализированных сферах шведской экономики и высшего образования.....	320

4.4. Структурно-семантические особенности английского языка в Швеции.....	335
4.5. Механизм фонетической интерференции в шведско-английском билингвизме.....	348
4.5.1. Программа исследования особенностей произношения шведско-английских билингвов.....	349
4.5.2. Фонетическая система информантов по результатам анализа, проведенного носителями, преподавателями английского языка.....	351
4.5.2.1. Система согласных фонем.....	351
4.5.2.2. Система гласных фонем.....	353
4.5.3. Лингвистическая интерпретация результатов экспертного анализа, проведенного носителями английского языка.....	354
4.5.4. Факторы, характеризующие особенности произношения шведско-английских билингвов.....	359
Выводы к Главе 4.....	360
Глава 5. Английский язык как составляющая часть норвежского языкового пространства.....	365
5.1. Языковая ситуация и языковая политика в Норвегии.....	365
5.2. Статус английского языка в Норвегии.....	376
5.3. Английский язык в специализированных сферах норвежской экономики и высшего образования.....	392
5.4. Структурно-семантические особенности английского языка в Норвегии.....	413
5.5. Механизм фонетической интерференции в норвежско-английском билингвизме.....	429
5.5.1. Программа исследования особенностей произношения норвежско-английских билингвов.....	430

5.5.2. Фонетическая система норвежско-английских билингвов по результатам анализа, проведенного неносителями, преподавателями английского языка.....	432
5.5.2.1. Система согласных фонем.....	432
5.5.2.2. Система гласных фонем.....	433
5.5.3. Лингвистическая интерпретация результатов анализа, проведенного носителями английского языка.....	435
5.5.4. Факторы, характеризующие особенности произношения норвежско-английских билингвов.....	440
Выводы к Главе 5.....	443
Заключение.....	451
Литература.....	468
Приложение 1.....	547
Приложение 2.....	552
Приложение 3.....	555
Приложение 4.....	590
Приложение 5.....	641

Введение

Развитие и расширение межрегиональных и межнациональных контактов, интенсивная миграция, современные интеграционные процессы – эти и другие факторы обуславливают рост взаимодействия и взаимовлияния языков. Вызванное глобальными процессами беспрецедентное распространение английского языка (АЯ) отвечает естественным потребностям международной коммуникации в сфере экономики, культуры, науки, высоких технологий, коммерции и т.п. АЯ выполняет функцию универсального контактного языка, используемого в англоязычной коммуникации, участники которой принадлежат к различным языковым сообществам. Хотя ситуация межнационального общения не исключает участия в ней носителей АЯ в качестве одной из сторон коммуникации, ее отличительной чертой является тот факт, что в большинстве случаев АЯ служит контактным языком коммуникации между людьми, не имеющими общности родного языка и национальной культуры, для которых он является дополнительным языком, своего рода английским как лингва франка [House 1999, p.73; Jenkins 2007, p. 5; Widdowson 1994, p. 378].

АЯ повсеместно используется в международных средствах массовой информации, доминирует в Интернете, индустрии развлечений, туризме. Он является официальным и рабочим языком большинства международных организаций, включая институты ООН, ЮНЕСКО и Евросоюза, и имеет официальный статус более чем в 60 государствах мира [Bolton 2006; Crystal 2003; Graddol 2006; House 2001; Jenkins 2009], что обуславливает необходимость изучения специфики коммуникативных контекстов, предусматривающих его постоянное использование.

Актуальность темы диссертационного исследования вытекает из теоретической и прикладной значимости концептуального переосмысления дискурсивно-коммуникативного аспекта функционирования глобального

АЯ как важнейшего компонента мирового языкового процесса, двигателем которого являются языковые контакты, в частности, представленные в моделях Б. Качру и У. Лабова, послуживших основой контактной вариантологии АЯ. Результатом контактов АЯ с национальными языками стало не столько появление в них новых элементов и структурных отношений, сколько возникновение новых вариантов английского, используемого в качестве второго, дополнительного языка. Социолингвистический подход к современному распространению АЯ опирается на принцип социальной обусловленности языка, характеризующей как новые варианты языка, так и коллективную дискурсивно-коммуникативную компетенцию использующих их сообществ. Социальное взаимодействие членов языкового сообщества поддерживает его единство как социальной группы и является предпосылкой его лингвокультурной концептуализации. Функционально-прагматический статус новых вариантов контактного АЯ, функционирующих в отдельных регионах, в частности в пределах Скандинавии, определяется взаимоотношениями между доминирующими национальными языками и АЯ, сложившейся коллективной языковой идентификацией и дискурсивно-коммуникативной компетенцией пользователей.

Актуальность темы диссертации определяется и **теоретико-методологическими основаниями**, на которых строится исследование. В их числе следует указать, во-первых, контактную вариантологию глобального АЯ, стимулом развития которой послужила модель Б. Качру *World Englishes*, символизирующая диверсификацию АЯ в широком диапазоне функционально-прагматической вариативности.

Во-вторых, это концепция социолингвистических переменных У. Лабова, который создал новаторскую технику исследования языковой дифференциации и обосновал понятийный аппарат для описания языковых вариаций [Labov 1966, 1975].

В-третьих, это разработанная в трудах У. Вайнрайха, Ч. Фергюсона, Дж. Фишмана, Е. Хаугена, Дж. Гамперца, С. Эрвин-Трипп и других основоположников социалингвистики теория языковых контактов охватывающая сферы взаимного влияния и конвергентного развития контактирующих языков, билингвизма, интерференции, межъязыкового отождествления элементов контактирующих языков [Вайнрайх 1979; Ervin-Tripp 1975; Ferguson C.A., DeBose 1977; Fishman, 1972; Gumperz 1973; Haugen 1972].

В-четвертых, это предложенная Дж. Гамперцем теория языкового сообщества как социальной группы [Гамперц 1975], которая получила дальнейшее развитие в концепции сообщества практики Дж. Лейва и Э. Уэнгера [Lave, Wenger 1991; Wenger 1998] и в концепции дискурсивного сообщества Дж. Суэйлса [Swales 1990]. Из теории языкового сообщества Дж. Гамперца вытекают представления о необходимом для такого сообщества языковом планировании, теоретиком которого стал норвежский социалингвист Э. Хауген, первоначально исследовавший осуществление языковой политики в Норвегии [Haugen 1968], и выдвинутое Д. Хаймсом понятие коммуникативной компетенции, которая может реализоваться только в пределах языкового сообщества [Hymes 1972].

Пятым теоретико-методологическим основанием, на котором строится диссертационное исследование, следует считать теорию лингвокультурной концептуализации АЯ, основные положения которой были разработаны российскими и зарубежными учеными С.Г. Тер-Минасовой, В.В. Кабакчи, Н.Л. Грейдиной, В.В. Красных, З.Г. Прошиной, И.А. Стерниным, М. Байрэмом, Дж. Кондоном, Г. Хофстеде, Дж. Ченем и др. [Грейдина 2001; Кабакчи 1998; Красных 2003; Попова, Стернин 2002; Прошина 2010; Тер-Минасова 1999; Byram 1985; Chen, Starosta 2005; Condon 1975; Hofstede 1984]. Процедура исследования межкультурной коммуникации характеризуется поиском специальных

социолингвистических переменных и дискурсивных стратегий, которые используют участники в межнациональных контекстах.

Научная проблема диссертационного исследования задаётся полицентричным характером АЯ на современном этапе, который проявляется в существовании различных национальных и региональных вариантов, составляющих социально-коммуникативную систему, призванную обеспечить коммуникативные потребности его пользователей и приспособленную функционировать в новых социально-культурных условиях в том или ином регионе.

Подобные новообразования стали фактом лингвистического континуума и существуют на территории многих стран, где английский язык употребляется наряду с национальными языками. Сложилась новая языковая реальность, стимулирующая интерес исследователей к проблемам статуса новых вариантов АЯ по отношению к его британскому и американскому вариантам АЯ и по отношению к национальным языкам, реальность, требующая определения критериев кодификации новых вариантов. Различные варианты языка, соответственно, предполагают существование нескольких видов нормативных моделей, отражающих различные уровни включения местных носителей в глобальное англоязычное сообщество [Семенец 1985, с. 157; Домашнев 2000, с. 90; Ильина 2008, с. 76; Dewey 2007, p. 333; Rosen 1994; Crystal 1997, p. 177; Crystal 1998, p. 84; McArthur 1998, p. 205; Jones, Bradwell 2007, p. 89].

Степень разработанности научной проблемы исследования.

Идеи социальной дифференциации языка были заложены предшественниками основателей современной социолингвистики И.А. Бодуэном де Куртенэ, У. Уитни, Ф. Соссюром, А. Мейе, А. Мартине и расширены в исследованиях российских ученых Б.А. Ларина, В.М. Жирмунского, Е.Д. Поливанова, Р.О. Шор [Алпатов, 2005, с. 126; Кириленко 2015, с. 20; Михальченко 1999, С. 27].

Интенсивные исследования дифференциации английского языка в британском, американском, австралийском и др. вариантах начинаются с середины XX в., при этом считается, что остальной мир изучает АЯ в качестве иностранного языка. Основные теоретические положения, характеризующие полиэтническое языковое единство как совокупность его национальных вариантов освещены в трудах российских лингвистов В.Д.Аракина, Т.М. Беляевой и И.А. Потаповой, Б.А.Ильиша, А.И.Смирницкого, С.Г. Тер-Минасовой, А.Д. Швейцера, В.Н.Ярцевой, и др., которые определяют национальный вариант как особую форму функционирования единого языка, идентифицируемую, наряду с инвариантными конституирующими признаками, и наличием вариантных признаков, свидетельствующих о специфике территориального и социального характера.

В 1960-1970-х гг. У. Лабовым была предложена новаторская техника исследования языковой дифференциации, обоснован понятийный аппарат для описания языковых вариаций [Labov 1966], введены понятия индикаторов и маркеров – типов языковых вариаций, которые У. Лабов определяет как социолингвистические переменные – величины, зависящие от нелингвистических переменных социального контекста. [Лабов 1975, с. 150]

Благодаря исследованиям основателей современной социолингвистики, Б. Бернстайна, У. Вайнрайха, Дж. Гамперца, П. Традгилла, Ч. Фергюсона, Дж.Р. Фирта, Дж. Фишмана, Д. Хаймса, Э. Хаугена, М.А.К. Хэллидея, Дж. Чеймберса, С. Эрвин-Трипп сложилась концепция языка как континуума вариаций, который изучается с помощью адекватных статистических методов при сравнительно малой выборке.

Глобальная реальность дифференциации английского языка отражена в трудах Б. Качру, разработавшего теорию и функциональную классификацию вариантов английского языка мира – *World Englishes Paradigm*, контактную вариантологию АЯ, которая остается наиболее

влиятельной моделью глобального АЯ [Kachru 1985, p. 19]. Контактная вариантология английского языка, новая лингвистическая дисциплина, созданная Б. Качру и его последователями, определяет варианты АЯ как особые языковые образования, языки социумов, характеризующиеся, прежде всего, социолингвистической природой. Эта модель отражает формы распространения АЯ в мире, способы его усвоения и сферы функционирования в разных странах мира [Bolton 2006b, p. 192].

Б. Качру, У. Лабов и их последователи положили начало социолингвистике глобального английского языка как важнейшего компонента мирового языкового процесса, двигателем которого являются языковые контакты. Все другие исследователи интернационального сообщества социолингвистов развивают намеченные У. Лабовым и Б. Качру аспекты модели лингвистической реальности и открывают ее новые конструкты, развертывание которых приводит к появлению самостоятельных направлений, отражающих языковые особенности глобализации. Основанное З.Г. Прошиной российское направление контактной вариантологии английского языка как отрасли лингвоконтактологии, рассматривает взаимодействие английского и национальных языков в связи с контактами народов, пользующихся этими языками.

В многоязычных контекстах непостколониальных стран размываются границы между английским как вторым языком и английским как иностранным языком, и они составляют континуум, в котором активизируются процессы перехода АЯ от статуса иностранного языка к статусу второго языка. Как подчеркивают российские и зарубежные исследователи, эти процессы характеризуются пограничными состояниями транслингвизма, которые определяются наличием и функционированием одновременно нескольких языков. В таких условиях национально-английский билингвизм формируется не только в ситуации международного общения, но и в общении с другими билингвами внутри данного

сообщества, когда АЯ активно распространяется в непостколониальных регионах Азии, Европы и т.д., и, в силу выполняемых им функций, невозможно квалифицировать его как типичный иностранный язык [Прошина 2016, с. 7; Ривлина 2014, с. 105, 2016, с. 24; Blommaert 2010, p. xiv; Bruthiaux 2003, p. 165-167; Buschfeld 2011, p. 51; Edwards 2014, p.173].

Перспективы развития АЯ транснациональной и интранациональной коммуникации предопределяются сложным переплетением противоборствующих тенденций глобализации и регионализма. Проблематика исследований АЯ как универсального инструмента транснациональной коммуникации и второго языка интранациональной коммуникации ставит перед исследователями задачи, среди которых, в частности, уточнение статуса АЯ в непостколониальных странах, определение критериев коммуникативной компетенции, разделяемых интерактивных процедур и стратегий, обеспечивающих взаимопонимание [Graddol 2006, p. 13-15; Kaur 2010, p. 192-193]. В лингвистических исследованиях региональных вариантов АЯ приоритет отдается изучению фонетических и лексико-грамматических особенностей АЯ в странах Африки (см., например, труды Ю.А. Кнурова, Е.В. Крайнюченко, О.Е. Семенца, Е.А. Устиновича [Кнуров 1990; Крайнюченко 2002; Семенец 1985; Устинович 2007]), Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока (см., например, работы З.Г. Прошиной, В.Л. Завьяловой, Т.А. Иванковой, С.С. Ильиной, М.О. Пивоваровой, Е.В. Уютовой [Прошина 2001; Завьялова 2014; Иванкова 2007; Ильина 2008; Пивоварова 2005; Уютова 2004]).

Новый этап научных представлений об английском как лингва франка межнациональной коммуникации на европейском континенте ознаменован такими крупными коллективными исследованиями, как, например, масштабные проекты, осуществленные в Австрии и Великобритании, под руководством Дж. Дженкинс и Б. Зайдльхофер (проект *VOICE – the Vienna-Oxford International Corpus of English*, 2006-2009 [VOICE. 2009]), в Финляндии, под руководством А. Мауранен (Проект ELFA, где собран

огромный фактический материал, отражающий АЯ неносителей в различных коммуникативных контекстах [Mauranen 2010]) и, наконец, начатый в 2014 г. проект *The English in Europe*, координаторы А. Кого (университет Саутгемптона, Великобритания), и М.-Л. Питцль (университет Зальцбурга, Австрия) [Cogo, Jenkins 2010; *The English in Europe* 2013]

Независимо от конкретного объекта исследования того или иного автора, эти задачи решаются в ключе направлений, основы которых заложили классики социолингвистики: теории языковых контактов, конвергенции контактирующих языков, билингвизма и мультилингвизма, языковой ситуации и языковой политики, смешения языков, и т.д.

Таким образом, в исследовании английского языка как инструмента транснациональной и интранациональной коммуникации, осуществляемой в скандинавском регионе, в качестве базового определяется системно-функциональный подход, в рамках которого разработана комплексная **методика исследования**. Она включает научно-теоретический анализ работ отечественных и зарубежных лингвистов по общим и частным вопросам распространения и развития новых вариантов английского языка; метод исторического анализа предпосылок современной языковой ситуации и примененный в работе принцип «синхронии-в-диахронии» позволил не только показать истоки современной вариативности скандинавских языков, дать относительно полный перечень причин основных изменений, но и отразить динамику современной языковой ситуации.

Метод включенного наблюдения за живой речью скандинавских пользователей АЯ и процедура анализа социальных сетей, необходимая для изучения процессов социального обмена и формирования целевых групп, моделирующих социально-демографическую структуру скандинавского сообщества, предшествуют проведению ряда экспериментов комплексного характера. На этапе отбора информантов и систематизации корпуса звучащих текстов используются методы опроса, анкетирования и интервьюирования с целью получения социолингвистических данных в

различных коммуникативных контекстах. Приемы аудиторского анализа и экспертной оценки позволяют идентифицировать и систематизировать собранный фактический материал в ракурсе взаимозависимости социолингвистических переменных, которая выражается во взаимной согласованности наблюдаемых изменений. Контент-анализ фактического материала (анализ документов, регулирующих использование английского языка в сфере экономики, науки и высшего образования стран Скандинавии, а также в бытовом общении датчан, шведов и норвежцев; качественный анализ содержания текстов интервью) раскрывает эволюцию языковой идеологии и оценки статуса АЯ. Перцептивно-слуховой анализ интервью направлен на выявление значимых закономерностей употребления тех или иных социолингвистических переменных в англоязычном дискурсе скандинавов, а прагмалингвистический анализ применяется для исследования лингвистических аспектов этого дискурса как средства достижения коммуникативных целей.

Элементы лингвокультурного компонента скандинавских разновидностей АЯ раскрываются на основе анализа социально-национальной обусловленности употребления социолингвистических переменных, реализуемых в англоязычной коммуникации жителей Дании, Швеции и Норвегии. Когнитивный анализ англоязычного дискурса датчан, шведов и норвежцев позволяет выявить специфику выбора структурно-семантических средств, отражающую элементы национальной картины мира в их сознании, и дать лингвистическую интерпретацию механизма фонетической интерференции, осложняющей языковое взаимодействие участников англоязычной коммуникации.

Объектом исследования является вариант контактного АЯ, функционирующий в скандинавском регионе как основной инструмент транснациональной и второй язык интранациональной коммуникации представителей близкородственных северогерманских языков, датчан,

шведов и норвежцев, в сфере экономики, науки и высшего образования, а также в бытовом общении.

Предметом исследования выступают системно-функциональные социолингвистические особенности и когнитивные особенности дискурсивно-коммуникативного аспекта регионального варианта АЯ, используемого носителями датского, шведского и норвежского языков.

Основная гипотеза исследования. В странах Скандинавии – Дании, Швеции, Норвегии – существует единый континуум функционирования транснационального АЯ в специфических для этого региона культурно-языковых условиях, в которых сложилась двуязычная ситуация с одновременным использованием национального как главного языка и английского как надэтнического языка, который не является родным ни для одной групп населения;

Влияние глобального АЯ в скандинавском регионе двааспектно:

1) он воздействует на национальные языки, вызывая определенные лексико-семантические и, в значительно меньшем масштабе, морфосинтаксические изменения, что способствует адаптации национальных языков к условиям глобализации.

2) АЯ используется скандинавами как основной инструмент межнациональной коммуникации и функционирует в скандинавском регионе в качестве второго языка интранациональной коммуникации. Приобретенный им статус является следствием аналогичных и взаимосвязанных процессов интернационализации, происходящих в национальных сообществах Дании, Швеции и Норвегии, что свидетельствует о появлении регионального функционально-прагматического варианта АЯ.

Цель исследования – разработать теоретико-методологические положения, определяющие особенности дискурсивно-коммуникативного аспекта регионального варианта АЯ, функционирующего в качестве

основного инструмента межнациональной коммуникации и второго языка интранациональной коммуникации. в Дании, Норвегии и Швеции.

Для достижения заявленной цели ставятся следующие **исследовательские задачи:**

- обосновать базовое для данного диссертационного исследования представление о преемственности методологических принципов социолингвистической диверсификации и обобщить теоретико-методологические подходы к изучению гетерогенности формирования новых вариантов АЯ;

- выявить характеристики АЯ как глобализованного и глобализующего феномена и экстраполировать критерии идентификации статуса новых вариантов АЯ на его непостколониальные разновидности, используемые в странах Европы;

- уточнить место в глобальном континууме АЯ, которое занимает его европейский региональный вариант, рассмотреть основные направления вариантологических исследований в европейской социолингвистике;

- обосновать функционально-прагматические предпосылки разделения дискурсивно-коммуникативных сфер использования АЯ в функции инструмента транснационального и транскультурного общения в странах Скандинавии, разработать структурно-семантические и фонетические критерии идентификации национальных уровней владения АЯ в Дании, Швеции и Норвегии;

- исследовать составляющие языковой ситуации в скандинавских странах и выявить типологические особенности распространения в них английского языка;

- выявить параметры воздействия английского языка на скандинавские языки и обратного влияния национальных языков на английский язык, функционирующий в Дании, Норвегии и Швеции;

- установить дискурсивно-коммуникативные сферы использования интранационального английского языка в скандинавских странах;

- осуществить анализ статуса английского языка в общем процессе интернационализации экономики, образования и науки в странах скандинавского региона;

- выявить факторы структурно-семантической и фонетической вариативности социолингвистических переменных, характеризующих дискурсивно-коммуникативный аспект функционирования АЯ в бытовом общении в Дании, Норвегии и Швеции.

Научная новизна исследования.

1. В диссертации систематизированы этапы эволюции научных концепций социально обусловленной вариативности языка (У. Лабов) и глобализации английского языка (Б. Качру) и обоснованы его функционально-прагматические критерии как транснационального инструмента коммуникации в непостколониальных странах.

2. Доказано, что страны Европы, где английский язык служит универсальным контактным языком межнациональной коммуникации, подразделяются на три группы по объему выполняемых им интранациональных функций: в Дании он имеет только статус основного иностранного языка, в Швеции он фактически становится вторым языком интранационального общения, а в Норвегии – занимает промежуточную позицию как язык, ситуативно используемый в отдельных сферах национального языкового пространства.

3. Сформировано понятие европейского АЯ как регионального функционально-прагматического варианта, существующего в виде социолектов – ситуативно-идентифицирующих, применяемых в бытовых ситуациях вторичной социализации, и ситуативно-деятельностных, применяемых в специализированных ситуациях институциональной вторичной социализации.

4. Впервые выдвинуто положение о том, что Скандинавия представляет единый языковой континуум распространения транснационального АЯ, которое происходит в специфических для этого региона культурно-языковых условиях.

5. Выявлены и систематизированы предпосылки высокого статуса АЯ в странах Скандинавии, среди которых: популярность англо-американской медиапродукции, воздействие англоязычных средств индустрии развлечений и интернета; интенсивное преподавание АЯ на всех уровнях образования, мотивация и интеграция обучения АЯ с практическим развитием рецептивных и репродуктивных навыков; экстенсивные международные контакты.

6. Доказано, что в Скандинавии развивается разновидность индивидуального билингвизма, которая характеризуется альтернативным использованием национального как главного языка и английского как надэтнического языка в одних и тех же социальных контекстах.

7. Доказано, что в Скандинавии сложилась двуязычная ситуация с одновременным использованием национального как главного языка и английского как надэтнического языка, который не является родным ни для одной групп населения, хотя «присутствует» в коммуникации всех групп.

8. Установлено, что в скандинавских странах сложилась такая форма владения английским и национальным языками, при которой они функционально распределены «сверху» только в доменах науки и высшего образования, но, относительно использования АЯ в других доменах, это всегда сознательный выбор участников коммуникации «снизу» в конкретном виде социальной практики.

9. Впервые разработан достаточно полный список социолингвистических переменных, характеризующих АЯ в скандинавских доменах экономики, высшего образования и науки.

10. Установлены лексико-семантические и морфо-синтаксические особенности АЯ в странах Скандинавии.

11. По результатам экспериментального исследования описана фонетическая система датско-английских, шведско-английских и норвежско-английских билингов.

12. Установлен механизм фонетической интерференции в датско-английском, шведско-английском и норвежско-английском билингвизме.

13. Определен список коммуникативно-релевантных и коммуникативно-нерелевантных факторов, характеризующих особенности локализованного англо-скандинавского произношения.

14. На основании комплексного исследования английского как второго языка интранациональной коммуникации в скандинавских странах сформирована модель, позволяющая прогнозировать эволюцию АЯ в других регионах Европы.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что внесён вклад в развитие теории контактной вариантологии и межкультурной коммуникации на основе комплексной разработки понятия регионального варианта английского языка, используемого в транснациональной и интранациональной коммуникации. Разработана методика исследования английского как второго языка в социолингвистическом пространстве стран с близкородственными национальными языками и выявлены основные закономерности этого процесса. Расширены имеющиеся представления о причинах и сущности лингвистических процессов, протекающих при активном взаимодействии языков в пределах одного региона.

Благодаря разработке теоретико-методологического обоснования коммуникативно-прагматических критериев разделения сфер использования английского языка в региональных контекстах транснациональной и интранациональной коммуникации, предложена модель объективной оценки феномена контактного английского языка в

непостколониальных странах. Теоретическая значимость исследования состоит и в том, что выдвигается концепция формирования функционально-прагматического статуса АЯ как регионального варианта в областях распространения близкородственных национальных языков.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования для организации межъязыкового и межкультурного взаимодействия участников как транснациональной, так и интранациональной коммуникации в международных и национальных институтах и сообществах. Результаты предлагаемого исследования также важны и интересны для специалистов, занимающихся планированием языковой политики, интернационализацией университетского образования и науки, развитием межкультурных и межъязыковых связей, способствующих интеграции национальных сообществ в глобализационные процессы. Практическая ценность исследования определяется и перспективой использования его аналитического содержания, теоретических положений и эмпирического материала в курсах прикладной лингвистики и социолингвистики, теории межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, методики преподавания иностранных языков, в специальных курсах, раскрывающих процессы интернационализации региональных сообществ, а также при написании кандидатских диссертаций, курсовых и дипломных работ, в профессиональной подготовке специалистов в области межкультурных и межнациональных отношений.

На основе предлагаемого исследования написаны следующие учебно-методические пособия, которые используются в обучении английскому как языку межкультурной и межнациональной коммуникации: Бородина Д.С., Мележик К.А. Английский язык для аспирантов. Учебное пособие для подготовки аспирантов и соискателей к экзамену кандидатского минимума по английскому языку. Симферополь, 2011. 172 с.; Бородина Д.С. Английский лингва франка в бытовой и специальной коммуникации. Симферополь, 2012. 184 с.

Эмпирическая база исследования. В ходе работы проанализированы материалы по проблематике глобализации АЯ, нормативные документы и материалы правительственных и общественно-политических институтов Дании, Норвегии и Швеции, включая основные инструменты по интернационализации образования, языковой и культурной политике, статистические данные, публикуемые правительственными и международными организациями. На основе анализа этих документов и материалов написаны разделы 2.1-2.6, 3.1-3.3, 4.1-4.3, 5.1.-5.3. В качестве фактического материала для исследования использовались данные, полученные на скандинавских интернет-сайтах и в процессе формальных и неформальных бесед, опросов и интервью, проведенных с жителями скандинавских стран, использующими английский как второй язык транснациональной и интранациональной коммуникации: с преподавателями, администраторами и студентами скандинавских университетов, посетителями общественных мест, иностранными гражданами, находившимися в Скандинавии. Образцы всех видов фактического материала представлены в Приложении.

Опрос информантов проводился в июне-июле 2014 г. и в июне-июле 2015 г. в Дании, в июне-июле 2016 г. в Швеции и в июне-июле 2017 г. в Норвегии. Опросы проводились на английском языке, путем межличностного вербального общения в условиях визуального контакта, а также с помощью разных служб Интернета – по скайпу, электронной почте, с использованием социальных сетей (LinkedIn, Facebook) и технологии видеоконференций. Фактический материал, отобранный из скандинавских интернет-сайтов, аккумулировался в течение 2011–2017 гг.

Суммарная длительность звучания аудиоматериала составляет 1431 мин. (23 ч. 51 мин.), в оцифрованном виде материал занимает 1082 Мб памяти. Длительность звучания монологической речи информантов – 372 мин. Аудиозапись осуществлялась с помощью мобильных устройств iPhone 5 iOS 6, iPhone 5 iOS 8.43. Перенос аудиозаписей в текст выполнялся

с помощью программ автоматического распознавания речи для компьютера – Chrome Speech Recognizer, HTML5 Speech Recognition, Watson Speech to Text для облачной платформы IBM Bluemix и программ автоматического распознавания речи для iPhone – Dragon Dictation, Dragon NaturallySpeaking, Dragon Go!, Dragon Mobile Assistant.

Аудиозаписи для экспертной оценки английского произношения датчан, шведов и норвежцев сначала предъявлялись аудиторам, русскоязычным преподавателям английского языка, которые должны были, руководствуясь профессиональной установкой на фиксацию ошибок, отметить регулярные отклонения от стандартного английского произношения. Далее, аудиозаписи с текстами отправлялись носителям английского языка, которые согласились провести экспертную оценку интервью и отметить те случаи, где, по их мнению, информанты демонстрируют акцент, характеризующий английскую речь скандинавов. Лингвистическая интерпретация материала была основана на данных аудиторского и экспертного анализа.

Соответствие диссертации паспорту специальности.

Диссертационная работа соответствует паспорту научной специальности 10.02.19 Теория языка, а именно следующим пунктам:

1. Теоретическая лингвистика. Язык как объект лингвистики. Язык и коммуникация. Отражение коммуникативных целей в структуре языка. Язык и общество, язык и культура. Социальная стратификация языка.

7. Дискурс – дискурсивные факторы лексических, морфо-синтаксических и фонетических явлений.

9. Языки мира и языковые ареалы. Основные особенности истории и современного состояния языковой ситуации в ареале.

12. Социолингвистика. Социолингвистический подход к предмету лингвистики. Вариативность языка и ее связь с социальной вариативностью; теория языковых контактов; языковые контакты и эволюция

языков;социолингвистический подход к заимствованиям; контактные языки как специфический результат языковых контактов.

Социум и язык.Территориальная и социальная дифференциация языка. Функциональные сферы языка в обществе. Язык в межэтнических контактах язык-посредник, лингва франка.

Личный вклад автора состоит в том, что:

- в исследовании выдвинута и теоретически обоснована концепция единого континуума распространения транснационального АЯ в специфических для Скандинавии культурно-языковых условиях, в которых сложилась двуязычная ситуация с одновременным использованием национального как главного языка и английского как надэтнического языка, который не является родным ни для одной групп населения;

- сформирована модель английского как второго языка интранациональной коммуникации в скандинавских странах, которая позволяет прогнозировать эволюцию АЯ в других регионах Европы;

- разработан инвентарь социолингвистических переменных, характеризующих АЯ в скандинавских доменах экономики, высшего образования и науки;

- изданы учебники и учебно-методические пособия, опубликованы научные статьи и монографии по теме исследования; проведена опытно-экспериментальная работа, выполнены анализ и интерпретация ее результатов;

- проанализирован и осмыслен личный практический опыт работы автора в области преподавания академического курса английского как языка транснациональной коммуникации студентам гуманитарно-филологических направлений подготовки на уровне бакалавриата и магистратуры в Крымском федеральном университете.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В Скандинавии сложилась двуязычная ситуация с одновременным использованием национального как главного языка и английского как

надэтнического языка, который не является родным ни для одной из групп населения, хотя присутствует в коммуникации всех групп.

2. Исторически сложившаяся в Скандинавском ареале языковая ситуация отличается от общеевропейской тем, что Дания, Норвегия и Швеция имеют близкородственные национальные языки, т.е. регион составляет единый языковой континуум, в котором распространение транснационального АЯ происходит в специфических условиях современной языковой ситуации и языковой политики, обеспечивающих высокий статус английского как второго языка интранациональной коммуникации.

3. Приобретенный АЯ фактический статус второго языка является следствием аналогичных и взаимосвязанных процессов интернационализации, происходящих в национальных сообществах Дании, Швеции и Норвегии, что свидетельствует о появлении регионального скандинавского варианта АЯ.

4. На основании функционально-прагматических критериев, характеризующих развитие контактного АЯ в непостколониальных странах сформировано понятие европейского регионального варианта АЯ, существующего в виде социолектов: ситуативно-идентифицирующих, применяемых в бытовых ситуациях вторичной социализации, и ситуативно-деятельностных, применяемых в специализированных ситуациях институциональной вторичной социализации.

5. Языковая идеология скандинавских пользователей АЯ проявляется в двух направлениях: с одной стороны, в процессе распространения транснациональный АЯ приобретает регионально обусловленные типологические формы; с другой, наблюдается общескандинавская тенденция противостояния расширению его интранационального влияния.

6. Взаимодействие английского и скандинавских языков характеризуется двусторонней интерференцией: 1) это интерферирующее влияние глобального английского на национальный язык, которое

проявляется в повсеместном использовании англицизмов в дискурсе скандинавов на национальном языке; 2) это формирование национального варианта АЯ в условиях интерферирующего влияния национального языка на АЯ.

7. Параллельное использование английского и национальных языков функционально регулируется «сверху» в домене науки и высшего образования, Параллелингвизм внедряется как способ сохранения этих доменов в скандинавских языках в условиях, когда отдельные области социальной практики переходят из разряда интранациональных в разряд транснациональных.

8. В транснациональной коммуникации других доменов выбор АЯ всегда предпочтителен, а в интранациональной коммуникации он диктуется конкретными требованиями языкового взаимодействия.

9. Складывающиеся в странах Скандинавии варианты АЯ в одинаковой мере характеризуются интерференцией национальных языков на структурно-семантическом уровне. Грамматические и лексико-семантические особенности национальных разновидностей АЯ представлены категориями, которые по-разному реализуются в английском и национальных языках.

10. В английском произношении всех скандинавов наблюдаются общие явления, которые дают основание говорить о фонетических особенностях регионального варианта транснационального АЯ. Они отражают трансферентные и конвергентные изменения, являющиеся следствием взаимовлияния двух акустико-артикуляционных систем, однако это свидетельствует не о появлении какой-то новой фонетической системы АЯ, а о многообразии его вариативного потенциала.

Апробация основных результатов диссертации.

Положения научно-теоретических и научно-практических изысканий, существенные для решения заявленной крупной научной проблемы, изложенные в данной работе, прошли апробацию на международных,

всероссийских, региональных научных, научно-практических конференциях в вузах России и зарубежных стран: «Англистика 21 века». Научно-методическая конференция, посвящённая памяти профессора С.В. Воронина (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2015г.), «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация». (Москва, МГУ, 2015 г.), «Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик». Первая международная конференция, (Москва, МГПУ, 2016 г.) Апробация положений исследования в рамках образовательных программ, спецкурсов и спецсеминаров по тематике диссертации проходила на кафедре теории языка, кафедре современного русского языка и на кафедре английской филологии Кубанского государственного университета. Программы курсов основаны на авторских теоретических концепциях и подкреплены новейшими практическими материалами по следующим курсам: фонетика русского языка, фонетика английского языка, лингвострановедения, когнитивная лингвистика, основы теории текста и дискурса.

Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в научных публикациях автора. По тематике диссертации в 2005–2018 гг. опубликованы 39 научных работ из них 2 монографии и 17 научных статей ВАК общим объемом около 48,58 п.л.

В результате апробации подтверждено, что данная диссертация в соответствии с «Положением о порядке присуждения ученых степеней», утвержденном Постановлением Правительства РФ, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как значимое научное достижение; представленное автором решение крупной научной проблемы имеет важное социально-культурное значение.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования, работа состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии, приложений.

Во **Введении** дается обоснование актуальности исследуемой проблемы, определяются цель, задачи, объект, предмет, гипотеза, методологические основания и методы исследования. Представлена научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся данные об апробации и внедрении полученных результатов.

В первой главе **«Критерии идентификации английского как второго языка и его места в европейском языковом континууме»** подвергаются тщательному анализу теоретические концепции, раскрывающие проблему гетерогенности и пути формирования новых вариантов английского языка, устанавливается, что в основе исследований, характеризующих природу глобального АЯ, лежат различия в понимании его моноцентризма и полицентризма, рассматриваются вопросы статуса новых вариантов и систематизации языковых средств, используемых в коммуникации на международном АЯ, обсуждаются критерии концептуализации контактного английского как лингва франка и особенности межнациональной коммуникации на английском языке, раскрываются критерии культурной концептуализации английского языка в Европе..

Вторая глава **«Функционально-прагматическая характеристика транснационального английского языка в Скандинавии»** посвящена анализу предпосылок языковой ситуации и стереотипов адаптации английского языка в лингвокультурном пространстве Скандинавии.

Формулируются базовые положения, составляющие методологическое обоснование исследования, и определяются факторы, способствующие распространению английского языка в странах Скандинавии, раскрываются общие тенденции языковой ситуации в Дании, Швеции и Норвегии. Обсуждаются пути проникновения англицизмов в скандинавские языки, обосновывается социолингвистическая природа потери доменов бизнеса, науки и высшего образования и переключения кодов.

В третьей главе **«Английский язык как составляющая часть датского языкового пространства»** проводится анализ языковой ситуации

и языковой политики в Дании, обосновывается статус английского как второго языка интранациональной коммуникации, изучаются структурно-семантические особенности английского языка в условиях датско-английского билингвизма, по результатам аудиторского анализа раскрывается механизм интерференции в англоязычном произношении датчан, дается лингвистическая интерпретация результатов экспертного анализа и систематизируются факторы, характеризующие локализованный акцент датско-английских билингвов.

Четвертая глава **«Английский язык как составляющая часть шведского языкового пространства»** содержит исследование языковой ситуации и языковой политики в Швеции, обоснование статуса английского как второго языка, анализ взаимодействия языков в специализированных доменах бизнеса, науки и образования. Раскрываются структурно-семантические особенности английского языка в Швеции и механизм фонетической интерференции в шведско-английском билингвизме. По результатам аудиторского анализа моделируется фонетическая система англоязычного произношения шведов, проводится лингвистическая интерпретация факторов, характеризующих локализованный акцент шведско-английских билингвов.

В пятой главе **«Английский язык как составляющая часть норвежского языкового пространства»** анализируются языковая ситуация, языковая политика и статус английского языка в Норвегии, раскрывается роль английского языка в доменах норвежского бизнеса, высшего образования и науки. Рассматриваются лексико-семантические и морфосинтаксические особенности английского языка в Норвегии и причины фонетической интерференции в норвежско-английском билингвизме. По результатам аудиторского анализа строится модель фонетической системы норвежско-английских билингвов и проводится лингвистическая интерпретация факторов, характеризующих особенности их произношения.

В **Заключении** изложены основные выводы, которые подтверждают корректность выдвинутой гипотезы исследования, и намечены перспективы изучения темы. Подчеркивается, что в ходе исследования выявлены сущностные характеристики скандинавского варианта английского языка, описание которых необходимо для понимания взаимодействия участников как транснациональной, так и интранациональной коммуникации в условиях глобализации контактного АЯ. Таким образом, предложенная в диссертации методология исследования регионального варианта, выполняющего как транснациональные, так и интранациональные функции может найти широкое применение в изучении английского языка, используемого в региональных сообществах.

В **Библиографии** дан список привлеченной в ходе исследования научной литературы на русском и иностранных языках.

Отдельный сборник составляет **Приложение**, в котором представлена информация об участниках экспериментов и экспертах; таблицы и краткое описание фонологических систем датско-английских, шведско-английских и норвежско-английских билингвов; образцы материалов, полученных в ходе бесед, опросов, интервью и отобранных из интернет-сайтов.

Глава 1. Критерии идентификации английского как второго языка и его места в европейском языковом континууме

1.1. Предпосылки современного состояния социолингвистики

Среди самых востребованных на сегодняшний день отраслей социолингвистики стоит особенно выделить лингвоконтактологию, которая изучает взаимодействие и взаимовлияние языков, спровоцированные контактами этносов, использующих эти языки [Прошина, Терминологическая сумятица 2015, с. 105]. Одно из направлений лингвоконтактологии – контактная вариантология английского языка, или World Englishes Paradigm, недавно возникшая лингвистическая дисциплина, созданная Б. Качру, Л. Смитом и их последователями, определяет варианты английского языка как особые языковые образования, языки социумов, для которых характерна в первую очередь социолингвистическая природа [Прошина, Вариантность 2010, с. 244].

Перед тем, как приступить к изучению частных аспектов контактной вариантологии, нужно обозначить мнение автора относительно некоторых теоретических положений, которые можно считать в числе истоков современного положения социолингвистики. В «Социолингвистическом словаре» В.Ю. Михальченко социолингвистике дано следующее определение (следуя дефиниции А.Д. Швейцера): «отрасль языкознания, изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия объективных (различных элементов социальных установок, ценностей и т. п.) социальных факторов на язык и той ролью, которую язык играет в жизни общества» [Михальченко, Социолингв. словарь 2006, с. 207].

А.Д. Швейцер особенно отмечает междисциплинарный характер социолингвистики, которая развивается на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и использует в качестве основных

операционных единиц социолингвистического исследования социолингвистические переменные, соотносящиеся, с одной стороны, с определенным уровнем языковой структуры (фонологическим, морфологическим, синтаксическим, лексико-семантическим), с другой, варьированием социальной структуры или социальных ситуаций [Швейцер 1990, с. 481-482].

Используя формулировку З.И. Комаровой [Комарова 2012, с. 8], можно сказать, что история социолингвистики как науки – это не только хронологическая последовательность теорий о языке в социальном контексте, но и история социолингвистического познания и, следовательно, история становления современной социолингвистической методологии, основы которой, по нашему мнению, были разработаны двумя выдающимися социолингвистами второй половины XX в. – У. Лабовым и Б. Качру и их последователями.

Один из основателей современной социолингвистики американский исследователь Уильям Лабов определяет ее как науку, которая изучает «язык в его социальном контексте» [Лабов 1975]. Дж. Гамперц добавляет, что социолингвистика – это «учение о воздействии всех и каждого аспекта общества, включая культурные нормы, ожидаемые результаты и контекст, на то, как используется язык и как использование языка воздействует на общество» [Gumperz, Cook, p. 532].

В.И. Беликов и Л.П. Крысин расшифровывают это определение, указывая, что внимание социолингвистов обращено не собственно на язык, не на его внутреннее устройство, а на то, как пользуются языком люди, составляющие то или иное общество. При этом учитываются все факторы, могущие влиять на использование языка, – от различных характеристик самих говорящих (их возраста, пола, уровня образования и культуры, вида профессии и т. п.) до особенностей конкретного речевого акта [Беликов, Крысин, с. 8].

В формулировке С.Г. Тер-Минасовой, социолингвистика vs. лингвистическая социология – это «раздел языкознания, изучающий обусловленность языковых явлений и языковых единиц социальными факторами: с одной стороны, условиями коммуникации (временем, местом, участниками, целями и т. п.), с другой стороны, обычаями, традициями, особенностями общественной и культурной жизни говорящего коллектива» [Тер-Минасова 2000, с. 30].

В.Ю. Михальченко выделяет три этапа формирования российской социальной лингвистики как науки и, соответственно, активной разработки ее понятийного аппарата:

- первый этап (1920-30-е годы) – период языкового строительства, для которого были характерны поиски путей функционального развития письменных языков России и создание письменностей для ранее бесписьменных языков;

- второй этап (1970-е годы) – период теоретического осмысления социальной лингвистики, создание и публикация теоретических трудов Ю.Д. Дешериева, В.А. Аврорина, Л.Б. Никольского, А.Д. Швейцера;

- третий этап – современный этап развития социолингвистики, основным показателем которого является осознание необходимости разработки понятийного аппарата, начало лексикографической работы [Михальченко 1999, с. 27–34].

Поясняя приведенную выше классификацию В.Ю. Михальченко, ее последовательница С.В. Кириленко отмечает, что предшественником российских лингвистов, объединяемых временными рамками первого этапа, был И.А. Бодуэн де Куртенэ, который изучил социальную природу индивидуальных речевых актов и выдвинул идею социальной дифференциации языка [Кириленко 2015, с. 20]. Рассматривая языковую систему как обобщающую конструкцию, он раскрыл основные свойства динамической системы языка и подчеркнул, что в языке, как в естественном процессе, все находится в постоянном изменении: «в языке, как и вообще в

природе, все живет, все движется, все изменяется. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» [Бодуэн де Куртене 1897, с. 349]. По словам российского историка социолингвистики В.М. Алпатов, «языковые изменения И.А. Бодуэн де Куртене понимал как системные, связанные с проявлением той или иной общей тенденции» [Алпатов, 2005, с. 126].

В.М. Алпатов [2010] утверждает, что первым исследованием по социологии языка была книга Р.О. Шор «Язык и общество» (1926), которая знаменовала начало советского периода развития российской социолингвистики. В этой работе был впервые представлен собственно термин «социология языка» и была сделана попытка выявить изменения в языке, вызванные социальным воздействием общества на язык. Р.О. Шор подняла проблему вариативности языка, связанной с социально-экономическими изменениями в обществе: «...язык есть явление социальное, ...если среда, в которой и через которую сохраняется и передается язык, есть среда социальная, – то, очевидно, всякая социальная дифференциация должна находить себе отражение в дифференциации языковой, всякое языковое изменение должно выражать социальные (и лежащие в их основе экономические), изменения в жизни того коллектива, достоянием которого язык этот является» [Шор 2010, с. 100].

Проблематика социальной дифференциации языка была расширена в исследованиях Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, Е. Д. Поливанова и др., на основе которых была создана социальная диалектология, утверждавшая необходимость изучения некодифицированных разновидностей языка для понимания внутреннего устройства системы всего национального языка.

Б.А. Ларин, один из первых советских социолингвистов, автор работ о городском аргю, двудиалектности или городском билингвизме, о лингвистической характеристике города, активно занимался проблемами новой науки – «социологической лингвистики» или «лингвистической социологии», считая эти два термина, тождественными. Е.Д. Поливанов

предпочитал термин «социологическая лингвистика», и в начале 1930-х годов он заложил ее основы как научной парадигмы, сформулировав главные проблемы, среди которых – описание языков и диалектов с социологической точки зрения; анализ языка как средства общения; изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями; связь с историей культуры; языковая политика, и т.д. [Кириленко, с. 24].

В.М. Жирмунский указал на два основных направления исследований новой отрасли языкознания, которую он называл «социальная лингвистика»: 1) изучение социальной дифференциации языка (в связи с социальным расслоением общества) и 2) изучение социальной обусловленности развития языка [Жирмунский 1968, с. 14]. Решая две указанные проблемы, социолингвистика отвечает на два кардинальных вопроса: как функционирует язык и как он развивается в различных социумах, т.е. раскрывает механизм взаимодействия социальных и языковых факторов, обуславливающих контакты между представителями различных социальных групп [Конецкая 1997, с. 4].

В советском языкознании, в силу его идеологической мотивированности, было принято подчеркивать особый приоритет отечественного пути развития социолингвистики. Так, в первом вузовском «Введении в социолингвистику» (1978) его авторы А.Д. Швейцер и Л.Б. Никольский писали, что «в отличие от некоторых других стран, где “социолингвистический бум” возник, по существу, на пустом месте, в нашей стране возрождение интереса к социолингвистической проблематике представляет собой возобновление и продолжение традиции, восходящей к самому раннему периоду в истории советского языкознания, когда в трудах Б.А. Ларина, Е.Д. Поливанова, В.М. Жирмунского, М.В. Сергиевского, Л.П. Якубинского, К.Н. Державина и других видных советских лингвистов закладывались основы нового направления» [Швейцер, Никольский 1978, с. 6].

Тем не менее, можно достаточно обоснованно предположить, что в отечественном языкознании возрождение интереса к социалингвистической проблематике в 1960-х–1970-х годах было в немалой степени стимулировано исследованиями западных, в первую очередь, американских социалингвистов, отдельные труды которых публиковались с 1960 г. в серии «Новое в лингвистике». Составителем и редактором первых четырех выпусков был В.А. Звегинцев; шестой выпуск (1972), составленный В.Ю. Розенцейгом, был полностью посвящен проблематике языковых контактов, интерференции, двуязычию, конвергенции контактирующих языков; седьмой выпуск «Социалингвистика» (1975), под редакцией и с предисловием Н.С. Чемоданова, содержал работы ведущих социалингвистов У. Лабова, Д. Хаймса, С. Эрвин-Трипп, Дж. Фишмана, Ч. Фергюсона, Э. Хаугена.

А.Д. Швейцер и Л.Б. Никольский, косвенным образом ссылаясь на ранние работы У. Лабова, отмечали в 1978 г., что социалингвистика в США возникла как реакция на «микролингвистический изоляционизм» дескриптивизма, а ее известные успехи стимулируются необходимостью решения некоторых внутренних языковых проблем, таких, например, как проблема языков иммигрантов, социально обусловленная диглоссия и существование социолектов, в том числе социолекта американских негров [Швейцер, Никольский 1978, с. 86].

В своей докторской диссертации 1966 г., посвященной стратификации английского языка в Нью Йорке, У. Лабов писал, что серьезное социалингвистическое исследование вариативности произношения потребовало разработки эксплицитной теории фонологической структуры, использования магнитофонов, спектрограмм, процедур отбора образцов, технологий, способных обрабатывать большие массивы данных [Labov 1966, p. 16].

Разработанная У. Лабовым методология социалингвистических исследований оказалась актуальной и важной для распространения методов

экспериментально-статистического моделирования, обусловленного новым пониманием объекта социалингвистики как континуума, как вероятностной динамической системы языка [Ерофеева 2002, с. 12; Хорошева 2003, с. 8], который, по словам С.Г. Тер-Минасовой, «одновременно выполняет **интегрирующую** функцию по отношению к представителям говорящего на нем коллектива, и **разобщающую** функцию по отношению к тем, кто к данному коллективу не принадлежит» [Тер-Минасова 2000, с. 15].

Идеи У. Лабова возникли отнюдь не на пустом месте. По утверждению британского ученого Дж. Джозефа, социалингвистике как самостоятельной отрасли лингвистики, исследующей социальную мотивацию языковых изменений, предшествовала разработанная в XIX в. волновая модель распространения индоевропейской семьи языков [Joseph 2004].

В статье об исторических корнях современной социалингвистики канадский исследователь К. Кернер считает одним из ее предшественников американского филолога XIX в. У. Уитни, первого американского теоретика языкознания, основоположника американской лингвистической школы и иностранного члена-корреспондента Петербургской академии наук. У. Уитни писал, что речь принадлежит человеку не как индивидууму, а как члену общества, и любое изменение, даже если оно появляется в речи одного человека, становится фактом языка только после того, как его принимает и использует все сообщество. К. Кернер прослеживает линию преемственности этой идеи от У. Уитни к Ф. Соссюру и его ученику А. Мейе, затем от А. Мартине к У. Вайнрайху и его ученику У. Лабову [Koerner 1991, p. 57].

В своей докторской диссертации «*The social stratification of English in New York City*» (1966) У. Лабов анализирует выдвинутое в 1905 г. положение А. Мейе о социальном характере языковой вариативности: «...из того факта, что язык – это социальный институт, следует, что лингвистика – это социальная наука, и единственная переменная, к которой мы можем

обратиться, чтобы объяснить языковые изменения – это социальные изменения, следствием которых, собственно, и является языковая вариативность. Мы должны определить, какая социальная структура соответствует данной языковой структуре, и как, в общем виде, изменения в социальной структуре транслируются в изменения в языковой структуре» [Labov 1966, p. 15].

Историк социолингвистики Р. Шай поясняет, что тезис А. Мейе о взаимосвязи социальных и языковых изменений не мог получить теоретического обоснования, т.к. интересы предшествующей лингвистики XIX в. были ограничены вопросами этимологии, родства и эволюции языков, а в начале XX в. внимание исследователей сосредоточилось на проблемах культурного релятивизма и структурной организации универсалий языка [Shuy 1997, p. 4]. Суть подхода А. Мейе определяется отношением к языку как к социальному явлению, возникшему из потребности коммуникации. Продолжатель его идей А. Мартине выделяет, помимо коммуникативной функции, еще две основные функции языка: экспрессивную и эстетическую. Под экспрессивной функцией он понимает роль языка как средства выражения мыслительного процесса индивида и отношения говорящего к экстралингвистическим факторам безотносительно к наличию коммуникации. Эстетическая функция тесно связана с двумя первыми, обусловлена ими и является гораздо более сложной для анализа. [Мартине 1963, с. 367–370].

Под руководством А. Мартине была написана диссертация его ученика У. Вайнрайха «Языковые контакты» (*Languages in Contact*, 1953), основанная на его полевых исследованиях двуязычия в Швейцарии и ставшая первой монографией, специально посвященной явлению трансференции и интерференции [Вайнрайх 1978]. Эта работа способствовала становлению американской социолингвистики и положила начало контактной лингвистике.

Под руководством У. Вайнрайха была написана диссертация его ученика У. Лабова «*The social stratification of English in New York City*» (1966). Выступая перед аудиторией Летнего института лингвистики в 1997 г. в Далласе (Техас), У. Лабов сказал, что У. Вайнрайх оказал сильное влияние на многих ведущих социолингвистов и, в том числе, на самого У. Лабова [Labov 1997, p.147]. Уже после смерти У. Вайнрайха в 1967 г. вышла написанная им совместно с У. Лабовым и М. Херцогом книга «Эмпирические основания теории языковых изменений» (*Empirical Foundations of a Theory of Linguistic Change*, 1968), где определялась необходимость социолингвистического подхода для объяснения языковых изменений [Weinreich, Labov, Herzog 1967].

Термин «социолингвистика», в современном понимании этой науки, утвердился во 2-й половине XX в. Как сообщили организаторы упомянутого выше Летнего института лингвистики К. Полстон и Г. Такер, этот термин впервые появился в 1939 г. в названии статьи британского журналиста Т. Ходсона «*Sociolinguistics in India*», опубликованной в журнале *Man in India* [Paulston, Tucker 1997, p. i]. Через 10 лет его использовал американский лингвист Ю. Найда в своей книге *Morphology; The Descriptive Analysis of Words* [Nida 1949, p. 152]. Тем не менее, принято считать, что приоритет в популяризации этого термина принадлежит другому американскому лингвисту Х. Карри, который открыл его для широкой научной общественности после опубликования статьи «*A projection of sociolinguistics: the relationship of speech to social status*» в 1952 г. [Currie 1952, p. 28]. Однако же вплоть до конца 1960-х гг. исследователи, работавшие в этом интенсивно развивающемся научном направлении, изучавшем взаимовлияние языка и общества, могли равным образом использовать термины «социолингвистика» и «социология языка». Позднее, как пишут Кр. Полстон и Г. Такер, их интересы разделились, и к области социолингвистики стали относить описания изменений в структуре языка, а

к области социологии языка – языковые явления, вызванные изменениями в структуре общества [Paulston, Tucker 1997, p. ii].

В Предисловии к Руководству по социолингвистике (*The SAGE Handbook of Sociolinguistics*, 2010), антологии трудов ведущих социолингвистов, ставшей наиболее полной социолингвистической энциклопедией [The SAGE Handbook], один из составителей и авторов Руководства британский лингвист П. Керсуил приводит имена шести основоположников социолингвистики: У. Лабова, Б. Бернстайна, Д. Хаймса, Дж. Гамперца, Ч. Фергюсона и Дж. Фишмана [Kerswill 2010, p. 1-2]. Составленный П. Керсуилом список выдающихся ученых, положивших начало социолингвистике как самостоятельной отрасли языкознания, был расширен его коллегой, известным израильским социолингвистом Б. Спольски, который предложил включить в число основателей социолингвистики У. Вайнрайха, Э. Хаугена и С. Эрвин-Трипп [Spolsky 2010, p. 4-5].

У. Лабов оказал наибольшее влияние на весь последующий процесс социолингвистических исследований, поскольку его целью было «не столько дать новую теорию языка, сколько снабдить ее новым методом работы» [Лабов 1975, с. 118], разработать новаторскую технику исследования языковой дифференциации и обосновать понятийный аппарат для описания языковых вариаций, что он сделал уже в своих первых работах 1963–1966 гг. [Labov 1966]. Модель У. Лабова использует понятие языковой переменной, то есть величины, характеризующей вероятность появления того или иного варианта в речи носителя языка; эта величина в большой степени зависит от ситуации, а также от социальной характеристики говорящего [Беликов, Крысин 2001, с. 112]. Такая модель может представлять собой адекватное описание ситуации сосуществования разных регистров одного и того же языка не только в языковой компетенции индивида, но и в языковой компетенции всего сообщества.

В трактовке Н. Хомского, языковая компетенция – это система интеллектуальных способностей, система знаний и убеждений, которая развивается в раннем детстве и во взаимодействии со многими другими факторами регулирует виды поведения [Хомский 1972, с. 91-92]. На основе введенного Н. Хомским понятия «языковая компетенция» Д. Хаймс обосновал представление о «коммуникативной компетенции» [Hymes 1966, 1972], которую он определял как знание языка и способность его использовать в конкретных ситуациях (*communicative competence involves knowing what to say to whom in what circumstances and how to say it*) [Hymes 1972, p. 282, 283]. Д. Хаймс выделял в структуре коммуникативной компетенции четыре компонента: лингвистическую компетенцию – знание языкового кода, т.е. грамматики, словаря, произношения, социолингвистическую компетенцию – знание приемлемых социокультурных правил коммуникации, дискурсивную компетенцию – знание организации продуцирования и восприятия устных и письменных текстов, стратегическую компетенцию – способность распознавать и исправлять неудачи понимания в процессе коммуникации. Анализируя индивидуальную коммуникативную компетенцию, Д. Хаймс подчеркивал, что она реализуется только в пределах языкового сообщества [Hymes 1972, p. 284–290].

Дж. Гамперц определил языковое сообщество как социальную группу, одноязычную или многоязычную, единство которой поддерживается частотой различных типов социального взаимодействия и которая отграничена от окружающих областей слабостью своих связей с ними. В зависимости от уровня абстракции, которого исследователь хочет достичь, языковые сообщества могут состоять из небольших групп, члены которых связаны личными контактами, или распространяться на значительные территории [Гамперц 1975].

В качестве примера небольших групп могли рассматриваться отдельные социально-профессиональные группы, постоянно пользующиеся

неким гибридным пиджинизированным языком, который, по утверждению Ч. Фергюсона и Ч. ДеБоза, в свободной коммуникации передает максимальную информацию с минимальной избыточностью и характеризуется урезанным словарем, своеобразными синтетическими и аналитическими формами, упрощенным синтаксическим аппаратом [Ferguson C.A., DeBose 1977, p. 120].

В 1960-е–1970-е годы оформились представления о языковом планировании, теоретиком которого стал норвежский социолингвист Э. Хауген, первоначально исследовавший осуществление языковой политики в Норвегии [Haugen 1968], а позднее и те вопросы, которые относились, в основном, к странам третьего мира, перед которыми стояли проблемы стандартизации и модернизации национального языка как объединяющего нацию фактора [Haugen 1972, 1987].

В трудах У. Вайнрайха, Ч. Фергюсона, Дж. Фишмана, Е. Хаугена, Дж. Гамперца и других основоположников социолингвистики была разработана теория языковых контактов, которая охватывает сферы исследований влияния одного языка на другой либо взаимного влияния контактирующих языков, конвергентного развития отдельных групп языков, создания языковых союзов и т.д. Социокультурные условия языковых контактов, как пишет У. Вайнрайх, определяются окружающей средой, которая «может закреплять даже за каждым языком определенные темы и типы собеседников единым для всей группы образом. Рассматривая психологическую и социокультурную обстановку языковых контактов, У. Вайнрайх отмечает в числе формирующих ее факторов такие проявления традиционного сознания или поведения, как отношение двуязычного индивида к языкам (в том числе идиосинкретическое или стереотипное), размер двуязычной группы и ее социокультурная гомогенность или дифференциация, социальные и политические отношения между этими подгруппами, доминирование двуязычных лиц, престиж, отношение к культуре каждого из языковых сообществ [Вайнрайх 1979, с. 25].

Результатом языковых контактов был билингвизм, который У. Вайнрайх определял как практику попеременного пользования двумя языкам, а лиц, ее осуществляющих, называл двуязычными [Вайнрайх 1979, с. 22]. В рамках билингвизма обнаруживаются «примеры смешения норм каждого из двух языков» [Вайнрайх 1979, с. 1]. Говоря о смешении языков, У. Вайнрайх указал два основных интерференционных аспекта – межъязыковое отождествление элементов контактирующих языков и изменение элемента одного из этих языков под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка.

Рассматривая интерференцию в коммуникативном плане, У. Вайнрайх выделил два ее типа: коммуникативно-релевантную интерференцию, т.е. такой тип интерференции, при котором ошибки билингва в речи на вторичном языке значительно затрудняют взаимопонимание или делают его вовсе невозможным, и коммуникативно-нерелевантную интерференцию, т.е. такой тип, который, хотя и не связан с искажением информации, может оказать влияние на получателя сообщения (акцент, ошибки, связанные с нарушением узуса и т.п.) [Вайнрайх 1979, с. 22]. Дж. Гамперц отмечал, что на фонологическом/фонетическом уровне интерференция проявляется через влияние артикуляции, интонации, ритмики, ударения первого, более сильного языка на соответствующие параметры произношения второго языка [Gumperz, 1973, p. 144].

Представление о попеременном использовании двух и более языков в процессе одной коммуникативной ситуации т.е. о переключении кодов, было сформулировано Дж. Гамперцем в 1973 г. как явление, присущее коммуникативной компетенции билингвов [Gumperz 1973]. Как нашла С. Эрвин-Трипп, переключение кодов может охватывать несколько высказываний и словосочетаний или даже одно слово и происходить в соответствии с предметом и целью обсуждения, что особенно часто происходит в двуязычных сообществах, группах, семьях и т.п. [Ervin-Tripp 1975, 2005]. На микро-социолингвистическом уровне ПК служит широкому

диапазону коммуникативных целей межличностного общения [Fishman 1972; Gumperz 1973; Ervin-Tripp 1975]. По мнению Дж. Гамперца, переключение кодов следует рассматривать как элемент контекста, одну из многих лингвистических и невербальных процедур, которые можно использовать для распознавания контекстуальных пресуппозиций – как социальных так и интерактивных. [Gumperz 1982, p. 131].

Предложенный выше краткий обзор классиков современной социалингвистики будет неполным, если не привести имена ведущих исследователей британской школы социалингвистики Дж.Р. Фирта, М.А.К. Хэллидея, П. Традгилла.

Ученик этнографа Б. Малиновского, разработавшего понятие ситуативного контекста – *context of situation*, Дж.Р. Фирт рассматривал понятие ситуации или контекста в качестве основного понятия теории языка и считал, что оно должно было служить ключом к пониманию всех семантических феноменов. Дж.Р. Фирт фактически впервые предложил перечень компонентов ситуации разговора, который включал в себя участников, вербальные и невербальные действия, релевантные темы разговора и эффекты сказанного. Он руководствовался функциональным подходом к языку и связывал специфические языковые формы с функциями, специфическими для каждой ситуации функции [Firth 1957, p. 7–33, 181]. Примечательно, что он посвятил ряд работ языкам Индии и, вообще, утверждал, что в период всеобщего распространения английского языка ученым следует выйти за пределы Европы: *A western scholar must de-europeanize himself, and, in view of the most universal use of English, an Englishman must de-Anglicize himself as well*. Знакомство с фонологическими системами языков Индии, которую он называл *home of phonetics*, послужило для него стимулом разработки оригинальной фонетической теории [Firth 1957, p. 7–33, 96, 181].

Взгляды Б. Малиновского и Дж. Р. Фирта получили свое развитие в исследованиях британского ученого М.А.К. Хэллидея и его учеников

[Деперман 2008, р. 216]. М. Хэллидей был наиболее известным представителем системно-функциональной лингвистики, разработавшим теорию разговорной лингвистики, которая расширила понятие ситуативного контекста за счет трех ситуативных факторов: 1) социальное действие, цель и тема, 2) участники коммуникации и их отношения и 3) канал – риторический жанр, язык в общем контексте действия, который вероятностным образом коррелирует с языковыми формами [Halliday 1985, р. 3–14, 52–69]. Обладая знанием ситуации можно с большей или меньшей точностью предсказать использованные языковые формы и семантики и сделать вывод о контексте ситуации, однако ситуация при этом считается детерминирующим фактором. Особую эффективность данный подход обнаружил в дидактике языка, в исследовании профессионального языка и дискуссионных связей в области языковой политики [Деперман 2008, с. 220].

М. Хэллидэй стал одним из научных руководителей диссертационного исследования Б. Качру, который всегда считал своим идейным вдохновителем Дж. Фирта, одного из первых лингвистов, утверждавших право на самостоятельность и возможность выражения культурной идентичности разных вариантов английского языка, а не только британского. В 1961 г. Б. Качру защитил докторскую диссертацию, в которой обосновал статус и локальные особенности индийского варианта английского языка, и с этого времени можно начинать отсчет развития новой лингвометодической парадигмы, строящейся на описании функционирования региональных вариантов английского языка [Прошина, Иванкова 2010, с. 173].

Одним из наиболее известных современных представителей британской социолингвистической школы является П. Традгилл. Как пишет Н.Б. Вахтин, П. Традгилл был первым, кто применил и развил социолингвистические методики, разработанные Уильямом Лабовым, к исследованию английских социальных диалектов [Вахтин 2014, с. 301].

Первая книга П. Традгилла *The Social Differentiation of English in Norwich* [1974], в основу которой легла его диссертация, до сих пор является образцом применения этого метода.

Необходимо также упомянуть сложившуюся социолингвистическую школу Канады, ведущим исследователем которой является Дж. Чеймберс, и доминирование там вариационной социолингвистики. Автор концепции вариационизма в социолингвистической диалектологии, Дж. Чеймберс применил социофонетическую методику У. Лабова и описал топографию канадского варианта английского языка. Он объяснил географическую дистрибуцию канадских диалектов, опираясь на две фонологические переменные: слияние двух низких задних гласных в одну и аллофонический подъем дифтонгов в открытой начальной позиции – *Canadian raising* [Chambers 2002, 2007, 2010].

И, наконец, отметим сложившиеся в конце XX – начале XXI вв. российские социолингвистические школы, которые, на наш взгляд, вносят наиболее системный вклад в развитие транснациональной социолингвистической методологии:

Школа интерлингвокультурологии В.В. Кабакчи, который заложил фундамент этого нового направления социолингвистики, ориентированного на проблемы взаимовлияния языков и культур, англоязычного описания русскоязычной культуры, вербальной межкультурной коммуникации, билингвокультурологии.

Петербургская школа социолингвистов-североведов Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки, исследующая антропологические и социальные аспекты языка и речевой коммуникации, межкультурное и межъязыковое взаимодействие, вопросы языка, культуры и этничности народов циркумполярной зоны социолингвистические проблемы России и государств постсоветского пространства.

Основанное З.Г. Прошиной российское направление контактной вариантологии английского языка как отрасли лингвоконтактологии,

рассматривающей взаимодействие языков в связи с контактами народов, пользующихся этими языками. Одно из подразделений лингвоконтактологии – контактная вариантология английского языка, или *World Englishes Paradigm*, новая лингвистическая дисциплина, созданная Б. Качру и его последователями, определяет варианты английского языка как особые языковые образования, языки социумов, характеризующиеся, прежде всего, социолингвистической природой.

Развитие и расширение межрегиональных и межнациональных контактов, интенсивная миграция, современные интеграционные процессы – эти и другие факторы обуславливают рост языковых контактов и, как следствие – расширение сферы взаимодействия языковых кодов. Взаимодействие языковых кодов представляет своего рода «этнолингвистический перекресток», и процесс интенсификации исследований переключения кодов идет рука об руку с развитием межнациональных и межкультурных контактов [Проценко 2004, с. 123].

На этом «этнолингвистическом перекрестке» встретились интересы социолингвистики У. Лабова и других основоположников этой отрасли языкознания с интересами исследователей, в первую очередь, Б. Качру и его сподвижников, положивших начало социолингвистике глобального английского языка как важнейшего компонента мирового языкового процесса, двигателем которого являются языковые контакты.

Отдавая должное всем ученым, выдвигавшим идеи относительно взаимозависимости языка и общества, и всем исследователям, изучавшим те или иные аспекты социолингвистической проблематики, необходимо уточнить наше понимание роли У. Лабова и Б. Качру. Наша оценка У. Лабова и Б. Качру как ученых, определивших поле современной социолингвистики, заключается в том, что именно они заложили новую систему лингвистического знания, построив архетип модели той лингвистической реальности, стержнем которой является принцип социальной обусловленности языка. Все другие исследователи

интернационального сообщества социолингвистов развивают намеченные У. Лабовым и Б. Качру аспекты модели лингвистической реальности и открывают ее новые конструкты, развертывание которых приводит к появлению самостоятельных направлений, отражающих языковые особенности глобализации.

1.2. Проблема гетерогенности современного английского языка

Процесс глобализации современного мира представляет собой расширение, углубление и ускорение контактов и сотрудничества во всех аспектах общественной жизни [Held et al. 1999, p. 2]. Контакты английского языка с национальными языками становятся во многих странах современного мира одним из определяющих факторов национальной языковой ситуации, поскольку влияние англо-американской культуры и, соответственно, английского языка входит в число наиболее значимых факторов мирового лингвистического развития конца XX – начала XXI вв. Результатом контактов английского языка с национальными языками стало не столько появление в них новых элементов и структурных отношений, сколько возникновение новых вариантов английского, используемого в качестве второго, дополнительного, иностранного языка. Подобные новообразования стали фактом лингвистического континуума и существуют на огромной территории многих стран, где английский язык употребляется наряду с национальными языками.

По подсчетам известного британского лингвиста Д. Кристала [Crystal 2003, p. 5, 6], по-английски говорят на всех континентах более четверти населения земного шара – это носители АЯ, люди, владеющие им как вторым языком, и те, кто изучает его в качестве основного иностранного языка. Д. Кристал отмечает, что АЯ в современном мире оказался в состоянии «неустойчивого равновесия», поскольку соотношение носителей и неносителей АЯ составляет 1:4, т.е. большинство говорящих на АЯ

используют его как средство коммуникации, которую они не могут вести на родном языке [Crystal 2003, p. 1].

Сложилась новая языковая реальность, стимулирующая интерес исследователей к проблемам: а) принадлежности и статуса новых вариантов АЯ по отношению к британскому и американскому вариантам АЯ, б) их роли в процессе глобализации современного мира и их статуса по отношению к национальным языкам определения критериев кодификации новых вариантов, в) выбора целевых образцов для обучения английскому как второму или иностранному языку. На смену упрощенному представлению об АЯ языке как едином образовании пришло понимание гетерогенности языковой структуры, обусловленной лингвистическими и экстралингвистическими факторами [Балабай 2007, с. 3].

Недостаточная изученность вариативности АЯ, связанной со спецификой социально-культурных и языковых факторов и проявляющейся в многообразии форм существования АЯ социальной и территориальной дифференциации признаются отечественными и зарубежными лингвистами [Домашнев 2000; Семенец 1985; Шахбагова 1986; Швейцер 1963; Smith L. 1976; Trudgill 2001]. Следует подчеркнуть, что понятие вариативности АЯ может использоваться как для характеристики изменчивости и модификации языковых средств в диахронии, так и для характеристики способов существования, варьирования и функционирования единиц языка в синхронии. Вслед за Д.А. Шахбаговой мы будем понимать варьирование как процесс, явление, сопровождающее развитие языка; вариативность – как свойство языка, служащее условием этого процесса, а вариантность – как результат этого процесса, выражающийся в существовании различных вариантов языка [Шахбагова 1986, с. 6].

Плюрицентричный характер АЯ на современном этапе проявляется в существовании различных национальных и региональных вариантов, приспособленных функционировать в новых социально-культурных условиях в том или ином регионе [Домашнев 2000, с. 90; Ильина 2008,

с. 76; Dewey 2007, p. 333]. Различные варианты языка, соответственно, предполагают существование нескольких видов нормативных моделей, отражающих и различные уровни включения местных носителей в англоязычное сообщество – от полного вытеснения английского языка из сфер общественной жизни до параллельного использования английского и местного языка (языков) и последующего укрепления позиций английского языка [Семенец 1985, с. 157–162].

В 1990-х гг. был видвинут тезис, поддержанный Д. Кристалом и другими учеными, о том, что АЯ – это скорее семья языков, чем один язык [Rosen 1994; Crystal 1997, p. 177; Crystal 1998, p. 84; McArthur 1998, p. 205; Jones, Bradwell 2007, p. 89]. Собственно термин «английский язык» – это уже не только и не столько наименование конкретного национального языка, но зонтичное обозначение глобального языкового континуума, в пределах которого взаимодействуют чрезвычайно разнородные явления.

Осознание этого факта побудило Б. Качру предположить, что АЯ общения подавляющего большинства людей, не являющихся его носителями и принадлежащих к различным языковым и культурным сообществам, более не является нормированным фонетически, грамматически и лексически по образцу АЯ Великобритании или США. АЯ представляет собой некую совокупность вариантов, которую Б. Качру назвал парадигмой «английских языков мира» – *World Englishes* [Kachru 1985; Kachru 1986].

Б. Качру начал разрабатывать концепцию вариантов английского языка мира в 60-ых годах прошлого столетия [Kachru 1965; Kachru 1976], и она приобрела значительное количество сторонников к 1978 г., когда состоялись две конференции, на которых впервые широко обсуждались назревшие проблемы распространения новых вариантов глобального английского языка. В итоговых заявлениях конференций в исследовательском центре «Восток-Запад» (Гонолулу, Гавайи, США, 1–15 апреля 1978 г.) и в Иллинойском университете (Урбана-Шампэйн, штат

Иллинойс, США, 30 июня – 2 июля 1978 г.) декларировалось создание нового направления исследований, отвечающего глобальным функциям АЯ, и были определены задачи изучения социокультурных, языковых и образовательных отличий использования АЯ в национальных и интернациональных контекстах. [Kachru, Quirk 1981, p. xvii-xix]

В качестве рупора нового направления, с 1981 г. начал издаваться научный журнал, первые пять выпусков которого вышли под названием *World Language English*, но в 1986 г. он получил новое, неизменное с тех пор, название *World Englishes*, более конкретизирующее научные интересы его издателей и авторов [History of IAWWE].

В связи с необходимостью организационного оформления нового направления, во время конференции «*Language and Power: cross-cultural dimensions of English in media and literature*» в Гонолулу (6–13 августа 1986 г.) был создан Временный организационный комитет, который, в свою очередь, в 1988 г. сформировал Международный комитет по изучению вариантов английского языка мира – *the International Committee for the Study of World Englishes (ICWE)*. Через четыре года Международный комитет собрался под председательством Б. Качру на конференции «*World Englishes Today*» (Урбана-Шампэйн, штат Иллинойс, США, 2–4 апреля 1992 г.) и объявил о создании Международной ассоциации английских языков мира – *International Association for World Englishes (IAWE)*. Б. Качру был избран первым президентом Ассоциации [History of IAWWE].

Исследования Б.Качру и его последователей не только открыли период изучения новых региональных вариантов глобального АЯ, но и положили начало описанию АЯ как универсального языка межнационального и межкультурного общения. В 1985 г. Б. Качру опубликовал схему типологической классификации «английских языков мира» (*World Englishes*), которая по сей день остается наиболее влиятельной моделью [Kachru 1985]. См. Рис. 1.

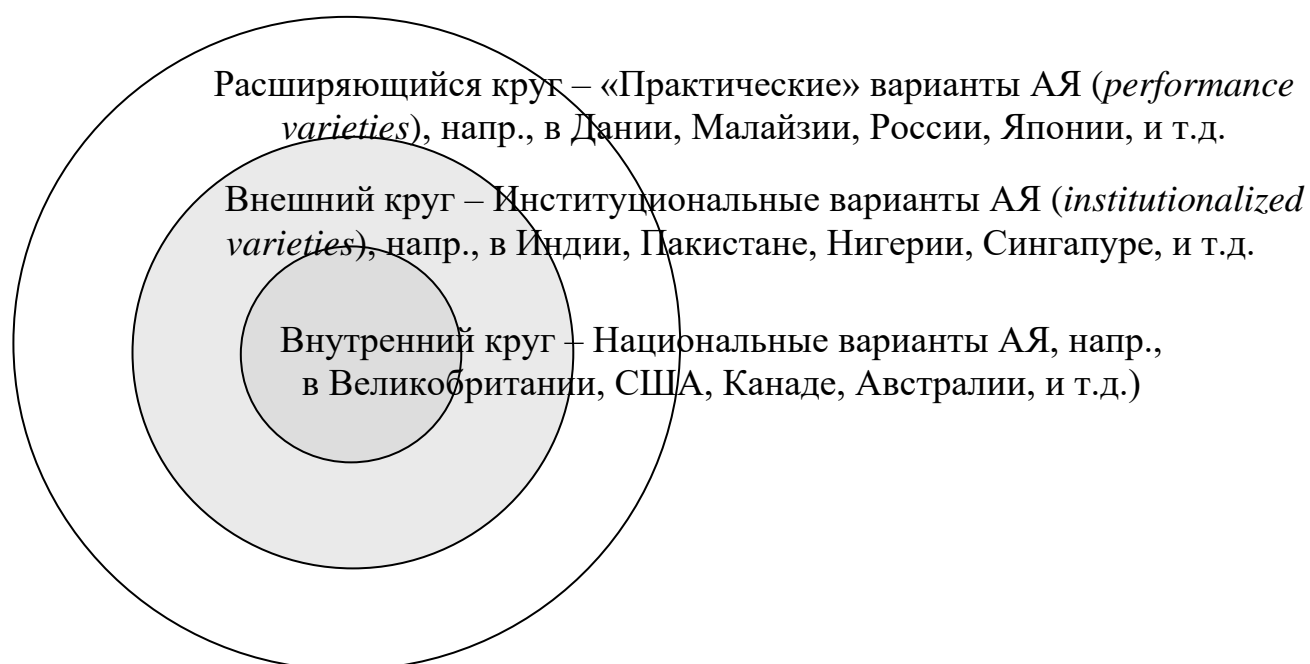

Рис. 1. Модель концентрических кругов Б. Качру.

В основу классификации Б. Качру легло представление об АЯ как языке, изначально принадлежавшем его носителям и воспринятом неносителями в качестве второго языка и/или изучаемого иностранного языка. Группируя варианты АЯ в рамках концепции «вариантов английского языка мира», Б. Качру предложил оригинальную функциональную модель их распространения [Kachru 1985], в которой они разделены на три категории.

В модели Б. Качру «варианты английского языка мира» расположены в трех концентрических кругах, где **Внутренний круг** (*the Inner Circle*), включает США, Великобританию и другие страны, в которых АЯ является доминирующим национальным языком. Варианты Внутреннего круга имеют эндонормы, т.е. свой собственный стандарт, используемый во всех сферах деятельности социума, в т.ч. в интерперсональной функции как родной язык в семье [Прошина 2015, с. 107]. Б. Качру называет варианты Внутреннего круга нормообеспечивающими (*norm-providing*).

Второй, **Внешний, круг** (*the Outer Circle*) охватывает исторически связанные с Британской колониальной империей национально-

государственные сообщества, где в силу политико-экономических факторов сохраняется важная объединяющая роль и институциональная функция АЯ в государственной и общественной структуре. Это Индия, Нигерия, Пакистан, Сингапур, Южная Африка и др. Варианты второго круга, возникшие в бывших британских колониях и называемые институциональными вариантами (*institutionalized varieties*), подвергаются аккультурации, что неизбежно приводит к появлению отличительных черт в их структуре. Как пишут, например, З.Г. Прошина и Э. Шнайдер, эти варианты имеют широкий диапазон социальных функций, в т.ч. функцию внутригосударственного общения и второго официального языка страны, поддерживаются институтами государства, обслуживая административно-правовую и образовательно-культурную сферы. Статус их нормы спорен – первоначально он рассматривался как экзонорма, то есть внешняя норма, заимствованная у нормо-обеспечивающих (*norm-providing*) вариантов Внутреннего круга, но в результате динамичного развития этих вариантов у них стала появляться своя собственная норма, сначала устная, затем письменная [Прошина 2015, с. 107; Schneider 2012, p. 198], из-за чего варианты Внешнего круга называют норморазвивающими (*norm-developing*).

В третьем, **Расширяющемся круге** (*the Expanding Circle*) представлены страны, где АЯ, не будучи официальным языком, выполняет определенные культурно-политические функции, ориентируясь, главным образом, на внешнюю коммуникацию, и используется как инструмент межнационального и межкультурного общения. АЯ появляется в языковом репертуаре своих пользователей в результате школьного обучения, а не вследствие усвоения в естественной коммуникативной среде. Б. Качру называет эти варианты *performance varieties* («практические варианты» или, в переводе З.Г. Прошиной, «речевые варианты» [Прошина 2015, с. 107]). Эти варианты являются нормозависимыми (*norm-dependent*), так как принимают внешнюю для себя экзонорму вариантов Внутреннего круга

[Kachru 1985]. Их экзонорма отличается от эндонормы вариантов Внутреннего круга большей вариативностью: если для британцев нормой является стандарт только британского варианта, для американцев – американского варианта, для австралийцев – только австралийского, то, например, российские пользователи АЯ, вариант которого относится к Расширяющемуся кругу, могут использовать и британскую, и американскую, и австралийскую, и другие нормы [Прошина 2015, с. 107].

Благодаря возрастанию функциональной нагрузки АЯ «практические» варианты (*performance varieties*), изначально функционировавшие в ограниченном качестве иностранного языка, активно распространяются в таких странах третьего круга, как, например, Индонезия, Иран, Китай, Непал, Россия, Япония и т.п. К этой категории можно отнести и другие неанглоязычные страны, число которых постоянно расширяется за счет вовлечения новых участников в сферу глобальной политической и социально-экономической активности.

Как подчеркивает З.Г. Прошина, варианты Внутреннего, Внешнего и Расширяющегося кругов равноправны, и утверждение Б. Качру о равноправии всех вариантов английского языка [Kachru 1985] является одним из основополагающих тезисов теории *World Englishes*. Однако же равноправие касается социального статуса, а не нормы. [Прошина 2010, с. 245]

По словам Баджа Качру, принадлежность к тому или иному кругу зависит от выбора между экзонормативной и эндонормативной моделью [Kachru 1986, р. 21]. *Экзонорма*, или внешняя норма, связана с принятием неанглоговорящими странами модели АЯ тех стран, где он является родным (главным образом, Великобритании и США), а *эндонорма*, или внутренняя норма, предполагает местную разновидность АЯ образованных носителей в качестве образца [Kachru 1986, с. 21]. Экзонорма в отличие от мобильной и неустойчивой эндонормы является статичной, абсолютной и инвариантной [Berns 2005, р. 87]. Важным критерием определения статуса каждого

варианта и разновидности английского языка является ориентация на внешние или внутренние языковые нормы. Экзонорма АЯ характерна для России, Японии, Кореи, Китая и др. стран, эндонорма – для Великобритании, США, Австралии, Индии, ЮАР и др. [Иванкова 2007, с. 12, 13].

З.Г. Прошина разъясняет, что основная проблема касается нормы вариантов Внешнего круга, поскольку носители локальных вариантов этого круга отказываются от экзонорм британского и американского вариантов английского языка и стремятся кодифицировать эндонормы собственного варианта через словари, учебники, средства массовой информации, художественную литературу на английском языке, созданную местными авторами. [Прошина 2010, с. 245] Варианты Расширяющегося круга опираются на экзонормы британского и/или американского варианта АЯ [Crystal 1997, p. 7, 8].

Характеризуя модель Б. Качру, британские авторы С. Джоунз и П. Бредуэлл пишут, что она была призвана подчеркнуть роль Внешнего и Расширяющегося кругов в мировом континууме АЯ и их влияние на развитие АЯ, в целом. Так, в частности, число людей, говорящих по-английски в странах Юго-Восточной Азии, значительно превышает число носителей АЯ в США и Великобритании вместе взятых, и дальнейшее развитие АЯ в значительной мере связано с этим регионом, т.к., например, только в Китае количество пользователей АЯ ежегодно возрастает на 20 млн. [Jones, Bradwell 2007, p. 37, 38].

Эта модель отражает формы распространения АЯ в мире, способы усвоения АЯ, сферы функционирования АЯ в разных странах мира [Bolton 2001, p. 192]. В соответствии с ней, говорящие на английском языке делятся на тех, для кого 1) он является родным и используется почти во всех функциях; 2) АЯ не является родным, но выступает в качестве институционального второго языка; и 3) АЯ не является родным, а

выступает как иностранный, и набор ситуаций, в которых он используется, ограничен [Kachru 1985, p. 19].

Такое деление отвечает известному тезису С.Г. Тер-Минасовой о том, что английский язык отражает несколько типов картин мира: первичную – через родной язык, вторичную – через иностранный язык, с изучением которого человек аккумулирует информацию о культуре нового для него изучаемого языка [Тер-Минасова 1999, с. 41]. З.Г. Прошина уточняет, что в глобальном масштабе английский язык отражает и третичную или опосредованную картину мира – через язык-посредник, получая информацию о третьих странах [Прошина 2008, с. 98].

Основное отличие модели Б. Качру от популярных таксономических моделей П. Стревенса [Stevens 1972], Т. МакАртура [McArthur 1987] и М. Герлаха [Görlach 1988] заключалось в том, что последние были построены по генетическому и географическому принципам и не могли объяснить социолингвистическую сущность процесса дифференциации вариантов АЯ, в котором, по замечанию В.В. Кабакчи, «все более активное участие принимают вторая и третья группы говорящих на английском языке» [Кабакчи 1998, с. 26]. По мнению ряда авторов, существование и функционирование АЯ в местных условиях приводит к развитию в нем характерных различительных и устойчивых черт, совокупность которых может осознаваться и поддерживаться кругом говорящих на нем людей [Домашнев 2000, с. 96; Иванкова 2008, с. 68; Жлуктенко и др. 1998, с. 104]. Соответственно, в этих условиях состояние вариативности АЯ нуждается в отдельной терминологической интерпретации, которую и предложил Б. Качру.

В условиях постоянно расширяющегося многообразия разновидностей АЯ концепция Б. Качру подверглась критике со стороны некоторых ученых, которые считали, что расположение носителей АЯ и их стран во Внутреннем круге ставит их а привилегированное положение [Brutt-Griffler

2002; Dewey 2007; Melchers, Shaw 2003; Mollin 2006; Prodromou 2007; Saraceni 2010].

Так, признавая отсутствие какой-либо убедительной альтернативы модели трех кругов, Д. Грэддол указывает на ее политизированную тенденциозность и, вследствие неверного графического восприятия модели Б. Качру, считает ее основным недостатком признание привилегированного положения вариантов внутреннего круга, выраженное в том, что носителям АЯ отводится роль ключевого элемента схемы. Центральное расположение носителей АЯ заставляет принимать их язык как свод правил, обязательных к исполнению на периферии, т.е. неносителями АЯ [Graddol 2006, p. 110].

Этой же позиции придерживается и М. Моддиано, который критикует модель концентрических кругов за ее евроцентризм и подчеркивает, что она «возрождает представление об АЯ как собственности определенных групп, а привилегию правильности отдает носителям престижного варианта». М. Моддиано указывает, что в модели Б. Качру языковая компетенция как бы предопределена национальной принадлежностью, и предлагает рассматривать языковую компетенцию пользователя АЯ вне связи с его происхождением [Modiano 2003, p. 24].

П. Брутьо и М. Сарачени также находят евроцентризм в модели Б. Качру. П. Брутьо подвергает критике концепцию концентрических кругов, полагая, что она представляет АЯ как монолитный и стандартизованный феномен, в котором слабым местом является Расширяющийся круг, поскольку «не всегда ясно, идет ли речь о странах, вариантах языка, связанных с этими странами, о пользователях языком или о людях, изучающих язык» [Bruthiaux 2003, p. 167]. М. Сарачени утверждает, что «теоретически небезупречная и идеологически евроцентричная концептуализация языка» в немалой степени вызвана собственно термином «Внутренний круг», относящимся к Великобритании, США и др. странам, где АЯ исторически является доминантным языком [Saraceni 2010, p. 81].

Дж. Раджадураи усматривает недостаток модели Б. Качру не в политическом аспекте, но в противопоставлении биполярных тенденций распространения АЯ во Внешнем и Расширяющемся кругах. С одной стороны, в условиях современного мира АЯ служит необходимым инструментом социально-экономической мобильности. Однако, как следствие, в странах второго и третьего кругов, где от уровня владения АЯ могут напрямую зависеть карьерные устремления и благосостояние людей, возрастают требования к их языковой компетенции [Rajadurai 2005].

А. Пенникук также считает, что языковой компетенции отводится функция барьера, призванного разделять общество по социально-экономическим критериям, а это ведет к укреплению социального неравенства и повышению престижа ограниченного числа представителей национальной элиты, АЯ которой приобретает привилегию служить в качестве национального кодифицированного варианта [Pennycook 2003, p. 519]. Складывается ситуация, в которой неносители АЯ сознают отклонения от традиционных норм Внутреннего круга, допускаемые ими в речевой практике, поэтому они могут испытывать чувство языковой неполноценности и маргинальности в языковом континууме, и, в то же время, добиваться легитимации и права на существование своего варианта АЯ [Dalton-Puffer et al 1997; Jenkins 2008; Timmis 2002].

По мнению Э. Эрлинг, в мире, где глобальное использование АЯ не подвластно никаким границам, модель реальной языковой ситуации не следует строить вокруг одного центра, строго разделяя пользователей по национальной принадлежности [Erling 2004, p. 229].

Как пишет австралийский исследователь А. Мабуб, убеждение в том, что развитие постколониальных стран достигается через создание модели развитых стран, приводит к противопоставлению носителей, использующих «стандартизированный» вариант английского языка как «родной», и неносителей. Такое противопоставление служит основой одного мифа о так называемом «стандартном» английском языке, моделям которого

неносители должны подражать, и второго мифа «о носителе языка», которого считают идеальным пользователем языка. Принятые в прикладной лингвистике определения «носителя языка» включают такие признаки, как место рождения, наследственные черты, врожденность языковых качеств. А это ведет к третьему мифу о том, что носители языка – идеальные преподаватели, т.к. они идеально владеют языком и служат наилучшим примером для учащихся. из различных частей света. Эта позиция продвижения определенного варианта английского языка по всему миру противоречит реальной языковой ситуации, сложившейся в мире [Мабуб 2014, Часть 1, с. 91–96; Часть 2, с. 107].

Пытаясь отойти от моноцентричной схемы Б. Качру, Дж. Братт-Гриффлер предложила альтернативную модель [Brutt-Griffler 1998, p. 388; 2004, p. 124], в которой признается, что разновидности АЯ неносителей не являются вариантами АЯ носителей, и, следовательно, некорректно размещать их на периферии, в подчиненном по отношению к последним положении. (См. Рис. 2)

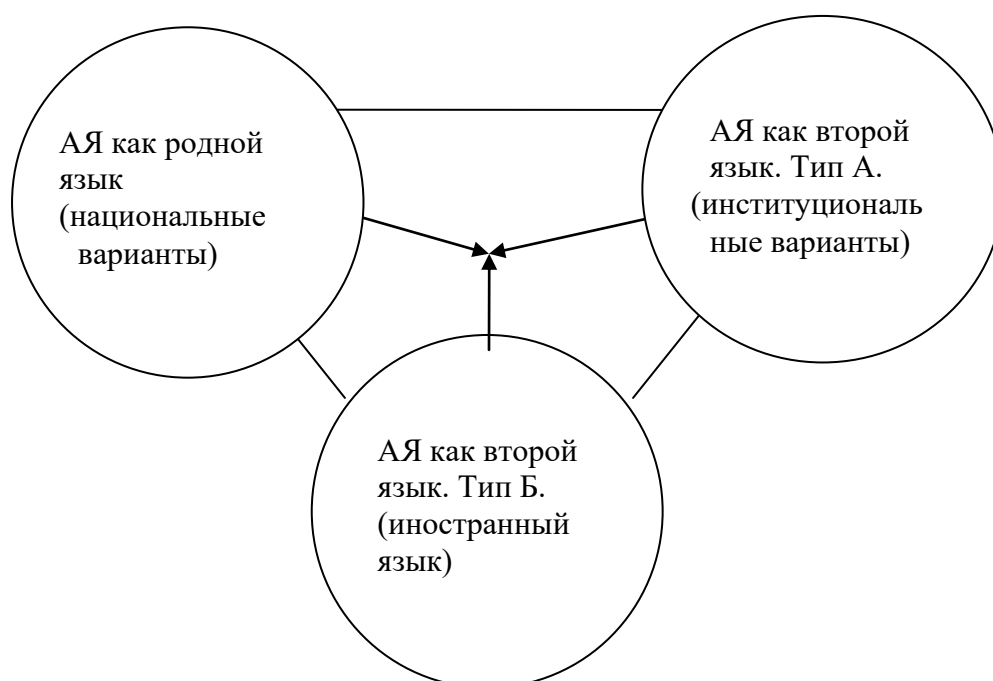

Рис. 2. Модель глобального АЯ Дж. Братт-Гриффлер.

В модели Дж. Братт-Гриффлер нет ядра и периферии, но центром притяжения для всех трех подразделений служит межнациональная коммуникация, где пользователи применяют локализованные нормы АЯ.

С. Моллин упрекает Б. Качру в том, что, при всей очевидной универсальности, его модель трех кругов игнорирует основную, глобальную функцию АЯ в современном мире – функцию контактного языка, лингва франка международной, межнациональной, межкультурной коммуникации [Mollin 2006, p. 41-42], т.к. варианты Внутреннего и Внешнего кругов функционируют в пределах своих национальных/региональных границ, и только «практические» варианты изначально предназначены для международной коммуникации.

Представляется, что С. Моллин и другие критики концепции Б. Качру, какую бы позицию они ни занимали, делают одну и ту же ошибку: они рассматривают модель Б. Качру как синхроническую репрезентацию современного глобального континуума АЯ, тогда как, по нашему мнению, она построена на сочетании двух принципов – диахронического и функционально-синхронического. Диахронический принцип позволяет объединить в одной модели варианты английского языка, возникшие в результате длительного исторического процесса, а функционально-синхронический принцип раскрывает специфику их статуса в современной мозаике глобального АЯ.

В подтверждение этой мысли обратимся к свидетельству самого Б. Качру. В известном научном издательстве *Wiley-Blackwell*, в серии Справочников по литературе и культуре (*Blackwell Companions to Literature and Culture*), был подготовлен монументальный коллективный труд «Справочник по истории английского языка» (*A Companion to the History of the English Language*, 2008), где Б. Качру является автором главы *World Englishes in World Contexts*, в которой он разъясняет, что «модель концентрических кругов – это не просто эвристическая метафора для схематического представления диффузии английского языка. Модель

представляет схему исторической, образовательной, политической, социальной и литературной контекстуализации английского языка в процессе постепенной – и беспрецедентной – экспансии, связанной с британской колонизацией и постколониальным периодом» [Kachru 2008, p. 568]. Эта экспансия началась, на первом этапе, с присоединения Уэльса (1535 г.) и Шотландии (1603 г.), продолжилась, на втором этапе, в процессе колонизации Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии и завершилась, на третьем этапе, путем создания Британской колониальной империи [Kachru 2008, p. 567, 568].

Б. Качру подчеркивает, что его репрезентация распространения английского языка не отдает приоритет какому-либо из вариантов АЯ и не располагает их в порядке предпочтительного ранжирования. Внутренний круг является внутренним в соответствии с происхождением вариантов и их принадлежностью к начальному этапу распространения АЯ, а Внешний круг является внешним в силу географической экспансии языка, в силу тех исторических обстоятельств, благодаря которым АЯ стал использоваться в сферах управления, образования, политики, экономики и британских колоний. По мере развития новых вариантов все они прошли через аккультурацию и нативизацию (индигенизацию), в ходе которых АЯ подвергся изменениям в локальных африканских, азиатских, и др. контекстах, т.е. подвергся тому, что Б. Качру называет «африканизацией» и «азианизацией» по аналогии с языковыми процессами, прошедшими в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Под аккультурацией и нативизацией АЯ в локальных контекстах понимаются изменения на уровне фонетики, грамматики, лексики и дискурса [Kachru 2008, p. 568, 569].

По сути, ведь все процессы, свойственные Внешнему кругу, наблюдаются и в Расширяющемся круге, только в меньших масштабах. В последующих разделах будет показано на примере английского языка в скандинавских странах, что варианты Расширяющегося круга также проходят нативизацию и аккультурацию и приобретают новые функции,

свидетельствующие о становлении их интранационального статуса. Модель Б. Качру функциональна в первую очередь и демонстрирует волнообразное уменьшение (затухание) функций с перспективой последующего расширения.

Необоснованная экстраполяция модели Б. Качру, раскрывающей последовательность исторической диффузии АЯ, на современную языковую ситуацию приводит к ошибочному представлению о том, что изначальная принадлежность к Внутреннему кругу подчеркивает исключительность и привилегированное положение носителей АЯ. Парадокс такого понимания модели трех кругов мы видим в следующем: хотя Б. Качру выдвинул идею *World Englishes* для того, чтобы отойти от устаревших представлений о превосходстве британского и/или американского варианта АЯ, его концепция ошибочно воспринимается как постулат языкового превосходства англоязычных стран.

1.3. Пути формирования новых вариантов английского языка

В модели Б. Качру национальные варианты Внутреннего круга идентифицируются, прежде всего, по функциональному признаку, по географической отнесенности, по характерным отклонениям от исторически исходного (британского) языкового стандарта, по отраженным в конкретном варианте АЯ специфическим культурным реалиям данной страны. Национальная идентификация этих вариантов проявляется в создании национальных норм и стандартов АЯ.

Национальные варианты Внешнего круга также разграничиваются по географической отнесенности, по характерным отклонениям от исходного (британского) языкового стандарта, по отраженным в конкретном национальном варианте АЯ специфическим культурным реалиям данного региона. Национальная идентификация вариантов Внешнего круга проявляется в нативизации АЯ [Kachru *The Alchemy* 1986, p. 91], т.е. в

процессе их ассимиляции в культуре и обществе путем увеличения объемов осуществляемых АЯ функций и дальнейшего развития норм и стандартов грамматики, лексики и фонетики, полученных от АЯ Внутреннего круга. Аккультурация таких институциональных вариантов (*institutionalized varieties*), возникших в бывших британских колониях, неизбежно приводит к появлению отличительных черт в их структуре [Kachru Standards 1985, p. 19].

Для середины 80-х гг., когда уже утвердилось представление о многообразии вариантов глобального АЯ (*World Englishes*), модель Б. Качру оказалась плодотворным и конструктивным лингвистическим феноменом. Количественный состав и геолингвистические границы национальных вариантов первого круга и многих вариантов второго круга к тому времени в значительной мере стабилизировались, но внутри этих вариантов усилились процессы перераспределения старых и появления новых территориально-социальных диалектов, которые возникают в силу ряда социолингвистических факторов.

Это, во-первых, значительный рост числа получающих образование выходцев из низов, продвигающихся по социальной лестнице и обладающих интенсивной социолингвистической мобильностью. Во-вторых, в современном обществе, особенно в молодежной среде, активно стираются языковые социально-классовые различия. В-третьих, географическая диффузия лингвистических новаций и социолингвистические тенденции сглаживания специфических особенностей территориальных диалектов путем взаимовлияния, взаимопроникновения их форм приводят к появлению новых уравненных социолектов, в первую очередь, на территории крупных промышленных и административных центров [Trudgill 2001, p. 6-7; Watt, Milroy 1999, p. 43].

Лингвокультурные особенности территориально-социальных диалектов вариантов АЯ Внутреннего и Внешнего кругов получают легитимный статус нейтральных идентифицирующих признаков без какой-

либо негативной коннотации, ранее возникавшей при сравнении с аналогичными явлениями британского и американского вариантов.

В АЯ Расширяющегося круга идентификация по национально-территориальным вариантам присутствует, но не является определяющим фактором, т.к. представители стран третьего круга изучают АЯ как иностранный или международный и используют его в устной и письменной межнациональной коммуникации, в том числе, и с представителями Внутреннего и Внешнего кругов. Это изначально функционирующие в ограниченном качестве иностранного языка «практические» варианты (*performative varieties*), которые распространяются в странах третьего круга благодаря возрастанию функциональной нагрузки АЯ [Kachru Standards 1985, p. 19].

В глобальных коммуникативных контекстах начала XXI в. граница между Внешним кругом и Расширяющимся кругом фактически размыта, т.к. языковая практика, в особенности, молодых людей становится чрезвычайно разнообразной. По замечанию К. Болтона, их лингвистические миры характеризуются не столько физическим пространством, сколько виртуальным пространством интернета, глобальными средствами массовой информации, миграцией, мобильностью системы образования, популярной культурой [Bolton 2012, p. 33].

Национальные особенности «практических» вариантов образуются под влиянием фонетической и лексико-грамматической интерференции родного языка и находят свое условное обобщающее выражение в таких ироничных и уничижительных наименованиях, как, например, *Chinglish* (китайский английский), *Danlish* (датский английский), *Français* (французский английский), *Polglish* (польский английский), *Spanglish* (испанский английский) и т.п. В случаях использования подобных наименований АЯ неносителей традиционно рассматривался с позиций норм и стандартов его носителей, т.е. путем оценки его соответствия-несоответствия британским или американским образцам.

Б. Качру указывает, что изменения, которые приводят к становлению новых вариантов АЯ в странах Внешнего круга, носят не статический, а динамический характер, и особенности истории распространения и развития АЯ в этих странах не должны переноситься на страны Расширяющегося круга, например, Германию, Китай, Россию, Таиланд, и т.д. [Kachru 2008, p. 570]. Этот тезис Б. Качру безусловно важен для нашего исследования АЯ в странах Скандинавии, где развиваются непостколониальные разновидности АЯ.

Согласно Б. Качру, одна из определяющих характеристик каждого нового варианта АЯ – это нативизация языка, то есть процесс ассимиляции языка в культуре и обществе. Другими словами, язык «впитывает» культуру нового окружения и выражает себя в виде четкой новой системы, реализующейся такими лингвистическими чертами, как грамматика, лексика и фонетика. Социолог Р. Робертсон охарактеризовал взаимодействие глобальных и локальных тенденций как феномен «глокализации» (англ. *globalization* и *localization*), т.е. как представление глобальных проблем в местном (региональном) измерении [Robertson 1995, p. 27, 28]. Термин «глокализация» был впервые зафиксирован Оксфордским словарем новых слов как перевод японского «*dochakuka*», обозначающего адаптацию глобального бизнеса к новым условиям [The Oxford Dictionary of New Words 1991, p. 134)]. В контексте интернализации глобального английского языка этот термин впервые употребила А. Пакир [Pakir 1999, p. 111], и он указывает на диалектическую связь между гомогенизацией, которую несет с собой глобализация АЯ, и индигенизацией – влиянием локального, специфического, которое проявляется в способности АЯ перевоплотиться в региональные формы языковой модели.

Каждая новая языковая модель может быть признана в случае соответствия трем критериям – понятности, уместности и эффективности общения (*intelligibility, appropriateness and effectiveness*), с учетом всех

инноваций, т.е. отклонений, встречающихся в речи не отдельных носителей, а целого социума [Kachru The Alchemy 1986, p. 91].

Новые явления, получающие постепенную кодификацию, характерны, прежде всего, для постколониальных вариантов АЯ Внешнего круга [Прошина 2012, с. 201], которые, по словам Б. Качру, проходят три этапа: 1) непризнание, 2) сосуществование местного языка и нового варианта, 3) признание [Kachru Models 1992, p. 55].

Согласно теории Дж. Платта и его соавторов, основой развития нового варианта АЯ является система образования; он развивается в тех регионах, где большинство населения не говорило на АЯ носителей; он выполняет функции устного и письменного языка в пределах данного региона; в процессе локализации и нативизации он получает специфические черты местного языка в артикуляции звуков, интонации, структуре предложения и словаре [Platt, Weber 1984, p. 2, 3].

Р. Моаг выделил пять фаз, которые должен пройти каждый новый вариант АЯ Внешнего круга: 1) транспортиция, когда АЯ прибывает и остается на новой территории; 2) индигенизация – период, в течение которого АЯ усваивает элементы местной культуры и получает отличительные черты; 3) экспансия – расширение функций, в которых используется АЯ; 4) институционализация – использование местного варианта в школьном образовании и литературе; 5) упадок и сокращение сферы использования языка [Moag 1992, p. 233-252].

В соответствии с динамической теорией Э. Шнайдера, новые постколониальные варианты АЯ также проходят одинаковый путь развития в пять этапов. Первый этап – это основание (*foundation*), или трансплантация языка в новые социокультурные условия, в которых начинается его аккультурация и нативизация; на втором этапе имеет место экзонормативная стабилизация (*exonormative stabilization*), когда нормы языка-метрополии укрепляются; на третьем этапе происходит нативизация (*nativization*) – активная трансференция черт локального языка; четвертый

этап заключается в нативизации, которая приводит к эндонормативной стабилизации (*endonormative stabilization*), т.е. к становлению собственных норм локального варианта английского языка, отличающихся от экзонорм; на пятом этапе возможен распад нового варианта на социальные и территориальные диалекты или его дифференциация (*differentiation*). [Schneider 2003, p. 233].

Динамическая теория Э. Шнайдера, определяющая одинаковый путь развития в пять этапов для новых постколониальных вариантов АЯ, представляет собой идеальную схему, которая далеко не всегда соответствует реальности. Так, например, в сборнике *The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and beyond* (2014), посвященном 60-летию автора динамической теории, лингвисты, опубликовавшие свои статьи в первом разделе, доказывают, что исследованные ими постколониальные варианты не прошли все пять этапов модели Э. Шнайдера [Hoffmann 2014; Huber 2014; Kautzsch 2014; Kretzschmar 2014; Mesthrie 2014; Pefianco Martin 2014; Peters 2014; Van Rooy 2014; Wee 2014].

В целом, можно констатировать, что Б. Качру, Р. Моаг и Э. Шнайдер выделяют процессы трансплантации языка в новые социокультурные условия, его нативизацию и развитие локальных норм, расширение функций и потенциальную диверсификацию нового варианта. З.Г. Прошина подчеркивает, что процессы динамики развития новых вариантов Б. Качру, Р. Моага и Э. Шнайдера ориентированы на варианты Внешнего круга, варианты же Расширяющегося круга, имея совершенно иные основания для языкового контакта (неколониальные) и соответственно другие формы контактов (не только проксимальные, но и дистантные), остаются на втором и третьем этапах: они ориентируются на нормы, выработанные в других вариантах, но все-таки отличаются значительными признаками нативизации [Прошина 2012, с. 203].

Инновации (фонетические, грамматические, лексические и стилистические) – составная часть своеобразия региональных вариантов –

существуют в форме заимствований из местного языка, калек, переведенных единиц и «смешения» элементов английского и местного языка [Kachru *The Alchemy* 1986, p. 28]. Подобные формы локальны, они выполняют коммуникативную функцию в конкретных регионах, поскольку АЯ представлен множеством разновидностей – региональных вариантов [Ильина 2008, с. 76; Уютова, 2004, с. 4].

З.Г. Прошина определяет региональный вариант как «трансплантированный, нативизированный английский язык, приспособленный функционировать в новых социально-культурных условиях в том или ином регионе» [Прошина 2001, с. 71]. Исследователи новых региональных вариантов призваны поставить своей целью изучение АЯ, успешно и на постоянной основе используемого в личной, профессиональной, академической коммуникации представителями различных стран, этносов и культур, изучение не соответствия внешним нормами и стандартам, а собственно структуры и особенностей функционирования конкретного варианта АЯ – неоспоримого факта языкового континуума.

Наиболее глубокий и всесторонний анализ сформулированной Б. Качру теории *World Englishes* или контактной вариантологии английского языка представлен в трудах его последователей К. Болтона [Bolton 2006; 2008; 2012; 2013; 2014] , Э. Киркпатрика [Kirkpatrick 2006; 2007; 2012], З.Г. Прошиной [Прошина 2001; 2007; 2010; 2015; 2016], Э. Шнайдера [Schneider 2003; 2007; 2011; 2014; 2016] и др. В оценке вариантов Расширяющегося круга мы разделяем позицию многих исследователей *World Englishes*, сформулированную Дж. Дженкинс, которая заключается в том, что в категорию вариантов АЯ следует включать все локальные варианты АЯ (*bona fide varieties of English*), независимо от того, к какому кругу модели Б. Качру они относятся и в какой стране проживают люди, говорящие по-английски, будь то Канада, Индия или Япония [Jenkins *interpretations* 2009, p. 200].

Варианты Расширяющегося круга можно соотнести с геолингвистическим, функционально-прагматическим и лингвокультурным критериями, но с учетом определенной специфики. Геолингвистические границы выделяют не собственно варианты АЯ третьего круга, а национально-административные пространства, в котором эти варианты потенциально существуют, например, страны европейского региона или страны Юго-Восточной Азии. Функционально-прагматическая роль вариантов Расширяющегося круга вторична по отношению к национальным языкам пользователей, и, как было отмечено выше, АЯ появляется в их языковом репертуаре в результате школьного обучения, а не вследствие усвоения в естественной коммуникативной среде. Соответственно, в системе образования его лингвокультурные особенности описываются как в противопоставлении соответствующим нормам и стандартам носителей АЯ, так и в сопоставлении с лингвокультурными нормами родных языков пользователей.

Здесь мы отметим те положения, учет которых необходим в исследовании вариативности современного АЯ в странах Расширяющегося круга, к числу которых относят и страны Скандинавии.

1. Модель *World Englishes*, послужившая основой контактной вариантологии АЯ символизирует функциональную и формальную диверсификацию языка, его интернациональную аккумуляцию в традиционных англоговорящих странах, в постколониальных странах, где он приобрел статус второго языка, и в странах Расширяющегося круга, демонстрирующих широкий диапазон функционально-прагматической вариативности АЯ. В любой из этих трех категорий он принадлежит как тем, кто использует его в качестве первого языка, так и тем, для кого он является дополнительным языком, прошедшим или не прошедшим кодификацию и стандартизацию [Kachru, Smith 1985, p. 210].

2. В каждой из этих трех категорий базовым принципом языкового развития является принцип языкового контакта. Фундаментальная роль

языкового контакта была изначально признана Б. Качру, который отмечал, что своей диверсификацией английский язык обязан контактам с другими языками, в результате которых сложились различные варианты, функционально адаптированные к своему многоязычному окружению [Kachru 1992, p. 6].

3. В концепции Б. Качру все компоненты системы *World Englishes* обозначаются зонтичным термином «вариант» – национальные нормообеспечивающие варианты Внутреннего круга, региональные или локальные норморазвивающие варианты Внешнего круга, нормозависимые варианты Расширяющегося круга с ограниченным числом функций. Варианты всех трех кругов представляют собой отличающиеся друг от друга языковые образования, они присущи разным категориям этнолингвистических сообществ, имеющих различную социоллингвистическую природу и характеризующихся специфическими чертами в результате влияния автохтонного языка и отражения автохтонной культуры [Прошина 2015, с. 114].

4. В многоязычных контекстах стран Внешнего и Расширяющегося кругов размываются границы между английским как вторым языком и английским как иностранным языком. Между ними нет каких-либо четких границ, и, по мнению Э. Эдвардс, они представляют собой континуум, в котором активизируются процессы перехода АЯ от статуса иностранного языка к статусу второго языка [Edwards 2014, p.173].

Эти процессы характеризуются пограничными состояниями транслингвизма / транслингвальности, в которых, как указывает З.Г. Прошина, оказываются индивиды в контактных ситуациях мультилингвизма, характеризующихся наличием и функционированием одновременно нескольких языков [Прошина 2016, с. 7]. А.А. Ривлина отмечает, что в таких условиях англо-местный билингвизм формируется не только в ситуации международного общения, но и в общении с другими билингвами внутри данного сообщества в форме смешанной речи [Ривлина

2014, с.105]. Такие «промежуточные», «неопределенные» явления ставят под сомнение четкие границы между языками и могут быть охарактеризованы как транслингвальные по сути [Ривлина 2016, с. 24].

Переключение кодов между АЯ и местными языками становится естественным показателем речепроизводства для многоязычных пользователей АЯ даже там, где он получил статус второго официального языка. Новая разновидность АЯ представляет собой не стабильный вариант, а динамично развивающийся код, требующий постоянного согласования пользователей (*a constantly negotiated and dynamic code*) [Kirkpatrick, Sussex 2012, с. 2].

5. Э. Шнайдер предлагает называть варианты Внешнего круга «постколониальными вариантами английского языка» (*Postcolonial Englishes*), поскольку они являются продуктом эволюции, связанной с колониальной и постколониальной историей их стран. [Schneider 2007, р. 3]. Именно с постколониальными вариантами, а не с вариантами Расширяющегося круга многие исследователи традиционно соотносят термин *World Englishes* [Schneider 2011, р. 29], т.к. принято считать, что АЯ в странах Расширяющегося круга усваивается в системе образования, используется в межнациональной коммуникации и не выполняет интранациональных функций [Quirk et al. 1985, р. 4-5, Schneider 2007, р. 12].

Однако же такое ограничение представляется узким в современных контекстах, когда АЯ активно распространяется в непостколониальных регионах Азии, Европы и т.д. [Buschfeld 2011, р. 51], и, в силу выполняемых им функций, невозможно квалифицировать его как типичный иностранный язык [Bruthiaux 2003, р. 165–167].

Следуя трактовке Б. Качру [Kachru Models 1992, р. 66], вариативность кодов, относимых к Расширяющемуся кругу, может зависеть от способа усвоения языка (*variability related to acquisition*), от выполняемой ими функции (*variability related to function*) и от контекста языковой ситуации (*variability related to the context of situation*).

В статье «*Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle*», опубликованной в издании, посвященном 50-летию Британского Совета, Б. Качру выделил 4 вида кодификации новых вариантов *World Englishes* [Kachru 1985, p. 22]:

1) авторитарная кодификация, связанная со специальным кодификационным органом;

2) социологическая (аттитюдная) кодификация, предполагающая широкое признание лингвистических инноваций и девиаций в рамках определенного лингвокультурного социума;

3) образовательная кодификация, которая относится к детерминации языка посредством образовательных инструментов – словарей, учебников, научных работ по описанию вариантов, средств массовой информации;

4) психологическая кодификация означает признание нормы индивидом.

З.Г. Прошина отмечает, что первый критерий оказывается самым малозначным для английского языка – его роль перешла к третьему виду. Психологический критерий может быть релевантен для речи индивида, но не столь существенен для варианта как социального явления, характеризующего речевой социум [Прошина 2015, с. 109].

Кодификация предполагает существование стандартов устной и письменной речи, но стандарт устной формы более динамичен и подвержен изменениям, чем стандарт письменной речи, соответственно, региональные и локальные варианты АЯ описываются в терминах стандарта устной речи [Hickey 2012, p. 15]), а потому он более интересен для исследователей, особенно занятых описанием новых развивающихся вариантов английского языка [Прошина 2015, с. 109].

1.4. Функциональные носители vs. генетические носители

До 2-й половины XX в. АЯ неносителей все еще рассматривался в ракурсе его соответствия-несоответствия британским или американским образцам, исходя из постулата о том, что каждый язык является идентифицирующим достоянием его носителей, обладающих приоритетом устанавливать его нормы и стандарты [Кабакчи 2002, с. 84-85]. Внимание лингвистов привлекали региональные варианты АЯ как родного (*English as a native language – ENL*) – британский, американский, австралийский и др. [Домашнев 1990; Жлуктенко 1981; Жлуктенко и др. 1998; Орлов 1978; Семенец 1975; Шахбагова 1986; Швейцер 1963; Ярцева 2004], и считалось, что остальной мир изучает его в качестве иностранного или второго языка (*English as a foreign language – EFL* или *English as a second language – ESL*).

Изучение национально-культурной специфики новых вариантов английского языка зачастую опиралось на сложившееся до периода глобализации представление о том, что национальные варианты АЯ, при наличии единого германского источника, могут иметь самостоятельные линии развития только в рамках единой культуры и единого англоязычного мира [Безрукая 2009, с. 5]. Между тем, АЯ вышел не только за пределы исходных национальных границ, но и за пределы англоязычного мира, и носители его новых вариантов приобрели право «собственности» и легитимации своих региональных норм и стандартов.

Расценивая концепцию Б. Качру как прорыв в понимании природы глобального АЯ, Д. Кристал указывает, что Модель концентрических кругов может давать неверное представление о важных составляющих современной глобальной языковой реальности. Так, например, Нидерланды и страны Скандинавии формально должны быть включены в Расширяющийся круг, поскольку АЯ является для них «всего лишь» иностранным языком. Тем не менее, АЯ используется там намного шире,

чем в некоторых странах Внешнего круга, где он традиционно имеет статус официального второго языка [Crystal 2003, p. 56].

Модифицируя Модель трех кругов в синхроническом плане, Б. Качру выдвинул идею «функциональной нативности» (*functional nativeness*) в отличие от «генетической нативности» (*genetic nativeness*) [Kachru 1998, p. 92; 2005, p. 12, 17]. Функциональная нативность свойственна образованным, в полной мере компетентным пользователям английского языка, владеющим им на высоком уровне. Как пишет З.Г. Прошина, функциональная нативность предполагает отнесение понятия «носитель» не только к вариантам английского языка как родного, но также к региональным или локальным вариантам [Прошина 2014, с. 221].

Представление о функциональной нативности основано на критериях диапазона и глубины использования АЯ в обществе (*range and depth of a language in a society*): критерий диапазона относится к областям функционирования языка, а критерий глубины говорит о степени его социального проникновения. Например, АЯ в Индии сопоставим вариантами Внутреннего круга по диапазону областей использования и глубине проникновения во все слои общества [Kachru 2005, p. 17].

Развивая идею Б. Качру, Д. Грэддол поясняет, что в такой схеме за основу берется критерий уровня владения АЯ (*language proficiency level*), и в центре оказывается ядро функциональных носителей, составляющих сообщество функциональной нативности (*functional nativeness*).

Это сообщество объединяет более чем 500 млн. людей, владеющих АЯ на самом высоком уровне, независимо от того, являются ли они носителями от рождения или достигли этих высот в процессе усвоения языка – *those who have “functional nativeness” regardless of how they learned or use the language.* [Graddol 2006, p. 110]. См. Рис. 3.

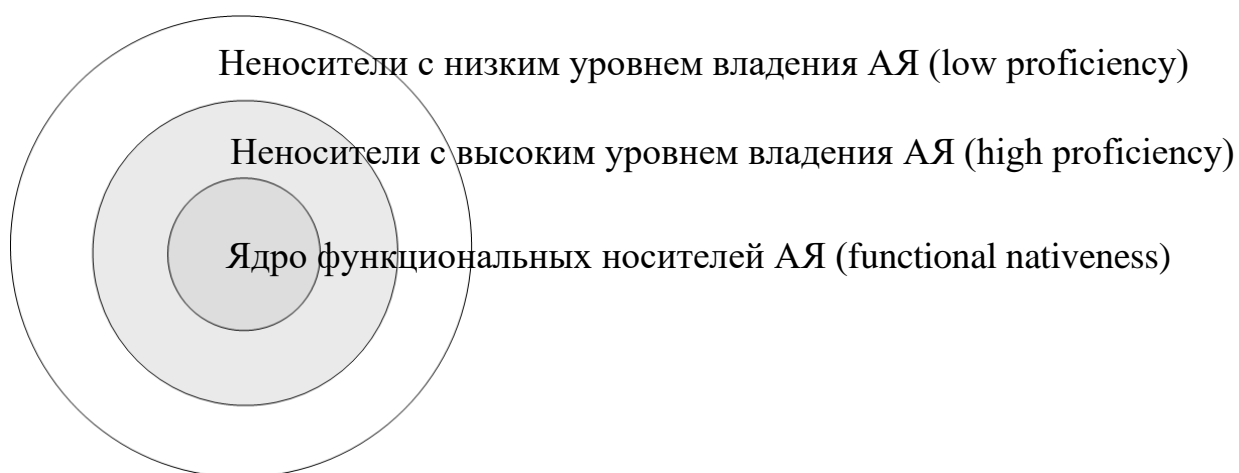

Рис. 3. Схема сообщества пользователей АЯ. [Graddol 2006, p. 110]

Поскольку критерий уровня владения АЯ в одинаковой мере применим к носителям АЯ, к неносителям, индивидуально достигшим функционального уровня – *functional nativeness*, а также ко всем прочим неносителям с более низким уровнем владения АЯ, представляющим как внешний, так и расширяющийся круги, данная модификация модели Б. Качру безусловно отражает индивидуально-личностный аспект глобального процесса распространения АЯ (*English as a global language*), имплицитно принимаемого в виде гипотетического континуума.

Это сообщество всех пользователей в общем пространстве АЯ. По замечанию Э. Эрлинг, в классификации по критерию уровня владения языком функциональный принцип выделения новых вариантов АЯ приходит на смену географическому, и английский язык может использоваться в качестве языка коммуникации без того, чтобы непременно выступать в качестве языка идентификации говорящих [Erling 2004, p. 40]. Как подчеркивают многие авторы, АЯ является «собственностью» тех, кто придал ему универсальный характер в процессе международной коммуникации, т.к. он обеспечивает равные коммуникативные права для всех своих пользователей. Межкультурная коммуникация на контактном английском как лингва франка определяется не формальными социолингвистическими критериями, а лингвокультурными факторами [McKay 2003; Mollin 2006; Seidlhofer 2005].

На таком понимании основана и классификация Дж. Дженкинс [Jenkins 2009, p.142-143], которая выделила три типа новых вариантов АЯ, используемого в международной коммуникации, на основе критерия уровня владения языком:

1. Стандартные разговорные варианты, используемые в международной коммуникации любой сложности (*standard spoken Englishes for international use – bilingual varieties*) билингвами, уровень языковой компетенции которых отвечает критериям «функциональных носителей» Б. Качру, усвоивших АЯ в результате обучения.

2. Стандартные разговорные варианты АЯ, используемые в локальной коммуникации, как с носителями языка, так и с теми, для кого АЯ является вторым языком (*standard spoken Englishes for local use – L2 and L1 contexts*). Языковая компетенция в вариантах Типа 2 характерна для тех, кто владеет АЯ на высоком уровне (*high proficiency*).

3. Нестандартные варианты АЯ, используемые неносителями с низким уровнем владения АЯ (*low proficiency*) в бытовой межнациональной коммуникации, как с носителями языка, так и с теми, для кого АЯ является вторым языком (*non-standard Englishes – L2 and L1 contexts*).

Анализ современного процесса глобального распространения АЯ требует опоры на критерий коммуникативной и языковой компетенции, без которой невозможна международная коммуникация. По меткому замечанию Р. Нанна, язык – это элемент идентичности каждого, кто может его использовать, и именно языковая компетенция отражает ту степень, в которой мы можем этим языком обладать [Nunn 2005].

Прагматический критерий коммуникативной компетенции был использован Г. Мелчерсом и Ф. Шоу, которые предложили координировать уровни владения АЯ (*a user's "scope of proficiency"*) с соответствующими им коммуникативными ситуациями [Melchers, Shaw 2003, p.39]. Они различают четыре уровня владения АЯ в зависимости от типа

коммуникативных ситуаций, которым эти уровни могут отвечать (см. Таблицу 1).

Таблица 1-1.

Уровни владения АЯ по Г. Мелчерсу и Ф. Шоу.

Уровень владения АЯ	Тип коммуникации
1. Уровень владения АЯ, эффективный в международном общении (<i>Internationally Effective</i>).	Использование коммуникативных стратегий и языковой вариативности, которые приемлемы в широком межнациональном и межкультурном диапазоне.
2. Уровень владения АЯ, эффективный в общении между представителями одной страны (<i>Nationally effective</i>).	Например, коммуникация между жителями Индии, Нигерии или ЮАР разного этнического происхождения (страны внешнего круга в модели Б. Качру).
3. Уровень владения АЯ, достаточный для общения на местном уровне (<i>Local Proficiency</i>).	Ситуативная коммуникация между представителями разных стран, требующая взаимопонимания в быту или в какой-либо узкой области.
4. Уровень владения АЯ, недостаточный для регулярного общения (<i>Ineffective</i>).	Коммуникация людей, изучающих АЯ и/или получивших некоторые знания, но не владеющих коммуникативными навыками.

Прагматический критерий уровня владения языком выступает как альтернатива критерию противопоставления английского языка носителя/неносителя. Уровень 1 Г. Мелчерса и Ф. Шоу согласуется с концепцией функциональной нативности Б. Качру, а вся схема отвечает потребностям широкого диапазона коммуникативных ситуаций – от научной дискуссии (1 уровень) до обмена простыми высказываниями (4 уровень схемы Мелчерса и Шоу). В таких коммуникативных контекстах

могут участвовать представители как стран Внутреннего и Внешнего кругов, так и стран Расширяющегося круга.

Дж. Платт, Х. Вебер и М.Л. Хо предложили четыре критерия идентификации вариантов Внешнего круга: 1) использование в образовательной системе; 2) развитие в такой местности, где «родной вариант» английского не является языком большинства; 3) широкий спектр функций в определенном обществе; 4) локализация и нативизация [Platt, Weber, Но 1984, р. 2-3].

Анализируя критерии Дж. Платта, Х. Вебер и М.Л. Хо, З.Г. Прошина отмечает, что они могут быть отнесены и к вариантам Расширяющегося круга, хотя и в меньшей мере. Так, в странах Расширяющегося круга АЯ служит в большей степени предметом обучения, чем языком общения. Носителей АЯ в этих странах значительно меньше, чем пользователей им как вторым и вспомогательным языком. Диапазон функций АЯ в Расширяющемся круге и глубина его проникновения в общество значительно меньше, но с каждым годом использование АЯ увеличивается, соответственно, расширяются его функции и углубляется степень проникновения в социум. Что касается четвертого критерия, он приложим ко всем вариантам, т.к. АЯ как вторичное средство выражения культуры того или иного народа подвергается аккультурации/нативизации и испытывает влияние родного для говорящих данного социума языка и культуры [Прошина 2016, с.147-148].

В целом, сложилась ситуация, в которой, по выражению нидерландского социолингвиста Я. Бломмерта, невозможно выделить четко выраженные и прозрачные категории [Blommaert 2010, р. xiv]. В эпоху глобализации язык утрачивает статическую вариантность и более не ассоциируется со стабильными, резидентными сообществами – он становится мобильным ресурсом, действующим в трансконтекстуальных сетях [Blommaert 2010, р.1]. Мобильность, в трактовке Я. Бломмерта, является не только географической, но и социальной и экономической.

Изменения в языке могут отражать как перемену места проживания, так и изменения социальной идентичности и экономического статуса [Blommaert 2010, p.181], т.е. в новой социолингвистической реальности представление о мобильности языка включает и переход от более низкого уровня языковой компетенции к более высокому. Переход от АЯ как предмета обучения к АЯ общения – это своего рода интерфейс между английским языком обучаемого (*learner's language*) и английским, используемым в качестве второго языка (*user's language*), т.е. развитие переходной компетенции обучаемого – от интерязыка к языку общения [Buschfeld 2011, p. 84].

Проблему переходной компетенции обучаемого (*transitional competence*) поднял С.П. Кордер [Corder 1967; 1971], а назвал ее термином «интерязык» (*interlanguage*) Л. Селингер [Selinker 1972, p. 209]. Интерязык определяется как промежуточный язык между родным и вторым, на котором начинают говорить при изучении, освоении второго языка, аппроксимативная система, отражающая переходную (недостаточную) языковую компетенцию в отношении второго языка [Лосева 2013, с. 296; Панькин, Филиппов 2011, с. 61].

Некоторые российские исследователи (например, М. Дебрэнн) иногда трактуют понятие *interlanguage* как «межъязычие», которое: 1) возникает в сознании индивидов, 2) вербализуется, 3) подвергается коррекции и самокоррекции в определенных социальных условиях и 3) последствия его вербализации имеют особый социально значимый коммуникативный статус в различных коммуникативных ситуациях [Дебрэнн 2006, с. 19, 20]. В эрратологии системные ошибки переходного периода языковой компетенции считаются сигналами интерязыка [Шевнин 2004, с. 37].

Л. Селингер ввел термин «фоссилизация» (*fossilization*), чтобы обозначить регулярное повторяющееся в процессе обучения употребление системных ошибок переходного периода в интерязыке обучаемых (*linguistic items, rules, and subsystems which speakers of a particular native language will tend to keep in their interlanguage relative to a particular target language, no*

matter what the age of the learner or amount of explanation and instruction he receives in the target language) [Selinker 1972, p. 215]. Фоссилизация – это регулярное перенесение структур, правил и подсистем из родного языка в целевой язык обучения. С.П. Кордер определяет фоссилизацию как состояние, когда интеръязык обучаемого перестает развиваться, как бы вы ни старались давать ему аутентичный материал целевого языка [Corder 1981, p. 74].

Л.Селингер выдвигает тезис о том, что пять центральных факторов, характеризуют активность фоссилизации, влияющей на процесс изучения/усвоения языка [Selinker 1972, p. 215–217]:

1) языковой перенос (*Language transfer*) – заимствование образцов из родного языка, т.е. фоссилируемые языковые явления появляются в результате интерференции аналогичных структур, переносимых из родного языка (например, замена межзубных звуков [θ], [ð] смычными [t], [d] или свистящими [s], [z]: *that > dat / zat* [Прошина 2017, с.154]);

2) перенос как результат обучения (*Transfer-of-training*) или обучающий перенос, возникающий при избыточном использовании каких-либо структур в ходе тренировочных упражнений (например, местоимение *she* часто заменяется местоимением *he*, поскольку в текстах учебных пособий преобладают упражнения с доминирующим *he* [Прошина 2017, с. 154]);

3) стратегии изучения второго языка (*Strategies of second-language learning*) (например, стратегия упрощения в обучении приводит к избеганию артиклей, форм множественного числа, окончаний прошедшего времени и др. [Прошина 2017, с. 154]);

4) стратегии коммуникации на втором языке (*Strategies of second-language communication*), когда фоссилизированные структуры появляются в результате того, что обучаемый, начав общаться с носителями языка, заключает, что его уровень достаточен для успешного общения, и

дальнейшее обучение не требуется (например, стратегия использования уже известных слов и выражений при общении [Прошина 2017, с. 154]);

5) сверхгенерализация или сверхобобщение языкового материала целевого языка (*Overgeneralization of target language linguistic material*), т.е. расширение использования моделей изучаемого языка по аналогии (например, *When did you saw him?* [Прошина 2016, с. 154])

Фоссилизация действует индивидуально, и интерязык представляет собой языковую систему индивидуальных обучаемых, каждый из которых проходит фазы, ведущие к усвоению целевого языка. [Corder 1981, p. 66] Весь процесс ориентирован на идеальную цель – овладение нормами компетенции носителя языка на всех уровнях [Buschfeld 2011, p. 84], цель, которую реально может достичь незначительное меньшинство обучаемых [Selinker 1972, p. 212].

Немецкий исследователь С. Бушфельд допускает, что в развитии вариантов АЯ как второго языка и интерязыка обучаемых имеют место аналогичные психолингвистические процессы, тогда как различия между ними лежат в области социолингвистических факторов. Иными словами, она утверждает, что фоссилизация в интерязыке аналогична нативизации в вариантах второго языка, и, соответственно, ошибки, которые в интерязыке рассматриваются как проявления фаз фоссилизации, аналогичны языковым характеристикам вариантов второго языка, которые появляются в результате структурной нативизации [Buschfeld 2011, p. 86].

Как в интерязыке обучаемых, так и в вариантах АЯ как второго языка имеют место основные интерференционные явления, эксплицитно выделенные У. Вайнрайхом, – межъязыковое отождествление элементов двух языков и изменение элемента одного из этих языков под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка. Они представляют собой аналогичный процесс, существенно не отличающийся от процессов, действующих при «монолингвальном» языковом изменении [Вайнрайх 1979, с. 22; Русаков 2004, с.12].

Как в интеръязыке обучаемых, так и в вариантах АЯ как второго языка все изменения в структуре и значении, свойствах и составе единиц языка, возникают вследствие взаимодействия языков в ситуации языковых контактов, и ситуация обучения АЯ представляет собой одну из форм языкового контакта, в процессе которого возникает искусственное двуязычие [Верещагин 1969, с. 44], сопровождаемое контактно обусловленным явлением интерференции.

Изменения в языках в процессе их взаимодействия зависят от интенсивности языковых контактов – прямых, непосредственных, устойчивых и постоянных, следствием которых становится билингвизм. [Семенец 1984, с. 48] Билингвизм или двуязычие определяется как «свободное владение или просто владение двумя языками» [Дешериев 1976, с. 22] и как «регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения» [Розенцвейг 1972, с. 9-10].

По мнению Е.М. Верещагина, основное отличие естественного двуязычия от искусственного заключается в том, что процесс усвоения второго языка максимально приближен к процессу формирования родного языка. Основным стимулом развития естественного двуязычия выступает потребность в двуязычной коммуникации, тогда как формирование искусственного двуязычия проводится «с привлечением рациональных и мнемотехнических приемов, которые отличаются от обучения в естественных условиях» [Верещагин 1969, с.44-46].

В социолингвистическом плане, системные ошибки переходного периода в интеръязыке обучаемых могут выявляться путем сравнения с нормами носителей языка. Однако же аналогичные подобным ошибкам структуры в вариантах Расширяющегося круга представляют собой развивающиеся нормы и стандарты [Hundt and Mukherjee 2011, p. 1-2; Mollin 2007, p. 171], и некоторые авторы считают сравнение с интеръязыком контрпродуктивным для анализа развивающихся норм в вариантах английского как второго языка [Götz and Schilk 201, p. 80].

Основное различие между интеръязыком и вариантом английского как второго языка заключается в том, что понятие интеръязыка применимо к идиолекту индивидуальных пользователей, а статус варианта второго языка, как правило, может быть получен в языковых сообществах, которые традиционно относят к сфере постколониальных вариантов Внешнего круга модели Б. Качру [Bongartz, Buschfeld 2011, p. 37].

Однако же сопоставление интеръязыка и вариантов второго языка Внешнего круга оставляет без ответа вопрос о том, каковы особенности развивающихся потенциальных вариантов АЯ в непостколониальных странах Расширяющегося круга и, в частности, в странах Европы, что составляет непосредственный интерес для исследования статуса АЯ в странах Скандинавии.

1.5. Английский язык межнациональных контактов

Давая оценку лингвистической ситуации на рубеже XX-XXI вв., российский исследователь В.В. Кабакчи отмечает, что в конце XX в. произошла революция, значение которой мы еще не осознали – самая «бархатная» и поистине всемирная лингвореволюция, которая уже победила. Цивилизация впервые обрела язык глобального распространения и небывалого влияния, который выступает в качестве «гиперъязыка», располагающего мощнейшей технологией языкового общения [Кабакчи 2002, с. 80]. Мир вступил в эпоху глобального англо-национального билингвизма, где знание английского + родного языка становится нормой [Кабакчи 2000, с. 84]. Объективное представление места и роли АЯ как инструмента межкультурной и межнациональной коммуникации требует уточнения подходов к оценке его функционально-прагматического статуса.

Как считает британский исследователь Д. Грэддол, перспективы развития АЯ межнациональной коммуникации предопределяются сложным

переплетением противоборствующих тенденций глобализации и регионализма которые связаны со следующими факторами:

Во-первых, количество людей, изучающих АЯ во всем мире, возрастает и может достигнуть 2 млрд через 10-15 лет [Crystal 1997, p. 5, 6], благодаря изменениям в системе преподавания английского как иностранного языка, которые отвечают требованиям глобального рынка труда и характеризуются отходом от традиционных методических моделей, ориентированных на нормы и стандарты носителей АЯ.

Во-вторых, АЯ как второй или иностранный язык, универсальный инструмент общения, больше не является принадлежностью национальных элит, дающей им экономические и социально-политические преимущества.

В-третьих, изменения в системе преподавания английского как иностранного языка не только отвечают требованиям глобального рынка труда, но и обозначают отход от традиционных функциональных моделей распределения вариантов АЯ.

В-четвертых, нормы носителей АЯ перестают выполнять целеполагающую роль языкового стандарта для его пользователей – неносителей, что, в результате, ведет к модификации традиционных представлений о критериях коммуникативной корректности на уровне произношения, грамматики и лексики. [Graddol 2006, p. 13-15]

Проблематика исследований АЯ как универсального инструмента межнациональной коммуникации расположена на стыке интересов лингвистики, социолингвистики, методики преподавания АЯ, культурологии. Она ставит перед исследователями ряд вопросов, среди которых, в частности, определение статуса АЯ международной коммуникации по отношению к вариантам Внутреннего и Внешнего кругов, критерии коммуникативной компетенции, необходимой для взаимопонимания в среде неносителей АЯ, а также разделяемые интерактивные процедуры и стратегии, обеспечивающие взаимопонимание

в межнациональной и межкультурной коммуникации [Kaur 2010, p. 192-193].

В широком диапазоне мнений определились полярные позиции, с одной стороны, К. Болтона, М. Дьюи, Д. Грэдола, Д. Кристала и всех тех, кто полностью признает положительное значение глобального распространения АЯ [Bolton 2008c; Crystal 1997; Dewey 2009; Graddol 2006; Melchers, Shaw 2003; Pennycook 2003; Widdowson 1994], и, с другой, Р. Филлипсона и его последователей, считающих глобальное распространение АЯ формой неокOLONиальной экспансии, сопутствующей расширяющемуся влиянию американской культуры, экономики и технологии [Phillipson 1992; 2008; Phillipson, Skutnabb-Kangas 1999].

После публикации в 1992 г. книги профессора Копенгагенской школы бизнеса Р. Филлипсона «*Linguistic Imperialism*», распространение АЯ в качестве международного языка и его «доминирование, обусловленное установлением и постоянной поддержкой структурного и культурного неравенства между английским и другими языками», стало рассматриваться некоторыми авторами как языковой империализм в контексте культурного империализма [Phillipson 1992, p. 52].

Анализируя причины и следствия глобального распространения АЯ в терминах выдвинутой им концепции языкового империализма, Р. Филлипсон применяет к ним категории **проекта, процесса и продукта**. Он представляет АЯ межнациональной и межкультурной коммуникации как целенаправленно осуществляемый проект создания некоего искусственного сообщества, не имеющего территориальных и национальных границ, но якобы объединяющего людей в межнациональных, европейских и глобальных пределах [Phillipson 2008, p. 278-279].

Проект глобального АЯ, по Р. Филлипсону, предполагает наличие общих этических ценностей на основе философии неолиберализма, распространившейся в обществе потребления в условиях языкового неоимпериализма и пропаганды насилия [Phillipson 2008, p. 278]. Проект не

способствует культурному и языковому разнообразию, не обеспечивает равенство и симметрию в межкультурной коммуникации, а, наоборот, является односторонним и агрессивным продвижением английского языка.

Глобальный АЯ как процесс осуществляется, по Р. Филлипсону, через построение сообществ людей, изучающих и практикующих АЯ, идентифицирующих себя в качестве коммуникантов, которые пользуются АЯ на межличностном, межкультурном и субкультурном уровнях в различных областях деятельности. Соответственно, они подчиняются коммуникативным, поведенческим нормам, которые сопровождаются институциональной легитимацией, а это, в свою очередь, ведет к тому, что АЯ получает статус универсального престижного языка, и ореол престижности распространяется на его носителей. Как следствие, для представителей других языков возникает необходимость изучать АЯ, что ведет не только к появлению дополнительного инструмента общения, но, в каких-то случаях, и к вытеснению родного языка [Phillipson 2008, p. 278].

Глобальный АЯ как продукт связан с материально-экономическими структурами и институтами, и через них – с американской империей. Он идеологически поддерживается всей системой производства и потребления, внедряется в политической и военной областях, образовании, науке, средствах массовой информации под маркой международного, глобального, универсального языка. АЯ рекламируется как престижный код ведущих англоязычных стран, доминирующий во всем мире и вытесняющий другие языки [Phillipson 2008, p. 278, 279].

Суммируя свои взгляды на природу глобального АЯ как проекта, процесса и продукта, Р. Филлипсон ставит ряд вопросов, которые сводятся к следующему: Играет ли экспансия АЯ положительную или отрицательную роль в общей языковой ситуации, и не ведет ли она к ослаблению национальных языков? [Phillipson 2008, p. 279]

Позиция Р. Филлипсона недвусмысленно предполагает однозначный ответ на этот вопрос, т.к. отводит носителю АЯ роль агрессивного монитора

процесса глобального распространения АЯ, что и служит основанием его теории языкового империализма. Представляется, что ответ на вопрос Р. Филлипсона заключается в следующем:

Это не вопрос конспирологии – о том, кто и с какой целью замыслил навязать вам АЯ. (Проект)

Это не вопрос о том, каким образом вам навязали АЯ. (Процесс)

Это не вопрос о том, как вы пользуетесь АЯ, который вам навязали. (Продукт)

Это вопрос вашего отношения к АЯ, который у вас есть.

Б. Качру объяснил, какой АЯ у вас есть:

ваш родной язык – тогда это вариант Внутреннего круга;

ваш второй язык – тогда это вариант Внешнего круга;

ваш иностранный язык – тогда это вариант Расширяющегося круга, и только от вас зависит, что вы с ним сделаете: забудете, станете его изредка использовать или будете его совершенствовать, достигнув, в конечном счете, уровня функционального носителя.

И в первом, и во втором и в третьем случаях – это ваш язык. Таким образом, концепция Р. Филлипсона – это не попытка объяснить современное состояние глобального АЯ, это попытка объяснить вам, каким, в его представлении, должно быть ваше отношение к АЯ, т.е. аттитюдный аспект для представителей Внешнего и Расширяющегося кругов.

Вызванное глобальными процессами беспрецедентное распространение английского языка отвечает естественным потребностям международной коммуникации в сфере экономики, культуры, науки, высоких технологий, коммерции и т.п. АЯ повсеместно используется в международных средствах массовой информации, доминирует в Интернете, индустрии развлечений, туризме. Он является официальным и рабочим языком большинства международных организаций, включая институты ООН, ЮНЕСКО и Евросоюза, и имеет официальный статус

более чем в 60 государствах мира [Bolton 2006; Crystal 2003; Graddol 2006; House 2001; Jenkins 2009].

АЯ выполняет функцию универсального контактного языка, используемого в англоязычной коммуникации, участники которой принадлежат к различным языковым сообществам. Хотя ситуация межнационального общения не исключает участия в ней носителей АЯ в качестве одной из сторон коммуникации, ее отличительной чертой является тот факт, что в большинстве случаев АЯ служит контактным языком коммуникации между людьми, не имеющими общности родного языка и национальной культуры, для которых он является дополнительным языком, своего рода английским как лингва франка [House 1999, p.73; Jenkins 2007, p. 5; Widdowson 1994, p. 378].

Наблюдаемое на протяжении жизни одного поколения распространение английского языка в качестве универсального международного языка-посредника является одним из важнейших аспектов процесса современной глобализации. По известному высказыванию Д. Кристала, в 1950 г. перспектива превращения АЯ в мировой язык просматривалась в виде смутной теоретической возможности, но спустя 50 лет всемирный английский язык стал политической и культурной реальностью. Как мог такой драматический переход произойти в течение жизни одного поколения? И почему именно английский язык получил такой статус? [Crystal 1997, p. 1]

В условиях возрастающей мобильности людей АЯ делает проницаемыми для межличностных отношений государственные границы, сглаживает национальные и культурные различия и служит инструментом коммуникации между людьми, принадлежащими к различным языковым и культурным сообществам. АЯ осуществляет функцию контактного языка, обеспечивающего потребности межнациональной и межкультурной коммуникации, т.е. служит языком-посредником – универсальным английским как лингва франка (АЛФ) для людей, не имеющих общности

родного языка и национальной культуры, что обуславливает необходимость изучения специфики коммуникативных контекстов, предусматривающих его постоянное использование.

Неоднозначное отношение к АЯ как инструменту международной коммуникации отражается в разнообразных наименованиях, которые встречаются в специальной литературе. Наиболее часто употребляются два термина: *International English* и *English as an International Language*, а также: *World English*, *English as a global language*, *World Standard (Spoken) English*, *Globish*, *Lingua Franca English*, *English as a Lingua Franca* [Erling 2005; Fiedler 2011; Grzega 2006; James 2000; McArthur 2004].

Ф. Шарифиан настаивает на том, что не следует смешивать термин «международный английский язык» – МАЯ (*International English – IE*) с термином «английский как международный язык» – АМЯ (*English as an International Language – EIL*), т.к., по аналогии с такими номинациями, как американский английский, сингапурский английский или китайский английский, термин «международный английский язык» наводит на мысль о существовании особого международного варианта АЯ. И напротив, термин «английский как международный язык» отвергает идею о выборе какого-либо варианта АЯ в качестве лингва франка международной коммуникации. Этот термин подчеркивает, что английский язык, со всеми своими вариантами, является языком межнациональной и межкультурной коммуникации [Sharifian 2009, p. 2]. Однако же многие авторы не делают такого различия между этими двумя терминами.

Т. МакАртур пишет, что термин «международный английский язык» (*international English – IE*) доминирует в исследованиях глобального АЯ (*World Englishes*) с начала 1980-х гг. и используется в нескольких разных значениях [McArthur 2001, p. 6]. Иногда этим термином обозначают АЯ для специальных целей (*English for specific purposes – ESP*), регистр АЯ, используемый как лингва франка для обмена простой информацией в специальных контекстах. Так, например, Р. Джонсон утверждает, что МАЯ

– это регистр АЯ, который необходим для общения в таких областях, как наука, бизнес, технология, для участия в деятельности международных административно-политических и общественных институтов, и он преимущественно используется в письменной форме. Пользователи регистра ассоциируются не с какой-либо территорией и вариантом языка, а только с определенной функциональной областью, где применяется МАЯ [Johnson 1990, P. 304].

Аналогичной позиции придерживается и Г. Уиддоусон, использующий номинацию «английский как международный язык» (*English as an international language*) и утверждающий, что АМЯ является регистром АЯ для специальных, профессиональных и академических целей международной коммуникации. Поскольку «регистры относятся к определенным областям знания и практической деятельности, для которых нет национальных границ, они глобальны в силу своей природы» и не должны соотноситься с каким-либо вариантом языка [Widdowson 1997, p. 143].

Аргументы, которыми пользуются Т. МакАртур, Р. Джонсон и Г. Уиддоусон, чтобы обосновать характеристику МАЯ (или АМЯ) как регистра для специальных целей, не могут раскрыть сложную природу глобальных функций АЯ. [Erling 2004, p. 58] Возражая Г. Уиддоусону, Дж. Братт-Гриффлер замечает, что характеристика МАЯ как регистра для специальных целей представляется неоправданным ограничением, игнорирующим реальность глобальной практики, в которой АЯ используется как носителями, так и неносителями языка, как для формальных, так и для неформальных целей – везде, где это необходимо [Brutt-Griffler 1998, p. 389].

Л. Смит совершенно обоснованно разъясняет, что МАЯ «нельзя сводить к ограниченному диапазону коммуникативных моделей, которыми отличается язык для специальных целей, т.к. это язык, а не свод правил». Более того, он употребляется значительно шире, чем для специальных,

профессиональных целей. И он не ограничен письменной формой коммуникации, как традиционно принято говорить о регистрах [Smith 1983, p. vi].

Л. Смит предложил номинацию, которая, по его словам, наиболее точно отражает современное состояние использования АЯ в глобальных масштабах; «английский как международный вспомогательный язык» (*English as an International Auxiliary Language*). Этот язык может использоваться как для интранациональной, так и для интернациональной коммуникации, не будучи родным языком его пользователей [Smith 1976, p. 1, 2].

Другой подход к МАЯ демонстрирует Н. Росс, который считает, что этим термином надо обозначать ядерный словарь и ядерную грамматику, общие для всех разновидностей АЯ. В его понимании, МАЯ – это форма АЯ, которая служит общим ядром для всех его вариантов [Ross 1997, p. 29]. Фактически, это продолжение идей упрощенного международного языка, предложенных в концепциях «базового АЯ» (*Basic English*) Ч.К. Огдена [Ogden 1930] и «ядерного АЯ» (*Nuclear English*) Р. Кверка [Quirk 1982].

Идея общего для всех разновидностей АЯ ядра, стандартного варианта, присутствует в моделях Т. МакАртура и М. Герлаха. В 1987 г. Т. МакАртур предложил схему вариантов глобального АЯ в виде колеса, в ступице которого он разместил вариант, названный им «Мировой Стандартный АЯ» (*World Standard English*) [McArthur 1987], а в 1988 г. М. Герлах опубликовал свою Круговую Модель АЯ, в центре которой расположен Международный АЯ (*International English*) [Görlach 1988].

М. Моддиано вкладывает в термин «английский как международный язык» представление 1) об общепринятом языковом стандарте [Modiano 2001, p.170], который должен быть включен в систему образования, т.к. выражает идею глобального сообщества и культурного плюрализма, 2) о стратегии межкультурной коммуникации, которая позволяет всем пользователям быть культурно, политически и социально нейтральными

[Modiano 2001, p.159], 3) об идеологии языкового феномена, который «самым тесным образом связан с глобализацией и культурной интеграцией» [Modiano 2001, p.172].

В противоположность упрощенному представлению о МАЯ как о некоем стандартном варианте, А. Дэвис считает его зонтичным термином, который обозначает все возможные варианты использования АЯ в международных контекстах – от специализированных редуцированных кодов, используемых в воздушном и морском транспорте (*Airpeak and Seaspeak*) до стандартного письменного АЯ образованных пользователей в профессиональной коммуникации, с участием как носителей языка, так и неносителей [Davies 1989, p.456-57].

Исследователь экологии межнациональной коммуникации С. Муфвене пишет, что попытки найти некий универсальный стандартный вариант, используемый в межнациональной коммуникации, не имеют смысла, т.к. эволюция не движется в направлении единого глобального английского языка. Она в значительной мере зависит от вариативности экологий приобретения языка, которая определяется масштабом взаимодействия новых пользователей с АЯ Внутреннего круга, языковыми контактами и выполняемыми функциями [Mufwene 2010, p. 50].

Идея С. Муфвене о критериях вариативности экологий приобретения языка перекликается с тезисом Б. Качру [Kachru Models 1992, p. 66] о вариативности кодов, относимых к Расширяющемуся кругу, которая зависит от способа усвоения языка, от контекста языковой ситуации и от выполняемых языком функций.

К. Майеркорд также говорит о значении языковых контактов и аккомодации взаимодействующих вариантов для межнациональной коммуникации. Она определяет международный АЯ как практический код (*a performance code*), который воссоздается говорящими и в каждой коммуникативной ситуации зависит от взаимодействия участников, представляющих различные варианты АЯ, от того, насколько успешно

собеседники смогут сформировать общий фонд языковых средств (*the feature pool in contact situations*). Успешный коммуникативный код складывается в результате длительного языкового контакта и конкурентного отбора языковых средств [Meierkord 2012, p. 61-68].

Как отмечает австрийский социолингвист А. Ониско, понятие языкового контакта может относиться к индивидуальной коммуникативной практике отдельных представителей контактирующих вариантов или к коллективной коммуникативной практике целых языковых сообществ. В первом случае внимание исследователя обращено на когнитивные процессы переноса языковых единиц из речепроизводства представителя одного варианта в речепроизводство представителя другого варианта. Во втором случае имеют место социолингвистические процессы, результаты которых закрепляются в вариантах контактирующих сообществ [Onysko 2016, p. 206].

Можно предположить, что в конкретных контекстах индивидуальной коммуникативной практики отдельных представителей контактирующих вариантов объем и содержание формирующегося общего фонда языковых средств ориентируются на тех участников, которые демонстрируют наиболее низкий уровень владения языком.

С. Муфвене считает, что взаимодействие участников межнациональной коммуникации служит центральным фактором языковых контактов: «Все причины изменений в любом языке являются внешними по отношению к структуре языка и заложены в коммуникативных актах, где происходит аккомодация участников, необходимая для взаимного понимания, и адаптация их языкового материала для передачи новых идей» [Mufwene 2008, p. 31-32].

Взаимодействие участников межнациональной коммуникации в ситуациях языковых контактов представляет собой особый вид вторичной социализации, инструментом которой служит язык. Напомним, что социализация определяется как всестороннее и последовательное

вхождение или интернализация индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть. Первичная социализация – это первая социализация, которой индивид подвергается в детстве и благодаря которой он становится членом общества. При всех специфических различиях интернализируемого содержания в процессе первичной социализации, в разных обществах есть обязательный фактор – это язык, который должен быть интернализован в первую очередь. Вместе с языком и посредством языка усваиваются различные мотивационные и интерпретационные схемы [Бергер, Лукман 1995, с. 220, 230].

Вторичная социализация представляет собой интернализацию новых институциональных или институционально обоснованных сообществ: это каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые секторы объективного мира [Бергер, Лукман 1995, с. 213, 214]. Для того чтобы быть успешной, вторичная социализация требует интернализации структуры и семантики языковых средств, позволяющих идентифицировать и интерпретировать факты в рамках новой институциональной сферы [Бергер, Лукман 1995, с. 226].

В отличие от первичной социализации, имеющей универсальный характер, вторичная социализация в условиях межнациональной коммуникации является ситуативной, и ее участники должны добиваться взаимной аккомодации и адаптации их языкового материала. Практический код, формируемый участниками межнациональной коммуникации, – это их транснациональный язык, их лингва франка, который, помимо общего фонда языковых средств, должен содержать набор коммуникативных стратегий и лингвокультурных знаний, необходимых для взаимной адаптации коммуникативного поведения.

В нашем понимании АЯ межнациональной коммуникации – это не регистр и не вариант, а ситуативная языковая практика представителей любых вариантов АЯ, в которой они взаимодействуют с целью формирования общего фонда языковых средств, т.е. практического кода, и

проходят вторичную социализацию, интернализуя не только языковые средства, но и элементы культуры партнеров коммуникации.

Приведенный выше краткий обзор некоторых подходов к АЯ межнациональной коммуникации служит иллюстрацией широкого диапазона представлений, которые отражают многообразие его функций в современном мире.

1.6. Статус английского языка как лингва франка

Уместно вспомнить высказывание немецкого историка К. Шлегеля о том, что английский язык – это лингва франка, знание которого может быть сведено к скудному, но необходимому минимуму: люди из соседних стран, не владеющие языками соседей, обмениваются самой важной информацией на английском. Он распространяется ежедневно, ежечасно, еженедельно, минута за минутой, будь то новостное агентство *CNN*, газеты *Moscow Times*, *Baltic Independent*, *Prague Post* или стойка регистрации в гостинице, объявления в аэропортах, инструкции безопасности в самолетах, подсказки в банкомате. Весь мир говорит по-английски, Европа в том числе [Schlögel 2007].

По словам Г. Уиддоусона, людям, говорящим на английском как лингва франка (АЛФ), нет необходимости следовать нормам и стандартам носителей АЯ. Реально используемые ими формы АЯ следует признать легитимным фактором развития английского языка как инструмента международной коммуникации [Howatt, Widdowson 2004, p. 361; Widdowson 1994, p. 385]. АЛФ предполагает равные коммуникативные права для всех своих пользователей, которые не рассматриваются как лица, изучающие АЯ, следовательно допускаемые в их АЛФ отклонения от норм и стандартов носителей языка не следует анализировать как ошибки [Jenkins 2008, p. 1; 2009, p. 202; Mauranen, Metsä-Ketelä 2006, p. 1].

Для обеспечения успешной межнациональной коммуникации на АЛФ требуются следующие предпосылки: а) АЯ, используемый в международных контекстах, должен содержать общий фонд языковых средств, достаточно нормированный в фонетическом, грамматическом и лексическом аспектах, чтобы быть понятным для участников с наиболее низким уровнем владения языком; б) представления о его правильности не ориентированы на нормы британского и/или американского варианта; в) он формируется и развивается по своим правилам, приемлемым для коммуникации представителей различных исходных лингвокультурных сообществ; г) в отклонениях от норм и стандартов носителей языка его исследователи должны видеть лингвистические инновации, порождаемые языковыми контактами, а попытки следовать моделям носителей АЯ являются неестественными, поскольку социокультурные характеристики этих языковых сообществ в значительной мере различаются [Jenkins 2007, p. 17; Mauranen, Metsä-Ketelä 2006, p. 2].

Эти предпосылки отражают новый этап научных представлений об английском языке как универсальном инструменте межнациональной коммуникации. Этот этап ознаменован такими крупными коллективными исследованиями, как, например, междисциплинарный проект ЮНЕСКО Инициатива V@bel (Initiative V@bel), 2001-2003 [Initiative V@bel], собравший данные об использовании АЯ в Интернете студентами 12 стран. Масштабные проекты осуществляются в Венском университете – Проект VOICE (the Vienna-Oxford International Corpus of English), 2006-2009 [VOICE. 2009], и в университете Хельсинки, Проект ELFA, где собран огромный фактический материал, отражающий АЯ неносителей в различных коммуникативных контекстах [Mauranen 2010].

Среди исследователей АЛФ нет единства мнений относительно его природы. Так, например, исходя из функционального критерия, А. Фирт определяет, что АЯ, используемый как лингва франка, – это **контактный язык** общения людей, не разделяющих ни национальный язык, ни

национальную культуру, но избравших его в качестве иностранного языка межнациональной коммуникации. Таким образом, он представляет собой дополнительно приобретенную языковую систему, служащую инструментом общения для неносителей, говорящих на разных национальных языках [Firth A. 1996, p. 240]. В отличие от А. Фирта лингвисты, работающие в известном проекте VOICE, постоянно подчеркивают, что одним из таких национальных языков может быть АЯ его носителей, хотя коммуникативные ситуации с их участием составляют только 10% от всего корпуса аудиозаписей проекта VOICE, что соответствует количеству таких ситуаций в реальной коммуникации на АЛФ [VOICE. 2009].

Руководитель проекта VOICE Б. Зайдльхофер убеждена, что АЛФ – это дополнительно приобретенная языковая система (*an additionally acquired language system*) для людей с разными национальными языками, включая и носителей АЯ, когда они участвуют в межкультурной и межнациональной коммуникации. Однако АЛФ – это уже не тот АЯ, который принадлежит его носителям: он стал собственностью тех, кто придал ему универсальный характер в процессе международной коммуникативной деятельности. АЛФ нельзя считать плохим или ущербным АЯ, т.к. он отличается от АЯ носителей не только по форме, но и по функции и обладает достаточным потенциалом, чтобы достигать предназначенные ему коммуникативные цели [Seidlhofer 2001, p. 141]. Б. Зайдльхофер также отвергает попытки следовать моделям носителей АЯ, подчеркивая парадоксальность этого требования в ситуации, когда неносители АЯ, фактически использующие язык-посредник, АЛФ, соотносятся с носителями АЯ в пропорции 4:1. При этом носители АЯ не участвуют, как минимум, в 3/4 коммуникативных ситуаций АЛФ, но, несмотря на это, их нормы и стандарты все еще, по укоренившейся традиции, считаются образцовыми в англоязычной коммуникации. [Seidlhofer 2005, p. 340]

АЛФ может использоваться в широком диапазоне коммуникативных ситуаций – от обмена простыми высказываниями до научной дискуссии. Межкультурная коммуникация на АЛФ определяется не формальными лингвистическими критериями, а такими факторами, как лингвокультурные знания, сотрудничество, аккомодация, открытость к лингвистическим инновациям [Clyne, Sharifian 2008, p. 8; Cook 2002, p. 3, 7; Hülmbauer 2009, p. 26; McKay 2003; Seidlhofer 2011, p. 7-10].

Дж. Дженкинс, А. Кого и М. Дьюи отмечают, что, определяя статус АЛФ, с одной стороны, необходимо отталкиваться от широко разработанной парадигмы английских языков мира (*well-established World Englishes paradigm*), поскольку парадигма АЛФ, как и парадигма английских языков мира, направлена на изучение новых вариантов английского языка, функционирующих независимо от вариантов его носителей. С другой стороны, исследователи АЛФ должны учитывать, что АЛФ не является одним из национально или регионально ограниченных вариантов неносителей АЯ (*“bounded” varieties of non-native speaker English*), и он настолько взаимосвязан с процессами глобализации, что ориентация на традиционные варианты парадигмы *World Englishes* не будет эффективной [Jenkins, Cogo, Dewey 2011, p. 284].

Сложность определения статуса АЛФ иллюстрируется тем фактом, что даже ведущие европейские исследователи не остановились на каком-либо одном термине для номинации этого феномена. Так, Б. Зайдльхофер в публикации 2001 г. характеризует АЛФ как **контактный язык, жизнеспособный вариант АЯ** (*EFL as a viable variety*) [Seidlhofer 2001, p. 138, 141], в публикации 2005 г. – как **способ коммуникации** между людьми, имеющими различные национальные языки [Seidlhofer 2005, p. 339], в публикации 2009 г. – как совокупность **особых регистров**, используемых в сообществах, объединенных определенным видом деятельности (*communities of practice with their particular ELF registers*) [Seidlhofer 2009, p. 239].

Поиски решения проблемы статуса АЛФ побудили некоторых социолингвистов квалифицировать его как регистр английского языка. Например, немецкий социолингвист Дж. Хауз признает АЛФ **специальным регистром АЯ**, который выполняет функцию **контактного языка** межнациональной коммуникации для представителей стран Расширяющегося круга и, при этом, может использоваться как в странах Расширяющегося круга, так и в странах Внутреннего и Внешнего кругов при условии, что один из коммуникантов является представителем страны Расширяющегося круга или все коммуниканты относятся к этой категории [House 1999, p. 73-74].

Ее позицию разделяет профессор Клагенфуртского университета (Австрия) А.Р. Джеймс, который утверждает, что АЛФ является **регистром**, поскольку используется в процессе коммуникации, обусловлен характером социальной деятельности, семантически гибок и разнообразен, ограничен функционально и имеет типичные свойства разговорного **языка для специальных целей** [James 2000, p. 33].

По мнению шведского исследователя С. Моллин, факторы, объединяющие сообщество пользователей АЛФ, находятся в области дискурса, прагматики и коммуникативных стратегий, поэтому она предлагает классифицировать АЛФ не как вариант АЯ, а как **регистр, язык для специальных целей**, который может интегрироваться в национальный вариант АЯ только на функциональном уровне [Mollin 2006, p. 41, 51].

Аналогичное мнение высказывает португальский социолингвист Л. Кавалейро, указывающая, что, в отличие от варианта, **регистр АЛФ** связан со **специальными функциями и целями** пользователей и отличается разнородностью [Cavalheiro 2008, p. 24].

Сопоставим эти дефиниции с определением термина «регистр» в Словаре социолингвистических терминов: регистр – это наименование языковой подсистемы, детерминированной параметрами ситуации общения и стилями общения – официальным, нейтральным и неофициальным

[Словарь социолингвистических терминов 2017]. И.В. Арнольд уточняет, что понятие регистра близко, но не тождественно понятию функционального стиля. Регистр – это вариант языка, зависящий от условий использования и от того, кто говорит. Это набор возможных в данном социальном контексте семантических ресурсов, которые представитель той или иной культуры ассоциирует с тем или иным типом ситуации [Арнольд 1991, с. 31].

Сопоставляя эту дефиницию регистра с приведенными выше определениями социолингвистов, мы видим, что они эксплицитно или имплицитно трактуют АЛФ как регистр, представляющий собой специализированную подсистему, характеризуемую ее основным свойством – функциональностью. Если функциональность АЛФ очевидна, то с представлением о нем как о подсистеме невозможно согласиться, поскольку, во-первых, это вызывает вопрос: подсистема чего? Во-вторых, специализация АЛФ как дополнительно приобретенной языковой системы заключается именно в его функции инструмента транснационального общения, не ограниченного областью социальной деятельности, дискурса, прагматики пользователей и, добавим, их принадлежностью к той или иной стране Расширяющегося, Внутреннего и Внешнего кругов.

В подтверждение этому приведем мнение автора многочисленных учебников по преподаванию английского как второго языка Л. Продрому, который считает европейский АЛФ отдельным, генерирующим собственные нормы **международным вариантом АЯ в ряду других таких же, приспособленных к местным условиям вариантов** (*a separate norm-generating international variety of English along the lines of indigenized varieties of English*). [Prodromou 2007, p. 48] Идею множественности АЛФ подчеркивает и Дж. Дженкинс, определяющая его как англоязычную коммуникативную практику, участники которой принадлежат к различным исходным языковым сообществам (*English as a lingua franca is a way of*

referring to communication in English between speakers who have different first languages) [Jenkins 2007, p. 5; 2008, p. 2].

Вариативность АЛФ может быть описана в терминах представлений о разных способах выражения какой-либо языковой сущности: как ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы. Отметим, что в трудах А.И.Домашнева, Ю.А. Жлуктенко, В.М. Солнцева, Д.А. Шахбаговой [Домашнев 1990; Жлуктенко 1981; Солнцев 1998; Шахбагова 1986], разработавших теорию языковой вариативности, понятие варианта языка определяется не только наличием у него своих специфических отличительных признаков (фонетических, грамматических, лексических), но и его нормированным характером, наличием собственной кодифицированной нормы.

Соответственно, задача квалификации АЛФ как варианта языка требует систематизации типичных языковых средств, используемых в коммуникации на АЛФ [Dewey 2007, p. 348]. Нативизация каждого нового варианта, создание его системы, реализующейся в грамматике, лексике и фонетике, – сложный и длительный процесс, поэтому, в случае преждевременных попыток систематизировать новые варианты, существует серьезный риск неверной интерпретации временных и неустойчивых форм как фиксированных и нормативных [Joseph 2006, p. 145]. Такой же риск существует при попытке систематизировать АЛФ как сложившийся новый вариант глобального английского языка.

Последователи Б. Качру идентифицируют локальные (национальные и региональные) варианты в трех аспектах – территориальном, языковом и культурном, т.е. по критерию географической локализации, по характерным отклонениям от исходного (британского) языкового стандарта, по отраженным в конкретном варианте АЯ специфическим культурным реалиям данного региона [Alcón Soler 2007; Bolton 2006c; Canagarajah, Wurr 2011; Clyne, Sharifian 2008; James 2005; Khubchandani 1997; McArthur 2004; Melchers, Shaw 2003; Modiano 1999].

Применимы ли к АЛФ территориальные, языковые и культурные параметры оценки вариантов? Является ли АЛФ контактным языком межнациональной и межкультурной коммуникации, одним из новых вариантов АЯ, связанных с определенными сообществами, или же только функцией любого варианта АЯ, осуществляемого в ситуациях коммуникации между людьми с разными национальными языками?

Отметим, что традиционное содержание терминов **языковое сообщество** и **вариант языка** не соответствует тенденциям глобализации АЯ, оформившимся в конце XX – начале XXI вв. Пример такого традиционного подхода демонстрирует известный английский лингвист С. Гринбаум в предисловии к сборнику «*Comparing English Worldwide: The International Corpus of English*» [Greenbaum 1996], посвященному созданию Международного Корпуса АЯ [Michigan Corpus 2007]. С. Гринбаум пишет, что проект создания международной базы АЯ должен быть ограничен вариантами, используемыми в странах, где он является основным национальным или дополнительным официальным языком, т.е. средством коммуникации в пределах каждой такой страны. В другой публикации С. Гринбаум утверждает, что вариант АЯ становится легитимным вариантом только если он идентифицируется с территориально организованным сообществом пользователей АЯ [Greenbaum Introducing 1996, p. 3].

Нежелание видеть изменившуюся реальность и решать теоретические, методологические и идеологические проблемы, связанные с глобальной функцией и возникновением новых вариантов АЯ, Б. Качру называет парадигматической близорукостью – «*paradigm myopia*» [Kachru The paradigms 1996, p. 242]. С ним солидарна Б. Зайдльхофер, по мнению которой парадигматическая близорукость побуждает некоторых лингвистов игнорировать реальную ситуацию с АЛФ, поскольку они не могут подогнать его под привычное определение варианта языка, а его

пользователей – под категорию языкового сообщества [Seidlhofer 2009, p. 239].

Как пишет Б. Зайдльхофер, проблема определения статуса АЛФ заключается в том, что он не является традиционным вариантом, и для его идентификации необходимо пересмотреть такие понятия, как язык и языковое сообщество. В условиях глобальной коммуникации языковое сообщество характеризуется не столько критериями географической локализации и культурными реалиями данного региона, сколько совместной деятельностью, требующей использования общего языкового репертуара [Seidlhofer 2009, p. 238].

Б. Зайдльхофер предлагает квалифицировать сообщества пользователей АЛФ как сообщества практики – *communities of practice* или дискурсивные сообщества – *discourse communities* [Seidlhofer 2007, p. 308].

Термин, «сообщество практики» (*community of practice*), описывает группу людей, объединенных общими интересами, профессией или видом деятельности. Концепцию *community of practice*, сообщества практики или деятельностного сообщества впервые предложили в 1991 г. Дж. Лейв и Э. Уэнгер [Lave, Wenger 1991, p. 29] для того, чтобы обозначить группу людей, вовлеченных в совместную деятельность. В дальнейшем концепция сообщества практики получила развитие в работах Э. Уэнгера и активно использовалась для анализа коммуникативных отношений, которые складываются в процессе обмена знаниями в определенных контекстах [Wenger 1998].

Э. Уэнгер определяет сообщества практики как группы людей, разделяющих интерес к какой-либо области, в которой они регулярно взаимодействуют и учатся совершенствовать это взаимодействие [Wenger 1998, p. 45]. Результатом такого совместного обучения и совместных действий является практика, которая отражает как само взаимодействие, так и сопутствующие ему социальные отношения. Эта практика служит

специфическим свойством данного сообщества, поэтому оно именуется сообществом практики.

Три основных условия необходимы для формирования сообщества практики: 1) идентификация по разделяемой области интересов; 2) совместные действия людей, разделяющих интересы в данной области; 3) регулярная практика, в процессе которой члены данного сообщества приобретают и накапливают наборы средств взаимодействия, опыт совместной деятельности и способы решения возникающих проблем [Wenger 1998, p. 45, 46]. Сообщества практики развиваются в тех областях, которые играют важную роль в жизни людей, их члены вступают в сложные социальные отношения и приобретают свойство коллективной идентификации в процессе совместной деятельности [Lave, Wenger 1991, p. 98].

Дискурсивные сообщества – *discourse communities* (термин введен в 1990 г. Дж. Суэйлсом [Swales 1990]) представляют собой группы людей, характеризующиеся общими деятельностными нормами и объединяемых тем, что они сообществом владеют определенным количеством типов или жанров дискурса, при помощи которых они осуществляют свои коммуникативные цели. В широком смысле дискурс отражает общие коммуникативные особенности данного дискурсивного сообщества, особые условия коммуникации его конкретных участников [Swales 1990, p. 58; Seidlhofer 2007, p. 308].

По Дж. Суэйлсу, термин *discourse community* увязывает понятие *discourse*, охватывающее все формы коммуникации, передающие особый институциональный образ мышления, с понятием *community*, которое относится к людям, использующим эти формы, т.е. создающим этот дискурс. Дискурсивное сообщество – это группа людей, которые «говорят на одном языке», разделяют знания о каких-либо темах и владеют общим словарем, чтобы обсуждать эти темы [Swales 1990, p. 58]. Таким образом, в

языковом аспекте дискурсивное сообщество представляет собой языковой коллектив, вырабатывающий языковые маркеры групповой идентификации.

Оба термина, сообщество практики и дискурсивное сообщество, обозначают один и тот же феномен, но первый термин делает акцент на совместной области интересов и деятельности, осуществляемой в этой области, а второй – на общих коммуникативных особенностях сообщества, вырабатывающего дискурс в данной области интересов. Вторым термином является более предпочтительным для исследования скандинавской языковой ситуации.

В различных контекстах дискурсивных сообществ коммуниканты, взаимодействующие на АЛФ, отличаются разнообразием лингвокультурного происхождения. Б. Зайдльхофер соотносит процесс их речевого взаимодействия с понятием ‘*linguaging*’ – производство языка [Seidlhofer 2009, p. 242], содержание которого было раскрыто в социокультурных исследованиях М. Суэйн [Swain 2006]. М. Суэйн определяет ‘*linguaging*’ как динамичный, непрерывный процесс использования языка для передачи смысла, как оформление и организацию ментальных процессов средствами языка [Swain 2006, p. 96].

В условиях коммуникации на АЛФ, ‘*linguaging*’ – это реализация вслух, в режиме *on-line* того, как участники подбирают наиболее оптимальные языковые средства для достижения своих коммуникативных целей [Jørgensen, Juffermans 2011]. Как утверждает М. Суэйн, ‘*linguaging*’ помогает оптимизировать усвоение второго языка, т.к. включает механизм, который она называет: «*coming-to-know-while-speaking*», что можно перевести как: «узнаю в говорении» [Swain 2006, p. 100].

Для наименования участников процесса производства языка (‘*linguaging*’) распространился термин ‘*linguagers*’ [Phipps 2006]. А. Фиппс называет «ленгвиджерами» тех людей, которые в ходе речевого общения выходят за пределы привычных норм и пытаются выработать другие, более

рациональные, в их представлении, языковые средства достижения коммуникативных целей [Phipps 2006, p. 12]

В этом плане люди, говорящие на АЛФ, также являются «ленгвиджерами», т.к. они полностью вовлечены в речевое взаимодействие и используют свой потенциал языковых средств и коммуникативных стратегий, «концентрируя внимание не на правильном применении языкового кода, а на доведении смысла до своих собеседников» [Seidlhofer 2009, p. 242]. Реализация вслух, в режиме *on-line* того, как участники подбирают наиболее оптимальные языковые средства для достижения своих коммуникативных целей, является приемом функционально-прагматического подхода, который позволяет отнести на счет коммуникативных стратегий такие отмеченные исследователями устойчивые особенности АЛФ, как более короткие предложения, урезанный словарь, отсутствие идиоматичности, некоторые морфосинтаксические маркеры и т.п. [Mollin 2006, p. 51].

В транснациональной коммуникации могут использоваться два вида АЛФ – институциональный и неинституциональный. Мы определяем неинституциональный АЛФ как нерегулярную, ситуативную языковую практику транснациональной коммуникации, в которой а) участники являются представителями различных исходных языков; б) один или все участники не идентифицируются по какой-либо специальной области интересов; в) вторичная социализация и интернализация элементов культуры партнеров не является обязательным фактором; г) взаимодействие с целью формирования общего фонда языковых средств, т.е. практического кода, отвечает ситуативным потребностям коммуникативного контекста. Это, например, бытовое общение случайно встретившихся людей в зарубежных поездках, в местах отдыха и проведения международных массовых мероприятий, в социальных сетях.

Институциональный АЛФ – это языковая практика с использованием устного и письменного статусно-ориентированного дискурса, который, по

определению В.И.Карасика, представляет собой речевое взаимодействие в рамках сложившихся общественных институтов Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного языкового сообщества [Карасик 2002, с. 277–279].

Мы относим институциональный АЛФ к сфере транснациональной коммуникации, где взаимодействуют представители различных национально-языковых сообществ, например, в международной академической коммуникации, участники которой объединяются принадлежностью к области образования и науки. Дж. Дженкинс подчеркивает необходимость наличия коммуникативных контекстов, в которых используется АЛФ как предпочтительный язык общения (*the common language of choice*) между людьми, принадлежащими к различным исходным лингвокультурным сообществам [Jenkins English... 2009, p. 200].

Институциональный АЛФ, формирует дополнительно приобретенную языковую систему, общий для данного коллектива фонд языковых средств, а его пользователи проходят вторичную социализацию, интернализуя не только языковые средства, но и элементы лингвокультуры партнеров коммуникации.

Институциональный АЛФ может использоваться в широком диапазоне коммуникативных контекстов институционального сообщества – от обмена простыми высказываниями до научной дискуссии. Межкультурная коммуникация представителей данного сообщества определяется не формальными лингвистическими критериями, а такими факторами, как лингвокультурные знания, сотрудничество, аккомодация, открытость к лингвистическим инновациям. Институциональный АЛФ является зонтичным термином. Он обслуживает транснациональные группы – дискурсивные сообщества, объединенные на основе совместной культурной, профессиональной, социальной и т.п. практики, выходящей за

пределы одной нации, одного государства. Материальной базой для исследования институционального АЛФ должны быть его самостоятельные разновидности, являющиеся средством общения таких коллективов.

Может ли английский как лингва франка быть включен в модель Б. Качру и, если может, то на основании каких критериев?

Дж. Дженкинс высказывает предположение, что можно провести аналогию между АЛФ и АЯ носителей языка в том, что региональные варианты АЛФ, подобно вариантам внутреннего круга, имеют как общие характеристики, так и региональные отличия [Jenkins English... 2009, p. 202-204]. При этом она справедливо критикует и тех исследователей, кто представляет АЛФ в виде монолитного варианта, некой мономодели, утратившей лингвокультурную идентичность [Rubdy R., Saraceni 2006, p. 11], и тех, кто настаивает на поливариантности АЛФ, предполагающей отсутствие каких-либо норм и стандартов [Prodromou 2006; 2007].

АЛФ выполняет прагматическую функцию языка транснациональной коммуникации, в которой могут принимать участие все говорящие по-английски, независимо от того круга модели Б. Качру, к которому они относятся. Однако же анализируя позиции исследователей вариативности глобального английского языка мы приходим к пониманию того, что локализация АЛФ в пределах модели трех кругов невозможна, и попытки характеризовать его как один из вариантов Расширяющегося круга только на основании функционально-прагматического критерия не имеют перспективы. АЛФ не привязан к какому-либо географическому региону, а ориентирован на обслуживание коммуникативных потребностей индивидуумов и социально ограниченных групп людей в тех коммуникативных контекстах реального и/или виртуального пространства, которые требуют их взаимодействия.

1.7. Формирование европейского национально-английского билингвизма

Японский лингвист Я. Яно относит европейский АЯ к числу региональных вариантов, которые могут функционировать в качестве инструмента межнациональной коммуникации не только на региональном, но и на глобальном уровне [Yano, 2001, p. 126]. В соответствии с концепцией Б. Качру, АЯ, используемый в неанглоязычных странах Европы, представлен нормозависимыми речевыми вариантами третьего, Расширяющегося круга, выполняющими, «...главным образом, функцию межкультурного, межнационального общения, успешность которого зависит от степени владения речевой нормой» [Прошина Терминологическая, 2015, с. 107].

Исследования Евробарометра, Информационно-исследовательского центра Европейской Комиссии, обнародованные в феврале 2012 г. под рубрикой «Европейцы и их языки», [Europeans... 2012] показывают, что большинство европейцев (от 54% в 2012 г. до 56% в 2014 г.) могут говорить на каком-либо иностранном языке, в дополнение к своему родному языку. Наиболее многоязычны граждане Люксембурга, где 99 % знают хотя бы один иностранный язык, а затем словаки (97 %) и латыши (95 %) (см. Таблицу 2).

Таблица 1-2.

Шкала национальных уровней владения одним иностранным языком (%)
в 27 странах ЕС.

Люксембург	99%	Австрия	62%
Словакия	97%	Чехия	61%
Латвия	95%	Греция, Польша	57%
Литва, Мальта	92%	Франция	51%
Нидерланды, Словения	91%	Испания	44%
Швеция	90%	Венгрия, Португалия	42%
Эстония	89%	Италия	41%
Дания	88%	Великобритания	38%
Кипр	78%	Ирландия	34%
Бельгия	74%	Венгрия	71%
Финляндия	69%	Болгария	59%
Германия	67%	Румыния	47%

Самым популярным вторым языком в Евросоюзе является английский, за ним следуют немецкий и французский, а затем русский, благодаря присоединению к ЕС стран Восточной Европы, и испанский. Наиболее многочисленную группу европейских билингвов составляют студенты – 8 из 10 студентов могут говорить хотя бы на одном иностранном (в основном, английском) языке [Europeans... 2012]. Для сравнения, по результатам всероссийского опроса общественного мнения, проведенного Левада-центром 25–28.04.2014 г., 70% россиян не владеют ни одним из иностранных языков. Среди тех, кто владеет каким-либо из языков, 11% могут изъясняться на английском языке, и это число вдвое больше в группах молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, людей с высшим образованием и жителей крупных городов [Исследование... 2014].

Согласно данным Евробарометра [Europeans... 2012], 38% населения Евросоюза владеют АЯ в достаточной мере для свободного общения.

Приведенная в отчете Евробарометра шкала национальных уровней владения АЯ дает представление о том, насколько различаются масштабы его реального распространения в различных регионах Европы (лучший показатель 2012 г. был у Норвегии, хотя статистика Евробарометра ее не включает, т.к. она не является членом Евросоюза). В верхней части шкалы находятся Нидерланды – 90%, Мальта – 89%, Дания и Швеция – по 86%, а непосредственно за ними следуют Кипр – по 73%, Финляндия –70%. В нижней части шкалы располагаются Франция (39%), Италия (34%), Румыния (31%), Португалия (27%), Испания (22%), Венгрия (20%).

Шкала национальных уровней владения АЯ представлена в Таблице 3, куда мы включили и Норвегию, которая не является членом Евросоюза).

Таблица 1-3.

Шкала национальных уровней владения АЯ (%) в странах ЕС и в Норвегии.

Норвегия	91%	Хорватия (член ЕС с 07.2013)	49%
Нидерланды	90%	Греция	48%
Мальта	89%	Эстония	46%
Дания, Швеция	86%	Латвия, Франция	39%
Кипр	73%	Италия	34%
Финляндия	70%	Словакия, Литва	32%
Люксембург	60%	Польша, Румыния	31%
Бельгия	59%	Португалия	27%
Австрия	58%	Чехия	24%
Словения	57%	Испания	22%
Германия	56%	Болгария, Венгрия	20%

Добавим к этому, что по результатам ежегодного тестирования взрослых трудоспособного возраста, проводимого международной образовательной компанией EF Education First в 70 странах мира, наиболее высокий Индекс владения английским языком в 2015 г. показали жители

5 стран: Швеция – 70,94%; Нидерланды – 70,58%; Дания – 70,05%; Норвегия – 67,83%; Финляндия – 65,32% [EF English... 2016].

М. Бернс, одна из первых, предложила рассматривать Евросоюз как единое социолингвистическое пространство (*a sociolinguistic unit*) распространения регионального варианта АЯ в рамках модели Б. Качру [Berns 1995, p. 4]. Она отмечала, что, подобно ситуации в Индии, АЯ выполняет функцию инструмента общей коммуникации и способствует укреплению региональной идентичности Евросоюза. АЯ подвергается нативизации или европеизации на формальном, контекстуальном и дискурсивном уровнях, широко внедряется не только как основной иностранный язык, но и как язык обучения, повсеместно используется в транснациональной коммуникации европейских институтов.

М. Бернс [Berns 1995, p. 9] и О. Финдал [Findahl 1996, p. 232] отмечают неправомерность включения всех разновидностей европейского АЯ в Расширяющийся круг модели Б. Качру только на том основании, что в неанглоязычных странах Европы он преподается в качестве (первого) иностранного языка в системе образования, не объявлен официально вторым языком и не признан институциональным вариантом на государственном уровне. В интранациональной коммуникации европейских стран АЯ задействован во многих специальных областях. По мнению М. Бернс, классификация европейского АЯ по модели Б. Качру осложняется динамичностью и разнообразием контекстов использования языка [Berns 1995; 2005; 2009].

Приоритет в популяризации термина *Euro-English*, вероятно, принадлежит немецкому социолингвисту Б. Карстенсену [Carstensen 1986], который в 1986 г. отметил общие черты развития «англизированного» слоя лексики в нескольких европейских языках, расширение использования АЯ в интраевропейской коммуникации и предположил, что в Европе складывается свой региональный вариант АЯ.

В 1996 г. эту идею поддержал В. Фирек, утверждавший, что, «если говорят об африканском английском и азиатском английском, то можно говорить и о европейском английском (*European English or Euro-English*), имея в виду, что существуют такие его субварианты, как, например, итальянский английский или немецкий английский» [Viereck 1996, p.16].

В исследованиях К. Александра (1999), Я. Кеноз и У. Есснер (2000) также фиксировалась устойчивая тенденция развития евроанглийского варианта, сохраняющего некоторые черты американского и британского вариантов, но в значительной мере отличающегося от них [Alexander 1999, p. 27; Cenoz, Jessner 2000, p. viii].

Европейский вариант английского языка (*European variety of English*), часто называемый «*Euro-English*», признается многими исследователями [Jenkins 2007; Graddol 2006; Mauranen, Metsä-Ketelä 2006; Modiano 2003; Seidlhofer 2001] как неоднозначная, но неоспоримая лингвокультурная реальность. *Euro-English* в самом широком смысле этого термина определяется как АЯ англоговорящих граждан Евросоюза, как их транснациональный вариант иностранного языка (*a transnational foreign language variety*) [Schmied 2010, p.149]. В Таблице 3 было показано, что среди стран европейского континента существуют значительные расхождения средних величин национального уровня владения АЯ (от 20% в Венгрии и 22% в Испании до 90% в Нидерландах и 91% в Норвегии).

Диапазон расхождений свидетельствует о том, что по объему функций, выполняемых АЯ, страны Европы можно разделить на три группы: в одних странах АЯ довольствуется статусом иностранного языка, предназначенного для межнациональной коммуникации их жителей, в других – он фактически является вторым языком интранационального общения, а в третьих – занимает промежуточную позицию. Между этими группами нет каких-либо четких границ, и, по мнению Э. Эдвардс, они представляют собой континуум АЯ как иностранного языка и АЯ как второго языка [Edwards The progressive ... 2014, p.173].

Идентификация статуса АЯ в той или иной стране возможна с применением социолингвистических критериев, разработанных Б. Качру, Э. Шнайдером, Р. Моагом и др. [Buschfeld 2011; Kachru 1992; Moag 1992; Mollin 2006, 2007; Schneider 2007], которые могут быть обобщены в следующей классификации [Buschfeld 2011, p. 96; Mollin 2006, p. 52; 2007, p. 173], в которой выделяются четыре основных фактора:

1. Расширение функций АЯ: а) распространение массового национально-английского билингвизма, б) интранациональное использование АЯ в нескольких областях (образование, управление, средства массовой информации, межэтническое общение внутри страны).

2. Нативизация АЯ на фонологическом, морфосинтаксическом, лексическом и прагматическом уровнях: а) распространение отдельных нативизированных структур в речепроизводстве на АЯ среди $\geq 30\%$ населения, б) расширение предпочтительного использования нативизированных структур среди $\geq 50\%$ населения с перспективой последующей систематизации, ведущей к развитию и закреплению локальной нормы.

3. Институционализация: а) признание национального варианта АЯ в качестве локальной нормы (возможно, но не обязательно на уровне государственных и общественных институтов), б) широкое использование локальной нормы в различных областях жизнедеятельности, в) кодификация (возможная, но не обязательная для признания национального варианта).

4. Расширение путей усвоения языка за пределами системы образования.

С. Моллин пишет, что распространение национально-английского билингвизма слушит первым признаком внедрения АЯ в конкретном сообществе [Mollin 2006, p. 46; 2007, p. 170]. Вопрос в том, что сложно определить минимальный процент билингвов, который делает сообщество двуязычным [Moag 1992, p. 247; Mollin 2006, p. 41; Williams 1987, p. 163], и,

если этот минимальный процент меньше 1/3, то, как пишет С. Моллин, следует отказаться от термина *Euro-English*, т.к. АЯ, используемый в Европе, является нормозависимым, а не нормообразующим (*The term should be discarded. Continental Europe is, as far as English is concerned, norm-dependent but not norm-developing*) [Mollin Euro-English 2006, p.199].

Действительно, зонтичный термин *Euro-English* обобщает разные типы функционирования АЯ в странах Европы, поэтому идентификация статуса АЯ в каждой отдельной стране должна базироваться на объективных критериях оценки билингвизма, нативизации и институционализации языка [Edwards English... 2014, p. 28, 29].

Представления о пороге билингвизма, нативизации и институционализации, за которым английский как иностранный язык становится английским как вторым языком могут значительно варьироваться, но практически никто из авторов не утверждает, что эти критерии должны быть всеобъемлющими. Так, например, Э. Шнайдер пишет, что индигенизация языка начинается с того, что некоторые люди предпочитают новые формы старым, тогда как большинство придерживается привычных образцов [Schneider 2007, p. 44].

Порог нативизации – это тот этап когда вариант АЯ начинает развивать свои нормы и, в конечном счете, эти нормы принимаются официально и кодифицируются в грамматиках, словарях и справочниках [Moag 1992, p. 247; Mollin Euro-English 2006, p.139; 2007, p.173; Schneider 2003, p. 252]. Однако же кодификация не должна рассматриваться как обязательный этап, поскольку, если люди, говорящие на этом варианте, приняли его, хотя он и не признан официально, следует рассматривать его как практический вариант – *performance variety* [Buschfeld 2011, p. 94; Mollin 2007, p.173].

Примером, представляющим группу европейских стран, где практически сложился национальный вариант английского как второго языка, являются Нидерланды. Нидерландский лингвист М. Ван Остендорп

заметил, что голландцы превращаются из традиционно многоязычного населения, которое гордилось знанием иностранных языков, в двуязычное население, которое гордится знанием английского языка [Van Oostendorp 2012, p. 252]. Билингвизм, в первую очередь, выражается в представлении о всеобщем владении АЯ, который постоянно присутствует в телепрограммах, масс медиа, рекламе, бизнесе, школьном и высшем образовании и др. областях. АЯ является частью жизни и идентификационным признаком для молодежных и профессиональных групп, представители которых подвергают его систематической нативизации на всех уровнях языка [Edwards English... 2014, p. 226-228].

Несмотря на глубокое проникновение АЯ в жизнедеятельность Нидерландов, эту страну формально относят к странам Расширяющегося круга, а ее АЯ считают иностранным языком, хотя многие авторы характеризуют Нидерланды как одну из нескольких стран, переходящих из Расширяющегося круга в Внешний круг, т.к. АЯ фактически стал вторым национальным языком [Ammon, McConnell 2002, P. 99; Berns 1995, P. 9-10; Booij 2001, P. 347; Edwards English... 2014, p. 226; Ridder 1995, P. 44].

В то же время, широчайшее распространение АЯ во всех слоях нидерландского общества, с одной стороны, и отсутствие официально признанной кодификации и институционализации, с другой, не позволяют социолингвистам высказывать категоричные суждения. Так, например, М. Герритсен и К. Никерсон в 2004 г. исследовали АЯ в Нидерландах на основе критериев Б. Качру и нашли, что он «частично удовлетворяет» параметрам Внешнего круга, т.к. он, не будучи официальным вторым языком, используется интранационально, как рабочий язык, в образовании, бизнесе, искусстве и быту [Gerritsen, Nickerson 2004, p. 114–117]. В 2016 г. М. Герритсен и соавторы, полагаясь на дополнительные количественные и качественные данные, пересмотрели эту позицию и пришли к выводу, что АЯ в Нидерландах удовлетворяет критериям Расширяющегося круга [Gerritsen, Van Meurs 2016, p.471].

За последние 10–15 лет в публикациях многих авторов, изучающих использование АЯ в европейских странах, утвердилось новое понятие – *English as a lingua franca in Europe (ELFE)*, т.е. АЯ как лингва франка межнационального общения на территории Европы [Berns 2009; Dewey 2009; Fiedler 2001; Graddol 2006; Jenkins Interpretations 2009; Seidlhofer 2011].

Европейский АЛФ может рассматриваться в виде частного случая АЯ как международного контактного языка (*English as an international language – EIL*). В современных условиях, когда АЯ постоянно и в возрастающих масштабах используется в качестве инструмента академической, общественно-политической, бытовой коммуникации представителями различных национальных языков (*different first language backgrounds*) стран-членов Европейского Союза, на пересечении лингво-культурных границ, многие авторы считают номинацию «европейский АЯ – лингва франка» (ЕАЛФ) правомерной [Graddol 2006; James 2000; Jenkins 2008; Mauranen 2010; Seidlhofer 2007].

Суммируя основные характеристики ЕАЛФ, отмеченные в трудах европейских лингвистов и документах Евросоюза, определяющих языковую политику этой организации [Common European Framework; Erling 2004; House 2001; Jenkins 2006; Joint Council of Europe 2011; Languages in Europe 2001; MacKenzie 2009; Modiano 2003; Modiano 1999; Seidlhofer 2001], представим базовые положения, которые, по нашему мнению, должны составить методологическое обоснование исследования ЕАЛФ:

Во-первых, он только формируется как региональный вариант АЛФ и находится в начальной стадии процесса нормализации и легитимации – процесса, который формально противоречит декларируемому Европейским Союзом принципу равенства языков его членов. Официальному признанию статуса АЯ как общеевропейского контактного языка препятствуют такие социально-политические инструменты, как: а) противодействие представителей традиционных «больших» языков Европы, в первую

очередь, французского; б) политкорректная идеология функционального равенства языков государств-членов ЕС [Common European Framework; Joint Council of Europe; Languages in Europe 2001]; в) сопротивление влиятельного лобби переводчиков и лингвистов, представляющих национальные языки континентальной Европы в структурах ЕС [Wächter Internationalisation 2008].

Во-вторых, формирующийся ЕАЛФ не развивается в сторону уменьшения расхождений с нормами и стандартами британского и/или американского вариантов АЯ. Напротив, он вырабатывает собственные, приемлемые для континентальной Европы, критерии коммуникативной корректности на уровне общеприемлемых для европейцев норм произношения, грамматики и лексики.

Представители стран-членов Евросоюза усваивают АЯ в системе образования, в соответствии с языковой политикой своих стран, как основной иностранный язык школьной программы [Wächter Teaching 2008]. АЯ, преподаваемый в школе, ориентирован на британские и/или американские языковые нормы и стандарты, в реальной практике неизбежно модифицированные под влиянием конкретных национально-территориальных вариантов АЯ. Процесс обучения английскому как иностранному языку в школе подкрепляется прагматическими факторами бытового использования АЯ, прежде всего, в Интернете. В результате такого двустороннего процесса возникает диглоссия, где АЯ используется в четко определенной прагматической функции универсального инструмента межнационального общения.

В-третьих, ЕАЛФ как инструмент транснациональной коммуникации сам по себе не маркирован какой-либо национальной, региональной или местной идентичностью – это язык для коммуникации, а не для идентификации [House 2003, p. 559], но он может получать определенную ситуативную лингвокультурную идентичность от своих пользователей,

которые в процессе общения вырабатывают разделяемую ими межкультурную и межнациональную поведенческую основу.

В-четвертых, в сосуществовании ЕАЛФ и национальных языков ЕС не просматривается устаревшая, по крайней мере, для Европы, дихотомия национального языка и АЯ как «языка-агрессора», вытесняющего национальный язык из каких-либо сфер употребления на его территории, поскольку они выполняют различные функции. Более того, использование ЕАЛФ для транснациональной коммуникации мотивирует ее участников относиться к своему национальному языку как основной категории национальной идентичности, связывающей его носителей с национальной культурной и исторической традицией [House 2003, p. 561]. Следует признать устаревшим представление о европейце как монолингвальном индивидууме: англо-европейская диглоссия стала свершившимся фактом. Причем, это не диглоссия национального языка и английского (в традиционном представлении) языка, а диглоссия национального языка и ЕАЛФ.

Европейский АЛФ соотносится с языками европейских стран в трех плоскостях: Во-первых, он возникает и развивается в многоязычном контексте Европейского Союза, что изначально предполагает необходимость транскультурного и транснационального общения европейских коммуникантов, в рамках которого соотношение языков не является чем-то раз и навсегда закрепленным. Посмотрим, например, как изменилось соотношение языков, на которых составляются документы Евросоюза [Truchot 2002; Wright 2008]. См. Таблицу 4.

Таблица 1-4.

Языковое распределение документов ЕС в процентном отношении.

Год	Французский	Немецкий	Другие	Английский
1970	60%	40%	0%	нет
1986	58%	11%	5%	26%
1989	49%	9%	12%	30%
1991	48%	6%	11%	35%

1996	38%	5%	12%	45%
1997	41%	5%	8%	46%
1998	37%	6%	9%	48%
1999	35%	5%	8%	52%
2004	26%	3%	9%	62%
2006	14%	3%	11%	72%

Эти цифры говорят не о целенаправленном проекте по внедрению АЯ в практику документов Евросоюза, а о динамике удовлетворения потребностей тех, кому эти документы предназначаются. Тот факт, что АЯ последовательно вытесняет французский и немецкий языки из документации и обихода институтов Евросоюза, объясняется не влиянием английского языка Великобритании и США, а расширением сферы применения ЕАЛФ – более удобного для жителей континентальной Европы в качестве контактного языка, чем его соперники. Нет оснований предполагать, что эта тенденция изменится после выхода Соединенного королевства из Евросоюза.

Во-вторых, он подвергается естественному влиянию других языков [Cogo, Dewey 2006; Gnutzmann 2004; House 2001; Mauranen 2005] на всех уровнях языка (фонологическом, лексико-грамматическом и прагматическом). Будучи инструментом транснациональной и транскультурной коммуникации, он выступает как один из нескольких компонентов набора языковых кодов коммуникантов и участвует в переключении кодов, характерном для транскультурных коммуникативных ситуаций, в качестве языка-партнера, а не языка-агрессора.

В-третьих, ЕАЛФ используется коммуникантами, представляющими самые разные типы национальной, региональной, локальной культурной идентичности [Hülmbauer 2007]. Они могут дополнять свой АЛФ специфическими характеристиками произношения, лексико-грамматической системы и т.п.

Ведет ли распространение ЕАЛФ к ослаблению национальных языков? Ответим на этот вопрос на примере использования ЕАЛФ в Интернете. В рамках одного из спонсируемых ЮНЕСКО проектов [Wright

2008] был проведен опрос постоянно пользующихся Интернетом студентов в странах Азии, Африки и Европы, в результате которого было установлено соотношение времени, проводимого ими на англоязычных сайтах и сайтах на национальных языках. В Таблице 5 приводятся данные по пяти европейским странам, согласованные с отчетами проектов DYLAN – *Language dynamics and management of diversity* [DYLAN 2010; Francathe 2009], финансируемых Евросоюзом.

Таблица 1-5.

Соотношение времени, проводимого студентами на англоязычных сайтах и сайтах на национальных языках.

Страна	Процент времени пользования Интернетом на национальном языке и др. языках	Процент времени пользования Интернетом на АЯ
Италия	91% (итальянский и др.)	17%
Франция	86% (французский и др.)	29%
Польша	84% (польский и др.)	49%
Финляндия	51% (финский и др.)	81%
Македония	13% (македонский, др. не указаны)	84%

Опрошенные студенты демонстрируют лингвистическое разнообразие, которое противоречит привычному утверждению о том, что английский язык доминирует в Интернете всегда и в деятельности всех пользователей.

Суммарные цифры составляют меньше или больше 100%, т.к. респонденты, как правило, пользуются в течение одной Интернет-сессии несколькими языками. Использование АЯ в Интернете, судя по этим данным, сосуществует с использованием как национальных, так и других европейских языков. Например, итальянцы посещают сайты еще и на немецком и французском, французы – на немецком, поляки – на немецком, французском и русском, финны – на шведском и немецком. Можно утверждать, что в Интернете используются языки тех стран, экономика

которых может поддерживать соответствующие сайты. В этом плане величина 13% для македонских студентов свидетельствует о небольшом количестве сайтов на их национальном языке.

Использование ЕАЛФ в Интернете может содействовать языковой переориентации тех, на чьем языке говорят немногие, или тех, чье языковое сообщество не располагает экономическими ресурсами, позволяющими финансировать разработку сайтов на национальном языке. Вопрос о последствиях для менее распространенных языков требует дальнейшего изучения [DYLAN 2010; Francathe 2009].

АЯ в Интернете существует в виде социолектов, которые принадлежат тем, кто их использует в целях транснациональной и транскультурной коммуникации. Как выразился английский исследователь К. Брамфит, все европейцы, говорящие по-английски, – это полноправные пользователи, которые имеют возможность не только адаптировать язык применительно к своим потребностям и изменять его, но и формировать свои представления и убеждения, связанные с АЯ [Brumfit 2001, p. 116].

1.8. Культурная концептуализация английского языка в Европе

Недостаточная изученность культурной концептуализации АЯ, связанной со взаимодействием социально-культурных и языковых факторов и проявляющейся в многообразии форм существования АЯ, его социальной и территориальной дифференциации, признается отечественными и зарубежными лингвистами [Гураль, Смокотин 2014; Кочетова 2015; Шаталова 2014; Berns 1995; Findahl 1996].

Прагматические нормы транснационального языка подвержены культурной концептуализации, которая модифицирует культурные схемы межнациональной коммуникации, т.е., как пишет В.В. Кабакчи, «межкультурноязыковой контакт ...представляет собой пересечение кругов двух лингвокультур» [Кабакчи 2007, с. 53].

Такое пересечение имеет место в межнациональной коммуникации, и социолингвистическая реальность коммуникативных контекстов не допускает однозначного толкования их лингвокультурного содержания. По мнению турецкого исследователя Дж. Алптекина, в ситуации межнациональной коммуникации на английском как лингва франка вербализуются три вида культур: первичные культуры конкретных сообществ коммуникантов, интернациональная культура (например, в бизнесе, академической сфере, Интернете, сфере обслуживания, деловой переписке и проч.) и элементы базисной культуры носителей английского языка, которые могли быть усвоены в процессе обучения [Alptekin 2005, р. 9, 10].

Парадигма интернациональной культуры в ментальности европейцев складывается в процессе вторичной социализации, определяемой формальной принадлежностью к европейскому сообществу независимо от конкретной страны проживания. Усвоение элементов культуры носителей британского варианта АЯ вытекает из целенаправленного сохранения его норм как целевой модели в системе школьного образования, а усвоение элементов культуры американского варианта базируется на его использовании в телевидении, интернете, попкультуре, рекламе и т.п.

В целом, структура культурной составляющей европейской транснациональной коммуникации и специфика лингвокультурного компонента ЕАЛФ в различных европейских странах отражают длительный процесс вторичной социализации и интернализации АЯ, который имеет свои особенности в разных частях континента.

Безусловно, ЕАЛФ обладает определенной ядерной, первичной культурной ориентацией, общей для всех европейцев, точно также, как, по словам Б. Зайдльхофер [Seidlhofer 2001, р. 144], его грамматика, словарь, организация письменной речи определяются нормами, полученными в системе образования. В процессе нативизации ЕАЛФ каким-либо конкретным национальным сообществом он получает вторичную

культурную ориентацию и служит для членов сообщества инструментом вторичной социализации. Владение ЕАЛФ как инструментом вторичной социализации дает возможность реализовать национальные культурные нормы в транснациональной коммуникации.

Взаимодействие культур в процессе транснациональной коммуникации – особый вид непосредственных отношений и связей, которые складываются, по меньшей мере, между двумя культурами, а также тех влияний, взаимных изменений, которые появляются в ходе этих отношений [Фалькова 2007, с. 7]. Вариативность взаимодействия культур объясняется целым рядом факторов, включающих социальные, коммуникативные, психологические, лингвистические и другие аспекты данного явления [Завьялова 2014, с. 50].

Американские исследователи Дж. Чень и У. Староста отмечают, что, «как носитель культуры, коммуникация влияет на структуру культуры, и культура обязательно проявляется, обнаруживается в наших коммуникативных моделях, предопределяя, как нам следует разговаривать и вести себя» [Chen, Starosta 2005, p. 29]. Культура не только влияет на коммуникацию, но и сама подвергается ее влиянию, и чаще всего это происходит в процессе инкультурации, когда субъект коммуникации в той или иной форме коммуникации усваивает нормы и ценности культуры [Грушевицкая 2003, с. 27]. Некий устойчивый набор норм, установок и ценностей составляет определенное ядро культуры, и оно соответственно формирует вид и средства коммуникации, предпочитаемые в рамках данной культуры [Клещина 2009, с. 98].

Дж. Чень и У. Староста определяют межкультурную коммуникацию как «взаимообуславливающий процесс, во время которого мы выстраиваем отношение взаимозависимости путем обмена символами. Посредством участия в этом символическом обмене мы начинаем создавать мир коммуникативной реальности» [Chen, Starosta 2005, p. 21]. По словам Э. Лича, «коммуникация обеспечивается посредством

“выражающих” действий, которые проявляются в виде сигналов, знаков и символов», т.е. действий, направленных на изменение мира метафизическим путем или повествующих нечто о «состоянии мира, каким он является» [Лич 2001, с. 16]. Соответственно, межкультурная коммуникация – это «совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [Грушевицкая 2003, с. 142].

Идентификация субъектов транснациональной коммуникации связана с расширением их межкультурной компетенции. В применении к ЕАЛФ межкультурная компетенция позволяет участникам коммуникации осуществлять взаимодействие с представителями других национальных и культурных сообществ, поскольку именно ЕАЛФ «выступает как прагматическое средство для выражения идентичности» [Д’Анджело 2014, с. 33].

Исследователь межкультурной компетенции М. Байрэм определяет ее как «способность взаимодействовать с другими», принимать их взгляды и их оценки, критически анализировать, интерпретировать и обсуждать культурные различия, понимать, уважать и толерантно относиться к культурным различиям. В числе обязательных компонентов межкультурной компетенции М Байрэм называет социальную идентичность участников коммуникации, которая, в случае коммуникации на АЯ, может осложняться или заменяться национальной идентичностью. Стереотипы, связанные с их национальной идентичностью, могут осложнять понимание и, по мнению М. Байрэма, ограничивать участие равноправного партнера межкультурной коммуникации ролью представителя отдельной страны и культуры [Byram 1985, p. 323, 324].

Межкультурная коммуникативная компетенция предполагает владение специфическими знаниями о лингвокультурных концептах, т.е. «такую способность, которая позволяет языковой личности выйти за пределы собственной культуры и осуществлять медиативную деятельность,

не утрачивая собственной культурной идентичности» [Елизарова 2005, с. 6-7]. В первую очередь, это общие для пользователей АЛФ концепты, составляющие разделяемую языковую картину мира (в понимании З.Д. Поповой и И.А. Стернина, совокупность зафиксированных в единицах языка представлений социума о действительности на определенном этапе развития [Попова, Стернин 2002, с. 5]).

Это специализированная языковая картина мира, поскольку она реализуется только в ограниченных пространственно-временных рамках европейских контекстов. Члены сообщества имеют общие культурные установки коммуникативного поведения, т.н. «ментальные образцы», являющиеся продуктом их взаимодействия и играющие роль своеобразных предписаний [Ольшанский 2000, с. 37]. Они имеют общий код культуры – своеобразную «сетку, которую «культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных 2003, с. 297]. Они разделяют представления культурной коннотации – «когнитивной по своему характеру интерпретации денотативного или образно мотивированного аспектов значения в терминах и категориях культуры» [Ольшанский 2000, с. 39].

Члены этих сообществ функционируют в общем культурном контексте, который понимается как совокупность институциональных, ролевых, ценностных, когнитивных условий реализации событий или фактов, с одной стороны, и совокупность выразительных средств, используемых людьми в этих обстоятельствах, с другой [Орлова 2004, с. 465].

Специфика лингвокультурного компонента ЕАЛФ заключается в том, что, во-первых, он формируется на основе культурного компонента первичной социализации на родном языке; во-вторых, он проходит через эмоционально-личностный фильтр пользователей, оформляется языковыми средствами на соответствующем уровне владения ЕАЛФ и получает вторичную культурную ориентацию в условиях вторичной социализации. Реализуемая в неинституциональных контекстах индивидуальная

коммуникативная компетенция может быть недостаточной, что служит причиной конфликта, непонимания или неполного понимания.

Лингвокультурный компонент коммуникативной компетенции, реализуемый в институциональных контекстах посредством ЕАЛФ, – это сложный феномен со многими составляющими, среди которых знание базовых общеевропейских концептов и реалий конкретных сообществ практики (специализированная языковая картина мира), умение оперировать ими в устном и письменном дискурсе (т.е. знание кода культуры), способность устанавливать и поддерживать отношения необходимые для совместной деятельности (культурные установки коммуникативного поведения), владение ЕАЛФ на уровне достаточном для оценки семантических и стилистических аспектов информации и выработки прагматических коммуникативных стратегий (представления культурной коннотации).

Модель языковой картины мира, реализуемая языковыми средствами ЕАЛФ, не включает прескриптивных языковых норм, а носит дескриптивный характер. Несмотря на то что эта языковая парадигма не рассматривает многообразие вариантов АЯ, она признает лингвистические различия его пользователей [Лазаретная 2014, с. 80]. При этом ЕАЛФ не является неким редуцированным вариантом, лишенным каких-либо национально-культурных признаков, поскольку, по справедливому замечанию З.Г. Прошиной, немаркированная модель международного контактного языка «...в абсолюте не достижима – ни один индивид не может переступить через свою культуру и родной язык» [Прошина 2010, с. 246].

В европейских контекстах ЕАЛФ выступает как инструмент вторичной социализации, коммуникативный код, создающий условия для их вхождения в специфическую культуру этого сообщества, но не свободный от влияния первичных культур участников. Один из наиболее ярких примеров институциональной транскультурной коммуникации – это

европейское академическое сообщество, которое представляет собой лингвокультурное пространство, где постоянно осуществляется диалог культур и, соответственно, усиливается мотивация к внедрению контактного АЯ в учебный процесс в качестве языка преподавания. Успех академической коммуникации зависит от способности ее участников регулировать свои языковые ресурсы в конкретных академических контекстах. Такое регулирование определяется как стратегия, посредством которой коммуниканты адаптируют свои языковые ресурсы, перестраивают их, интегрируют в зависимости от постоянно меняющихся внешних факторов, составляющих основу социальной когниции [Atkinson 2007, p. 171]. Основным фактором, способствующим пониманию их речи, является не только знание коммуникантами языковых норм АЯ, сколько умение пользоваться стратегиями, позволяющими преодолевать возникающие трудности, изобретательность и находчивость, которые они проявляют в коммуникативных ситуациях [Canagarajah 2011, p. 2].

При этом коммуникативная компетенция не служит орудием осознанного управления речепроизводством, а выступает в качестве адаптивной реакции, направленной на достижение согласования между языковыми ресурсами говорящих и факторами коммуникативного контекста (участники, цель, ситуация) [Canagarajah 2011, p. 10].

Содержание лингвокультурной компетенции коммуникантов связано с их языковой идеологией, которая определяется как совокупность представлений о языке, формулируемых его пользователями для обоснования своего выбора структур и единиц языка. Это выражение коллективных представлений академического сообщества о роли языка в социальном опыте членов данного сообщества; культурная система лингвистических отношений, осложненных морально-политическими интересами; и, наконец, общественно согласованный набор разделяемых понятий о природе языка [Woolard, Schieffelin 1994, p. 57].

Лингвистическое содержание языковой идеологии заключается в мотивированном и систематическом выборе языковых средств в рамках социокультурного контекста, и – в конкретном случае – в выборе, осуществляемом в контексте академической коммуникации. Мотивация выбора морфосинтаксического оформления и лексико-семантических средств академического дискурса является ключом к пониманию языковой идеологии, лежащей в основе социокультурного контекста [Heath 2000, p. 50].

Действительно, обращаясь к своим языковым ресурсам (языковым переменным) в речевом континууме, участники академической коммуникации раскрывают не только свои знания языка, но и свои представления о языке и его функциональной роли в конкретном социокультурном окружении. Языковая идеология манифестируется в способности индивидуума сознательно строить речевое взаимодействие с другими представителями данного сообщества, используя коммуникативные стратегии, соответствующие его социальному статусу. Таким образом, ее признаки обнаруживаются и в субъективной социокультурной позиции, и в субъективном языковом опыте говорящего [Woolard, Schieffelin 1994, p. 58].

Финский исследователь академического АЛФ Д. Пилкинтон-Пихко выделяет три типа языковой идеологии АЯ, которые встречаются в европейской академической коммуникации: идеология стандартного английского языка, идеология стандартного АЯ носителя одного из кодифицированных вариантов и идеология пользователя АЛФ [Pilkinton-Pihko 2010, p. 58].

Корни идеологии стандартного АЯ заложены в прескриптивных грамматиках, учебниках, справочниках и словарях АЯ, предписывающих употребление традиционных норм и стандартов. Идеология стандартного АЯ носителя, который может принадлежать к любому из национальных вариантов, основана на представлении о том, что его вариант прошел

процесс систематизации и стандартизации, в результате которого появилась номенклатура специфических стандартных форм данного варианта [Milroy 2001, p. 530, 552].

Идеология пользователя АЛФ принципиально отличается от идеологии стандартного АЯ и идеологии стандартного АЯ национальных вариантов по четырем параметрам: это структура модели языка, содержание языковой компетенции, характер лингвокультурного сообщества, использующего язык, экология языка, т.е. отношений между людьми и их социальной и физической средой.

Опираясь на представленное выше понимание европейского АЛФ как зонтичного термина, обозначающего региональный функционально-прагматический вариант АЯ, существующий в виде социолектов, обслуживающих транснациональные коммуникативные потребности социально ограниченных деятельностных сообществ, и, исходя из представления о ситуативном характере использования этих социолектов, мы разделяем их на ситуативно-идентифицирующие социолекты (СИС) и ситуативно-деятельностные социолекты (СИД).

СИС – это социолекты, применяемые в бытовых ситуациях вторичной социализации, независимо от характера конкретной ситуации. Вторичная социализация, в ходе которой они используются, по своей сути, является ситуативно-ролевой и национально-культурной и проходит в условиях бытовой коммуникации, когда пользователь оказывается в условиях нерегулярного ситуативного контекста, где ему приписывается определенная роль, предполагающая его категориальную лингвокультурную идентификацию, в первую очередь, по определенным лингвокультурным признакам. Такая бытовая коммуникация имеет место в случае необходимости общения, когда пользователь СИС оказывается в условиях нерегулярного ситуативного контекста.

СИД – это социолекты, применяемые в специализированных ситуациях институциональной вторичной социализации, когда имеет место

транснациональная коммуникация между людьми, объединенными принадлежностью к какой-либо конкретной сфере деятельности, будь то область образования и науки, интернациональный бизнес, Интернет-сообщество защитников животных или любителей подводной охоты, и т.п. Вторичная социализация, в ходе которой используется СИД, является ситуативно-специализированной и проходит в условиях специализированных контекстов, когда пользователь оказывается в ситуативно-ограниченном сообществе, принадлежность к которому определена сферой его деятельности, т.е. условие ситуативно-ролевой и национально-культурной идентификации становится нерелевантным.

Культурный компонент вторичной социализации наиболее активно проявляется в условиях не специализированной, а бытовой коммуникации [Alcón Soler 2007, p. 2], в тех ситуациях, где СИС эффективно используется как инструмент бытового общения. Дж. Хаус отмечает, что в процессе вторичной социализации АЛФ служит для говорящих инструментом категоризации влияния предшествующего культурного опыта и поведения, поскольку АЛФ и первичная культура членов деятельностного сообщества взаимосвязаны на уровне семантики [House 2007, p. 11], и используемые ими языковые средства раскрывают эту взаимосвязь.

Актуальность исследования лингвокультурного компонента ЕАЛФ заключается в том, что его особенности реализуются в категориях лингвистической компетенции (лексической и морфо-синтаксической), а также в речевых клише – стереотипных словосочетаниях, структурах и идиомах (formulaic structures) [Celce-Murcia 2007, p. 47; Kecskes 2010, p. 2], навыки применения которых исследователь коммуникативной компетенции М. Селсе-Мурсия называет «компетенцией речевых клише» – formulaic competence [Celce-Murcia 2007, p. 48].

В последующих главах предстоит доказать, что открытая модель ЕАЛФ представляет некодифицированный язык, который отличается нестабильностью грамматических форм и вариативным выбором языковых

средств в конкретных контекстах. Языковая компетенция пользователя ЕАЛФ выступает как реализуемая в динамике социальной практики индивидуальная способность применения вариативного набора языковых средств и стратегий согласования. Пользователи ЕАЛФ принадлежат к разным исходным лингвокультурным сообществам и характеризуются вариативностью как мотиваций вхождения в данное лингвокультурное сообщество, так и отношений к своему речепроизводству на АЛФ. Транснациональная коммуникация на АЛФ зависит от отношений между пользователями АЛФ и их социальной и физической средой и отличается применением различных невербальных стратегий, рассчитанных на мультисенсорное восприятие информации.

Выводы к Главе 1

Социолингвистические исследования начала XXI в. являются, во-первых, логическим развитием тезисов о взаимодействии языка и общества, декларированных выдающимися лингвистами 2-й половины XIX – 1-й половины XX вв. Во-вторых, независимо от конкретного объекта исследования того или иного автора, они выполняются в ключе направлений, основы которых заложили классики социолингвистики: теории языковых контактов, конвергенции контактирующих языков и конвергентного развития отдельных групп языков, билингвизма и мультилингвизма, языковой ситуации и языковой политики, смешения языков и функционирования гибридных языков, и т.д.

Модель У. Лабова, представляющая новую лингвистическую реальность, стержнем которой является принцип социальной обусловленности языка, использует понятие языковой переменной, величины, характеризующей новые варианты языка и коммуникативную компетенцию членов их сообществ. Аспекты коммуникативной компетенции, разработанные основоположниками социолингвистики,

представлены лингвистической, социолингвистической, дискурсивной и социокультурной компетенцией языковых сообществ.

Расширяя поле интересов современной социолингвистики, Б. Качру и его сподвижники положили начало социолингвистике глобального английского языка как важнейшего компонента мирового языкового процесса, двигателем которого являются языковые контакты. Плюрицентричный характер АЯ на современном этапе проявляется в существовании нескольких видов нормативных моделей, отражающих структуру глобального языкового континуума, в пределах которого взаимодействуют чрезвычайно разнородные явления.

В основу парадигмы вариантов «английского языка мира» – *World Englishes* Б. Качру легло представление об АЯ как языке, изначально принадлежавшем его носителям и воспринятом неносителями в качестве второго языка и/или изучаемого иностранного языка.

Модель *World Englishes*, послужившая основой контактной вариантологии АЯ символизирует функциональную и формальную диверсификацию языка в традиционных англоговорящих странах, его нативизацию в постколониальных странах, где он приобрел статус второго языка, и интернациональную аккультурацию в странах Расширяющегося круга, демонстрирующих широкий диапазон функционально-прагматической вариативности АЯ.

Как отмечал Б. Качру, в каждой из этих трех категорий базовым принципом языкового развития является принцип языкового контакта, на основе которого сложились различные варианты, функционально адаптированные к своему многоязычному окружению. В многоязычных контекстах стран Внешнего и Расширяющегося кругов размываются границы между английским как вторым языком и английским как иностранным языком. Вариативность кодов, относимых к Расширяющемуся кругу, может зависеть от способа усвоения языка, от выполняемой ими функции и от контекста языковой ситуации. Б. Качру выделил 4 вида

кодификации новых вариантов *World Englishes*: авторитарную, связанную со специальным кодификационным органом; социологическую или аттитюдную; образовательную; психологическую.

Б. Качру обосновал представление о функциональной нативности, основанное на критериях диапазона областей функционирования языка и глубины его социального проникновения. На основе критерия уровня владения языком Дж. Дженкинс выделила три типа новых вариантов АЯ, используемых в Европе: стандартные разговорные варианты, используемые в международной коммуникации любой сложности, стандартные разговорные варианты АЯ, используемые в локальной коммуникации, нестандартные варианты АЯ, используемые неносителями с низким уровнем владения АЯ.

В эпоху новой социолингвистической реальности представление о мобильности языка включает переход от АЯ как иностранного языка, который изучают (*learner English*) к АЯ которым пользуются в общении (*user English*), т.е. развитие переходной компетенции в процессе взаимодействия участников межнациональной коммуникации в ситуациях языковых контактов. Такое взаимодействие представляет собой особый вид вторичной социализации, в ходе которой происходит интернализация структуры и семантики языковых средств.

Вторичная социализация в условиях транснациональной коммуникации является ситуативной, а практический код, формируемый ее участниками – это их лингва франка, который, помимо общего фонда языковых средств, должен содержать набор лингвокультурных знаний и коммуникативных стратегий, необходимых для взаимной адаптации коммуникативного поведения.

АЛФ транснациональной коммуникации определяется не как регистр или вариант, а как дополнительная языковая система, обеспечивающая ситуативную языковую практику представителей любых вариантов АЯ, в которой они взаимодействуют с целью формирования общего фонда

языковых средств, т.е. практического кода, и проходят вторичную социализацию, интернализуя не только языковые средства, но и элементы культуры партнеров коммуникации.

АЛФ подразделяется на два вида – неинституциональный и институциональный. Неинституциональный АЛФ определяется как дополнительная языковая система, обеспечивающая нерегулярную ситуативную языковую практику транснациональной коммуникации, в которой а) участники являются представителями различных исходных языков; б) один или все участники не идентифицируются по какой-либо специальной области интересов; в) вторичная социализация и интернализация элементов лингвокультуры партнеров не является обязательным фактором; г) взаимодействие с целью формирования общего фонда языковых средств, т.е. практического кода, отвечает ситуативным потребностям коммуникативного контекста.

Институциональный АЛФ – это дополнительная языковая система, используемая в устном и письменном статусно-ориентированном дискурсе, который представляет собой речевое взаимодействие в рамках сложившихся общественных институтов. Институциональный АЛФ относится к сфере транснациональной коммуникации дискурсивных сообществ, которые развиваются в социально значимых областях, а их члены вступают в сложные социальные отношения и приобретают свойство коллективной идентификации в процессе совместной деятельности.

Институциональный АЛФ является зонтичным термином. Он обслуживает транснациональные группы – дискурсивные сообщества, объединенные на основе совместной культурной, профессиональной, социальной и т.п. практики, выходящей за пределы одной нации, одного государства.

Локализация АЛФ в пределах модели трех кругов как одного из вариантов Расширяющегося круга на основании функционально-прагматического критерия не представляется возможной. АЛФ не привязан

к какому-либо географическому региону, а ориентирован на обслуживание коммуникативных потребностей индивидуумов и социально ограниченных групп людей в тех коммуникативных контекстах реального и/или виртуального пространства, которые требуют их взаимодействия.

В Европе АЯ выполняет функцию универсального инструмента коммуникации европейских институтов и способствует укреплению региональной идентичности Евросоюза. Он подвергается нативизации или европеизации на формальном, контекстуальном и дискурсивном уровнях, широко внедряется не только как основной иностранный язык, но и как язык обучения, повсеместно используется в транснациональной коммуникации.

В интранациональной коммуникации европейских стран АЯ задействован во многих специальных областях. Его варианты могут включаться в Расширяющийся круг модели Б. Качру только на том основании, что в неанглоязычных странах Европы он преподается в качестве иностранного языка в системе образования, не объявлен официально вторым языком и не признан институциональным вариантом на государственном уровне. Диапазон расхождений национальных уровней владения АЯ свидетельствует о том, что по объему функций, выполняемых АЯ, страны Европы можно разделить на три группы: в одних странах АЯ довольствуется статусом иностранного языка, предназначенного для межнациональной коммуникации их жителей, в других – он фактически является вторым языком интранационального общения, а в третьих – находится в состоянии перехода от иностранного ко второму языку интранационального общения. Между этими группами нет каких-либо четких границ, и они представляют собой континуум АЯ как иностранного языка и АЯ как второго языка.

Для идентификации статуса АЯ в той или иной стране необходимо учитывать четыре основных фактора, среди которых: распространение национально-английского билингвизма и интранациональное использование

АЯ в различных областях; нативизация АЯ на фонологическом, морфосинтаксическом, лексическом и прагматическом уровнях с перспективой последующей систематизации, ведущей к развитию и закреплению локальной нормы; институционализация, возможная, но не обязательная на уровне государственных и общественных институтов, и кодификация, возможная, но не обязательная для признания национального варианта; расширение путей усвоения языка за пределами системы образования. Критерии порога билингвизма, нативизации и институционализации, за которым английский как иностранный язык становится английским как вторым языком могут значительно варьироваться, но они не должны быть всеобъемлющими.

Европейский АЛФ рассматривается в виде частного случая АЯ как международного контактного языка. Он возникает и развивается в многоязычном контексте Европейского Союза, что изначально предполагает необходимость транскультурного и транснационального общения европейских коммуникантов, в рамках которого соотношение языков не является чем-то раз и навсегда закрепленным. Парадигма интернациональной культуры в ментальности европейцев складывается в процессе вторичной социализации, определяемой формальной принадлежностью к европейскому сообществу независимо от конкретной страны проживания. Структура культурной составляющей европейской транснациональной коммуникации и специфика лингвокультурного компонента ЕАЛФ в различных европейских странах отражают длительный процесс вторичной социализации и интернализации АЯ, который имеет свои особенности в разных частях континента.

Межкультурная коммуникативная компетенция представляет специализированную языковую картину мира, которая реализуется в ролевыми-временными рамками европейских контекстов. Специфика лингвокультурного компонента ЕАЛФ заключается в том, что он формируется на основе культурного компонента первичной социализации

на родном языке; проходит через эмоционально-личностный фильтр пользователей, оформляется языковыми средствами на соответствующем уровне владения ЕАЛФ и получает вторичную культурную ориентацию в условиях вторичной социализации. Реализуемая в неинституциональных контекстах индивидуальная коммуникативная компетенция может быть недостаточной, что служит причиной конфликта, непонимания или неполного понимания. Содержание лингвокультурной компетенции коммуникантов связано с их языковой идеологией, которая определяется как совокупность представлений о языке, формулируемых его пользователями для обоснования своего выбора структур и единиц языка.

В европейских контекстах ЕАЛФ выступает как инструмент вторичной социализации, коммуникативный код, создающий условия для вхождения в специфическую культуру этого сообщества, но не свободный от влияния первичных культур участников.

Опираясь на представленное выше понимание европейского АЛФ как зонтичного термина, обозначающего региональный функционально-прагматический вариант АЯ, существующий в виде социолектов, обслуживающих транснациональные коммуникативные потребности социально ограниченных деятельностных сообществ, и, исходя из представления о ситуативном характере использования этих социолектов, мы разделяем их на ситуативно-идентифицирующие социолекты (СИС), применяемые в бытовых ситуациях вторичной социализации, независимо от характера конкретной ситуации и ситуативно-деятельностные социолекты (СИД), применяемые в специализированных ситуациях институциональной вторичной социализации, когда имеет место транснациональная коммуникация между людьми, объединенными принадлежностью к какой-либо конкретной сфере деятельности.

Глава 2. Функционально-прагматическая характеристика транснационального английского языка в скандинавии

2.1. Предпосылки языковой ситуации в регионе Северной Европы

Значительные изменения в своей динамике в связи с глобализацией претерпевает функционирование языков народов мира. Стремясь к экономическому единению мира, глобализация вызывает тенденцию к его языковому единению [Алпатов 2004, с. 23]. Скандинавия является одним из тех регионов мира, где тенденция к языковому единению имеет двойственный характер – с одной стороны, в процессе распространения транснациональный АЯ приобретает регионально обусловленные типологические формы; с другой стороны, наблюдается общескандинавская тенденция противостояния расширению его интранационального влияния.

Как справедливо замечает В.Ю. Михальченко, в современном мире национальные языки функционируют в условиях борьбы мировых языков за распространение во всем мире и стремления остальных языков продолжить свое существование, не только используя мировые языки в качестве функционально вторых, но и сохраняя общественные функции, своего языка актуальные для народа – носителя языка. Центральная идея, лежащая в основе глобального языкового развития, заключается в том, что многие проблемы невозможно оценить адекватно и изучить на уровне национального государства, т.е. на уровне отдельной страны и ее международных отношений с другими странами. Вместо этого их необходимо формулировать с точки зрения глобальных процессов [Михальченко 2010, с. 39, 40].

Обсуждая распространение транснационального АЯ в Скандинавии, норвежский социолингвист Ф. Грегерсен пишет, что необходимо учитывать специфику культурноязыковых условий не только в этом регионе, но и в

других регионах Европы, которые он выделяет по принципу языкового родства [Gregersen 2009, p. 102, 103]:

1. Регион западногерманских языков (без АЯ в Великобритании и Ирландии), включающий Германию, Австрию, Нидерланды, Фландрию (в Бельгии), Лихтенштейн и немецкоязычные кантоны Швейцарии.

2. Регион славянских языков, включающий Польшу, Чехию, Словакию, Болгарию, Словению, Сербию, Хорватию, Македонию, Боснию-Герцеговину и Черногорию.

3. Регион романских языков, включающий Францию, Италию, Испанию (с Каталонией, но без Басконии), Румынию, Валлонию (в Бельгии) и романоязычные кантоны Швейцарии.

4. Регион финноугорских языков, включающий Финляндию, Венгрию и Эстонию.

Добавим к этим условным четырем подразделениям Ф. Грегерсена и регион балтийских языков, включающий Латвию и Литву.

Ареал современных северогерманских языков охватывает Данию (с Фарерскими островами и Гренландией), Норвегию, Швецию и Исландию. Все они по языковому признаку относятся к северному или скандинавскому подразделению германской группы индоевропейской семьи языков, предком которого был скандинавский язык-основа.

По замечанию Т.Е. Возгина, термин «Скандинавия» получил в странах Северной Европы иное значение, чем в остальной части континента, неся не столько географическую, сколько культурно-политическую нагрузку. Он обозначил не просто известную совокупность стран и территорий, но и их тесное взаимодействие, взаимопомощь и подготовку совместных политических, экономических и прочих акций. Скандинавия же, в более привычном для большинства европейцев значении, обозначалась в указанном регионе термином «Север» (Norden), равно приемлемым для датчан, шведов и норвежцев [Возгин 2015, с. 54, 55].

В литературе принято считать, что скандинавский язык-основа выделился из германского языка-основы до V в. н. э. [Арсеньева 2000; Вессен 2007; Стеблин-Каменский 1960]. Результатом исторического развития диалектов, образовавшихся от скандинавского языка-основы, стали современные скандинавские языки, которые, следуя географическому принципу, можно разделить на континентальные: датский, шведский, норвежский, и инсультарные: фарерский (*Froysk*), на котором говорят ок. 50,000 жителей Фарерских островов, принадлежащих Дании, и исландский (*Islenzka*) – официальный язык 250-тысячного населения Исландии. Оба эти языка происходят от западнонорвежских диалектов и, в значительной степени, сохранили их архаические черты [Haberland 1994, p. 316; Harbert 2007, p. 19].

По мнению Э. Хаугена, «Скандинавию можно рассматривать как единый языковой континуум» [Haugen 1982, p. 3]: расхождения между древнескандинавским (*Old Norse*) и современными ему древними западногерманскими языками начинают проявляться к сер. VI в., а языковая дифференциация западных скандинавских диалектов (Норвегия, Исландия, Фарерские о-ва) и восточных скандинавских диалектов (Дания, Швеция) становится очевидной ок. 1250 г. [Haugen 1982, p. 5].

Языки северогерманской подгруппы остаются относительно однородными значительно дольше, чем западногерманские языки, и различия между ними появляются постепенно [Harbert 2007, p. 19]. В период со II по IX вв., характеризующий письменными памятниками, написанными старшими рунами, не обнаруживается различий между племенами, населявшими Скандинавию, либо же эти различия настолько малы, что не фиксируются письменными памятниками, и язык всех скандинавских племен называется датским языком *dånsk tunga*. Размежевание скандинавской языковой общности начинается в эпоху викингов (ок. 800 г. – 1050 г.), отправной точкой которой является набег на Линдисфарне в Англии. Это период распада родового строя, когда

складываются, как межплеменные объединения, королевства Швеции, Дании, Норвегии. В 9-11 вв. Дания, *Danemark*, уже была единым королевством, в состав которого входила и Южная Швеция, а в 1016-1042 гг. и Англия. В это же время королевством стала и Швеция, *Svearike*.

Норвежское королевство, *Nordvegr*, образовалось в конце 9 в., когда конунг Харальд Прекрасноволосый разбил всех племенных вождей западной Норвегии и присоединил их земли. На базе территориальной и политической общности сложились скандинавские народности, хотя различие между языками не сознавалось как существенное, и вплоть до 13 в. используется общее название – северный язык, *Norrðnt mál*. В 11-13 вв. в Скандинавии происходят многочисленные миграции крестьян, и возникает огромное количество крестьянских поселений. В силу миграции населения размываются границы племенных диалектов и складываются местные диалекты, на основе которых происходит взаимосвязанное развитие датского, шведского и норвежского языков.

Датский язык. На территории Дании в IX-XIII вв. создаются письменные памятники, написанные младшими рунами, а с XI в. и пунктированными рунами, которые затем распространяются на Норвегию и Швецию. В X в. в Дании вводится христианство, и латинский язык становится языком церкви и школы – его называют «книжный язык», *bok mál*. Центры латиноязычной книжной культуры создаются при монастырях и епископских дворах – древнейшая школа существует с 1085 г. в Лунде. На латинском языке написана в 1280 г. История Данов Саксона Грамматика, а с XIII в. появляются первые тексты на датском языке, написанные латинским алфавитом.

В 1397 г. Дания присоединяет Швецию и находившуюся с ней в унии Норвегию. В связи с этим датский язык распространяется по всей Скандинавии. Установлению и закреплению национальных датских языковых норм способствовало введение книгопечатания в 1495 г., и первой печатной книгой стала «Датская рифмованная хроника». С XVI в.

складывается датская нация и датский язык. Выработке общенациональных языковых норм способствовал перевод Библии Кристиана Третьего. Датский язык широко используется и в Норвегии, которая была провинцией Дании.

Еще с XIII-XIV вв. Ганзейский торговый союз распространил свое влияние по всей Балтике, и в южной Дании, особенно в Ютландии, стали селиться немцы из северной Германии. Датский язык испытывал влияние нижненемецких диалектов, и многие датчане были двуязычными. В 1864 г. вся южная Ютландия отошла к Германии и была возвращена Дании только в 1920 г. В настоящее время все еще сохраняются диалектные различия в речи жителей южной Ютландии и острова Борнхольм. Еще один аспект иноязычного влияния на датский язык – это воздействие французского языка с XVII в., которое ограничивалось высшими слоями населения.

Центром нормализации датского языка становится Копенгагенский университет, основанный в 1497 г. В XIX в. в связи с эмиграцией 150-ти тысяч датчан в Северную Америку, датский язык распространяется на возникшие в США и Канаде датские сообщества, но позднее фактически вытесняется английским языком. Современный датский язык (*Dansk*) – это официальный язык Дании, Фарерских островов (наряду с фарерским языком) и Гренландии (наряду с языком гренландских иннуитов – *Kalaallisooq*).

Шведский язык. Рунические памятники древнешведского языка преобладают в IX-XIII в., а письменный латинский язык распространяется вместе с христианством значительно позже, чем в Дании, только в XIII в., когда появляются первые памятники древнешведского языка, написанные латинским алфавитом. В 1319 г. Швеция присоединяет Норвегию, на территории которой распространяются шведские письменные нормы, но с 1397 г. Швеция попадает под власть Дании, и шведский письменный язык подвергается влиянию датских норм. В связи с расширением Ганзейского торгового союза в южной Швеции поселяется большое количество немцев –

рудокопов, купцов и ремесленников, и влияние немецкого языка ощущается в городах, где немцы составляют значительный процент населения. В конце XV в. происходят два значительных события в истории шведской культуры и шведского языка: в 1477 г. в г. Уппсала открывается старейший скандинавский университет, а в 1495 г. выходит первая печатная книга на шведском языке «Искушение дьявола».

В 1523 г. Швеция получает независимость от Дании, и с XVI в. на основе центрального свейского диалекта складывается национальный шведский язык, который распространяется на все сферы жизни, вытесняя немецкий язык и латынь как язык школы и судопроизводства. В XVII в. через Германию приходит мода на французский язык, охватывающая только высшие классы общества. Территория шведского языка расширяется с середины XVII в. за счет присоединения некоторых датских провинций, а позднее шведский язык распространился и в Финляндии. В XIX в. 650 тыс. шведов эмигрировали в США и Канаду, где они все еще могут сохранять национальный язык в семейном общении. В XX в. национальный язык поглощает местные диалекты, но их особенности сохраняются в сельской местности, и, в частности, выделяется диалект острова Готланд. На шведском языке (*Svensk*) сегодня говорят более 9 млн человек в Швеции и более 300 тысяч шведов, проживающих в южных и западных регионах Финляндии, где он, наряду с финским, имеет статус официального языка.

Норвежский язык. Развитие норвежского языка шло особым путем вплоть до начала XIV в. Христианство и латинский язык проникли в Норвегию позднее, чем в Данию и Швецию. В XIII в. – начале XIV в. Норвегия была сильным, независимым королевством, присоединила Исландию и Гренландию, но в 1319 г. она попадает в зависимость от Швеции, а с 1397 г. – от Дании и превращается в ее провинцию, без какой-либо национальной культуры и национального языка. С введением книгопечатания и переводом Библии на датский язык норвежский язык существует только в виде региональных диалектов. Этому способствовало и

близкое родство языков, основные различия между которыми были в области произношения. В таких условиях возникают городские говоры с датскими нормами морфологии и лексики, но с норвежским произношением и синтаксисом. Только в 1814 г. Норвегия отделяется от Дании, и центром национального культурного и языкового развития становится открывшийся в 1811 г. университет в Осло.

В образовании и литературе наблюдается разрыв между письменными датскими нормами и устным норвежским языком, но в отличие от других стран в Норвегии не было центрального диалекта, на основе которого мог бы сложиться национальный язык. Поэтому развитие национального норвежского языка (*Norsk*) пошло по пути создания двух вариантов литературного языка – риксмола (*Riksmål*), государственного языка, или, как его теперь называют, букмола (*Bokmål*), книжного языка, и лансмола (*Landsmål*) – народного языка, а иначе, нюнорска (*Nynorsk*), новонорвежского языка. Букмол и нюнорск официально признаны равноправными письменными нормами, но первый основан на датских письменных нормах, широко используется в литературе, образовании и прессе и более популярен в городах, а второй основан на устных нормах сельских диалектов и преобладает в сельских районах [Haugen 1982, p. 16]. В системе школьного образования 83% норвежских детей учатся на букмоле и 17% – на нюнорске, и нет никаких проблем понимания между литературными вариантами и современными норвежскими диалектами [Askedal 1994, p. 221].

В XIX в. – начале XX в. в США и Канаду переселись ок. 800 тыс. норвежцев, но их потомки практически не сохранили норвежский язык.

Датский, шведский и норвежский языки, принадлежащие к северогерманскому подразделению германской группы индоевропейской семьи языков, ассоциируются с языковым сообществом, которое Э. Хауген называл скандинавским [Haugen 1976, 1982], и вопросы взаимопонимания носителей этих языков неоднократно обсуждались скандинавскими

лингвистами [Haugen 1953; Maurud 1976; Bø 1978; Börestam 1987; Börestam 2002; Delsing 2005].

Из соображений политкорректности в литературе последних десятилетий скандинавское сообщество предпочитают называть нордическим, т.е. северным (*Nordic language community* [Gregersen 2009, 2011; Haberland 1994; Harbert 2007]), а не скандинавским по двум причинам. Говоря о языках стран Северной Европы к их числу также относят, во-первых, исландский и фарерский языки, географически отдаленные от Скандинавии, и, во-вторых, территориально соседствующий с северогерманскими языками финский язык, который принадлежит к угро-финской группе урало-алтайской языковой семьи.

Серьезные усилия по регулированию языковой ситуации в странах Северной Европы (*Nordic cooperative effort*) предпринимает Нордический совет министров (*the Nordic Council of ministers*), создавший специальный координационный экспертный орган, – Нордический языковой совет (*the Nordic Language Council*), куда входят представители пяти северных государств (Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции), а также представители автономных районов – Аландских островов, Гренландии, Фарерских островов, саамских сообществ Норвегии, Финляндии и Швеции.

Деятельность Нордического языкового совета была изначально направлена на создание общей Нордической языковой зоны (*common Nordic linguistic area*). Эта цель была сформулирована в Нордической декларации языковой политики (*The Nordic Declaration of Language Policy*) и заключалась в том, чтобы все граждане северных стран освоили основные скандинавские языки: финны должны говорить по-шведски и понимать датский и норвежский языки; жители Фарерских островов и гренландские инуиты должны говорить по-датски и понимать шведский и норвежский языки; исландцы должны сохранять свой язык и понимать датский и шведский или норвежский; саамы Норвегии, Швеции и Финляндии должны

говорить на национальном языке своей страны и понимать два других языка, и т.д. [The Nordic Declaration of Language Policy 2006].

В соответствии с Нордической декларацией языковой политики:

- Язык считается полным (*complete*), если его можно использовать во всех сферах жизнедеятельности общества;

- Язык считается существенно необходимым обществу (*essential to society*), если он используется официально, например, в образовании и законодательстве;

- Шесть языков могут считаться полными и необходимыми обществу: датский, шведский, финский, норвежский (в двух формах – *bokmål* и *nynorsk*), исландский и фарерский;

- Два других языка в нордической зоне, которые являются существенно необходимыми обществу, но не полными, – это саамский и гренландский;

- Из выше перечисленных только пять языков являются существенно необходимыми не только обществу, которое ими пользуется, но и государству, т.е. государственными – это исландский, норвежский, финский, шведский и датский;

- Шесть языков имеют автономный статус в одном или нескольких нордических государствах – это мянкиели – финский диалект в северной Швеции, квен – финский диалект в северной Норвегии, идиш, романи – цыганский язык, немецкий и нордический язык жестов (*Meänkieli, Kven, Yiddish, Romani, German, the Nordic sign language*);

- Имеются также около 200 языков, на которых говорят иммигранты, постоянно проживающие в нордических странах.

В соответствии с Декларацией основа нордической языковой политики заключается в представлении о том, что все языки нордических стран являются сильными и жизнеспособными, но сотрудничество между жителями этих стран следует осуществлять на скандинавских языках, т.е. на

датском, норвежском и шведском [The Nordic Declaration of Language Policy 2006].

Один из разработчиков концепции Нордической языковой зоны Ф. Грегерсен считает, что Декларация построена на утопической идее: «говорите на своем языке и понимайте язык других», суть которой в том, что датский, норвежский и шведский – родственные языки, и их носителям легче выучить язык соседей чем любой другой, включая и АЯ [Gregersen 2009, p. 97]. Ф. Грегерсен указывает, что еще в 1950-ых гг. начало исследованиям взаимного понимания между носителями этих языков положил Э. Хауген [Gregersen 2003, p.143], который определил, что 44% шведов понимают датскую речь и 40% датчан понимают шведскую речь [Haugen 1953], т.е. взаимное понимание было практически симметричным.

По прошествии 25 лет С. Олссон провел аналогичное исследование и обнаружил, что 47% шведов понимают датчан (эта величина незначительно выросла), но уже 78% датчан понимают шведов [Ohlsson 1978]. Ф. Грегерсен объясняет столь радикальное изменение, во-первых, технологическими инновациями, которые позволили датчанам получить доступ к шведскому телевидению, во-вторых, интенсивными фонетическими процессами, отдалившими датское произношение от шведского, и, в третьих, более оптимистичным отношением датчан к самооценке своего понимания языка соседей (*a more sanguine attitude to self-evaluation in Denmark*) [Gregersen 2003, p. 143].

В реальной коммуникации существуют значительные расхождения уровня понимания между представителями этих родственных языков. Ш. Гооскенс и ее соавторы, исследовавшие асимметрию взаимного понимания датчан и шведов, утверждают, что понимание письменной речи не вызывает трудностей ни у тех, ни у других, но датчане лучше понимают шведскую устную речь, чем шведы – датскую, поскольку, во-первых, как показали опросы жителей Копенгагена и Стокгольма, датчане чаще слышат шведскую речь, чем шведы – датскую. Дания небольшая страна, и многие

ее жители живут в непосредственной близости от шведской территории, смотрят шведское телевидение и слушают шведское радио, тогда как большинство шведов проживает в удаленных от Дании регионах, за пределами зоны приема датского телевидения и радио [Gooskens 2010, p. 1023-1024].

Во-вторых, датское произношение значительно сложнее шведского вследствие более распространенной редукции и ассимиляции гласных и согласных. Среди шведов и норвежцев сложилось представление о том, что датский язык является наиболее трудным для понимания, и, как по этому поводу выразился комментатор норвежского телевидения: «датский – это не столько язык, сколько болезнь горла!» [Gooskens 2010, p.1023].

Ш. Гооскенс в течение ряда лет проводила широкомасштабное исследование понимания датчанами, норвежцами и шведами устной речи носителей соседних скандинавских языков [Gooskens 2005; 2010]. В Таблице 2-1 приводятся некоторые результаты, проведенного ею тестирования:

Таблица 2-1.

Результаты в % теста на понимание датчанами, норвежцами и шведами устной речи жителей соседних стран [Gooskens 2005].

Языки	Датский язык	Норвежский язык	Шведский язык
Респонденты			
Датчане в среднем		52.9	47.8
Орус		55.1	45.1
Копенгаген		50.8	50.5
Норвежцы в средн.	67.8		86.7
Берген	68.5		86.5
Осло	67.2		86.9
Шведы в среднем	31.2	82.9	

Мальмё	37.3	82.6	
Стокгольм	25.1	83.4	
В среднем	49.5	67.9	67.2

Устную речь датчан понимают 67.8% норвежцев и всего лишь 31.2% шведов, т.е. в среднем 49.5%; устную речь норвежцев понимают 82.9% шведов и 52.9% датчан, в целом, более 2/3 респондентов; устную речь шведов понимают 86,7% норвежцев и 47.8% датчан, также более 2/3 респондентов. Иначе говоря, порог понимания речи соседей у норвежцев самый высокий – от 67.8% до 86.7%, у датчан самый низкий – от 47.8% до 52.9%, и у шведов самый разнонаправленный – от 31.2% до 82.9%.

Ш. Гооскенс называет такие расхождения асимметрией понимания, которая объясняется не столько исторически сложившимися между скандинавами отношениями, сколько лингвистическими факторами [Gooskens 2013, p. 60]. Так, асимметрия понимания между датчанами и шведами фактически отсутствует в письменной речи, т.к. письменные нормы датского и шведского языков во многом совпадают. Однако же шведское произношение все еще отражает письменные нормы, поэтому датчане могут понимать шведскую устную речь благодаря ее связи с письменной. Напротив, устная форма датского языка значительно отошла от письменной, и, соответственно, шведы не могут понимать датскую устную речь, поскольку ее связь с письменной утрачена [Gooskens 2013, p. 61].

В качестве иллюстрации приведем высказывание норвежца Петтера Бренны в интернет блоге <https://www.quora.com> (15.11.2016): «Если я встречаю шведа, я автоматически переключаюсь на шведский... многие норвежцы делают так же, но большинство говорит по-норвежски с примесью шведского и переводят некоторые слова, которые звучат одинаково, но обозначают разные вещи, например, *kul* означает *cool* в норвежском, но *fun* в шведском. Поэтому, разговаривая со шведом, я скажу по-шведски *grym*, что значит *cool*. Если я встречаю датчанина, иногда я

понимаю его, но чаще не понимаю из-за акцента и быстрой речи. Норвежцы в разговоре с датчанами переключаются на английский, и это глупо, учитывая общую историю и происхождение языков. Обычно я прошу говорить медленно и разборчиво. Если это не помогает, я скажу – пожалуйста, уберите эту большую картофелину, застрявшую у вас в глотке».

Подобные высказывания являются типичными для скандинавских социальных сетей. Например, на страницах англоязычного блога Тюры Данебод [Danebod 2014], датчанки, живущей в Осло, прошла оживленная дискуссия под рубрикой: *Do Scandinavians understand one another?* Основные положения этой дискуссии сводятся к следующим семи тезисам:

1. Финляндия и Исландия не являются частью Скандинавии. Хотя скандинавы относятся к финнам и исландцам как к своим братьям и сестрам, их языки не должны обсуждаться в рамках проблемы скандинавского взаимопонимания.

2. Шведы понимают датский и норвежский языки хуже, чем датчане и норвежцы понимают шведский язык, и это, как считают участники дискуссии, благодаря тому, что жители Дании и Норвегии смотрят шведские телепрограммы и фильмы.

3. Датское произношение, по мнению шведов и норвежцев, – это поток гуттуральных (горловых) звуков, и датчане говорят так, будто у них во рту горячий картофель. На норвежском телевидении датское произношение – предмет постоянных пародий и шуток.

4. В свою очередь, датчане шутят, что норвежский – не настоящий язык, а датский со шведским произношением. Действительно, датчане с трудом различают норвежское и шведское произношение, хотя сами норвежцы и шведы сходства их произношения не признают.

5. Норвежцы лучше других скандинавов понимают языки своих соседей. Участники дискуссии объясняют это тем, что в Норвегии много

разных диалектов, и ее жители привыкли постоянно слышать различные типы произношения.

6. Утверждение, что скандинавы понимают друг друга без проблем, – ошибочно. Они слышат языки друг друга намного реже, чем английский язык и получают намного больше информации на английском языке, чем на языках своих соседей.

7. Скандинавам следует понимать друг друга без проблем, т.к. их языки близки как диалекты одного и того же языка: они настолько похожи, что различия между ними могут легко распознаваться и усваиваться в процессе школьного обучения.

Этот последний тезис дискуссии, инициированной Т. Данебод, отражает представления, которые мы назовем лингвистическим скандинавизмом второй половины 20 в. Скандинавизм, в определении В.Е. Возгрина, выражает стремление народов северных стран решать свои актуальные проблемы и противостоять многоплановой конкуренции крупных держав с помощью максимально возможного сближения [Возгрин 2015, с. 54, 55]. Именно лингвистическим скандинавизмом объясняется цель, которую Нордический языковой совет поставил перед собой – создать общую языковую зону, где каждый житель стран-участниц северного сообщества будет говорить на своем языке и понимать языки соседей.

Северные страны в настоящее время достигли высочайшего уровня политической и экономической интеграции. Для их населения практически не существует границ, функционирует общий рынок рабочей силы, система высшего образования, корпоративное законодательство, большинство политических решений также принимается совместно. Скандинавия служит примером для интеграционного движения общеевропейского масштаба [Возгрин 2015, с. 63].

Является ли языковая политика Нордического совета министров примером для всего Европейского сообщества? Исследуя функционирование скандинавских языков в эпоху глобализации и их

сосуществование и взаимодействие с АЯ, мы должны помнить о том, что существуют сферы общения, в которых национальный язык не может быть заменен никаким другим языком. По словам В.Ю. Михальченко, это сферы национальной культуры – радио, телевидение, художественная литература, театр, школа. Особую роль в сохранении и культивировании национального языка наряду со сферой семейного общения играют сферы словесной культуры [Михальченко 2010, с. 40].

Сложившаяся в Северной Европе языковая ситуация, с одной стороны, отличается от общеевропейской тем, что центральные страны региона имеют близкородственные (при всех расхождениях) национальные языки. С другой стороны, она аналогична общеевропейской языковой ситуации, которая основана на продвигаемой Евросоюзом политике «сохранения языкового разнообразия, равноправия всех языков и укрепления лингвокультурной идентичности граждан всех стран-членов ЕС» [Message from... 2016]. ЕС декларирует «важность языкового разнообразия перед угрозой экспансии глобального АЯ» [Ives 2004, p. 10], но служебная коммуникация всех его секретариатов и вспомогательных органов осуществляется на АЯ. При этом, официальная позиция ЕС отводит английскому языку роль одного из иностранных языков в системе образования и одного из дополнительных языков в транснациональной коммуникации, тогда как он является основным контактным языком – «лингва франка объединенной Европы» [De Swaan 2004, p. 578].

2.2. Эмоционально-оценочные стереотипы адаптации английского языка в лингвокультурном пространстве Скандинавии

В условиях общеевропейской интеграции и глобального распространения АЯ цель создания Нордической языковой зоны, поставленная Нордическим языковым советом оказалась недостижимой. Шведские лингвисты Л.-О. Дельсинг и К. Лундин Акессон опубликовали

результаты исследования, в ходе которого они опросили большое количество молодых датчан, шведов и норвежцев, чтобы выяснить, как они относятся к идее скандинавского языкового единства и насколько хорошо они понимают языки своих соседей (*Does language keep the Nordic countries together? A research report on how well young people understand Danish, Swedish and Norwegian*) [Delsing, Lundin Åkesson 2005]. Их исследование показало, что молодые люди намного лучше владеют английским, чем родственными скандинавскими языками. При этом, в их владении АЯ преобладают рецептивные навыки, т.е. существует большая разница между тем, что они могут понять и что они могут сказать.

Политика создания общей Нордической языковой зоны встретила с проблемами внутреннего и внешнего порядка. Внутренние проблемы заключались в том, что реальное взаимное понимание речи носителей языков Нордической зоны возможно только для представителей трех скандинавских языков – датского, норвежского и шведского, проблематично для жителей Исландии и Фарерских островов, языки которых развивались особым путем, хотя и принадлежат к той же языковой группе, и практически невозможно для носителей гренландского, саамского и финского языков. Расположенная в нордическом лингвокультурном регионе Финляндия в недалеком прошлом была двуязычной, но сегодня невозможно предположить, что любой финн будет говорить по-шведски и понимать датский и норвежский языки. Точно также невозможно предположить, что любой датчанин, норвежец или швед захочет изучать финский, а не английский, немецкий или французский.

Внешние проблемы возникли, когда Нордический совет министров решил принять в свое сообщество прибалтийские страны – Латвию, Литву и Эстонию. Как утверждает Ф. Грегерсен, единственным инструментом общения в рамках балто-нордического сотрудничества естественно оказался английский язык, который был принят в качестве рабочего языка в

секретариате органов Нордического совета министров, несмотря на опасения его культурной гегемонии [Gregersen 2009, p. 101].

Таким образом, создатели Нордической языковой зоны оказались перед дилеммой: либо они основывают нордическое сотрудничество на концепции владения одним или двумя скандинавскими языками в дополнение к родному языку (а это создает особые трудности для финнов, исландцев, саамов и гренландцев, а также жителей прибалтийских стран), либо они предпочитают использовать английский язык как лингва франка (но при этом утрачивается лингвокультурная основа ограничения сотрудничества рамками северного региона) [Gregersen 2009, p. 101, 102].

Заинтересованность скандинавских лингвистов в изучении многогранных аспектов распространения АЯ проявляется и в деятельности Нордической ассоциации исследователей английского языка (*Nordic Association for English Studies*), созданной в 1980 г. по инициативе профессоров С. Йоханссона, А. Тисдала (университет Осло) и А. Зеттерстена (университет Копенгагена).

Скандинавские ученые признают важную роль АЯ как средства транснациональной коммуникации и, в тоже время, видят в его интранациональном распространении опасность для национальных языков. Говоря о распространении английского языка, они подразумевают, по словам датского социолингвиста П. Дарие-Хансен, не английский язык Великобритании, а «англо-американский вариант, набирающий силу в качестве европейского и международного лингва франка..., который характеризуется как язык силы на международном лингвистическом рынке. При этом такие языки, как немецкий, французский или шведский воспринимаются как языки, лишённые силы и нуждающиеся в защите» [Daryai-Hansen 2005, p. 273].

2.2.1. Языковая ситуация в Дании

Даже в Дании, которая отличается нейтральной языковой политикой, растущее присутствие АЯ вызывает оживленную дискуссию, в процессе которой нередко звучат требования ввести программу защиты национального языка. Датский языковой совет выражает позицию культурной и образовательной элиты страны, которая обеспокоена возможной перспективой понижения статуса датского языка в связи ростом престижа АЯ и расширением датско-английского билингвизма. По поручению Датского языкового совета социолингвисты Э. Хансен, И. Кьер и Й. Лунд провели анализ отношения среднего датчанина к влиянию АЯ на его жизнь [Hansen et al. 2000]. В соответствии с их данными, присутствие АЯ в датском обществе считают:

а) практическим следствием возрастающей интернационализации – 92% респондентов;

б) полезным, способствующим улучшению знания АЯ – 89% респондентов, и расширению культурного кругозора – 69% респондентов;

в) угрозой датскому языку – 26% респондентов и датской культуре – 19% респондентов;

г) модой, которую не следует принимать серьезно – 16% респондентов.

Таким образом, в отличие от культурной и научной элиты страны, большинство рядовых датчан относится к АЯ прагматически, рассматривая его как ключ к участию в процессе интернационализации.

Ведущий исследователь английского языка в Дании Б. Прейслер очертил диапазон типичных реакций датчан на распространение АЯ. Одни испытывают страх за судьбу родного языка, другие не могут определиться в своем отношении, третьи индифферентны, четвертые не подозревают о существовании такой проблемы, пятые думают, что знают все ответы, шестые являются полными сторонниками распространения АЯ, седьмые пытаются этому противодействовать. Б. Прейслер разделяет мнение о том,

что средний датчанин практически всегда положительно относится к распространению АЯ, и в датском обществе преобладают два аттитюдных стереотипа: «сторонники» (*the followers*) и «обеспокоенные» (*the concerned*) [Preisler 2005, p. 240].

Э. Хансен и соавторы характеризуют «сторонников» как людей, которые рассматривают АЯ как нейтральное, прагматическое средство коммуникации и считают, что следует подготовиться к новому языковому миропорядку, перестать сожалеть о прошлом, укреплять преподавание английского языка начиная с дошкольных учреждений [Hansen et al.]. «Сторонники» представляют большинство населения Дании, среди которого распространено понимание того, что АЯ служит инструментом международной коммуникации, и датчанам следует знать его, чтобы занимать свое место в глобализованном мире. По данным Б. Прейслера, около трети взрослых датчан поддерживают идею использовать АЯ в качестве языка преподавания некоторых предметов школьной программы «для расширения культурного горизонта» [Preisler 2005, p. 241].

Радикальную часть «обеспокоенных» датчан (ок. 6% взрослого населения) составляют последователи Р. Филлипсона, эмоционально назвавшего АЯ тираннозавром и языком-каннибалом, пожирающим другие языки [Phillipson 2001, p. 2]. Это представители культурно-научной элиты, имеющие профессиональный интерес в сохранении традиционного статуса датского языка. Показательно, что среди людей с высшим образованием 53% воспринимают распространение АЯ как следствие американского влияния, ок. 1/3 датчан данной категории относятся к этой ситуации негативно, 85% считают, что государство должно субсидировать мероприятия по поддержке национального языка, и только 12% приветствуют увеличение часов английского языка в школьной программе. Б. Прейслер подчеркивает, что жизнеспособность датского языка зависит от его способности интегрироваться в современную

языковую ситуацию и абсорбировать языковые средства, получаемые от других языков [Preisler 2005, p. 242].

Большинство скандинавских социолингвистов согласны с тем, что в датском обществе АЯ занимает более важную позицию, чем в других скандинавских странах, между которыми также имеются определенные различия в языковой идеологии – от пуристических тенденций сохранения статуса родного языка до *laissez faire*, принципа невмешательства государства и отказа от административной регламентации использования языка [Aijmer, Melchers 2004, p. 2; Thøgersen 2004, p. 23].

2.2.2. Языковая ситуация в Швеции

Аналогичная ситуация наблюдается и в Швеции. На протяжении последних десятилетий подобные опасения относительно влияния АЯ на шведский язык неоднократно высказывались К. Бергом, К. Болтоном, Ф. Хультом, К. Кингом, М. Лjungом, К. Майеркорд и др. [Berg et al., 2001, p. 306; Bolton, Ljung 1988, p. 9; Meierkord, 2013, p. 94; Hult, 2003, p. 43 and 2012, p. 232]. По данным шведского исследователя М. Вингстедт, в 1998 г. 66% шведов считали, что национальный язык должен быть максимально защищен от влияния АЯ, а 23% респондентов полагали, что, если этого не делать, АЯ может вообще вытеснить национальный язык, и шведский язык станет мертвым через 100 лет [Wingstedt, 1998, p. 159].

По словам Б. Меландера, очевидно, что шведский язык уступает английскому в некоторых областях [Melander 2001, p. 17]. Наибольшая угроза вытеснения шведского языка наблюдается в таких сферах коммуникации, как бизнес, масс медиа, культура, технологии, образование и наука и т.п. [Bolton, Meierkord, 2013, p. 97; Hult, 2012, p. 237; Phillipson, 2006, p. 71].

Анализируя языковую ситуацию в Швеции, Б. Меландер в 2001 г., и Р. Филлипсон в 2006 г. пришли к заключению, что в стране создаются условия в которых АЯ постепенно завоевывает наиболее статусные области

интранациональной коммуникации, и, по их мнению, проводится недостаточно эмпирических исследований, которые могли бы указать пути предотвращения такой опасности [Melander 2001, p. 17; Phillipson 2006, p. 70].

АЯ укрепляет свои позиции за счет шведского языка в сфере науки и образования [Bolton, Meierkord, 2013, p. 94]. Соответственно, шведский язык теряет специальную терминологию, т.к. ученые предпочитают публиковать свои работы и обсуждать свои вопросы по-английски, что делает национальный язык «низкой» разновидностью в этой сфере [Gunnarsson, 2001, p. 61; Hult, 2003, p. 47; Melander 2001, p. 28].

Второй областью, где АЯ вытесняет шведский язык, является коммуникация в бизнесе [Berg et al., 2001, p. 308] даже в тех случаях, когда ситуация не требует перехода на английский язык (*there is a tendency to defer Swedish to English in a situation where the choice of language is not straightforward*) [Berg et al., 2001, p. 314]. В этом Швеция не отличается от других европейских стран, где, по наблюдениям Б. Зайдльхофер и соавторов, все большее число европейцев используют АЯ в профессиональных целях, а национальные и многонациональные компании делают его своим официальным языком [Seidlhofer et al. 2006, p. 5].

Третья область распространения АЯ – это попкультура, реклама, кино, телевидение, музыка, которые Б. Зайдльхофер называет самыми действенными инструментами массированного американского влияния в Европе [Seidlhofer et al. 2006, p. 5]. Надо отметить, что К. Болтон и К. Майеркорд трактуют это явление не в лингвистическом аспекте – как вытеснение шведского языка английским языком, а в культурном – как выходящее за пределы какой-либо одной страны выражение интернациональной популярности американской культуры и культурной продукции [Bolton & Meierkord 2013, p.104].

Такое понимание языковой ситуации находит подтверждение и в докладе шведского правительства *Värna språken: förslag till språklag*

(Защитить языки: Проект закона о языке), опубликованном в 2008 г.: «Растущая интернационализация – это фактор, который оказал наибольшее воздействие на статус шведского языка в Швеции. Это привело к возрастающему использованию английского языка, который заменил шведский язык во многих областях либо используется параллельно с ним, Тот факт, что в Швеции сейчас говорят на 150 различных языках, также влияет на статус шведского языка» [Värna språken 2008, s. 19].

С целью защиты национального языка шведский Риксдаг (парламент) принял в 2009 г. Закон о языке (Språklag – National Language Act), в котором впервые был декларирован статус шведского языка как официально «основного», «полного и общественно необходимого» языка королевства и основного средства общения. В Законе не говорилось прямо о противодействии распространению АЯ, но эта мысль имплицитно прослеживалась, в частности, в параграфах 5, 6, 12 и 13, где утверждалось, что в качестве основного языка шведский язык является общим языком и может быть использован во всех сферах общественной жизни. Органы государственной власти несут особую ответственность за обеспечение использования и развития доступной шведской терминологии в различных областях знаний. Шведский язык является официальным языком Швеции на международной арене и должен использоваться, когда предоставляется возможность перевода и если нет особых причин использовать другой язык [Språklag., 2009].

Закон не регламентировал использование АЯ за пределами административно-управленческой сферы и не ограничивал его преподавание как основного иностранного языка в школах и вузах. Отметим, что в этом качестве АЯ заменил немецкий язык еще в 1946 г., а с 1962 г. он стал обязательным предметом на всех образовательных уровнях, начиная с 1-го класса [Hult, 2012, p. 232; Bolton, Meierkord, 2013, p. 96].

По поручению Нордического языкового совета шведский лингвист Р. Хёглин в 2002 г. провела исследование всех аспектов влияния АЯ на

лингвокультурную ситуацию в Дании, Швеции и Норвегии и изложила свои результаты в докладе, представленном Совету, и монографии *Engelska språket som hot och tillgång i Norden (The English Language as a Threat and an Asset in the Nordic Countries)* [Höglin 2002, p. 103]. Р. Хёглин предложила свою оценку языковой ситуации с учетом проблем, общих для всех скандинавских стран:

1. Действительно, АЯ настолько широко и глубоко распространился в Скандинавии, что стал представлять угрозу использованию национальных языков в отдельных областях.

2. В силу транснационального характера научных публикаций, университетского образования, большого бизнеса доминирование АЯ в этих областях стало свершившимся фактом.

3. Нордическим странам необходимо выработать совместную языковую политику, чтобы, во-первых, совершенствовать знание АЯ, которое не всегда так хорошо, как принято считать, и, во-вторых, усилить позиции национальных языков по четырем направлениям: 1) обеспечить преимущественное использование национального языка во всех центральных сферах; 2) ввести параллельное устное и письменное изложение информации на национальном языке в сферах, выходящих за рамки внутринациональных интересов, где используется АЯ; 3) обеспечить равенство английского и национальных языков в областях, где сложился преимущественное использование АЯ; 4) реструктурировать образовательные программы, чтобы способствовать изучению других иностранных языков и языков национальных меньшинств [Höglin 2002, p. 103, 121].

По прошествии полутора десятилетий после публикации доклада Р. Хёглин ее оценка скандинавской языковой ситуации остаётся актуальной, хотя следует отметить, что пуристические тенденции, выражающиеся в призывах защитить национальные языки от агрессии АЯ, практически не проявляются, поскольку утвердилось понимание интернациональной

природы тех областей, где преимущественно используется английский язык.

2.2.3. Языковая ситуация в Норвегии

В Норвегии АЯ получил статус официального языка в таких международных компаниях, как, например, корпорация *Statoil*; университет Осло в 2000 г. ввел преподавание специальных предметов на английском языке, начиная с 9-го семестра, даже на тех отделениях, где нет иностранных студентов. В норвежском секторе высшего образования в 2016 г. программы на АЯ предлагались в 8 университетах, 9 специализированных филиалах университетов, 20 колледжах, имеющих университетскую аккредитацию, двух национальных академиях искусств и 16 частных колледжах [Tuition Free ... 2016]. По мнению У. Риндал, студенты норвежских университетов относятся к АЯ как к фактору идентичности, подчеркивающему их социально-культурную принадлежность. При этом они сознательно выбирают тип признание – британское для официального общения и американское в неформальной среде [Rindal, 2010, p. 255].

Большинство норвежцев моложе 60 лет изучали АЯ в школе, и практически все они могут общаться по-английски на бытовые темы. Сопоставляя норвежскую языковую ситуацию со шведской, А.-Л. Грэдлер и С. Йоханссон выдвинули тезис о том, что норвежский язык подвергается более значительному воздействию АЯ, чем шведский язык [Graedler, Johansson 1995, p. 271].

Этот тезис основан на популярном среди скандинавских лингвистов представлении об асимметричности отношений АЯ с национальными языками, в условиях которой малые языки подвергаются опасности вытеснения большими языками [Awedyk 2009; Kirkegaard 2008; Lomheim 2001; Mæhlum 2002, 2007]. Чтобы противостоять этой опасности, в Норвегии прошли несколько кампаний «против нежелательного влияния

английского языка и в защиту национальной языковой среды» (*språklig miljøvern*), организованных Норвежским языковым советом (*Norsk språkråd*) [Johansson 2002, p. 90].

В 2004 г. Совет опубликовал проект «Норвежский язык через 100 лет» (*Norsk i Hundre*), цель которого определялась как ограничение распространения АЯ и обеспечение функционирования двух форм национального языка в общественно-политической и экономической жизни страны. В официальном документе Совет декларировал, что государство является гарантом сохранения норвежского языка в условиях конкуренции с английским языком, который завоевывает позиции в международной экономике, ИТ компаниях и других технологических сферах (*Staten har vore ein garantist for nynorsk som mindretalsmål i hove til bokmål. Samme offentlege saksfelt er utsette for særleg press fra engelsk. Det gjeld internasjonal økonomi, IT-næringane og andre ulike teknologi*) [Norsk i hundre 2005, s. 7].

Проект Норвежского языкового совета следовал подобным проектам – шведскому 2002 г., «Цели в языке – Проект программы шведского языка» (*Mål i mun – Förslag till handlingsprogram för svenska språket*) [Mål i mun 2002], и датскому 2003 г. «Языки под угрозой» (*Sprog på spil*) [Sprog på spil 2003].

Оппоненты расширяющегося присутствия АЯ в Норвегии опасались его гегемонии, угрожающей низвести национальный язык до положения местного наречия. Наиболее активный критик использования АЯ С. Ломхейм опубликовал ряд статей под рубрикой «Выживет ли норвежский язык?» (*Vil norsk overleve? – Will Norwegian survive?*), в которых убеждал соотечественников, что норвежский язык будет постепенно уступать позиции английскому языку во всех общественно значимых сферах [Lomheim 2001].

Пессимистический прогноз С. Ломхейма был критически воспринят норвежскими социолингвистами [Awedyk 2009, p. 148]. В монографии ведущих норвежских ученых С. Йоханссона и А.-Л. Грэдлер «*Rocka, hipt og*

*snacksy. Om engelsk norsk språk og samfunn» (Rocka, hipt и snacksy. Об англо-норвежском языке и обществе) [Johansson, Graedler 2002] доказывається, что англо-норвежская диглоссия является мифом, и термин *anglonorsk*, английский, используемый в Норвегии, обозначает не язык, а заимствования, модифицированные по правилам норвежской грамматики и, чаще всего, получившие новые значения. Название первой главы *Engelsk - bro eller barriere?* (Английский язык – мост или барьер) передает суть дискуссии о «засилии» АЯ в средствах массовой информации. Авторы отмечают, что АЯ безусловно служит мостом, который связывает норвежцев с с глобальными процессами, но представители самой младшей и самой старшей возрастных групп населения практически не владеют английским языком, а выпускники школ владеют им недостаточно, чтобы работать с англоязычной информацией [Johansson, Graedler 2002, p. 18-19].*

Добавим к этому, что по данным норвежского Управления статистики в 2000 г. из всего контингента учителей английского языка, 67% учителей 1-2 классов, 49% учителей 3-4 классов и 20% учителей 5-6 классов не имели высшего образования. В связи с этим учитель-методист университетского колледжа Ставангер Айон Дрю отмечал, что количество студентов, которые не в состоянии успешно сдать экзамен по английскому языку, может достигать 50% [Language education policy profile 2004, p. 17]. Ситуация в значительной мере изменилась после того, как в 2006 г. была принята государственная «Программа развития знаний», в которой АЯ получил статус первого иностранного языка. С учетом глобальной роли английского языка в современном мире подготовка учителей АЯ была перестроена так, чтобы они могли удовлетворять потребности своих учащихся в международной коммуникации [Rindal 2012, p. 173].

Социолингвисты, анализирующие отношение молодых норвежцев к АЯ, часто подчеркивают, что до 42% респондентов не придают значения растущему влиянию английского языка на их речь, 19% относятся к этому положительно и 39% дают негативные ответы. Молодые люди принимают

распространение АЯ более позитивно, чем старшее поколение, мужчины – более позитивно, чем женщины, и жители Осло – более позитивно, чем жители небольших городов [Awedyk 2009, p. 146; Greenall 2005, p. 213].

А.-Л. Грэдлер изучила отношение норвежской прессы к АЯ на материале 3743 газетных статей, опубликованных в 2008–2012 гг. Результаты ее анализа свидетельствуют о том что, в целом, преобладает позитивная оценка широкого использования АЯ, но в значительном количестве публикаций прослеживается идея о том, что английский и норвежский языки находятся в состоянии войны, и существует угроза национальному языку (*English is at war with and seen as representing a threat to the Norwegian language*) [Graedler 2014, p. 291].

Отмечая высокий статус АЯ в Норвегии, популярность англоязычной медиапродукции, интенсификацию преподавания в школьном и высшем образовании, и т.п., следует подчеркнуть, что здесь, как и в Дании, есть сторонники сохранения традиций национального языка (в его двух вариантах) и люди, принимающие распространение АЯ как факт современной языковой ситуации.

2.3. Ценностные факторы, способствующие распространению английского языка в странах Скандинавии

Несмотря на все различия, которые обнаруживают исследователи путей распространения АЯ в Дании, Швеции и Норвегии, отмечаются общие для них характеристики: национальные сообщества этих стран, в целом, открыты к восприятию английского языка. Основанием для этого служат следующие факторы: 1) безусловно высокий статус АЯ в странах Скандинавии; 2) популярность англо-американской медиапродукции; 3) интенсивное преподавание АЯ на всех уровнях образования и для всех возрастных групп; 4) экстенсивные международные контакты – как личные, так и служебные [Gottlieb 2004, p. 41]. Два последних фактора

взаимосвязаны с процессом интернационализации скандинавского сообщества в науке, образовании, бизнесе и т.п. АЯ как инструмент интернационализации стимулирует их развитие, и его распространение стимулируется результатами их активности.

Как пишет шведский социоллингвист Б. Бьёркман, представляющая молодое поколение скандинавских ученых, сформировавшееся за последнее десятилетие: «Шведская академическая сфера является интернациональной по своей природе и лингвистически разнообразной вследствие растущей академической мобильности и программ обмена студентов [...]. Трансформация шведского университета, от одноязычного к многоязычному, потребовала общего языка для всех участников процесса. Английский язык стал языком [...], с помощью которого могут общаться представители большого спектра национальных языков» [Björkman 2008, p. 11]. Оценка шведской академической сферы равным образом применима к датской и норвежской системам университетского образования и науки, поскольку определяющий сектор их деятельности направлен на сотрудничество с интернациональной сферой.

Что касается интранационального функционирования АЯ, рационально привести краткий перечень причин его распространения, предложенный испанскими исследователями Кр. Праттом и др. [Pratt 1986, p. 36; Agost, Chaume 2001, p. 197], поскольку их таксономия актуальна и для скандинавских языков:

А. Лингвистические причины:

1. Причины, обусловленные внешними факторами (появление новых реалий), которые ведут а) к заимствованию иностранного наименования (т.е. английского слова), б) к использованию существующего в национальном языке слова в новом значении, в) к созданию нового слова средствами национального языка.

2. Причины, обусловленные внутренними факторами (создание новых лексикограмматических моделей путем соединения единиц национального языка и английского языка).

Б. Экстралингвистические причины, связанные с престижностью использования англицизмов:

1. Лингвистический снобизм, т.е. использование англицизмов для выражения своей элитарности по отношению к другим представителям национального сообщества.

2. Арготическая функция англицизмов в профессиональном сообществе как инструмент создания специализированного жаргона (в среде профессиональных политиков, в бизнесе, в научных кругах, и т.п.).

3. Использование англицизмов как прием маркетинга, например, в рекламных объявлениях, технических инструкциях, текстах, создаваемых для продвижения товаров или услуг.

Иллюстрацией того факта, что АЯ стал неотъемлемой частью лингвокультурного пространства Скандинавии может служить деятельность международной компании *EF Education First*, первоначально основанной в Швеции.

В начале 1960-ых гг. 24-летний шведский студент Бертил Хульт побывал в Англии и, к собственному удивлению, быстро усвоил разговорный английский язык. Убедившись на своем опыте, что традиционное школьное обучение иностранным языкам не всегда эффективно, в 1965 г. он зарегистрировал в г. Лунд, Швеция, небольшую компанию под названием *Europeiska Ferieskolan (European Holiday School)* – *EF*, которая была призвана соединить зарубежную поездку с изучением АЯ. В том же году по его первой программе *Språkresor (Language Travel)* 407 шведских студентов отправились на летних каникулах путешествовать по Великобритании и осваивать АЯ. Концепция обучения через опыт (*experiential learning*) Бертила Хульта оказалась настолько успешной, что деятельность его компании быстро охватила не только всю Швецию, но и

другие страны Скандинавии – в 1967 г. Норвегию и Финляндию, в 1968 г. Данию, и, наряду с изучением АЯ в Великобритании, Хульт начал предлагать скандинавским студентам программы изучения французского языка во Франции (с 1967 г.) и немецкого языка в Германии (с 1969 г.) [EF Education First. Our history].

Сегодня уже никого не удивляет, что скандинавские студенты активизируют свой АЯ в зарубежных поездках. В качестве иллюстрации приведем пример, когда автор этой диссертации обратилась к 10 студентам, случайно встреченным в одном из корпусов Южно-Датского университета, с вопросом – приходилось ли им совмещать зарубежные путешествия с усовершенствованием своего АЯ. Ниже приводятся некоторые ответы (см. Приложение 3.2):

Max, 21: I say, well most vacations we speak English because when we go to, well pretty much anywhere in the world we speak English and even when we go to Germany and they are not too pleased about that.

Karl, 25: I spent a year in Ghana which isn't an English-speaking country as they use it as a business language. Then I've spent a month in New Zealand and, yeah, a couple of weeks in England, living with an English family in Anglia.

Gustav, 22: I have been to England, a couple of times, the United States, Australia and quite a lot of other countries where English is spoken very well but it's not the official language. For the official language... I've been to England for a month just for holiday, fourteen days or so. And then I've been to the United States for also a month and Australia for one and half month – two months.

Lucija, 20: Time spent in English-speaking countries and which one: hmm. None. I traveled about Europe and my impression is that English is useful in Germany, Finland, Holland, but not in Italy, Spain, and not at all in France.

Denis, 21: I've have been traveling in England and I've been to Australia. I've been in England two or three times, and then I was in Australia for three month ehmm... and...yeah. I enjoyed it very much. I want to go to... to New Zealand, later on... and see the ...the nature down there.

Как оказалось, только одна студентка *Lucija* не посещала англоязычные страны, хотя много путешествовала по Европе, где ей приходилось общаться на английском языке.

Безусловно, будет преувеличением утверждать, что компания Бертила Хульта оказалась основным монитором распространения АЯ в Скандинавии, но созданный Б. Хультотом прецедент «обучения английскому языку через опыт» заложил одну из традиций скандинавского студенческого сообщества. В соответствии со сложившейся социокультурной традицией происходит постоянная языковая социализация, в процессе которой новые члены входят в языковое сообщество и постепенно интернализуют АЯ, участвуя в социальной практике, усваивая модели речевого поведения и правила дискурса, принятые в этом сообществе [Timpe-Laughlin, p. 3].

К 2016 г. компания, созданная Бертилом Хультотом превратилась в крупнейшую международную образовательную организацию – *EF Education First* (ее самое большое подразделение – *EF English First*) с штаб-квартирой в г. Люцерн, Швейцария. Имея 43500 сотрудников и преподавателей и 500 школ и представительств в 53 странах, *EF Education First* «превращает мир в глобальную классную комнату» [EF Education First. Company Fact Sheet 2016].

Одной из наиболее влиятельных акций, осуществляемых *EF Education First*, является составление авторитетного мирового индекса ранжирования национальных уровней владения английским языком (*EF English Proficiency Index – EF EPI*) на основе тестирования и опросов, проводимых в 70 странах, на всех континентах. По результатам 5-го ежегодного индексирования (2015 г.) наиболее высокие результаты показывают страны европейского континента, а в первой пятёрке – Швеция, Нидерланды, Дания, Норвегия и Финляндия [The EF English Proficiency Index 2015]. См. Таблицу 2-2.

Таблица 2-2.

Основные показатели пяти стран, имевших наиболее высокий национальный индекс владения английским языком в 2015 г. (*The EF English Proficiency Index 2015*).

	Швеция	Нидерланды	Дания	Норвегия	Финляндия
Уровень владения АЯ в %	70.94%	70.58%	70.05%	67.83%	65.32%
Колич. населения	9,723,809	16,877,351	5,569,077	5,147,792	5,268,799
Годовой доход на душу населения	\$46,170.00	\$ 46,260.00	\$45,300.00	\$65,450.00	\$39,860.00
Расходы на образование в % бюджета	13.2%	11.6 %	15.2%	15.0%	12,3%
Среднее колич. лет обучения	11.7	11.9	12.1	12.6	10.3
Пользуются интернетом в %	94.8%	94.0%	94.6%	95.1%	91.5%

Таблица 2-2 иллюстрирует непосредственную связь национального уровня владения АЯ с высокими даже для экономически благополучной Европы показателями национального благосостояния (средний годовой доход на душу населения, расходы государства на образование, длительность периода обучения, распространение интернета).

Итальянский исследователь европейских языков Л. Лампариелло, изучавший скандинавские языки в течение многих лет, предложил свой анализ факторов, благодаря которым скандинавы отличаются от его соотечественников высоким уровнем владения АЯ [Lampariello 2014]:

1. Скандинавы регулярно смотрят недублированные (с субтитрами) англоязычные телепрограммы и фильмы, тогда как итальянцы дублируют практически всю англоязычную кино- и медиапродукцию. Длительность

погружения в язык прямо пропорциональна уровню его усвоения, и скандинавы погружены в АЯ с раннего детства, тем самым развивая способность понимать и имитировать быструю речь.

2. Вторым фактором, способствующим скандинавам в овладении АЯ – это высокое качество скандинавской системы образования, построенной на интеграции теории и практики. Л. Лампариелло приводит пример наиболее доступного способа такой интеграции, когда по заданию преподавателей шведские студенты в обязательном порядке должны общаться с носителями АЯ на интернет-сайте *Sharetalk.com*.

3. Подобно английскому языку, датский, шведский и норвежский языки принадлежат к группе германских языков и имеют общие с ним характеристики грамматики и словаря. С учетом того, что Дания, Швеция и Норвегия – небольшие страны, их жителям необходим контактный язык для общения с остальным миром, а такая необходимость создает мотивацию для овладения АЯ.

Среди европейцев наиболее влиятельным из этих трех факторов считается воздействие англоязычных средств индустрии развлечений – видео- и компьютерных игр, телевизионных программ и фильмов. Поэтому даже те датчане, норвежцы и шведы, которые недостаточно усвоили АЯ в процессе обучения, регулярно оказываются в ситуации языкового контакта, включая свой компьютер, телевизор или посещая кинотеатр [English in the Nordic Region 2015]. Таким образом, интеграция обучения английскому языку с практическим развитием рецептивных и репродуктивных навыков во время погружения в АЯ, мотивация и желание усваивать язык, а также определенное сходство словаря и грамматики являются для жителей скандинавских стран основными предпосылками высокого уровня владения АЯ [Lampariello 2014].

В оценке Л. Лампариелло отражаются основанные на реальных факторах представления европейцев об условиях, благодаря которым скандинавы столь успешно усваивают английский язык [Лингвофорум

2005]. Наряду с этим встречаются и попытки обосновать очевидное превосходство скандинавов генетическим родством языков, более близким, чем принадлежность к германской группе. Так, сходство отдельных характеристик АЯ и скандинавских языков побудило некоторых авторов утверждать, что современный английский язык следует относить не к западногерманской, а к северогерманской подгруппе германских языков [Nickelsen 2012].

Это утверждение приобрело популярность после того, как известный специалист по истории синтаксиса скандинавских языков Я. Фаарлунд выступил в качестве его проponenta и опубликовал в соавторстве с американским коллегой, специалистом по теории синтаксиса Дж. Эмондсом книгу «Английский язык: язык викингов» (*English: The Language of the Vikings* [Emonds, Faarlund 2014]). Я. Фаарлунд считает, что предшественником среднеанглийского языка был не древнеанглийский язык, а вытеснивший его древнескандинавский язык викингов, захвативших восточно-центральный и северо-восточный ареалы Англии, – *Norse* [Emonds, Faarlund 2014, p. 12]. Этим он объясняет тот факт, что в современном английском языке имеется большое количество таких слов скандинавского происхождения, как, например: *anger, awe, bag, band, big, birth, both, bull, cake, call, cast, cosy, cross, die, dirt, dream, egg, fellow, flat, gain, get, gift, give, guess, guest, hug, husband, ill, kid, law, leg, lift, likely, link, loan, loose, low, mistake, odd, race, raise, root, rotten, same, seat, seem, sister, skill, skin, skirt, sky, steak, though, thrive, Thursday, tight, till, trust, ugly, want, weak, window, wing, wrong* [Emonds, Faarlund 2014, p. 49-52].

Однако же наиболее убедительным аргументом в пользу своей теории Я. Фаарлунд считает морфосинтаксические параллели в АЯ и скандинавских языках. Среди них – порядок слов, при котором дополнение следует после глагола-сказуемого, например, в английском: *I have read the book*; в норвежском: *Eg har lese boka*; но в немецком: *Ich habe das Buch gelesen* [Emonds, Faarlund 2014, p. 61].

В АЯ и скандинавских языках предлог может стоять в конце предложения, например, в английском: *This we have talked about*; в норвежском: *Dette har vi snakka om* [Emonds, Faarlund 2014, p.84].

В АЯ и скандинавских языках встречается расщепленный инфинитив, например, в английском: *I promise to never do it again*; в норвежском: *Eg lovar å ikkje gjera det igjen*. [Emonds, Faarlund 2014, p.103]

В АЯ и скандинавских языках используется притяжательно-генитивная конструкция (групповой генитив), которой нет в западногерманских языках, например, в английском: *The driver of the truck's fault*; в норвежском: *Sjåføren av lastebilens feil* [Emonds, Faarlund 2014, p.118].

Гипотеза Я. Фаарлунда и Дж. Эмондса подверглась серьезной и обоснованной критике в обширной рецензии К. Бек и Дж. Уокдена, которые, опираясь на методологические, эмпирические и теоретические аргументы, раскрыли ее несостоятельность вследствие отсутствия последовательной методики анализа, произвольного толкования отдельных языковых изменений и недостаточного понимания генеалогических связей в исторической лингвистике [Bech, Walkden 2016, p. 93, 94]. Добавим к этому, что Я. Фаарлунд и Дж. Эмондс оставили без внимания прошедшие в течение среднеанглийского периода фонетические изменения, которые привели к переходу морфосинтаксической системы из синтетического состояния в аналитическое. В результате этого перехода возникли многие из тех явлений, которые авторы приводят в качестве свидетельств родства АЯ и скандинавских языков.

Для нашего исследования их теория интересна, во-первых, только как своеобразная попытка представить гипотетическое близкое родство языков в качестве обоснования исторической предопределенности современного распространения АЯ в Скандинавии. Во-вторых, она наглядно свидетельствует в пользу того, что для определения статуса АЯ необходимо опираться на реальные факторы, связанные с интернационализацией

жизнедеятельности скандинавских языков, как это делают многие скандинавские исследователи.

Так, например, датские социолингвисты Й. Мёллер и П.Квист в течение ряда лет наблюдали, как взаимодействуют датский и английский языки в колледже Херлуфсхольм, где английский язык не только преподается значительно шире, чем в других средних учебных заведениях, но студенты могут выбрать специальную программу подготовки бакалавров в группе, где он служит языком преподавания [Møller, Quist 2003].

Все студенты – это датско-английские билингвы (а некоторые – иностранцы с каким-либо другим национальным языком), для которых выбор языка общения является социальным фактором, символизирующим их самоидентификацию с одной из двух языковых групп, выявленных в колледже Херлуфсхольм. Исследователи неоднократно наблюдали, как студенты, чье обучение идет на датском, общаясь с другими датчанами, активно перемежают свою речь английскими словами и выражениями или же переключаются на АЯ, как бы сообщая собеседнику о своей принадлежности к иной социальной категории. Они могут использовать свое знание английского языка для того, чтобы создавать смешанные датско-английские формы и структуры, что подчеркивает их идентичность с двуязычной группой.

Эти студенты проводят четкую грань между своим датско-английским билингвизмом и полным замещением датского языка английским, чего у них нет и что наблюдается в группе студентов, которые обучаются на английском языке. Среди последних есть как датчане, так и иностранцы, для которых датский не является родным, и значительная доля их общения вне колледжа происходит на английском языке. Нарочитое нежелание членов второй группы говорить по-датски (хотя все они являются датско-английскими или англо-датскими билингвами) почти единодушно определялось всеми информантами, участвовавшими в эксперименте, как причина изоляции членов этой группы и негативного к ним отношения со

стороны остальных студентов. Разделение коллектива студентов на два сообщества по языку обучения отражает сложившуюся в датском обществе тенденцию билингвизма и отношение носителей титульного языка к другим языкам общения.

Широкое распространение АЯ в Скандинавии вызвало дискуссию о его статусе: стал ли АЯ вторым языком интранациональной коммуникации или остался иностранным языком, инструментом интернационального общения [Hult 2012, p. 238]. В трактовке Дж. Юла, различие между ними заключается не собственно в языках, а в том окружении, где они используются – на иностранном, в отличие от второго языка, не говорят в окружающем сообществе (*a foreign language is not generally spoken in the surrounding community, while a second language is*. [Yule 2014, p. 187]). Решая вопрос о статусе АЯ, необходимо определиться, для какого окружения он является иностранным языком, а в каком сложилась ситуация диглоссии.

По определению Дж. Юла, диглоссия – это использование «высокой» или специальной разновидности языка в ситуациях формального общения и «низкой» разновидности языка в ситуациях неформального общения (*diglossia is “a situation where there is a “high” or special variety of a language used in formal situations (...) and a “low” variety used (...) informally*)[Yule 2014, p. 290].

По данным Евробарометра (2012), 86% датчан и шведов заявили, что владеют АЯ достаточно хорошо, и около 40% оценили свои знания как очень хорошие, но при этом только 58% датчан и 28% шведов ответили, что могут прочесть по-английски газетную или журнальную статью. 52% участников опроса сообщили, что усвоили АЯ самостоятельно, благодаря англоязычным фильмам, теле- и радиопрограммам, тогда как в Европе средняя величина таких ответов – 11% [Europeans... 2012, pp. 21, 33, 101-102]. Евробарометр не проводит опросы в Норвегии, т.к. она не является членом Евросоюза.

Некоторые исследователи высказывают осторожное мнение, что критерием статуса АЯ в скандинавских странах следует считать не показатели уровня владения языком, основанные на выборочных опросах, а масштабы его реального использования [Ек 2015, р. 11], т.е. величину того окружения, для которого АЯ служит вторым языком.

Х. Шарп исследовала количественные и качественные параметры использования английского языка двумя группами шведских респондентов – сотрудников судоходной компании в профессиональной коммуникации и молодых людей (независимо от рода их деятельности) в неформальной коммуникации [Sharp 2007]. Ее результаты показывают, что из корпуса аудиозаписей объемом 148000 слов английские слова и словосочетания составляют только 2.5% [Sharp 2007, р. 228]. При этом, молодые люди используют английские языковые единицы для придания комического и эмоционального эффекта, а сотрудники компании прибегают к английскому как вспомогательному языку для специальных целей [Sharp 2007, р. 237-238]. Использование английского языка всегда прагматически маркировано и направлено на идентификацию своей принадлежности к молодежной или профессиональной группе.

Это свидетельствует скорее не об информативном, а об эмоциональном аспекте использования АЯ, о его высокой символической ценности. По нашим наблюдениям, в общении с иностранцами скандинавы, как правило, говорят на английском языке, а в смешанных группах они могут переходить с английского на национальный язык, обращаясь к соотечественникам, и это является своего рода приемом самоидентификации, типичным для их сообщества. Социальный символизм, проявляющийся в самоидентификации участников коммуникации путем чередования высказываний на английском и национальном языках, объясняется их метапрагматической осведомленностью, благодаря которой, по словам Дж. Фершуерена, переключение говорящего на другой код, знакомый для

интерпретирующего, представляет собой процесс категоризации собеседника [Фершуерен 2001, с. 176].

В странах Скандинавии зачастую можно слышать, как не только молодежь, но и взрослые люди говорят на своем национальном языке, то и дело вставляя английское слово и словосочетание [Taavaitainen, Pahta 2003, p. 7]. АЯ используется в интранациональной коммуникации даже теми компаниями, что работают только на внутреннем рынке. Такие примеры говорят о том, что к английскому языку обращаются, чтобы создать своеобразную атмосферу молодости, стиля и моды (*conjure up an image of something young, trendy and fashionable* [English in the Nordic Region 2015]).

К. Болтон и К. Мейеркорд признают, что символическая ценность АЯ различается в коммуникации так называемых «элитарных» групп общества и «масс»: английский язык может играть важную роль в «элитных» областях коммуникации, но в ежедневном общении для большинства шведов не существует замены родному языку [Bolton, Meierkord 2013, p. 95-96, 100]. Они приходят к заключению, что, в целом, знание шведского языка намного более необходимо для коммуникации в шведском обществе, чем знание английского языка [Bolton, Meierkord 2013, p. 110-111]. Факт неоспоримого преимущества национального языка в ежедневной коммуникации подтверждают датские и норвежские социолингвисты [Jarvad 1995, p.123; Johansson 2002, p. 91].

Тем не менее функционально-прагматическая роль английского языка в интранациональной коммуникации является объективной лингвокультурной реальностью в Дании, Норвегии и Швеции, хотя об утверждении АЯ как второго языка и развитии всеобщего национально-английского билингвизма в масштабах отдельной страны говорить преждевременно. Английский язык не имеет официально принятого и утвержденного законодательными актами статуса второго языка, но на практике он является таковым для значительных групп скандинавского населения.

Между группами пользователей АЯ нет каких-либо четких границ, и они представляют собой континуум, в котором активизируются процессы перехода АЯ от статуса иностранного языка к статусу второго языка. Эти процессы характеризуются пограничными состояниями транслингвизма /транслингвальности, в которых, как указывает З.Г. Прошина, оказываются индивиды в ситуациях, характеризующихся наличием и функционированием одновременно нескольких языков [Прошина 2016, с. 7]. А.А. Ривлина отмечает, что в таких ситуациях нет четких границ между языками, и они могут быть охарактеризованы как транслингвальные по сути. [Ривлина 2016, с. 24]

Парадигма интернациональной культуры в ментальности датчан, шведов и норвежцев складывается в процессе вторичной социализации, определяемой формальной принадлежностью к скандинавскому сообществу, которое характеризуется высоким уровнем владения АЯ, независимо от конкретной страны проживания. Вторичная социализация в группах национально-английских билингвов, по своей сути, является ситуативно-ролевой и национально-культурной и проходит в нерегулярных ситуативных контекстах бытовой и профессиональной коммуникации, когда участнику приписывается определенная роль, предполагающая его категориальную лингвокультурную идентификацию, в первую очередь, по определенным лингвокультурным признакам.

В отличие от первичной социализации, имеющей универсальный национальный характер, вторичная социализация направлена на вхождение индивида в интернациональное сообщество, например, ученых, студентов, деловых людей, блоггеров и т.п. Владение АЯ как инструментом вторичной социализации дает возможность представителям различных скандинавских лингвокультурных сообществ реализовать приобретенные культурные нормы как в интранациональной, так и транснациональной коммуникации.

Отталкиваясь от этого тезиса, мы приходим к пониманию того, что для представителей отдельных социально-профессиональных групп АЯ

является вторым языком, а в интранациональной коммуникации всего скандинавского сообщества он является транскультурным контактным языком.

По определению Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии, «культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных – и что, помимо искусства и литературы, она охватывает образ жизни, “умение жить вместе”, системы ценностей, традиции и верования» [Всеобщая декларация 2001]. Использование специфической формы языка в том или ином сообществе является одним из его наиболее важных отличительных признаков, культурных элементов его идентификации, и транскультурный характер АЯ в скандинавских странах адаптируется в соответствии с индивидуальной культурной компетенцией их жителей. Следуя классификации М. Мейера [Meyer 1991, p. 142-143], можно выделить три категории скандинавских пользователей английским языком:

1. Монокультурные, для которых национальная культура является основой рецептивного понимания в процессе потребления англоязычной медиапродукции и репродуктивного – в спорадических ситуациях транснациональной коммуникации, где АЯ выполняет функцию транскультурного языка.

2. Интеркультурные – осознающие различия между национальной и иностранной культурами, но придерживающиеся лингвокультурных стереотипов своей социальной группы (*standing between cultures* [Meyer 1991, p. 142]), включая и те нерегулярные ситуации, когда АЯ используется в транскультурной функции;

3. Транскультурные – знающие ценности национальной и иностранной культур и умеющие использовать свое знание в различных лингвокультурных окружениях (*standing above their own and the foreign*

culture [Meyer 1991, p. 143]) интранациональной и транснациональной коммуникации.

Различия между этими категориями скандинавских пользователей АЯ определяются масштабами воздействия АЯ, которому они подвергаются и прагматическими факторами, которые побуждают их использовать его.

2.4. Аспекты распространения англицизмов в скандинавских языках

Отношение скандинавов к заимствованиям как фактору «присутствия» английского в их языках определяется языковой идеологией, трансформация которой достаточно четко прослеживается на протяжении двух периодов – от 1980-х гг. до начала 2000-х гг. и от второй половины 2000-х гг. до настоящего времени. Первый период характеризуется дискуссией между теми, кто призывал противодействовать влиянию английского языка и теми, кто не видел в этом угрозы национальным языкам. Вторым периодом знаменуется всеобщим признанием необходимости совместного функционирования английского и национальных языков и поисками путей их параллельного использования.

Р. Хёглин выделила три основных аспекта влияния АЯ на скандинавские языки: заимствование англоязычной лексики, переключение кодов и потеря национальными языками целых предметных областей (*loan words, switching codes and domain losses*) [Höglin 2002, p. 104]. В ее монографии и в трудах многих других исследователей эти три аспекта рассматриваются как факторы «присутствия» АЯ в странах Скандинавии, как основные формы, в которых проявляется это «присутствие».

Заимствования англоязычной лексики, будучи наиболее очевидным свидетельством влияния английского языка, привлекали внимание Нордического языкового совета еще с 1990-х гг. Первый общескандинавский проект Нордического языкового совета по исследованию англоязычных заимствований *Moderne importord i spraka i*

Norden («Современные заимствования в языках нордических стран») осуществлялся в 2001–2005 гг. под руководством Х. Сандоя из университета Бергена (Норвегия) [Graedler 2004; Sandøy 2002]. Основные задачи проекта составили: сравнение объема заимствований в отдельных скандинавских языках; замена заимствований национальными аналогами и частотность их использования; адаптация заимствований; стандартизация заимствований; отношение к заимствованиям и их национальным аналогам [Graedler 2004, p. 6].

Изучению подлежали три типа заимствований:

1) прямые заимствования – как сохранившие исходную форму, например, *workshop*, *pizzeria*, так и подвергшиеся адаптации, например, *diskotek* (в англ. *discotheque*);

2) гибридные заимствования – сочетания прямых заимствований и национальных слов, например, норв. *freelance-arbeidar* (*freelance worker*);

3) псевдозаимствования, не существующие в АЯ, но образованные из английских компонентов, например, *snowracer* (*sled with steering wheel and broad runners*) [Graedler 2004, p. 9].

Еще в 1988 г., когда наиболее очевидным фактором присутствия английского языка считались заимствования, шведский социолингвист Ю.-А. Кристал отмечала, что их незначительное количество в шведских газетах не соответствует опасениям относительно угрозы шведскому, исходящей от английского языка [Chrystal 1988, s. 83]. Интересно отметить, что через 20 лет аналогичное исследование провел польский скандинавист В. Аведик, который нашел, что в ежедневных шведских газетах встречается всего лишь от 0.5% до 2% английских заимствований [Awedyk 2009, p.146] в тех контекстах, когда возникает необходимость передать в национальном языке новые тенденции, явления и понятия, появляющиеся в этих семантических областях.

Датский социолингвист П. Ярвад, изучавшая отношение своих соотечественников к распространению английских заимствований,

установила, что большинство далеких от лингвистики датчан не воспринимают заимствования как чужеродные вкрапления в речь на родном языке. 75% респондентов положительно относятся к таким словам, как *shorts, sweater, weekend, carport, sandwich*, и т.д., и только 4% характеризуют их использование как «загрязнение языка». Что касается устойчивых словосочетаний, 56% респондентов включают в свою речь такие идиомы, как, например, *you name it, take it or leave it, point of no return, the real thing, the seat of the nineties, second to none*, и т.д., тогда как 35% знают их, но никогда не используют. В большинстве случаев П. Ярвад фиксировала достаточно положительное отношение датчан к английским заимствованиям [Jarvad 1995, s. 123].

Норвежские социолингвисты С. Йоханссон и А.-Л. Грэдлер утверждали, что заимствованная англоязычная лексика составляет незначительную часть в норвежских газетных и журнальных текстах: количество английских заимствований варьируется от 1.2% (статьи о моде) до 2.3% (статьи о попмузыке). Исследователи отнесли английские заимствования к восьми репрезентативным семантическим сферам: музыка, мода, спорт, реклама, средства массовой информации, информационные технологии, экономика, коммерция [Johansson, Graedler 2002, s. 83–115].

И напротив, одна из первых, кто изучал языковые идеологии среди шведов, М. Вингстедт утверждала, что до 66% ее респондентов хотели бы «очистить» родной язык от влияния АЯ [Wingstedt 1998, p. 159, 259], а 23% участников опроса согласились с тем, что через 100 лет шведский язык может стать мертвым [Wingstedt 1998, p. 61].

Дискутируя с ней, М. Столхаммар, доказывала, что английские заимствования являются одним из источников не только прямого, но и опосредованного расширения шведского словаря. Например, калькирование английского словосочетания *tree hugger* (защитник окружающей среды, выступающий за сохранение деревьев) → шв. *trädkramare* привело к появлению таких слов, как *vargkramare* (*wolf hugger* – защитник

окружающей среды, выступающий за сохранение популяции волков), *skattekramare* (*tax hugger* – гражданин, своевременно выплачивающий налоги) и *motorvägskramare* (*motorway hugger* – автомобилист, соблюдающий чистоту на дорогах) [Stålhammar 2007; Melin 2010].

С начала 2000-х гг. в скандинавских странах распространяется идеология, основанная на понимании того, что заимствование англоязычной лексики не ведет к какому-либо значительному воздействию на скандинавские языки. Уже тогда скандинавские лингвисты видели самую большую опасность для своих национальных языков в потере целых предметных областей (*domain loss*) – доменов языка, охватывающих какие-либо специализированные сферы, в пределах которых устная и письменная коммуникация будет вестись на АЯ [Höglin 2002, p. 105]. Переход предметных областей от национального языка к АЯ был наиболее очевиден в деятельности крупных компаний, в университетской коммуникации и в научных исследованиях, поскольку именно эти три области активно участвуют в процессе глобализации, где АЯ служит основным контактным языком.

Лингвистические факторы «присутствия» АЯ в ежедневном бытовом общении стали, в первую очередь, проявляться в повсеместном переключении кодов (ПК) – переходе в процессе речевого общения с национального языка на английский и наоборот, что ведет к двусторонней интерференции датского и английского языков. Оно наблюдается чаще всего в форме включения английских слов и словосочетаний в речь на национальном языке и представляет собой серьезный социолингвистический фактор, свидетельствующий о социальном статусе, и стереотипах поведения в молодежных и профессиональных сообществах. Расширяя возможности речевого общения и способствуя созданию солидарных межличностных отношений, ПК может принимать различные формы: от включения в речь на одном языке отдельных слов, реплик,

словосочетаний и предложений на другом языке – до попеременного высказывания на двух языках в процессе коммуникации.

ПК прямо или косвенно влияет на речевое поведение молодежи в англо-американских субкультурах, объединяемых определенной системой ценностей, и наиболее видимым символом ценностей субкультуры, по наблюдению Б. Прейслера, является английский язык, т.к. большинство молодых скандинавов свободно им владеют, т.е. являются билингвами. В датских, шведских и норвежских университетах постоянно можно слышать попеременное использование национального и английского языков в академической и бытовой коммуникации [Preisler, 1999, p. 239–267].

Зонтичным понятием, объединяющим различные формы реализации влияния АЯ на скандинавские языки, является понятие англицизма. Используя термин «англицизмы», многие исследователи ограничивают это понятие заимствованием из английского языка отдельных лексических единиц (*loanwords*), которые адаптируются в лингвистической системе языка-рецептора и интегрируются в него [Gottlieb 2001, p. 152]. Даже известный автор Словаря англицизмов К. Сёренсен выделяет лексические заимствования из английского языка как основную категорию англицизмов [Sørensen 1986, p. 31; 1997, p. 18]. В 1986 г. К. Сёренсен писал, что англицизмы наиболее часто появляются в средствах массовой информации, и журналисты, опирающиеся на англоязычные источники, несут ответственность за инфильтрацию англицизмов в скандинавские языки [Sørensen 1986, p. 45].

Необходимо отметить, что содержание понятия «англицизм» не имеет однозначного толкования в специальной литературе. Например, Р. Филипович дает узкое определение англицизма: «Англицизм это любое слово, заимствованное из английского языка, обозначающее объект или концепт, который в момент заимствования является интегральной частью английской культуры и цивилизации, необязательно английского происхождения, но адаптированный к лингвистической системе

английского языка и интегрированный в его словарь» [Filipovic 2000, p. 206].

М. Гёрлах определяет англицизмы не только как слова, но и как идиоматические словосочетания, которые, узнаваемо сохраняя свою английскую форму (в написании, произношении, морфологической структуре или, по меньшей мере, в одной из этих трех категорий), входят в словарь принимающего языка [Görlach 2002, p. 1]. В соответствии с трактовкой М. Гёрлаха, в число англицизмов не могут быть включены синтаксические кальки, например, датск. *toppen af isbjerget* – от англ. *the roof of the building*; словообразовательные кальки, например, норв. *importord* (*imported word*) – от англ. *loanword*, дат. и норв. *ergoterapi*, шв. *arbetsterapi* – от англ. *occupational therapy*; фразеологические кальки, например, дат. *få enderne til at mødes*, норв. *så endene til å møtes* – от англ. *make ends meet*.

Российские исследователи англицизмов В.М.Аристова и автор Словаря англицизмов А.И. Дьяков, относят к ним: 1) слова, имевшие или имеющие свой прототип по форме и значению в английском языке; 2) исконные английские слова и имена собственные, ставшие нарицательными; 3) слова, созданные в английском языке из элементов других языков и произвольно созданные в английском языке слова; 4) слова-сокращения, подвергшиеся аббревиации в английском языке. Они считают семантическим англицизмом значение английского: аффикса, слова, аббревиатуры, фразеологизма, словосочетания, предложения, воспроизведенное русскими средствами – кальками и полукальками [Аристова.1978, с. 14; Дьяков 2001, с. 19].

Австрийский лингвист А. Ониско поясняет, что англицизмы – это не только заимствования, но и любой результат процесса влияния языка-донора на язык-рецептор. По его мнению, важно понимать, что все заимствования являются англицизмами, но не все англицизмы являются результатом процесса заимствования [Onysko 2007, p. 91, 93].

Из этого следует, что англицизмами можно считать лексические, структурные, фонологические элементы, присутствующие в принимающем языке и формально соотносимые с подобными элементами английского языка. Таким образом, в число англицизмов могут быть включены заимствования, случаи переключения кодов, такие результаты морфосинтаксической и лексикосемантической продуктивности, как гибриды и псевдоанглицизмы [Onysko 2007, p. 11, 91]. В классификации А. Ониско они составляют группу ядерных англицизмов (*core anglicisms*), т.е. тех форм, в которых распознается их происхождение от английского источника. Группу пограничных англицизмов (*borderline anglicisms*) составляют 1) случаи семантической и функциональной интерференции и 2) нераспознаваемые заимствования (*unobtrusive borrowings*), связь которых с английским источником непосредственно не идентифицируются [Onysko 2007, p. 90].

В целях нашего исследования мы примем определение датского лингвиста Х. Готлиба, обобщающее приведенные выше характеристики: англицизм – это любая индивидуальная или системная черта языка, адаптированная или перенятая из английского языка, или созданная по образцам английских моделей и используемая в интралингвальной коммуникации на каком либо другом языке (*any individual or systemic language feature adapted or adopted from English or inspired or boosted by English models, and used in intralingual communication in a language other than English*) [Gottlieb 2001, p. 152; 2004, p. 44].

Один из наиболее известных европейских специалистов в области исследования англицизмов, Х. Готлиб в течение десяти лет занимался подготовкой субтитров к англоязычным фильмам и телепрограммам на датском радио и телевидении и собрал огромный фактический материал, на основе которого он разработал таксономию англицизмов, выделив три категории:

А. Активные англицизмы – языковые единицы, непосредственно заимствованные из английского языка (*active anglicisms, the products of direct import of (English) language features*);

Б. Реактивные англицизмы – изменения в существующих языковых единицах языка-реципиента, проходящие под влиянием английского языка (*reactive anglicisms, English-inspired changes in existing features of the borrowing language*);

В. Переключение кодов – использование элементов английского языка в неанглофонном дискурсе (*code-shifts, the use of English in nonanglophone discourse*). [Gottlieb 2004, p. 45–47]

А. Активные англицизмы включают:

1. Открытые лексические заимствования, полностью сохранившие значение, написание и произношение: а) слова, например, дат. *branding*; б) словосочетания, например, дат. и норв. *still going strong*; в) морфемы, например, дат., шв., норв. *mega-*.

2. Скрытые лексические заимствования: а) слова, например, дат. *splejse*, шв. *splitsa* (англ. *splice* – соединение, техн.); б) словосочетания, например, дат., шв., норв. *Stop en halv!* (англ. *Stop and haul!*).

3. Кальки: а) слова, например, дат. *kernefamilie* (англ. *nuclear family*); б) словосочетания, например, дат. *fat enderne til at mødes*, норв. *så endene til å møtes* (англ. *make ends meet*).

4. Гибриды: а) сложные слова, например, дат. *computerskærm* (англ. *computer screen*); б) соединение элементов английского и датского словосочетаний, например, дат. *soft kernebrød* от англ. *soft (ice cream) + dan. kernebrød = whole meal bread*).

5. Псевдоанглицизмы, отсутствующие в АЯ, но внешне напоминающие английские слова и словосочетания: а) слова, значение которых не имеет аналогов в АЯ, например, дат., шв., норв. *butterfly* – галстук-бабочка (англ. *bow tie*); б) слова, представляющие собой сокращение номинативных словосочетаний и претерпевшие семантические сдвиги, например, дат.

barakker – одноэтажный дом, от (*militäre*) *barakker* (англ. *military barracks*); дат., шв., норв. *overhead* – кодоскоп (англ. *overhead slide transparency*)
в) лексическое смешение двух словосочетаний, например, дат. *stationcar* (амер. *station wagon*, брит. *estate car*); г) морфосинтаксические псевдоанглицизмы, например, присоединение англ. флексии, как в дат. *autobahns* (нем. заимствование с англ. окончанием мн. числа по аналогии с англ. *Highways*); д) структурная замена, например, *fit for fight* (англ. *fighting fit*); е) шуточные образования, например, *webmoster* (буквально: *web auntie*) по аналогии с англ. *webmaster*.

Б. Реактивные англицизмы включают:

1. Семантические заимствования: а) расширение значения, например, дат. *Jeg elsker dig!* (*Love you!* получает значение *goodbye*) под влиянием английского узуса, хотя в датском есть аналогичная формула прощания *Hav det godt*; б) расширение морфологической структуры слова, например, датский англицизм *overhøre* появился под влиянием англ. *overhear*, но со значением «слышать» и стал синонимом дат. *høre*; в) сужение значения, например, дат. *i morgen* «завтра» получает значение «утро» под влиянием англ. *morning*, хотя в датском есть слово с этим значением *formiddag*; г) появление семантических дублетов, например, *misse = gå glip af* под влиянием англ. *miss*.

2. Орфографические заимствования: а) изменение написания, например, дат. *literature* ← *litteratur* под влиянием англ. *literature*; б) изменение пунктуации по английскому образцу, например, выделение имени запятыми *amerikanske senator, Joseph Biden, har...* (англ. *American senator, Joseph Biden, has ...*), хотя в датской пунктуации такое не предусмотрено.

3. Фонетические заимствования: а) изменение произношения по английскому образцу, например, дат. *unik* (*unique*) произносится как [you'nik] в отличие от стандартного датского [oo'nik]; б) изменения просодии, например, восклицания произносятся с интонацией падения (по американскому образцу) в отличие от стандартной датской интонации подъема.

4. Морфосинтаксические кальки: а) изменение морфологической структуры, например, дат. *tone ned* (англ. *tone down*) в отличие от стандартного датского *nedtone*; б) изменение синтаксической структуры, например, дат. *Dog, han vil ikke ...* – Однако он не будет... (англ. *However, he will not...*) в отличие от стандартного датского *Han vil dog ikke...* – Он не будет однако...; в) выбор предлога, например, *ud af vandet* (англ. *out of the water*) в отличие от стандартного датского *op af vandet*; г) замена предложного дополнения прямым, например, *Ring en ekspert* (англ. *Call an expert*) в отличие от стандартного датского *Ring til en ekspert*.

В. Переключение кодов включает:

1. Переключение на уровне отдельных слов, например, стандартный краткий общий вопрос или запрос на подтверждение *okay?* в процессе межличностного общения на датском, шведском и норвежском языках.

2. Переключение на уровне словосочетания, например, ведущий по-датски представляет молодежной аудитории новое музыкальное произведение и добавляет *for your ears only*.

3. Билингвальная игра слов, например, на плакате в старом копенгагенском районе *Нюхавн* (Новая гавань) под надписью *There is something rotten in Nyhavn* изображена крыса (дат. *rotte*), и перефразируются слова Гамлета: *There is something rotten in the state of Denmark*.

4. Включение отдельных предложений в текст на национальном языке, например, заключительная фраза в датском музыкальном обозрении: *Way to go, girl!*

5. Переключение на английский язык на уровне микротекста в датских, шведских, норвежских вебсайтах, рекламных роликах, инструкциях, предназначенных для национальных и иностранных пользователей.

6. Переключение на английский язык на уровне текста в предметных областях, доменах языка, охватывающих какие-либо специализированные сферы (*domain losses*), например, научные работы датских, шведских,

норвежских авторов, компьютерные игры, деловая документация крупных компаний, песни квартета АББА, и т.п.

Три подразделения таксономии Х. Готлиба, а также выделенные Р. Хёглин три основных принципа разделения факторов «присутствия» АЯ в скандинавских странах (*experience of English as “getting closer” by becoming visible* [Simonsen 2005, p. 250]) и путей влияния АЯ на скандинавские языки (заимствование, переключение кодов и потеря предметных областей) рационально рассмотреть с позиций взаимоотношения АЯ и скандинавских языков – по критериям направленности процесса взаимодействия языков и результата этого процесса.

1. Процесс заимствования направлен от АЯ к языку-реципиенту, который принимает англоязычные единицы и адаптирует их в соответствии со своей грамматической и лексико-семантической структурой. По сути, это расширение словарного состава национального языка, вызванное экстралингвистическими причинами, а в каких-то случаях это и модификация отдельных элементов грамматической системы. Успешная адаптация национального языка к изменениям в стране и мире путем включения заимствований свидетельствует о проявлении его жизнеспособности в условиях глобализации, т.е. результатом является укрепление национального языка. Лингвисты, будучи современниками и участниками этого процесса в числе других носителей языка, могут по-разному относиться к нему, но это естественный и объективно положительный процесс, в котором АЯ не является агрессором.

2. В отличие от заимствования, которое направлено от АЯ к национальному языку и может реализоваться в его любой лексико-семантической сфере, переключение кодов находится на пересечении языковых единиц АЯ и национального языка и представляет собой гибридизацию путем спорадического включения англоязычных элементов в дискурс на национальном языке или национальных элементов в дискурс на английском языке. Переключение кодов является показателем гибридного

состояния дискурса в социальной практике неформальной коммуникации, когда участники идентифицируют себя по принадлежности к тому или иному сообществу практики.

3. В условиях глобализации переход отдельных областей специализированной коммуникации из разряда интранациональных в разряд транснациональных направлен от национального языка к АЯ. Национальные участники такой коммуникации осознают себя членами международного сообщества, в котором их национальная принадлежность может служить только дополнительной характеристикой. Национальный язык утрачивает лексикосемантические средства коммуникации в некоторых специализированных областях социальной практики (*domain losses*) в результате ослабления мотивации для их сохранения и развития, и это естественный процесс, в котором АЯ является не агрессором, а нейтральным инструментом, оптимально отвечающим объективным потребностям специализированной транснациональной коммуникации.

2.5. Социолингвистическая природа потери доменов и переключения кодов

Скандинавские лингвисты, оценивающие перспективу процесса потери доменов и практики переключения кодов как ослабление национальных языков видят серьезную опасность в том, что многие интернационализованные сферы национальной коммуникации могут отойти к английскому языку, в результате чего национальный язык в диглоссном сообществе получит статус языка для неформального общения в семейном и дружеском кругу [Preisler 2005, p. 243].

До середины 1990-х гг. термин «домен» (дат. *domæne*, норв. *domene*, шв. *domän*, от англ. *domain*) не был известен за пределами узкого круга социолингвистов. Как пишет норвежский социолингвист Д. Симонсен, теория потери доменов обсуждалась в Скандинавии с конца 1980-х гг., и

первоначально это было вызвано возрастающим количеством англицизмов, а затем и осознанием возможности того, что национальный язык перестает использоваться в некоторых секторах коммуникации, уступая их английскому языку. В Дании и Швеции такую перспективу также сочли более серьезной, чем проникновение англоязычных заимствований, и это привело к переориентации языковой политики во всех странах региона [Simonsen 2005, p. 250].

К этому времени лингвисты стали выражать в средствах массовой информации свою обеспокоенность по поводу давления, оказываемого английским языком на скандинавские языки. Это давление проявлялось не столько в потоке англоязычных заимствований, сколько в том, что АЯ вытеснял национальные языки из таких сфер интранациональной коммуникации, как телепрограммы, кино, высшее образование и научные исследования. Сегодня этот термин знают не только журналисты, пишущие о языковых проблемах, но и все образованные скандинавы: дат. *domcænetab*, норв. *domene tap*, шв. *domänförlust*, от англ. *domain loss* [Haberland 2005, p. 227].

Скандинавские лингвисты опираются на представление о концепте домена, разработанном в 1970-х гг. Дж. Фишманом, который изучал использование языков в мультилингвальных группах, где выбор языка зависит от конкретной категории собеседников, конкретного вида коммуникативной ситуации, конкретной тематики обсуждения [Fishman 1972a, p. 437]. К этим трем факторам Дж. Фишман добавил концепт домена, определяемый в терминах институциональных контекстов и конгруэнтных моделей поведения [Fishman 1972a, p. 441]. Домены, по Дж. Фишману, обозначают основные кластеры ситуаций языкового взаимодействия, которые имеют место в определенных мультилингвальных окружениях. Они позволяют понять, что выбор языка и темы, даже в индивидуальных ситуациях общения, связан с общепринятыми социально-культурными нормами [Fishman 1972b, p. 19]. В качестве примера выбора домена

Дж. Фишман приводит случаи использования в мультилингвальном окружении одного языка на работе, другого – дома и третьего – на отдыхе, когда одни и те же люди используют два или более языка для внутренних коммуникативных целей [Fishman 1972a, p. 437-438].

Д. Симонсен указывает, что попытка непосредственно перенести концепт Дж. Фишмана на скандинавскую почву достаточно проблематична, поскольку его концепт разработан на основе устного дискурса и выбора языка, практикуемого в мультилингвальном сообществе, представляющем меньшинство населения, владеющее несколькими языками. Скандинавская дискуссия по поводу потери доменов касается большинства населения, которое может отказаться от использования родного языка в некоторых сферах коммуникации [Simonsen 2005, p. 252].

Х. Хаберланд также видит отличие в том, что Дж. Фишман разработал концепт домена, используемого в межгрупповой коммуникации мультилингвального и многонационального сообщества, но этот тип сообщества отличается от типа сообществ в скандинавских странах, которые не являются мультилингвальными внутри титульных этнических групп, представляющих большинство населения. Мультилингвизм большинства населения скандинавских стран не отражает ту ситуацию, где одни и те же люди используют два или более языка для внутренних коммуникативных целей [Haberland 2005, p. 227].

Дания, Норвегия и Швеция, как и многие другие страны Европы, стали ареной миграционных процессов, когда, вследствие глобальной мобильности, легальные и нелегальные иммигранты, беженцы и иностранные рабочие за последние несколько десятилетий привезли с собой сотни языков. Однако же, чтобы получить возможность постоянно проживать в стране пребывания, им необходимо усвоить ее государственный язык – язык административных и финансовых органов, школы, системы здравоохранения и социального обеспечения. Большинство населения составляют датчане, норвежцы и шведы, которые говорят на

других, помимо национального, языках и предпочитают АЯ, но их мультилингвизм не реализуется в интергрупповой коммуникации, хотя классическую форму мультилингвизма можно встретить в так называемых элитных группах. Фишмановский концепт домена можно принять для скандинавских языков только в ограниченной форме, которая увязывает языки с институциональными контекстами, где выбор языка не происходит внутри одного сообщества [Haberland 2005, p. 233].

Х. Хаберланд подчеркивает, что концепт домена в скандинавской дискуссии о потере доменов отличается от классического концепта Дж. Фишмана, тем, что институционализация доменов происходит преимущественно в письменном дискурсе, где определение числа и границ соответствующих институтов важнее анализа речевого поведения участников коммуникации. Языки не теряют домены, поскольку домены не являются свойствами языков. Если датский язык не используется или используется меньше в некоторых областях использования языка, это не значит, что Дания потеряла домен как часть своей территории. Потеря домена – это метафора, которую не следует понимать буквально [Haberland 2005, p. 231].

Б. Прейслер определяет понятие домена как область социальной практики, которую можно идентифицировать на основе природы и социальных характеристик этой практики, ее локализации во времени и пространстве и специфических для данного домена ролевых отношений (*According to my own definition, a domain is an area of social practice that can be identified on the basis of the nature and special characteristics of the practice, its localization in time and place, and its domain-specific role relationships*) [Preisler 2005, p. 244].

Норвежские исследователи лингвистической терминологии К. Лаурен, Й. Мюкинг и Х. Пихт дополняют определение Б. Прейслера и делают ударение на соотнесенности концепта «домен» с областью знания, характеризуемой средствами профессиональной коммуникации в данном

языке. Домен – это симбиоз содержания и выражения в какой-либо области знания, который включает и социальное измерение, т.к. он одновременно является и социальной областью использования языка (*Field/area of knowledge with the necessary means of professional communication in a certain language; domain is the symbiotic connection between content and expression of a field of knowledge. Note: Domain includes the social dimension – a domain is always at the same time a social area of use of a language*) [Laurén et al. 2006, p. 4].

В 2001 г. датский социолингвист П. Ярвад опубликовала монографию *Det danske sprogs status I 1990'erne med særligt henblik på domænetab* (*The Danish language's status in the 1990s with a particular view of domain loss*), в которой подтвердила факт перехода значительного числа предметных областей от датского языка к АЯ [Jarvad 2001, s. 85-103]. П. Ярвад уточнила, что термин «потеря домена» обозначает феномен уменьшения количества целых областей или наборов ситуаций, в которых используется устная или письменная форма определенного языка [Jarvad 2001, s.30]. Книга П. Ярвад получила общескандинавскую известность среди широкой публики, поскольку тенденция потери доменов (*domain loss*) стала не столько датской лингвистической, сколько скандинавской общественно-политической проблемой.

За несколько лет до публикации монографии П. Ярвад Нордический языковой совет поставил перед лингвистами задачу установить количественные и качественные параметры процесса перехода доменов от скандинавских языков к английскому языку. В 1996 г. была создана экспертная группа из представителей скандинавских университетов *Nordens språk som vetenskapsspråk* (*Nordic languages as the languages of science*), которая должна была изучить соотношение роли скандинавских языков и АЯ в сфере науки и университетского образования и сформулировать дефиниции общих положений феномена потери доменов. Специалисты группы *Nordens språk som vetenskapsspråk* К. Лаурен, Й. Мюкинг и Х. Пихт

разработали терминологический аппарат, необходимый для концептуальной идентификации этого феномена и планирования языковой политики в странах Скандинавии и выделили восемь основных факторов, среди которых: динамика домена, потеря домена, отказ от домена, распределение домена, создание и развитие домена, возобновление ранее утраченного домена, экспансия домена, культивирование домена [Laurén et al. 2006]:

1. Динамика домена (*Domain dynamics*) – это взаимодействие социальных, политических, экономических и культурных условий, существующих в определенный период времени в языковом сообществе. Язык может функционировать во всех областях жизни сообщества, поддерживая его полную лингвокультурную идентичность, или же в каких-то областях не поддерживать ее.

2. Потеря домена (*Domain loss*) – это утрата способности вести коммуникацию на национальном языке на всех уровнях какой-либо области знания вследствие недостаточного развития необходимых для профессиональной коммуникации языковых средств. Например, в университетах это подготовка учебных материалов по каким-либо дисциплинам и чтение лекций на АЯ, политика поощрения научных публикаций на АЯ.

3. Отказ от домена (*Domain renouncement*) – это добровольное или вынужденное прекращение использования домена на национальном языке в интернациональных контекстах профессиональной коммуникации. Например, контракты между сторонами, представляющими различные национальные языки, составляются по-английски, и валидной считается англоязычная версия.

4. Распределение домена (*Domain distribution*) в двуязычном или многоязычном сообществе это использование домена на каком-либо одном языке вследствие целенаправленного решения или динамики развития этого домена. Так, в индустрии экспорта продукции скандинавских предприятий и компаниях международного большого бизнеса практикуется использование

национального языка на территории своих стран, например, международная компания Скания приняла решение об использовании только шведского языка для коммуникации в своем головном шведском офисе, тогда как официальным языком компании является АЯ.

5. Создание и развитие домена (*Domain conquest*) – это разработка необходимых языковых средств профессиональной коммуникации, которые ранее отсутствовали или их было недостаточно, например, целенаправленное создание норвежской нефтяной терминологии.

6. Возобновление ранее утраченного домена (*Domain reconquest*) – это воссоздание языковых средств профессиональной коммуникации в языковом сообществе взамен тех, что устарели вследствие технологического развития, как это имеет место в Исландии, где создаются новые терминосистемы в доменах рыболовства, навигации, философии и математики.

7. Экспансия домена (*Domain expansion*) – это распространение в языковом сообществе языковых средств профессиональной коммуникации, заимствованных из других доменов, в связи с радикальным развитием конкретной области знания. Так происходит, например, при разработке новых терминосистем в области охраны окружающей среды, где новое знание создается за счет использования концептов других доменов.

8. Культивирование домена (*Domain cultivation*) – это создание языковых средств профессиональной коммуникации в новых областях знания, которые ранее не существовали и не были частью разработанных доменов, как, например, создание терминосистем в области информационных технологий или геномной инженерии.

Х. Хаберланд замечает, что трудно применить концепт домена к ситуациям где широко используется переключение кодов, являющееся частью лингвистического репертуара собеседников. В таких случаях участникам коммуникации приходится выбирать язык для каждого высказывания или даже в рамках одного высказывания. Переключение

кодов не означает случайный выбор языка – оно сводится к определенным моделям, но подобную модель невозможно соотнести с конкретными доменами, если только не признать переключение с одного языка на другой единственной опцией в ситуации выбора языка. Это невозможно, поскольку собеседники владеют двумя или несколькими языками, которыми свободно оперируют [Haberland 2005, p. 234].

Б. Прейслер использует термин «переключение кодов» для обозначения непреднамеренного чередования, по меньшей мере, двух языков (или их единиц), к которому прибегает билингв в устной/письменной коммуникации с другим билингвом. Такое чередование, как правило, проявляется в замене лексических единиц и идиоматических выражений, но, вообще, может происходить на любом уровне лингвистического описания, включая предложения и более продолженные единицы текста (как это имеет место, когда два собеседника переключают языки в соответствии с темой обсуждения [Preisler 2005, p. 238].

Чтобы непосредственно выяснить, как относятся к переключению кодов жители скандинавских стран, автор данной диссертации разместила 17 июня 2015 г. на сайте *Request Answers - Quora* [Why are Scandinavian... 2015] вопрос:

I have heard people from Denmark, Norway and Sweden talk English to their dogs and use English phrases in their normal communication. This has to have other reasons than the undubbed TV and movies they are watching. Why are Scandinavian people incorporating English sentences into their normal speaking?

В течение нескольких месяцев на сайте появилось множество ответов (в основном, от норвежцев и шведов), часть которых в сокращенном виде цитируется ниже.

Суммируя мнения респондентов, отметим, что использование английских слов и словосочетаний – это естественный процесс, поскольку АЯ изучается в школе как обязательный предмет, является элементом попкультуры и служит языком науки, техники и бизнеса, как отмечает

англичанин А.Б. (11.12.2015), живший во всех скандинавских странах: *English is so prevalent in everyday life for Norwegians, Swedes and Danes. Many people in those countries have been studying English from a young age as it is compulsory in most schools. There is also a vast amount of English-language exposure due to the pop culture exported from English-speaking countries in terms of the movies, the music, the television shows and the slang that gets popularised through them... English is also the language of science, technology and business.*

Датчанин Л.С. (03.09.2015) также указывает, что АЯ экспортируется из США вместе с попкультурой, и такая маленькая страна как Дания не может противостоять этому процессу: *Because pretty much all pop culture is exported to us by the US, where English is the preferred language. If any teenagers have Facebook, then they're going to reference the videos or memes they see there and they can't do that in their own languages, because the references themselves are American. And so many new phrases are invented in English, because so many people speak it. There aren't really more than 5 million Danish speakers, so how do you want us to compete with that?*

Швед Ф.Ф. (11.10.2015) подчеркивает, что АЯ доминирует во многих профессиональных областях, где используется англоязычная терминология: *Well, in a lot of professional fields, English is the dominating language in which you hear new trends. So initially, you either use the established English term that everybody knows and understands, or you try to translate it with differing degrees of awkwardness into Swedish... So sometimes, the reason for using an English term is just that it's easier to repeat the words that someone else used, rather than actually finding out what they mean...*

В некоторых ответах подвергается критике влияние АЯ на национальные языки скандинавских стран. Например, респондент А.Б. (11.12.2015) видит серьезную опасность в том, что АЯ воздействует на грамматическую структуру скандинавских языков. Он считает более серьезным фактором не проникновение англицизмов в речь жителей

скандинавских стран, а внедрение таких английских грамматических показателей, как, например, окончание множественного числа *-s/-es* и личное местоимение *I*, что, по его мнению, ведет к изменениям в грамматической системе.: *It's not just that English words and phrases are creeping steadily further into speech in Denmark and Norway and Sweden... A bigger issue, one that is often given less attention, is that English is actually altering the way that Danes and Norwegians and Swedes speak their own languages. ...When native speakers are actually subconsciously altering the grammar and spelling of their native tongues to make it conform to English better, that's cause for concern.*

В целом, ответы респондентов подтверждают тот факт, что повсеместное использование АЯ и переключение с национального языка на английский – это скорее правило, а не исключение. Вы слышите отдельные слова и целые высказывания по-английски везде – на работе, занимаясь спортом, на улице, в супермаркете, в Интернете, встречаете в газетах и журналах, в радио и телепрограммах. Английский язык стал для скандинавов символом глобализации.

2.6. Английский язык в науке и высшем образовании

АЯ утвердился в функции международного контактного языка высшего образования, академического сотрудничества и научных публикаций, и во многих неанглоязычных странах Евросоюза он не только служит основным иностранным языком высшего образования, но и становится доминирующим языком преподавания [Ammon 2002, p. 7]. Подготовка докторских диссертаций на АЯ становится рядовым явлением в университетской науке европейских стран с конца 1990-ых гг. Например, в 2001–2005 гг. в университетах Дании, Норвегии и Швеции около 50% диссертаций по гуманитарным направлениям и около 100% диссертаций по

естественно-научным отраслям были выполнены и защищены на АЯ [Ferguson 2007, p. 10].

П. Ярвад писала, что АЯ стал языком домена науки, в котором она объединила высшее образование и научные исследования [Jarvad 2000, p. 19]. Домен высшего образования и науки охватывает всех жителей Скандинавии, занятых в этой сфере деятельности. В 2016 г. в скандинавских университетах обучались 736000 студентов и, в том числе, 77000 иностранцев или ок.10.8% от общего количества. В Швеции было 313000 студентов, в том числе, иностранных – 38000; в Дании – 215000, в том числе, иностранных – 24000; в Норвегии – 208000, в том числе иностранных – 15000.

Действительно, в 24 лучших скандинавских университетах в 2016 г. на английском языке преподавались 1306 курсов. В 12 шведских университетах, входящих в первую тысячу университетов мира, на АЯ преподавали 550 программ, в том числе, на степень бакалавра – 24 и на степень магистра – 526; в 7 датских университетах, входящих в первую тысячу университетов мира, на АЯ преподавали 482 программы, в том числе, на степень бакалавра – 428 и на степень магистра – 54; в 5 норвежских университетах, входящих в первую тысячу университетов мира, на АЯ преподавали 274 программы, в том числе, на степень бакалавра – 33 и на степень магистра – 241 [Non-English European Countries 2016].

Дж. Коулмэн [Coleman 2006, p. 4] указывает основные факторы, способствующие утверждению АЯ в сфере науки и высшего образования, среди которых:

а) обучение на основе интеграции содержания и языка (Content and Language Integrated Learning – CLIL), т.е. преподавание специальных предметов на АЯ, в процессе которого студенты усваивают специализированный АЯ, изучая излагаемое на нем содержание;

б) интернационализация высшего образования и науки, как путем координации в рамках Болонского процесса, так и благодаря

международному характеру производства и потребления научной информации;

в) Индивидуальная и спонсируемая университетами мобильность студентов, преподавателей и вузовских ученых, для большинства которых АЯ служит инструментом межнациональной и межкультурной коммуникации;

г) Возможности международного трудоустройства выпускников, благодаря интернационализации экономики и производства.

Курсы преподаются на АЯ, чтобы развивать навыки интернациональной коммуникации, но национальные языки используются постоянно, поскольку преподавателям и студентам необходимо обращаться к двустороннему переводу для достижения полного понимания материала. В отсутствие преподавателя студенты переключаются на родной язык или продолжают говорить по-английски, если в группе есть хотя бы один иностранный студент [Preisler 2005, p. 244].

Языковой компонент интегрированного курса предполагается имплицитно, а не определяется целенаправленно; языковое оформление излагаемого содержания основывается на индивидуальном опыте преподавателя, а усвоение языка студентом зависит от личной инициативы и мотивации. Представление о роли языка в интегрированном курсе не формируется достаточно четко, и стандартный академический контроль направлен только на оценку овладения специальным предметом [Greere, Räsänen 2008, p. 10, 11].

Однако же Б. Прейслер пишет, что в датских университетах коммуникация между исследователями ведется на родном языке. Даже преподаватели АЯ датских университетов на своих ежегодных конференциях говорят по-датски, т.к. предполагается, что все иностранные специалисты по меньшей мере понимают датский язык. Иностранные докладчики выступают на АЯ, но обсуждение чаще всего ведется на датском, хотя в кулуарах конференции звучит английская речь, если кто-

нибудь не владеет или недостаточно владеет датским языком. В кругу университетских профессоров выбор обсуждения научных проблем зависит от области исследования, но административные вопросы обсуждаются только по-датски [Preisler 2005, p. 244].

В Дании, Норвегии и Швеции условием поступления иностранцев на учебу является знание или овладение государственным языком страны, которым они, естественно, будут пользоваться в своем сообществе и за его пределами. И естественно, что их устный и письменный дискурс будет характеризоваться переключением кодов, и в их речь на языке страны проживания будут постоянно проникать специальные англоязычные термины. Использование англоязычных слов и словосочетаний в специализированном дискурсе, по сути дела, означает такое же обогащение этого регистра национального языка, как это имело место в прошлом при контактах с латинским, немецким и французским языками.

Другими словами, феномен потери домена далеко не так бесспорен, и «агрессия» английского языка в области высшего образования не представляет собой одно-однозначного отношения между языком и доменом, согласно которому два языка не могут сосуществовать в пределах одного и того же домена, поскольку сам домен «требует» использования только английского языка. Социальная практика скандинавских университетов доказывает, что выбор языка определяется не отношениями домена и языка, а отношениями между участниками сообществ, существующих в этом окружении, тематикой обсуждения и контекстом коммуникативной ситуации.

Если кто-нибудь из реальных или потенциальных участников специализированной коммуникации, включая и читателей научного журнала, не знает национального языка, выбирается АЯ, который знают практически все. В этом домен университетской науки существенно не отличается от других интернационализированных доменов. Например, в домене корпоративного бизнеса АЯ служит языком общекорпоративной

коммуникации, но выбор языка в конкретных социальных сетях и коммуникативных ситуациях определяется целевой группой [Preisler 2005, p. 245]. Масштабы коммуникации на английском языке в скандинавском домене науки и высшего образования могут привести к неверному заключению о том, что национальные языки теряют возможность использоваться в качестве языков обучения и научного исследования.

Будучи членом датского Национального комитета по языковой политике, Б. Прейслер свидетельствует, что необходимо проводить более сбалансированную политику по продвижению АЯ и сохранять датский язык в качестве языка высшего образования, поскольку выпускники, получившие образование на английском языке менее подготовлены для работы в Дании. Он считает домен университетской науки интерфейсом между локальной и интернациональной сферами – здесь интересы локального сообщества, финансирующего развитие вузовской науки, пересекаются с интересами международного сообщества, принимающего и утилизирующего результаты научных исследований. В этом домене должно быть естественное разделение труда между языками – датский язык предпочтителен в локальной социальной практике домена, а английский язык предпочтителен в транснациональных сетях, члены которых реально или предположительно являются носителями различных языков. [Preisler 2005, p. 247]

В Скандинавии наблюдается специфическая диглоссная ситуация, при которой, по В.А. Виноградову, сложилось «одновременное существование в обществе двух языков ..., применяемых в разных функциональных сферах» [Виноградов 1990, с. 32]. Дж. Фишман называл такую ситуацию сочетанием билингвизма и диглоссии, при котором значительная часть населения может оперировать более чем одним общественно признаваемым кодом. При этом существует не только функциональное распределение между двумя кодами, но и согласие всего сообщества о том, что один из них должен оцениваться выше, чем другой [Fishman 1971, с. 286-287; 1985, с. 39]. В Дании, Швеции

и Норвегии национальные языки определены как главные на государственном уровне, и, по этому принципу строится языковое планирование, в целом, и в сфере высшего образования, в частности.

Следуя трактовке диглоссии Ж. Баганы, В.И. Беликова, Н.Б. Мечковской и др. [Багана 2009, с. 14; Беликов 2001, с. 59; Мечковская 1983, с. 67; 2000, с. 107], мы определяем скандинавскую диглоссию как особый вид несбалансированного двуязычия, такую форму владения двумя языками, при которой они функционально распределены [Беликов 2001, с. 59]. В официальных ситуациях, законодательстве, делопроизводстве, переписке между государственными учреждениями и т.п., используется официальный (или государственный) язык, а английский язык носит надэтнический (экзоглоссный) характер контактного, транскультурного языка, и ни для одной из этнических или социальных групп населения он не является родным.

В сфере социальной практики домена науки «говорящие делают сознательный выбор между разными коммуникативными средствами и используют те из них, что наилучшим образом способны соответствовать условиям коммуникативной ситуации» [Беликов 2001, с. 59]. В домене науки один из путей, которые могли бы подготовить участников коммуникации к выбору языка в конкретных контекстах, – это параллельное использование национального и английского языков. Ещё в 2006 г. министры образования и культуры скандинавских стран опубликовали Декларацию о языковой политике (*Deklaration om nordisk språkpolitik* [Deklaration om nordisk språkpolitik 2006]), в которой целый раздел был посвящен параллельному использованию английского и национальных языков в науке и образовании.

На примере шведских университетов мы видим, что языковая политика государственных органов направлена на обеспечение такого сознательного выбора путем внедрения параллельного использования национального и английского языков. В 2010 г. Шведский языковой совет (Språkrådet)

опубликовал доклад о роли английского языка «Английский или шведский: исследование языковой ситуации в высшем образовании и науке» (*Engelska eller svenska: En kartlaggning av spraksituationen inom hogre utbildning och forskning*). Языковая ситуация в шведских университетах характеризуется тем, что АЯ широко используется в учебниках и научных публикациях и доминирует как язык диссертаций: 87% всех докторских диссертаций, защищаемых в шведских университетах, написаны на АЯ, 12% – на шведском и 1% – на других языках. При этом, количество англоязычных диссертаций по естественным наукам составляет 94%, по общественным наукам – 35% и по гуманитарному циклу – 37%. На английском языке преподавались 65% магистерских программ, где половину студентов составляли иностранцы [Salö 2010].

Основной вывод доклада Совета заключался в рекомендации ввести параллельное использование шведского и английского языков как в учебных программах, так и в научных исследованиях с тем, чтобы шведское университетское образование и шведская наука отвечали интернациональным и интранациональным стандартам. После принятия Закона о языке [Språklag. 2009], который официально закрепил за шведским языком статус главного языка страны, параллельное использование английского и шведского стало основным принципом шведского высшего образования.

Перед шведскими университетами была поставлена двоякая задача: с одной стороны, необходимо было повысить свой международный статус, который зависел не только от эффективности научных исследований, но и от пропорции иностранных преподавателей и студентов. С другой стороны, они должны были обеспечить прием и обучение шведских студентов, которые могли негативно воспринять полный переход образования на английский язык [Bolton, Kuteeva 2012 p. 429]. Однако же Закон не определял шаги, которые университетам надо было предпринять для его выполнения.

К. Болтон и М. Кутеева провели исследование процесса внедрения параллельного использования языков на различных уровнях обучения в Стокгольмском университете. Это самый большой шведский университет, на четырех факультетах которого (*Social Sciences, Humanities, Sciences and Law*) обучаются ок. 70000 студентов всех уровней, 1800 докторантов и работают 5000 преподавателей. 85 магистерских программ преподаются на английском языке. С сентября 2011 г. университет проводит политику параллельного использования шведского и английского языков и полного перехода на английский язык для магистров и ученых-исследователей [Stockholm University. Facts and figures].

Чтобы выяснить, какие расхождения имеются в отношении студентов и преподавателей к параллельному использованию языков, К. Болтон и М. Кутеева сформулировали три вопроса, на которые они хотели получить ответы:

- Как использование английского языка варьируется среди студентов и преподавателей различных специальностей? (*How does the use of English vary among students and academic staff across different disciplines?*)

- Как различается использование английского языка в обучении на первую степень и на вторую степень? (*How does the use of English-medium instruction differ between the undergraduate and Master's levels?*)

- Как различается отношение студентов и преподавателей к выбору языка и языковой политике университета в зависимости от специальности и уровня обучения? (*What attitudes towards language choice and language policy are reported by students and staff across different disciplines and levels of instruction?*) [Bolton, Kuteeva 2012 p. 430].

Результаты по первому вопросу подтвердили предположение авторов о расхождении мнений по поводу параллельного использования языков: английский язык максимально используется на естественно-научных и общественно-политических специальностях и значительно меньше – на гуманитарном и юридическом факультетах, что соответствует

направленности на внешний или внутренний рынок труда [Bolton, Kuteeva 2012 p. 442].

По второму вопросу – на всех программах подготовки бакалавров в Стокгольмском университете шведский служит преимущественным языком преподавания (за исключением лекций иностранных профессоров), а использование английского языка в обучении магистрантов увеличивается за счет преобладания англоязычной учебной и научной литературы, но и здесь наблюдаются расхождения в соотношении языков, свидетельствующие о прагматическом характере языковых предпочтений [Bolton, Kuteeva 2012 p. 443].

Отношение студентов и преподавателей к выбору языка и языковой политике университета различается, в первую очередь, в зависимости от специальности и уровня обучения. Студенты и преподаватели естественно-научного, общественно-политического и юридического факультетов поддерживают внедрение англоязычных курсов в контексте параллельного использования языков, поскольку всегда могут дополнительно обсудить материал учебного занятия по-шведски. И только от 10% преподавателей (на естественно-научном факультете) до 17% преподавателей (на юридическом факультете) заявили, что продуктивность их занятий ухудшается вследствие необходимости использовать английский язык. 30-40% студентов и 33-46% преподавателей хорошо знакомы с дискуссией о возможной потере домена науки и образования и, видимо, под ее влиянием признают, что английский язык составляет угрозу шведскому языку [Bolton, Kuteeva 2012 p. 444, 445].

Исследование К. Болтона и М. Кутеевой подтверждает, что АЯ стал «прагматической реальностью» для студентов и преподавателей естественно-научного факультета, но все еще остается дополнительным и вспомогательным языком для гуманитариев.

В идеале как студенты, так и преподаватели должны применять оба языка равным образом в устной и письменной академической

коммуникации, но это редко происходит на практике, т.к. владение бытовым АЯ оказывается недостаточным для академической коммуникации, и лекции или семинары курсов, официально декларируемых как англоязычные (*officially English-medium courses*), характеризуются постоянным переключением кодов [Kuteeva 2014 p. 333; Kuteeva, Airey 2014, p. 534].

Продолжая исследование параллельного использования английского и шведского языков в Стокгольмском университете, М. Кутеева критически осмысливает языковую политику Языкового совета и администрации университета, основанную на постулате о том, что преподаватели и студенты должны иметь языковую компетенцию в академическом английском на уровне носителя языка (*nativeness*) [Kuteeva 2014 p. 334]. В университетских контекстах представление об академической компетенции на уровне носителя языка не соответствует реальной практике, и это несоответствие проявляется в отношении основных участников процесса к самой идее параллельного использования языков.

М. Кутеева приводит высказывание студента гуманитарного факультета: *Most students and professors at universities in Sweden overestimate their English (I might, as well). It is extremely annoying having to listen to Swedish students and other foreign students as non-native English speakers when they speak English at seminars... The English used by Swedish students generally fits well into the social context (in the pub and at parties) but hardly at universities. (Undergraduate student, Faculty of the Humanities).*

В этом высказывании прослеживается мысль о том, что контактный английский как лингва франка, приемлемый в неформальном общении, не может быть языком академической коммуникации в университете.

Другие респонденты говорили о том, что предпочитают слушать лекцию на одном языке – шведском или английском, без переключения и перевода специальной терминологии. Доминирование английского языка проблематично и далеко не всегда приводит к повышению качества

преподавания, поскольку основная задача академической коммуникации – создавать знание. Как заявил иностранный докторант естественно-научного факультета: *Most seminars at my department in Sweden are held in English. Although I think most of my colleagues speak good English, it is clear that it lowers the intellectual level compared to scientific discussions in Swedish. When it comes to teaching at the undergraduate level, that is even more clear. The students (and teachers) spend more time trying to understand or find the words. That implies that less effort can be put into actually discussing scientific problems in depth. (Researcher, Faculty of Science)* [Kuteeva 2014 p. 336–339].

Цель, поставленная программой параллельного использования языков, требует обеспечить развитие национального языка во всех жизненно важных доменах и одновременно поднять владение специализированным английским языком до уровня, приближенного к уровню носителя языка (*near-native proficiency in English*). Исследование М. Кутеевой приводит к мысли о том, что в домене науки и высшего образования достижение этой цели все еще не реализовано [Kuteeva 2014 p. 342].

Стандартизация высшего образования путем параллельного использования языков, предусмотренная требованиями государственных актов, – это не только управляемая сверху перестройка скандинавских учебных программ, но и модификация представлений студентов и преподавателей о функциях АЯ в сфере науки и образования. В этой сфере он применяется не только наиболее широко, благодаря мобильности многочисленного студенческого и научного сообщества, но и наиболее регулярно, в силу обязательной регламентации образовательной деятельности. Параллельное использование языков в скандинавском академическом сообществе в перспективе будет оптимально отвечать потребностям членов этого сообщества, т.к. реальность высшего образования такова, что интернационализация проникает во все формы его осуществления, включая и те, что, на первый взгляд, могут представлять только локальный интерес.

В контекстах скандинавского академического сообщества параллельное использование языков выступает как инструмент вторичной социализации студентов и преподавателей, благодаря которому они имеют возможность активизировать один коммуникативный код (английский язык), свободный от влияния первичных культур участников и создающий условия для их вхождения в специфическую культуру академического сообщества, и другой коммуникативный код (национальный язык), способствующей их идентификации с исходным национальным сообществом.

Выводы к Главе 2

Скандинавия представляет единый языковой континуум, в котором распространение транснационального английского языка происходит в специфических культурноязыковых условиях.

Нордический языковой совет, изначально поставивший цель создания скандинавской языковой зоны, осуществляет координацию совместных усилий, в первую очередь, центральных стран региона, имеющих близкородственные национальные языки. Однако реальность европейской интеграции и глобального распространения АЯ показывает, что цель создания скандинавского языкового единства далека от достижения, поскольку многие датчане, норвежцы и шведы лучше владеют английским, чем родственными скандинавскими языками. Большинство скандинавских социолингвистов согласны с тем, что в скандинавском сообществе АЯ занимает важную позицию, хотя между скандинавскими странами имеются определенные различия в языковой идеологии – от пуристических тенденций сохранения статуса родного языка до *laissez faire*, принципа невмешательства государства и отказа от административной регламентации использования языка.

Скандинавская общественность сознает важную роль АЯ как средства транснациональной коммуникации и, в тоже время, выражает

обеспокоенность возможной перспективой понижения статуса национальных языков в связи с ростом престижа АЯ и расширением национально-английского билингвизма: одни испытывают страх за судьбу родного языка, другие являются сторонниками распространения АЯ.

Действительно, АЯ укрепляет свои позиции за счет национальных языков в сфере науки и образования, в бизнесе, а также в попкультуре, рекламе, кино, телевидении, музыке, которые служат инструментами массивированного американского влияния в Европе. Это явление рассматривается не только в лингвистическом аспекте – как вытеснение национального языка английским, но и в культурном – как выходящее за пределы какой-либо одной страны выражение интернациональной популярности американской культуры и культурной продукции.

Несмотря на все различия, которые обнаруживают исследователи путей распространения АЯ в Дании, Швеции и Норвегии, отмечаются общие для них характеристики: высокий статус АЯ в странах Скандинавии; популярность англо-американской медиапродукции; интенсивное преподавание АЯ на всех уровнях образования; экстенсивные международные контакты. Воздействие англоязычных средств индустрии развлечений и интернета, мотивация и интеграция обучения английскому языку с практическим развитием рецептивных и репродуктивных навыков являются основными предпосылками высокого уровня владения АЯ.

Широкое распространение АЯ вызвало дискуссию о его статусе: стал ли АЯ вторым языком интранациональной коммуникации или остался иностранным языком, инструментом интернационального общения. Функционально-прагматическая роль английского языка в интранациональной коммуникации является объективной лингвокультурной реальностью в Дании, Норвегии и Швеции: не имея официально принятого и утвержденного законодательными актами статуса второго языка, на практике он является таковым для значительных групп скандинавского населения.

Между группами пользователей АЯ нет каких-либо четких границ, и они представляют собой континуум, в котором активизируются процессы перехода АЯ от статуса иностранного языка к статусу второго языка. Вторичная социализация в группах национально-английских билингвов проходит в контекстах бытовой и профессиональной коммуникации, когда участнику приписывается определенная роль, предполагающая его категориальную лингвокультурную идентификацию, в первую очередь, по определенным лингвокультурным признакам.

Одним из таких признаков служит использование англицизмов, под которыми понимаются любые индивидуальные или системные черты языка, адаптированные или заимствованные из английского языка или созданные по образцам английских моделей и используемые в интралингвальной коммуникации на каком либо другом языке. В первую очередь, это англоязычные заимствования, как прямые, т.е. сохранившие исходную форму, и гибридные, соединяющие английские и национальные элементы, так и псевдозаимствования, лексические единицы, не существующие в АЯ, но образованные по английским моделям.

Заимствование англоязычной лексики не ведет к значительному воздействию на скандинавские языки. «Присутствие» АЯ очевиднее проявляется в повсеместном переключении кодов: от включения в речь на одном языке отдельных слов, реплик, словосочетаний и предложений на другом языке – до попеременного высказывания на двух языках в процессе коммуникации.

Переключение кодов характеризует речевое поведение молодежи в англо-американских субкультурах, объединяемых определенной системой ценностей, и служит наиболее видимым символом ценностей субкультуры. В коммуникации молодежных групп переключение с национального языка на английский – это скорее правило, а не исключение.

Однако самую большую опасность для своих национальных языков многие скандинавские лингвисты видят в потере доменов языка,

охватывающих какие-либо специализированные сферы. Потеря доменов проявляется в деятельности крупных компаний, в университетской коммуникации и в научных исследованиях, т.е. в областях, активно участвующих в процессе глобализации, где АЯ служит основным контактным языком.

Мы рассматриваем взаимоотношения АЯ и скандинавских языков – по критериям направленности процесса взаимодействия языков и результата этого процесса.

Процесс заимствования – это расширение словарного состава, направленное от АЯ к языку-реципиенту и вызванное экстралингвистическими причинами, а в каких-то случаях это и модификация отдельных элементов грамматической системы. Это естественный и положительный процесс, свидетельствующий об адаптации национального языка к изменениям в стране и мире.

Процесс переключения кодов находится на пересечении языковых единиц АЯ и национального языка и является показателем гибридного состояния дискурса в социальной практике неформальной коммуникации, когда участники идентифицируют себя по принадлежности к тому или иному сообществу практики.

Процесс потери домена – это переход отдельных областей специализированной коммуникации из разряда интранациональных в разряд транснациональных, в котором национальные участники коммуникации осознают себя членами международного сообщества, и АЯ является не агрессором, а нейтральным инструментом, оптимально отвечающим объективным потребностям специализированной транснациональной коммуникации.

Концепт домена в скандинавской дискуссии о потере доменов определяется как область социальной практики, которую можно идентифицировать на основе природы и социальных характеристик этой практики, ее локализации во времени и пространстве и специфических для

данного домена ролевых отношений, соотнесенности с областью знания, характеризуемой средствами профессиональной коммуникации в данном языке.

Домен науки и высшего образования охватывает все университеты Скандинавии, где АЯ официально провозглашен языком преподавания, но национальные языки используются постоянно, поскольку преподавателям и студентам необходимо обращаться к двустороннему переводу для достижения полного понимания материала. Феномен домена науки и образования не представляет собой одно-однозначного отношения между языком и доменом, согласно которому два языка не могут сосуществовать в пределах одного и того же домена, поскольку сам домен «требует» использования только английского языка. Исследования социальной практики скандинавских университетов доказывают, что выбор языка определяется не отношениями домена и языка, а отношениями между участниками сообществ, существующих в этом окружении, тематикой обсуждения и контекстом коммуникативной ситуации. В этом домен университетской науки существенно не отличается от других интернационализованных доменов.

Масштабы коммуникации на английском языке в скандинавском домене науки и высшего образования могут привести к неверному заключению о том, что национальные языки теряют возможность использоваться в качестве языков обучения и научного исследования. В социальной практике этого домена участники коммуникации делают сознательный выбор языка, и один из инструментов, которые подготавливают их к такому выбору языка в конкретных контекстах, – это языковая политика государственных органов, направленная на внедрение параллельного использования национального и английского языков.

Среди преподавателей и студентов скандинавских университетов существует значительное расхождение мнений по поводу параллельного использования языков: английский язык максимально используется на

естественно-научных и общественно-политических специальностях и значительно меньше на гуманитарных и юридических факультетах, что соответствует направленности на внешний или внутренний рынок труда.

На программах подготовки бакалавров национальный язык служит преимущественным языком преподавания, а в обучении магистрантов использование английского языка увеличивается за счет преобладания англоязычной учебной и научной литературы, но и здесь наблюдаются расхождения в соотношении языков, свидетельствующие о прагматическом характере языковых предпочтений.

Отношение студентов и преподавателей к выбору языка и языковой политике университета различается, в первую очередь, в зависимости от специальности и уровня обучения. Студенты и преподаватели естественно-научного, общественно-политического и юридического факультетов поддерживают внедрение англоязычных курсов в контексте параллельного использования языков, т.к. для них АЯ стал прагматической реальностью, но для студентов и преподавателей гуманитарных факультетов он все еще остается дополнительным и вспомогательным языком.

В соответствии с языковой политикой как студенты, так и преподаватели должны применять оба языка равным образом в устной и письменной академической коммуникации, но это редко происходит на практике, т.к. владение бытовым АЯ оказывается недостаточным для академической коммуникации, и лекции или семинары курсов, официально декларируемых как англоязычные, характеризуются постоянным переключением кодов. Контактный английский как лингва франка, приемлемый в неформальном общении, не может быть языком академической коммуникации в университете, поэтому доминирование английского языка проблематично и далеко не всегда приводит к повышению качества преподавания.

Цель, поставленная программой параллельного использования языков, требует обеспечить развитие национального языка во всех жизненно

важных доменах и одновременно поднять владение специализированным английским языком до уровня, приближенного к уровню носителя языка, однако в университетских контекстах представление об академической компетенции на уровне носителя языка не соответствует реальной практике, и это несоответствие проявляется в отношении основных участников процесса к самой идее параллельного использования языков.

В Скандинавии наблюдается специфическая диглоссная ситуация, когда сложилось одновременное использование английского и национального языков. При этом в Дании, Швеции и Норвегии национальные языки определены как главные на государственном уровне, и, по этому принципу строится языковое планирование в целом и в сфере высшего образования – в частности.

Мы определяем скандинавскую диглоссию как особый вид несбалансированного двуязычия, при котором главным является национальный язык, а английский язык носит надэтнический характер контактного, транскультурного языка, и ни для одной из этнических или социальных групп населения он не является родным, хотя «присутствует» в коммуникации всех групп. В скандинавских странах сложилась такая форма владения двумя языками, при которой они функционально распределены «сверху», и английскому языку официально предписана функция одного из двух инструментов домена науки и высшего образования не только в интернациональной, но и в интранациональной коммуникации. Относительно использования английского языка в других доменах, например, в бизнесе, рекламе, телепрограммах и т.п. никаких официальных предписаний не существует – это всегда сознательный выбор участников коммуникации в конкретном виде социальной практики.

Английский язык официально нигде, кроме домена науки и образования, не получил статус второго языка. Является ли он таковым в масштабах всей страны – Дании, Норвегии или Швеции? Ответ на этот вопрос мы получим в последующем исследовании.

Глава 3. Английский язык как составляющая часть датского языкового пространства

3.1. Языковая ситуация и языковая политика в Дании

В культурном, экономическом и политическом отношении современная Дания является унифицированной страной со столицей, Копенгагеном, – центром устойчивых языковых норм, которые сложились на основе диалекта копенгагенского среднего класса. Процесс унификации национального языка, в ходе которого фактически исчезают местные диалекты, имеет место во всех высоко развитых странах, но в Дании он проявляется ярче в результате ее центростремительного развития [Kristiansen, Jørgensen 2003, с. 2]. Традиционная Дания – это страна не только одного языка, но и одной культуры, сложившейся на основе культурных традиций столицы, страна, которая во второй половине XX в. оказалась, с одной стороны, под мощным влиянием глобального английского языка и глобальной, англо-американской, культуры, а с другой, под воздействием современных миграционных процессов [Gregersen 2011, р. 48–50].

По данным различных источников, до недавнего времени Дания определялась как моноэтническое государство, где более 90% населения принадлежат к одному этносу и пользуются одним национальным языком [Борисов 1989; Брук 1986; Сорокин 1992; Страны мира 1999]. В 2003 г. около 10% населения Дании составляли представители языковых меньшинств, четверть которых – выходцы из соседних скандинавских стран, других стран Европейского Союза, США, Канады и Восточной Европы, а три четверти – мигранты и беженцы из Азии, Африки, большинство которых поселилось в Копенгагене [Jørgensen 2003, р. 74]. К 2016 г. доля носителей датского языка сократилась до 88%, а доля

представителей языковых меньшинств увеличилась до 12%, в основном, за счет иммиграции из стран Азии и Африки [Statistical Yearbook 2016]. В течение нескольких десятилетий иммигранты заселили южные и западные районы Копенгагена, и среди их молодежи возник оригинальный городской диалект, который П. Квист и Я. Мёллер назвали мультиэтнолектом [Quist 2000; Møller, Quist 2003; Møller, 2009].

Исследование разговорного языка молодых иммигрантов и языка общения различных групп датской молодежи начиналось в рамках пилотного проекта П. Квист «Разговорный датский в среде копенгагенских подростков», где была представлена обширная информация о молодежном варианте («этнолекте») датского языка, характеризуемом особенностями произношения и словесного ударения, элементами упрощения и генерализации в грамматике, отклонениями в употреблении порядка слов и категории рода, многочисленными лексическими заимствованиями как из соответствующих исходных языков в случае недатского происхождения молодых людей, так и из английского языка [Quist 2000, с. 143–212].

Проект П. Квист осуществлялся в 1998–2000 гг. на кафедре датской диалектологии Копенгагенского университета и ставил своей целью выяснить – появляются ли в среде полиэтничной молодежи Копенгагена новые варианты датского языка, как это имело место с Ринкеби – шведским, новым этнолектом, появившимся в регионе Стокгольма. П. Квист зарегистрировала целый ряд регулярных отклонений от нормативных стандартов литературного датского языка и предположила, что их надо рассматривать не как недостаточную коммуникативную компетенцию, а скорее как новый вариант датского языка, дополнительный инструмент, который молодые люди различного этнического происхождения могут использовать, когда это необходимо, в сложных и многообразных условиях речевой коммуникации датской столицы. В лингвистически, культурно и этнически разнородном обществе мультиэтнолект является стратегическим

орудием групповой и индивидуальной идентификации [Møller, Quist 2003, с. 46].

В датском обществе различный политический климат окружает национальные языки меньшинств, с одной стороны, и английский язык, с другой. При этом наблюдается различное отношение к этнолекту молодых иммигрантов и к социолекту молодых датчан: к первым относятся с изрядной долей презрения за то, что они «не могут» или «не хотят» научиться правильно говорить по-датски (т.е. так, как говорит средний класс Копенгагена), а вторых упрекают за то, что они используют в своей речи слишком большое количество английских слов и выражений [Kristiansen, Jørgensen, 2003, р. 3]. Многие деятели системы образования в Дании крайне негативно относятся к датско-английскому билингвизму и категорически отвергают предложение ввести в датских школах обучение на двух языках – датском и английском [Jørgensen 2003, р. 90].

Исследования мультиэтнолекта послужили дополнительным свидетельством того, что датская языковая ситуация на рубеже XX-XXI вв. качественно изменилась вследствие действия трех основных факторов, которые Н. Давидсен-Нильсен определяет следующим образом:

1) в результате глобализации радикально увеличивается использование АЯ;

2) в результате нарастающего потока иммигрантов и беженцев Дания перестает быть этнически однородным языковым сообществом;

3) в результате перехода Дании в новое качество информационного сообщества возрастают требования к функциональным ресурсам языка [Davidsen-Nielsen 2007, р. 131-132].

Основные аспекты сложившейся коллективной языковой идентификации в Дании, определяются областью взаимоотношений между доминирующим датским языком и иными составляющими датского языкового пространства начала XXI столетия – элементами социолингвистической реальности Дании

наших дней, имеющими прямое отношение к основным различиям, существующим в обществе [Gregersen 2003, p. 140].

Три лингвистические проблемы привлекают к себе внимание датского общества, в целом, и активно обсуждаются в социолингвистических исследованиях в плане взаимоотношения датского языка и других языков, используемых в Дании. Это, во-первых, изучение и усвоение датского языка представителями национальных меньшинств [Quist 2000]; во-вторых, это датско-национальный билингвизм иммигрантов, сохраняющих свои родные языки [Arnfast, Jørgensen 2003]; в-третьих, – датско-английский билингвизм и влияние английского языка на языковую и культурную ситуацию в Дании [Preisler 2003].

Анализируя отношение датского общества к решению этих проблем за последние 25–30 лет, мы приходим к пониманию того, что 2003 г. был своего рода переходным рубежом – от негативной эмоциональной оценки новых факторов языковой ситуации к прагматическому поиску форм их сосуществования с родным языком.

Обсуждение проблемы языковой политики и языкового планирования в Дании в 1990-х гг. было вызвано, главным образом, усиливающимся влиянием английского языка на датский. Дания, в отличие от других скандинавских стран, проводила до недавнего времени либеральную языковую политику, позволяя скрытым пружинам свободного рынка регулировать масштабы заимствования из английского языка. Официальные усилия датских властей ограничивались попытками ограничивать влияние английской лексики на словарный состав датского языка путем публикации нормативных справочников и рекомендаций, избегая планирования статуса, т.е. роли и прав всех языков, используемых в Дании [Danish Ministry of Culture 2003, p. 10; Siiner 2010, p. 43].

Между политическими и лингвистическими кругами датского общества существовал консенсус относительно того, что нет необходимости

в принятии решений по регламентации языковой ситуации, поскольку корни либеральной (*laissez-faire*) языковой политики заложены в датской культуре, которая предполагает свободу выбора языка [Siiner 2010, p. 44].

Авторитетным органом, призванным определять языковую политику в стране, с 1955 г. является Датский языковой совет (ДЯС) – *Dansk sprognævn*, объединивший ведущих датских лингвистов. Их позиция была декларирована в сборнике из 6 статей, написанных по материалам докладов, прочитанных в марте 1998 г. на конференции, проведенной в Копенгагене: «Английский язык – быть или не быть? Вот в чем вопрос: влияние английского на датский» (*Engelsk eller ikke engelsk?: That is the question: engelsk indflydelse pa dansk*).

Целью организаторов конференции было выработать новую платформу языковой политики, направленной на защиту датского языка от влияния английского. Авторы высказали озабоченность тем, что датский язык теряет свой престиж вследствие, во-первых, широкого употребления английского языка в ключевых областях – коммерции, науке, средствах массовой информации и, во-вторых, всепроникающего влияния американской культуры.

Исходя из этого, они выразили опасение, что датский язык будет низведен до положения «домашнего» языка, если не будет проводиться жесткая политика протекционизма национального языка подобно той, что имеет место в Исландии и Норвегии, но, тем не менее, констатировали, что проведение активного планирования корпуса языка не является возможным, т.к. любые попытки ограничить англо-американское влияние на датский язык не имеют надежды на успех [Davidsen-Nielsen 1999, s. 2].

По мнению председателя ДЯС Э. Хансена, в Дании существует мощная оппозиция всем попыткам сформировать твердую языковую политику, и все, что ДЯС может сделать, – это «распространять информацию, когда его об этом просят» [Hansen 1991, s. 101]. Масштабы проникновения английского языка вызывают неоднозначную реакцию в датском обществе:

одни занимают позицию пассивного неодобрения этого процесса, другие стоят в жесткой оппозиции и требуют от правительства принятия немедленных пуристических мер: социологические опросы 2001–2005 гг. показали, что 26% датчан видят в английском угрозу родному языку, а 19% – угрозу датской культуре. Третьи полагают, что это дань моде на английский язык, которая скоро пройдет, четвертые, и таких большинство, считают этот процесс совершенно естественным результатом растущей интернационализации Европы и всего мира и не проявляют по этому поводу какого-либо беспокойства [Preisler 2005].

Что касается концепции утраты датским языком своей территории, сценарий наихудшего исхода предполагает, что все большее число интернационализированных областей, доменов, в датском языковом сообществе будут переходить к английскому языку, т.е. общество станет диглоссным, а датский язык будет низведен до языка низшего статуса, на котором говорят только в неформальной обстановке – дома, в семье, с друзьями.

Как считает член ДЯС Б. Бакманд, в датском социуме, как и в любом другом современном высокотехнологическом обществе, имеются две области, в которых языковое планирование должно осуществляться регулярно. Первая область – это потребительская информация (реклама, потребительские инструкции и т.п.), где, в соответствии с тенденциями Европейского сообщества, информация представляется потребителю на национальном языке, при этом датский «Закон маркетинга» (*Markedsføringsloven*), регулируя содержание, оставляет выбор языка (датского или английского) и лингвистическое оформление потребительской информации на усмотрение ее создателей, которые должны руководствоваться существующей практикой.

Вторая область заключается в планировании корпуса национального языка, т.е. основной цели деятельности ДЯС, по инициативе которого были приняты законы, подтверждающие обязательное использование датского

языка в правительственных органах, суде, местном самоуправлении, школьной системе. Пополнение словаря за счет создания / заимствования новых слов предписывается осуществлять в соответствии с двумя принципами: принципом нормализации новообразований согласно традиционным критериям датской грамматики и орфографии или же принципом фиксации существующей практики употребления лексической единицы и грамматической структуры. Фактически, имеет место попытка соединить традиционный подход к национальному языку с современным прагматизмом. Закон 1997 г. (*Retskrivningsloven*) обязывает ДЯС следить за функционированием датского языка как хранителя национальных традиций и национального культурного континуума, как зеркала современной культуры и современного общества [Bakmand 2000].

Датские власти оказались перед необходимостью вести языковую политику, направленную на регулирование как влияния английского языка, так и аккомодации иммигрантов, по крайней мере, в системе образования.

Перед датской лингвистикой встали задачи анализа социально-политического климата, определяющего отношение датчан к английскому языку и языкам этнических меньшинств, задачи изучения социолингвистических процессов, связанных с усвоением второго языка, обучением иностранным языкам, распространением билингвизма.

В 2003 г. вопрос об управлении национальной языковой ситуацией перешел из области лингвистики в область политики, когда по инициативе правых депутатов парламента была предпринята попытка ввести языковое законодательство. Однако после широкой общественной дискуссии парламент отказался от предложения накладывать санкции за использование английского языка в ущерб датскому, и правительство в январе 2004 г. ограничило декларацией о языковой политике (*sprogpolitik*), которая оставляла университетам и бизнесу свободу выбора датского и/или английского языка, но определяла верховенство датского

языка в школьном образовании и средствах массовой коммуникации [Davidsen-Nielsen 2007, p. 132; Tange 2012, p. 288; Kjær Nielsen 2015, p. 14].

Интересно отметить, что с этого времени оценка языковой ситуации становится более прагматичной, опасения относительно вытеснения датского языка английским постепенно уходят, и в общественном сознании укрепляется представление о разделении сфер функционирования и параллельном использовании датского и английского языков. Университеты и компании разрабатывают свою корпоративную языковую политику, которая концентрируется на прагматическом аспекте использования языков [Danish Ministry of Culture 2008, p. 5].

В октябре 2012 г., когда в датском парламенте правые депутаты вновь представили законопроект, содержащий перечень жестких мер по регламентации использования английского языка, он был вновь отвергнут. В информационном бюллетене подчеркивалось, что существование письменного и устного датского языка не подвергается угрозе, и административными мерами невозможно укреплять национальный язык и, в частности, регулировать область функционирования английского языка [Retsinformationen 2013].

Основная социальная группа датского общества, требующая жесткой регуляции влияния английского языка «сверху», – это культурная и научная элита страны. Ее представители допускают, что есть только три области социальной практики, где английский язык должен присутствовать безоговорочно: во-первых, в диспетчерском управлении авиаперевозками, во-вторых, в жанре рок-музыки и, в-третьих, в тех программах высшего образования, которые требуют преподавания на английском языке [Petersen, Shaw 2002].

Тот факт, что сторонники введения языкового законодательства настойчиво говорят о деструктивных последствиях влияния английского языка на датский, свидетельствует не столько об их языковой идеологии, сколько о реакции на процессы глобализации, в которые вовлечена Дания.

По меткому замечанию М. Хеллер, «это отчаянная попытка спасти национализм перед лицом процессов, которые могут угрожать способности национальных структур воспроизводить самих себя или достигать их традиционных целей» [Heller, Duchêne 2007, p. 11].

Вместо языкового законодательства датские власти ограничиваются мониторингом языковой ситуации в тех сферах, которые подпадают под их юрисдикцию, и не вмешиваются в использование языков в таких областях, как высшее образование, коммерция и промышленность, где законы рынка, отдают предпочтение коммуникации на английском языке [Heller, Duchêne 2007, p. 12]. В докладе *Sprog til tiden* (Язык и время), подготовленном Языковым комитетом Министерства культуры Дании в 2008 г., признается, что хорошее владение английским языком должно быть синонимом высшего образования. Доклад выражает обеспокоенность по поводу того, что многие выпускники датских университетов имеют недостаточно высокий уровень английского языка, необходимого как *lingua economica* и *lingua academica* в эпоху, когда Дания должна участвовать в конкуренции на мировом рынке [Danish Ministry of Culture 2008, p. 8].

Обсуждая процесс формирования языковой политики в датском обществе, рационально обратиться к трактовке Б. Спольски, согласно которой структура языковой политики строится из трех конструктов: языковой практики, языковой идеологии и управления языковой практикой и языковой идеологией. В языковой практике реализуется языковое поведение и те возможности выбора языка, которые используются собеседниками на индивидуальном уровне. Языковая идеология – это ценностный компонент, общий набор представлений о соответствующей языковой практике, статус, предписываемый данному языку, варианту языка или языковым особенностям. Ценностный компонент также определяется количеством пользователей языка, их социальным статусом и преимуществами, которые связаны с использованием этого языка. Управление языком (языковое планирование) – это усилия, осуществляемые

какой-либо группой или каким-либо органом, наделенным полномочиями модифицировать языковую практику и языковую идеологию участников коммуникации в той или иной области [Spolsky 2012, p. 5].

Б. Спольски подчеркивает, что в организационных контекстах управление языком (языковое планирование) направлено на модификацию языковой практики и языковой идеологии, чтобы решить проблемы коммуникации и обеспечить эффективность деятельности организации. Для этого необходимо четко сформулировать в официальных документах задачи языковой политики и последовательные действия по ее претворению в жизнь. Б. Спольски называет официально сформулированную языковую политику, направленную сверху вниз, открытой или публичной (*overt policies*), поскольку она является результатом целевого планирования [Spolsky 2012, p. 11].

И напротив, скрытая языковая политика (*covert policies*), направленная снизу вверх, не планируется и не декларируется в официальных документах, а отражает реальную языковую практику, которая может не соответствовать официально провозглашенной языковой политике. Языковая практика характеризуется взаимосвязанными совокупностями факторов социальной среды, которые проявляются в соответствующих ситуациях, где существует высокая степень корреляции между выбором языка и выбором содержания общения [Spolsky 2012, p. 8].

По мнению Б. Прейслера, конкретные наборы коммуникативных ситуаций могут характеризоваться конкретным выбором языка общения, но выбор языка общения необязательно определяется общепринятыми социокультурными нормами и ожиданиями. На уровне индивидуального речевого общения он может зависеть и от моделей языковой компетенции [Preisler 2005, p. 240].

Состояние практики использования английского языка в датском обществе может быть достаточно достоверно раскрыто, исходя из анализа объективных данных, полученных в разных социальных сферах, и на их

основе должна строиться языковая политика государства. Языковое планирование, регулирующее использование английского языка, руководствуется представлениями о возможности организовать этот процесс «сверху». Б. Прейслер назвал такие представления идеологией управления английским языком сверху (*the English-from-above ideology*). Преобладание этой идеологии среди представителей властных структур приводит к тому, что значительное влияние английского языка на датский объясняют исключительно эффективной деятельностью международно-ориентированных органов управления образованием и экономикой [Preisler 2003, p. 109].

Английский язык «сверху» – это обязательный предмет в системе школьного и университетского образования; это инструмент коммуникации в разного рода государственных учреждениях, внешней торговле, туризме, международных организациях.

Как подчеркивал Б. Прейслер, языковое планирование («английский сверху») в датской системе образования, осуществляемое государством, действительно обеспечивает достаточно высокий уровень владения английским языком для того, чтобы датчане могли свободно читать, писать и говорить по-английски, но отнюдь не это заставляет датчан переключаться с родного языка на английский в бытовой и профессиональной коммуникации [Preisler 2003, p. 110].

В реальности политика внедрения английского языка сверху игнорирует социальную функцию языка, которая проявляется в практике переключения с датского на английский с целью создания способов идентификации себя с определенной социальной группой. Речь человека – это выражение его социальной и культурной идентичности, которое далеко от идеалов, формулируемых авторами языковой политики. Использование английских слов может быть избыточным в лингвистическом смысле, но оно не избыточно на уровне социальных отношений. Тот факт, что языковая

практика меняется в постоянном конфликте с существующими нормами, отражает изменение социальных и культурных тенденций общества и ценностные символы, идентифицирующие социальные и культурные предпочтения говорящих, а возможно, и отвергающие ценности доминирующей культуры и идентифицирующие говорящих с альтернативными ценностями [Preisler 2003, p. 112].

В противоположность идеологии управления английским языком сверху в коммуникативной практике рядовых жителей Дании реализуется идеология английского языка снизу (*the English-from-below ideology*), которая руководствуется прагматическими факторами коммуникативной ситуации. Идеология английского языка снизу наиболее четко проявляется в коммуникации представителей молодежных англо-американских субкультур, пользователей компьютерных технологий, бытовом общении студентов и сотрудников международных корпораций и т.п. [Preisler 2003, p. 109, 121].

Наиболее популярная концепция в датской языковой политике сверху – это параллельное владение языками или параллелингвизм, *parallelsproglighed* [Siiner 2010, p. 55]. Эта концепция была впервые принята в Декларации о нордической языковой политике (2007) как одна из четырех приоритетных областей, среди которых также: 1) понимание языка и языковые умения и навыки, 2) мультилингвизм и 3) нордические страны как новаторский регион.

Параллелингвизм основан на том представлении, что ни один язык (подразумевается английский) не должен посягать на сферу применения другого языка (подразумевается национальный язык). Авторы концепции параллелингвизма предложили ее как решение проблемы потери доменов национальными языками [Deklaration 2007, s. 93–95]. Однако же, несмотря на декларируемое обязательство поддерживать как национальный язык, так и английский, концепция не содержит четких формулировок того, какая роль отводится каждому из языков и как этого планируют достичь,

относится ли параллелингвизм к языковой политике или к языковой практике, к языковой практике или к языковой компетенции [Hultgren Whose ... 2014, p. 62; Hultgren 2016, p.159].

Согласно акту датского Министерства культуры 2008 г., параллелингвизм вводится, чтобы обеспечить функциональную роль и статус датского языка и одновременно дать возможность исследователям, выпускникам и студентам университетов действовать в интернациональной сфере, продолжая развивать науку и научную терминологию на датском языке [Danish Ministry of Culture 2008, p. 47]. В то же время университеты руководствуются несколько иным пониманием стратегии параллелингвизма: так, например, Копенгагенский университет декларирует, что основная цель введения параллельного обучения на датском и английском языках – это привлечение иностранных преподавателей и студентов [Hultgren Whose ... 2014, p. 63]. Иными словами, в трактовке концепции параллелингвизма Министерства культуры и Копенгагенского университета демонстрируются две противоположных идеологии – национального протекционизма, с одной стороны, и интернационализации – с другой.

Тем не менее исследователь стратегии параллельного использования языков А.К. Хультгрэн считает разработку этой концепции кульминацией датской открытой (*overt*) языковой политики «сверху» [Hultgren 2016, p. 159]. Ее наиболее очевидным результатом является тот факт, что параллелингвизм активно внедряется в скандинавских университетах [Hultgren English ... 2014; Linn 2014; Björkman 2014; Saarinen 2014; Kristinsson 2014; Bolton, Kuteeva 2012], и наиболее серьезные научные исследования ведутся в университете Копенгагена, где с 2008 г. функционирует Центр интернационализации и параллельного использования языков [CIP Nyhedsbrev 2017].

По убеждению руководителя Центра профессора А. Хольмен, деятельность сотрудников Центра не должна ограничиваться сферой

параллельного использования национального и интернационального (английского) языков, поскольку не менее важной для датской языковой ситуации является сфера параллельного использования датского и национальных языков представителями национальных меньшинств и обучения иммигрантов датскому языку наряду с сохранением их национальных языков [Holmen 2012, s.162-163].

Проводимая государством и университетами в этих двух областях открытая языковая политика параллельного использования языков может расходиться с языковой практикой жителей Дании, т.е. со скрытой (*covert*) языковой политикой. Противоречия, возникающие при параллельном использовании датского и английского языков будут рассмотрены ниже, а здесь мы укажем проблемы создания параллельной компетенции (*parallelsproglighed*) в датском как втором языке и родном языке представителей национальных меньшинств.

Если в параллельном использовании датского и английского языков владение первым рассматривается как данность, а вторым – как необходимость, то в параллельном использовании датского и национальных языков иммигрантов и представителей этнических меньшинств владение первым характеризуется неустойчивыми навыками, препятствующими интеграции в датском обществе, а владение вторым не представляет общесоциальной значимости. Национально-датский билингвизм рассматривается как негативный феномен, поскольку предпосылкой успешной интеграции является овладение государственным языком [Daryai-Hansen 2014, s. 5; Siiner 2012, p. 56].

Достаточно сказать, что еще в 2002 г. датский парламент принял поправку к Закону о школьном образовании (Folkeskoleloven), в соответствии с которой местные органы власти освобождались от необходимости финансировать обучение родному языку двуязычных детей, поскольку такая практика противоречит интеграционным процессам и мешает усвоению датского языка. В результате, по статистическим данным

2014-2015 учебного года, только 5 тыс. детей-билингвов в 14 сообществах из общего числа 70 тыс. детей-билингвов в 98 сообществах могли обучаться на родном языке, имея датский (государственный) как второй язык и английский (иностраннный) как третий язык [Danmark 2014-2015]. Таким образом, государство определило, что родной язык прелставителей этнических меньшинств – это их частное дело, а языковая политика направлена на поддержание государственного языка – датского и языка международного общения – английского.

3.2. Статус английского языка в Дании

В исторической ретроспективе, после окончания 2-ой мировой войны немецкий язык был наиболее популярен среди датского населения: 47% использовали немецкий как второй язык и только 30% – английский. Однако постепенно английский язык стал внедряться в систему образования. Как показывает статистика, люди, рожденные между 1913–1927 гг., в основном, изучали и использовали немецкий язык, а родившиеся в 1928–1937 гг., уже отдавали предпочтение английскому. После второй мировой войны английский язык стал доминирующим на всех образовательных этапах, что в значительной мере произошло благодаря тесному экономическому и культурному сотрудничеству с Англией и США [Pedersen 2003; Sevaldsen 1992].

Если каких-нибудь 25–30 лет назад представления о влиянии английского языка на датский язык ограничивались анализом англо-американских заимствований в датской лексике, то, начиная с 1990-х гг. исследования датских ученых были непосредственно направлены на изучение социолингвистических факторов, характеризующих современное использование английского языка, формирование англо-американской субкультуры и национальных особенностей английского языка в Дании [Larsen 1994, p. 21–46].

В 1994 г. Ф. Ларсен отмечал, что 33% взрослых датчан, отличающихся на слух американский английский от британского, предпочитают американские нормы, 50% – британские, а 17% не определились в своем предпочтении к тому или иному образу жизни: молодежь – к американскому, взрослые – к британскому. В то же время, ок. 20% взрослого населения вообще не владеют английским языком, хотя и признают, что он является важным средством общения в современном мире [Larsen 1994, с. 21–46].

Не будет преувеличением сказать, что на рубеже XX-XXI столетий английский язык стал частью лингвистического или речевого репертуара датчан. Лингвистический репертуар, вслед за Э. Финеганом, понимается как набор языковых вариантов, используемых в устной и письменной практике языкового сообщества (*the set of language varieties used in the speaking and writing practices of a speech community*). Иными словами, лингвистический репертуар включает весь диапазон вариативности (регистры, диалекты, стили, акценты), существующий в данном сообществе [Finegan 2004, p. 540]).

Я. Бломмерт пишет, что глобальный английский язык не просто сосуществует с локальными лингвистическими репертуарами, а формирует их наряду с другими факторами, причем по-разному в разных странах. Это могут быть фрагментированные, неполные или усеченные языковые репертуары, представляющие собой локальные, «домашние» (*vernacular*) варианты [Blommaert 2010, p. 18]. Например, в Венгрии, где только 20% населения заявили, что могут говорить по-английски (в Дании – 86%) [Europeans... 2012, p. 23], глобальный английский язык оказывает намного меньшее влияние на формирование лингвистического репертуара, чем в Дании.

В современной Дании АЯ используется значительными сегментами населения, в особенности представителями молодого поколения, поэтому, как считают Х. Хаберланд и Б. Прейслер, есть основания говорить о

тенденции локализации (*vernacularisation*), т.е. об «одомашнивании» английского языка [Haberland, Preisler 2015, p. 18].

Тенденция локализации не означает, что все население Дании в достаточной мере владеет английским языком. В современной Дании люди, не владеющие английским языком, составляют меньшинство и определяются специальным термином, который ввел в обиход Б. Прейслер: *the English-have-nots* – «не владеющие английским» [Preisler 2003, p. 124]. Данный сегмент населения представляет, в основном, старшее поколение – в конце 1990-х гг., когда Б. Прейслер проводил свое исследование, это была группа в возрасте 45+. Представители этого поколения учились в школе в те годы, когда английский язык не играл такой значительной роли в датском обществе. Чем моложе датчане, тем больше вероятность того, что они знают английский язык. Среди «не владеющих английским» примерно равное соотношение мужчин и женщин. Никто из них не учился в выпускных 11-12 классах, почти 75% оставили школу после 7 класса и ок. 60% не прошли никакого профессионального обучения после школы. 60% «не владеющих английским» – пенсионеры, 7% – безработные, и только 33% задействованы на рынке труда, проходя профессиональную подготовку или службу в армии. Как свидетельствуют социологические опросы, «не владеющие английским» испытывают чувство отстраненности от основной массы датского общества и хотели бы знать его, чтобы практически использовать как в пределах страны, так и за границей [Preisler 2003, p. 124, 125].

По прошествии 10–15 лет Д. Лёнсманн, исследовавшая выбор языка коммуникации и языковой репертуар работников датских компаний и предприятий, утверждает, что среди ее информантов все еще встречались представители той категории датчан, которых Б. Прейслер назвал *English-have-nots* – «не владеющие английским» [Lønsmann 2011, 2014].

В известных нам источниках и публикациях датских социолингвистов 2000-2015 гг. новые данные о количестве датчан, не владеющих английским языком не приводятся, но косвенным свидетельством того, как уменьшался

этот сегмент датского населения, может служить динамика роста числа пользователей интернетом за период с 2000 г. по 2015 г. (см. Таблицу 3-1). Как сообщается в докладе Международного телекоммуникационного союза за 2015 г., Дания занимает первое место в Европе и второе место в мире, показывая почти полный охват населения интернетом [Measuring... 2015].

Таблица 3-1.

Динамика роста числа датских интернет-пользователей в 2000-2015 гг. по данным сайта Internet Live Stats (<http://www.internetlivestats.com/internet-users/denmark/>)

Год	Пользователи В % от всего населения	Год	Пользователи В % от всего населения	Год	Пользователи В % от всего населения	Год	Пользователи В % от всего населения
2015	96.2 %	2011	89.8 %	2007	85 %	2003	76.3 %
2014	96 %	2010	88.7 %	2006	86.7 %	2002	64.3 %
2013	94.6 %	2009	86.8 %	2005	82.7 %	2001	43 %
2012	92.3 %	2008	85 %	2004	80.9 %	2000	39.2 %

Сопоставляя две величины: 86% датчан, заявивших о знании английского языка, и 96.2% пользователей интернетом, мы приходим к достаточно обоснованному представлению о том, что количество «не владеющих английским» составляло в 2015 г. ок. 14%, из которых ок. 10% пользовались интернетом на датском языке (или на каком-либо национальном языке, если это иммигранты), и ок. 4% интернетом не пользовались.

Такую ситуацию Х. Хаберланд и Б. Прейслер называют частичной локализацией (*vernacularisation*) английского языка, поскольку

значительный сегмент населения все еще не может быть включен в этот процесс [Haberland, Preisler 2015, p. 18]. С другой стороны, они видят перспективу полной локализации английского языка в том, что, в отличие от многих европейских стран, политика параллельного использования английского языка в датских университетах не вызывает никаких проблем. Основа успеха в том, что внедрение английского как международного, контактного академического языка и второго, после датского, языка преподавания стало возможным благодаря общей интеграции английского языка в коммуникативную практику датского сообщества [Haberland, Preisler 2015, p. 19].

Оба языка достаточно мирно сосуществуют в датском языковом пространстве. Например, влияние английского языка в области использования персонального компьютера безусловно преобладает во многих молодежных субкультурах. Но и в представлении всего датского сообщества качество владения компьютером связано с социально-служебным статусом, т.е. владение АЯ – не только средство построения успешной карьеры, но и ценностный символ.

В то же время все граждане обязаны обращаться за получением любых документов по электронной почте только по-датски; все официальные сайты функционируют только на датском языке. В социальных сетях датчане, как правило, общаются с соотечественниками по-датски, но, если хотят получить более широкую аудиторию (включая и местных корреспондентов), то переходят на английский.

Ставшие общеупотребительными термины Б. Прейслера английский язык «сверху» и английский язык «снизу» передают двойственный статус английского языка в Дании. Английский язык «сверху» – это с 2002 г. обязательный предмет, начиная с 3-го класса начальной школы (после 2008 г. он постепенно стал вводиться с 1-го класса), планируемый государством для того, чтобы датчане могли свободно читать, писать и

говорить по-английски; это параллельный, наряду с датским, язык преподавания в университете

Английский язык «снизу» – это язык, локализованный (*vernacularized*), прежде всего, в коммуникативной деятельности молодежных культур, как ценностный символ и показатель стиля их жизни. Можно утверждать, что современные датские университеты набирают своих студентов из числа молодежи, в кругу которой владение английским языком превратилось в маркер статуса, поскольку коммуникативная практика уже нескольких поколений молодых людей формируется с раннего детства под влиянием интернациональной языковой идеологии, англоамериканской медиапродукции и англоязычного интернета.

В качестве иллюстрации использования английского языка «снизу» Х. Хаберланд и Б. Прейслер упоминают популярные *computer parties* (компьютерные вечеринки), где собираются от десяти до нескольких сотен энтузиастов компьютера, называющих себя *computer “freaks”* (компьютерные «чудики»), чтобы в течение нескольких суток экспериментировать со своими компьютерами. Их язык представляет собой непонятный для посторонних специфический жаргон, состоящий из английских компьютерных терминов и специализированных выражений и демонстрирующий постоянное переключение датского и английского кодов. В то же время они используют не только техническую лексику, но и множество восклицаний, бранных слов, словосочетаний американского сленга, заимствованных из боевиков и триллеров [Haberland, Preisler 2015, p. 21, 22].

Присутствие английского языка в Дании, действительно, наиболее заметно в переключении / переходе с одного кода на другой (*code switching*). Переключение кодов в датском обществе представляет собой серьезный социальный фактор, свидетельствующий о социальном и культурном статусе говорящего и выступающий в качестве показателя определенных стереотипов поведения и групповых ценностей.

Автору этой диссертации неоднократно приходилось задавать датчанам вопрос: *When travelling by train or visiting public places like the Old Haven in Copenhagen I have often heard Danish people switching to English while talking to their compatriots. Why do they do it?* (Путешествуя поездом или посещая общественные места, такие как Старая Гавань в Копенгагене, я часто слышу, как датчане переключаются на английский, разговаривая со своими соотечественниками. Почему они это делают?)

Практически всегда ответы сводились к двум вариантам – более старшие собеседники отвечали: *Switching to English may be a way of prestige for younger people* (Переключение на английский язык может быть признаком престижа для молодых людей), а молодые люди использовали привычное в их обиходе клише: *For “doing being international”* (Чтобы показать, что ты «человек мира»).

Невозможно объяснить взаимодействие английского и датского языков в молодежном сообществе без учета социолингвистической функции переключения кодов, которое прямо или косвенно влияет на речевое поведение молодежи в англо-американских субкультурах. Субкультура – это комплекс поведенческих норм, поведенческая модель общества, объединяемого определенной системой ценностей. И наиболее видимым символом ценностей субкультуры, как свидетельствуют экспериментальные наблюдения Б. Прейслера, является английский язык, т.к. большинство молодых датчан свободно им владеют, т.е. являются билингвами [Preisler 1999, p. 239].

Определяя субкультуру как модель социального поведения, символизирующую систему ценностей, разделяемых ее носителями, Б. Прейслер подчеркивает организованность этого сообщества [Preisler 2003, p. 121-122], требующего от своих приверженцев соблюдения четкой языковой нормы, что очевидно, если мы обратим внимание на специфику общения, например, любителей компьютерных игр, тяжелого рока, или хип-

хопа и т.п., независимо от того, в какой стране они живут. Коммерциализация субкультуры ведет, в частности, и к выходу ее языковых норм из «подполья» в широкие массы общества, как это произошло с англоязычной по происхождению компьютерной терминологией, вошедшей в словарь любого мало-мальски владеющего компьютером человека. При этом молодежная субкультура – это сравнительно небольшая в масштабах всей страны область взаимодействия датского и английского языков в специфических условиях ограниченного возрастом дискурсивного сообщества.

Проблемы общенациональной языковой ситуации были подняты в сборнике статей ведущих датских лингвистов *Language status in Denmark by the year 2011* (2000), посвященном перспективе сохранения приоритетного статуса родного языка. В статье *Can Danish survive as a cultural language?* Х. Хаберланд впервые констатировал, что Дания все еще далека от того, чтобы стать двуязычным сообществом, и в последующих публикациях он не изменил своего мнения [Haberland 2000, с. 136; Haberland, Preisler 2015, p. 21], несмотря на всеобщее распространение английского языка, регламентацию «сверху» его внедрения в датские университеты и научные учреждения, где на английском языке читаются многие курсы, издается более 40% научных работ, проводятся научные конференции [Petersen, Shaw 2002; Preisler 2005].

Трудно согласиться с утверждением Х. Хаберланда, поскольку на уровне рядовых датчан (*grass-roots level*) распространение английского языка наблюдается повсеместно. Как отмечалось выше, подавляющее большинство иностранных фильмов и телевизионных программ идет на английском языке. По данным социологических опросов конца 1990-х – начала 2000-х гг., 75% взрослого населения смотрят англоязычные фильмы и программы с субтитрами, а 33% всего населения – на языке оригинала, без субтитров. В других сферах общественной жизни английский язык

присутствует постоянно: 45% коммерческой рекламы на втором национальном канале датского телевидения содержат англоязычные включения, а 6% идут полностью на английском языке. Программы новостей переполнены английскими словами и словосочетаниями. 23% населения пользуются англоязычными инструкциями в быту, 52% всех работающих используют специальную информацию на английском языке по меньшей мере раз в неделю, а 32% заявляют, что им приходится делать это ежедневно; 45% пользователей персональными компьютерами работают с английским языком не менее одного раза в неделю, а 25% – ежедневно. В учебных заведениях, учреждениях и на производстве говорят по-английски не менее одного раза в день – 9% датчан, не менее одного раза в неделю – 27%; пишут по-английски, соответственно, 4% и 12%; слушают программы на английском языке – 80% и 93%; читают по-английски, смотрят англоязычные программы и фильмы – 50% и 88% [Kristiansen 2003; Kristiansen, Jørgensen 2003; Preisler 2003].

В исследовании 1999 г. Б. Преислер сообщил, что почти 90% его респондентов связали факт постоянного присутствия английского языка в их жизни с деятельностью средств массовой информации, рекламой, теле- и радиопрограммами, кинофильмами и подчеркнули, что владеют рецептивными навыками – чтением и восприятием на слух, намного лучше, чем репродуктивными – письмом и говорением. 47% респондентов старше 25 лет заявили, что говорят по-английски, по меньшей мере, один раз в месяц. Для молодых людей до 25 лет, имеющих работу и/или высшее образование, этот показатель был значительно выше – 71% [Preisler 1999, p. 33].

Надо отметить, что пятью годами позже, в 2004 г. М. Андерсен, опрашивавшая молодежь в возрасте от 15 до 21 года, фиксирует более высокие показатели: 75% молодых людей не только читают, но и говорят по-английски со своими сверстниками, по меньшей мере, один раз в неделю

[Andersen 2004, s. 74]. Такой рост не вызывает удивления, если вспомнить, что процент пользователей интернета увеличился с 39.2% в 2000 г. до 80.9% в 2004 г.

Результаты опроса, проведенного Б. Прейслером в 1999 г. демонстрировали достаточно осторожное отношение многих датчан к распространению АЯ: ок. 30% респондентов выразили мнение, что государство должно ограничить использование английского языка на радио и телевидении; 53% респондентов объяснили распространение английского языка влиянием США и только 15% респондентов согласились с тем, что английский язык должен, наряду с датским, быть языком школьного обучения [Preisler 1999, p. 245].

Чтобы определить, изменилось ли за прошедшие годы отношение рядовых датчан к английскому языку, мы провели в июне-июле 2014 г. и июне-июле 2015 г. пилотный опрос молодых людей в возрасте 20-30 лет – 1) ста случайно отобранных респондентов в Южно-Датском университете, г. Оденсе (*The University of Southern Denmark, Odense*), в университетах городов Орус и Роскильде (*Aarhus University, Roskilde University*) и 2) ста случайно отобранных респондентов в Новой Гавани Копенгагена (*The New Haven – Nyhavn*), одном из наиболее посещаемых местными жителями и туристами исторических районов датской столицы.

В обеих группах 100% респондентов поддержали мнение о том, что постоянное присутствие английского языка в их жизни связано, в первую очередь, с поиском информации в англоязычном интернете и общением по-английски в социальных сетях не только с иностранцами, но и с датчанами.

Действительно, за 15 лет, прошедших после опроса Б. Прейслера, в Дании сформировалось новое поколение людей, которое Л. Пальс-Свендсен и М. Мондаль, вслед за американским исследователем М. Пренски, называют *Digital Natives* – коренные жители цифрового сообщества, люди, родившийся в сообществе интернета и компьютера, «цифровое поколение» [Pals-Svendsen, Mondahl, 2011; Prensky 2001a, 2001b]. Людей, которые

родились до начала эпохи цифровых технологий, М. Пренски назвал *Digital Immigrants* «цифровыми иммигрантами» [Prensky 2001a, p. 2]. Практически все молодые датчане сегодня – это *digital natives*, носители цифрового языка компьютеров, видеоигр и интернета, которые с одинаковой легкостью общаются на локализованном английском и датском языках.

На втором месте – использование английского языка в университете и на работе; на третьем – кинофильмы и телепрограммы. Никто из них не упомянул об интересе к рекламной продукции, бумажным средствам массовой информации и радиопрограммам.

В первой группе 82% респондентов сообщили, что имеют достаточные рецептивные и репродуктивные навыки, которые позволяют им использовать английский язык ежедневно как в университете, так и за его пределами, а 18% отметили, что им легче работать с англоязычными текстами и воспринимать устную речь, чем говорить по-английски. Во второй группе 71% удовлетворены своим знанием английского языка, 53% выходят ежедневно на англоязычные сайты, 36% общаются по-английски один-два раза в неделю, 29% говорят по-английски только во время зарубежных поездок и хотели бы улучшить разговорные навыки.

С предложением, что государство должно регулировать использование английского языка в школе, университете, средствах массовой информации согласились 18% в первой группе и 11% – во второй. Практически все они объясняют распространение английского языка процессами глобализации и признают необходимость его использования в качестве языка международного общения.

На вопрос, считают ли они английский язык иностранным или вторым языком, 18% респондентов первой группы и 29% второй назвали его иностранным. Соответственно, на вопрос, считают ли они себя датско-английскими билингвами, положительно ответили 82% респондентов первой группы и 71% второй.

Сопоставление данных нашего пилотного опроса с результатами исследования Б. Прейслера свидетельствует, прежде всего, о том, что за последние 15 лет в жизни молодых датчан произошли два радикальных изменения: во-первых, основным источником транснациональной культурно-познавательной информации стал англоязычный интернет, т.е. молодые люди сами формируют свое англоязычное информационное поле, во-вторых, распространение английского языка и необходимость овладения им связывают не с влиянием англоамериканской экономики, культуры и т.п., а с его функционированием в качестве инструмента, необходимого для личного участия в процессах интернационализации и глобализации.

В 1998 г. Т. Макартур писал, что в Дании английский язык используется шире, чем в некоторых странах, где он имеет официальный статус второго языка. Наряду с Норвегией, Швецией и Нидерландами, Дания радикально отличается от других стран, где английский изучается как иностранный язык [McArthur 1998, p. 54]. В этой стране он фактически стал вторым языком: *«a virtual second language ... which everyone learns and many use for personal and professional purposes at home and abroad»* (фактический второй язык ... который каждый учит, и многие используют для личных и профессиональных целей в стране и за рубежом) [McArthur 1998, p. 41].

Английский язык сегодня (в 2017 г.) – обязательный предмет в датской школе, начиная с первого класса. И только в седьмом классе учащиеся могут выбирать между немецким и французским в качестве факультативного второго иностранного языка. Большинство рядовых датчан в возрасте до 45 лет не только изучали английский язык в школе, но и могли «погружаться» в него дома.

Чтобы иллюстрировать это утверждение, мы открыли наугад программу датского телевидения и подсчитали, что в обычный понедельник, 10 апреля 2017 г., по 38 каналам с 9.10 до 20.00 28% программ были на английском языке, 61% на датском, 6% на шведском, по 2% на

немецком и норвежском и 1% на французском [<http://tvtid.tv2.dk/09.04>]. Из 33 фильмов и сериалов, показанных в этот день, 30 были на английском (с субтитрами) и 3 на датском [<http://www.tvguide.dk/kategori/filmidag09.04>].

Завершился ли за эти годы переход статуса от английского как иностранного к английскому как второму языку? Наиболее показательными являются две области – коммуникация в бизнесе и высшем образовании, в которых мы определяем роль английского языка (по аналогии с *lingua franca*) как *lingua corporativa* и *lingua academica*).

3.3. Английский язык в специализированных сферах датской экономики и высшего образования

Нет сомнения, что английский является для датчан не иностранным языком, а привычным инструментом коммуникации, и обстоятельствами своей жизни они подготовлены к тому, чтобы в эпоху глобализации использовать его как для получения высшего образования, так и на рабочем месте. Для Дании глобализация связана с еще более активным выходом экономики за пределы национальных границ и расширением кросскультурной коммуникации [Lønsmann 2011, p. 1]. Дания – маленькая страна со сравнительно небольшой экономикой, которая зависит от экспорта своей продукции, возможностей сотрудничества и выхода на глобальный рынок, а для развития транснациональной коммуникации необходимы лингвокультурные знания и навыки [Mere... 2008, s. 2].

Все исследования применения контактного языка транснациональной коммуникации свидетельствуют о том, что английский твердо занял позицию *lingua franca* датского корпоративного бизнеса, стал его *lingua corporativa*. В 2000 г. Центр языковых технологий Копенгагенского университета изучил языковую ситуацию в 52 корпорациях, и выяснил, что 92% респондентов используют английский язык в международной торговле и считают его наиболее важным иностранным языком [Jørgensen 2000].

В докладе Конфедерации датской промышленности (2008) сообщается, что девять из десяти датских компаний работают на мировом рынке, адаптируясь к новым глобальным требованиям, и не только осуществляют коммерческие операции, но и создают дочерние предприятия в других странах [Mere... 2008, s. 4–6]. Восемь из десяти датских компаний используют, помимо датского, и другие языки в своей ежедневной деятельности, причем в 57% компаний принят английский в качестве основного языка коммуникации с международными партнерами, и в 28% компаний, наряду с английским, используют национальные языки партнеров, если те недостаточно владеют английским. Таким образом, английский стал основным или дополнительным языком в 85% датских компаний [Mere... 2008, s. 6–8].

Из 79 датских экспортных компаний, представленных в 2010 г. на российском рынке, 52% имели два корпоративных языка – датский и английский, 45% – только английский, и лишь в операциях одной международной компании наряду с английским использовались языки тех стран, где они работают, включая и русский язык [Timofejeva 2010, p. 18].

Все большее количество датских компаний не только используют английский язык во взаимодействии с иностранными партнерами, но и объявляют его корпоративным языком в своих уставных документах. Так, по данным Н. Острински (2007), 25% всех компаний официально перешли на английский язык, чтобы укрепить свою позицию среди потенциальных зарубежных партнеров, привлечь высококвалифицированных иностранных специалистов и интегрировать их в свои организации [Ostrynski 2007].

Переход датских компаний на корпоративный английский язык оптимизирует их внешнеэкономическую деятельность, однако же этот процесс вызывает озабоченность некоторых датских лингвистов и правых политиков, обеспокоенных тем, что родной язык теряет популярность в сфере датского корпоративного бизнеса и низводится до положения второразрядного домашнего языка [Magdahl Jensen 2013, p. 2]. Например,

депутат от Датской народной партии заявил: «Мы боимся, что датский язык исчезает. Мы боимся, что он постепенно превращается в крестьянский язык, который нельзя использовать в стране во всех ситуациях!» [Kragup 2009].

За последние 10–15 лет были опубликованы результаты эмпирических исследований, в которых на большом фактическом материале доказывается обоснованность этих опасений в пределах национальных границ и необходимость совершенствования англоязычных коммуникативных навыков датчан, занятых в сфере интернационального бизнеса. Среди таких публикаций отчет Э. Сёренсен (2005) об использовании английского языка в 70 датских компаниях; исследование английского как корпоративного языка в компании *Siemens AG* Р. Фредериксена и соавторов (2006); анализ применения английского языка, сделанный Л. Ферстрете-Хансен (2008) на основании опроса сотрудников 312 компаний, входящих в Конфедерацию датской промышленности; проект Х. Танге и Я. Лауринга (2009), посвященный изучению языковой политики в многонациональных корпорациях; исследование Д. Лёнсманн (2011), посвященное функционированию английского в качестве корпоративного языка в компании Лундбек; проведенный Й. Сковби Торндалом (2012) анализ ключевых трудностей, с которыми сталкиваются сотрудники международных компаний, использующие корпоративный английский язык; этнографическое исследование Д. Магдаль Йенсен (2013), раскрывающее предпосылки выбора корпоративного языка в международной компании; составленный Л. Кьер Нильсен (2015) аналитический обзор особенностей языковой политики в датском министерстве иностранных дел [Sørensen 2005; Fredriksson et al. 2006; Verstraete-Hansen 2008; Tange, Lauring 2009; Lønsmann 2011; Magdahl Jensen 2013; Skovby Thorndahl 2012; Kjær Nielsen 2015].

Целью всех исследований были поиски ответов на следующие вопросы: Означает ли принятие английского в качестве корпоративного языка, что он должен использоваться всеми сотрудниками компании во всех

аспектах их деятельности? Какие обстоятельства влияют на выбор датского или английского языка в той или иной ситуации? Существуют ли основания связывать использование английского как корпоративного языка с потерей домена датским языком?

Обобщая выводы в указанных выше работах, отметим следующие основные положения:

1. Выбор английского в качестве корпоративного языка не означает, что датский язык лишается этой функции. Английский язык используется во всех коммуникативных контекстах, где задействованы непосредственные участники, не говорящие по-датски. Датские сотрудники выбирают английский язык в устной и письменной коммуникации, если информация потенциально может быть направлена иноязычному адресату, например, на встречах, где могут присутствовать иностранцы или в рекламной продукции.

2. Утверждая английский в качестве корпоративного языка, компания полагается на презумпцию уровня владения языком, необходимого и достаточного, чтобы ее сотрудники могли вести устную и письменную коммуникацию с иностранными партнерами. Хотя принято считать, что датчане отличаются хорошим знанием английского языка, многие знают его не на профессиональном, а на бытовом уровне. Международные компании должны учитывать, что этот фактор может препятствовать оптимизации их бизнеса.

3. Англоязычная компетенция датских сотрудников варьируется в широком диапазоне – от совершенного владения (менеджеры высшего и среднего звена, специалисты по высоким технологиям и маркетингу) до уровня *English-have-nots* (технический персонал старшего возраста). Институциональный уровень владения английским языком в компании находится в прямой зависимости от количества реальных и/или планируемых зарубежных партнеров, от привлечения иностранных экспертов и участия собственных сотрудников в зарубежных операциях, от

символической ценности языка и реальных преимуществах, которые он дает.

4. Выбор языка определяется и коммуникативными контекстами, в которых осуществляется деятельность компании. Это могут быть индивидуальные контакты, встречи с ограниченным числом участников или широкие маркетинговые акции. Преобладающая в компании языковая идеология может требовать а) всеобщего знания английского языка, б) обязательного владения английским языком для датских специалистов и предпочтительного овладения датским языком для иностранных специалистов в Дании, в) овладения языком страны пребывания для датских специалистов, г) использования только родного языка датскими специалистами в своем кругу.

5. Не существует четкой дефиниции понятия «английский как корпоративный язык». Иностранные специалисты, которым рекрутинговое агенство при найме на работу обещает, что в датской компании вся рабочая коммуникация будет вестись по-английски, могут терять значительную часть информации, поскольку коллеги обмениваются ею по-датски. В аналогичной ситуации могут оказаться датские специалисты, например, в российских представительствах датских компаний, где не все сотрудники владеют английским языком в достаточной мере. Если эта проблема осознается в компании, ее устраняют путем организации целенаправленного обучения языкам. Если эта проблема не осознается, это приводит к маргинализации иностранных специалистов в датском коллективе или датских специалистов в зарубежном коллективе. Обучение языкам своих специалистов, будь то совершенствование английского языка для датчан или освоение датского языка иностранцами, должно быть одним из приоритетов компании, поскольку это ведет к оптимизации их работы и, соответственно, к увеличению дохода компании.

6. Опасения о потере данного домена датским языком исходят от тех людей, которые находятся за пределами этой области и непосредственно с

ней не связаны. Выбор английского как корпоративного языка внешнеэкономической деятельности датских компаний не влечет за собой потерю этого домена датским языком: английский не вытесняет датский, поскольку последний никогда не был контактным языком в этой области. Суть этого процесса в том, что радикально увеличивается количество ситуаций, в которых имеет место коммуникация датчан с иностранцами, и английский язык является оптимальным инструментом этой коммуникации. Выбор языка не изменился – появились новые, транснациональные коммуникативные контексты, в которых датский язык не может использоваться. Датский язык сохраняет все свои позиции в традиционных, внутринациональных коммуникативных контекстах, а заимствованная из английского языка лексика обогащает его, как это происходило в предшествующих ситуациях контактов с латинским, французским и немецким языками. Выбор английского в качестве универсального корпоративного языка может дополняться альтернативным использованием какого-либо языка на его национальной территории – немецкого в Германии, русского в России, польского в Польше и т.д.

Существуют различия между английским как корпоративным языком и английским как академическим языком, которые связаны с особенностями интернационализации датских многонациональных компаний и интернационализации датских национальных университетов. Если в корпорации выбор языка определяется коммуникативным контекстом, как было показано выше, то в университете проводится «сверху» политика параллельного использования английского и датского языков в одних и тех же коммуникативных контекстах, которые могут варьироваться только по наличию или отсутствию участников, не владеющих (или недостаточно владеющих) датским языком. По мнению некоторых авторов, анализ выбора *lingua academica* в процессе интернационализации высшего образования не только связан с пониманием условий взаимодействия датских и иностранных участников, но при этом необходимо учитывать специфику

«рабочего места» (*workplace regime*) участников на трех уровнях – административном, преподавательском и студенческом [Tange 2012, p. 288; Siiner 2016, p. 444].

В такой небольшой стране, как Дания, достаточно сложно и дорого поддерживать статус национального языка на всех специальностях, преподаваемых в датских университетах. Этот фактор, наряду с интернационализацией датской экономики, объясняет, почему Дания находится на одном из первых мест в Европе по внедрению английского как параллельного языка преподавания и количеству англоязычных университетских программ (494 в 2013/2014 учебном году) [Wächter, Maiworm 2014, p. 16-17] и служит одним из ориентиров интернационализации высшего образования для других стран Европы.

Датское Министерство высшего образования и науки сообщает, что в 2015 г. 28% всех программ в 8 датских университетах преподавались на английском языке (на первом месте был Технический университет – 61%). В среднем, это 54% на технических специальностях, 42% на естественнонаучных, 26% на отделениях бизнеса и менеджмента, 12% на медицинских и только 10% англоязычных программ на гуманитарных специальностях [Internationale studerende... 2015]. В Копенгагенском университете пропорция иностранных преподавателей к концу 2016 г. достигла 18.7% [Strategy 2016, p. 31].

В политике параллельного преподавания и внедрения английского языка «сверху», одобренной правительством и направляемой датским Министерством высшего образования и науки, основным субъектом процесса является администрация университетов. Представители административно-управленческого уровня принимают как данность то, что датские преподаватели и студенты достаточно владеют английским языком, чтобы без проблем осуществлять переход на англоязычные программы. Например, в одном из постановлений правительства утверждалось, что датчане, в целом, имеют высокий уровень англоязычной

компетенции, поэтому университеты должны сосредоточиться на том, чтобы студенты развивали знание других иностранных языков [Øget... 2013].

И напротив, в докладе рабочей группы датского Совета независимых исследований при Министерстве образования и науки содержалась критика реального состояния преподавания иностранных языков в Дании и констатация того факта, что датчане часто переоценивают свой уровень владения английским языком. По мнению авторов доклада, в дополнение к изучению других языков, следует совершенствовать знание английского языка, чтобы он стал функциональным вторым языком [Sprog er nøglen... 2011]. Это мнение поддерживают многие университетские профессора, непосредственно занятые в сфере параллельного преподавания, но люди, ответственные за проведение национальной языковой политики, оставляют его без внимания [Airey et al. 2017, p. 565].

Расхождение проводимой администрацией «сверху» политики параллельного обучения и реальной ситуации с преподаванием курсов на английском языке характерно для тех университетов, где мы проводили наблюдения. Например, в соответствии со стратегией Копенгагенского университета [Destination 2012, p. 35; Strategy 2016, p. 31] администрация ставит три цели: 1) усовершенствование образования (увеличение количества программ параллельного обучения на английском языке); 2) укрепление внешнего сотрудничества в глобальном масштабе (привлечение иностранных англоязычных специалистов и студентов и направление хорошо владеющих английским языком датских специалистов и студентов в зарубежные университеты); 3) укрепление внутреннего сотрудничества в национальном масштабе (подготовка специалистов на датском языке для национальной инфраструктуры и экономики).

Так, в деканате гуманитарного факультета Копенгагенского университета короткое общение с 16 сотрудниками (все – датчане) убеждает, что все они отлично владеют английским языком. По словам

сотрудника управления К. Боруп, которая согласилась ответить на вопросы об использовании английского языка в администрации, все официальные встречи и совещания проходят по-английски, а на датский переходят: а) когда нет иностранцев, б) когда необходимо дать подробные разъяснения лицам, недостаточно владеющим английским, в) когда готовят отчеты и другую официальную документацию.

На гуманитарном факультете работают ок. 1200 преподавателей и исследователей и обучаются ок. 12000 студентов на 100 программах. В Центре интернационализации и параллельного использования языков (Centre for Internationalisation and Parallel Language Use – CIP) более 1/3 составляют преподаватели из Австралии, Великобритании, Германии, Польши, России, Сербии, США, Франции. Центр проводит обучение и обязательную сертификацию датских преподавателей, которым предстоит читать свои курсы по-английски. По окончании обучения соискатели обязаны дать контрольную лекцию по-английски и сдать составленный сотрудниками Центра квалификационный тест *TOEPAS (Test of Oral English Proficiency for Academic Staff)*. По словам руководителя Центра профессора А. Хольмен, за период 2010–2015 гг. сертификацию прошли более 400 лекторов различных курсов. Центр также проводит обучение датскому языку всех иностранных преподавателей, исследователей и студентов, которые приезжают на срок более, чем один семестр.

Эстонский исследователь М. Сиинер изучала ситуацию с параллельным использованием датского и английского языков на самом большом отделении гуманитарного факультета – Отделении кросскультурных и региональных исследований (*Department of Cross-Cultural and Regional Studies*), где из ок. 240 преподавателей и сотрудников 40% составляют иностранцы [Siiner 2016, p. 452]. В беседе с М. Сиинер заведующий отделением отметил многие проблемы, связанные с использованием иностранных преподавателей. В частности, они не знакомы с культурой поведения и общения в датском университете, и, хотя все

мероприятия на кафедрах проходят на двух языках, английском и датском, объем информации по какой-либо теме, обсуждаемой по-английски на обязательных совещаниях, значительно уже объема той же информации на датском языке. Руководителям подразделений приходится переводить на английский язык и объяснять иностранным коллегам принятые в Дании правила (*studieordninger*). Более того, они часто не знают датской специфики читаемых курсов, и студенты не получают полного объема программы, предусмотренной учебным планом. По словам заместителя декана, политика параллельного использования языков в реальности накладывает на датчан дополнительную нагрузку, т.к. им приходится постоянно выполнять всю административную работу за иностранных коллег, а тем, поскольку они находятся вне коммуникативного поля датских коллег, необходимо осваивать датский язык, чтобы выйти из маргинального положения в своем сообществе [Siiner 2016, p. 453, 454].

Противоречие видится в том, что ценность иностранных преподавателей для датского университета заключается в их способности читать свой курс по-английски и публиковать научную продукцию на английском языке, но их интеграция в датском университете зависит от того, насколько они способны выучить датский язык. Иностранные преподаватели и исследователи оказываются в ситуации, когда знание английского языка, в соответствии с установками политики параллельного использования языков, открывает им двери в датский университет, но этого знания недостаточно, чтобы оставаться там и выполнять свои обязанности.

Иностранные преподаватели составляют всего около 10% от почти пятидесяти тысячного профессорско-преподавательского коллектива университета Копенгагена.

Чтобы выяснить, как датские преподаватели относятся к параллельному обучению и чтению своих курсов на английском языке, мы провели выборочный опрос лекторов на гуманитарном факультете. Электронные адреса лекторов были найдены на сайте гуманитарного

факультета, и по 250 адресам была отправлена просьба принять участие в опросе, проводимом в рамках научного исследования. Около 100 лекторов выразили согласие, и им была отправлена форма, где содержались 18 высказываний, с которыми предлагалось согласиться, не согласиться или оставить без внимания. Формулировки высказываний с некоторыми изменениями соответствовали формулировкам опроса, проведенного в 2010 г. К. Йенсеном и Я. Тегерсеном в Копенгагенском университете с целью выяснить отношение лекторов к использованию английского как языка обучения [Jensen, Thøgersen, 2011, p. 24, 25]. Результаты представлены в Таблице 3-2, где в каждой строке величины верхнего ряда – это полученные нами результаты в 2015г., а величины нижнего ряда – результаты К. Йенсена и Я. Тергерсена, полученные в 2010 г.

Таблица 3-2.

Отношение преподавателей гуманитарного факультета Копенгагенского университета к параллельному обучению на английском и датском языках.

Утверждение	Согласны	Не согласны	Не ответили
1. Студенты, которые будут заняты на датском рынке труда, должны обучаться на датском языке	55% 45%	43% 52.6%	2% 2.4%
2. Использование английского языка в преподавании и науке означает, что у населения меньше доступа к результатам исследований	31% 36%	66% 59.8%	3% 4.2%
3. Ученые обязаны распространять результаты исследований в датском обществе на датском языке	81% 77.8%	19% 20.5%	– 1.5%
4. Если все специализированные области не могут быть объяснены на датском языке, это проблема общества	58% 59.7%	37% 38.7%	5% 3.6%
5. Далеко не все преподаватели университета имеют необходимые навыки преподавания на английском языке	89% 73.1%	9% 19.5	2% 7.4%
6. Академические стандарты снижаются, когда языком обучения является английский	52% 47.3%	39% 49%	9% 7.4

7. Студенты учатся лучше, когда их учат на родном языке	71% 47.6%	27% 38.1%	2% 2.5%
8. Обучение на английском языке может привести к более широкому разрыву между уровнями способности учащихся	47% 45%	38% 51.5%	15% 3.5%
9. Если есть пособия по курсу на английском языке, преподавание на английском языке создает лучшую связь между курсом и учебным материалом	51% 45%	46% 52.5%	3% 2.5%
10. Важно продолжить разработку датской технической терминологии	81% 71.3%	14% 25.4%	5% 3.3%
11. Университет должен предлагать курсы на датском языке как на уровне бакалавров, так и на уровне магистров	64% 60.1%	36% 36.1%	– 3.8%
12. Датский технический язык исчезнет, если преподавание будет вестись на английском языке	47% 64.4%	52% 32.2%	1% 3.4%
13. В моей области английский технический язык более развит, чем датский	76% 64.6%	24% 32.6%	– 2.8%
14. Чтобы привлечь больше иностранных студентов, количество курсов, преподаваемых на английском языке на моем отделении, должно быть увеличено	49% 59.4%	42% 32.6%	9% 8%
15. Чтобы привлечь больше иностранных ученых, количество курсов, преподаваемых на английском языке на моем отделении, должно быть увеличено	49% 57.2%	40% 35%	11% 7.8%
16. Обучая студентов на английском языке, Университет гарантирует, что они хорошо подготовлены к будущему	75% 65.8%	19% 31.2%	6% 6.8%
17. Преподавание большего количества программ на английском языке повысит академические стандарты в Университете	44% 46.1%	47% 37.1%	9% 6.8%
18. Если мы хотим конкурировать на международном уровне, мы должны предложить больше курсов на английском языке	77% 70.5%	23% 25%	– 4.5%

В высказываниях 1–4 имплицитно содержится представление о том, что введение английского как языка обучения приведет к ухудшению

качества подготовки специалистов для внутреннего рынка и сокращению объема научного знания, получаемого датским обществом. Сопоставление величин верхнего и нижнего ряда в каждой строке показывает, что за 5 лет среди субъектов параллельного обучения проявляется устойчивая тенденция к снижению таких опасений.

Сопоставление реакций на высказывания 5–9 показывает увеличение числа респондентов, сознающих, что многие лекторы не готовы преподавать на английском языке, а студенты лучше воспринимают учебный материал на родном языке. По нашим данным и подсчетам К. Йенсена и Я. Тегерсена, среди лекторов существуют значительные расхождения в понимании зависимости научно-информативного уровня лекции от языка преподавания. К 2015 г. значительно расширилось представление о потере некоторой части специализированной информации при чтении лекций на английском языке датским студентам.

Ответы на высказывания 10-13 свидетельствуют о понимании того, что английская техническая терминология более развита, чем датская, поэтому необходимо развивать датский технический язык и вводить соответствующие курсы для бакалавров и магistroв. В тоже время уменьшаются опасения относительно угрозы ослабления или потери этого домена в датском языке.

В пп. 14–18 респонденты соглашались с тем, что университету необходимо предлагать больше англоязычных курсов, чтобы повышать свою конкурентноспособность и подготовку датских студентов к функционированию на международном рынке. Одновременно несколько уменьшается число тех, кто считает, что следует увеличить число англоязычных курсов, чтобы привлечь больше иностранных исследователей и студентов.

Подобные представления о системе параллельного образования наблюдаются и в других датских университетах. На примере университета

Роскильде А. Фабрициус и соавторы отмечают три парадокса интернационализации высшего образования в Дании.

1. В соответствии со стратегией Евросоюза интернационализация должна привести к увеличению языкового разнообразия и плюрализма, исходя из того, что приезжающие в Данию студенты владеют, как минимум, двумя языками – родным и английским, как и датские студенты, выезжающие в зарубежные университеты. Однако же языковой плюрализм не поддерживается на практике, поскольку учебный процесс для сообщества интернациональных студентов в датском университете организуется только на английском языке (с последующим обучением разговорному датскому), да и внеучебное общение проходит преимущественно по-английски. Эта тенденция поддерживается и тем, что учебная литература иностранным студентам предлагается на английском языке, а датским – на английском и датском языках [Fabricius et al., p. 579, 580].

2. Параллельное обучение на английском языке иностранных студентов и на английском и датском языках датских студентов гипотетически должно приводить к интенсивным лингвокультурным контактам. Их совместное участие в групповых проектах должно открывать возможности для знакомства и сотрудничества с другими культурами, но, как пишут А. Фабрициус и соавторы, межкультурные контакты практически отсутствуют. Проведенный Датским агенством по интернационализации университетов опрос 5500 иностранных студентов показал, что 95% иностранных студентов, приехавших по программам одногодичного обмена, и 91% иностранных студентов, проходящих полный курс обучения, более успешно налаживают контакты, общаясь по-английски в своем кругу, а не с местными жителями, что не способствует воспитанию межкультурного понимания у датских студентов [Fabricius et al., p. 588, 589]. Как показывают опросы, проведенные в Копенгагенском

университете, аналогичная ситуация складывается среди иностранных исследователей и преподавателей.

3. Интернационализация университетов понимается как наиболее эффективная форма их ответа на вызовы глобализации. Конкуренция университетов представляет собой постоянную борьбу за финансирование образовательного процесса и научных исследований, за привлечение как можно большего количества иностранных студентов, исследователей и преподавателей. Конкурентноспособность университета определяется его возможностями использовать одну, общую для всех «лингвистическую валюту» – английский язык. С позиций университетской администрации английский язык – это оптимальный инструмент решения проблемы повышения конкурентноспособности, укрепления взаимодействия с другими ведущими университетами, улучшения качества образования. На периферии этого процесса остаются такие факторы, как языковой плюрализм и культурное разнообразие, которые официально провозглашаются достоинствами интернационализации. Именно эти факторы, связанные с национальнокультурными особенностями страны и всего региона побуждают иностранных студентов получать образование в Дании, а не других странах континентальной Европы при том, что английский везде используется как язык обучения. Если датские университеты хотят быть привлекательными для иностранных студентов, они не только должны предлагать программы на английском языке, но и наполнять их лингвокультурной спецификой [Fabricius et al., p. 590, 591].

В дискуссиях о параллельном обучении на периферии обсуждения часто остается без внимания тот факт, что в процессе интернационализации датских университетов непосредственно участвуют все иностранные студенты и только 1/4 датских студентов, т.е. это те студенты, что выбрали обучение на английском языке. К. Люег и Р. Люег, изучившие эту ситуацию, пришли к выводу, что 1/4 датских студентов принадлежат к более состоятельным семьям, имеют более высокий уровень владения

английским языком и более высокие карьерные ожидания. Они следующим образом определяют символическое значение выбора обучения на английском языке:

Чем выше социальный статус студента, тем более вероятен выбор обучения на английском языке и, тем больше преимуществ, чтобы найти хорошую работу после окончания университета и использовать английский в качестве рабочего языка.

Перспективы найти хорошую работу и использовать английский в качестве рабочего языка положительно влияют на выбор англоязычных программ.

Чем выше социальный статус студента, тем предположительно выше уровень владения английским языком и тем ниже барьеры для выбора англоязычных программ.

Чем ниже социальный статус студента, тем предположительно ниже уровень владения английским языком, выше предполагаемые барьеры (большие затраты времени на усвоение материала на английском языке, более низкие оценки, связанные с трудностями понимания материала, и т.п.), и менее реальна вероятность выбора англоязычных программ [Lueg K. 2015, p. 63–66; Lueg K., Lueg R. 2015, p. 9–12].

Суммируя общие положения характеризующие функционирование английского как языка интернационализации датского бизнеса (*lingua corporativa*) и высшего образования (*lingua academica*), отметим, что английский язык воспринимается в качестве необходимой предпосылки участия страны в процессах глобализации. Вместе с тем, официальная языковая политика направлена на то, чтобы контролировать и балансировать его сосуществование с датским языком, необходимое для сохранения национальных ценностей и традиций. Наиболее оптимальной перспективой взаимодействия языков считается их параллельное использование в внешнеэкономической деятельности и высшем образовании. Дальнейшие усилия университетской администрации по

внедрению английского как языка обучения призваны способствовать интернационализации не только высшего образования, но и экономики, способствуя ее укреплению на международном рынке.

В свете официальной языковой политики «сверху» английский язык предстает не как один из или даже первый из иностранных языков, а как второй, после датского, язык интранациональной и транснациональной коммуникации. Официальная языковая политика «сверху» абстрагирована от языковой реальности и национальных особенностей реализации английского языка «снизу», которые предстоит рассмотреть в последующем изложении.

3.4. Структурно-семантические особенности английского языка в условиях датско-английского билингвизма

Характерной особенностью коммуникации и языкового поведения многих датчан стал датско-английский билингвизм [Gregersen 2011, p. 48]. Владение английским языком как функционально вторым, в дополнение к своему национальному языку в статусе функционально первого [Словарь Михальченко 2006], приводит к сдвигам в языковом поведении датско-английских билингвов.

Как отмечают датские социолингвисты, датско-английский билингвизм, в целом, характерен для датской языковой ментальности и осознается как особое преимущество, повышающее статус личности и открывающее дорогу к тем сферам профессиональной деятельности, которые недоступны для монолингвов [Gregersen 2003; Jarvad 1999; Kristensen 2003; Larsen 1994; Petersen, Shaw 2002; Planck Johnson 2003; Preisler 1999].

В ходе неформальных интервью со студентами Южно-Датского университета (г. Оденсе) выяснилось, что разделение коллектива студентов на два сообщества по языку обучения, по сути дела, отражает сложившиеся

в датском обществе две тенденции билингвизма. Во-первых, это транснациональный билингвизм, который у иностранных студентов проявляется реально, а у датских студентов на англоязычных программах заложен потенциально, Во-вторых, это интранациональный билингвизм студентов, выбравших обучение на датском языке.

Надо заметить, что иностранные студенты, усваивающие датский язык, считают себя не датско-английскими, а национально-английскими билингвами, поскольку датский язык для них – третий или даже четвертый, в дополнение к национальному, английскому и, в ряде случаев, еще какому-либо иностранному языку, который им приходилось изучать. Напротив, все без исключения датские студенты, обучающиеся на англоязычных программах, считают себя датско-английскими билингвами, даже если им приходилось дополнительно изучать в школе испанский, немецкий, французский или какой-либо другой язык. Ниже приводятся типичные высказывания представителей этой категории датских студентов (см. интервью в Приложении 3.2.):

Студент М. (21) изучал в гимназии английский, немецкий и испанский языки, но называет себя датско-английским билингвом: *Other foreign languages... well, I... in the gymnasium, we have German, and Spanish as well, eh, ... so I am quite familiar with German... eh and a bit familiar with Spanish... I can call myself Danish-English bilingual...*

Студентка К. (25) знакома с немецким, норвежским, шведским, испанским языками, считает основными датский и английский языки: *I can make myself understood in German... and Norwegian and Swedish, to some level... And I have been taught two years of Spanish ..., though Danish and English are my first.*

Студент G. (22) говорит на датском, английском, немецком и испанском языках, но считает себя датско-английским билингвом: *I can*

speak English, Danish, Germans and Spanish, ahm, yeah, ... I'm Danish-English bilingual.

Эти студенты – датско-английские билингвы, для которых выбор языка общения является социальным фактором, символизирующим их принадлежность к категории тех, кто предпочитает обучение на английском языке.

Студенты, чье обучение идет на датском, проводят четкую грань между своим датско-английским билингвизмом и полным замещением датского языка английским, чего у них нет и что наблюдается среди студентов, которые обучаются на английском языке. Общаясь с другими датчанами, они перемежают датскую речь английскими словами и выражениями, а в разговоре с интервьюером могут использовать свое знание английского языка для того, чтобы рассказать о себе, хотя иногда им приходится обращаться к родному языку. Например:

Студентка В. (25): *I am twenty five. Yes, I am. Yeah. **Logopædi**. It's my first year, first semester and... from Horsens, in Jutland. Oh, I'm Danish. And we speak Danes at home. My mother is from Norway but we don't speak that. I don't communicate in English. I communicate with students in school, but it's in Danish. So, I don't speak English that much.*

Студентка L. (20): *My student status... **Studerende status**... is, I suppose full-time, though I only have like ten hours a week. Year of studies, this is my first year. Specialization: English. Birthplace: Ærøskøbing. Language spoken at home: Danish. Other foreign languages: not really.*

Студент Н. (24): *I have studied in... this is my six year. Eh and I am studying something called **Cand.merc.aud. Kandidatuddannelsen. Kandidat** in revision – corresponds to Master of accounting. It's accounting. (Asks his friend what "ethnicity" means in Danish – **Hvad er etnicitet? Hvad betyder det?** The friend suggests) *Isn't it religion? What is it? Let me see... I don't know. I only speak Danish. I only speak English or German... eh... if I meet persons like you**

or as what have taught in school. I have never been on an English-speaking countries, for a longer time, it's most on holidays and so on.

Студент Р. (20): *I am a fulltime student. I a first year student and I want to study bio-medicines. And I am born in Hillerød, in Denmark. And we speak Danish and then I speak English and Italian and a bit German and French. And I... tidligere ... early I've written emails in English but I don't any more. I don't speak English that often, that's it.*

В речи студентов, попеременно использующих датский и английский языки, проявляется двусторонняя интерференция, и, параллельно с развитием второго языка, они развивают навыки переключения кодов, постепенно приходя к пониманию того, что это дает им определенный статус.

В датских университетах постоянно можно слышать попеременное использование датского и английского языков в бытовой и профессиональной коммуникации, непреднамеренное включение в датскую речь английских слов и выражений, или включение в английскую речь датских слов и выражений. Например, студентка говорит приятелю: *Du fik et nyt job [You got a new job]? Nice.*

В другом эпизоде звучит высказывание: *We called it a birthday cake party. Bare for sjov. [Just for fun]. No cake, only beer.*

Датские студенты отмечают, что в общении с иностранными сокурсниками они, как правило, стараются говорить на каком-то одном языке – английском, датском или национальном языке собеседника, если они его знают. В общении с датчанами они могут постоянно переходить с датского на английский, и это является своего рода приемом самоидентификации, типичным для их сообщества.

Английский язык в Дании значительно отличается от стандартного американского или британского английского. Как свидетельствует англичанин Дж. МакКернан в Интернет-журнале «Британский европеец»: «Английский язык большинства датчан просто ужасен. В Копенгагенской

англоязычной газете The Copenhagen Post на странице встречается, в среднем, 5 ошибок... Я отправил им жалобу по электронной почте, так они ответили на ломаном английском, что они делают все возможное и считают, что все хорошо. У них даже нет корректора – носителя языка... При всем при том, я все-таки люблю Данию, и я достаточно осторожен, чтобы не критиковать датчан вслух» [McKernan 2001].

В процессе коммуникации на датском английском зависимость речепорождения от понимания, мотивации, организации этой деятельности определяет типологический характер возникающих ассоциаций. Могут иметь место различные ассоциативные варианты, сложившиеся под влиянием доминирующих факторов традиционной датской культуры, прошлого опыта, специфики мышления, поведенческих реакций датчан.

Австралиец, проживший в Дании более пяти лет, фиксирует в лексике знакомых датчан большое количество калек, прямых заимствований, новообразований, построенных по моделям датского словообразования и передающих датскую идиоматическую семантику: «Множество смешных датских слов стали теперь частью моего английского словаря. Одно из них встречается только в Ютландии – «*knuge*» буквально означает «запах комнаты после того, как в ней спали» [Mullin 2004].

Экспатриантка из Германии Л., постоянно проживающая в г. Оденсе с мужем, датчанином, приводит примеры того, как ее муж буквально переводит словосочетания с датского на английский язык: *When he really means that we can go together somewhere, to work, for example, he says we can “follow each other”. I know that it comes from the Danish “følges ad”.* [Nobody’s perfect 2016].

Она отмечает интерферирующее влияние датского языка в использовании предлогов: *People will tell you that a certain place is “on Vesterbro” or “on Nørrebro”, when you’d always use “in” in English – that also comes from the Danish “på Vesterbro” – and the reason why it is “på” (on) is the “-bro” ending in the word, which means that it was an area with*

cobblestones (“*brosten*”)! Probably the same meaning was implied when a friend once told: A famous artist just announced that he is coming to play **on** our local pub!

Еще одна особенность, на которую указала L. – это кальки с датского, например: *When they speak about their “private friends” I always think they want to tell about their boyfriends or girlfriends but the term means “a close friend” as it is translated directly from Danish “private venner”.*

Подобные кальки встречаются постоянно. Так, на англоязычных указателях в Копенгагенском зоопарке некоторые английские названия животных заменены кальками с датского, например: англ. *hippopotamus* = датск. англ. *water horse* от датск. *flødeheste* – «водяная лошадь»; англ. *rhinoceros* = датск. англ. *nose horn* от датск. *naesehorn*, ср. русск. «носорог».

В англоязычной рекламе салона красоты *Copenhagen Beauty Center* вместо англ. *eyelashes* (ресницы) используется словосочетание датск. англ. *eye wipers* от датск. *Øjeviper*. В магазине бытовой техники: вместо англ. *vacuum cleaner* написали датск. англ. *dust sucker* от датск. *støvsøger*, ср. русск. «пылесос».

В датском английском используется огромное количество т.н. псевдозаимствований и гибридов, образованных на датской почве. Например, в копенгагенском ресторанчике на ул. Зондерйюлланд, 95, где собирается, в основном, англоязычная публика, владелец вывесил объявление: «Danish Mini Meating. Surprice Menu» – игра слов-омофонов «meeting»(встреча) и *meating* (мясные блюда), словослияние «surprice» – «surprise» + «price» (удивительная цена).

В газете *The Copenhagen Post* (April 2017) встречаются кальки, передающие датский юмор: датск. англ. *carpenter man – a carpenter in your head* – «плотник в вашей голове» от датск. *tommermaend* = англ. *hangover* (головная боль после попойки); датск. англ. *coin negro* – «негр на старой монете» – т.е. загоравший в солярии, от датск. *poletneger* = англ. *fake suntan*

(искусственный загар); датск. англ. *Swedish key* – ср. русск. «шведский ключ» от датск. *svensk nøgle* – англ. *wrench* (гаечный ключ).

Процессы влияния датского языка на английский затрагивают даже учебники английского языка, предназначенные для датских школьников. Автор англоязычного Интернет-бюллетеня *English support* Л. Уайт отмечает в этих изданиях множество орфографических и грамматических ошибок, например: обращение «*Mr*» с написанием «*mr.*», «*Tuesday*» – как «*Tuesday*»; калькирование датских грамматических структур – «*They have not a computer*» и «*Has Mrs Johnson two boys?*», «*These is my feet*» и «*These is my hands*»; изображение настенных часов с надписью: «*Look at the watches*» [White October 2005].

Как заявляет Л. Уайт, даже английское наименование профессионального переводчика *state-authorized translator* является калькой с датского *statsautoriseret translator* [White November 2005], тогда как по-английски следует называть такого переводчика *certified translator*.

Интерференция датского языка постоянно проявляется в английской речи датчан, использующих английский язык в быту, профессиональной деятельности и учебе а также в речи проживающих в Дании иностранцев (как англоязычных, так и тех, для кого он служит языком-посредником).

Во время посещения Копенгагенского университета мы разговорились со студентом-первокурсником Д. из Канады, указавшим на несколько особенностей датского английского, которые привлекли его внимание в первые месяцы пребывания в Дании:

1. Использование слов и выражений, которые, по мнению носителя АЯ, не соответствуют стилистическому оформлению сообщаемой информации: *Danes write among other things far more than a native speaker of English would. For instance, a note in the Assistant Dean's office: Assistant dean Ms. J. J., will not be in the office for the rest of the week. I'd rather say: Assistant dean J. J., will not be in the office for the rest of the week.*

*A Danish instructor said: On Tuesday, the Danish contingent will lead a talk on language in Copenhagen. We will be discussing grammatical issues and language trends **among other things**. A much more concise way of writing this is to use such as: We will be discussing many topics **such as** grammatical issues and language trends.*

*A professor wrote to me: I am **hereby** sending you the brochure and would like your response **forthwith**. **Hereby** and **forthwith** are both extremely formal and are rarely used by native speakers. A native speaker would say: I am sending you the brochure and would like your response **as soon as possible**.*

2. Отсутствие заглавных букв в названиях дней, месяцев, национальностей: *Capitals. English uses capitals where Danish doesn't. A Dane may write: On **tuesday**, the **danish** contingent... In English, capitals are always used for days, months, nationalities, and national adjectives.*

3. Неверное использование неличных форм глагола: *A Dane would say: I look forward **to see** you. In English, look forward to or looking forward to is always followed by a verb plus '-ing' (or a noun): I look forward to seeing you.*

4. Избыточное употребление запятой: *The comma is not used in the same way in Danish and English. My Danish instructor wrote to me once: I **think, that** the conference would be of great benefit to you. But one simple rule will improve your writing: Don't put a comma before 'that'.*

5. Неверное употребление или отсутствие артиклей: *Sometimes you can hear very unexpected articles or no articles. Someone said in a University canteen: «They (Syrian refugees) come here just to take advantage of **the our** system. All they want is free education, free health care and welfare payments». Or... a Danish teacher told me once: «**It's so funny story**».*

6. Неверное употребление показателя множественного числа: *... you can hear very unexpected plurals as well. A teacher once told about a Minister's heavy Danish accent while speaking English: He was mocked **on the social medias**.*

Во время другой неформальной беседы докторант Ч. из Индии сказал, что ему было сложно понимать датчан по нескольким причинам: они оглушают конечные звонкие согласные, и поэтому трудно различать *back* и *bag*, *lack* и *lag*, *sack* и *sag*, *tack* и *tag*, и т.д. Их произношение влияет на письменную речь, поэтому на письме они часто путают одинаково звучащие пары *to* и *too*, *to* и *two* (в датском числительное 2 – *to*).

Они «забывают» суффикс наречия *-ly*, например, словосочетание *students lagging seriously behind* преобразуется в *students lacking serious behind*.

В английской речи датчан смежные по семантике, но различные по сочетаемости слова могут взаимозаменяться как синонимы, например, *to have* и *to hold*, *clean* и *clear*. В письме от компании, где Ч. проводил исследование, было написано: *We **hold** considerable knowledge and experience about Danish society*. Ч. пояснил, что такая подмена невозможна: *The word **hold** normally means to have something in your hands or arms (literally), e.g. a baby or a book. It can sometimes be used in the sense of to **have** or **possess**, but only with words like licence, passport and permit*.

Особенности культурной и языковой среды определяют специфику языковой компетенции и характер фоновых знаний датчан, говорящих по-английски. В свою очередь, широкое распространение английского языка оказывает непосредственное влияние на современное развитие датского языка. Этот процесс проявляется, в первую очередь, в возрастающей активности лексической интерференции английского языка.

В числе новых слов, по подсчетам автора авторитетного Словаря англицизмов К. Сёренсена, существительные составляют более 80% [Sørensen 1995, p. 57]. Например, личные имена и такие торговые марки, как: *Burger King*, *Ford*, *McDonald* (где *-s* в названии ресторана *McDonald's* часто опускается), *Seven-Up* и др.; существительные, такие, как: *action*, *band*, *computer*, *fan*, *hooligan*, *input*, *joke*, *juice*, *keyboard*, *lobby*, *milkshake*, *odds*, *pusher*, *scoop*, *shit*, *test*, *thriller*, *trend*, *trip*, (*virtual*) *reality*. Глаголы и

прилагательные составляют менее 20% прямых заимствований, например, глаголы: *boote, chatte, checke, downloade, logge, scanne, surfe, tagge* (где практически всегда добавляется датский суффикс инфинитива *-e*); прилагательные, такие как: *crazy, freaket* (с суффиксом датского причастия *-et*), *handy, large, live, spacy, (un)fair*.

По данным П. Ярвад, ок. 13% всех новых слов, пополнивших датский словарь, – это прямые заимствования из английского языка, 14% новых слов – гибридные образования, т.е. сложные или производные слова, которые представляют собой соединение датского и английского элементов. Около 11% всех новых слов в датском словаре составляют псевдозаимствования, кальки и клише [Jarvad 1999, p. 103, 104].

Среди гибридов много сложных или производных существительных, например, *interviewundersøgelse* «обзор», *jobsamtale* «интервью», *hårspray* «спрей для волос», *kundesupport* «отдел по работе с клиентами». Иногда встречаются гибридные глаголы, прилагательные, предложные словосочетания: *krydschecke* «перепроверять», *jobløs* «безработный», *fra scratch* «(начинать) с нуля». Некоторые компоненты могут быть представлены как связанные морфемы, например, появившийся в английском языке суффикс *-gate* из «Watergate» в *hansengate* (политический скандал 1989 г. с министром юстиции Э.Нинн-Хансеном).

Наиболее многочисленны псевдозаимствования, т.е. словосочетания и сложные слова, в основном, существительные, построенные из аутентичных английских компонентов, но в такой конкретной форме или с таким конкретным значением, которые не существуют в английском языке, например: *airguide* «бортпроводница» (брит./амер. *air hostess*), *babylift* «корзинка для переноски детей», (брит. *carrycot*, амер. *portacrib*, *stationcar* «семейный автомобиль», (амер. *station wagon*, брит. *estate car*).

В датской лексике встречаются кальки, словосочетания или сложные слова, которые представляют собой буквальный перевод с английского на датский. Среди них существительные, например: *forbrugersamfund* –

consumer society, ordsredssejr – landslide victory, kreativbogføring – creative bookkeeping, livskvalitet – quality of life; глагольные словосочетания и глаголы с постпозитивами, например, *falde tilbage på – fall back on, følge op – follow up*; прилагательные, например, *provestlig – pro-Western, vandafvisende – water repellent*.

Многочисленны и семантические заимствования, т.е. новые значения, которые приобретают датские слова и словосочетания под влиянием соответствующих английских слов и словосочетаний, напр., *hukommelse – human memory*, теперь также – *computer memory*. Многие существительные под влиянием английского употребляются в переносном значении: *den (politiske) dagsorden – «(политическая) повестка дня», (befolknings) eksplosion (population) explosion – «демографический взрыв», (det teknologiske) gab (mellem de to lande) – «(технологический) разрыв – gap (между двумя странами)»*.

Наблюдается и ряд глаголов и прилагательных с новыми значениями: *animere – animate*, «делать анимацию», *inddoemme – dam up*, «окружать дамбой, содержать», *etableret* (в словосочетании *det etablerede samfund, – the establishment, social (social welfare, social life) sociale aktiviteter* «общественная активность»), *udbroendt – burned-out* (ср. русск. сгорел на работе), *ultimativ – англ. ultimate*, в значении *best* в словосочетании *den ultimative oplevelse – the ultimate experience – «наилучший опыт»* [Sørensen 1997].

Этот небольшой обзор языкового материала, представленного в словаре К. Сёренсена, свидетельствует о многостороннем характере англо-датской и датско-английской интерференции. Необходимо отметить, что английский язык активно влияет на речь людей, владеющих английским языком, но использующих в коммуникации преимущественно датский язык. В свою очередь, датский язык оказывает существенное влияние на речь людей, постоянно и преимущественно использующих датский вариант английского языка. Двусторонняя интерференция проявляется в речи людей, попеременно использующих датский и английский языки, т.е. использующих переключение кодов.

Проникновение английского языка во все сферы датской жизни свидетельствует, что его влияние уже не может быть описано только в терминах интерференции. Являясь следствием экстралингвистических причин, интерференция остается собственно лингвистическим явлением, а переключение кодов служит широкому диапазону коммуникативных целей межличностного общения и способствует созданию солидарных межличностных отношений.

Встречаясь с молодыми датчанами, мы предлагали им записать 5–10 англицизмов, которые они или их собеседники используют в коммуникации на датском языке. Полученные списки содержали не только отдельные слова, но также словосочетания и предложения. Весь материал был выверен по словарю К. Сёренсена и распределен по группам, отражающим структурные типы переключения кодов.

Как оказалось, студенты, проходящие обучение на англоязычных программах, общаясь на родном языке, используют англицизмы, которые преимущественно отражают современные англо-американские культурные реалии. Многие из них зафиксированы в «Словаре англицизмов» К. Сёренсена, например: *aerobat – a stunt pilot; aerobics; amerasian – a person of mixed American-Asian origin; appetizer; autostop; biker; blockbuster; buzz-word – a well-established term; coaching – tutoring; crackpot – an eccentric; crap – rubbish; disco; egghead – an intellectual; funky – a music style; funny money; gag – a joke; grabber – something sensational; handy – easy to handle; hard core – completely uninhibited (about sex acts); insider, outsider; job-swap – changing jobs; junkie – a drug addict; kick – excitement; kit – a collection of things; laptop; nightcap – a drink before going to bed; no cure no pay – no sale no bill; opt-out – refuse to take part; popper – an ampule of a drug; punk; rap-funk; show-off; team; tough; unplugged; videojockey.*

В списках, составленных студентами этой группы зафиксировано незначительное число единиц, созданных на датской основе, например:

brevbombe – a letter bomb; disket; minibit – a small motor car; roligan – roller + hooligan; Skyd! – Shoot!; snorte – take a drug by inhaling.

Студенты, обучающиеся на датском языке, представили значительно более обширные списки англицизмов. Эти англицизмы были распределены по трем группам в соответствии с классификацией видов переключения кодов Дж. Хамминк [Hammink 2000]:

1) Включение в речь на датском языке отдельных слов, прошедших морфологическую и фонетическую адаптацию. Например, такие существительные, как *clipsene – the clips, disksene – the disks, drinksene – the drinks, trendsene – the trends*, имея английскую форму множественного числа *-s*, принимают еще и датский суффикс множественного числа *-(e)en*.

Некоторые английские прилагательные могут иметь или не иметь согласование с датским существительным в роде и числе, например, *hot* в словосочетании *en hot nyhed/den hotte nyhed – (the) hot news*; другие могут потерять английский суффикс и получить датский, например, *freakish – freaket/freakede*, в словосочетании *det mest freakede computerspil – the most freakish computer game*; *trendy – trendig*, в словосочетании *den der trengige stil – this trendy style*. Многие английские прилагательные сохраняют исходную форму в датском, например, *cool, fair, great, heavy, large, tight*.

Активно используются сложные слова и словосочетания, например: *kulturchock – culture shock; data bank; data base; glamour-girl; give-and-take – exchange of ideas; heavy metal; lager butik – a shop on the campus; øjenåbner – eye-opener – something startling, surprising, or enlightening; speak-out – an open discussion; street bike – an ordinary motorcycle*. Часто в речи датчан встречаются эмфатические восклицания, например: *Wow!, Yes! Shit!*, идиомы и клише: *never mind; don't worry; you name it; whatever* (в высказывании: *Jeg drikker el, vin, sodavand, whatever – I drink beer, wine, soda, whatever*).

2) Включение в речь на датском языке калькированных словосочетаний – при этом может сохраняться структура словосочетания, например:

brugervenlig – *user-friendly*; *børnesikker* – *childproof*; *drosle ned* – *throttle down*; *falde for* – *fall for*; *hjernedød* – *braindead*; *hovedjoeger* – *headhunter* (охотник за головами – тот, кто ищет талантливых специалистов); *kemi* – *chemistry* в высказывании *kemien mellem dem var i orden*, ср. англ. *the chemistry between them was OK* – полное взаимопонимание; *komme ud med* – *come out with*; *lukke ned* – *shut down*; *muldvarp* – *mole* (крот – *spy*); *piskemoeld* – *whiplash* (порка в переносном смысле); *seriemorder* – *serial killer*; *styrthjelm* – *crash helmet*; *sidde ind* – *sit in*.

Калькируются идиомы/клише, например: *hav en god dag!* – *have a good day!*; *der er ikke mere til det* – *there is nothing more to it*; *kalde det en dag* – *call it a day*; *sparke røv* – *kick ass*; *have et skelet i kloedeskabet* – *have a skeleton in the closet*; *det er lutter varm luft* – *that's a lot of hot air*.

3) В списках студентов этой группы встречается много англо-датских гибридов, которые являются предметом языковой игры, например: *computerspil* – компьютерная игра; *brugerinterface* – пользователь компьютера; *joggingsko* – кроссовки; *surfbroet* – доска для серфинга; *skånejob* – легкая работа; *badwill* (ср. *goodwill*); *beautyboks* – косметичка, англ. *beauty case*; *monkeyclass* – англ. *economy class*; *partykiller* – зануда, англ. *party pooper*; *slowfood* (ср. *fastfood*).

Переключение кодов имеет место на уровне предложения (*Intersentential switching*), части предложения, словосочетания, отдельного слова с изменением морфологической формы или без какого-либо изменения (*Intrasentential switching*). Как сказал Й. Йоргенсен, в переключении кодов студенты проявляют креативный подход к английскому языку, часто перемежают датскую речь целыми предложениями и высказываниями на английском языке, вставляют отдельные слова, морфемы, используют английскую интонацию, имитируют английский акцент в произношении датских слов, как бы играя, манипулируют переключением с одного кода на другой [Jørgensen 2003, p. 85].

Одним из ключевых показателей, присущих двуязычному речевому поведению молодых датчан, является специфическая маркированность их английского произношения, что обращает на себя внимание уже с первых минут общения с ними. Подобная маркированность произношения проявляется как следствие фонологической интерференции, которая, по утверждению Дж. Гамперца, вызвана влиянием артикуляции, интонации, ритмики, ударения первого (датского) языка на соответствующие параметры произношения второго (английского) языка [Gumperz 1973, p. 144].

Р. Мейджор назвал маркированность произношения, вызванную фонологической интерференцией, глобальным иностранным акцентом [Major 2001, p. 19]. «Глобальный» иностранный акцент в английской речи молодых датчан обусловлен не только фонологической интерференцией и влиянием внутривидовых законов фонетической системы датского языка, но и такими социальными признаками, как, например, влияние англо-американской культуры, специфика датской системы образования.

Среди работ, посвященных изучению специфики речевого поведения датской молодежи нет ни одного исследования, в котором бы достаточно полно рассматривались особенности английского произношения. Исследователи ограничиваются общими замечаниями об использовании датских произносительных норм вместо английских и указаниями на отдельные, наиболее заметные отличия английского произношения без выяснения их причин.

Так, например, Б. Преислер и К. Сёренсен [Preisler 2003, p. 117; Sørensen 1995, p. 41] отмечают, что молодые датчане, говоря по-английски, обычно стараются придерживаться стандартного произношения в тех английских словах, которые являются относительно новыми заимствованиями, и сохранять такие звуки, отсутствующие в датском произношении, как, например, альвео-палатальный [r], дифтонг [ei],

билабиальный [w], который в датском встречается не как самостоятельная фонема, а как аллофон [v]. Английское произношение датчан тяготеет к британским нормам несмотря на то, что большинство лексических заимствований приходит из американского английского. В отличие от молодежи, датчане старшего поколения произносят английские заимствования в соответствии с правилами датской фонологической системы: звонкий [z] заменяется глухим [s], например, в словах *zoom* и *design*; не различаются гласные в таких словах, как *hut* и *hot*, *money* и *holiday*, где они заменяются огубленным датским гласным.

Такие, и им подобные, общие замечания носят поверхностный характер и не рассматривают природу особенностей английского произношения, которые проявляются в социолекте студентов – датско-английских билингвов. Для того, чтобы раскрыть механизм фонетической интерференции, проявляющейся в ходе переключения кодов в коммуникации датско-английских билингвов, необходимо сопоставить основные единицы двух контактирующих фонетико-фонологических систем.

3.5. Механизм фонетической интерференции в датско-английском билингвизме

Исследование звуковой стороны языка на фонетико-фонологическом уровне начинается с установления инвентаря фонем этого языка. В случае билингвизма эта задача осложняется тем, что, по замечанию У. Вайнрайха, звуки, которые реально произносит билингв, как бы находятся на нейтральной полосе между двумя системами фонем [Вайнрайх 1972, с. 39].

В концепции системной фонологии фонема рассматривается как функциональная система дифферем (различительных признаков), репрезентируемых в звуках речи. Релевантность признаков определяется установлением наличия функциональной связи между ними и значением морфемы. Основными сегментными единицами являются: фонологический

признак, реализацией которого на ступени наблюдения служит артикуляционный признак звука речи, и фонема, коррелятом которой на ступени наблюдения служит звук [Черкасов 1995, с. 20; Черноглазова 2002, с. 47].

По мнению У. Вайнрайха, контрастивный анализ фонем двух языков билингва дает список ожидаемых форм фонетических интерференций [Вайнрайх 1979, с. 61]. Система фонем исследуемого языка билингва складывается из заимствованных, конвергентных и трансферационных форм, возникновение которых становится возможным благодаря языковому контакту и ограничивается внутренними законами развития языковой системы, которая подвергается воздействию. Однако набор акустико-артикуляционных признаков является ограниченным, что приводит к использованию разными фонетическими системами звуков с пересекающимися характеристиками. Э. Хауген считает, что физическое сходство заставляет билингва отождествлять две фонемы, несмотря на все различия между языками [Хауген 1972, с. 277–289]. То, что двуязычный индивид, отождествляя фонемы двух разных языков, реализует их одинаково, с точки зрения экономии, является совершенно естественным: «использование в обоих языках одних и тех же речевых навыков значительно облегчает его лингвистическую нагрузку» [Вайнрайх 1979, с. 53]. Две фонемы, связанные таким отношениям, являются диафонами [Jones 1959, с. 134]. Появление любого диафона является результатом фонетической интерференции. Простые диафоны появляются вследствие трансфераций, другие имеют конвергентное происхождение или являются заимствованиями [Хауген 1972, с. 280].

В качестве исходного шага необходимо охарактеризовать датскую систему консонантизма и вокализма, очертив диапазон акустико-артикуляционных признаков, которые могут создавать диафонический акцент в английском произношении датско-английских билингвов

(см. Приложение 3.1.). К числу особенностей датской фонетики относятся: 1) толчок, 2) отсутствие долгих согласных и, отсюда, иные типы ударных слогов, 3) богатый вокализм, 4) глухость всех смычных. Существенно и то, что в результате некоторых фонетических процессов фонемный состав очень многих слов резко изменился [Берков 2006. С. 140, 144; Берков 1996, С.128–131; Basbøll 2005, с. 40–65; Grønnum 1996, р. 6–15].

3.5.1. Программа исследования особенностей произношения датско-английских билингвов

Изучение специфики английского произношения – датско-английских билингвов требовало применения методов анализа, используемых в социофонетических исследованиях и предусматривало составление программы, которая подразделялась на три этапа:

1. Определение целевой группы, вариативность произношения членов которой явилась предметом социофонетического анализа, и проведение записи неподготовленной английской речи;

2. Экспертная оценка отклонений в английском произношении датско-английских билингвов с помощью группы аудиторов, филологов, не носителей языка, и группы экспертов, не филологов, носителей языка;

3. Лингвистическая интерпретация материала.

В ходе полевого исследования были моделированы два типа коммуникативных ситуаций, чтобы выяснить насколько варьировано английское произношение информантов в неподготовленной речи:

- ситуация свободной беседы в неформальной обстановке;
- ситуация нестандартного интервью в неформальной обстановке.

В процессе подготовки эксперимента была определена целевая группа из 23 молодых людей в возрастном интервале 20–30 лет – студентов и недавних выпускников Южно-датского университета в г. Оденсе, датско-

английских билингвов, владеющих английским языком и, по их мнению, придерживающихся стандартной нормы английского произношения.

Материал исследования составили 23 записи интервью, сделанных в июне-июле 2014 г. и в июне-июле 2015 г. Длительность звучания монологической речи информантов – 102 мин. Суммарная длительность звучания аудиоматериала составляет 411 мин. (6 ч. 51 мин.), в оцифрованном виде материал занимает 312 Мб памяти. Аудиозапись осуществлялась с помощью мобильных устройств iPhone 5 iOS 6, iPhone 5 iOS 8.43. Перенос аудиозаписей в текст выполнялся с помощью программ автоматического распознавания речи для компьютера – Chrome Speech Recognizer, HTML5 Speech Recognition, Watson Speech to Text для облачной платформы IBM Bluemix и программ автоматического распознавания речи для iPhone – Dragon Dictation, Dragon NaturallySpeaking, Dragon Go!, Dragon Mobile Assistant.

Поставленная задача – выявить особенности английской речи датско-английских билингвов – обусловила использование комплексной методики исследования, которая включает приемы 1) сопоставительного анализа объективных и субъективных характеристик типов речи; 2) метода научного наблюдения, связанного с аудиторским анализом с целью составления фонетического инвентаря информантов; 3) лингвистической интерпретации данных, полученных в ходе аудиторского анализа.

На этапе подготовки к записи информантам было предложено принять участие в социолингвистическом опросе, проводимом с целью изучения роли английского языка в их жизни. Для создания доверительной атмосферы общение с каждым информантом происходило в двух видах коммуникативных ситуаций: 1) ситуации свободной беседы в неформальной обстановке без записи и 2) ситуации нестандартного записываемого интервью в неформальной обстановке, где предлагалось рассказать о себе, опираясь на предоставленные ранее вопросы: Что вы изучаете в университете? Как давно вы говорите по-английски? Каково

благосостояние вашей семьи? На каких языках вы говорите дома, с друзьями? Вам приходилось бывать в англоязычных странах? Какие программы вы смотрите на английском языке?

Следующим этапом было проведение аудиторской экспертизы с целью определения регулярных фонетических отклонений в английской речи информантов от произносительных норм английского языка. Аудиозаписи для экспертной оценки сначала предъявлялись аудиторам, которые отбирались по следующим критериям: они должны быть не носителями, а преподавателями английского языка, т.е. иметь сознательную установку на целевое выявление ошибок в речи студентов, обладать опытом общения с иностранными студентами на английском языке и устойчивыми навыками восприятия английской речи на слух.

В соответствии с указанными критериями были отобраны 6 аудиторов, русскоязычных преподавателей английского языка, которые должны были руководствоваться профессиональной установкой на фиксацию ошибок в произношении студентов. Им было предложено прослушать аудиозаписи интервью с датскими информантами и отметить все случаи, которые, по их мнению, не отвечали английским произносительным нормам. Отмеченные аудиторами регулярные отклонения от норм английского произношения были обобщены, и составлен их инвентарь.

Далее аудиозаписи с текстами отправлялись экспертам, носителям английского языка, для отбора которых использовались следующие критерии: они не должны быть специалистами-филологами, преподавателями английского языка, чтобы исключить профессиональную установку на анализ ошибок в речи информантов, т.е. фиксировать только те случаи, которые, по их мнению, будут признаками иностранного акцента. При этом они должны иметь достаточно высокий культурно-образовательный уровень, опыт общения с иностранцами, а их речь должна быть свободна от каких-либо диалектных или региональных особенностей.

В соответствии с указанными критериями были отобраны 8 экспертов, которые согласились провести субъективную оценку интервью. Перед ними была поставлена задача: отметить те места интервью, где, по их мнению, информанты демонстрируют «глобальный» акцент, характеризующий английскую речь датчан.

Лингвистическая оценка и интерпретация результатов аудиторского и экспертного анализа предполагали ответы на следующие вопросы:

1. Каковы дифференциальные признаки фонем, реализуемых в английской речи датско-английских билингвов и образующих их фонетическую систему?

2. Какие акустико-артикуляционные признаки релевантны для английского консонантизма и вокализма датско-английских билингвов?

3. Каковы причины и какова степень наложения английской и датской фонетико-фонологических систем?

Исходя из данных положений предстояло установить дифференциальные признаки согласных и гласных фонем, которые определяют особенности произношения информантов.

3.5.2. Фонетическая система информантов по результатам анализа, проведенного носителями, преподавателями английского языка

После обобщения результатов аудиторского анализа, проведенного носителями, преподавателями английского языка, мы составили инвентарь согласных и гласных фонем, представляющих английскую фонетическую систему датско-английских билингвов (см. Приложение 3.1.2.).

3.5.2.1. Система согласных фонем

В Приложении 3.1.2. (Таблица 3.3) представлены варианты аллофонической реализации согласных, зафиксированные аудиторами в аудиозаписях, в сопоставлении с английскими и датскими согласными.

Консонантная система английского языка датско-английских билингвов состоит из 20 согласных: 7 сонантов [m], [n], [l], [j], [ŋ], [ɰ], [w]; 4 билабиальных и лабиодентальных [p^h], [b̥], [f], [v̥]; 3 альвеолярных [t^s], [d̥], [s]; 3 постальвеолярных и палатальных [ʃ] / [ʃ^j], [tʃ^j], [dʃ]; 2 велярных [k^h], [ɡ̊] и фарингального [h].

Необходимо отметить наиболее очевидные отличия в системе английского консонантизма датско-английских билингвов:

1) Отсутствует пара противопоставляемых по наличию/отсутствию голоса английских аффрикат [tʃ] и [dʒ]. Имеет место трансферационная замена бифонемными аффрикатными образованиями [tʃ^j] и [dʒ], элементы которых являются результатом интерференции датских фонем.

2) Отсутствует звонкий член пары противопоставляемых по наличию или отсутствию голоса фрикативных согласных фонем: [s - z], [ʃ - ʒ], [f - v].

3) Фонема [v] не может рассматриваться как парная фонеме [f] ввиду наличия более одного различия:

[f] – глухой, лабио-дентальный, фрикативный;

[v] – звонкий, лабио-дентальный, плавный.

4) Фонемы [p^h] – [p], [b̥] – [b], [t^s] – [t], [d] – [d̥], [k^h] – [k], [ɡ̊] – [ɡ] являются позиционно необусловленными аллофонами.

5) Межзубные – глухой фрикативный [θ] и звонкий фрикативный [ð] ослабляются и утрачивают межзубный характер.

6) Во всех реализациях датско-английских билингвов имеет место трансферентная замена [r] датским увулярным (фрикативным или) нелатеральным аппроксимантом [ɰ].

Губной срединный сонант [w] вокализуется в лабиализованный гласный заднего ряда, верхнего подъема > [u] или же имеет место трансферационная замена датским билабиальным полувонким [v̥].

Таким образом, для английского консонантизма датско-английских билингвов релевантны такие корреляционные признаки: место артикуляции и способ артикуляции. Система согласных характеризуется отсутствием устойчивой корреляции по глухости – звонкости и наличием полувзвонких и оглушенных согласных фонем.

3.5.2.2. Система гласных фонем

В Приложении 3.1.2. (Таблица 3.4) представлены варианты реализации гласных, зафиксированные аудитором в аудиозаписях, в сопоставлении с английскими и датскими гласными.

Система вокализма английского языка датско-английских билингвов состоит из 14 звукотипов-монофтонгов, 10 дифтонгов и 1 трифтонга.

Под влиянием датского языка, где отсутствует фонематическое противопоставление долгих и кратких [i:] : [i] и [u:] : [ʊ], наблюдается трансференция этого явления в английской речи датско-английских билингвов. Более того, к паре [u:] : [ʊ], аналога которой есть в английском вокализме, добавляется специфически датский сильно лабиализованный [y:] в таких словах, как: *during*, *who*, *soon*.

Наблюдается позиционно необусловленное использование пары [e] : [ɛ], где [e] – гласный верхнего подъема (трансференция датского короткого [e], который отличается от английского [ɛ] несколько более высоким подъемом), а [ɛ] – гласный среднего подъема.

Из 14 звукотипов-монофтонгов 9 являются результатом трансференции, т.е. переноса датско-английскими билингвами особенностей артикуляции датских фонем в свой английский вокализм: [i:], [i], [u:], [ʊ], [y:], [e], [ɛ], [ɜ:] [ə] и 5 – результатом конвергенции, т.е. совмещения английских и датских артикуляционных характеристик: [æ], [ɔ:], [ʌ], [ɒ], [ɑ:].

Нисходящие дифтонги [aʊ], [ɔʊ], [eɪ], [aɪ], [oɪ] совпадают в английском и датском языках, но в датском имеются еще и дифтонги [eu] и

[ɛu], которые в английской речи датско-английских билингвов интерферируют с [ɔu]. Дифтонгов [ɪə], [ɛə], [uə] в датском языке нет. В их артикуляции возможна замена английского второго элемента [ə] датским [e].

Что касается трифтонгов, зафиксирован только один четко произносимый трифтонг [ɔɪə] в таких словах, как: *loyal, enjoyable*. Английские трифтонги либо монофтонгизируются: [aʊə] > [a:] и [aɪə] > [a:], либо дифтонгизируются, теряя средний элемент: [aʊə] > [aə] и [aɪə] > [aə].

Таким образом, для монофтонгов английского вокализма датско-английских билингвов релевантны следующие корреляционные признаки: долгота, степень открытости, лабиализация. Система монофтонгов характеризуется тремя ступенями подъема – низкой, средней и высокой, и тремя рядами – передним, средним и задним. Дифтонги подразделяются на восходящие [aʊ], [ɔu], [eɪ], [aɪ], [oɪ] и слабо нисходящие [ɪə], [ɛə], [uə] с незначительным расхождением подъема от первого элемента ко второму.

3.5.3. Лингвистическая интерпретация результатов экспертного анализа, проведенного носителями английского языка

На следующем этапе с помощью носителей английского языка, не филологов, проводилась аудиторская оценка с целью определения особенностей «глобального» акцента в английском произношении датско-английских билингвов. Перед ними была поставлена задача: выделить те места интервью, где, по их мнению, говорящий допускает отклонения от стандартной (для аудиторов) произносительной нормы английского языка. В результате аудиторского анализа обнаружилось, что отмечены, в основном, отдельные согласные и, в меньшем количестве, некоторые сочетания согласных.

Что касается интерферентных и трансферентных изменений гласных в реализации информантов, носители языка, осуществлявшие экспертную

оценку интервью, не выделили какие-либо отклонения в реализации гласных за исключением типичной замены английского [u] → [y] в таких словах как *do, to, two, student* и т.п. К этому можно добавить, что аудиторы-американцы проигнорировали, а аудиторы-англичане отметили в комментариях как узнаваемые особенности «иностранного» акцента:

1) монофтонгизацию дифтонгов [ɪə]→[ə:], [εə]→[ε], [aɪ]→[a], [ɔɪ]→[ɔ], [au] →[a], трифтонга [aɪə] →[a];

2) краткое произношение долгих гласных; 3) отсутствие позиционной вариативности долгих гласных; 4) расширение кратких гласных; 5) некорректное произношение. [a:], [ɔ:], [ə:].

Поскольку эксперты, носители языка, не нашли каких-либо отклонений в произношении гласных, мы приходим к пониманию того, что они не являются существенными факторами в создании «глобального» иностранного акцента.

Ниже будет представлена лингвистическая интерпретация акустико-артикуляторных признаков произношения согласных в неподготовленной английской речи датско-английских билингвов.

Постальвеолярные: [dʒ] → [dʒ̥]. Известно, что в датском языке отсутствует противопоставление по голосу постальвеолярных [dʒ] - [tʃ] и, как следствие, в данных интервью глухая фонема [tʃ] произносилась в большинстве реализаций без изменений, тогда как фонема [dʒ] реализовалась как либо оглушенная [dʒ̥] либо глухая [dʒ̥]. Наиболее распространенным является оглушение [dʒ] → [dʒ̥] → [dʒ̥] в начале слова: *genetics, gymnasium, Japanese*;

в середине слова: *Norwegian; major, enjoyed*;

в середине фонемного слова: *language spoken*, перед окончанием – (e)s: *languages*;

в конце слова, где акустически глухими воспринимались все реализации фонемы [dʒ]: *age, exchange, college*.

В отдельных случаях процесс оглушения сопровождается распадом глухой аффрикаты и полным изменением ее характера:

[dʒ] → [dʒ̥] и [dʒ] → [ʃʲ] в конце слова, например, *language*;

[dʒ] → [s] в середине фонемного слова, например, *language spoken*

Акустически две фонемы [dʒ̥] и [tʃ] воспринимаются как идентичные. Практически, для всех информантов характерен переход [tʃ] → [tʃʲ] в конце слова: *watch*, а также переход [tʃ] → [ç] в конце слова: *much*. В отдельных случаях зафиксирована постоянная замена [tʃ] → [tʃ^s] в конце слов *watch* и *much*; [tʃ] → [tʃ^s] в середине слов: *actually, watching*; [tʃ] → [s] в конце слова: *watch* и в середине слова: *actually*.

Постальвеолярные: [ʒ] → [ʃ] и альвеолярные [z] → [s]. В датском языке отсутствует звонкий согласный [ʒ]. Вследствие этого во всех интервью отмечена реализация звонкой фонемы [ʒ] как глухой [ʃ] после гласного и перед сонантом, что позволяет исключить ассимиляцию под влиянием соседних фонем и говорить о субституции согласного.

Оглушение [ʒ] → [ʃ] наблюдалось в середине слова: *usually*; [ʒ] → [ʃ] → [ʃʲ] → [ç] в середине слова: *television*.

Следует отметить еще одну потенциальную реализацию звонкого фрикативного постальвеолярного согласного [ʒ] в слове *television*, где информанты также не реализовали только один из признаков английского согласного [ʒ] – постальвеолярную артикуляцию и произносили его в качестве звонкого альвеолярного фрикативного согласного [z].

Оглушение [z] → [s] имело место постоянно:

в середине слова/фонемного слова, например: *music, visit, example, specialization; as well, as Danes, isn't, New Zealand*;

перед окончанием *-ed*, напр., *specialized*;

в конце слова, например, *Danes, years, films* [films].

В артикуляции английского звонкого фрикативного постальвеолярного согласного [ʒ] информанты не реализуют только один из его признаков – голос: они произносят [ʒ] как глухой постальвеолярный [ʃ].

В реализации суффикса *-ish*, например, в фонетическом слове *Spanishh as* глухой постальвеолярный согласный [ʃ] заменяется глухим альвеолярным [s]. Все три фрикативные фонемы в *Spanishh as* воспринимались на слух как три идентичных звука. Аналогичная замена наблюдается в реализациях слова *specialization*, где три фрикативные фонемы из четырех воспринимались на слух как идентичные звуки.

Звонкий характер [z] сохраняется в английском произношении датских студентов крайне редко как, например, в середине фонетического слова *yearsold*.

Постальвеолярные: [ʃ] → [ʃ^j], [ʃ] → [ç] и альвеолярные [ʃ] → [s]. В реализации постальвеолярного глухого шипящего фрикативного [ʃ] отмечена палатализация, которая приводит к его изменению в палатализованный [ʃ^j] или альвеоло-палатальный [ç]. Переход [ʃ] → [ʃ^j] → [ç] наблюдается:

в середине слова/фонемного слова, например, *specialize, comedyshows*;
в конце слова, после гласной [ɪ], в суффиксе *-ish*, например: *Englishh*;

в начале слова, напр., *sure, short*. В случае реализации фонемы [ʃ] перед [ɪ], фонема [ʃ] не воспринималась на слух как «необычная», например, в словах *she, ship*.

Переход постальвеолярного [ʃ] в альвеолярный [s] наблюдается:

в середине слова/фонемного слова, например, *specialization, Englishh-speaking*;

в конце слова, после фонемы [ɪ], в суффиксе *-ish*, например, *Danishh*.

Иногда встречается замена альвеолярной артикуляции на постальвеолярную [s] → [ç] в начале слова: *speak*.

Глухой постальвеолярный согласный [ʃ] часто заменяется глухим альвеолярным [s], и, учитывая все артикуляционные характеристики, можно утверждать, что в произношении студентов в подавляющем большинстве реализаций отмечена тенденция представлять три английские фонемы [z], [s], [ʃ] только одной – [s].

Альвеолярные взрывные [d] → [d̥], [t] → [t̥] и дентальные [ð]/[θ] → [t̥]. Замена звонкого английского [d] глухим или оглушенным [d̥] имела место во всех позициях – как в конце, так и в начале слова. В конечной позиции [d̥] практически всегда альвеолярный непридыхательный глухой взрывной согласный. Например, в начале слова: *Danes, daughter, Daniel*;

в середине слова/фонемного слова: *students; as Danes, weekdays, United States*;

перед окончанием *-s*: *weekends friends*;

в конце слова: *had, should, download*;

в суффиксе *-ed*: *pleased, synchronized, translated*.

Основные различия между звуками [d̥] и [t̥] состоят в незначительном присутствии голоса в [d̥], [t] → [t̥] в начале слова: *TV, time, taught*;

в середине слова /фонемного слова: *Internet, later, twenty; MTV*;

в конце слова: *about, eight, spent*.

В отдельных случаях имеет место реализация [t] → [d̥] в середине фонемного слова: *spent in*; в конце слова: *communicate*; переход [d] → [ð] в середине слова/фонемного слова *and (a)*.

Переход [d] → [ð] имеет место в конце слова: *Sheffield*, на границе двух слов: *enjoyed it*.

Переход [ð] → [d̥] имеет место в начале слова: *the, this*; переход [ð] → [d̥], [ð] → [d̥ʃ] в конце слова: *with*, а также переход [ð] → [t̥] в конце слова:

with; переход [ð] → [ð̥] на границе двух слов: *and then, taken this*; [ð] → [ð̥] в конце слова: *with*; [ð] → [s] в середине фонемного слова: *watch the*; [θ] → [t] или [θ] → [s̥] в начале слова: *three*, в середине слова: *ethnicity*, в конце слова: *birth*.

В отдельных случаях отмечен переход от межзубной артикуляции к лабио-дентальной [θ] → [f], как это имело место в начале слова: *three*.

Звонкие и глухие смычные [b] → [b̥], [p] → [p^h], [g] → [g̥], [k] → [k^h]. Английский билабиальный звонкий взрывной согласный [b] реализован как датский билабиальный непридыхательный глухой взрывной [b̥]:

в начале слова: *be, baby, Brøndby*; в середине слова: *habit, maybe, Arabic*; в начале и в середине слова: *BBC*; в конце слова: *suburb*.

Глухой билабиальный смычный [p] признается с сильной аспирацией [p^h] в середине слова: *suppose; desperate*; в начале слова: *part*; в конце слова: *keep, skype*.

Велярный [g] теряет голос во всех позициях и переходит в [g̥]. Например, в начале слова: *good*; в середине слова: *began, example, Copenhagen, degree* (в речи слово звучало как *decree*); конце слова: *big*.

Глухой велярный [k] произносится с сильной аспирацией [k^h]. Например, в середине слова/фонемного слова: *speaking, talkshows, thankyou*;

в конце слова: *week, Denmark*;

в начале слова: *Karl, coming, communicating*.

В реализации информантов пара взрывных велярных согласных: оглушенный [g̥] – глухой придыхательный [k^h] не противопоставляется по наличию-отсутствию голоса.

Билабиальные и лабиодентальные [w] → [ʋ], [v] → [ʋ], [v] → [f].
Альвеолярный и увулярно-фарингальный [ɹ] → [ʋ]. Английский лабио-

велярный глайд [w] в произношении датчан приобретает более закрытый характер и переходит в [ʊ]. Переход [w] → [ʊ] имеет место в начале слова: *one, well, welfare*; в середине слова/фонемного слова: *Swedish, housewives», as well*.

Фонема [v] реализовалась как глухой звук: [v] → [v̥] или [v] → [f] в конце слова: *have, of, five, live, I've, relative*.

Реализация английского альвеолярного нелатерального аппроксиманта [ɹ] как датского увулярного [ʁ] имела место в интервокальной позиции, после альвеолярного глухого взрывного согласного [t] и перед придыхательным [k^h]. Например, [ɹ] → [ʁ] в середине слова: *parents, countries, Australians*.

Английский сонант [ɹ] практически всегда палатализован как [ɹ̥^j], например, *seldom, called*, в соответствии с артикуляцией аналогичного датского сонанта.

3.5.4. Факторы, характеризующие особенности произношения датско-английских билингвов

Показательно, что почти во всех зафиксированных случаях реализации английского [ʒ] информанты делали замену [ʒ] → [ʃ], и только в отдельных реализациях наблюдались замены [ʒ] → [s].

Практически все информанты заменяли [dʒ] → [dʒ̥], но в дополнение к этой замене в реализации отдельных информантов отмечен переход [dʒ] → [dʒ̥^s/t^s], [dʒ] → [d̥], [dʒ] → [s] и [dʒ] → [ʃ^j/ç].

В подавляющем большинстве случаев реализации английского [z] имела место замена [z] → [s], а в некоторых реализациях замена [z] → [ç].

В более чем половине всех реализаций информанты совершали замены: английского [d] датским [d̥]. В отдельных случаях отмечены варианты замены [d] → [d̥^s/t^s] и [d] → [ð]; [ʃ] → [ʃ^j], [ʃ] → [ç] и [ʃ] → [s]; [t] → [t^s], а в отдельных реализациях информанта 1 [t] → [d̥].

Зафиксированы замены английского [g] датским [ġ]; английского [ð] датским [d̥], а также целым набором близких по месту артикуляции вариантов: [ð] → [d̥], [ð] → [d̥s/t̥^s], [ð] → [s], [ð] → [ð̥], [ð] → [ð̥̥]; английского [v] вариантами [v̥], [f], [ʋ]; английского [b] датским [b̥]; английских [k] и [p] датскими придыхательными [k^h] и [p^h].

Отмечены замены английского [w] датским [ʋ]; замены английского [ɹ] датским [ɹ̥]; замены английского [θ] датским [t̥].

Опираясь на выявленные и описанные выше факторы реализации согласных фонем в условиях интервью, проведенных со студентами Южно-датского университета, можно отметить две преобладающие тенденции:

1. Потеря голоса и вследствие этого а) практически полное отсутствие звонких [ʒ], [dʒ], [z]; б) значительное оглушение [ð] и [v].

2. Изменение характера согласных:

а) переход звонких взрывных в глухие или оглушенные щелевые: [d], [g], [b];

б) сдвиг места артикуляции [ʃ], [t];

в) появление выраженной аспирации в реализации английского [k] и [p];

г) полная замена английских межзубных [ð], [θ], реализация английского альвеолярного нелатерального аппроксиманта [ɹ] как датского увулярного [ʋ]; вокализация или переход в лабио-дентальный [w]; замена аффрикаты [tʃ].

В быстрой речи активно действуют ассимилятивные процессы, которые приводят к ослаблению, выпадению дентальных и альвеолярных и сокращению сочетаний согласных: [n̥d̥s] → [n̥s], [nd] → [n]/[n²], [nt] → [n], [nts] → [ns], [ntn] → [nn], [nð] → [n], [nd̥ðn] → [nn], [ld] → [l], [stl] → [sl], [st] → [s], [ŋk] → [ŋ].

Английские альвеолярные взрывные [d], [t] и имеющие четкую фриктивную межзубную артикуляцию [ð], [θ] ослабляются до едва заметной фрикции: [d] → [ð̥], [d] → [t̪̥], [t] → [t̪̥], [ð] → [s], [θ] → [t̪̥].

Английские аффрикаты и шипящие имеют тенденцию перехода в слабый фриктивный глухой постальвеолярный: [dʒ] → [s], [tʃ] → [s], [ʃ] → [s]

Как уже отмечалось выше, носители языка, осуществлявшие экспертную оценку интервью, не выделили какие-либо интерференционные и трансферентные отклонения в реализации информантами гласных за исключением типичной замены английского [u] датским [y] в таких словах как «do», «to», «two», «student» и т.п. К этому можно добавить: 1) монофтонгизацию дифтонгов [ɪə]→[ɛ:], [εə]→[e], [aɪ]→[a], [ɔɪ]→[ɔ], [au] →[a], трифтонга [aɪə] →[a]; 2) краткое произношение долгих гласных; 3) отсутствие позиционной вариативности долгих гласных; 4) затягивание кратких гласных; 5) некорректное произношение [a:], [ɔ:], [ə:].

Выводы к Главе 3

Среди основных факторов, характеризующих современную языковую ситуацию в Дании, определяющим, безусловно, являются взаимоотношения между государственным языком страны, национальным языком 88% населения – датским и языком глобализации – английским. Языковая политика Дании до недавнего времени была достаточно либеральной и ограничивалась попытками регламентировать влияние английской лексики на словарный состав датского языка путем публикации нормативных справочников и рекомендаций, избегая планирования статуса английского языка.

В датском обществе сложились две противоположных языковых идеологии – идеология национального протекционизма, требующая защитить национальный язык от агрессивной экспансии английского, и идеология

интернационализации, рассматривающая английский язык как инструмент, обеспечивающий участие Дании в процессах глобализации. Общественно-политическая дискуссия 2003–2005 гг. была своего рода переходным рубежом – от негативной эмоциональной оценки роли английского языка к практическому поиску форм его сосуществования с родным языком. С этого времени оценка языковой ситуации становится более прагматичной, опасения относительно вытеснения датского языка английским постепенно уходят, и в общественном сознании укрепляется представление о разделении сфер функционирования и параллельном использовании датского и английского языков.

Термины английский язык «сверху» и английский язык «снизу» передают двойственный статус английского языка в Дании. Английский язык «сверху» – это основной иностранный язык, обязательный предмет в школе и язык параллельного обучения в университете, планируемый государством как инструмент интернационализации.

Английский язык «снизу» – это язык, локализованный, прежде всего, в коммуникативной деятельности датчан, для которых владение английским языком превратилось в маркер статуса, поскольку коммуникативная практика уже нескольких поколений формируется с раннего детства под влиянием интернациональной языковой идеологии, англоязычного интернета и англоамериканской медиапродукции.

Английский является для большинства датчан не иностранным языком, а привычным инструментом коммуникации, и обстоятельствами своей жизни они подготовлены к тому, чтобы в эпоху глобализации использовать его как для получения высшего образования, так и на рабочем месте. Датско-английский билингвизм стал отличительной особенностью коммуникации и языкового поведения большинства жителей этой страны. В датских университетах сложились два типа билингвизма: это транснациональный билингвизм, который характеризует датских студентов выбравших обучение на английском языке с целью его последующего регулярного использования

в транснациональной коммуникации, и интранациональный билингвизм студентов, выбравших обучение на датском языке и не планирующих деятельность за пределами Дании.

Английский как корпоративный и академический язык служит инструментом интернационализации датских транснациональных компаний и датских национальных университетов, призванным обеспечить их конкурентноспособность. Он воспринимается в качестве необходимой предпосылки участия страны в процессах глобализации. Вместе с тем, официальная языковая политика направлена на то, чтобы контролировать и балансировать его сосуществование с датским языком, необходимое для сохранения национальных ценностей и традиций, путем их параллельного использования во внешнеэкономической деятельности и высшем образовании.

В датском законодательстве, официальных документах правительственных органов и администрации датских университетов нет четкого сформулированного определения английского как второго языка страны, хотя общество признало его вторым, после датского, языком интранациональной и первым языком транснациональной коммуникации. Из публикаций последних 10 лет постепенно исчезает обсуждение проблем потери доменов и засилия англицизмов: новое поколение авторов интересуют вопросы недостаточного уровня владения английским языком, качества параллельного обучения и лингвокультурной интернационализации.

Английский язык не просто сосуществует с датским, но и расширяет его словарь, а датский язык, в свою очередь, влияет на формирование локализованного, «домашнего» варианта английского языка. Локализованный английский язык характеризуется специфическими структурно-семантическими и акцентными особенностями, сложившимися в условиях интерференции датского языка. Эти особенности не препятствуют его функции инструмента как интранациональной коммуникации в интернационализации образования, экономики и т.д., так и транснациональной коммуникации датчан за пределами

своей страны. Одним из ключевых показателей, присущих «домашнему» английскому языку датчан, является глобальный акцент, обусловленный влиянием внутривидовых законов датской фонетической системы.

Аудиторский анализ позволил установить, что основные маркеры «глобального» иностранного акцента в английской речи датско-английских билингвов следует отнести к системе их консонантизма, и они являются результатом трансферации таких корреляционных признаков датского произношения, как место артикуляции и способ артикуляции. Английская фонетическая система датско-английских билингвов характеризуется отсутствием устойчивой корреляции согласных по глухости – звонкости и наличием полувзвонких и оглушенных согласных фонем.

Фонетические характеристики английской речи датско-английских билингвов отражают трансферентные и конвергентные изменения, являющиеся следствием взаимовлияния двух акустико-артикуляционных систем, однако перечисленные фонетические изменения свидетельствуют не о появлении какой-то новой фонетической системы английского языка, а о многообразии его вариативного потенциала.

Глава 4. Английский язык как составляющая часть шведского языкового пространства

4.1. Языковая ситуация и языковая политика в Швеции

В течение всей своей истории Швеция была этнически гомогенной страной, большую часть населения которой составляли шведы, а меньшую – финны, в приграничных с Финляндией областях, и саамы, живущие на севере страны. Однако же во второй половине XX в. – начале XXI в. Швеция превратилась в страну иммиграции: в 1950–1970-е гг. это была, в основном, иммиграция из других частей Скандинавии, Югославии, Греции, Италии и Турции, вызванная необходимостью пополнения трудовых ресурсов, а начиная с 1980-х гг., в потоке иммигрантов преобладают беженцы из стран Азии, Африки, Косова, а также выходцы из стран Восточной Европы. По данным статистики 2017 г., около 15% населения Швеции либо иммигрировали в страну, либо растут в семьях иммигрантов, т.е. шведское общество столкнулось с проблемами этнического, культурно-интеграционного, социального и языкового разнообразия, и его можно по праву назвать мультикультурным, то есть социально разнородным, включающим в себя представителей различных этносов и культур [Население Швеции 2017].

Современная языковая ситуация Швеции непосредственно связана с общественно-политическим и экономическим развитием страны во второй половине XX в., когда правящая Социал-демократическая рабочая партия определила две приоритетные цели своей политики: внутреннюю – построить модель «государства всеобщего благоденствия» – *välfärdsstat* (*welfare state*) или «дома для народа» – *folkhemmet* (*people's home*) и внешнюю – обеспечить авторитетную позицию Швеции как традиционно нейтрального члена европейского сообщества. По мнению Т. Милани, исследователя шведской языковой идеологии и политики, в течение 1970-

х гг. шведская национальная идентичность сложилась на основе принципов интернационализма, нейтралитета, социального равенства и благоденствия, вследствие чего была ослаблена символическая функция шведского языка как фактора национальной идентификации и усилена символическая функция английского как языка интернационализации [Milani 2007, p. 170-171].

В последней четверти XX в. шведский язык вновь оказался предметом дискуссии политиков и ученых в связи с возрастающим потоком иммигрантов, главным образом, из стран Азии и Африки и необходимостью интегрировать их в шведском обществе. Дискуссия концентрировалась, с одной стороны, на важности обучения иммигрантов шведскому языку как условию их адаптации в стране и, с другой стороны, на их праве сохранять и развивать родные языки [Milani 2007, p. 177].

После вступления в Евросоюз в 1995 г. Швеция ратифицировала «Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств», основанную на концепции многоязычия, которое, по выражению В.М. Смокотина, «выделяется как один из наиболее ярких символов исторического, политического и культурного разнообразия Европы, и, добавление к своему внутренне присущему символическому измерению, европейское многоязычие приобретает мандатный характер правового императива и значительность политической необходимости» [Смокотин 2010, с. 5].

Многоязычие в шведском контексте рассматривается, во-первых, как владение шведским языком, который вплоть до 2009 г. не имел законодательно утвержденного статуса государственного языка, хотя и был объектом национальных образовательных программ и стратегий. Во-вторых, шведское представление о многоязычии включает и языки меньшинств, которые воспринимаются как этнические атрибуты, а не как средства сколько-нибудь широкого общения в национальном масштабе.

Многоязычие меньшинств должно рассматриваться наравне с приобретенным многоязычием большинства [Лааксо 2014, с. 17].

В-третьих, многоязычие предполагает выбор какого-либо языка для межэтнической и межнациональной коммуникации. Особенность шведской языковой ситуации заключается в том, что в пределах страны языком межэтнической коммуникации, по определению, является язык большинства – шведский, преобладающий в общественной сфере (предпринимательстве, образовании, политике и управлении, в учреждениях культуры и религии).

Что касается английского языка, он не только используется в транснациональной коммуникации, но и проникает в интранациональную коммуникацию. Среди европейских исследователей сложилось представление о том, что многие государственные языки в современной Европе находятся в опасности, которая угрожает также многим языкам национальных меньшинств, поскольку, например, в Швеции английский язык используется в таких областях, как наука, технологии, предпринимательство чаще, чем немецкий, французский или шведский, поэтому национальная языковая политика призвана найти способы сохранения разумного, сбалансированного и устойчивого многоязычия [Лааксо 2014, с. 18].

Надо отметить, что именно вступление в Евросоюз и ратификация Европейской хартии послужили той вехой, с которой началась разработка национальной языковой политики. Первым значительным шагом была публикация в 1998 г. «Предложений по программе действий для продвижения шведского языка» (*Proposals for action programs to promote the Swedish language*) [Förslag 1998], открывшая десятилетие, в течение которого было выработано шведское языковое законодательство.

В соответствии с Европейской хартией были официально признаны языки пяти этнических меньшинств: 1) саамский, финский, мянкиели (финский диалект северной Швеции) как «территориальные» языки

автохтонных меньшинств, и 2) идиш и романи как «нетерриториальные» [Regeringskansliet 2001], поскольку как первые, так и вторые характеризуются «историческим присутствием на территории Швеции» [Norrby 2010, p. 65].

Парламентский Комитет по шведскому языку (*Kommittén för Svenska Språket*), представляющий все политические партии, подготовил проект «Цели в языке: предложения программы действий для шведского языка» (*Mål i mun: förslag till handlingsprogram för svenska språket*), в котором были разработаны мероприятия по укреплению статуса национального языка и обеспечению равных возможностей его усвоения для всех граждан страны.

В проекте декларировалась необходимость защиты статуса шведского как одного из официальных языков Евросоюза. В частности, отмечалось, что языком преподавания и экзаменов в школе и университете должен быть шведский язык, и его знание должно быть обязательным как для преподавателей, так и для студентов. Диссертации, написанные на каком-либо другом языке, должны сопровождаться подробным описанием на шведском [Mål i Mun 2002].

В преамбуле к проекту также подчеркивалось, что АЯ завоевал постоянно усиливающуюся позицию как международный язык, и поэтому он становится все более важным языком в Швеции, которая превратилась в многоязычную страну вследствие не только иммиграции, но и присвоения официального статуса пяти языкам национальных меньшинств: саамскому, финскому, мянскиели, идишу и романи [Mål i Mun 2002, p. 1]. Проект выделил три основных тезиса: 1) шведский должен быть полным языком, объединяющим все общество; 2) в использовании официальных органов и общественных структур он должен быть нормализованным и правильным; 3) каждый член общества должен иметь право пользоваться языком: шведским, родным (для национальных меньшинств) и иностранным [Mål i Mun 2002, p. 2].

Первые два тезиса, по сути дела, имплицитно отражали беспокойство общественно-политических и научных кругов по поводу того, что в течение последних десятилетий английский язык составил конкуренцию шведскому в его традиционной функции общенационального языка – в бизнесе, системе образования, средствах массовой информации. Более того, в связи с недостаточным знанием АЯ возникает угроза демократическим ценностям, которые не могут быть сформулированы достаточно полно и правильно [Norrby 2010, p. 67-68].

Третий тезис отвечал пропагандируемой Евросоюзом политике многоязычия, и в дополнение к нему в разделе «Многоязычная Швеция» подчеркивалось, что современные языки должны получить более прочную позицию в системе образования [Mål i Mun 2002, p. 5], а центральное правительство должно обеспечивать доступ к изучению иностранных языков всех членов общества независимо от социального положения [Mål i Mun 2002, p. 8].

Проект *Mål i Mun* не содержал каких-либо принципиально новых положений, поскольку *de facto* шведский был символом национальной идентичности и общепризнанным языком коммуникации всех граждан страны, использовался всеми государственными и общественными институтами – был «главным языком». Термин «главный язык» (англ. *the principal language*, шв. *huvudspråk*) был введен в оборот в 1990-х гг. [Svenska språknämnden 1998] и стал предпочтительно использоваться в официальных документах в значении «национальный язык» или «государственный язык», поскольку подразумевалось, во-первых, его центральное положение в стране и, во-вторых, присутствие других языков, имеющих периферийный статус.

Исходя из положений проекта *Mål i Mun*, в 2005 г. шведское правительство внесло на обсуждение парламента предложения по проведению языковой политики [Bästa språket 2005]. Эти предложения вызвали новую волну дебатов, инициированную общественным движением

Språkförsvare – «Защита языка», организатором которого был преподаватель шведского языка А.-П. Линдблом, считавший, что правительство оставляет без внимания основной вопрос, волнующий многих политиков и лингвистов – распространение английского языка в интранациональной коммуникации.

О том, насколько злободневным был этот вопрос, можно судить по следующей выдержке из статьи А.-П. Линдблома «*Nog!*» – «Достаточно!» в стокгольмской газете «Афтонбладет»: «Шведский, на самом деле, является официальным языком в Швеции. Ситуация абсурдная: есть пять официальных языков меньшинств в Швеции, но нет официального языка большинства. Нежелание принять, не говоря уже о том, чтобы законодательно утвердить положение о том, что шведский язык должен быть официальным языком Швеции, связано с тем, что правительство не осознает, что главную угрозу выживанию шведского представляет английский язык ... Нам нужен закон о языке, который поддержит наш лучший язык в Швеции, подведет черту и больше не позволит его вытеснять!» [Lindblom 2005].

Опасения по поводу угрозы со стороны английского языка были вызваны тем, например, что он часто использовался вместо шведского в органах Евросоюза; многие школы стали вводить его в качестве языка преподавания; сократилось обучение другим европейским и, в частности, скандинавским языкам; увеличилось использование англицизмов в рекламе, спорте, на вебсайтах. «Англификация» стала восприниматься как угроза не только общественным институтам, но и шведской национальной идентичности [Bolton K., Meierkord 2013, p. 2].

На основе всех ранее опубликованных документов был разработан текст языкового закона [Värna språken 2008]. В 2009 г., после десятилетней подготовки, был принят первый в истории Швеции Закон о языке [Språklag 2009], объявлявший шведский язык официальным языком страны.

Шведский Закон о языке раскрывает «позицию и использование шведского языка и других языков в шведском обществе и ставит своей

целью защиту шведского языка, обеспечение языкового разнообразия и доступа каждого человека к языку» [Språklag 2009, Sektion 2]. В качестве главного языка шведский язык является общим для всех жителей страны, официальным и обязательным к использованию в судах и административных органах, во всех государственных и общественных институтах и в международных контекстах. Каждый житель Швеции имеет возможность изучать, развивать и использовать шведский язык [Språklag 2009, Sektioner 4–6, 10, 13].

Нет сомнения в том, что подавляющее большинство населения говорило на шведском и до принятия Закона о языке, а он всего лишь констатирует общеизвестные факты. Действительно, Закон можно интерпретировать как символический акт, направленный на сохранение статуса государственного языка в условиях, когда он может подвергаться факторам внешнего воздействия.

Один из этих факторов заключается в том, что за последние 3–5 лет Швеция подвергается невиданному наплыву беженцев из Сирии, Ирака, Сомали и Афганистана, число которых уже превысило количество всех ранее поселившихся в стране иммигрантов. Так, например, в течение 2015 г. шведская миграционная служба ежемесячно выдавала беженцам от 1000 до 3000 разрешений на постоянное жительство. Шведская программа аккультурации и ассимиляции новых жителей страны намного шире, чем Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, которая была принята, когда Евросоюз не мог предвидеть масштабов современной миграции. Программа предусматривает обучение представителей различных этносов и культур как шведскому языку, так и их национальным языкам, чтобы они могли осуществить свое право на сохранение родного языка и культуры страны исхода [Brankovic 2016].

В связи с тем, что сегодня более миллиона жителей Швеции – это люди иностранного происхождения, говорящие на 150–200 языках, и многие из них недостаточно владеют шведским, уже после принятия Закона

о языке возникло новое направление языковой политики – обеспечение доступности информации, публикуемой государственными и муниципальными органами и общественными институтами. Чтобы помочь в коммуникации с многоязычным иммигрантским сообществом, Языковой совет разработал в 2011 г. «Руководство по мультилингвальной информации» – *Vägledningen för flerspråkig information*, где изложены принципы перевода на отдельные языки в режиме онлайн и использования упрощенного варианта шведского языка, за который ратуют сторонники «Движения за простой язык» – *Rörelsen för vanligt språk*.

Основная цель этого направления языковой политики – учет языковых прав и потребностей иммигрантов, для которых шведский является вторым или третьим языком, в общении с такими правительственными институтами, как Служба трудоустройства – *Arbetsförmedlingen*, Агенство социального страхования – *Försäkringskassan* и Налоговое управление – *Skatteverket* [Domeij 2016, p. 62].

Очевидно, что это направление языковой политики не имеет общенационального значения, поскольку предназначено для представителей периферийного сектора шведского общества. По мнению К. Норрби, в Законе о языке не говорится о том, что внешнее воздействие на шведский язык фактически исходит не от языков новых иммигрантов, составляющих незначительную часть населения страны, а от расширения «присутствия» английского языка [Norrby 2014, p. 24].

Именно за отсутствие законодательных мер, ограничивающих влияние английского языка, упомянутое выше движение «Защита языка» продолжало критиковать Закон о языке после его принятия. В многочисленных выступлениях и интервью лидер движения А.-П. Линдблом заявлял, что английский язык имеет неограниченные возможности для вытеснения шведского языка из сферы науки и университетского образования. Это приводит к потере доменов в отдельных отраслях знания, и на карту поставлена не только судьба языка, но и

культурно-исторические ценности народа. По словам А.-П. Линдблома, как частное лицо он может использовать или не использовать английский язык по своему выбору, но Закон не должен позволять, чтобы шведский язык заменялся английским в Министерстве иностранных дел и в Нобелевском Комитете, в компаниях *Ericsson* и *TeliaSonera* [The Threat 2010].

Однако же, как выразился шведский лингвист Л. Салё, государство говорит многими голосами – ... *the state speaks with many voices* [Salö 2016, p. 17]. Примечательно, что к 2009 г., когда был законодательно декларирован статус шведского как государственного языка, министерство образования уже разработало и правительство приняло стратегию интернационализации университетского образования и науки, внедрения параллельного обучения в университетах, повышения конкурентоспособности научных исследований на международном рынке, где национальный язык не играет никакой значительной роли [Resurser för kvalitet 2007, s. 418; Widmalm 2013, p. 40].

В процессе осуществления этой стратегии «английский как транскультурный язык политики и практики интернационализации» [Hult 2012, p. 230] естественно становится ее основным инструментом, и вопрос баланса сил между шведским и английским языками в области науки и образования предстает как конфликт интересов сторонников интернационализации, с одной стороны, и защитников традиционных ценностей родного языка, с другой [Sabau 2011, p. 38].

Современная Швеция – это часть мультикультурной Европы, где политика, бизнес, образование, рынок труда и частная жизнь людей существуют в условиях языкового и культурного разнообразия, а компьютерные технологии дают неограниченный доступ к информации. В европейском контексте Швеция создает оригинальную «шведскую языковую модель» [Sundberg 2013, p. 205], в которой права на главный язык и языки пяти официально признанных национальных меньшинств гарантируются законом, а для иммигрантов государство предлагает

упрощенный язык в административной практике, обучает шведскому как второму языку, дает возможность преподавания на этнических языках в школе.

В Швеции, как и во многих других странах Европы, официальная языковая политика связана с преобладающими в обществе представлениями языковой идеологии, на полюсах которой – языковой национализм и языковой плюрализм. Такие сторонники языкового национализма, как А.-П. Линдблом, видят в многообразии языков национальных меньшинств и языков иммигрантов временную проблему, которая может быть решена путем ассимиляции и усвоения этими секторами населения шведского языка в течение 2-3 поколений.

Сторонники языкового плюрализма, защищающие равноправие языков национальных меньшинств независимо от количества их носителей, отвергают их ассимиляцию и выступают за сохранение мультилингвизма. Что касается иммигрантов, до недавнего времени поддержка их лингвокультурной идентичности воспринималась как предварительный этап, ведущий к их интеграции в будущем. Иначе говоря, в мультиязычном и мультикультурном шведском обществе сохранение языков национальных меньшинств – обязанность государства, а сохранение языков иммигрантов обязанностью государства не является, хотя оно готово им помочь на условиях их постепенной интеграции.

Надо отметить, что в конце 2000-х – начале 2010-х гг. произошел сдвиг целей и принципов шведской языковой политики: от языковой политики на общенациональном уровне, в форме законодательных актов и правительственных документов, регулирующих соотношение языков в масштабах всей страны, к более широкому ее пониманию как совокупности существующих в обществе видов языковой идеологии и языковой практики, групповых норм языкового поведения. Их можно регулировать и на них можно влиять не только на административном, но и на общественном, институциональном, региональном, локальном и межличностном уровнях.

В 1998 г. М. Вингстедт в своей докторской диссертации характеризовала Швецию как монолингвальное, культурно-гомогенное сообщество, которое руководствуется языковой идеологией монолингвизма, ориентированной на большинство населения – «*majority-centred monolingualist ideology*» [Wingstedt 1998, p. 343]. За 20–25 лет Швеция превратилась в мультилингвальное и мультикультурное сообщество, в социолингвистическом ландшафте которого наряду с традиционной национальной языковой идеологией представлена языковая идеология интернационализации, инструментом которой служит английский язык [Sundberg 2013, p. 206].

4.2. Статус английского языка в Швеции

Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство шведов владеет английским языком: он преподается не только в школах с первого класса, но и в дошкольных учреждениях, используется как лингва франка в общении с иностранцами, наряду со шведским стал языком коммерции, транспорта, рекламы, телевидения и т.д.

В 2001 г. Б. Меландер писал, что английский язык в Швеции распространяется повсюду: «в масс медиа, попкультуре, индустрии развлечений, в мире бизнеса, университетском образовании и научных исследованиях» [Melander 2001, p. 13].

Шведские социолингвисты выделяют пять областей присутствия английского языка: 1) английский, преподаваемый как иностранный язык в системе образования; 2) английский как идентифицирующий инструмент коммуникации для отдельных групп населения, в том числе и «внешкольный английский» учащихся; 3) английский как лингва франка транснациональной коммуникации шведов с иностранцами; 4) английский,

преимущественно используемый в отдельных доменах; 5) английский как элемент лингвистического пейзажа страны [Norrby 2014, p. 17].

Владение английским языком рассматривается как ценностный фактор в системе образования и в обществе, в целом [Hyltenstam 2004, s. 51-52]. Наряду со шведским языком и математикой он является обязательным предметом в школе – от первого класса, когда в шесть лет дети начинают учебу, до последнего, и в международном тестировании шведские учащиеся показывают самые высокие результаты [Educational Results 2008; Hyltenstam 2004, s. 53; Internationella språkstudien 2011; Statistik 2014]. В отдельных школах практикуется преподавание всех или части предметов на английском языке, а в университетах широко используется англоязычная учебная литература в программах не только на английском, но и на шведском языке [Melander 2010, s. 11].

Проживший в стране более 40 лет англичанин Д.Р., преподаватель факультета переподготовки учителей английского языка в одном из университетов южной Швеции, следующим образом характеризует факторы, обеспечивающие «сверху» высокий национальный уровень владения английским языком:

1. Преподавание АЯ как одного из основных предметов (*one of the core subjects*) начинается с первого класса, и учителя начальной школы должны пройти подготовку по английскому языку, как минимум, в течение двух семестров, чтобы получить знания как языка, так и методики преподавания.

2. Если до недавнего времени требование к АЯ для многих ограничивалось возможностью сказать *hello*, то сегодня шведские компании принимают английский в качестве рабочего языка, поэтому их сотрудникам приходится овладевать не только устным, но и письменным английским языком.

3. С 2011 г. правительство ввело **Общеввропейские компетенции владения иностранным языком** (*Common European Framework of*

Reference, CEFR) – систему уровней владения иностранным языком, используемую в Европейском Союзе, и стандарты установлены для каждого уровня школьного и университетского образования, для государственных и муниципальных служащих высшего и среднего звена.

4. Правительство и муниципальные органы власти ведут энергичную политику внедрения английского языка «сверху». Требования к владению английским языком в Швеции более высоки, чем во многих других европейских странах, и предусматривают возможность преподавания любой учебной программы на английском языке. Единственная группа участников этого процесса, для которых такой переход может представлять трудность – это учителя, и их необходимо готовить [Richardson 2015].

Последнее утверждение является иллюстрацией к парадоксальной ситуации, когда учителя, большинство которых родилось до эпохи цифровых технологий, т.е. они «цифровые иммигранты», *Digital Immigrants*, должны обучать английскому языку молодых людей «цифрового поколения», *Digital Natives* [Prensky 2001a, 2001b]. Поколение *Digital Natives* выросло рядом с мобильными телефонами, планшетами и смартфонами, активно общается в социальных сетях и находит в интернете любую информацию.

Английский – это язык их интернационального цифрового сообщества. Он приходит «снизу» в значительно больших масштабах, чем «сверху». Многие преподаватели считают, что подростки приобретают высокий уровень владения АЯ не благодаря, а вопреки школьному обучению: «*All kids speak English, children learn more English outside school than they do in school these days*» [Sundqvist 2009, p. 1; Olsson 2011, p. 4; Olsson, Sylvén 2015, p. 78]. Дети встречаются с английским языком еще в дошкольном возрасте: в англоязычных телепрограммах и фильмах, которые не дублируются, а снабжаются титрами, в компьютерных играх и интернет сайтах.

В диссертации 2009 г. П. Сундквист ввела термин *Extramural English* (EE), который мы переведем как «внеурочный английский». Этим термином она определила языковую деятельность, которой учащиеся занимаются вне школы в свое свободное время (*EE was defined as linguistic activities that learners engage in outside the classroom in their spare time*) [Sundqvist 2009, p. i]. Во Введении к диссертации П. Сундквист приводит три примера внешкольного английского из своей педагогической практики: один ученик отлично говорил по-английски с шотландским акцентом, поскольку его любимым актером был шотландец Шон Коннери все фильмы с которым он смотрел много раз. Другой подросток читал вслух тексты по-английски, соблюдая все стандартные правила произношения, поскольку он увлекался программой «*Word of the Day*» на сайте *www.dictionary.com*. Третий ежедневно занимался видеоиграми с носителями языка по интернету [Sundqvist 2009, p. 1].

Для молодых шведов начала XXI в., коренных жителей цифрового сообщества, родившихся в эпоху интернета и компьютера, «внеурочный английский» стал привычным инструментом коммуникации. Англоязычные фильмы и телепрограммы со шведскими субтитрами, два традиционных источника аутентичного английского языка, стали доступны в интернете. Рекламные коммерческие клипы, наполненные английскими выражениями, разного рода обучающие курсы онлайн, общение в социальных сетях, 85 шведских радиостанций, транслирующих в интернете англоязычные песни, видеоигры – все это создает мотивацию и развивает индивидуальные стратегии для усвоения английского языка с самого юного возраста [Sundqvist, Sylvén 2014, p. 4].

Шведский совет по средствам массовой информации (The Swedish Media Council) сообщил, что доступ в интернет имеют 38% юных шведов в возрасте до 8 лет, 86% – в возрасте 9–12 лет, 95 % – в возрасте 13–18 лет. 74% подростков пользуются личным компьютером, и 62% проводят в интернете более трех часов ежедневно. За последние годы значительно

сократилось время, затрачиваемое на просмотр телепрограмм: предпочтение интернету отдают 29% подростков, телепрограммам – 21%, компьютерным играм – 18%, не заявили о предпочтениях 32%, но все эти виды деятельности осуществляются на английском языке [Småungar och medier 2015; Ungar 2015].

Э. Олссон утверждает, что эксплицитное или имплицитное участие подростков в англоязычных онлайн-сообществах по интересам сделало использование этого языка их идентифицирующим признаком, частью их социальной жизни, которая проходит в самых разных контекстах – как в школе, так и за ее пределами [Olsson, Sylvén 2015, p. 79]. Английский не воспринимается ими как иностранный язык, подобно немецкому, французскому или испанскому, а это свидетельствует о том, что он стал вторым после шведского языком коммуникации, по крайней мере, для этой части населения страны [Olsson 2011, p. 4].

Представление рядовых шведов о том, почему их дети хорошо владеют английским языком, сформулировал Д.Л., попутчик автора в поезде Гетеборг – Стокгольм: *«...kids start learning English in school as young as six or seven, and after five years learning a language as a kid you gonna be quite good at it, especially when video games are in English and movies are with subtitles rather than dubbed. If you don't speak fairly good English as a teenager in Sweden, you'd be considered odd... it would be uncommon»*.

Фактически, к «цифровому поколению» принадлежат все шведы в возрасте до 30-35 лет, т.е. более 1/3 всего населения. Английский язык – это их лингва франка не только в общеевропейской, но и в общескандинавской коммуникации, поскольку им, в отличие от их родителей, привычнее общаться по-английски с датчанами и норвежцами, не говоря уже о финнах [Delsing, Lundin Åkesson 2005].

АЯ используется в общении с иностранцами как в транснациональной, так и в интранациональной коммуникации. Иностранцы, которым приходится общаться со шведами, высоко оценивают их уровень владения

английским языком. Ниже приводятся несколько отрывков из интервью, в которых респонденты высказывали свое мнение по этому вопросу (см. Приложение 4.2):

К.С., студентка из Великобритании: Все шведы, которых я встречала, прекрасно говорят по-английски (*Every Swede I have ever met has had excellent English*).

Д.Х., студент из Ирландии: Большинство говорят на очень хорошем английском языке, и, если видят, что вы не швед, сразу переключаются на английский (*The majority speak very good English and will switch in midsentence once they realise you are not Swedish*).

К.Б., студентка из Великобритании: Все шведы говорят по-английски и говорят хорошо (*All Swedes speak English. And they speak it well*).

С.У., писатель и блогер из Канады: Я посещал Швецию, по меньшей мере, с десятков раз и вел семинары для пользователей, где собирались до 250 участников. Все, кого я встречал, говорили на прекрасном английском языке (*I have visited Sweden at least a dozen times, and hosted many user group meetings with up to 250 participants. Everyone I met spoke excellent English*).

Д.Р., предприниматель из США: Неприятно это признавать, но шведы часто говорят по-английски лучше, чем американцы (*Humiliating as it is to admit, Swedes often speak better English than Americans*).

Иностранные студенты и специалисты, проживающие в Швеции длительное время или постоянно, присоединяются к оценке носителей английского языка (высказывания приводятся без изменений):

Г.Дж., студентка из Китая: Я приехала в Швецию прошлым летом. Большинство местных людей говорят по-английски довольно хорошо (*I went to Sweden last summer. Most local people there speak English quite well*).

П.Ш., студент из Чехии: Многие молодые люди лет 20 и старше говорят по-английски. Они довольно хороши в этом, если сравнивать с жителями других европейских стран (*Many young people in their 20s do speak English. They are pretty good compare to other European countries*).

Р.Ш., иммигрант из Индии, менеджер и блогер: Любой швед понимает и свободно говорит по-английски (*Every single one of them understand and speak fluent English*).

Г.П., иммигрантка из Индии, работает в шведском филиале аэрокосмической компании Airbus Defence & Space: Они говорят на почти совершенном английском языке с прекрасным синусоидальным акцентом, которому трудно подражать, если вы не говорите по-шведски... Я не встречала взрослого шведа, который бы не мог говорить по-английски (*They speak almost perfect English with a beautiful sinusoidal accent that is difficult to imitate if you don't speak Swedish... I hardly ever encountered an adult Swede who couldn't converse in English*).

М.К., программист из Индии отметил, что, в отличие от этнических шведов, многие иммигранты из стран Азии и Африки почти не говорят по-английски: Этнические шведы могут говорить на хорошем английском языке... Я встречал многих в Швеции, также и в Стокгольме, кто почти не говорит по-английски. В основном, это беженцы и другие иммигранты. Работники больниц, гастрономов, водители автобусов, уборщики, и т.д. – это иммигранты из Ирака, Ирана, Сомали, Эритреи, Китая, Таиланда, Сирии, Польши, Боснии и других стран, кто не знает английского (*I have met many people in Sweden also in Stockholm who hardly speak English. Mainly they are the asylum seekers and other immigrants. You can find them in hospitals, grocery stores, as bus drivers, cleaners, etc. Immigrants from Iraq, Iran, Somalia, Eritrea, China, Thailand, Syria, Poland, Bosnia and other countries who do not know English*).

Шведы знают, что в рейтинге национальных уровней владения английским языком их страна находится на одном из первых мест, как свидетельствует инженер-программист К.-А.Л.:

К.-А.Л., швед, разрабатывает блоки памяти в компании DELL EMC: Известно, что шведы показывают один из самых высоких в мире уровней владения английским языком, вместе с датчанами и голландцами. Все это

благодаря относительно небольшому населению, высокому ВВП и хорошей системе образования (*Swedes in general are well known as having one of the world's strongest English proficiency scores together with Danes and the Dutch. Relatively small populations, high GDP and good school systems all contribute to this*).

Однако же многие шведы понимают, что высокая оценка их уровня владения английским языком далеко не всегда соответствует действительности:

Д.Л., швед, консультант в компании Zenterio Services: Мы стараемся. Я думаю, мы, наверное, лучше в английском, чем многие иностранцы могут предположить, но мы хуже (в английском), чем мы сами о себе думаем (*We do our best. I think we're probably better at English than most foreigners expect, but quite a bit worse than we ourselves believe we are*).

Среди причин, объясняющих различия в уровне владения английским языком, респонденты указывают не только этническое происхождение, но и принадлежность к старшей возрастной категории:

Т.С., шведка, живет в г. Смаланд, Швеция: Меня удивляет, что многие считают, что шведы говорят по-английски лучше, чем американцы. Когда говоришь с пожилыми людьми, их языковые навыки не такие хорошие. Моей маме скоро 70, и она говорит (по-английски), но медленно, и ее можно понять (*I am really amazed that so many say that Swedes speak better than Americans. When you talk to older people the language skills are not so great. My mom is soon to be 70 and she speaks, but slow and she can make herself understandable*).

Многие иностранцы, проживающие в Швеции и изучающие шведский язык, сталкиваются с тем, что им сложно практиковаться в языке, поскольку местные жители сразу переходят на английский, распознав иностранца. Например, американка Дж.А. утверждает, что хорошо знает шведский язык, и ее раздражает, когда собеседники переключаются на английский, услышав ее акцент (*This happens very often at least in Stockholm. I speak Swedish pretty*

good, but you can tell I'm not a native. After my first answer in Swedish they switch to English. Very annoying!)

Голландец У.Б. понимает, что АЯ шведов, возможно, лучше, чем его шведский. Поэтому он предпочитает делать вид, что не знает английского и продолжает говорить по-шведски (*...their English is possibly better than your Swedish... they, like you, want to practice their foreign language skills... I've always wanted to try pretending I don't speak English if someone thinks they've detected my accent*).

Приведенные выше высказывания передают общепринятые представления рядовых шведов, иностранцев, посещавших страну, и иммигрантов об английском языке в Швеции, и служат иллюстрацией того, что его статус выходит далеко за пределы статуса иностранного языка.

Швеция не только вошла в первую пятерку стран с самым высоким национальным уровнем владения английским языком по рейтингу компании EF EPI, но и занимала первое место в 2012, 2013 и 2015 гг. См. Таблицу 4-1.

Таблица 4-1.

Пять стран с наиболее высоким национальным уровнем владения английским языком в 2011-2016 гг. по рейтингу *EF English Proficiency Index* [EF English proficiency index (ef epi) 2011–2016].

2011	2012	2013	2014	2015	2016
Норвегия	Швеция	Швеция	Дания	Швеция	Нидерланды
Нидерланды	Дания	Нидерланды	Нидерланды	Нидерланды	Дания
Дания	Нидерланды	Эстония	Швеция	Дания	Швеция
Швеция	Финляндия	Дания	Финляндия	Норвегия	Норвегия
Финляндия	Норвегия	Австрия	Норвегия	Финляндия	Финляндия

Благодаря высокому национальному уровню владения АЯ Швеция входит в число тех непостколониальных стран, где английский фактически имеет статус второго языка и широко используется даже в тех контекстах интранациональной коммуникации, где присутствие иностранцев не является определяющим условием, завоевывая такие высоко-статусные

домены, как университетское образование, коммерция и индустрия. Так, например, на англоязычном сайте Шведского языкового совета утверждается, что английский успешно конкурирует со шведским: «*English has started to compete with Swedish in a growing number of fields in Swedish society – in large, international companies, in the educational system and in the media industry. This poses a threat to democratic values as many Swedes have insufficient knowledge of English*» (Английский начал конкурировать со шведским языком во все большем числе областей в шведском обществе – в крупных международных компаниях, в образовательной системе и в медиаиндустрии. Это создает угрозу демократическим ценностям, так как многие шведы недостаточно владеют английским языком) [Språkrådet 2017].

Проблема статуса английского по отношению к шведскому языку стала активно обсуждаться еще в 1990-х гг. в связи с вступлением Швеции в Евросоюз, где декларируемая политика языкового разнообразия сталкивалась с реальным функционированием английского как лингва франка транснациональной коммуникации.

У. Телеман (1992), М. Вестман (1996), К. Хюльтенстам (1999), С. Бойд (1999), Б. Меландер (2001), Ф. Хульт (2003) и другие исследователи утверждали, что шведский и английский языки находятся в асимметричных отношениях диглоссии, которая может привести к тому, что последний «будет символизировать элитную евроидентичность, тогда как шведскому останется низкий статус частного языка» [Teleman 1992, p. 7].

М. Вестман писала, что позиция шведского как официального языка страны может ослабеть или вообще будет утрачена, если допустят, чтобы английский вытеснил его из ряда доменов [Westman 1996, p. 187]. По мнению К. Хюльтенстама, международный статус английского языка в Евросоюзе – это потенциальная угроза шведскому как языку официальной коммуникации, и на его долю достанутся только неофициальные домены [Hultenstam 1999, p.205-206].

К. Хюльтенстаму возражает С. Бойд, которая считает, что расширение использования английского языка в таких доменах, как образование, политика и попкультура, не обязательно представляет угрозу для шведского языка, поскольку в языковом пространстве Швеции есть место для обоих языков: «За пределами Швеции английский язык – это основной инструмент для устной и письменной коммуникации шведов в интернете, на радио и телевидении, и в этом заключается его большая ценность для всего населения страны... Что касается шведского языка, лояльность шведов гарантирует ему безопасное будущее, по меньшей мере, в течение следующих ста лет» [Boyd 1999, p. 246].

Б. Меландер полагает, что, с одной стороны, не следует игнорировать определенное ослабление позиции шведского языка, которое может привести к социальному неравенству, поскольку, если более высокий уровень владения английским языком будет фактором, способствующим более высокому социальному положению, шведский язык потеряет престиж в обществе. С другой стороны, необходимо «обеспечить шведскому языку использование в наиболее возможном количестве доменов, даже если допустить, что процесс потери доменов не будет расширяться» [Melander 2001, p. 28].

Подобно Б. Меландеру, Ф. Хульт также интерпретирует риск потери доменов как своего рода предупреждение о гипотетической возможности возникновения диглоссной ситуации, но считает, что представление о шведском как о единственном языке страны не имеет смысла (*championing Swedish as the one and only language of the Swedish nation is both pointless and futile*). Хотя некоторые исследователи проявляют беспокойство по поводу взаимоотношений шведского и английского языков, добиваться следует не сохранения одного только шведского языка, а создания условий для сбалансированного мультилингвизма [Hult 2003, p. 45].

Наиболее взвешенную и реалистичную позицию выразила Б.-Л. Гуннарссон, которая настаивала, что шведам не следует бояться англо-

американского влияния на шведский язык, поскольку оградить его от внешнего воздействия невозможно и нежелательно. Необходимо выработать такую языковую политику, которая позволит адаптировать все изменения к шведскому контексту [Gunnarsson 2001, p. 65]. Усилиями шведских лингвистов в 2009 г. был принят Закон о языке, закрепивший главенствующее положение шведского языка, и дискуссия об утрате доменов постепенно перешла в область поиска практических решений, главным образом, в сфере высшего образования.

На наш взгляд, следует отойти от общего представления о вытеснении шведского языка английским и, руководствуясь функционально-прагматическим критерием, выделить два аспекта его присутствия. Во-первых, это активное воздействие на шведский язык путем проникновения англицизмов, расширяющих лингвокультурное пространство шведского языка и пополняющих арсенал элементов шведского языкового ландшафта. Во-вторых, это использование английского как основного инструмента транснациональной коммуникации в тех ситуациях, когда могут быть задействованы реальные или потенциальные иностранные участники в стране или за границей, и как дополнительного инструмента бытовой интранациональной коммуникации.

Лингвокультурное влияние глобального английского языка реализуется путем проникновения англицизмов, расширяющих лингвокультурное пространство шведского языка и пополняющих арсенал элементов шведского языкового ландшафта. Этот процесс в большей или меньшей степени имеет место во всех странах Европы [Ferguson 2007; Filipovic 2000; Fischer, Pułaczewska 2008; Furiassi, Gottlieb 2015; Görlach 2001; Gottlieb 2012; Onysko 2007; Pratt 1986]. Для Швеции он не является принципиально новым: в истории шведского языка уже происходило массовое проникновение иноязычных элементов – из немецкого и французского языков, хотя и в значительно меньшем масштабе.

Англицизмы являются неотъемлемыми составляющими шведского языкового ландшафта, который подвергается интенсивной лингвокультурной интерференции английского языка, прежде всего, в области лексики.

Так, например, в центре небольшого города Хальмстад на торговой улице Лахольмсваген встречаются англоязычные вывески разного рода небольших заведений: «*Fashion Butik*», «*Rising Sun Solarium*», «*The Levi's Store: sale up to 50% off now on*», «*Electric bikes repairs*», «*The Scandinavian Hip Hop Foundation. You are **välkommen** to drop in*», «*Exotic Body Piercing*», и т.п.

В Стокгольме, в супермаркете ICA, встретились продукты с английским названием, например: «*Cris'n wheat*», «*French herbs*», «*Fiber Balance*», и описанием на упаковке по-шведски; продукты со смешанным названием, например: «*Kanel fikasticks*» – «*Cinnamon snack sticks*», «*Raw Food Kex*» – «*Raw Food Biscuits*»; продукты со шведским названием и объяснением по-английски, например: «*Flytande tvål moisturizing blåbär (Liquid soap moisturizing blueberry)*, «*Handtvål aqua fresh*» (*Hand soap aqua fresh*), «*Smultrondröm*» (*Wild strawberry dream – moisturising soap with nectar extract*).

Интересно отметить, что торговые марки могут использовать различные комбинации языков. Например, торговая марка *Family Fresh* дает название продукта и описание по-английски: «*Spring rain*» – *Revitalising shower cream with stimulating birch extract. Produced in Scandinavia since 1970*; «*Aloe care*» – *Soothing shower and shampoo with calming Aloe Vera and vitamin C. Produced in Scandinavia since 1970*.

Торговая марка *Bliw* дает название продукта по-шведски и описание по-английски, например: «*Björnbär*» – *Moisturising soap with nectar extract*; «*Skogsviol*» – *Moisturising soap with nectar extract*.

Как сказал посетитель супермаркета М.Б.: «*Sure, there is an extensive use of English words in marketing and trademarks... Packaging is fairly often*

bilingual» (Конечно, в маркетинге и товарных знаках широко используются английские слова ... Упаковка довольно часто двуязычная).

На щите рядом со входом в супермаркет *ICA* размещена реклама интернет сайта *Yelp: ICA Supermarket in Stockholm, reviews by real people. Yelp is a fun and easy way to find, recommend and talk about what's great and not so great in Stockholm.*

Повсеместное использование англицизмов в шведских супермаркетах нельзя объяснить присутствием большого числа иностранных туристов, поскольку сеть *ICA* имеет отделения и в тех районах страны, где туристов практически не бывает. Нельзя объяснить их использование и стремлением создать эмоциональную мотивацию, подобно той, которой руководствуются молодые люди, использующие переключение кодов для идентификации своей принадлежности к социальной группе или субкультуре. Языковая политика шведских торговых сетей руководствуется представлением о том, что, во-первых, посетители достаточно хорошо владеют английским языком, и, во-вторых, англицизмы символизируют принадлежность к европейскому сообществу [Norrby 2014, p. 29].

Большое количество англицизмов – слов, словосочетаний, высказываний, используются как элементы переключения кодов (*Code Switching*) или смешения языков (*Language Mixing*), создавая эффект гибридизации. Гибридизация, в трактовке Х. Шарп, – это смешение языков как асимметричный и однонаправленный феномен, поскольку трансференция идет из английского в шведский, по правилам которого строится семантико-синтаксическая структура дискурса. Английские конститuentы дискурса – это слова, цепочки слов и реже – целые предложения [Sharp 2007, p. 3].

Английские слова и словосочетания постоянно слышатся в шведской речи самых разных людей [Norrby 2014, p. 17]. Вот ставший хрестоматийным пример, который обошел все средства массовой информации Швеции в конце февраля 2012 г. Выступая на пресс-

конференции, посвященной рождению дочери, наследный принц Даниэль объяснил свои чувства следующим образом: *Mina känslor är lite all over the place. När jag gick från rummet så låg den lilla prinsessan på sin moders bröst och såg ut att ha det väldigt mysigt (My feelings are a bit all over the place. When I left the room the little princess was lying on her mother's breast and seemed to be very cosy)* [Prins Daniels 2012].

Проезжая всю страну с запада на восток, из Хальмстада в Уппсалу, мы записали услышанные в шведской речи такие слова и выражения, как, например: *yes/yeah* и *no/nah, Sure!, Go-go!, Not on my life!, Good idea!, Hilarious!, Live and kicking!, Get going!, Hang on!, Skip!, That's a boy/a girl!, You are kidding!, You don't say it!, I don't know, It doesn't fit!, I quit!, Let that be enough!, Good luck!* В речи подростков звучали бранные слова и выражения: *shit, shitty, bullshit, fuck, fucking, Move your ass!, You have balls!*

Весьма редко встречались случаи включения в шведскую речь целых предложений. Следующий пример взят из записи разговора двух пожилых дам на вокзале: *Min dotter vill komma tillbaka till Sverige men hennes man vill inte låta lämna USA (My daughter wants to come back to Sweden but her husband does not want to leave the United States). People in the US are good at making money – People in Sweden are good at living life. Ja du har helt rätt (Yes, you are absolutely right).*

Наряду с включением англицизмов в шведскую речь английский используется как второй язык, инструмент коммуникации, в двух ипостасях:

1) В качестве основного инструмента коммуникации он используется в транснациональном и транскультурном устном и письменном общении в тех ситуациях, когда могут быть задействованы реальные или потенциальные иностранные участники в стране или за границей. Это коммуникация (организуемая «сверху») в двух специальных доменах, где требуется достаточно высокая профессиональная подготовка и специализированный уровень владения языком, – в домене науки и

образования (*lingua academica*) и в домене интернационального бизнеса (*lingua corporativa*). Эти два домена непосредственно входят в открытое европейское и глобальное пространство английского языка, в котором наибольшее число шведов осуществляют транснациональное и транскультурное сотрудничество.

2) Английский как второй язык используется в бытовой интранациональной коммуникации «снизу». Путешествуя по стране автобусом или поездом и не владея шведским языком, вы можете постоянно говорить по-английски с попутчиками, кассирами, контролерами, продавцами, полицейскими и т.п., которые охотно ответят на все ваши вопросы. Если в каком-либо небольшом ресторане меню отпечатано по-шведски, по вашей просьбе официант принесет английский текст или переведет названия блюд.

Шведские туристы также общаются за границей по-английски, как об этом свидетельствует встреченный в Хальмстаде иммигрант из Турции М.Ш.: *In my country I used to work in hotels as receptionist... and I was training in a hotel where many tourists were Swedes... I liked the way they spoke English. There were only few elderly people who couldn't speak English* (В моей стране я работал в гостиницах как регистратор ... и я тренировался в отеле, где многие туристы были шведами ... Мне нравилось, как они говорили по-английски. Только немногие пожилые люди не могли говорить по-английски).

Как частные лица, шведы постоянно используют локализованный вариант английского языка «снизу» в нерегулярном транснациональном и транскультурном общении в сферах туризма, общественно-политических отношений, музыки, рекламы и т.п. Они называют национальную разновидность английского языка терминами *Swenglish (Swedish+English)* или *Svengelska (svenska+engelska)*.

В последующем изложении предстоит рассмотреть особенности использования английского языка как в специализированных доменах

(бизнеса и науки и образования), так и в бытовой коммуникации (*Swenglish/Svengelska*).

4.3. Английский в специализированных сферах шведской экономики и высшего образования

Корпоративная языковая политика прямо или косвенно воздействует на каждого, кто занят в корпорации, и это воздействие не ограничивается конкретным доменом, но опосредовано оказывает влияние на отношение к многоязычию и межкультурной коммуникации во всем обществе [Thomas, 2008, p. 308]. Швеция сегодня – это многоязычная страна, часть глобализованного мира, и естественно, что шведские компании используют английский как корпоративный язык в многоязычных контекстах международного бизнеса [Gunnarsson, 2013, p. 162]. Хотя английский язык является активно действующим и общепринятым корпоративным языком, его уровень далеко не всегда адекватен требованиям коммуникативной ситуации [Rönnlöf 2014].

Г. Линдаль (*Goran Lindahl*), президент шведско-швейцарского технологического гиганта *ABB*, назвал принятый в компании корпоративный язык «бедным английским» (*poor English*), имея ввиду, что он ограничен областью интересов концерна. Компания *ABB*, лидер в информационных технологиях, электротехнике, энергетическом машиностроении, официально перешла на английский язык со дня слияния в 1988 г. шведской компании *ASEA* и швейцарской *Brown, Boveri & Cie*. Офисы и производственные мощности концерна располагаются на территории Швеции, Швейцарии, Германии, Италии, России, Франции, Чехии, Индии, Китая, Португалии, Бразилии и т.д. Использование английского языка дает им возможность привлекать лучших специалистов, интегрировать свои филиалы во всех регионах мира и успешно конкурировать на мировом рынке [A growing... 2014].

Один из создателей концерна П. Барневик, по инициативе которого английский был объявлен официальным языком, настаивал, чтобы каждый менеджер *ABB* хорошо владел АЯ, хотя реально этому критерию отвечали только 30% руководящего состава. Недостаточное владение АЯ, по утверждению П. Барневика, ведет к неправильной оценке ситуации, принятию ошибочных решений, возникновению проблем взаимопонимания и потерям в бизнесе [Barnevik, 2011, p. 331].

Еще один пример международной шведской компании, использующей корпоративный английский язык на всех уровнях, – это *Scania AB*, производитель грузовых автомобилей, автобусов, промышленных и морских двигателей с 1920 года, имеющий филиалы в Германии, Франции, Нидерландах, Аргентине, Бразилии, Польше и России. Скания отбирает будущих сотрудников среди выпускников шведских университетов, и, как пишет стажер Скании С. Хеглунд, первым условием является владение английским языком. По условиям контракта, стажеры обязаны вести блоги по-английски, и ниже приводятся несколько выдержек из блога С. Хеглунд (с сохранением отклонений в ее речи): *...they have even encourage us to, write in English... Everything you write is in English and most of the meetings are also conducted in English. And English is perhaps the only language I feel comfortable speaking accept from Swedish, but I'm very impressed by my colleagues that answers the phone in different languages depending on who is calling... It is truly interesting to see who many countries Scania has a organisation in and how they are following up on their work to make them the best they can be and to keep the quality of the Scania brand* [Höglund 2013].

Большинство пользователей корпоративным английским языком не являются носителями АЯ и не стремятся к тому, чтобы приблизиться к их уровню в произношении и грамматике. Деловое сообщество, по определению, многонационально, мобильно и открыто для коммуникации между людьми, имеющими самые разные уровни владения английским языком [Frederiksen 2014, p. 2-3]. В то же время, исследователи обращают

внимание на тот факт, что вопрос владения специальной лексикой часто становится критическим в ситуациях, когда идет обсуждение на английском языке и необходимо принимать важные для компании решения. Недостаточное знание специализированного словаря не позволяет участникам дискуссии отстаивать свою позицию, и в результате могут быть не учтены какие-либо серьезные факторы [Piekkari 2013, p. 31].

Уровень владения английским языком, демонстрируемый С. Хеглунд, вероятно, не является исключением, поэтому Скания, как и другие международные компании, целенаправленно проводит обучение шведских сотрудников английскому языку и языкам стран пребывания, а иностранных специалистов в Швеции – шведскому языку. Для этого привлекаются специализированные организации, как, например, *Swedish for Professionals*, которая ведет профессионально ориентированные языковые курсы шведского для иностранных специалистов, работающих в Швеции, и иностранных языков для шведских работников компаний, обеспечивая им необходимые языковые и межкультурные навыки. Обучение начинается с того, что людям, далеким от лингвокультурологии, дают основы языкового поведения в многоязычной и мультикультурной среде и готовят к тому, чтобы недостаточное знание языка не оказало негативного воздействия на интересы бизнеса [Swedish for... 2017].

Государство не регулирует корпоративную языковую политику шведского бизнеса. В Информационном бюллетене шведского правительства (2016) «Корпоративная социальная ответственность» (*Corporate social responsibility*), где изложены основные факторы развития международной конкурентноспособности шведских компаний, нет рекомендаций по поводу выбора АЯ или других языков функционирования [The Swedish Government 2016].

По мнению М. Сиинер, управление корпоративной языковой политикой в многоязычных контекстах шведского бизнеса имеет место даже там, где это официально не декларируется. Анализируя языковую

ситуацию в филиалах шведских банков, работающих в странах Балтии, она указывает, что их руководство проводит еженедельный анализ взаимосвязи использования английского, шведского и других языков и продуктивности финансовых операций [Siiner 2017, p. 61].

В небольших шведских отделениях международных компаний, в организациях малого и среднего бизнеса, чья деятельность ориентируется на международных потребителей, официальная языковая политика не проводится, но техническое описание и сопроводительные документы выполняются на АЯ, соответствующее владение которым является обязательным. Выбор языка коммуникации на рабочем месте (*a language of workplace communication*) и/или в неофициальной обстановке определяется участниками коммуникативных ситуаций.

В качестве примера приведем выдержки из интервью с сотрудниками небольшого стокгольмского отделения финско-шведской компании *Tieto Oyj*, разрабатывающей и производящей аналоговое и цифровое оборудование, программное обеспечение, информационные технологии. Штабквартира компании находится в Хельсинки, а в стокгольмском филиале занят коллектив из 100–150 сотрудников, иностранных и шведских менеджеров, дизайнеров, инженеров и техников. Интервью проводились 13–16 июня 2016 г. в рамках Летней школы по тестированию в университете Хальмстада, где принимала участие группа системных аналитиков и тестировщиков ПО из *Tieto* (см. Приложение 4.2).

Иностранные специалисты в филиале *Tieto* составляют до 80%, и это иммигранты из арабских стран, Индии, Ирана, Китая, Юго-Восточной Азии, выходцы из стран Евросоюза и США. Все они прошли магистерские программы на английском, и он служит для них рабочим языком, но уровень владения значительно различается. В приводимых ниже примерах сохраняются особенности английской речи респондентов (см. Приложение 4.2).

Информант Дж.П., албанка, получила степень магистра на англоязычной программе в Стокгольмском университете. На работе она говорит по-английски: *For my work it's only English. I understand some people when they talk in Swedish but I just respond in English.*

Она училась на курсах шведского языка для иммигрантов, но знает его недостаточно: *Talking in Swedish you spend a lot of energy and you need to think before you want to say something so just English comes out so easy.* Дж.П. замечает, что ее шведские коллеги на проводимых фирмой еженедельных неформальных корпоративных мероприятиях говорят только по-шведски, тем самым исключая из круга общения ее и других сотрудников иностранного происхождения: *Some Swedish people don't switch to English. I've been in the situation where everyone is Swedish and I am the only person who doesn't know it but they keep going Swedish. So, they don't pay attention that you are not understanding.*

Аналогичная ситуация случается и на рабочем месте, когда она, как системный аналитик, предлагает решение какого-либо вопроса, а шведские коллеги переходят на шведский язык: *When you are talking with Swedish people you know then maybe someone comes and then the conversation changes to Swedish again, you don't feel like stable Swedish.*

Она предпочитает дружить и проводить свободное время вместе с несколькими албанцами, которые работают в других отделах: *At lunch, and with people who speak Albanian I speak the same language as my friends. And we take it in Albanian because we're all Albanian.*

Информант А.Х., сириец, учившийся на англоязычных программах в университетах Литвы, Германии, и Швеции, понимает, что английский – это его профессиональный язык, и на работе говорит только по-английски: *English is international and the language of all my studies and the scientific vocabulary for physics, electronics, and mathematics is all in English. Having learned words in English, it is difficult to learn them in another language. Mostly*

I always speak here in English. Sometimes they speak with me in Swedish but I replied automatic in English.

В его отделе есть коллега арабского происхождения, с которым он говорит на работе только по английски, а по-арабски – во время ланча и в нерабочее время: *I have a colleague, a native Arabic speaker, with whom I always speak in Arabic. In the occasions that we have lunch together, Arabic is used. It is not used for work purposes. Related to job, we speak in English.*

Информант Л.Ш., китаянка, получила техническое образование в Китае, приехала в Швецию по программе обмена и здесь прошла еще одну магистерскую программу на английском языке: *We talk some technique we use English. Because a lot of technique word is come from English. So, it's easier understand ... a lot of the document must use the English. I would actually prefer to use Chinese for work, even though technical terms are in English, simply because it is my mother tongue.*

Л.Ш. освоила профессиональный английский язык, обучаясь в стокгольмском университете и прилагает немало усилий, чтобы выучить разговорный шведский. Со своими китайскими друзьями она также старается говорить по-английски или по-шведски: *Sometimes we talk English. It depends on other Chinese. We speak both English and Swedish. If everybody understand Swedish we talk Swedish but if not cannot understand Swedish we must talk English.*

Л.Ш. не испытывает эмоционального дискомфорта, говоря со шведами по-английски или по-шведски, и предпочитает ходить на ланч со шведскими коллегами: *If someone asks me a question in Swedish, I would reply in English. Just gossip is Swedish.*

Очевидно, что шведские специалисты используют английский в профессиональной коммуникации, включающей всех участников, английский и шведский – в коммуникации, включающей только шведов. Иностранцы используют три языка: английский – в профессиональной коммуникации, свой этнический язык – в общении с

соотечественниками и ограниченный шведский – в случае необходимости или для развития разговорных навыков. Они сознают, что знание шведского языка является необходимым условием для успешной интеграции и ассимиляции в стране.

Информант Дж.П. объясняет: *I think you can be more integrated with the Swedish people or the Swedish society ... When I was taking a Swedish course at university, I had a better understanding of society ... When I'm watching the... walls in the street or like some newspaper or something in the metro then at least I understand like, what they saying, not to be so stranger in the society.*

Информант А.Х. разделяет это мнение, но считает, что освоить шведский труднее, чем освоить немецкий, поскольку шведы не только более закрыты, чем немцы, но и настороженно относятся к иностранцам: *Swedish is a difficult language ... not have people to speak Swedish with ... In Germany I socialized with people every day. In Sweden when I start "hey hello", they said "ah no, sorry". They don't like me. I'm like originally not from Sweden. They are a little isolated. I speak occasional Swedish with Swedish colleagues who are pushing me to speak Swedish.*

Информант Л.Ш. к необходимости знать шведский язык относится практически: *Living in Sweden we must know more detail so we need study Swedish.* Она отмечает, что ей трудно овладеть разговорными навыками, но объясняет это своими недостаточными способностями к изучению языков.

В целом, в субдомене транснациональной деловой коммуникации шведских многонациональных корпораций, работающих в глобальном экономическом пространстве, английский является официальным языком, в дополнение к которому могут использоваться языки тех стран, где находятся подразделения корпораций. В субдомене интранациональной деловой коммуникации компаний, работающих на внешний рынок (а таких большинство, поскольку шведская экономика ориентирована на экспорт), английский является основным действующим языком, в дополнение к которому может использоваться шведский язык. Таким образом,

глобальный рынок требует использовать английский как основной язык коммуникации, а выбор дополнительного языка ситуативен, поскольку определяется контекстами, участниками и целями коммуникативных ситуаций.

Система шведского высшего образования также мотивирована необходимостью конкурентноспособного участия на международном рынке специалистов и ученых. Еще в 1989 г. шведский социолингвист У. Телеман предсказывал, что для этого понадобится ввести учебные программы на английском языке: «...*the universities of the smaller countries will shift towards Anglo-American in connection with their striving to create education programmes that sell within the whole market*» [Teleman 1989, p.18-19].

Шведская система высшего образования насчитывает около 50 высших учебных заведений, в том числе 14 университетов и 12 университетских колледжей [UKÄ 2017], девять из которых имеют официально сформулированное положение о языковой политике. В основу разработки языковой политики шведских университетов легли три правительственных документа: *Mål i mun: förslag till handlingsprogram för svenska språket* – «Предложения по программе действий для (укрепления) шведского языка» (2002), *Bästa språket – en samlad svensk språkpolitik* – «Согласованная языковая политика для Швеции» (2005) и *Språklag* – «Закон о языке» (2009).

Первым в 2006 г. принял Кодекс языковой политики университет Гетеборга (*Language policy for Göteborg University*), за ним последовали в 2008 г. крупнейший университет Северной Швеции в г. Умео (*Language policy for Umeå University*), в 2009 г. Королевский институт технологии в Стокгольме (*Language policy for Royal Institute of Technology*) и в 2011 г. Стокгольмский университет (*Language policy for Stockholm University*). Этот процесс продолжается: в 2014 г. опубликовано Положение о языковой политике университета Лунда (*Lund University Language Policy*), а в 2016 г. –

Шведского университета сельскохозяйственных наук (*Language policy at Swedish University of Agricultural Sciences*).

Основные тезисы всех этих документов [Language Göteborg 2006; Language... Umeå 2008; Language ...KTH 2009; Lund ...2014; Language ...Agricultural 2016] сводятся к следующему:

1. Шведский является главным языком высшего образования 1) во всех академических контекстах, 2) в осуществлении связи с широкими кругами шведского общества и 3) в обеспечении применения демократических принципов шведского общества в образовании и науке. Высокий уровень владения шведским является предпосылкой овладения другими языками.

2. Все академические дисциплины должны преподаваться на ясном и понятном языке, как шведском, так и английском, и специальная терминология должна разрабатываться на этих языках. Увеличение роли английского языка рекомендуется начиная с магистерского уровня, но параллельное использование языков остается целью на всех уровнях.

3. Одна из целей интернационализации высшего образования заключается в том, чтобы все больше иностранных студентов учились в Швеции, а для этого необходимо увеличивать число англоязычных программ и курсов, доступных на всех уровнях обучения. Шведские университеты должны больше привлекать иностранных исследователей и преподавателей. При этом, в ряде таких исследовательских областей, как медицина, естественные науки и технология, необходимо больше использовать шведский язык, поскольку в конкуренции с английским он теряет свои позиции, тогда как язык для специальных целей должен быть не только английским, но и шведским, чтобы его могли понимать неспециалисты.

4. Требование больше использовать шведский язык в науке и образовании не противоречит тому, что шведские университеты являются частью интернационального академического сообщества, в котором

английский служит языком международного сотрудничества. Параллельное использование языков способствует не только привлечению иностранных исследователей, преподавателей и студентов, но и включению шведских исследователей, преподавателей и студентов в мировое академическое сообщество.

5. Последовательная интернационализация высшего образования и науки реализуется путем расширения параллельного обучения на двух языках, которое повышает конкурентноспособность шведских университетов. Соответственно, необходимо поддерживать распространение специальной информации также на двух языках, т.е. оптимально сохранять за национальным языком эту функцию.

6. Шведский университет должен быть шведскоговорящим, а параллельно используемый английский язык должен быть вторым языком, владение которым обеспечивает интернационализацию и конкурентноспособность университета. На шведском языке должна вестись вся деятельность административно-управленческой структуры, за исключением тех контекстов, где задействованы иностранные участники.

7. Использование шведского и английского языков должно отвечать трем критериям:

1) Информация должна излагаться на простом языке, т.е. языке, доступном для получателя информации, чтобы содержание, структура и язык способствовали эффективной коммуникации.

2) Параллельное использование шведского и английского языков предполагает их выбор для оптимального распределения специальной информации в зависимости от целей шведских и/или иностранных участников академической коммуникации.

3) Высокое качество языков обеспечивается унификацией терминологии, опорой на стандартизованные языковые нормы и правила устной и письменной коммуникации, языковой поддержкой, которую предоставляет университет, организуя для студентов, преподавателей и

исследователей курсы по изучению и совершенствованию шведского и английского языков.

Понадобилось более 25 лет, чтобы прийти к всеобщему внедрению параллельного обучения на шведском и английском языках. После принятия Закона о языке этот процесс перестал быть внутренним делом университетов, и, например, только с 2009 г. по 2014 г. количество англоязычных программ увеличилось со 123 до 822 [Wächter, Maiworm 2014].

По мнению Дж. Эйри и соавторов, продвижение параллельного использования национального и английского языков в скандинавских странах было вызвано прагматическим протекционизмом – стремлением обеспечить защиту национальных языков в условиях стремительной экспансии английского языка в скандинавском высшем образовании [Airey et al 2017, p. 569].

Собственно термин «*parallel language use*» получил распространение после того, как в 2007 г. Нордический совет министров образования и культуры опубликовал декларацию о совместной языковой политике скандинавских стран *Deklaration om nordisk språkpolitik (Declaration on a Nordic language policy)*, в которой рекомендовал принять политику параллельного использования языков: «...*the concurrent use of several languages within one or more areas. None of the languages abolishes or replaces the other; they are used in parallel*» [Deklaration 2007, p. 93]. Декларация исходила из представления о том, что в скандинавских университетах следует параллельно использовать, во-первых, разные скандинавские языки, и, во-вторых, национальный и английский языки. Однако же очень скоро за этим термином осталось только второе значение. Ф. Грегерсен и О. Джозефсон отмечали, что параллельное использование национального скандинавского и английского языков – это необходимость, которая не подлежит обсуждению: «*parallel language use is a necessity – only its implementation can be discussed*» [Gregersen, Josephson 2014, p. 45].

Шведские исследователи М. Келлквист и Ф. Хульт, анализируя тексты документов, определяющих университетскую языковую политику, и дискурс, имеющий место при обсуждении этих документов, пришли к пониманию того, что термин «параллельное использование языков» подвергся переосмыслению и приобрел значение «институциональный билингвизм»: «*institutional bilingualism*» became reinterpreted as «*parallel language use*», a concept developed and used in Nordic language planning over the past 15 years [Källkvist, Hult 2016].

Есть одна область, где институциональный билингвизм проявляется в полной мере – это научный дискурс. Изучению этой области посвящена докторская диссертация шведского социолингвиста Л. Салё *Languages and Linguistic Exchanges in Swedish Academia. Practices, Processes, and Globalizing Markets* (2016). Л. Салё провел анализ письменного и устного научного дискурса в области истории, психологии, физики и информатики, где, по сложившемуся в шведском обществе мнению, английский вытеснил шведский язык из домена науки. Л. Салё установил, что это мнение идеологически мотивировано и основано только на том, что шведские ученые публикуют свои статьи и монографии на английском языке в международных научных журналах и издательствах, т.е. практически работают для транснационального научного рынка. Преобладающая позиция английского языка в таких публикациях не означает, что шведский язык вытеснен из домена научной коммуникации. За пределами сферы научных публикаций он постоянно используется шведскими исследователями в ежедневной научной практике, как в устном, так и в письменном дискурсе, т.е. имеет место бинарная языковая репрезентация домена науки. Научные публикации в транснациональных изданиях и ежедневная научная практика представляют собой разные языковые рынки, и даже в условиях интернационализации университетов шведский язык продолжает расширять свои научные регистры [Salö 2016, p. 10, 92].

М. Кутеева, Дж. Эйри, К. Линдер и многие другие социолингвисты, изучающие особенности интернационализации шведских университетов, считают, что параллельное использование языков все еще остается политическим слоганом, поскольку недостаточно разработаны пути его реализации [Kuteeva, Airey 2014, p. 533]. Параллельное обучение сводится к тому, что английский язык используется как академический лингва франка, и, по словам шведского социолингвиста М. Кутеевой, это подтверждает мысль о том, что официально провозглашенная политика параллельного использования языков еще далека от реального воплощения [Kuteeva 2014, p. 334].

Хотя студенты и преподаватели положительно принимают переход к обучению на английском языке, университетское сообщество только теперь начинает понимать, что для студентов проблема заключается не столько в языке, сколько в овладении специализированными формами коммуникации, с которыми они не сталкиваются в бытовом общении. А для преподавателей проблема заключается в том, чтобы научить студентов использовать специализированные формы коммуникации, поскольку в процессе обучения английский язык служит инструментом не только репрезентации уже известного знания в рамках той или иной дисциплины, но и создания нового знания [Airey, Linder 2008, p. 146].

Дж. Эйри и соавторы четко суммировали критику, которой подвергается шведская политика параллельного использования языков, декларирующая, что студенты должны использовать английский язык, изучая тот или иной курс. В их представлении, суть параллельного использования языков заключается в том, что в конкретном курсе студенты должны получить умения и навыки вести на данном языке профессиональную коммуникацию в научном исследовании, на рабочем месте и в обществе, в целом: *We believe it is not enough to simply incorporate generalized references to the language of instruction of the form 'in this course students will practice the use of disciplinary English. Rather we suggest more*

specific references along the lines of «in this course the following skills will be developed in the following language(s)»... These disciplinary communicative practices are developed for use in three distinct, albeit intersecting, areas; the academy, the workplace and society at large [Airey et al. 2017, p. 573].

М. Кутеева и Дж. Эйри называют декларируемую «сверху» университетскую политику параллельного использования языков «безразмерной» (*a one-size-fits all university language policy*) [Kuteeva, Airey 2014, p. 534]. Например, шведские университеты оценивают результаты научных исследований по числу публикаций в англоязычных изданиях, и естественно, что в таких областях, как естественные и точные науки публикаций будет значительно больше, чем в гуманитарных науках, базирующихся на скандинавском материале. Функциональная нагрузка языка преподавания в лекционных курсах и исследованиях по естественным и точным наукам значительно меньше, чем в лекционных курсах и исследованиях по гуманитарным наукам, следовательно политика параллельного использования языков должна быть гибкой и учитывать дисциплинарные различия [Airey et al. 2017, p. 572].

В идеале, оба языка должны использоваться в равной мере для достижения одних и тех же академических целей, но в практике параллельного обучения это возможно, только если преподаватели и студенты одинаково компетентны в шведском и английском языках. В реальности, как утверждают многие авторы, даже в официально объявленных англоязычных программах языки используются с разными целями: лекции и семинары могут идти на шведском, и сопровождаться кратким описанием или презентацией *Power Point* по-английски и наоборот; учебная литература рекомендуется на английском, а рефераты и конспекты студенты пишут по-шведски, и т.д. [Andersson 2013, p. 149; Bolton, Kuteeva 2012; Cabau 2011; Domeij, Spetz 2016; Kuteeva 2014].

В связи с этим высказываются опасения, что иностранные студенты могут получать неполную информацию, если их шведский лектор

недостаточно владеет английским языком [Airey, Linder 2008, p. 149; Carlson, 2002, p. 15; Kuteeva 2014, p. 333-334]. С другой стороны, шведские студенты получают неполную информацию, если обучение идет на английском языке, и, тем более, иностранными преподавателями, не владеющими шведским языком. Исследование влияния скорости речи на информативное содержание, проведенное Р. Хикс, показало, что ситуация параллельного использования языков не может полностью удовлетворить всех участников этого процесса, поскольку преподаватели вынуждены терять темп изложения, чтобы донести информацию до студентов, а студенты недовольны уровнем АЯ преподавателей [Hicks 2010, p. 6].

К. Болтон и М. Кутеева убедительно доказали, что различие в отношении к параллельному использованию языков в шведских университетах не только определяется принадлежностью к той или иной научной области, но и возрастом респондентов. Большинство молодых участников опроса положительно относятся к внедрению АЯ в учебный процесс, а значительное количество респондентов более старшего возраста высказывают недовольство [Bolton, Kuteeva 2012, p. 439-440].

К. Болтон и М. Кутеева приводят высказывание молодого сотрудника отделения биохимии (26–30 лет), который считает, что не следует противостоять доминированию АЯ в науке: *In our field of science, English is the dominant language, and there's not so much to do about that. It would be stupid trying to reduce the dominance of English, since very few of our collaborators would understand a word of Swedish. I would have difficulties having a scientific discussion in Swedish, since many terms are lacking a Swedish translation.*

По мнению магистранта отделения компьютерных и системных наук 26–30 лет, следует все курсы читать на английском языке: *English is an international language and well accepted in the world. Therefore, I think all of masters and PhD courses should be in English, even Bachelor's degree. Swedish*

is the mother tongue in Sweden, so I do not think if all university courses are in English, Swedish language will be under threat.

И напротив, профессор факультета социальных наук 51–55 лет видит причину низкого качества преподавания на гуманитарных факультетах в недостаточном использовании родного языка: *Within humanities and social sciences, where ‘meaning’ is important it is almost impossible to express oneself clearly in any other language than in one’s native language. At the master classes the level of the discussions can sometimes be very low. The reason for this is to large extent language problems.*

На той же позиции стоит и его коллега с кафедры социальной антропологии 56–60 лет, который считает ослабление роли родного языка в учебном процессе вредным с педагогической точки зрения: *Teaching, especially lecturing, in English when it is not your native language usually makes for less lively and engaging lessons, which is pedagogically detrimental* [Bolton, Kuteeva 2012, p. 439-440].

Связанные с возрастом и принадлежностью к конкретной научной области расхождения мнений свидетельствует о том, что процесс параллельного использования языков в шведских университетах находится в развитии и еще далек от полного завершения. Однако же никто из респондентов не выразил сомнения в том, что английский имеет статус второго языка в университетской практике.

4.4. Структурно-семантические особенности английского языка в Швеции

В Швеции сложилась ситуация трансязычия, которое означает взаимную проницаемость шведского и английского языков, их взаимовлияние, вследствие чего возникает новое качество обогащенной лингвокультуры, когда, по словам З.Г. Прошиной, «языки и культуры плавно перетекают друг в друга... Трансязычие имеет ярко выраженный

деятельностный и речетворческий характер, представляя собой новое, творческое, трансформирующее и интегрирующее использование всех имеющихся в распоряжении билингва языковых ресурсов» [Прошина 2016, с. 6; 2017, с. 161].

Взаимодействие шведского и английского языков характеризуется двусторонней интерференцией, и ее результатом, во-первых, стала значительная «англификация» шведского и появление варианта, который принято называть – *Swengelska*, т.е. это шведский дискурс, содержащий большое количество англицизмов. В интервью шведскому радио член Шведского Языкового Совета О. Карлссон так пояснил значение этого термина: «*Svengelska*» is a portmanteau of the Swedish words for *svenska* and *engelska*... You can hear it on the subways in Stockholm, young people speaking Swedish but tossing in the occasional Hollywood catchphrase – as in “I’ll be back!»...» [The Threat 2010].

Во-вторых, результатом взаимодействия двух языков стал и локализованный английский – *Swenglish*, национальный вариант АЯ, который отличается специфическими чертами, сложившимися в результате лингвокультурного влияния автохтонного языка. Например, автор интернет-портала *The Local. Sweden’s news in English* пишет, что говорить на *Swenglish* значит говорить на английском языке, но по шведским правилам: «Any Swede speaking English will blame even the tiniest little slip-up on his or her “terrible Swenglish” – but it’s not that easy! “Swenglish” is a peculiar little language phenomenon, but it’s not just about making mistakes – it’s a special kind, the result of speaking English but playing by the rules of Swedish. Luckily for listeners, this is often hilarious» [Gee 2012].

Многие жители Швеции не делают различия между терминами *Swengelska* и *Swenglish* и используют их с определенной негативной и шуточной коннотацией. Например, англичанин постоянно живущий в Швеции, замечает, что его английский язык со временем начинает превращаться в *Swenglish* или *Svengelska*: «*Sooner or later, your English*

will start deteriorating. And the funniest thing is, you might not even realize when instead of English you begin to switch to Swenglish or Svengelska» [Swenglish eller...2009].

Журналист шведского радио М. Кавалиер, ведущий англоязычные программы, говорит, что *Svengelska* – это своего рода сленг: *It kind of its own language, Svengelska, slang for speaking Swedish with a little too much English mixed in* [Karlsson 2010].

Комедийный актер Бен Керсли, живущий в Швеции с 2006 г. и называющий себя единственным комиком Швеции, заявляет, что есть два вида *Svengelska* – один, когда такие как он иностранцы пытаются говорить по-шведски, и второй, когда шведы перемежают речь английскими словами и фразами, пытаясь выглядеть крутыми: *«It's generally younger people. Instead of "relax" in English they would say "chill out": Vi ska gå ut och chillar. Meaning, "We're gonna chill", but it becomes "chiller", which sounds ridiculous. When Swedes use English in their Swedish, it's very much a fashionable choice. It's almost like a badge of showing you understand popular culture»* [Karlsson 2010].

Наиболее очевидным элементом *Svengelska* являются слова, заимствованные из АЯ, которые могут обозначать новые объекты и явления, добавлять какие-то нюансы, что стимулирует инновативные тенденции в языке. Заимствования – это не только такие легко узнаваемые слова; как, например: *aerobics, hamburgers, popcorn, bubble gum, jeans* и *T-shirts*, но и слова, модифицированные в соответствии со шведским написанием и произношением, например: *bicykel (bicycle), fashionabel (fashionable), fotboll (football), googla (google), kapsejsa (capsize), padda (pad), röjel (royal – вид паруса), seifa (safe), skajsel (skysail – вид паруса), strejk (strike)* [Stålhammar 2007; Swenglish eller...2009; The Threat 2010; Gee 2012].

В ряде случаев заимствование вытесняет шведский эквивалент, например: *printa* (англ. *print* вместо шв. *skriva ut*), *joina* (англ. *join* вместо

шв. *ansluta sig*), *mingla* (англ. *mingle* вместо шв. *umgås*), *dejt* (англ. *date* вместо шв. *träff*).

Многие заимствования пришли из дискурса подростков и стали общепотребительными, например: *agenda* – (электронная) записная книжка; *pocketbook* – книга в мягкой обложке (*paperback*); *basket* (*basketball*); *body* (*bodystocking*); *cred* (*credibility*); *eventuell* – возможный (*eventually*); *gränssnitt* (*interface*); *hackare* (*hacker*); *hjälpcentral* (*helpdesk*); *labb* (*lab*); *logotyp*, *logo* (*logotype*); *looser* (*loser*); *mejl*, *e-post* (*mail*); *mobba*, *mobbing* – издевательства, преследования, совершаемые группой подростков; *öppen källkod* (*open source*).

Помимо прямых заимствований из АЯ в *Svenska* встречается множество калек, например: англ. *Have a nice day!* буквально переводится как *Ha en bra dag!*; англ. *Long time no see!* → шв. *Det var länge sedan vi sågs sist!*; англ. *Take care!* → шв. *Ta hand om dig!*; англ. *See you!* → шв. *Vi ses!*; англ. *Let's keep in touch!* → шв. *Låt oss hålla kontakten!*; англ. *Shall we call it a day?* → шв. *Ska vi kalla det en dag?*; англ. *old country* → шв. *det gamla lande*; англ. *user name* → шв. *användarnamn*; англ. *sky-scraper* → шв. *skyskrapa*.

Англ. *a disaster film/movie* переводится как *katastroffilm*, и в шведской англоязычной рекламе это слово уже появляется не как английское словосочетание, а прямой перевод со шведского *a catastrophe film*. Еще один пример двойного калькирования: англ. *greenhouse effect* передается в шведском как *växthuseffekten*, и в англоязычной статье буквально переводится со шведского *hothouse effect* [Stålhammar 2007; Swenglish eller...2009; The Threat 2010; Gee 2012].

Svenska действительно представляет всеобщее явление. Можно постоянно слышать английские включения в речи шведов, например, в течение одного часа ожидания поезда на вокзале Стокгольма мы услышали: в разговоре мужчин: *Jag har en friend som...* (У меня есть друг, который...); в разговоре подростков: *Shutter uppe* (*shut up*), *låt mig säga...* (замолчи, дай мне сказать...); в разговоре двух женщин: *Ha det så bra – have it so good!*

(Хорошо провести время!); в разговоре покупателя с продавцом: *Fyra will be bra* (Четыре будет хорошо).

Англицизмы стали характерной особенностью современного шведского языка и свидетельством многообразия форм «присутствия» АЯ в жизни социума, но предметом нашего исследования является собственно шведский вариант английского языка, локализованную разновидность которого в Швеции называют *Swenglish*.

Swenglish прежде всего характеризуется включением в дискурс на английском языке прямого перевода шведского слова или словосочетания – *a straight translation where it shouldn't be* [Swenglish eller...2009]. Например, шведы говорят, что живут в отеле: *Swedes sometimes claim to be living in a hotel... even if it's just a one night stay (att bo i ett hotell)*.

В шведском языке нет фонемы «J», поэтому такие слова, как *jail*, *Jew* и *juice* могут звучать как *Yale*, *yew* и *yuice*: *He says his brother is in Yale* или *The Yewish man in our willage is crasy* или *I'd have some more yuice*.

Шведское наименование или назывное словосочетание может транслитерироваться, как, например, шведское название картофельного пюре *potatismos* превращается в *potato moose*: *Swedish word or phrase sneaking into English where it doesn't quite fit... like calling mashed potatoes potato moose – just because it's potatismos in Swedish - even if no moose (or elk) featured in the meal or the mash*. [Swenglish eller...2009]

Во время неформального общения на английском языке со шведскими студентами, проживавшими в общежитии университета Уппсала, мы попросили их вспомнить примеры прямого перевода со шведского, которые они использовали или слышали в последнее время. Некоторые из приведенных ими высказываний даны в Таблице 4-2.

Прямые переводы шведских высказываний в локализованном англоязычном дискурсе.

Калька шведского высказ.	Шведское высказывание	Его значение
<i>Where are you holding house?</i>	<i>Var håller du hus?</i>	<i>Where are you at? (Where do you live?)</i>
<i>What are you for one?</i>	<i>Vad är du för en?</i>	<i>Who are you?</i>
<i>Than then then?</i>	<i>Än sen då?</i>	<i>So what?</i>
<i>Hit you down... and take for you of the cookies.</i>	<i>Slå dig ner och ta för dig av kakorna.</i>	<i>Take a seat and take care of the cookies.</i>
<i>Be afraid of you.</i>	<i>Var rädd om dig.</i>	<i>Take care of yourself.</i>
<i>How walks it?</i>	<i>Hur går det?</i>	<i>How is it going?</i>
<i>How much am I guilty?</i>	<i>Hur mycket är jag skyldig?</i>	<i>How much do I owe?</i>
<i>Hear you you you...</i>	<i>Hör du du du.</i>	<i>Do you hear that?</i>
<i>What are you holding on with?</i>	<i>Vad håller du på med?</i>	<i>What are you doing?</i>
<i>How plenty is the bell?</i>	<i>Vad är klockan?</i>	<i>What time is it?</i>
<i>How stands it to?</i>	<i>Hur står det till?</i>	<i>How are you?</i>
<i>That was that that.</i>	<i>Det var det det.</i>	<i>That was it.</i>
<i>Is it overhead taken possible?</i>	<i>Är det överhuvudtaget möjligt?</i>	<i>Is it possible at all?</i>
<i>Have you changed about?</i>	<i>Har du bytt om?</i>	<i>Have you changed?</i>
<i>Welcome to the Swedish mess.</i>	<i>Välkommen till svenska mässan.</i>	<i>Welcome to the Swedish fair.</i>
<i>You are offspooned!</i>	<i>Du är avskedad!</i>	<i>You're divorced!</i>
<i>What do you believe around this?</i>	<i>Vad tror du om detta?</i>	<i>What do you think about this?</i>
<i>No you, that man didn't walk!</i>	<i>Nä du, den gubben gick inte!</i>	<i>Well you, that old man did not go!</i>
<i>Do you shark?</i>	<i>Hajar du?</i>	<i>Do you get it?</i>
<i>Where in the thousands are you holding houses?</i>	<i>Var tusan håller du hus?</i>	<i>Where are you home? (Where do you live?)</i>
<i>It drove together itself.</i>	<i>Det körde ihop sig</i>	<i>It drove up.</i>
<i>Do you want coffee on the food?</i>	<i>Vill du ha kaffe på maten?</i>	<i>Do you want coffee with your food?</i>
<i>Write under the tyrannized blanket!</i>	<i>Skriv under den förtryckta blanketten!</i>	<i>Enter the pre-printed form!</i>

В шведском языке есть выражение *bjuda på sig själv*, буквально: *invite yourself*, что означает: «не принимай себя слишком серьезно». В отношении шведов к калькам всегда присутствует некоторый элемент юмора: *Swedes like the humorous side of language. So, if you can make some very quick improvements, and at the same time it turns into fun, then so much the better* [Gee 2012].

Наиболее популярные кальки не только стали общеизвестными свидетельствами *Swenglish*, но и объектом юмористической словесной игры шведов, склонных подшучивать над собой. Например, обращенное к молодому шведу требование бармена: *Show me your leg* означает желание увидеть не ногу покупателя, а документ, подтверждающий возраст, т.к. *leg* – это сокращение от *legitimation*, удостоверение личности. Если кто-то говорит: *I have the lust to do something tonight* – это всего лишь калька со шведского *att ha lust (to feel like)*.

Многие шведы не различают существительное *fun* и прилагательное *funny*. Разговаривая об «американских горках», швед может спросить вас: *Is that roller coaster funny?* Хотя смысл вопроса: интересен ли вам этот аттракцион [Gee 2012].

Живущая в Швеции англичанка, которой приходится постоянно общаться на *Swenglish*, пишет о том, как кальки шведских высказываний незаметно проникают в ее англоязычный дискурс [Swenglish eller...2009]:

*Suddenly, you find yourself talking about **red days** and your **chef** in the office. You begin to **eat pills** and to **follow** people to the movies. And when you hear yourself saying that your husband worked **in the commune under five years** you know it's been a long time since you visited an English-speaking country* [Swenglish eller...2009].

В этом коротком абзаце шесть семантических и структурных калек шведских слов и словосочетаний:

Röd dag – буквально *red day*, «красный день календаря», праздничный день.

Chef, ср. русск. «шеф» и англ. *boss*, калька, которую часто используют как шведы, так и говорящие по-шведски иммигранты. Та же англичанка пишет: *I started to replace boss with chef (of course when meaning boss) while speaking English. ...both native Swedes and expats do it* [Swenglish eller...2009].

Äta tablett – буквально: *eat pills*, правильно: *take pills*. Шведы не принимают лекарства, таблетки, пилюли, а едят их, например: *She's just eaten a headache tablet* или *And now, if you excuse me, I have pills to eat. I got sick under winter break.*

Vill du följa med? – буквально: *Do you want to follow with?* Правильно: *Do you want to/ would you like to come (along)?*

Commune, от шведского *kommun* – «территориальный округ» ср. русск. «коммуна».

Under – шв. «в течение какого-либо периода времени», англ. *during*. Это очень популярная девиация. Например, в университете Хальмстада довелось услышать, как студенты говорили: *Are you going to be home under summer holidays?*

Добавим еще несколько калек, которые встретились на интернет сайтах *The Local. Swedish news in English* и *Avigsidan.com*:

Den röda tråden – буквально: *the red thread (common theme)*, ср. русск. «проходит красной нитью»: *We went to a lecture once where the speaker kept talking (in English) about the red threads in Bergman's movies.*

Känner igen – буквально: *feel again*, в значении: «recognize», например: *Jag känner inte igen dig (I don't feel again you) – I do not recognize you.*

Hej pa dig – буквально: *Hello on you*, ср. русск. Привет вам!

Är du med? – буквально: *Are you with?* в значении: *Are you (playing, coming, doing smth.) too?*

Особый вид калек в *Swenglish* – это буквальный перевод на английский шведских сложных слов. В шведском языке огромное количество сложных слов образуются путем простого соположения основ (*sammansatt*, что

соответствует *англ. compound* или буквально: *together-put*), например, сложное слово *korvbrödsförsäljarstånd*, которое шведско-английский словарь объясняет как: *a stand belonging to a seller of hot dog breads: sausage-bread-salesperson-stand* [Swedish Dictionary 2017].

А. Скарсгард, исследовавший кальки шведских сложных слов в *Swenglish* приводит некоторые из таких буквальных переводов:

Tjuvlyssna, буквально: *Thief listen*, английский эквивалент: *Eavesdrop*;

Tandkött, буквально: *Tooth meat*, английский эквивалент: *Gums*;

Sjukhus, буквально: *Sick house*, английский эквивалент: *Hospital*;

Skrivbord, буквально: *Writing table*, английский эквивалент: *Desk*;

Mormor/farmor, буквально: *Mother mother/father mother*, английский эквивалент: *Grandmother*;

Morfar (*mother father*) и **Farfar** (*father father*), английский эквивалент: *Grandfather*; Таким же образом созданы наименования других родственников, например: **Mormorsmor** – *mother mother's mother*, английский эквивалент: *Great grandmother* и т.п.

Sköldpadda, буквально: *Shield toad*, английский эквивалент: *Turtle/tortoise*;

Kofångare, буквально: *Cow catcher*, английский эквивалент: *Bumper*;

Snuskhummer, буквально: *Dirty lobster*, английский эквивалент: *Pervert*;

Grönsak, буквально: *Green thing*, английский эквивалент: *Vegetable* [Skarsgard 2016].

Второй, после буквального перевода, распространенной лексической особенностью *Swenglish* являются пары «ложных друзей», исторической моделью которых служат, например, шв. *sjö* (*lake*) и англ. *sea*. Это слова, которые, при внешнем сходстве и общем происхождении, имеют разные значения в современных языках, но именно внешнее сходство побуждает шведов воспроизводить в англоязычном дискурсе значение, которое они

имеют в шведском языке. См. примеры ложных друзей общего происхождения в Таблице 4-3:

Таблица 4-3.

Ложные друзья общего происхождения.

Шведское слово	Значение в шведском	Английское слово
affär	business, business deal,	affair
aktuell	topical	actual
annonsera	advertise	Announce
branch	industry, line of business	Branch
novell	short story	Novel
sympatisk	nice, likeable, friendly	Sympathetic
recept	both recipe and prescription	Receipt
chips	potato crisps	Chips
konserv	tinned food	Conserve
högskola	polytechnic, university	high school
gymnasium	upper secondary school	Gymnasium
intern	prisoner	Intern

Встречаются также пары, демонстрирующие случайное совпадение написания и/или произношения – это так называемые случайные «ложные друзья», которые имеют не связанные значения и могут принадлежать к одной или разным грамматическим категориям. См. примеры случайного совпадения ложных друзей в Таблице 4-4:

Таблица 4-4.

Примеры случайного совпадения «ложных друзей».

Шведское слово	Значение в шведском	Английское слово
art	species	Art
barn	child	Barn
gift	married	Gift
blank	shiny	Blank
bra	good	bra (woman's undergarment)
fabrik	factory	fabric (cloth)
fart	speed	fart (to pass wind)
glass	ice-cream	Glass
blankett	form	Blanket
bekommer	to bother	to become

slut end/finish slut (immoral woman)

Если некоторые из таких «ложных друзей» встречаются в дискурсе шведов, может возникнуть неловкая ситуация, как это было, когда студент в университете Уппсала спросил: *What is the fart limit in Russia? (What is the speed limit in Russia?)*, что соответствует шведскому: *Vad är fart-gräsen i Ryssland?*

Грамматические особенности *Swenglish* представлены категориями, которые по-разному реализуются в английском и шведском языках [Brook 2010; Sheppard 2010; Stålhammar 2007]. Так, в шведском языке нет герундия, поэтому шведы используют инфинитив даже в тех случаях, когда искажается значение высказывания. Предложение: *I must really stop to smoke* содержит инфинитивное словосочетание в значении обстоятельства цели (я должен остановиться, чтобы ...) – это буквальный перевод шведского: *Jag måste verkligen sluta att röka*, где говорящий по-шведски сообщает о своем желании бросить курить, т.е. оставить какой-то вид деятельности, и это значение следует передавать герундием: *I really must stop smoking*.

В другом случае говорящий сообщает: *I did forget to buy the fruit*, т.е. он забыл купить фрукты (не совершил какое-то действие). Высказывание буквально соответствует шведскому: *Jag glömde att handla frukt*, и это грамматически правильное предложение, но в нем утрачена семантическая интенция, которая передается герундием: *I forgot buying the fruit*, т.е. говорящий не помнит, совершал ли он это действие.

Распространенной особенностью *Swenglish* является генерализация модальных и вспомогательных глаголов. Например, шведский глагол *skulle* может соответствовать английским *should, would, could, ought* или *might*. Поэтому можно услышать: *She said that she should walk out with the dog*, что соответствует шведскому: *Hon sade att hon skulle gå ut med hunden*, хотя правильно сказать: *She said that she would take the dog for a walk*. Вспомогательный глагол передает значение зависимого будущего (будущего в прошедшем).

В другом высказывании: *She looks like she **should** be sick* использование глагола *should* искажает смысл и не соответствует шведскому: *Hon ser ut som om hon **skulle** kunna vara sjuk* (*She looks like she might be sick*), поскольку шв. *skulle kunna vara* имеет значение *could/might be*.

Шведский глагол *kan* близок по значению к англ. *may* или *might*, но внешнее сходство с англ. *can* побуждает шведов говорить, например: *Anna **can** be in her office now* (ср. шв.: *Anna **kan** vara på sitt kontor nu*), хотя в этом высказывании сообщается не о физической возможности Анны находиться в офисе, а делается предположение о ее возможном местонахождении, т.е. следует сказать: *Anna **may** be in in her office now*.

Вследствие различий в восприятии грамматического времени шведы имеют тенденцию использовать формы простого прошедшего вместо настоящего и могут сказать при знакомстве: *It **was** nice to see you!* (шв. *Det **var** trevligt att ses*), или на первом заседании летней школы в университете Хальмстада была произнесена фраза: *This **was** good to attend the summer school...* (шв. *Det **här var** gott att delta i sommarskolan...*), тогда как правильно: *It **is** nice...* (шв. *Det **är** trevligt...*) и *It **is** good...* (шв. *Det **är** gott...*).

В научных докладах шведских ученых наблюдается обилие форм Present Perfect tense там, где идет изложение фактов и требуются формы простого прошедшего, например: *The experiments **have been performed**...* (буквальный перевод со шведского: *Experimenten **har utförts**...*), или: *The reasearcher **has claimed**...* (буквальный перевод со шведского: *Forskaren **har hävdad**...*), тогда как следует употребить простое прошедшее: *Experiments **were performed**...* и *The reasearcher **claimed**...* [Brook 2010; Sheppard 2010; Stålhammar 2007; The Threat 2010].

Добавим к этому наиболее распространенные особенности АЯ шведов, которые были зафиксированы в выступлениях участников летних школ в университетах Хальмстада и Уппсала в июне-июле 2016 г.

1. Свободный порядок слов в предложениях с перфектными формами и модальными глаголами, например:

English have I used all my life.

This lecture have I followed with interest.

After so many years can it be difficult to see the problem with this sentence.

2. Использование форм *Present Continuous* вместо *Present Indefinite* для передачи регулярно повторяющегося действия и общеизвестного факта, например:

I am usually doing other things in my English class.

I know that I am often messing up my grammar.

We are living in a democracy.

3. Избыточное употребление или отсутствие окончания 3 лица, ед. числа, наст. времени «-s», например:

*My colleagues always **gets** their endings right.*

*My friends **keeps** telling me that I should be a little more attentive.*

*I **doesn't** get a chance to correct them.*

*My life **feel** meaningless.*

4. Использование вводного *it* вместо *there* по аналогии со шведским, например:

*It's one (шв. *det finns*) more cat you have to see.*

*I guess it's (шв. *det är*) some truth in that.*

*It was (шв. *det fanns*) little money left on my account.*

*It will be (шв. *det kommer*) a lot of windmills here.*

Описанные выше особенности идентифицируют *Swenglish* как локализованный вариант английского языка в Швеции, и влияние лексико-семантической и морфо-синтаксической структуры шведского языка в той или иной мере наблюдается практически у всех, с кем приходилось общаться, возможно, за исключением преподавателей английского языка.

Как пишет У. Канингхэм, шведы, придерживающиеся либеральных взглядов, считают, что ничего плохого в шведском акценте нет: перенос шведских норм в дискурс на английском языке и образование шведского варианта английского языка – это нормальный результат языковых контактов.

Что касается произношения шведов в англоязычной коммуникации, в 1980-х гг. шведские университеты приняли британское стандартное произношение RP в качестве целевой модели, но с течением времени в учебном процессе стали также использоваться произносительные нормы носителей других национальных вариантов АЯ. Тем не менее шведский акцент (*Swenglish*) с неодобрением воспринимается преподавателями английского языка [Cunningham 2015, p. 65].

Специфика английского произношения шведов требует отдельного рассмотрения тем более, что в известной нам литературе нет достаточно полных разработок фонетической системы шведского английского. Однако же многие авторы интернет блогов с юмором демонстрируют замену лабиодентального лабиальным и наоборот: *viking* → *wiking*, *very* → *wery*, *white* → *vite*, *win* → *vin*; смешение дифтонгов в таких парах, как, например: *beer* и *bear* (*bear in mind* → *beer in mind*), *deer* и *dare*, *hair* и *whore*; замену согласных и совпадение произношения в таких парах, как, например: *cheap* → *sheep*, *skeptic* → *septic*, *three* → *tree*, *unique* → *eunuch*, и т.п. [Swenglish Pronunciation 2010].

4.5. Механизм фонетической интерференции в шведско-английском билингвизме

В известном высказывании Д. Кристала очень верно подмечена узнаваемость людей по их акценту: «*If you wish to tell everyone what part of a*

country you are from, you can wave a flag, wear a label on your coat, or (the most convenient solution, because it is always with you, even in the dark and around corners) speak with a distinctive accent and dialect. Similarly, on the world stage, if you wish to tell everyone what country you belong to, an immediate and direct way of doing it is to speak in a distinctive way» [Crystal 2003, p. 144-145].

Концепт шведского акцента в англоязычном дискурсе может быть описан как комплекс фонетических характеристик, перенесенных из родного в целевой язык (*phonetic properties transferred from the native language to the target language* [Thorén 2007, p. 1693]). Артикуляционные характеристики шведских фонем обобщены на основе трудов отечественных скандинавистов В.П. Беркова, С.С. Масловой-Лашанской, Н.Н. Толстой и шведского фонетиста Т. Риادا [Берков 1996 с. 143–148; Маслова-Лашанская, Толстая 1996, с.18–35; Riad 2014, p. 17–72].

4.5.1. Программа исследования особенностей произношения шведско-английских билингвов

Изучение специфики английского произношения шведско-английских билингвов потребовало последовательного осуществления трех этапов исследования:

1. Определение группы информантов, шведско-английских билингвов, вариативность произношения которых рассматривалась в качестве их специфического акцента, проведение интервью и записи их неподготовленной английской речи. Целевая группа информантов, шведско-английских билингвов определилась в июне-июле 2016 г. путем личных контактов с участниками международных летних школ в университетах г. Хальмстад и г. Уппсала, где общение постоянно осуществлялось на английском языке (список информантов см. в Приложении). Вариативность английского произношения информантов наблюдалась в коммуникативных ситуациях двух типов:

– ситуация свободной беседы в неформальной обстановке;

– ситуация нестандартного интервью в неформальной обстановке.

Материал исследования составили 17 записей интервью со шведами и 14 записей с проживающими в Швеции специалистами и студентами из других стран. Суммарная длительность звучания аудиоматериала составляет 560 мин. (9 ч. 20 мин.), в оцифрованном виде материал занимает 420 Мб памяти. Длительность звучания монологической речи информантов – 142 мин. Аудиозапись осуществлялась с помощью мобильных устройств iPhone 5 iOS 6, iPhone 5 iOS 8.43. Перенос аудиозаписей в текст выполнялся с помощью программ автоматического распознавания речи для компьютера – Chrome Speech Recognizer, HTML5 Speech Recognition, Watson Speech to Text для облачной платформы IBM Bluemix и программ автоматического распознавания речи для iPhone – Dragon Dictation, Dragon NaturallySpeaking, Dragon Go!, Dragon Mobile Assistant.

2. Аудиозаписи для экспертной оценки английского произношения шведских информантов сначала предъявлялись аудиторам, русскоязычным преподавателям английского языка, которые должны были, руководствуясь профессиональной установкой на фиксацию ошибок, отметить регулярные отклонения от стандартного английского произношения.

Далее, аудиозаписи с текстами отправлялись носителям английского языка, также принимавшим участие в работе летних школ, которые согласились провести экспертную оценку интервью и отметить те случаи, где, по их мнению, информанты демонстрируют «глобальный» акцент, характеризующий английскую речь шведов.

3. Лингвистическая интерпретация материала была основана на данных аудиторского и экспертного анализа и имела целью выявление: 1) дифференциальных признаков фонем, реализуемых в английской речи шведско-английских билингвов; 2) регулярных акустико-артикуляционных маркеров, релевантных для английского консонантизма и вокализма шведско-английских билингвов и характеризующих специфику их «глобального» акцента.

4.5.2. Фонетическая система информантов по результатам анализа, проведенного носителями, преподавателями английского языка

В результате обобщения данных аудиторского анализа, проведенного носителями, преподавателями английского языка, был составлен инвентарь согласных и гласных фонем, представляющих английскую фонетическую систему шведско-английских билингвов.

4.5.2.1. Система согласных фонем

В Приложении (Таблица 4.3) представлены варианты аллофонической реализации согласных, зафиксированные аудитором в аудиозаписях, в сопоставлении с английскими и шведскими согласными.

Консонантная система английского языка шведско-английских билингвов состоит из 20 согласных: 6 сонантов [m], [n]/[ɲ]/[ŋ], [l]/[l̥], [j]/[j̥], [ŋ], [w]; 4 билабиальных и лабиодентальных [p^h]/[p], [b], [f], [v]; 2 межзубных [ð], [θ]; 3 зубных и альвеолярных [t^h]/[t], [d̥]/[d], [s]/[s̥]; 3 постальвеолярных и палатальных [ç]/[ʃ^j], [tʃ^j], [dʒ]; 2 велярных [k]/[k^h], [g] и фарингального [h].

Необходимо отметить наиболее очевидные отличия в системе английского консонантизма шведско-английских билингвов:

1) Отсутствует пара противопоставляемых по наличию/отсутствию голоса английских аффрикат [tʃ] и [dʒ]. Имеет место трансферационная замена бифонемными аффрикатными образованиями [tç] и [dʒ], элементы которых являются результатом интерференции шведских фонем.

2) Отсутствует звонкий член пары противопоставляемых по наличию или отсутствию голоса фрикативных согласных фонем: [s - z], [ʃ - ʒ].

3) Отсутствующие в шведском языке – звонкий фрикативный [ð] и глухой фрикативный [θ] под влиянием шведского языка ослабляются и частично утрачивают межзубный характер.

4) Шведские аналоги английских переднеязычных, альвеолярных, взрывных согласных [t], [d], альвеолярного, глухого сибиланта [s] и альвеолярного, носового сонанта [n] отличаются по месту артикуляции:

[t] – всегда зубной, непридыхательный, глухой смычный [t̥];

[d] – может реализоваться как альвеолярный, непридыхательный, звонкий смычный [d] или как зубной, непридыхательный, звонкий смычный [d̪];

[n] – зубной носовой сонант [n̪], но может реализоваться как альвеолярный [n], если [d] реализуется как альвеолярный.

5) В отличие от английского шведский сонант [l] характеризуется как зубной [l̪]. Однако в речи, в ряде позиций (кроме начала слова), он реализуется как вибрант [ɾ].

6) В отличие от английского постальвеолярного, глухого, шипящего [ʃ] его шведский аналог может быть альвеоло-палатальным [ç] или преднебным, глухим, ретрофлексным, фрикативным согласным /ʂ/ (произносимым как [ʃ], [ɧ], или даже [x]).

7) Аналог английскому альвеолярному нелатеральному сонанту [r], который в американском произношении реализуется как ретрофлексный сонант [ɻ], в шведском – ретрофлексная апикальная трель [r̥]. Степень наличия [r̥] после гласного вариативна, но обычно выше, чем для носителей британского английского.

8) – губной, срединный сонант иногда подвергается трансферационной замене шведским билабиальным звонким [v].

Таким образом, для английского консонантизма шведско-английских билингвов релевантны такие корреляционные признаки: место артикуляции и способ артикуляции. Наблюдается интерференция норм количественного равновесия. Для системы согласных характерно оглушение согласных фонем.

4.5.2.2. Система гласных фонем

В Приложении (Таблица 4.4) представлены варианты реализации гласных, зафиксированные аудитором в аудиозаписях, в сопоставлении с английскими и шведскими гласными.

В системе вокализма английского языка шведско-английских билингвов 15 звукотипов-монофтонгов, из которых 10 являются результатом трансференции, т.е. переноса датско-английскими билингвами особенностей артикуляции шведских фонем в свой английский вокализм: [i:], [i], [u:], [ʊ], [ɥ:], [y:], [e], [ɛ], [ə], [ə]. 5 монофтонгов – этот результат конвергенции, т.е. совмещения английских и шведских артикуляционных характеристик: [æ], [ɔ:], [o:], [ɔ], [ɑ:].

Под влиянием шведского языка, к паре [u:] : [ʊ], аналога которой есть в английском вокализме, добавляются специфически шведские: закрытый продвинутый среднего ряда лабиализованный [ɥ:], закрытый переднего ряда сильно лабиализованный [y:], средне-закрытый переднего ряда лабиализованный [ʏ] в односложных словах, как: *you*, *who*, *choose*.

Для монофтонгов английского вокализма шведско-английских билингвов релевантны такие корреляционные признаки: долгота, степень открытости, лабиализация, напряженность. Система монофтонгов характеризуется тремя ступенями подъема – низкой, средней и высокой, и тремя рядами – передним, средним и задним.

В речи информантов имеет место интерференционная замена одного из элементов дифтонга, замена обоих элементов и монофтонгизация дифтонгов. Английские трифтонги либо монофтонгизируются: [aʊə] > [a:] и [aɪə] > [a:], либо дифтонгизируются, теряя средний элемент: [aʊə] > [aə] и [aɪə] > [aə]. Также возможна замена среднего элемента [ɪ] фрикативным аппроксимантом [j]: [ɔɪə] > [ɔjə] например, в слове *royal*.

Особенности англоязычного произношения шведов складываются под влиянием двух процессов: трансференции, т.е. переноса шведско-

английскими билингвами особенностей артикуляции шведских фонем в свой английский вокализм и консонантизм, и конвергенции, т.е. совмещения английских и шведских артикуляционных характеристик.

4.5.3. Лингвистическая интерпретация результатов экспертного анализа, проведенного носителями английского языка

На следующем этапе с помощью носителей английского языка, не филологов, проводилась экспертная оценка с целью определения особенностей национального акцента в английском произношении шведско-английских билингвов. Перед ними была поставлена задача: выделить те места интервью, где, по их мнению, говорящий допускает отклонения от стандартной (для аудиторов) произносительной нормы английского языка. В результате аудиторского анализа обнаружилось, что отмечены, в основном, отдельные согласные и, в меньшем количестве, некоторые сочетания согласных.

Что касается интерференционных и трансференционных изменений гласных в реализации информантов, носители языка, осуществлявшие экспертную оценку интервью, не выделили каких-либо отклонений в реализации гласных за исключением типичной замены английского [u] → [ʊ]/[y] в таких словах как *do, to, two, student* и т.п. К этому можно добавить, что аудиторы-американцы проигнорировали, а аудиторы-англичане отметили в комментариях как узнаваемые особенности «иностранного» акцента:

1) монофтонгизацию дифтонгов [ɛə]→[ɛ], [eɪ]→[eɪ̥]→[e], [ɔʊ]→[ɔ̥], [aʊ] →[a], трифтонга [aɪə] →[a]; 2) краткое произношение долгих гласных; 3) отсутствие позиционной вариативности долгих гласных; 4) расширение кратких гласных; 5) некорректное произношение [ɑ:], [ɔ:], [ə:] с ярко выраженной ларингизацией (скрипучий голос).

Поскольку эксперты, носители языка, не нашли каких-либо отклонений в произношении гласных, мы приходим к пониманию того, что они не являются существенными факторами в создании «глобального» иностранного акцента.

Ниже представлена лингвистическая интерпретация акустико-артикуляторных признаков произношения согласных в неподготовленной английской речи шведско-английских билингвов.

Постальвеолярные: [ʒ] → [ʃ] и альвеолярные [z] → [s]. Вследствие отсутствия в шведском языке альвеолярного звонкого фрикативного [z], в речи информантов постоянно имела место замена зубным глухим фрикативным [z] → [ʃ], включая позицию между гласными:

в середине слова/фонемного слова, например: *music, visit, physical, reason*; перед окончанием *-ed*, напр., *specialized*; в конце слова, например, *use, years, films*.

Звонкий характер [z] чаще всего сохраняется в английском произношении шведских информантов в начальной позиции *zero, zombie*.

Поскольку шведские звонкие согласные не оглушаются в конце слова, но оглушаются перед глухим согласным, наблюдаемое отклонение реализации фонемы [z] – это именно субституция одной фонемы другой, а не оглушение.

В шведском языке также отсутствует звонкий согласный [ʒ]. Вследствие этого во всех интервью отмечена реализация звонкой фонемы [ʒ] как глухой [ʃ] после гласного и перед сонантом, что позволяет исключить ассимиляцию под влиянием соседних фонем и говорить о субституции согласного.

Оглушение [ʒ] → [ç] наблюдалось в середине слова: *usually*; [ʒ] → [ʃ] → [ʃʲ] → [h̥] → [ç] в середине слова: *television*.

В артикуляции английского звонкого фрикативного постальвеолярного согласного [ʒ] информанты чаще всего не реализуют не только признак

«голос», но и признак «место артикуляции»: они произносятся [ʒ] как шведский глухой альвеоло-палатальный [ç].

Постальвеолярные: [dʒ] → [tʃ]. В шведском языке отсутствует противопоставленная по голосу пара постальвеолярных [dʒ] – [tʃ] и, как следствие, в данных интервью глухая фонема [tʃ] произносилась в большинстве реализаций либо без изменений, либо как [tç], тогда как фонема [dʒ] реализовалась как либо оглушенная [dʒ̥] либо глухая [tʃ]. Наиболее распространенным является оглушение [dʒ] → [dʒ̥] → [dʃ̥] в начале слова: *genetics, gymnasium*; в середине слова: *Norwegian, major, enjoyed*; в середине фонемного слова: *language spoken*; перед окончанием (e)s: *languages*; в конце слова, где глухими были все реализации фонемы [dʒ]: *age, exchange, college*.

В отдельных случаях процесс оглушения сопровождается распадом глухой аффрикаты и полным изменением ее характера: [dʒ] → [ç] в конце слова, например, *language*; [dʒ] → [s] в середине фонемного слова, например, *language spoken*.

В отдельных случаях наблюдалась замена [dʒ] → [j] в словах, в которых [dʒ] на письме передается как «g»: *generation* [jene'rejʃn]

Практически, для всех информантов характерен переход [tʃ] → [tç], реже - упрощение до [ç] в словах с графемой «ch»: *watching, much*.

Альвеолярные взрывные [d] → [d̥], [d] → [d̥], [d] → [dʰ], [t] → [t̥]/[tʰ]

Английские альвеолярные взрывные [d] и [t] вне зависимости от позиции в слове сохраняли типичное для шведского место артикуляции [t] – всегда зубной, придыхательный или непридыхательный, глухой смычный [t̥], [d] – альвеолярный, непридыхательный, звонкий смычный [d] или зубной, непридыхательный, звонкий смычный [d̥].

Замена звонкого английского [d] глухим или оглушенным [ɖ] имела место в середине или в конце слова рядом с глухим согласным, преимущественно перед [s]. Например, перед окончанием -s: *Swedes, leads*.

Для неподготовленной речи характерна редукция кластеров согласных фонем, например, [nds] → [ns] *weekends*; [ndb] → [nb] *handbag*.

В некоторых словах с удвоенной на письме буквой «tt» отмечалась реализация [t] как долгого (геминированного) согласного [t] → [tː]/[tˈt]: *shutter, matter*. В конце слова [t] часто реализуется как геминированный согласный с легким фрикативным релизом [t] → [tˈt̚]/[ʔtˈt̚] *right, thought, about*.

Дентальные [ð] → [ɖ], [θ] → [t̚].

Замена [ð] → [ɖ] не обусловлена позицией потенциальной фонемы и имеет место в начале слова (*the, this*), в конце слова: *with*, а также на границе двух слов: *and then, taken this*. Замена [ð] → [s̥] наблюдается в середине фонемного слова, и может классифицироваться скорее как регрессивная ассимиляция: *This thing*.

Замена [θ] → [t̚] также позиционно не обусловлена и может наблюдаться в начале слова: *three*, в середине слова: *ethnicity*, в конце слова: *birth*. Замена [θ] → [s̥] отмечается крайне редко.

В отдельных редких случаях отмечен переход от межзубной артикуляции к лабио-дентальной [θ] → [f], как это имело место в начале слова: *thing*.

Постальвеолярные: [ʃ] → [ç]. В реализации английского постальвеолярного глухого шипящего фрикативного [ʃ] отмечена палатализация, которая приводит к его изменению в палатализованный [ʃʲ] или альвеоло-палатальный [ç]. Переход [ʃ] → [ʃʲ] → [ç] наблюдается: в середине слова/фонемного слова, например, *rational, dashboard, reality-shows*; в конце слова, после гласной [ɪ], в суффиксе -ish, например: *English*;

в начале слова, напр., *sure, short*. В случае реализации фонемы [ʃ] перед [ɪ], фонема [ç] не воспринималась на слух как «необычная», например, в словах *she, ship*.

Глухие смычные [p] → [p^h], [k] → [k^h].

Глухой билабиальный смычный [p] и велярный [k] могут произноситься с сильной аспирацией [p^h], [k^h] в начале слова (*part; communicating*). В середине слова после гласного характерна преаспирация [p^h], [k^h] (*suppose speaking*). В конце слова степень придыхания может варьироваться (*keep, week*). В конце слова [p], [k] часто реализуются как геминированные согласные с легким фрикативным релизом [p] → [p^h], [k] → [k^h] (*step, map; look, speak*).

В некоторых словах с удвоенной на письме буквой «pp» отмечалась реализация [p] как долгого (геминированного) согласного [p] → [pː]/[p^h]: *happy, stopper*.

Звукосочетания /ks/ и /gz/ в произношении графемы «x». В речи информантов отмечено упрощение бифонемного глухого кластера [ks] → [s] *explaine* [ɛˈspleɪn] и оглушение и упрощение бифонемного звонкого кластера [gz] → [ks] → [s] *exactly* [ɪˈsɛːktɪli].

Латеральный аппроксимант [ɹ] → [ɹ^j].

Английский сонант [ɹ] практически всегда реализуется как палатализованный зубной латеральный сонант [ɹ^j], например, *seldom, called*, в соответствии с артикуляцией аналогичного шведского сонанта.

Альвеолярный нелатеральный аппроксимант [ɹ] → [r].

Реализация английского альвеолярного нелатерального аппроксиманта [ɹ] как шведской апикальной трели [r] имела место в начале слова (*really*), после согласного (*through, countries*). В интервокальной позиции наблюдалась реализация как альвеолярного одноударного [r] или как небно-альвеолярного, ретрофлексного аппроксиманта [ɹ] (*parents*).

Билабиальные и лабиодентальные [w], [v].

Английский лабиовелярный глайд [w] в произношении шведов приобретает более закрытый характер и может заменяться на [v]. Зачастую в речи информантов наблюдалась и обратная замена [v] → [w] как результат сверхкоррекции.

4.5.4. Факторы, характеризующие особенности произношения шведско-английских билингвов

Наиболее яркой характеристикой шведско-английского билингвального произношения является превалирующая замена реализация английского звонкого [z] глухим [ʒ] с сохранением интерферентной шведской зубной артикуляции.

Для реализации большинством информантов английских альвеолярных [t], [d], [n], [s], [l] характерно сохранение шведской зубной артикуляции.

Показательно, что почти во всех зафиксированных случаях реализации английского [ʒ] информанты делали замену [ʒ] → [ç].

Практически у всех информантов отмечена замена [dʒ] → [d͡ʒ] / [tʃ], но в дополнение к этой замене в реализации отдельных информантов отмечен переход [dʒ] → [j] преимущественно в заимствованных словах, адаптированных к нормам шведского произношения.

Для реализации глухого аффрикатного согласного характерен переход [tʃ] → [tç], реже – упрощение до [ç] в словах с диграфом «ch».

В более чем половине всех реализаций информанты совершали замены: английского [ð] шведским [d̥], при этом аналогичная замена английского [θ] шведским [t̥] отмечалась гораздо реже. Также отмечались случаи ассимилятивной замены английского [θ] → [ʒ].

В конце слова [t], [p], [k] реализуются как геминированные согласные с легким фрикативным релизом [t] → [tʰ̥], [p] → [pʰ̥], [k] → [kʰ̥].

Для некоторых информантов отмечено упрощение бифонемного глухого кластера [ks] → [s] и оглушение и упрощение бифонемного звонкого кластера [gz] → [ks] → [s].

Отмечены замены английского [l] шведским [lʲ], английского [ɹ] шведским [r], английского [w] шведским [v].

Реализации гласных присуща заметная ларингизация, большая подвижность губ, более передняя и закрытая, для гласных переднего ряда, или более отодвинутая назад артикуляция гласных.

К этому можно добавить: 1) монофтонгизацию дифтонгов [εə]→[ɛ], [eɪ]→[eɨ]→[e], [ɔʊ]→[ɔ̞], [aʊ]→[a], трифтонга [aɪə]→[a]; 2) краткое произношение долгих гласных; 3) отсутствие позиционной вариативности долгих гласных; 4) расширение кратких гласных; 5) некорректное произношение [ɑ:], [ɔ:], [ə:] с ярко выраженной ларингизацией (скрипучий голос) и сдвигом места артикуляции.

Выводы к Главе 4

До второй половины XX в. Швеция представляла собой монолингвальное, культурно-гомогенное сообщество, которое руководствовалось языковой идеологией, ориентированной на главный, шведский язык, но допускавшей использование языков пяти официально признанных национальных меньшинств. Вследствие активного участия в процессах интернационализации, вступления в Евросоюз, расширения иммиграции Швеция превратилась в мультилингвальное и мультикультурное сообщество, языковая политика которого основана на понимании необходимости сосуществования различных видов языковой идеологии и языковой практики – от языкового национализма до языкового плюрализма.

В течение 20–25 лет произошел сдвиг целей и принципов шведской языковой политики: от управления на общенациональном уровне, в форме

законодательных актов и правительственных документов, регламентирующих соотношение языков в масштабах всей страны, к более широкому ее регулированию на административном, региональном, локальном, общественном, институциональном и межличностном уровнях. В шведском обществе традиционная национальная идеология протекционизма шведского языка уступает место языковой идеологии интернационализации, инструментом которой служит английский язык.

Подавляющее большинство шведов владеет английским языком, что рассматривается как ценностный фактор в системе образования и в обществе в целом. Шведские социолингвисты выделяют пять областей его «присутствия»: 1) английский, преподаваемый как иностранный язык в системе образования; 2) английский как идентифицирующий инструмент коммуникации для отдельных групп населения, в том числе и «внешкольный английский» учащихся; 3) английский как лингва франка транснациональной коммуникации шведов с иностранцами; 4) английский, преимущественно используемый в отдельных доменах; 5) английский как элемент лингвистического пейзажа страны.

Благодаря высокому национальному уровню владения английским, он фактически имеет статус второго языка и широко используется даже в тех контекстах интранациональной коммуникации, где присутствие иностранцев не является определяющим условием, завоевывая такие высоко-статусные домены, как университетское образование, коммерция и индустрия.

Одновременно с проводимой правительством политикой внедрения АЯ «сверху», он приходит «снизу» в значительно больших масштабах как язык «цифрового поколения», к которому принадлежат все шведы в возрасте до 30–35 лет, т.е. более 1/3 всего населения. Это их лингва франка как в транснациональной, так и в интранациональной коммуникации.

Рассматривая проблему статуса АЯ, следует отойти от общего представления о вытеснении шведского языка английским и,

руководствуясь функционально-прагматическим критерием, разделить лингвокультурное влияние глобального английского языка, реализуемое путем проникновения англицизмов, пополняющих арсенал шведского языка, и использование АЯ в статусе второго языка. В этом статусе он, во-первых, служит основным инструментом коммуникации в двух специальных доменах: в домене науки и образования и в домене интернационального бизнеса, которые входят в открытое европейское и глобальное пространство АЯ, где наибольшее число шведов осуществляют транснациональное и транскультурное сотрудничество. Во-вторых, английский как второй язык используется в бытовой интранациональной коммуникации «снизу».

Регулирование языковой политики в многоязычных контекстах шведского бизнеса ориентировано на международных потребителей даже в тех организациях, где не проводится официальная языковая политика, а выбор языка коммуникации определяется участниками коммуникативных ситуаций.

Система шведского высшего образования также мотивирована необходимостью конкурентноспособного участия на международном рынке специалистов и ученых, но официально шведский является главным языком высшего образования во всех академических контекстах, в осуществлении связи с широкими кругами шведского общества и в обеспечении применения демократических принципов шведского общества в образовании и науке.

Интернационализация высшего образования и науки обеспечивается путем параллельного использования шведского и английского языков, создания институционального билингвизма и оптимального распределения специальной информации в зависимости от целей шведских и иностранных участников академической коммуникации, т.е. имеет место бинарная языковая репрезентация домена высшего образования и науки.

В Швеции сложилась ситуация трансязычия, в условиях которого интранациональное взаимодействие шведского и английского языков характеризуется двусторонней интерференцией, и ее результатом, во-первых, стала значительная «англификация» шведского, которую принято называть *Swengelska*, т.е. это шведский дискурс, содержащий большое количество англицизмов: заимствований, калек, включений английских слов, словосочетаний и клише. Во-вторых, результатом взаимодействия двух языков стал локализованный шведский английский (*Swenglish*), национальный вариант АЯ, который отличается специфическими чертами, сложившимися в результате лингвокультурного влияния автохтонного языка.

Swenglish характеризуется включением в дискурс на английском языке прямого перевода шведских слов и словосочетаний, использованием т.н. «ложных друзей», которые, при внешнем сходстве и общем происхождении, имеют разные значения. Грамматические особенности *Swenglish* представлены категориями, которые по-разному реализуются в английском и шведском языках. Так, в шведском языке нет герундия, поэтому шведы используют инфинитив даже в тех случаях, когда искажается значение высказывания. Распространенной особенностью *Swenglish* является генерализация модальных и вспомогательных глаголов. Вследствие различий в восприятии грамматического времени шведы имеют тенденцию использовать формы простого прошедшего вместо настоящего.

Формы *Present Perfect* используются вместо форм *Past Indefinite* для передачи простого действия в прошлом и формы *Present Continuous* – вместо форм *Present Indefinite* для передачи регулярно повторяющегося действия и общеизвестного факта. В предложениях с перфектными формами и модальными глаголами наблюдается свободный порядок слов. В англоязычной речи шведов имеет место избыточное употребление или отсутствие окончания 3 лица, ед. числа, наст.

времени «-s». По аналогии со шведским вводное *it* используется вместо *there*.

В произношении шведско-английских билингвов можно отметить две преобладающие тенденции:

1. Практически полное отсутствие звонких [z], [ʒ], [dʒ].
2. Изменение характера согласных:
 - а) дентальная артикуляция английских альвеолярных: [t], [d], [n], [s], [l];
 - б) сдвиг места артикуляции [ʃ];
 - в) выраженная аспирация в реализации английского [k] и [p];
 - г) удлинение согласных [t], [n], [p] в коротких ударных закрытых слогах;
 - д) удлинение и фриктивный релиз согласных [t], [p], [k] в конце слова;
 - е) замена английских межзубных [ð], [θ];
 - ж) реализация английского альвеолярного нелатерального аппроксиманта [ɹ] как шведского ретрофлексного [r] и его вокализация;
 - з) переход лабиодентального [v] в билабиальный [w] и наоборот;
 - и) монофонемная замена аффрикаты [tʃ].

В быстрой речи активно действуют ассимилятивные процессы, которые приводят к ослаблению, выпадению дентальных и альвеолярных и сокращению сочетаний согласных: [nɔ̃s] → [n̥s], [nd] → [n]/[n²], [nt] → [n], [nts] → [ns], [ntn] → [nn], [ks] → [s], [gz] → [ks] → [s].

Носители языка, осуществлявшие экспертную оценку интервью, не выделили какие-либо значительные интерференционные и трансферационные отклонения в реализации информантами гласных за исключением типичной замены английского [u] шведским [y:] или [y] в таких словах, как «do», «to», «two», «student» и т.п.

Глава 5. Английский язык как составляющая часть норвежского языкового пространства

5.1. Языковая ситуация и языковая политика в Норвегии

Норвежский – это национальный устный и письменный язык для примерно 88% жителей страны, население которой составляет ок. 5.4 млн. человек, включая, помимо этнических норвежцев, более 600 тыс. иммигрантов и ок. 20 тыс. представителей национальных меньшинств – саамов, квенских финнов и др. [De Smedt 2012, p. 45]. Языковая ситуация в Норвегии значительно отличается от языковой ситуации в Дании и Швеции тем, что, во-первых, отсутствуют национальные нормы и стандарты произношения и, во-вторых, функционируют два официально признанных варианта письменного норвежского языка *Bokmål* и *Nynorsk* [De Smedt 2012; Gooskens, Heeringa 2014; Røyneland 2009; Приложение 5.3.1-1a].

Диверсификацию национального письменного и разговорного языка в норвежском обществе следует рассматривать в свете исторически сложившейся идентификационной роли местных диалектов, более важной, чем в Дании или Швеции. В период политической унии с Данией (1396–1814 гг.) норвежцы продолжали говорить на своих местных диалектах. В силу малочисленности населения и географических особенностей территории существовала значительная диалектная вариативность, тогда как вся письменная коммуникация была унифицирована, поскольку велась на датском языке. Вплоть до 1814 г., когда Норвегия получила независимость от Дании, в этом регионе был распространен общий письменный датско-норвежский язык (фактически, диалект Копенгагена), а территориальные диалекты были для норвежцев основным фактором сохранения национальной и культурной идентичности [Røyneland 2009, p. 8]. Добавим к этому, что иллюстрацией к специфически норвежской традиции использования местных разновидностей языка может служить и руссенорск –

русско-норвежский торговый и морской пиджин, существовавший в XVIII–XX вв. на северо-востоке Норвегии и использовавшийся как вспомогательный язык торговых контактов между русскими и норвежцами [Клонова 2007, р. 4].

В результате длительной языковой борьбы в течение XIX в. в письменном норвежском языке получили равные права *Riksmål* (впоследствии *Bokmål*) и *Landsmål* (впоследствии *Nynorsk*), хотя первым пользуются 88%–90% населения, а вторым только 10%–12%. *Riksmål* (*Bokmål*) был создан Кнудом Кнудсенем по образцам письменного датско-норвежского диалекта образованных слоев населения столицы, но прошел длительную «норвегизацию». *Landsmål* (*Nynorsk*) был создан Иваром Осеном, который осуществил письменную стандартизацию устных западно-норвежских диалектов, и этот вариант до сих пор популярен в западном регионе. Равенство двух письменных вариантов было впервые законодательно утверждено норвежским парламентом в 1885 г. и затем неоднократно подтверждалось официальными документами, вплоть до Акта 2013 г. [Linn 2010, р. 117; De Smedt 2012, р. 46; Act 2013, р. 10; Gooskens, Heeringa 2014, р. 252; Røyneland 2009, р. 7].

Отсутствие стандартного варианта разговорного норвежского языка также было законодательно закреплено норвежским парламентом, который решил в 1878 г., что в школах не будет преподаваться разговорный стандарт, и учителя должны использовать местный диалект, на котором говорят их учащиеся. Это правило неизменно подтверждается во всех последующих законодательных актах, регламентирующих выбор языка обучения. Так, в разделе 2-5 Акта 2013 г. «Формы норвежского языка в начальном и среднем образовании» подчеркивается право местных органов определять, какая форма письменного языка (*Bokmål* или *Nynorsk*) должна использоваться в 1–7 классах, а, начиная с 8-го класса, учащиеся сами могут выбирать предпочтительный для них письменный вариант. Что касается разговорного языка обучения, рекомендуется принимать во внимание местную форму

норвежского языка: «*In the oral instruction, pupils and teaching staff decide themselves which form of the language they will use. However, in their choice of words and mode of expression, the teaching staff and the school leaders shall as far as possible take the spoken form used by the pupils into account*» [Act 2013, p. 10].

Э. Хауген считал, что в XIX в. Норвегия была образцом страны, где языковая политика полностью отвечала задачам становления национальной идентичности и национального государства. В опубликованной в 1959 г. статье «*Planning for a standard language in modern Norway*» он впервые ввел термин «языковое планирование», а в его монографии 1966 г. «*Language conflict and language planning: The case of modern Norwegian*» представлен анализ языковой борьбы и политики унификации и стандартизации двух письменных вариантов норвежского языка [Haugen 1959; Haugen 1966].

Вплоть до 1970-х гг. предпринимались попытки объединить оба варианта в один письменный стандарт, что соответствовало усилившейся в послевоенной Норвегии централизации экономической и культурной жизни и миграции населения из сельских районов в города. В 1966 г. правительство разработало проект закона о создании единого стандартного языка для системы образования на основе *Bokmål* и *Nynorsk*. Хотя закон не был принят парламентом, тенденция стандартизации языка стала проявляться в театре, средствах массовой информации, публичных выступлениях, дискурсе университетских студентов и преподавателей, общественных и политических деятелей и священнослужителей.

Идея стандартизации языка получила политическое звучание и вызвала противодействие сторонников традиционной для Норвегии децентрализации общественной жизни. Созданный правительством Комитет по оценке языковой ситуации (*Komiteen til å vurdere språksituasjonen*) предложил прекратить борьбу между сторонниками и противниками унификации и стандартизации, которая ослабляла позиции норвежского языка: «*We need to get away from such internal strife as it can have a weakening and sterilising*

effect on the language. We must build on the principle of equality between the two forms of our language and mutual respect between language groups. We need collaboration and tolerance» [Innstilling 1966, p. 3].

В 1971 г. был создан Норвежский языковой совет (*Det norske Språkrådet* [Lov... 1971]), который стал проводить языковую политику, следуя принципам языкового планирования, разработанным Э. Хаугеном. Одной из первых реформ, подготовленных Норвежским языковым советом в 1981 г. была «норвегизация» *Bokmål* путем возвращения многих традиционных норвежских форм, которые ранее были запрещены сторонниками стандартизации, но использовались в *Nynorsk* [Linn 2010, p. 118]. С этого времени попытки слияния и стандартизации двух вариантов отошли в прошлое. В качестве иллюстрации приведем выдержку из парламентской Белой книги 1997 г., где официальным лицам рекомендуется прекратить попытки стандартизации и способствовать автономному развитию *Bokmål* и *Nynorsk*: «...instead of emphasising developments intended to draw the language varieties together, language cultivation work will rather be bound up with the question of how *Nynorsk* and *Bokmål* shall be able to develop as well as possible autonomously» (... вместо того, чтобы подчеркивать события, направленные на совместное использование вариантов языка, работа по совершенствованию языка скорее будет связана с вопросом о том, как *Нюнорск* и *Букмол* смогут развиваться, по возможности, автономно)[Målbruk 1997, §2.4.2].

Серьезным политическим стимулом независимого развития вариантов послужили референдумы 1972 г. и 1994 г., на которых большинство норвежцев предпочли отказаться от вступления в Евросоюз и следовать национальным путем развития страны. Одним из элементов норвежского пути развития является сохранение местных диалектов и двух вариантов письменного языка – ассоциируемого с западной Норвегией *Nynorsk* и преобладающего в столице и на всей остальной территории *Bokmål* [Sandøy 2011, p. 121–123]. Местные муниципалитеты имеют право выбирать вариант письменного языка, который рекомендуется преимущественно использовать

на их территории. Из 428 муниципалитетов 160 или 37% официально утвердили *Bokmål*, 113 или 26% приняли *Nynorsk* и 155 или 36% характеризуются как нейтральные, *Nøytral*, т.е. документально не указан вариант языка, хотя фактически преобладает *Bokmål*.

Современные диалекты используются в устной речи норвежцами, независимо от их возраста, социального положения и уровня образования, как в неформальной, так и в официальной коммуникации, на радио и телевидении, в парламенте, в университетах, а школьным учителям даже запрещено законом исправлять диалект учащихся [Приложение 5.3.1-1a]. Как считает Ш. Гооскенс, исключительная роль местных диалектов объясняется тем, что в языковой практике норвежцев заложены традиции национальной культуры, основанной на демократических и эгалитарных принципах, благодаря которым норвежцы принимают разные децентрализованные варианты языка [Gooskens, Heeringa 2014, p. 252].

По наблюдениям Ш. Гооскенс и В. Хееринга, в Норвегии сложилось своего рода рецептивное многоязычие (скорее, рецептивная многодиалектность), поскольку носители конкретного местного диалекта понимают не только диалект Осло, который практически играет роль общенационального устного стандарта, опирающегося на письменный *Bokmål* в системе образования, но и все остальные местные диалекты. Более того, воспитанные в условиях языковой вариативности норвежцы лучше других скандинавов понимают не только национальные языки своих соседей, но и их территориальные диалекты [Gooskens, Heeringa 2014, p. 259, 268].

Сохранение местных диалектов не означает их консервацию. Как отмечает исследователь норвежских диалектов У. Рейнеланд, с начала 1980-х гг. и до настоящего времени идет интенсивный процесс регионализации, связанной с общей индустриализацией, урбанизацией и глобализацией норвежского сообщества. Это переориентация языковой и ментальной идентичности с локальной на региональную. Норвежцы стали

идентифицировать себя не только со своим городом или поселением, но и со своим регионом, со всей нацией, с окружающим миром. Языковая регионализация представляет собой сглаживание различий между локальными диалектами в условиях прекращения их обособленности и развитие характеристик, отличающих региональный диалект от центральных норм [Røyneland 2009, p. 8]. Норвежские лингвисты выделяют четыре основных диалектных региона: *Nordnorsk* (северонорвежский), *Trøndsk* (центральный), *Vestnorsk* (западнонорвежский), *Østnorsk* (восточнонорвежский) [Mæhlum 2012].

Таким образом, в отличие от Дании и Швеции, где языковая ситуация характеризуется сосуществованием национального языка, языков меньшинств и английского как второго языка интранациональной коммуникации, основной фактор норвежской языковой ситуации – это диверсификация национального языка и сосуществование его различных форм наряду с тем, что английский язык присутствует в Норвегии не меньше, чем в других скандинавских странах.

Естественно, что языковая политика норвежского правительства направлена на поддержку укрепившейся в конце XX в. диверсификации языка в системе образования и в общенациональных средствах массовой информации. Так, например, государственная радио/телекомпания (*The Norwegian Broadcasting Company – NRK*) в инструкции для своих сотрудников прямо указывала: «*Staff members can freely choose among the forms accepted in the norms for written language. NRK appreciates that staff members in their choices of forms and pronunciation give the standard language a regional stamp*» (Сотрудники могут свободно выбирать среди форм, принятых в нормах для письменного языка. ГРТК высоко оценивает тот факт, что сотрудники в выборе форм и произношения придают стандартному языку региональный отпечаток). По данным Х. Сандея, на четырех популярных радиоканалах *Bokmål* используется в 65.9% эфирного времени, *Nynorsk* – в 4.9% и региональные диалекты – в 29.2% [Sandøy 2011, p. 123].

К началу XXI в. произошел радикальный поворот в языковом сознании норвежцев, в содержании языковой борьбы и в направленности языковой политики. Ушла в прошлое общенациональная дискуссия о взаимоотношениях двух письменных вариантов и о роли территориальных диалектов. Ей на смену пришло обсуждение путей сохранения национального норвежского языка в условиях наступления «международного агрессора» – английского языка.

В докладе Норвежского языкового совета *Norsk i hundre!* (октябрь 2005 г.), где содержался призыв к парламенту выработать общую языковую политику, на первое место была поставлена проблема отношения между норвежским и английским языками: «*A unified language politics must be developed, to be discussed in Parliament, which embraces the relationship between Norwegian and English, the relationship between Nynorsk and Bokmål, standardisation, minority languages and work on comprehensible language in the public sector*» (Необходимо разработать и обсудить в парламенте единую языковую политику, которая охватывает отношения между норвежским и английским, отношения между Нюнорском и Букмоллом, стандартизацию, языки меньшинств и работу по выработке понятного языка в государственном секторе) [Norsk i hundre! 2005, p. 8].

В течение последующих трех лет Министерство образования и исследований, Министерство культуры и церкви и, в первую очередь, Норвежский языковой совет подготовили Белую книгу – внушительный сборник на 262 страницах *Mål og meining. Ein heilskapleg norsk språkpolitikk* (Цели и значение. Всесторонняя норвежская языковая политика [Mål og meining 2008]). В соответствии с Белой книгой декларируемая государством языковая политика должна исходить из следующих базовых положений:

1. Норвежский является полноценным языком, имеющим статус, позволяющий ему использоваться во всех контекстах и во всех секторах общества.

2. Он обладает специализированным словарем, достаточным для удовлетворения потребностей во всех областях и функциях языка.

3. Всесторонняя языковая политика должна обеспечивать равенство *Bokmål* и *Nynorsk*, учитывать роль диалектов и необходимость овладения иностранными языками, осуществлять координацию с Нордическим языковым сообществом.

4. В дополнение к задачам перспективного планирования, полноценная языковая политика должна быть направлена на то, чтобы лингвисты воспитывали любовь и уважение к родному языку, а в обществе укреплялось осознание такой вариативности норвежского языка, подобной которой нет в других странах

5. Современной тенденцией языковой ситуации во многих странах является интранациональное использование английского языка даже в ситуациях, где в этом нет нужды для коммуникации. Норвежскому языку также может угрожать вытеснение английским языком из ряда традиционных областей коммуникации, поэтому необходимо поддерживать его полноценный статус и разрабатывать стратегию активного укрепления национального языка. [Mål og mening 2008, s. 5].

Фактически в этом сборнике намечена переориентация всей языковой политики на борьбу с потерей доменов и на поиски путей сосуществования норвежского и английского языков: «*The overarching strategic goal for the language policy which is sketched in this paper is to combat domain loss for the Norwegian language and to ensure holistic status and use for the Norwegian language within all sections of Norwegian society*» (Главной стратегической целью языковой политики, изложенной в этом документе, является борьба с потерей доменов для норвежского языка и обеспечение целостного статуса и использования норвежского языка во всех подразделениях норвежского общества) [Mål og mening 2008, s. 24].

Белая книга выражает типичную для Норвегии демократическую суть стратегии противодействия потере доменов простой фразой: «Говорите по-

норвежски, когда вы можете, говорите по-английски, когда вам это необходимо» (*Norsk når du kan, engelsk når du må*) [Mål og meining 2008, s. 83].

С этого времени получает широкое распространение представление о параллельном использовании языков как инструменте интернационализации. В Норвегии определение концепта параллельного использования национального и английского языков или параллелингвизма (*Parallellspråklighet*, ср. с датским *Parallelsproglighed*) было впервые сформулировано в докладе *Norsk i hundre!*: «*Parallellspråklighet is a fundamental concept in this document. We shall use it for domains where two or more languages are in use, and where one language, in our case Norwegian, will always be the preferred language choice when it is not necessary to use a foreign language*» (Параллелингвизм является фундаментальной концепцией в этом документе. Мы будем использовать его для доменов, где используются два или более языка, и где один язык, в нашем случае норвежский, всегда будет предпочтительным выбором языка, когда нет необходимости использовать иностранный язык) [Norsk i hundre! 2005, p. 15].

В Белой книге 2008 г. были политкорректно использованы два названия стратегии параллельного использования языков: *parallellspråklighet*, пришедшее из датского, т.е. «параллелингвизм», для *Bokmål*, и *parallellspråksbruk*, т.е. «параллельное использование языков» – сложное слово, образованное по правилам норвежского словосложения, для *Nynorsk*. Цель стратегии параллелингвизма, или параллельного использования норвежского и английского языков, определялась как способ примирения тех, кто проявляет беспокойство по поводу защиты родного языка, и тех, кто предпочитает максимально использовать английский язык. Таким образом, отпадает необходимость делать выбор между этими языками: «*Instead of either Norwegian or English there is now talk of both Norwegian and English*» [Mål og meining 2008, s. 98].

С этого времени стратегия параллельного использования языков была безоговорочно принята во всех правительственных документах, регламентирующих норвежскую языковую политику. Так, например, в отчете Языкового совета за 2012 г. и в докладе об основах языковой политики (2013 г.), подготовленном по поручению Языкового совета Г. Кристофферсеном, М. Кристиансен и У. Рейнеланд, подчеркивается, что языковая стратегия должна быть принята в каждом учреждении, поскольку она способствует использованию норвежского языка, а также международного английского языка, который может быть использован в случае необходимости. Язык, как правило, должен быть норвежский или саамский, который также является равноправным официальным языком.

Английский и другие иностранные языки могут использоваться в ситуациях, когда это целесообразно и/или необходимо, например, в академической коммуникации.

Научные издания должны быть на языке, который отвечает определенной цели и является наиболее актуальным и естественным для конкретной академической среды.

Студенты и выпускники университетов должны знать и уметь использовать технический язык как на норвежском, так и на английском языках. Все организации должны разрабатывать такую стратегию языка, которая обеспечивают параллельное использование норвежского как национального технического языка и английского как языка международной терминологии. Все организации должны опираться на демократические принципы распространения и использования языка [Språkstatus 2012; Kristoffersen 2013].

В докладе Норвежского центра международного обучения (2016 г.), наметившего перспективы интернационализации высшего образования на последующие десять лет, подчеркивается, что норвежская государственная политика определяет норвежский как основной язык обучения, но всем высшим учебным заведениям также предлагается увеличить количество

курсов, преподаваемых на английском языке. Эти курсы должны быть доступны в рамках норвежской системы ученых степеней как для отечественных, так и для иностранных студентов [Nordic language policies 2016].

Общий подход как в высших учебных заведениях, так и в Министерстве образования заключается в том, что такая небольшая страна, как Норвегия, должна предлагать курсы английского языка для привлечения иностранных студентов в любом значительном количестве. До тех пор, пока норвежские и иностранные студенты рассматриваются как ценный ресурс для вузов и рынка труда, власти будут продолжать поощрять университеты и колледжи к обучению на английском языке.

Национальная политика также способствует учебе за рубежом на других языках, кроме английского, для тех, кто владеет навыками местного языка и культуры как «второй компетенции». Основным аргументом заключается в том, что для понимания культуры деловых отношений необходимо хорошее знание местных языков, а не только английского языка.

Норвежский государственный образовательный кредитный фонд предоставляет дополнительную поддержку для обучения за рубежом на языке, отличном от английского. Тем не менее, английский в целом, как ожидается, станет основным языком для сотрудничества и мобильности студентов и сотрудников – как отечественных, так и иностранных [Nordic language policies 2016].

За последние 10 лет Языковой совет Норвегии превратился в правительственный орган, наделенный исключительными полномочиями разрабатывать и внедрять в практику языковую политику страны. В этом его отличие от соответствующих советов Дании и Швеции, зона ответственности которых включает только разработку рекомендаций по языковой политике своих сообществ.

Выполняя задачи языковой политики «сверху», Языковой совет Норвегии занимается вопросами стандартизации и укрепления двух письменных вариантов норвежского языка в обществе, способствует развитию информационных технологий, в частности, созданию норвежского языкового банка интернета как инструмента поддержания национального языка, пропагандирует изучение языков меньшинств и иммигрантов (около 13% населения Норвегии составляют иммигранты в первом поколении и родившиеся в Норвегии дети иммигрантов), дополнительных иностранных языков, регламентирует области параллельного использования норвежского и английского языков.

Однако же в реальной языковой ситуации «снизу» практика взаимодействия норвежского и английского языков представляет своего рода континуум, где пользователи осуществляют свой выбор, руководствуясь прагматикой коммуникации, а не жесткой идеологией параллелингвизма, что будет показано в последующем изложении.

5.2. Статус английского языка в Норвегии

Следуя концепции Б. Качру, некоторые скандинавские авторы включают Норвегию, а также Данию, Швецию, Финляндию и Нидерланды, в число стран, где АЯ считается не вторым, а иностранным языком, поскольку они основываются на критериях его статуса в странах Расширяющегося круга. Например, в монографии 2016 г. Й. Альдерсон и соавторы предлагают следующую формулировку: «... *a second language is typically one that is learned or acquired and spoken in a country where it is used by native speakers as their L1. A foreign language is one that is not used as an L1 by the majority of the population of a country*» (... второй язык, как правило, тот, что изучается или приобретается в стране, где он используется носителями этого языка. Иностранный язык – это тот, который не используется как первый язык большинством населения страны) [Alderson

2016, p. 71]. В соответствии с такой трактовкой вторым языком, например, в Швеции может быть финский (и/или саамский), а в Норвегии – саамский, поскольку в Швеции есть шведы, а в Норвегии – норвежцы, для которых эти языки являются родными.

Напомним, что еще в 2003 г. П. Брутьо писал, что в некоторых странах, где английский традиционно считался иностранным языком, он становится вторым языком: «... *English is widely taught as a second language while being no one's primary language... Rather than using history or geography to determine whether English is a second or foreign language, it is more productive to consider the level of proficiency and use in a country*» (Английский язык широко изучается как второй язык, хотя он не является основным языком... Вместо того, чтобы использовать историю или географию, чтобы определить, является ли английский вторым или иностранным языком, более продуктивно рассматривать уровень владения и использования в стране) [Bruthiaux 2003, p. 172, 175].

Д. Кристал отмечал, что в современном мире различия между английским как иностранным и как вторым языком становятся менее значительными. По его словам, АЯ сегодня стал существенно необходимым (*essential*) и используется намного больше в некоторых странах, где он является всего лишь иностранным языком (в Скандинавии и Нидерландах), чем в странах, где он приобрел статус второго языка в результате британской колонизации [Crystal 2012, p. 67].

В Норвегии существует давняя традиция коммуникации на английском языке. Участница дискуссии, развернувшейся на страницах интернет-сайта *Norwegian language blog*, К.-О. из Бергена объясняет, что западное побережье с центром Берген, и южный регион, где расположена столица страны Осло – это традиционный район судоходства и рыболовства, и занятые в этих отраслях представители различных национальностей должны были находить язык общения: «*The West coast of Norway has always been influenced a lot with fishing and boats, many of these went abroad and came to*

other countries. My granddad worked on a boat as a machinist or something like that and the boat went abroad all the time with other nationalities on board and they would usually use English, to communicate with each other and when they came to other countries» (Западное побережье Норвегии всегда было под большим влиянием рыболовства и судоходства, многие из жителей выезжали за границу, в другие страны. Мой дедушка работал на корабле как машинист или что-то в этом роде, и корабль все время ходил за границу с людьми других национальностей на борту, и они обычно использовали английский, чтобы общаться друг с другом и когда они приходили в другие страны). К.-О. отмечает также, что, по словам ее матери, работающей в бергенском отделении концерна *Cargotec*, который осуществляет производство и поставку специализированных машин для обслуживания нефтепромыслов, английский служит рабочим языком всех сотрудников компании [Приложение 5.3.1-2. *Why are Norwegians...*].

А.-Л. Грэдлер изучила отношение норвежской прессы к АЯ на материале 3743 газетных статей, опубликованных в 2008–2012 гг., где так или иначе обсуждается статус английского языка. Результаты ее анализа свидетельствуют о том что, в целом, преобладает позитивная оценка широкого использования АЯ, но в значительном количестве публикаций прослеживается идея о том, что английский и норвежский языки находятся в состоянии войны, и существует угроза национальному языку (*English is at war with and seen as representing a threat to the Norwegian language*) [Graedler 2014, p. 291]. Она составила достоверную картину того, как к АЯ относятся в норвежском обществе, отобразив в процентном отношении позиции авторов публикаций:

23% уверены, что АЯ становится все более агрессивным и завоевывает новые позиции;

19% отмечают, что АЯ преобладает в различных областях и постоянно используется как язык молодежи;

16% считают, что, занимая главенствующую позицию, английский значительно богаче, чем норвежский язык;

12% подчеркивают, что АЯ стал универсальным языком во всем мире;

11% назвали его доминирующим языком номер один;

8% указали АЯ качестве негативной или разрушительной силы и главной угрозы для норвежского языка;

7% полагают, что АЯ не создает проблем для существования норвежского языка;

4% считают АЯ В важным ресурсом и незаменимым средством коммуникации. [Graedler 2014, p. 303]

Наиболее очевидные факты распространения английского языка проявляются в коммуникации, прежде всего, молодых людей, для которых стало привычным включение английских слов и выражений в речь на норвежском языке, как об этом говорит, например, дизайнер и преподаватель W.H.: *It's no wonder that certain words are being implemented in everyday vocabulary, and even phrases.* По наблюдениям W.H., норвежцы настолько переполнены английским языком, что могут говорить по-английски со своей собакой: *Perhaps they just feel that they are so filled up with the language that the urge to let it out is irresistible, but it would be odd if they started to talk English to the spouse, colleagues or neighbors, so it has to be the dog* [Приложение 5.1-1с].

А. Доманска из Института лингвистики, университета Бергена провела опрос студентов и выяснила, почему они используют англицизмы в коммуникации на норвежском языке [Domanska 2008, p. 80]. Факторы, побуждающие ее респондентов прибегать к переключению кодов, сводятся к трем категориям (примеры приводятся без изменений из [Domanska 2008, p. 80]):

1. Выбор английского слова или выражения интенционален и лингвистически мотивирован необходимостью наиболее оптимально передать мысль и сформировать высказывание:

- *English words feel better or more sufficient to use.*
- *Sometimes the right Norwegian word just doesn't come to mind, but I remember the English word.*
- *The English word highlights a nuance better than the Norwegian word does.*
- *There is no equivalent in Norwegian for English expressions, or the English expressions sound better or are more sufficient to use.*

2. Выбор английского слова или выражения интенционален и эмоционально-поведенчески мотивирован желанием передать свою принадлежность к англо-американской молодежной культуре:

- *It's result of culture influence, slang, trends.*
- *Some use it to mimic another culture trying to make it their own by mixing it with their native tongue.*
- *Young people might want to sound cool and show that they are connected to the English language.*
- *When they do it on purpose I think they are trying to be "trendy".*

3. Англицизмы прочно вошли в норвежский язык молодых людей, стали элементом их дискурса, и их использование не воспринимается как переход с одного языка на другой или как включение в речь на родном языке иноязычных слов и выражений:

- *It's so usual to do that we probably don't question it at all.*
- *Some use English instead of Norwegian simply because they don't know they are doing it.*
- *I think they normally do it without thinking about it.*

Англицизмы передают реалии англо-американского экономического, общественно-политического и социо-культурного влияния; способствуют гибридизации лингвистического ландшафта, национального интернета, коммерческой рекламы. В текстах коммерческих рекламных объявлений постоянно практикуется включение англицизмов – отдельных слов, словосочетаний и предложений. Например, в косметическом отделе

супермаркета *Steen og Strøm* на улице *Nedre Slottsgate* в Осло привлекает внимание реклама геля для душа: «*Dusjsepe og kroppspeeling i ett. De små scrubkornene rensar og stimulerer huden din. New Lux two-in-one skin expert – a difference you can feel, a beauty you can see*» (*Shower soap and body peeling in one. These small scrub granules clean and stimulate your skin. New Lux two-in-one exert - a difference you can feel, a beauty you can see*).

Там же, в на этаже женской одежды и обуви: «*Paradise is where you make it, and walking through it with a pair of Havaianas women's flip flops on makes it even better. Bli inspirert og lag dine egne sommerklær med de klassiske kvinner flip-flops...*» (*Be inspired and create your own summer outfits using the classic women's flip flops...*).

Как неоднократно подчеркивали социолингвисты С. Йоханссон и А.-Л. Грэдлер, переключение кодов в подобных текстах характерно для стиля норвежской рекламы. Оно направлено на молодых потребителей, поскольку обилие англицизмов создает ощущение принадлежности к глобальному сообществу [Johansson, Graedler 2002, p. 95; 2005, p. 163].

Включение англицизмов как элемента гибридного норвежско-английского лингвистического ландшафта страны повсеместно наблюдается на улицах городов в коммерческой рекламе товаров норвежского производства, предназначенных для норвежских потребителей, в текстах на придорожных щитах, в названиях и проспектах туристических объектов, гостиниц, магазинов, ресторанов и проч. [Graedler Use... 2014].

Английский язык в Норвегии играет роль не только фактора адаптации национального языка к условиям глобализации, но и универсального инструмента коммуникации, позволяющего жителям этой небольшой страны принимать активное участие в жизни современного мира. Он выполняет функции:

– инструмента интранациональной коммуникации а) с иностранными туристами, 3.6 миллиона которых по данным статистики посетили страну в 2015 г., б) с мигрантами и экспатриантами, недостаточно владеющими

норвежским языком, в) в интернете, кино, телевидении и средствах массовой информации;

– второго языка высшего образования и одного из основных предметов среднего образования;

– инструмента транснациональной коммуникации в зарубежных поездках норвежцев;

– инструмента интранациональной и транснациональной коммуникации а) в науке и бизнесе, б) в общественно-политических контактах норвежцев.

Действительно, общий уровень владения АЯ и масштабы его распространения в Норвегии свидетельствуют о том, что неправильно считать английский иностранным языком, и в системе образования норвежцы усваивают его не как иностранный, а как второй язык [Brevik 2015, p. 4]. Социолингвисты из университета Осло Л. Хвала и А.-Л. Грэдлер подчеркивают, что в норвежских школах грамотность в английском языке развивается параллельно с грамотностью в родном языке: «*Literacy in English develops alongside the pupils' first language literacy. Other foreign languages, by contrast, are not introduced until after the foundation for literacy has been established*» (Грамотность на английском языке развивается наряду с грамотностью в первом языке учащихся. Другие иностранные языки, напротив, не вводятся до тех пор, пока не будет установлен фундамент для распространения грамотности) [Chvala, Graedler 2010, p. 75]. По замечанию У. Риндал, юные норвежцы не воспринимают английский как иностранный язык, поскольку они постоянно подвержены его воздействию: «*Following the increased out-of-school exposure and English language proficiency, English no longer feels foreign to Norwegians*» (Вследствие внешкольного воздействия английского языка и высокого уровня владения английским языком больше не является иностранным для норвежцев) [Rindal 2015, p. 241-242].

В этой скандинавской стране государственная политика распространения английского языка «сверху» является естественным компонентом общескандинавского процесса глобализации, отвечающим интересам всего общества. К Норвегии полностью применимо высказывание А. Пенникука, характеризующее международный английский язык: «...*the spread of English is considered to be natural, neutral and beneficial. It is considered natural because ... its subsequent expansion is seen as a result of inevitable global forces. It is seen as neutral because it is assumed that ... English has in some sense become detached from its original cultural contexts. And it is considered beneficial because a rather blandly optimistic view of international communication assumes that this occurs on a cooperative and equitable footing*» (... распространение английского языка считается естественным, нейтральным и полезным. Английский язык считается естественным, потому что ... его последующее расширение рассматривается как результат действия неизбежных глобальных сил. Он считается нейтральным, потому что предполагается, что ... английский в некотором смысле оторван от своих оригинальных культурных контекстов. И он считается полезным, потому что оптимистичный взгляд на международную коммуникацию предполагает, что она происходит на основе сотрудничества и справедливости) [Pennycook 1994, p. 9].

Насколько распространение английского языка является естественным, нейтральным и отвечающим интересам жителям страны? Каким норвежцы видят статус английского языка «снизу», и как они оценивают уровень владения АЯ своих сограждан? Эти вопросы задавались норвежцам при личном общении и были размещены на интернет сайте <https://www.quora.com/>. Их ответы дают реальное представление о той роли, которую играет английский язык в их жизни. В качестве иллюстрации приведем без изменения отдельные выдержки из наиболее типичных ответов (см. Приложение 5.3):

W.V., норвежец из Осло: *People mainly speak Norwegian in Norway. However, just about everyone is also fluent in English as a second language. This is the case with all of the Scandinavian countries* [Приложение 5.3.1-1d].

К.Д., американка норвежского происхождения, училась в университете Осло, живет в Норвегии: *It is certainly not just Norwegians who possess excellent English language skills. Other nationalities that have proven their incredible fluency in English include Denmark, Sweden, Finland and the Netherlands* [Приложение 5.3.1-1c].

W.H., норвежец, вернулся в страну, проведя несколько лет за границей: *I used to think that Norwegians were among the best and that almost everyone spoke fairly good English, but I have changed my opinion after living many years away from the country. Most people know some English and I guess younger people speak it fairly well, like it's the case in most European countries today, but among adults it's another story* [Приложение 5.3.1-1c].

C.B., норвежец из Осло: *If you think that we speak English in Norway as our first language, you've been misinformed.*

If you think that the average Norwegian speaks English as a second language on a daily basis, you've been misinformed.

Most Norwegians only speak English when they go on vacation.

Most Norwegians do go on vacation at least once a year, however, so having a reasonable command of English is useful [Приложение 5.3.1-1d].

Суммируя представления среднего норвежцев о статусе английского языка и о его роли для жителей этой страны, отметим следующие положения:

1. Норвежский является первым, основным языком интранациональной коммуникации норвежцев, а английский – вторым, дополнительным языком, необходимым в определенных коммуникативных контекстах

2. Большинство норвежцев используют английский язык в транснациональной коммуникации, в частности, находясь в зарубежных поездках.

3. Они так же свободно говорят по-английски, как их скандинавские соседи и жители Нидерландов.

4. В обществе наблюдается тенденция слишком высоко оценивать уровень владения английским языком, поскольку свобода изъяснения по-английски в бытовой транснациональной коммуникации большинством норвежцев, далеких от лингвистики и языковой политики, воспринимается как общий высокий уровень языка.

5. Представление среднего норвежца о статусе английского языка варьируется в зависимости от индивидуальных умений и навыков англоязычного общения и личного опыта бытовой транснациональной коммуникации.

Как бы ни варьировался индивидуальный уровень владения английским языком и опыт англоязычной коммуникации тех норвежцев, с которыми приходилось общаться в интернете и во время посещения страны, их представления о причинах столь активного распространения АЯ практически совпадают и сводятся к пяти категориям (выдержки из высказываний респондентов приводятся без изменений):

1. Небольшие размеры страны, в которой проживает большинство тех, кто может общаться на норвежском языке, являются причиной того, что для коммуникации со всем остальным миром им необходим язык-посредник:

S.R.: There's about 5 million people in the world who speak Norwegian, a vast majority of them living in Norway [Приложение 5.3.1-1d].

C.B.: Trying to get by in the world with a language spoken by 5 million, and understood by fewer than 20 million Scandinavians isn't going to get you very far [Приложение 5.3.1-1d].

K.: No other nationalities speak these languages, so it is imperative for people in these countries to learn English if they want to be part of the global community in any way [Приложение 5.3.1-2].

2. Высокий уровень национального дохода и благосостояния населения позволяет норвежцам много путешествовать и учиться за рубежом:

K.: They have several things in common: like Denmark, Sweden, Finland, and the Netherlands, Norway is a small, wealthy, northern European country. This reason is essentially the major reason that all others stem from. People from such countries typically travel a lot and therefore get to use English more than their less traveled counterparts. Most Norwegians like traveling abroad, many young people go to the universities in the US, or UK, or Australia, so English is a necessity [Приложение 5.3.1-2].

3. Наряду с норвежским языком и математикой английский язык занимает ведущее положение как один из основных предметов школьного образования:

W.V.: Norwegians have one of, if not the best education system in the world, and it helps them to stay relevant in business, tourism and culture to teach their children English from a young age [Приложение 5.3.1-1d].

K.: Students start learning English early and particularly in college, some, if not all classes are taught in English [Приложение 5.3.1-1c].

N.G.: I think we start learning English earlier than at the age of 8. We start learning the numbers and the colors when we're like 6-7, I think [Приложение 5.1-2].

4. Благодаря интернету, телевидению, кино, средствам массовой информации норвежцы постоянно открыты для воздействия английского языка:

K.: TV, music, media, and computer games, to name a few, are heavily influenced by the English language. Movies are subtitled, rather than dubbed, as many other countries do [Приложение 5.3.1-1c].

C.B.: Because we don't dub TV and movies, we get an almost immersive learning experience from an early age. My 15-year old daughter could probably pass for an American, as long as the conversation doesn't stray from what you can learn from «Keeping up with the Kardashians» or «Pretty little liars». My 12-year old watches tons of English language YouTubers with no subtitles. Back

in the day I would watch reruns of «The Brady bunch» and «I dream of Jeanie» on satellite TV [Приложение 5.3.1-1d].

A.L.: The only reason that its easier for Norwegians to learn English is exposure. Many commercials aimed at Norwegian consumers are in English, and we watch a lot of English-language TV shows and movies, subtitled in Norwegian. So, we're exposed to the language a lot [Приложение 5.3.1-1b].

5. Многие норвежцы убеждены в том, что один из главных факторов, обеспечивающих высокий уровень владения АЯ – это близкое родство и, следовательно, сходство норвежского и английского языков. Причем, среди них это мнение распространено намного шире, чем среди датчан и шведов, возможно, в силу того, что в исторической памяти норвежцев все еще актуальна потребность национального самоутверждения [Nickelsen 2012].

Национальной гордости норвежцев отвечает теория профессора университета Осло Я. Фаарлунда, утверждающего, что предшественником современного АЯ был не древнеанглийский, а вытеснивший его *Old Norse*, древнескандинавский язык викингов, захвативших восточно-центральный и северо-восточный ареалы Англии (см. Раздел 2.3. Факторы, способствующие распространению английского языка в странах Скандинавии).

Очевидно, далеко не каждый из тех, с кем приходилось общаться в Норвегии, читал книгу Я. Фаарлунда и Дж. Эмондса *English: The Language of the Viking* [Emonds, Faarlund 2012], но идея близкого родства норвежского и английского языков многими респондентами принимается с энтузиазмом, хотя люди, имеющие лингвистическую подготовку в объеме общеобразовательной школы, недостаточно четко представляют себе состав германской группы языков. Например:

M.I.: The English language is heavily influenced from Scandinavian languages from the Vikings, you will find that a lot of the English language derives from Scandinavian languages [Приложение 5.3.1-1b].

Более образованные респонденты не соглашаются с гипотезой близкого родства норвежского и английского языков, но признают, что их принадлежность к одной группе языков и вытекающие из этого общие характеристики способствуют усвоению АЯ. Так, например, Р.Н., изучавший древнеанглийский язык и знакомый с гипотезой Я. Фаарлунда, предложил свою точку зрения: *English is a West Germanic language and it's a fact that the Vikings added a small amount of vocabulary to the English language. However, there is a professor of linguistics who suggests that English is not a West Germanic, but a North Germanic (i.e. Scandinavian) language, and I think he has a point... In any case, the traditional view of English as belonging to the West Germanic family, including German, Dutch, Flemish and Frisian is perhaps a bit too simple: in my opinion, it is somewhere on its own in between the North and West Germanic language groups* [Приложение 5.3.1-1b].

К., которая училась в Университете Осло и прослушала курс лингвистики, отметила: *One of the main reasons that northern Europeans are extremely good at English is because these languages are Germanic and have similarities to each other and to German, for instance* [Приложение 5.3.1-1c].

Употребленная в приведенном выше высказывании К. оценочная характеристика «*extremely good at English*», возможно, справедлива по отношению к студентам столичного университета, но многие норвежцы критически оценивают диапазон индивидуальных расхождений в уровне владения английским языком.

J.S., норвежец из Осло: *If you mean «Are Norwegians able to speak English?» the answer is: Yes. There's a tendency to overestimate one's fluency, however, but if you need to ask someone for assistance most people will be able to understand you.*

If you mean «Is English a commonly-spoken language in Norway» or something to that effect, the answer is: No [Приложение 5.3.1-1e].

Действительно, даже на улицах восточных пригородов Осло *Furuset* или *Stovner* в течение одного дня, обращаясь за информацией к

случайным прохожим, вы можете услышать фразу, которая скоро запомнится: *Beklager, jeg snakker ikke engelsk veldig bra (Sorry, I don't speak English very well)*. Тем не менее, всегда найдутся те, кто может ответить по-английски на все ваши вопросы.

Прежде всего, надо отметить, что наблюдаются значительные возрастные различия в уровне владения АЯ. Так, например, норвежец W.H. говорит: *Most people know some English and I guess younger people speak it fairly well, like it's the case in most European countries today, but among adults it's another* [5.3.1-1c].

C.B. вспоминает людей старшего возраста, для которых английский язык стал популярен только после освобождения Норвегии от немецкой оккупации: *My grandparents didn't speak English very well. Instead they spoke fluent German... After being liberated from the five-year Nazi occupation Norway shifted completely towards the English speaking cultural sphere* [Приложение 5.3.1-1d].

Такого же мнения придерживается норвежка H.J., говоря о людях, родившихся в 1950-х гг.: *There is the myth that everyone in Scandinavia speaks perfect English – my 60-year-old parents don't, don't they count?* [Приложение 5.3.1-1c].

Изменения в уровне владения АЯ произошли на протяжении жизни одного поколения, как об этом говорит, живущая в Осло пожилая женщина Ф., впервые приехавшая в Норвегию из США после войны и вышедшая замуж за норвежца: *When I first visited Norway as a new, non-Norwegian speaking bride, Norway was a small, relatively poor, Northern European country (still recovering from the war and the occupation). The older generation, to a large extent, was non-English speaking.* Однако же во многих домах был телевизор, перед которым дети проводили все свободное время, и большинство программ шли по-английски. *I have always believed that this exposure, combined with the fact that, if Norwegians step one foot out of Norway,*

no one has any idea what they are saying has motivated them to become fluent in English [Приложение 5.3.1-2].

Значительно различается уровень владения АЯ норвежских подростков, представителей «цифрового поколения» и их учителей, сформировавшихся до эпохи цифровых технологий. Первые успешно владеют навыками устной речи, говорят бегло, используют сленг, не следят за грамматической правильностью. Вторые говорят более медленно, используют правильные грамматические формы и структуру предложения.

Молодые люди сознают, что усваивают английский язык успешнее, чем люди старшего поколения, включая своих учителей. Приведем два ответа, сохранив грамматическую структуру и стиль респондентов.

A.N.: *I can see where you going with this, but hey, like you said, not all of the Norwegians are good at speaking English! Mostly people who were born earlier than the 70-ies actually suck (молодежный сленг – «дерьмо»). It's the newer generation that you're might point to...* [Приложение 5.3.1-2].

K.-O.: *The younger generation today watches movies, TV-shows, use YouTube, travel, use English practically and do use the Internet a lot. It is not weird that the younger generations from mostly all over the world are getting better at English than their teachers when we use it so much in the media and computer games online, blogs and TV. We do also work harder in school to get what we want, if you want a really good job, you should know English* [Приложение 5.3.1-2].

Художник и преподаватель дизайна W.H. также отмечает, что подростки лучше говорят по-английски, чем многие взрослые, речь которых часто отличается сильным акцентом: *One thing you can hear is the heavy accent when even quite prominent persons speak, people who use English quite often, having lots of international contacts... An accent is natural but when it's so heavy that you can barely decipher what the person is saying, it might be problematic* [Приложение 5.3.1-1с].

W.H. имеет ввиду двух знаменитых соотечественников, «норвегизированное» английское произношение которых стало предметом насмешек и пародий. Это Т. Ягланд (*Thorbjørn Jagland*), род. в 1950 г., бывший премьер-министр, председатель Норвежского Нобелевского комитета (присудившего по его инициативе премию мира Бараку Обаме), Генеральный секретарь Совета Европы, и П. Сульберг (*Petter Solberg*), род. В 1973 г., чемпион мира по автогонкам.

По мнению участников дискуссии на тему «*Why are Norwegians so good at speaking English?*», развернувшейся на страницах интернет-сайта *Norwegian language blog*, значительные различия в акценте и уровне владения АЯ зависят также от региона проживания норвежцев. Южная и юго-западная Норвегия – это зона международного туризма, нефте- и газодобычи, тогда как малонаселенные север и северо-восток страны менее развиты, а местные диалекты более изолированы. Например, респондент S. пишет, что жители западного побережья говорят более правильно, чем жители восточной Норвегии: *I have noticed that the Norwegians who live on the West coast, get a much more similar dialect with Native English speakers than the people of Eastern Norway, where I can easily hear their ugly dialects flow into their English* [Приложение 5.3.1-2].

Сравнивая факторы присутствия АЯ в скандинавских странах, необходимо отметить следующие положения:

1. АЯ служит катализатором изменений во всех скандинавских языках в результате интенсивного использования англицизмов и определенной гибридизации дискурса.

2. АЯ служит основным языком транснациональной коммуникации и фактически приобрел статус второго языка интранациональной коммуникации.

3. Основное различие заключается в том, что в датском и шведском самосознании сформировалось представление о дихотомии: первый, национальный язык : второй, английский язык. Языковая идентификация

коренных норвежцев, составляющих 87% населения страны, строится по схеме противопоставления: а) местного диалекта – общенациональному варианту (*Bokmål* или *Nynorsk*»), б) одного общенационального варианта – другому, в) родного, норвежского языка – иностранному, английскому.

В масштабах всего норвежского сообщества родной язык, со всеми диалектами и вариантами, имеет статус первого, а иностранный, английский язык транснационального общения, – второго. В процессе взаимодействия норвежского и английского языков возникают проблемы утраты национальным языком доменов, например, в сфере международного бизнеса, где владение английским языком является обязательным фактором, поскольку он служит универсальным языком коммуникации и часто используется как *lingua franca* [Hellekjær 2012, p. 7], в высшем образовании, где значительная часть письменных материалов и лекций дается на английском языке [Ljosland, 2008, p. 321].

Английский язык является обязательным школьным предметом в течение 11 лет, и мы можем предположить, что все ныне живущие норвежцы имели некоторую форму обучения английскому языку [Graedler 2002, p. 58]. За последние десятилетия молодые норвежцы испытали значительное влияние английского языка через аудиовизуальные средства массовой информации, многие часто путешествуют и используют его как лингва франка с носителями и неносителями АЯ. Английский язык стал вторым языком норвежцев, частью их лингвокультурной идентичности, и они формируют его статус в коммуникативной практике [Rindal 2010; 2014; 2015].

5.3. Английский язык в специализированных сферах норвежской экономики и высшего образования

Финские исследователи Р. Пиеккари и соавторы пишут, что использование корпоративного английского языка в фирмах скандинавских

стран диктуется практической необходимостью: если они хотят преуспеть в бизнесе за пределами своего региона, то должны переходить на английский язык уже на начальном этапе процесса интернационализации [Piekkari et al. 2014, p. 14].

Для зарубежных потребителей работают 3/4 экономики Норвегии, которая входит в ведущую группу самых богатых стран мира по объему ВВП на душу населения. Естественно, что английский является основным языком деловой коммуникации с зарубежными партнерами, от которых зависит процветание этой скандинавской страны. Норвежские государственные финансы подкрепляются значительными доходами от экспорта нефти и газа, а в традиционных отраслях хозяйственной деятельности сохраняются морское судоходство (четвертый по величине флот в мире), рыболовство и рыбоводство. Норвегия также известна как крупнейший экспортер металлов, поскольку норвежские компании – это основные производители ферросплавов и, в частности, алюминия для металлургической промышленности стран ЕС.

Норвегия входит в первую пятерку стран, откуда ЕС импортирует промышленную продукцию, после Китая, России, США и Швейцарии, и занимает седьмое место по экспорту из ЕС, после США, Китая, Швейцарии, России, Турции и Японии. В торговых потоках Норвегии традиционно доминирует ЕС, товарооборот с которым составляет 74,3% от всего объема [Norway. Trade picture 2017].

Английский служит основным языком экономических отношений Норвегии с Евросоюзом и странами-партнерами в других регионах мира. Как пишет популярный интернет-сайт для экспатриантов, желающих обосноваться в Норвегии: *«Business language is Norwegian, but English is spoken throughout with a high degree of fluency. Although English language levels are generally very high in Norway, it must be remembered that it is still a foreign language»* (Язык бизнеса – норвежский, но на английском языке говорят с высокой степенью беглости. Хотя уровень владения английским

языком в Норвегии очень высок, следует помнить, что он по-прежнему является иностранным языком) [Doing business 2017].

Подобно тому, как официальная языковая политика ЕС провозглашает равенство всех языков стран Сообщества в ситуации, когда английский служит реальным языком транснациональной коммуникации, официальная позиция Норвежского языкового совета и Министерства культуры также заключается в требовании использовать в качестве языка бизнеса, прежде всего, национальный язык, а также другие иностранные языки [Mål og meining 2008]. Однако *de facto* именно английский используется повсеместно, наряду с норвежским. Приведем высказывание С.В., сотрудника одной из компаний: «*A few Norwegians, like me, work in multinationals where English is the working language. In practice, I still speak Norwegian 90% of the time, even at work*» (... Немало норвежцев, как и я, работают в транснациональных корпорациях, где английский является рабочим языком. На практике я все еще говорю по-норвежски в 90% случаев, даже на работе) [Приложение 5.3.1-1d.].

Правительственные органы имеют только один рычаг прямого влияния на выбор рабочего языка бизнеса: в соответствии с установками норвежского Закона о бухгалтерском учете вся отчетность норвежских компаний должна вестись на национальном языке. Как свидетельствуют результаты финансовых отчетов 500 крупнейших компаний Норвегии за 2015 г., языковые требования выполняются далеко не всегда: 36,2% компаний представили свои финансовые отчеты только на норвежском языке, а 44,9% компаний – на английском или других иностранных языках в дополнение к норвежской версии. 18,9% компаний обратились в Норвежское налоговое управление и получили разрешение представить свои финансовые отчеты только на английском языке, поскольку на этом языке ведется их документация [Sanden 2017].

Исполнительный директор норвежской Торгово-промышленной палаты Л.К. Легернес отметил в статье на информационном сайте, что

многие норвежские компании изо всех сил стараются найти сотрудников с достаточно хорошими навыками английского языка, и это действительно серьезная проблема, которая постоянно растет [Legernes 2011]. Надо сказать, что недостаточно высокий уровень профессионального АЯ в многонациональных компаниях – это не только норвежская или скандинавская проблема. Исследования, проведенные в ряде европейских фирм подтверждают как доминантную позицию английского языка в бизнесе, так и тот факт, что персонал компаний недостаточно владеет профессиональным английским (или другим иностранным) языком: «...*there is a lack of staff with advanced proficiency in English because they, as often as not, are forced to rely on their foreign language skills from upper-secondary school. They are, by all parties involved, considered utterly inadequate in all languages*» (... существует нехватка персонала с продвинутой квалификацией на английском языке, потому что они, как и многие другие, вынуждены полагаться на свои навыки иностранного языка, полученные в средней школе. Они, по мнению всех сторон, считаются совершенно неадекватными на всех языках) [Hagen et al. 2006, p.6, 7].

Исследователи языковой коммуникации в многонациональном норвежском бизнесе констатируют, что использование английского языка встречается с рядом аналогичных проблем. Г. Хеллекьер, изучавший языковую ситуацию в норвежских экспортных фирмах, обнаружил, что многие сотрудники владеют только бытовым английским языком в пределах программы средней школы, а их наниматели не проводят курсы по повышению профессиональной языковой компетенции. Соответственно, уменьшаются возможности обмена специальной информацией между представителями многонационального персонала фирмы: «*On the one hand, this means that language skills without the necessary professional profile are not sufficient. On the other, it means that business knowledge can, to some extent at least, compensate for poor language skills and help repair or improve communication*» (С одной стороны, это означает, что языковые навыки без

необходимого профессионального профиля недостаточны. С другой стороны, это означает, что знание бизнеса может, в некоторой степени, по крайней мере, компенсировать слабые языковые навыки и помочь в улучшении коммуникации) [Hellekjær 2012, p. 8].

Опираясь на данные, полученные в 302 норвежских компаний, Г. Хеллекьер подсчитал, что 286 фирм или 95% используют английский язык. Наряду с английским, они используют другие языки в соответствующих странах: немецкий – 52 фирмы или 17%, датский и шведский – 50 или 16%, французский – 23 или 8%, испанский – 12 или 4%, русский – 8 или 3%, другие языки – 20 или 7%.

Респонденты Г. Хеллекьера назвали виды коммуникативной деятельности, в которых, по их мнению, они могут эффективно использовать английский язык: переписка по электронной почте – 88%, переговоры по телефону – 50%, сообщения по телефаксу – 11%, личное общение – 9%, деловая переписка – 4%. И эти же респонденты указали, что они испытывают трудности в следующих видах коммуникативной деятельности на английском языке: в обсуждении и написании контрактов – 75% респондентов, маркетинге продукции – 61%, на совещаниях руководства – 41%, в научных разработках – 39%, в административно-управленческой работе – 38%, и т.д.

При этом на вопрос, нуждаются ли они в улучшении языковых навыков и в каких языках, 50% респондентов отметили, что их уровень профессионального английского языка недостаточен для выполняемых ими обязанностей. 35% заявили, что хотели бы усовершенствовать профессиональный немецкий язык, 25% – французский, 22% – испанский, 15% – русский и 9% – китайский. [Hellekjær 2012, p. 11-14]. Подчеркнем, что АЯ может использоваться повсеместно как глобальный деловой лингва франка, а другие языки – в основном на территории или с представителями стран этих языков.

Политика использования английского как корпоративного *lingua franca* может повлиять на то, как сотрудники предпочитают общаться друг с другом или воздерживаться от неформального взаимодействия на рабочем месте, что может иметь последствия для передачи информации внутри организации. Поскольку пользователи английским как *lingua franca* обычно ограничиваются менее обширным английским регистром, эти сотрудники склонны отступать от бытовых разговоров, что в конечном итоге делает корпоративное общение более формальным и узко ориентированным на выполнение текущих обязанностей. Р. Пиеккари и соавторы называют это явление «эффектом принуждения к молчанию» (*silencing effect*) [Piekkari et al. 2014, p. 235].

По замечанию Г.Р. Санден, «эффект принуждения к молчанию» также может наблюдаться на уровне высшего руководства, хотя топ-менеджеры обладают более развитыми языковыми навыками, чем рядовые сотрудники. Внедрение английского в качестве рабочего языка в руководстве скандинавских компаний приводит к тому, что некоторые из членов совета становятся «молчаливыми» (*silent*). Недостаточное владение профессиональным АЯ норвежских менеджеров иностранных филиалов многонациональных корпораций служит причиной нарушения взаимодействия между штаб-квартирой и дочерней компанией, поскольку местные сотрудники испытывают трудности понимания информации, которую представляют норвежские менеджеры [Sanden 2015, p. 21, 22].

Наряду с проблемой недостаточного владения профессиональным АЯ компании часто встречаются с проблемой культурного барьера в общении с иностранными партнерами. По данным С. Хагена и соавторов, 42% норвежских фирм испытывали трудности взаимодействия с представителями других стран из-за культурных различий, которые могут объясняться тенденциями регионального изоляционизма вследствие исторически сложившейся ориентации норвежского бизнеса на своих ближайших скандинавских соседей [Hagen 2006, p. 22].

Торгово-промышленная палата Осло неоднократно выражала обеспокоенность по поводу того, что норвежская промышленность испытывает острую нехватку работников, владеющих специализированным английским языком и транскультурными знаниями. Сотрудники этой организации считают лингвокультурные навыки в бизнесе настолько важными, что они разработали собственную программу обучения как служащих международных компаний, так и представителей высшего уровня деловых людей и работодателей [Thue-Vold 2012, s. 2].

Мы обратились в Торгово-промышленную палату Осло с просьбой помочь найти информацию за 2016-2017 гг. относительно использования английского языка в норвежских компаниях, расположенных в районе Осло и работающих в области международного бизнеса [Приложение 5.2-8]. Узнав, что обращение исходит от российского лингвиста, изучающего использование английского языка в Скандинавии, менеджер по связям К.Х. согласилась провести опрос среди клиентов Торгово-промышленной палаты. К.Х. поддерживает с ними контакты, поскольку в ее обязанности входит управление информационными интернет-страницами сайта Торгово-промышленной палаты Осло. Ей был передан список из 10 вопросов, и через неделю мы получили обработанные ответы по вопросам 1-6.

1. Влияет ли языковая компетенция сотрудников компаний на выбор экспортных рынков? Нет 90%, Да 10%.

2. Нанимают ли компании работников с конкретными языковыми навыками в английском языке для потребностей экспорта? НЕТ 62%, ДА 38%.

3. Нанимают ли компании носителей английского языка, которые поддерживают внешнюю торговлю? НЕТ 62%, ДА 38%.

4. Нанимают ли компании местных агентов и дистрибьюторов, которые говорят на языке стран, куда они экспортируют продукцию? НЕТ 88%, ДА 12%.

5. Нанимают ли компании местных переводчиков в странах, куда они экспортируют продукцию?? НЕТ 44%, ДА 56%.

6. Компании когда-либо адаптируют свои сайты с учетом культурных особенностей иностранных рынков? НЕТ 8%, ДА 92%.

Вопросы 7-10 остались без ответов, поскольку, как нам объяснили, в них содержался запрос конфиденциальной информации о внутренней политике компаний, публичное обсуждение которой противоречит принятым в Норвегии нормам деловых отношений:

7. Ваша компания ведет учет навыков владения языком?

8. Ваша компания когда-нибудь предлагала языковые курсы своим сотрудникам?

9. За последние 2 года ваша компания провела обучение своих сотрудников иностранному языку?

10. Как вы думаете, ваша компания должна будет помочь сотрудникам приобрести дополнительные языковые навыки и лингвокультурные знания в течение следующих 2 лет.

Комментируя ответы на вопросы 1-6 и отсутствие ответов на вопросы 7-10, К.Х. отметила, что усовершенствование языковой подготовки преимущественно практикуется крупными компаниями. Средние и малые компании просто не могут позволить себе инвестировать в обучение, но отдельные компании, несмотря на ограниченные ресурсы, берут на себя ответственность за повышение уровня владения английским и другими иностранными языками и развитие культурных знаний. Объявления компаний о наборе новых сотрудников публикуются обычно на норвежском и/или английском языках, и в них, как правило, не содержится требование владения английским языком, поскольку, по словам К.Х., все норвежцы говорят по-английски (см. Вопросы 1, 2, 3). В зарубежных представительствах компаний работают, в основном, норвежцы, свободно говорящие по-английски, и, в случае необходимости, они пользуются

услугами местных переводчиков и рекламных специалистов. (см. Вопросы 4, 5, 6).

Подводя итог, отметим что английский фактически служит вторым языком интранациональной и основным языком транснациональной коммуникации в норвежском бизнесе, хотя многие респонденты высказывают неудовлетворенность уровнем владения профессиональным языком. Однако же обсуждение и официальное признание статуса английского как второго языка этой сферы находится вне зоны ответственности авторов языковой политики и, вероятно, в силу специфики норвежской языковой ситуации, не привлекает внимание руководителей бизнеса и лингвистов.

Напротив, в высшем образовании статус АЯ регламентируется «сверху» в постановлениях правительства [Målbruk 1997; Mål og mening 2008] и документах университетов [Guidelines NTNU 2009; Language...Oslo 2010; Language...Akershus, 2013]. Статус АЯ поддерживается «снизу» студентами, преподавателями, администрацией в их ежедневной коммуникативной практике, которая может варьироваться от обучения на международных программах и написания научных работ до участия в совещаниях и конференциях [Gulden 2008, p. 207].

Во всех секторах норвежской системы образования, интернационализация, инструментом которой служит английский язык, является приоритетной задачей. Над ее решением постоянно работают университеты и университетские колледжи, привлекающие иностранных студентов и преподавателей и расширяющие обучение на английском языке. Из 56 государственных и частных норвежских вузов 23 или 41.1% предлагают программы на английском языке для норвежских и иностранных студентов [English-Taught Programmes 2014].

В 2017/2018 учебном году в норвежские высшие учебные заведения были приняты около 15000 иностранных студентов и было объявлено о преподавании на английском языке более 200 магистерских программ, в том

числе 73 в Университете Осло, более 50 в Норвежском университете естественных и технических наук, Например, предлагаемые в Университете Осло программы, включают гуманитарные и социальные науки, юриспруденцию, теологию, математику и естественные науки, образование, медицину, стоматологию, энергетику, гендерные исследования и норвежский язык для ученых, от которых не требуется его предыдущего знания.

В Национальной учебной программе английский характеризуется как язык, необходимый всем членам норвежского общества для работы, получения высшего образования и, в целом, жизни в Норвегии, а также для успешной коммуникации за ее пределами: *English is a universal language. When we meet people from other countries, at home or abroad, we need English for communication. ... When we want information on something of private or professional interest, we often search for it in English. In addition, English is increasingly used in education and as a working language in many companies. To succeed in a world where English is used for international communication, it is necessary to be able to use the English language and to have knowledge of how it is used in different contexts* (Английский язык является универсальным языком. Когда мы встречаем людей из других стран, дома или за рубежом, нам нужен английский для общения. ... Когда нам нужна информация о чем-то, представляющем частный или профессиональный интерес, мы часто ищем ее на английском языке. Кроме того, английский язык все чаще используется в образовании и как рабочий язык во многих компаниях. Чтобы преуспеть в мире, где английский используется для международного общения, необходимо иметь возможность использовать английский язык и знать, как он используется в разных контекстах). Программа подчеркивает, что АЯ является одновременно инструментом развития языковой и межкультурной компетенции и ресурсом социальной деятельности [National Curriculum 2006, 2013, p. 2].

Первая редакция Национальной учебной программы была введена в действие в 2006 г., и, начиная с 2008 г., все норвежские университеты стали опираться на ее положения в процессе разработки своих вариантов институциональной языковой политики. Покажем это на примере оперативных руководящих принципов языковой политики трех самых больших вузов Норвегии: Университета Осло, Норвежского университета естественных и технических наук в Трондхейме, Университетского колледжа прикладных наук Осло и Аккерсхуза (*University of Oslo, Norwegian University of science and technology, Oslo and Akershus University College of applied sciences*).

Так, в преамбуле Руководства по языковой политике Университета Осло (2010) сообщалось, что языковая политика должна помочь в реализации стратегического плана Университета и его цели – развития наукоемкого университета высокого международного уровня. Университет Осло будет продвигать параллелингвизм (*parallel-lingualism*). Это означает, что норвежский следует совершенствовать как основной язык в Университете и поощрять лингвистическое разнообразие, в условиях которого английский является основным иностранным языком [Language... Oslo 2010].

Поскольку университеты связаны положениями Закона об использовании языка в государственной службе, норвежский язык объявляется основным языком управления и обучения [Guidelines... NTNU 2009; Language... Oslo 2010; Language ...Akershus 2013]. Параллельно с норвежским языком английский указывается как основной язык, используемый для международных целей [Language ...Akershus 2013]. Английский – это основной иностранный язык, а скандинавские языки – датский, шведский и норвежский, считаются равными для учебных целей [Guidelines... NTNU 2009].

Языковая политика Университета должна быть направлена на поощрение и развитие использования норвежской технической

терминологии. Требования, касающиеся использования норвежского языка, не распространяются на иностранных студентов и на международные программы. Однако иностранным студентам и сотрудникам следует предлагать курсы норвежского языка [Guidelines... NTNU 2009; Language... Oslo 2010; Language ...Akershus 2013].

Студентам и сотрудникам настоятельно рекомендуется развивать свои языковые навыки на норвежском и английском языках, чтобы активно участвовать в международном профессиональном сотрудничестве [Language ...Akershus 2013].

Академическая литература и учебные пособия могут использовать скандинавские языки, английский и другие иностранные языки по мере того, как студенты улучшают свои академические знания на высоком международном уровне. Когда есть учебная программа, отвечающая академическим стандартам и написанная на норвежском, шведском или датском языках, преподаватель должен всегда информировать об этом студентов [Guidelines... NTNU 2009].

Английский и другие иностранные языки используются по необходимости или по академическим причинам, а совершенствование знания языка считается целью обучения, что должно способствовать повышению уровня владения профессиональным английским языком и научными навыками письма. Научные работы публикуются на языке, наиболее актуальном для отдельного академического сотрудника [Language... Oslo 2010].

Английский язык является основным языком для публикации на международном уровне. Докторские и магистерские диссертации, как правило, публикуются на норвежском или английском языках в зависимости от целевой аудитории. В случае публикации на норвежском языке следует предоставить краткое описание на английском языке, и наоборот [Language ...Akershus 2013].

Студенты должны знать и иметь возможность использовать техническую терминологию на норвежском и английском языках или на каком-либо другом иностранном языке. Они не обязаны использовать английский или другой иностранный язык в обучении или экзаменах, если это не является частью предмета и не определено в описании курса [Language... Oslo 2010].

Информация должна быть опубликована на языке, наиболее подходящем для аудитории, которой информация предназначена. Веб-сайт Университета также должен содержать легкодоступную информацию на английском языке [Language... Oslo 2010].

Важная информация должна распространяться, насколько это возможно, на норвежском и английском языках. Информация о чрезвычайной ситуации и безопасности на кампусе должна сообщаться на норвежском и английском языках [Language ...Akershus 2013].

В Руководстве по языковой политике Университета Осло есть заключительная статья, подчеркивающая приоритет британских норм: «*For official information from the University in English the standard is British English (Oxford English Dictionary)*» [Language... Oslo 2010].

Единственный правительственный орган, выражающий обеспокоенность по поводу перехода университетов на параллельное обучение, – это Норвежский языковой совет (*Språkrådet*), который в течение многих лет вел борьбу за сохранение норвежского как основного языка высшего образования и научных исследований. По инициативе Совета в закон о норвежском высшем образовании от 12 мая 1995 г. был внесен § 2.7, который гласил, что норвежский язык является языком обучения в норвежских университетах и колледжах. Министерство образования неоднократно пыталось исключить это положение, и только в 2005 г. этот параграф был выведен из нового закона о норвежском высшем образовании и заменен тезисом о параллельном использовании норвежского и английского языков [Brock-Utne 2007, p. 377, 378].

По прошествии 10 лет Совет продолжает борьбу против использования слишком большого количества курсов на английском языке. Как заявил представитель Совета О. Воге, это может негативно сказаться как на качестве учебы, так и на подготовке к последующей трудовой деятельности, поскольку большинство выпускников университетов будут работать в Норвегии и пользоваться, в основном, норвежским языком: «*Too much English could be damaging both during studies and for life after them. We are particularly concerned for new students who find that almost their entire programme is in English. We are not convinced about the learning benefits, as it's not certain all students are good enough at English. It is a big problem if only English is used in education. The vast majority of people will be working in the Norwegian labour market afterwards*» (Слишком много английского языка может повредить как во время учебы, так и для жизни после нее. Нас особенно беспокоят новые студенты, которые видят, что почти вся их программа на английском языке. Мы не уверены в преимуществах обучения, так как не все студенты достаточно хороши в английском языке. Это большая проблема, если в образовании используется только английский язык. Впоследствии подавляющее большинство этих людей будут работать на рынке труда Норвегии). Согласно официальной позиции Норвежского языкового совета, курсы, преподаваемые на английском языке, полезны; и в современных условиях английский необходим, но приоритетным в университетской практике должен быть норвежский язык: «*English threatens the future of the Norwegian language. It is completely natural to use both Norwegian and English. But we have seen that some classes are using solely English reading material*» (Английский угрожает будущему норвежского языка. Естественно использовать как норвежский, так и английский. Но мы видим, что некоторые программы используют исключительно английский материал для чтения) [Kritiserer... 2017; Norway universities... 2017].

Языковая политика университетов должна строиться на компромиссе между требованиями того же Совета, который может влиять на решения

правительства о бюджетных ассигнованиях на высшее образование, и необходимостью их интернационализации. Поэтому не удивительно, что проректор Университета Осло Г.Б. Мо говорит, что норвежский является основным языком занятий в университете, а количество часов английского языка варьируется в зависимости от целей учебных программ: «*We monitor closely language policies and the balance between Norwegian, English and other languages in our course catalogue*» [Norway universities... 2017].

Такой же позиции придерживается ее коллега, проректор по учебной работе Бергенского университета О. Самдаль, которая говорит, что распределение норвежского и английского языков в учебном процессе может представлять проблему, но они работают, чтобы обеспечить баланс использования языков: «*As an institution, we are occupied by developing and taking care of the Norwegian language of study. We are aware of this and have had several issues about the problem with the English language that we should take care of*» [Kritiserer... 2017].

В отличие от членов Норвежского языкового совета, норвежские студенты менее критично относятся к количеству английского языка, используемого в учебных курсах и научных исследованиях. Президент Норвежской ассоциации студентов М.Й. Бельдо не согласен с тем, что английский язык чрезмерно используется в университетах и колледжах: «*No, we students don't think it's a problem. Books in English are good and provide the academic input we need*». Английский на равных условиях с норвежским практикуется как один из двух основных языков обучения и академической работы на многих магистерских программах. Независимо от языка преподавания, все студенты должны быть знакомы с норвежской и английской академической терминологией для соответствующего предмета [Kritiserer... 2017; Norway universities... 2017].

Профессор Университета Осло Б. Брук-Утне, много лет преподававшая в африканских университетах, пишет, что норвежские студенты-магистранты, у которых раньше никогда не было английского как языка

обучения, ни в средней школе, ни в бакалавриате университета, как правило, лучше говорят и пишут по-английски, чем большинство африканских студентов, у которых английский был языком обучения в течение десяти, а иногда и четырнадцати лет. Они также демонстрируют высокий уровень владения академическим словарем на норвежском языке [Brock-Utne 2007, p. 371].

В Университетском колледже Осло и Акерсхуса по рекомендации С.Р., консультанта технологического факультета (*Fakultet for teknologi, kunst og design*) мы обратились к магистранту из России Д.М., который организовал встречу со своими сокурсниками, где присутствовали 9 иностранных и 5 норвежских студентов. Ниже без изменения приводятся некоторые выдержки из ответов респондентов, распределенные по трем тематическим группам [Приложение 5.2-4]:

Достаточно ли преподавательский состав в норвежском университете владеет английским языком, чтобы обучать студентов на адекватном уровне?

– (Норвежская студентка 1) *The professors and the lab staff are great to speak English. They are very open and very helpful. The professors ask us to know how to help to study their courses.*

– (Норвежская студентка 2) *At Akershus you speak English with your teachers, as with friends.*

– (Студент из Кипра) *In my opinion, how they teach the Network and system administration course in English is optimal for foreign students.*

– (Студентка из Португалии) *My English wasn't perfect but I very well accepted the Norwegians and the Erasmus community. The fact that everyone speaks English is very easy to communicate and feels accepted.*

– (Норвежская студентка 3) *This is a very open academic atmosphere. Everybody speaks great English. If you have questions, you contact your professors by skype and ask whatever...*

– (Студентка из Германии) *Lecturers are great though you spend much less time sitting in lectures, and you have to read in English much more. For me it was a new experience, but I like this system.*

Насколько оптимальны профессиональные навыки английского языка преподавателей в контексте исследовательской работы и участия в международных научных контактах?

– (Студентка из Беларуси) *Everybody can speak and write good professional English in the Norwegian academic system, I would have used two words: innovation and research.*

– (Норвежский студент) *Akershus university college is very well organized and innovative. Since my department is small, it is very easy to get to the staff and discuss in English... well, sometimes also in Norwegian... all the research related issues.*

– (Студент из Нигерии) *Research in the field of science and development is offered in English, so it was easy with terminology. I talked to one of my professors that I wanted to find a job in Norway and he persuaded me to learn Norwegian terminology.*

– (Студент из России) *Professors teach you critical thinking, not just do a compulsory assignment. Teaching in English is very useful for international students; They are doing everything possible to help students from abroad.*

– (Норвежская студентка 4) *The MSc international program at the university college was useful for our teachers' experience and for their professional advantages. They got a new understanding of multinational teaching, how to express oneself in English and be understood by all kinds of non-native speakers of English.*

– (Студентка из Венгрии) *The students here have more independence on how to do research and organize study time, there are fewer exams than in Hungary.*

Может ли преподавательский и административный персонал решать академические вопросы, связанные с сотрудничеством с иностранными студентами?

– (Студентка из Германии) *In my opinion, the curriculum at Akershus is optimal for international students, and it is offered in English. The academic support and the College's detailed study guide are a great help. These factors make sure that you are well-prepared.*

– (Студентка из Польши) *Education is more advanced than in most Eastern European countries, and is offered in English. Administration and professors are very accessible, and they give you professional support.*

– (Студентка из Беларуси) *I was surprised by the large modern library, as well as free Internet access and computers in all buildings.*

– (Студентка из Румынии) *The professors and staff are more interested in the students' success than in my country Romania.*

– (Студент из Нигерии) *This is a very modern university, everything is well organized, they have chosen the best English-speaking lecturers for each subject.*

– (Студентка из Венгрии) *Study at Akershus is different, I think, better than at Debrecen university (Hungary). They focus on important and practical subjects in each course, not just theoretical ones.*

Из обсуждения ясно, что английский успешно служит языком коммуникации в различных ситуациях учебного процесса и в контактах с администрацией учебного заведения. Однако же возникает сомнение относительно того, насколько они могут объективны в оценке академического качества английского языка, используемого в университетских контекстах. Действительно, как пишет исследователь из Университета Осло С. Брубек: «*Norwegian students should, in theory, be highly skilled users of English. They should be able to communicate successfully in various types of contexts, manage to read and understand English textbooks and follow lectures in English at university level*» (Теоретически, норвежские студенты должны быть высококвалифицированными пользователями

английского языка. Они должны уметь успешно общаться в различных контекстах, уметь читать и понимать английские учебники и понимать лекции на английском языке на университетском уровне). По результатам своих наблюдений С. Брубек нашла, что студенты обладают достаточными знаниями АЯ, чтобы продуцировать речевые акты в неформальном общении, но в специализированных контекстах они чувствуют себя неуверенно и переносят неформальные прагматические нормы в такие виды академической коммуникации, как, например, публикация результатов научно-исследовательской работы [Brubæk 2012, p. 2, 17].

Публикация научных исследований также является одной из тех областей, где академический английский доминирует на международном и национальном уровне. Начиная с 2004 г. Норвежская ассоциация высших учебных заведений (*Norwegian Association of Higher Education Institutions – Universitets og høyskolerådet*) проводит рейтинг научных публикаций под названием «*Vekt på forskning*» (*Emphasis on Research*) в соответствии с Норвежским индикатором публикаций. Индикатор является универсальной норвежской моделью оценки научной деятельности с одинаковыми показателями для всех дисциплин, которые остаются относительно неизменными с 2004 г. Он был впервые использован для распределения средств в университетах и колледжах в 2006 г., а в 2008 г. система была расширена с помощью общей базы данных всех норвежских вузов [Sivertsen 2008].

Этот рейтинг предусматривает два уровня оценки исследований в зависимости от того, в каком журнале или издательстве их авторы публикуют свои научные труды: уровень 1 включает в себя все издания, которые можно назвать научными или академическими. Издания уровня 2 являются наиболее важными в каждой предметной области и в них размещаются не более 20 процентов от общего количества научных публикаций в конкретной области [Evaluation 2014, p. 2]. Из 486 ведущих мировых издательских компаний 55 компаний относят к уровню 2 (более

80% издательских компаний уровня 2 находятся в США) и 431 к уровню 1. Из 1758 научных журналов десятая часть относится к уровню 2, и среди них только четыре журнала в области гуманитарных наук, издающиеся на норвежском языке, были ранжированы как журналы второго уровня: *Rettsvitenskap*, *Historisk Tidsskrift*, *Edda* и *Maal og Minne* (*Jurisprudence*, *Historical Journal*, *Edda* и *Goal and Memory*) [Brock-Utne 2007, p. 372]. Практически все публикации в изданиях второго уровня и большинство публикаций в изданиях первого уровня написаны на английском языке.

Показательно, что среди исследований, посвященных английскому языку в Норвегии, нам встретилось всего лишь несколько работ, написанных по-норвежски, например, докторская диссертация Р. Льюсланд *Lingua franca, prestisjespråk og forestilt fellesskap: Om engelsk som akademisk språk i Norge* (*Lingua franca, prestige language and imagined community: About English as academic language in Norway*) [Ljosland 2008]. Восемь из десяти научных статей, написанных норвежскими исследователями, публикуются в англоязычных журналах, и каждая третья монография издается за пределами Норвегии. Причем, выбор языка зависит от области исследования: по-английски написаны 86% работ из области естественных наук, 77% – из области технологий, 71% – из области медицины, и только 40% – по тематике социальных и 35% – по тематике гуманитарных наук [Evaluation 2014, p. 3].

Завершая краткое обсуждение роли английского языка в интернационализации норвежского бизнеса, высшего образования и научных публикаций, мы должны отметить, что в Норвегии проблема потери доменов национальным языком также актуальна, как в Дании и Швеции [Ljosland 2008; Linn Voices... 2010; Linn Parallel... 2014]. Авторы языковой политики трактуют домен как совокупность языковых средств, в первую очередь, специальных терминов, используемых в какой-либо специализированной области коммуникации, а потерю домена – как потерю норвежским языком этих средств. В документах, планирующих языковую

политику «сверху», потеря домена воспринимается как реальность, которая создается условиями глобализации, а параллелингвизм рассматривается как сознательно разработанный способ сохранения доменов в норвежском языке.

Может ли директивное внедрение параллелингвизма способствовать сохранению доменов в норвежском языке? Исследователь параллелингвизма Э. Линн дает предсказуемый в норвежской ситуации ответ: «*The Norwegian lesson is that language choice cannot be enforced in a democracy... You can't force people to use forms other than those they wish to use*» (Норвежский урок заключается в том, что выбор языка не может быть навязан в условиях демократии ... Вы не можете заставить людей использовать формы, отличные от тех, которые они хотят использовать) [Linn Can... 2010, p. 300, 302].

Норвежский исследователь Р. Льюсланд, для которой домен – это область не языка, а специализированной социальной практики, ставит вполне закономерный вопрос: в какой мере можно реализовать директивное планирование «сверху» в такой сложной области коммуникативной практики, как, например, высшее образование, где на микроуровне повседневной коммуникации неизбежны местные непредвиденные обстоятельства выбора языка и переключения кода? Участники повседневной коммуникации руководствуются не столько директивами языковой политики, сколько собственной оценкой коммуникативной ситуации и переключаются на любой код, необходимый для взаимодействия всех присутствующих. Так, по наблюдениям Р. Льюсланд, в ходе лекций на английском языке для норвежских групп лекторы постоянно пользуются переключением кода, обращаясь с разъяснениями и вопросами к студентам по-норвежски. Переключение с норвежского на английский служит для студентов сигналом перехода к формальному изложению материала [Ljosland 2014, p. 292, 294].

Представляется рациональным разделить представление Э. Линна и Р. Льюсланд о том, что безосновательны опасения относительно потери норвежским языком доменов бизнеса, образования и науки. Это области коммуникативной практики, в которых выбор языка регулируется участниками и целями коммуникативной ситуации. Параллельное использование языков не означает их жесткого разграничения и предполагает свободное переключение кода для обеспечения взаимодействия участников коммуникации в условиях интернационализации этих доменов.

5.4. Структурно-семантические особенности английского языка в Норвегии

Так же как в Дании и Швеции, в Норвегии взаимодействие английского и национального языков проявляется в двух аспектах. Во-первых, это интерферирующее влияние английского на национальный язык – такое же воздействие глобального английского, как это имеет место во многих странах мира. Во-вторых, это интерферирующее влияние норвежского на английский язык, в результате чего формируется национальный вариант АЯ – *Norwenglish*.

Наиболее очевидное свидетельство «присутствия» английского в норвежском – это переключение кодов, включение английских слов и выражений в речь на норвежском языке, что можно слышать и видеть повсеместно. Вот, как об этом говорят сами норвежцы (выдержки из высказываний респондентов приводятся без изменений):

Е.К.: *We are often incorporating many English words in our daily language. It's hardly surprising under these circumstances that some vocabulary and/or phrases from English get used in everyday communications* [Приложение 5.3.1-1с].

J.S.: *There's a trend of sprinkling English words into conversations (and we enjoy using certain English curse words... The "trendy" English words are often used in a manner which suggests the user doesn't properly understand their meaning* [Приложение 5.3.1-1e].

Типичный пример включения англицизмов, слов и словосочетаний, в норвежскую речь – следующий отрывок из случайно услышанного автором в парке Фрогнер (Осло) диалога двух девочек 8-9 лет, играющих на своих планшетниках:

1. *Men du er tjeneren min! (But you're my servant!)*

2. *I don't care.*

1. *Men jeg vant den jo fair and square! (But I want it fair and square!)*

2. *I vil ikke være din tjener (I don't want to be your servant).*

В этом диалоге девочка использует английское местоимение «*I*» вместо норвежского «*Jeg*», что часто встречается в речи подростков.

Английские заимствования постепенно норвегизируются, приобретают норвежское написание, например, *trouble* – *trøbbel*, или калькируются, например, *snowboard* – *snøbrett*. Могут заимствоваться части слов, например, *-minded* – *langsom-minded (slow-minded)*, простые слова, например, *show*, сложные слова, например, *paperback*, словосочетания, например, *shake hands*, клише, например, *if you can't beat them, join them*. Заимствуется окончание множественного числа *-s*, которое, например, добавляется к кальке принятого в молодежной среде клише прощания: англ. *Hugs!* – норв. *Klemz!* и к приветствию: норв. *Mornings! (Good morning!)* Окончание множественного числа *-s* может добавляться к норвежскому слову, в результате чего возникает новообразование, например, норв. *svigerforeldre (parents-in law)* – *svigers*. [Graedler 2002, p. 59, 60]

Пытаясь противостоять наплыву англицизмов Норвежский языковой совет стал с 1996 г. проводить политику «норвегизации» (*norvagisering* или *fornorsking*) прямых заимствований по правилам норвежской орфографии и морфологии, адаптируя, например, написание: англ. *country* – норв. *køntri*,

англ. *guide* – норв. *gaid*, англ. *pub* – норв. *pøbb*, англ. *polish* – норв. *polisj*, англ. *service* – норв. *sørvis*. Однако же, как пишут норвежские исследователи англицизмов, политика норвегизации «сверху» не нашла одобрения «снизу» и была воспринята многими представителями норвежского общества как попытка ограничить их право на свободный выбор языковых средств [Awedyk 2009, p. 150; Greenall 2005, p. 214].

Р.К. Сандер, выпускник гуманитарного факультета Норвежского научно-технологического университета (*The Norwegian University of Science and Technology – Norges teknisk-naturvitenskapelige universitet, NTNU*), исследовал пути адаптации англицизмов в студенческом дискурсе и разделил их на три категории по критерию сохранения/изменения написания и звучания [Sander 2013, p. 45]:

1. Полностью адаптированные слова с норвегизированным написанием и произношением, например, норв. *budsjett* – англ. *budget*, норв. *jass* – англ. *jazz*, норв. *kul* – англ. *cool*, норв. *pønk* – англ. *punk*, норв. *peanøtt* – англ. *peanut*, норв. *tøff* – англ. *tough*, норв. *sjarter* – англ. *charter*.

2. Частично адаптированные слова с норвегизированным написанием, сохранившие английское произношение, например, норв. *ålreit* – англ. *alright*, норв. *breikdans* – англ. *breakdance*, норв. *dæsj* – англ. *dash*, норв. *gjeng* – англ. *gang*, норв. *gir* – англ. *gear*, норв. *skvær* – англ. *square*, норв. *sørvis* – англ. *service*, норв. *skvise* – англ. *squeeze*, норв. *streit* – англ. *straight*.

3. Слова, сохранившие английское написание и произношение, например, *cruise, display, hamburger, hard disk, interface, label, laptop, printer, remix, research, sorry*.

Норвежский исследователь Г. Андерсен отмечает, что среди слов и выражений, сохранивших английское написание и произношение, много таких прагматических маркеров, как, например, *actually, in fact, and that sort of thing, well, I mean, or something, I know, you know, so to speak, as it were, who cares, and the like*; часто встречаются обращения, например, *dude*,

бранные восклицания, например, *cut the crap!*, *what the fuck (heck/hell)*, выражения согласия, например, *yeah, right, okay* [Andersen 2016].

Второй аспект «присутствия» АЯ – это формирование норвежского варианта АЯ, используемого как в транснациональной, так и в интранациональной коммуникации. Следует отметить, что по диапазону и глубине его использования в обществе (*range and depth of a language in a society* [Kachru 2005, p. 17]) на одном его полюсе – гибридный язык тех, с кем можно обменяться простыми бытовыми фразами (*low proficiency*), а на другом – язык на уровне функциональной нативности (*functional nativeness*) норвежских преподавателей, читающих курсы по-английски. Это например, преподаватели кафедры языка и литературы гуманитарного колледжа Бергенского университета, ведущие курсы *Cognitive Aspects of Language Society* и *Culture and Language* по программе *Communication studies* [Приложение 5.2-1; 5.2-2]. Между этими двумя полюсами – локализованный английский язык, на котором говорит большинство норвежцев. Они называют его *Norwenglish*, а иногда *Norglish*, *Norsklish* и даже *Engwegian*.

Как пишет один из авторов сайта *Norwenglish's Blog*: «*The greater part of Norway speak English, but somehow that part managed to create an own form of English called Norwenglish. What is this, you ask? A very delicate mixture of English (and in some cases English-sounding) words, highly Norwegian pronunciation and a dash of literal translation*» (Большая часть Норвегии говорит по-английски, но каким-то образом этой части удалось создать собственную форму английского языка по имени Норвенглиш. Что это, спросите вы? Очень тонкая смесь английских (и в некоторых случаях похожих на английские) слов, весьма норвежское произношение и немного буквального перевода) [Приложение 5.3.1-3. What...2010].

Чтобы выяснить, какой из терминов, обозначающих локализованный английский язык, наиболее популярен среди норвежцев, на сайте <https://www.quora.com/> мы разместили вопрос: *What is the meaning of Norglish? Do Norwegians use the words Norglish, Norsklish, or Engwegian?*

(Каково значение слова *Norglish*? Используют ли норвежцы слова *Norglish*, *Norsklisk*, or *Engwegian*?)

Одним из первых был ответ лингвиста Х.К. Фаускангера (*H.K. Fauskanger*) из Бергенского университета: «*Norglish* (*Norge*, Норвегия, + *English*) – это смесь английского и норвежского, как и *Norsklisk* (*Norsk*, норвежский язык, + *English*) и *Engwigian* (*English* + *Norwegian*). Но я никогда не встречал эти слова в реальном употреблении. Однако же я встречал слово *Norwenglish* (*Norwegian* + *English*), которым обозначают английский язык, подвергшийся интерференции норвежского. Есть книга *Er din engelsk «Norwenglish»? (Is Your English «Norwenglish»?)*, где описаны типичные ошибки, совершаемые норвежцами, говорящими по-английски» [Fauskanger 2017].

Х.К. Фаускангер упоминает изданную в 1980 г. книгу прожившей в Норвегии более 30 лет англичанки В.М. Хольтедаль, которая ввела в обращение этот термин [Holtedahll 1980]. Эта книга была популярна в 1980-х гг., но интерес к ней, видимо, был потерян, поскольку в компьютере абонентского отдела библиотеки Университета Осло нет информации, что кто-либо ее запрашивал в течение последних 5 лет.

Участники развернувшейся на страницах норвежского интернета дискуссии отмечают, что *Norwenglish* широко используется молодежью и распространяется на телевидении, например, в популярной передаче «Рождественский календарь», в интервью с известными спортсменами и в выступлениях политических деятелей [Norwenglish. VG...2015; What is...2010]. Живущая в Осло австралийка пишет под псевдонимом «Zara» в блоге *wordpress.com* о наиболее ярких фактах социокультурной интерференции родного языка в английской речи норвежцев (*Norwenglish*): «*If you ask a Norwegian for the time, you might be baffled to hear them reply that it's "ten to half six"». This essentially means that the time is 5:20 – or ten minutes to when it is halfway to the hour of six*» [Norwenglish. From Oz ...2009].

Говоря о своих близких родственниках, норвежцы могут подчеркивать линию родства, например: *I helped out my grandmother, **my mother's mother**, when I was young*. Наименования бабушки и дедушки различаются в норвежском в зависимости от того, к какой стороне семьи они относятся: бабушка со стороны матери: *mormor* (буквально «*mother's mother*»), со стороны отца – *farmor* (буквально «*father's mother*»). Дедушка со стороны матери – *morfar* (буквально «*mother's father*»), со стороны отца – *farfar* (буквально «*father's father*»). Когда речь идет о двоюродных братьях или сестрах (*cousins*), норвежцы часто уточняют пол кузена, поскольку в норвежском есть два слова – *fetter* (о мужчине) и *kusine* (о женщине).

Некоторым словам в норвежском языке могут соответствовать два английских слова, например, англ. *oven* и *heater* – норв. *ovn*. В течение первой зимы, проведенной в Норвегии австралийка попадала в курьезные ситуации, когда, общаясь с ней по-английски, собеседники непроизвольно использовали аналогию со словом родного языка: «*When I complained about the cold in the office, I was baffled when my boss suggested I should solve the problem by going and turning on the oven*».

Во время летней жары она безуспешно пыталась объяснить коллегам разницу между англ. *shadow* и *shade*, которым соответствует норв. *skygge*: «*Norwegians often suggest on a hot day to walk in the shadow*».

Точно также, ее недоумение вызывали такие высказывания, как: «*Can you borrow me a book?*» (англ. *borrow* и *lend* = норв. *låne*), или «*I will learn you this dance*» (англ. *learn* и *teach* = норв. *lære*). [Norwenglish. From Oz ...2009]

Многие случаи лексико-семантической интерференции объясняются смежностью семантики норвежских и английских лексических единиц, их неверно понятой эквивалентностью, когда слово на английском языке ошибочно приравнивается к слову на норвежском родном языке. Один из составителей норвежского раздела Международного учебного корпуса английского языка (*International Corpus of Learner English – ICLE*)

С. Йоханссон приводит ряд примеров таких ошибок эквивалентности [Johansson 2008, p. 118–120]:

Norwenglish	Норвежский	Английский
advocate	advocate	lawyer
argument for	argumentere	argue
arrestations	arrestasjoner	arrests
(receive) critics	kritikk	criticism
datagames	dataspill	computer games
examinator	eksaminator	examiner
fantise	fantasere	imagine
fantasy	fantasi	imagination
foster	foster	embryo
inspirator	inspirator	inspirer
lection	leksjon	lesson
lonely-mother	alenemor	single/lone mother
Middle Europe	Mellomeuropa	Central Europe
realise	realisere	carry out, implement
spare (the time)	spare (tiden)	save (the time)
spring up from	springe ut av	have its origin in
theoretics	teoretikere	theoreticians

Калькирование как результат поиска английских эквивалентов норвежских слов, сопровождаемое концептуальной путаницей или смешением смежных понятий (conceptual confusion) представляет собой наиболее распространенный тип лексико-семантической интерференции. Приведем несколько высказываний, записанных во время беседы с магистрантами в Бергенском университете [Приложение 5.2-5]:

*Case-based courses are quite demanding and **I mean** I want to be prepared for discussion in class the next day, so that I don't want to disappoint the professor!*

***I mean** – это трансферация норвежского **jeg mener** «я имею в виду», хотя говорящий не разъясняет смысл своего высказывания, а передает значение вводного *I think*.*

*Luckily, the guys at the nearby Statoil gas station **behold the food counter** all day round and cheer up students with coffee, food and smiles.*

Это еще один случай ложной эквивалентности по аналогии с норвежским *beholde* «держат».

*Moreover, one of the most popular clubs in Bergen is...in the basement of the university! Therefore, you can end up going there right after studying if **your economy feels like it**.*

В норвежском *økonomi* означает «финансовая ситуация», а все словосочетание *your economy feels like it* – это калька норвежского *økonomien din føles som den*.

Стремление норвежцев добиться передачи смысла высказывания эквивалентного тому, какой они продуцируют на родном языке, ведет к калькированию не только отдельных слов, но и словосочетаний созданию псевдозаимствований, использованию смежных по семантике, но различных по сочетаемости слов как в следующем примере:

*You have access to university facilities with your student card 24/7 and you can leave the university at 3 am with no worries for your safety. No **lawbreaking!** **My meaning is** that you could, if you wanted, spend all your time at the campus and nearby areas and still have all the basics for a comfortable student life. It's better than I can **put word on** (*sette ord på* – express in words) Not that I am suggesting **the knowledge achieved at Bergen is not important!***

Говорящий создает из английских компонентов сложное слово *lawbreaking* по аналогии с норвежским *forbrytelsen* – crime. Вводное словосочетание *My meaning is* – это калька с норвежского *min mening er* «я думаю». Словосочетание *put word on* – также калька с норвежского *sette ord på* «передать словами». В словосочетании *the knowledge achieved at Bergen* говорящий делает неверный выбор из двух смежных по семантике, но различных по сочетаемости английских глаголов *achieve* и *acquire*, соответствующих норвежскому *oppnå*, т.е. имеет место калькирование

норвежского *kunnskap oppnådd ved Bergen* и смешение понятий (*conceptual confusion*), которое приводит к замене по семантической смежности.

В следующем высказывании также используются различные виды калькирования отдельных слов и словосочетаний:

*Well, I realized I didn't have studying time on my side since a couple of my friends came back to our office very happy, and a late **night talk** was about to begin. It turned out to be quite **inspirational**, as most late **night talks** are. At 3 am everybody went back home. All in all, a normal day at Bergen, but it made me think about a couple of points we usually take for granted: It's easy to **make great theories on the paper** but difficult to **put them to life** (*sette dem ut i livet* – *put them into practice*).*

Словосочетание *have (studying) time on my side* – калька норвежского идиоматического словосочетания *ha (studere) tid på min side* – буквально «имел (учебное) время на моей стороне», где по аналогии с норвежским определением *studere* причастие 1 *studying* используется атрибутивно. Норвежское сложное слово *nattprat* калькируется как номинативное словосочетание *night talk*. В последнем предложении два идиоматических словосочетания: *make great theories on the paper* – калька норвежского *lage gode teorier på papiret*, и *put them to life* – калька норвежского *sette dem ut i livet*, англ. *put them into practice* (ср. русск. «претворить в жизнь»).

Еще один пример переноса норвежского слова: *Thursday night, typical student night-out here in Bergen, but I was working on my **data** to define the theme for the conference.*

В этом высказывании наблюдается семантическое заимствование, где английскому слову *data* приписывается новое значение «компьютер». В норвежском *data* – это сокращение от наименования компьютера *datamaskin* «*data-machine*».

Грамматические особенности норвежского английского связаны с различиями выражения отдельных грамматических категорий в английском и норвежском. Так, нестандартные формы часто встречаются в реализации

английских возвратных местоимений, которые отличаются от норвежских по морфологической структуре и показателям числа:

Английские	Норвежские
myself	meg selv
ourselves	oss
yourself	deg selv
yourselves	dere
herself	henne selv
himself	han selv
themselves	dem selv

В результате наблюдаются отклонения, как, например, в следующих высказываниях студентов, услышанных автором во время посещения университетов в июне-июле 2017 г.:

*She made a decision with **herselves** (herself) that she would find a great job.*

*It may say something about the way we perceive **ourself** (ourselves).*

*The professors' opinion was that the students and **themselves** (themselves) were either using English terms in research, or they had to speak absolutely Norwegian.*

*It is really up to the students **themselves** (themselves) to make a schedule that gives them the theory they need and get **theirselves** experience.*

В форме **theirselves** калькируется норвежское *dem selv*.

В норвежском языке не существует морфологического аналога английского различия между прилагательными и наречиями на *-ly*. Неудивительно, что такое различие оказывается проблематичным для многих норвежцев, которые часто опускают этот суффикс, используя прилагательное вместо наречия, как в следующих примерах:

*I really think that Jagland's accent is a shame for us Norwegians. Why can't he **possible** (possibly) try and learn some good English?*

*The Language Council seems to be too liberal to act fast and **efficient** (efficiently) against domain loss.*

*We can see it even more **obvious** (obviously) in our modern society.*

Preferable (preferably) the researcher should know both English and Norwegian terminology in her or his field.

В ряде случаев наречие, образованное с помощью суффикса *-ly*, может использоваться вместо прилагательного, например:

*You cannot do the **internationally** (international) research without publishing in English.*

*I make an **occasionally** (occasional) mistake when I speak English but shall you mind if you understand my meaning?*

*It's not **unusually** (unusual) to find many of the students working during the summer holidays.*

Одно из наиболее заметных отклонений в использовании глаголов и глагольных словосочетаний – это сверхгенерализация продолженных форм, которая особенно заметна в письменной речи. В качестве иллюстрации приведем примеры из двух сообщений на сайте *The Local. Norway's news in English, 16 August 2017* [Norway universities criticized...], где содержание информации требует использования форм *Simple Present*:

*Norwegian Morten Blien **is combining** (правильно – combines) traditional hobbies such as driving a snowmobile on land or boating on the river. In fact, he **is preferring** (правильно – prefers) to combine the two to compete in the increasingly popular sport of watercross – driving a snowmobile across water.*

*While the municipalities of Tana and Karasjok both approved it, the county governor of Finnmark **is arguing** (правильно – argues) that they do not have this right as it **is not following** (правильно – doesn't follow) the laws for small boats.*

В том же выпуске новостей встретилось предложение: *The government **was proposing** (правильно – proposed) **to be reducing** (правильно – to reduce) the corporate tax rate from 27 to 25 percent to encourage investment.*

Мы разделили его на два варианта: *The government was proposing to be reducing...* и *The government proposed to reduce...* и перевели их на норвежский с помощью онлайн-инструмента *Google Translate*, который в

обоих случаях дал одинаковый перевод: *Regjeringen foreslo å redusere bedriftsskattesatsen fra 27 til 25 prosent for å oppmuntre til investeringer.*

Нельзя объяснить избыточное употребление продолженных форм интерференцией родного языка, поскольку в норвежском нет аналогичной глагольной категории. С. Йоханссон предполагает, что причина этого отклонения заключается в «переносе обучения»: *...teaching-induced transfer of training ... reflects what has already been learned and has been overgeneralized* [Johansson 2008, p. 113].

Студенты, которых мы попросили поделиться своим мнением относительно избыточного употребления продолженных форм, считают это одним из признаков американского молодежного дискурса. Так, студент, побывавший в США по программе обмена, усвоил эту тенденцию в Колумбийском университете: *I was traveling to the US in last semester to take part in an exchange program at Columbia University, New York. Everybody was using Progressive instead of Simple tenses, so naturally I followed the trend.*

Его сокурсница заметила, что продолженные формы больше звучат по-английски и легче воспринимаются: *They sound more English-like and more easy to catch the meaning.*

Другая студентка добавила, что продолженными формами переполнены реплики в американских сериалах: *It's like in «One Tree Hill» or «Gilmore Girls» everybody speak ing-verbs, probably to render the fast tempo of life.* («One Tree Hill» и «Gilmore Girls» – популярные американские молодежные сериалы)

Показательно, что, при широком использовании форм *Present*, *Past* и *Future Progressive (Continuous)* практически не встречаются формы *Perfect Progressive (Continuous)*. Например, когда мы приходили на встречу с норвежцами несколько раньше, а норвежцы – точно в назначенное время, они спрашивали: *How long did you wait?* или *How long have you waited?*, но никогда: *How long have you been waiting?* Это перенос в английский семантического объема представления о предшествующем действии из

норвежского, где нет средств выражения возможного продолженного аспекта такого действия:

Английский	Норвежский
<i>How long did you wait?</i>	<i>Hvor lenge ventet du?</i>
<i>How long have you waited?</i>	<i>Hvor lenge har du ventet?</i>
<i>How long have you been waiting?</i>	<i>Hvor lenge har du ventet?</i>

Определенную трудность для норвежцев представляют английские модальные глаголы *shall* и *should*, как это иллюстрируется следующими высказываниям молодых людей, с которыми мы беседовали в парке Фрогнер, Осло (выдержки из высказываний респондентов приводятся без изменений):

*In Norway, for example, when you want to study to be a doctor or your father wants that you **shall** (should) be engineer you **shall** (will) have to start with another foreign language.*

*Believe me, many Norwegian teenagers **should** (may) want to be good in English, that's why we **shall** (must) make an effort.*

*We grow up with English and American movies and music and what not, and we **shall** (will) become accustomed to it, and pick up many of the words and phrases that we **should** (may) enjoy using. Everything can be translated, but it **should** (may) not sound cool in our language.*

В норвежском пять пар модальных глаголов в настоящем и прошедшем: *kan / kunne (can)*, *vil / ville (want)*, *skal / skulle (will)*, *må / måtte (must)*, *bør / burde (should)*. Из них только *skal* и *skulle* являются ложными эквивалентами английских *shall* и *should*, поскольку они похожи внешне, но отличаются по значению. Как видно из примеров, диапазон значений, в которых норвежцы используют глаголы *shall* и *should*, значительно отличается от их значений в английском и, помимо отнесенности действия к будущему, осложняется коннотацией предположения о возможности и необходимости совершения действия.

В норвежском английском наблюдается замена герундия инфинитивом, например: *It's no smoking area... you shall (have to) stop to smoke (smoking) if you want to stay on the campus.* Такая замена объясняется тем, что английскому словосочетанию с герундием *to stop smoking* (бросить курить) в норвежском соответствует словосочетание с инфинитивом – *å slutte å røyke*.

Замена герундия инфинитивом может сопровождаться потерей предлога, например: *The fear to lose (of losing) foreign students will prevent universities to raise (from raising) the tuition fee.*

В высказывании: *Who can admit to be such a person?* (калька норвежского *Hvem kan innrømme å være en slik person?*) после глагола *admit* следует инфинитив с частицей *to*, тогда как английское глагольное словосочетание *to admit to* требует герундия после предлога *to*: *Who can admit to being such a person?*

Х. Хассельгард и соавторы подчеркивают в норвежской «Грамматике английского языка», что среди наиболее частотных признаков норвежского английского – неверное употребление предлогов, артиклей и нарушения категории числа, например:

*The writer is interested **by** (in) English but hasn't learned how to use it!*

*The other way is to join **an** (a) group with similar **interest** (interests), but that will take longer time than a couple of **ridicule** (ridiculously) expensive beers.*

*English is **an** Scandinavian language with Dutch and French loan-words (and **the** (a/–) few from Swahili like safari), spoken since the vikings left a few **year** (years) back... English is widely spoken here and young people prefer to read **the** (–) original English literature due to bad **translations** (translation).*

*People all over **the** (–) Norway **is** (are) working only **parts** (a part) of the day, and then they can do whatever they want. [Hasselgård 2012, p. 298]*

Отметим также некоторые наиболее часто слышимые синтаксические особенности английской речи норвежцев. Прежде всего, это нарушения порядка слов, например:

*Is it because we are satisfied with the way things are, or is it because we long for something more? **In my point of view is the latter.** (In my view it is the latter)*

*Even **in schools learn children** (Even at school children learn) to use computers from the age of 6, and as an adult you are a “loser” if you cannot manage to use a PC. [Hasselgård 2012, p. 298]*

Эти нарушения объясняются интерференцией норвежских моделей порядка слов, допускающих свободную позицию подлежащего, сказуемого и второстепенных членов предложения. Наиболее распространенный тип нарушения порядка слов связан с размещением обстоятельств, как это иллюстрируется следующими примерами:

***I will in this essay focus** (In this essay I will focus) on my degree.*

*Strong words about education, but even so I must say that **I to some degree agree** (I agree to some extent).*

***We don't to the same extent as before make images in our minds ourselves.** (We don't make images in our minds ourselves to the same extent as before). [Johansson 2008, p. 144]*

Адвербиальные словосочетания могут чаще размещать не в начальной или конечной позиции, а между компонентами глагола-сказуемого или между подлежащим и сказуемым [Hasselgård 2004, p. 292].

Норвежцы часто не дифференцируют союзные слова *who*, *which*, *that*, соединяющие придаточные предложения, поскольку им соответствует одно союзное слово *som*:

*There are few companies **who** (that/which) will want to have a worker **which** (who) has poor English skills. Ср. с норвежским: *Det er få selskaper **som** vil ha en arbeidstaker **som** har dårlige engelske ferdigheter.**

*The students **which** (who) usually are looking for summer jobs at end of the semester get many offers from tourist facilities. Ср. с норвежским: *Studentene **som** vanligvis ser etter sommerjobber på slutten av semesteret, får mange tilbud fra turistfasiliteter.**

*For students **which** (who) live on their own the job at the tourist facility must be as a vacation. Ср. с норвежским: For studenter **som** bor alene, må jobben på turistfasiliteten være som ferie.*

Норвежское вводное *det* может использоваться как формальное подлежащее и в этой функции ему соответствуют в английском вводные *it* и *there*, выбор между которыми часто затруднителен.

*I think **there** (it) will take more than a decade or a couple of governments to figure out what works.*

***It is** (there is) always a risk that it can happen again.*

***There are** (is) **not everybody who are** (Not everybody is) capable of solving this problem.*

Норвежцы не воспринимают описанные выше (и многие другие) особенности своего английского языка как отклонения от стандартных норм, которые следует изживать. Как заявила лидер Союза социалистической молодежи М.С. Тронсмоен: «*Norwenglish is a good thing. That language gives character and it's nice being able to tell who's Norwegian by listening to their English*» (*Norwenglish* – это хорошо. Этот язык дает характер, и приятно, когда, слушая их английский, можешь сказать, кто является норвежцем) [Norwenglish for...2010].

Прямой иллюстрацией к высказыванию этого молодого политика оказалась пожилая норвежка, которую мы встретили в поезде Осло-Берген. В отличие от других пассажиров, она не была занята своим ноутбуком или телефоном и охотно говорила по-английски, делясь своим мнением о языковой ситуации в стране (выдержки из высказываний респондентки приводятся без изменений): «*It (Norwenglish) **shall** (правильно *will*) mostly be Norwegian in English, – or else it's not, – English is **such a big** (правильно *such a big language*) and Norwegian words are fewer – I do like Norwegian **dialect** (правильно *dialects*), – I write only bokmål, it's not... the best we have in the country, it's the largest dialect, dialects are dying out **in** (правильно *at*) fast speed here... it's **wery** (правильно *very*) sad, – around Bergen town all dialects*

die (правильно *have been dying*) *out in my lifetime, or about... Wery* (правильно *very*) *sad, it is!* (правильно *It is very sad*) *because it's so preferably* (правильно *preferable*) *to speak the big city languish* (правильно *language*). *Oslo and Bergen, Trondheim, we lose all dialect* (правильно *dialects*) – *something that was Norway – much more beautiful it was* (правильно *it was much more beautiful*), *or is*». [Приложение 5.2-6]

Помимо некоторых грамматических отклонений, которые обсуждались выше, в этом отрывке наблюдаются два системных признака норвежского акцента – замена лабиодентального билабиальным (*very* → *wery*) и оглушение конечной аффрикаты с переходом в сибиллянт (*language* → *languish*). Эти (и другие) особенности «глобального» акцента говорящих по-английски норвежцев являются результатом фонетической интерференции родного языка, основные характеристики которой будут рассмотрены ниже.

5.5. Механизм фонетической интерференции в норвежско-английском билингвизме

Многие норвежцы испытывают определенную приязнь к своему акценту как элементу национальной идентификации, наряду с диалектами, традициями, национальной одеждой, фьордами, викингам и т.п. Как пишет исследователь К. Хорднес из Бергенского университета: «*Norwegians having a high presence of a Norwegian phonology in their English speech will be perceived as more sociable than Norwegian speakers using an accent close to the Standard British English accent with very few Norwegian phonological tokens*» (Норвежцы, демонстрирующие норвежскую фонологию в своей английской речи, будут восприниматься как более общительные, чем норвежцы, использующие акцент, близкий к стандартному британскому английскому акценту, с очень небольшим количеством норвежских фонологических токенов) [Hordnes 2013, p.2].

Негативное отношение к акценту проявляется только там, где его демонстрируют публичные фигуры европейского масштаба, что, по мнению норвежской общественности, роняет национальный престиж в глазах окружающего мира. Так, например, многолетним объектом критики является упоминавшийся выше Т. Ягланд, Генеральный секретарь Совета Европы и бывший Председатель Нобелевского комитета. Норвежские СМИ полны комментариев, где критикуется сильный норвежский акцент, из-за которого его невозможно понять, и высказываются пожелания выступать на официальных мероприятиях по-норвежски и с переводчиком, чтобы иностранцы не подумали, что все норвежцы плохо владеют английским [Lilleås, Ludt 2009; Verdens Gang 2009]. Однако же в высказываниях иностранцев, как носителей АЯ, так и неносителей, отсутствуют какие-либо негативные отзывы о норвежском акценте Т. Ягланда [Færås 2012].

Анализируя особенности норвежского акцента, мы опираемся на описания фонологической системы норвежского языка, представленные в работах В.П. Беркова, С.В. Карпушиной и А.И. Ускова, Н. Дэвидсона-Нильсена и П. Хардера, Г. Кристофферсена, Т. Нильсена [Берков 2001, с. 160-180; Карпушина, Усков 2013, уроки 1-6; Davidson-Nielsen, Harder 2001, p. 21-36; Kristoffersen 2000, p. 11-25; Nilsen 2010, p. 67-135; Приложение 5.1].

5.5.1. Программа исследования особенностей произношения норвежско-английских билингвов

Наблюдения над особенностями английского произношения норвежцев осуществлялись в июне-июле 2017 г. во время личных контактов со студентами и преподавателями Университета Осло, Бергенского университета, Университетского колледжа прикладных наук Осло и Аккерсхуза; в ходе бесед с норвежцами в Торгово-промышленной палате Осло, в общественных местах и на транспорте; а также в интернете – в течение всего периода работы над диссертацией.

Вариативность английского произношения норвежцев рассматривалась как их специфический акцент, который проявляется в коммуникативных ситуациях двух типов: ситуации свободной беседы и ситуации нестандартного интервью в неформальной обстановке.

Материал исследования составили 10 записей интервью с норвежцами и иностранными студентами и 10 записей на YouTube, где говорящие по-английски норвежцы демонстрируют национальный акцент. Суммарная длительность звучания аудиоматериала составляет 430 мин. (7 ч. 10 мин.), в оцифрованном виде материал занимает 350 Мб памяти. Длительность звучания монологической речи информантов и дикторов YouTube – 128 мин. Аудиозапись осуществлялась с помощью мобильных устройств iPhone 5 iOS 6, iPhone 5 iOS 8.43. Перенос аудиозаписей в текст выполнялся с помощью программ автоматического распознавания речи для компьютера – Chrome Speech Recognizer, HTML5 Speech Recognition, Watson Speech to Text для облачной платформы IBM Bluemix и программ автоматического распознавания речи для iPhone – Dragon Dictation, Dragon NaturallySpeaking, Dragon Go!, Dragon Mobile Assistant.

Аудиозаписи для экспертной оценки английского произношения норвежцев сначала предъявлялись аудиторам, преподавателям английского языка Крымского федерального университета, которые должны были, руководствуясь профессиональной установкой на фиксацию ошибок, отметить регулярные отклонения от стандартного английского произношения.

Далее, аудиозаписи с текстами отправлялись носителям английского языка, которые согласились провести экспертную оценку интервью и отметить те случаи, где, по их мнению, информанты демонстрируют акцент, характеризующий английскую речь норвежцев.

3. Лингвистическая интерпретация материала была основана на данных аудиторского и экспертного анализа и имела целью выявление: 1) дифференциальных признаков фонем, реализуемых в английской речи

норвежско-английских билингвов; 2) регулярных акустико-артикуляционных маркеров, релевантных для английского консонантизма и вокализма норвежско-английских билингвов и характеризующих специфику их произношения.

5.5.2. Фонетическая система норвежско-английских билингвов по результатам анализа, проведенного носителями, преподавателями английского языка

После обобщения результатов аудиторского анализа, проведенного носителями, преподавателями английского языка, мы составили инвентарь согласных и гласных фонем, представляющих английскую фонетическую систему норвежско-английских билингвов.

5.5.2.1. Система согласных фонем

В Приложении 5.1.2 (Таблица 5.3) представлены варианты аллофонической реализации согласных, зафиксированные аудитором в аудиозаписях, в сопоставлении с английскими и норвежскими согласными.

Консонантная система английского языка норвежско-английских билингвов состоит из 26 согласных: 9 сонантов [m], [n]/[ŋ]/[ŋ], [l]/[ɫ]/[ɫ], [r], [ɾ], [j], [ŋ], [w], [v]; 4 билабиальных и лабиодентальных [p^h]/[p], [b], [f], [v]; 2 межзубных [ð], [θ]; 5 зубных и альвеолярных [t^h]/[t], [d], [d], [s]/[s̺], [z̺]; 3 постальвеолярных и палатальных [ç] / [ç] / [ç], [tç], [dç̺]; 2 велярных [k]/[k^h], [g̺] и фарингального [h].

Необходимо отметить наиболее очевидные отличия в системе английского консонантизма норвежско-английских билингвов:

1) Отсутствует пара противопоставляемых по наличию/отсутствию голоса английских аффрикат [tʃ] и [dʒ]. Имеет место трансферентная замена бифонемными образованиями [tç] и [dç̺], элементы которых являются результатом интерференции норвежских фонем;

2) Отсутствует звонкий член пары противопоставляемых по наличию или отсутствию голоса фрикативных согласных фонем: [s - z], [ʃ - ʒ];

3) Отсутствующие в норвежском языке звонкий фрикативный [ð] и глухой фрикативный [θ] ослабляются и частично утрачивают межзубный характер;

4) В произношении норвежцев аналоги английских альвеолярных смычных [t], [d], альвеолярного сибиллянта [s] и альвеолярного сонанта [n] реализуются как зубно-альвеолярные;

5) Сонант [l] в произношении норвежцев может реализоваться как вибрант [ɾ].

6) Английский постальвеолярный глухой шипящий [ʃ] в произношении норвежцев становится глухим, небным фрикативным [ç], или глухим, альвеоло-небным фрикативным [ç̥].

7) Английский альвеолярный, нелатеральный сонант [r] в произношении норвежцев становится одноударным сонантом [ɾ] или увулярным аппроксимантом [ʁ].

8) Губной, срединный сонант [w] может подвергаться трансферентной замене норвежским лабиодентальным, звонким [ʋ], либо билабиальным, звонким [v].

Таким образом, для английского консонантизма норвежско-английских билингвов релевантны такие корреляционные признаки: место артикуляции и способ артикуляции. Наблюдается интерференция норм количественного равновесия. Для системы согласных характерно оглушение согласных фонем и наличие полувзвонких и оглушенных согласных фонем.

5.5.2.2. Система гласных фонем

В Приложении (Таблица 5.4) представлены варианты реализации гласных, зафиксированные аудиторами в аудиозаписях, в сопоставлении с английскими и норвежскими гласными.

Система вокализма английского языка норвежско-английских билингвов состоит из 17 звукотипов-монофтонгов и 8 дифтонгов.

Из 17 звукотипов-монофтонгов 11 являются результатом трансференции, т.е. переноса норвежско-английскими билингвами особенностей артикуляции норвежских фонем в английский вокализм: [i:], [i], [u:], [ʊ], [y:], [y], [e], [ɛ], [ø:], [ø], [ɑ] и 6 – результатом конвергенции, т.е. совмещения английских и норвежских артикуляционных характеристик: [ʊ], [æ], [ɔ:], [ɔ], [ə], [ɑ:].

Под влиянием норвежского языка к паре английских гласных [u:] : [ʊ] добавляются специфически норвежские: закрытые, продвинутые, среднего ряда, лабиализованные [ɥ:] и [ɥ], закрытые, переднего ряда, сильно лабиализованные [y:] и [y].

Речи норвежско-английских билингвов характерна интерферентная замена одного из элементов дифтонга, замена обоих элементов и монофтонгизация дифтонгов. Как правило, все дифтонги реализуются как нисходящие. Дифтонги со вторым элементом [ɪ] и [ʊ] могут реализоваться как бифонемные сочетания «гласный» + аппроксимант /j/ или /v/.

Английские трифтонги либо монофтонгизуются: [aʊə] > [ɑ:], либо дифтонгизуются, теряя средний элемент: [aʊə] > [aə]. Также возможна замена среднего элемента [ɪ] фрикативным аппроксимантом [j] в трифтонге [ɔɪə] > [ɔjə], например, в слове *royal* ([¹ɹɔɪəl] → [¹ɹɔjəl]).

Таким образом, для английского вокализма норвежско-английских билингвов релевантны следующие корреляционные признаки: долгота, степень открытости, лабиализация, напряженность. Система монофтонгов характеризуется тремя ступенями подъема – низкой, средней и высокой и тремя рядами – передним, средним и задним.

5.5.3. Лингвистическая интерпретация результатов анализа, проведенного носителями английского языка

На следующем этапе с помощью носителей английского языка, не филологов, проводилась аудиторская оценка с целью определения особенностей норвежского акцента в английском произношении норвежско-английских билингвов. Перед аудиторами была поставлена задача: выделить те места интервью, где, по их мнению, говорящие допускают отклонения от стандартной (для аудиторов) произносительной нормы английского языка. В результате аудиторского анализа обнаружилось, что отмечены, в основном, отдельные согласные и, в меньшем количестве, некоторые сочетания согласных.

Что касается интерферентных и трансферентных изменений гласных в реализации информантов, носители языка, осуществлявшие экспертную оценку интервью, не выделили какие-либо отклонения в реализации гласных за исключением типичной замены английского [u] → [ʊ:]/[y] в таких словах как *do*, *to*, *two*, *student* и т.п. К этому можно добавить, что аудиторы-англичане отметили в отдельных случаях особенности «иностранного» акцента, препятствующие смысловозначению:

1) монофтонгизацию дифтонгов [ɛə]→[ɛ], [eɪ]→[ej]→[e], [ɔʊ]→[ɔ:], [aʊ] →[ɑ:], трифтонга [aɪə] →[ɑ:];

2) краткое произношение долгих и долгое произношение кратких гласных;

3) некорректное произношение [ɑ:], [ɔ:], [æ], [ə:].

Поскольку эксперты, носители языка, не нашли стабильных отклонений в произношении гласных, мы приходим к пониманию того, что они не являются существенными факторами в создании национального норвежского акцента.

Ниже будет представлена лингвистическая интерпретация акустико-артикуляторных признаков произношения согласных в неподготовленной английской речи норвежско-английских билингвов.

Альвеолярные [z] → [s] и постальвеолярные [ʒ] → [ʃ]. Отсутствие в норвежском языке альвеолярного, звонкого ффрикативного /z/ отражается в английской речи информантов как замена звонкого ффрикативного противопоставляемым ему по отсутствию голоса глухим ффрикативным [z̥] → [s̥], в интервокальной позиции, в середине слова/фонемного слова, перед окончанием *-ed*, в конце слова, например: *as planned, is a bit, amazing, reason, specialized, because, plans, questions*.

Звонкий характер [z] сохраняется в английском произношении норвежцев в начальной позиции, например, *zero, zombie*, но в этих же словах наблюдались и случаи реализации глухого [z̥].

Также в речи информантов наблюдалась позиционно необусловленная гиперкоррекционная замена глухого ффрикативного [s] (частично) звонким [z̥] (например: *possibility* [ˌpɒsəˈbɪlɪti] → [ˌpɒz̥iˈbɪlɪt̪i])

Ввиду практического отсутствия позиционной обусловленности вариативности, наблюдаемое отклонение реализации фонемы [z] – это именно субституция одной фонемы другой, а не оглушение.

В норвежском языке отсутствует звонкий согласный [ʒ]. Вследствие этого во всех интервью отмечена реализация звонкой фонемы [ʒ] как глухой /ʃ/ после гласного и перед сонантом, что позволяет исключить ассимиляцию под влиянием соседних фонем и говорить о субституции согласного.

Оглушение [ʒ] → [ç] наблюдалось в середине слова: [ʒ] → [ʃ] → [ʃʲ] → [ç]: *unusual* [ʌnˈjuːʃʊəl]; *television* [ˈteliˌvɪʃjən].

В артикуляции английского звонкого, постальвеолярного согласного [ʒ] информанты чаще всего произносят [ʒ] как норвежский глухой небный фрикативный [ç].

Постальвеолярные [dʒ] → [tʃ]. В норвежском языке отсутствует противопоставленная по голосу пара постальвеолярных [dʒ] – [tʃ] и, как следствие, глухая фонема [tʃ] произносится в большинстве реализаций либо без изменений, либо как [tç]. Фонема [dʒ] оглушается в начале слова, например, *just* [ˌdʒʌst] → [ˌdʒʌs]; в середине слова, например, *Norwegian* [ˌnɔ:(i)ˈwɪdʒən] → [ˌnɔːvi:tçən]; в середине фонемного слова, например, *large scale* [la:dʒˈskeɪl] → [la:dʃˈskeɪl], перед окончанием – (e)s: *languages* [ˈlæŋgwədʒəz] / [ˈlæŋgwɪdʒɪz] → [ˈlæŋɡvɪdçɪs]; в конце слова, например, *age* [eɪdʒ] → [æjdç].

Практически, для всех информантов характерен переход [tʃ] → [tç], реже – упрощение до [ç] в словах с графемой «ch»: (*potato*) *chips* [ˈtʃɪps] → [ˈçɪps].

Альвеолярные смычные [d] → [d̥], [d] → [d̥], [d] → [dʰ], [t] → [t̥]/[tʰ].

Английские альвеолярные взрывные [d] и [t], вне зависимости от позиции в слове, сохраняли типичную для норвежского ламинальную, зубно-альвеолярную артикуляцию. Замена звонкого английского [d] глухим [t̥] или оглушенным [d̥] имела место в середине или в конце слова, например, *fjords* [ˈfjɔ:(i)dʒ] → [ˈfjɔrd̥s], *kids* [ˈkɪdʒ] → [ˈkɪts].

В некоторых словах с удвоенной на письме буквой «tt» отмечалась реализация [t] как долгого (геминированного) согласного [t:]/[tʰt], например, *letter* [ˈlɛtə] → [ˈlɛtte].

Межзубные [ð] → [d̥], [θ] → [t̥].

Замена [ð] → [d̥] не обусловлена позицией потенциальной фонемы и имеет место в начале слова, например, *the* [ðə] → [ˈd̥ə], *this* [ðɪs] → [d̥ɪs]),

в конце слова, например, *with* [wið] → [við̥], а также на границе двух слов, например, *and then* [ən ðen] → [ən ð̥en], *given that* ['gɪvən ðæt] → ['gɪvən ð̥æt^h]. Замена [ð] → [ð̥] наблюдается в середине фонемного слова, и может классифицироваться скорее как регрессивная ассимиляция, например, *This thing* [ðɪs θɪŋ] → [ð̥ɪsɪŋ].

Замена [θ] → [t̥] также не обусловлена позиционно и может наблюдаться в начале слова, например, *thousands* ['θaʊzəndz] → ['t̥aʊsens], в середине слова, например, *ethical* ['ɛθɪkəl] → ['ɛt̥ɪkəl], в конце слова, например, *north* ['nɔ:(:)(ɪ)θ] → ['nɔ:t̥^h]. Замена [θ] → [t̥] отмечается крайне редко.

В редких случаях отмечен переход от межзубной артикуляции к лабиодентальной [θ] → [f], как это имело место в начале слова *thick* [ðɪk] → [fɪk^ʰk^ʰ].

Постальвеолярные [ʃ] → [ç]. В реализации английского постальвеолярного, глухого шипящего [ʃ] отмечена палатализация, которая приводит к его изменению в [ʃ^j] или [ç] в середине слова/фонемного слова, например, *international* [ɪntə:(:)(ɪ)næʃənəl] → [ɪnte:'næʃ^jinəl], *rationalizing* ['ræʃənəlaɪzɪŋ] → ['ræçina,lajzɪŋ], *reality-shows* [rɪ'ælɪtɪ'ʃɔʊz] → [rɪ'ælɪtɪ'çɔ:s]; в конце слова, после гласной фонемы [ɪ], в суффиксе *-ish*, например: *English* ['ɪŋglɪʃ] → ['ɪŋg^lɪç]; в начале слова, например, *sure* ['ʃʊə] → ['ʃ^jʊə], *short* ['ʃɔ:(:)(ɪ)t] → ['çɔ:t^h].

Звонкие и глухие смычные [b] → [b̥], [p] → [p^h], [g] → [g̊], [k] → [k^h].

Английский билабиальный, звонкий смычный [b] реализуется как норвежский билабиальный, непридыхательный, частично звонкий [b̥] во всех позициях, например, *busy* ['bɪzɪ] → ['b̥ɪsɪ], *habit* ['hæbɪt] → ['hæb̥ɪt], *suburb* ['sʌbɜ:b] → ['sʌb̥ɜ:p].

Велярный [g] теряет голос во всех позициях и переходит в частично звонкий [g̊] или оглушается до [k], например, *good* ['gud] → ['g̊ʊd̊], *began* [bi'gæn] → [bi'g̊æn], *degree* [di'gri:] → [d̊i'kri:], *big* ['big] → ['b̊ik].

В речи многих информантов английские придыхательные [p^h] и [k^h] реализуются как непридыхательные, а в конечной позиции [p] и [k] часто произносятся как геминированные согласные с легким фрикативным релизом, например, *step* ['step] → ['st̥ep̥p^h], *map* ['mæp] → ['mɑ:p̥p^h]; *like* ['laɪk] → ['lɑjk̥k̥^ɛ], *speak* ['spi:k] → ['ʃpi:k̥k̥^ɟ].

Звукосочетания /ks/ и /gz/ в произношении графемы «х». В речи информантов отмечено упрощение бифонемного глухого кластера [ks] → [s], например, *explain* [ɛ'spleɪn], и оглушение и упрощение бифонемного звонкого кластера [gz] → [ks] → [s], например, *exactly* [ɪ'sɛkt̥lɪ].

Латеральный аппроксимант [l] → [l̥] / [ɫ].

Английский сонант [l] практически всегда реализуется как ламинальный, зубно-альвеолярный, латеральный сонант [l̥], например, *seldom* ['sɛ:l̥d̥ɒm], в соответствии с артикуляцией аналогичного норвежского сонанта.

Альвеолярный нелатеральный аппроксимант [ɹ] → [r] / [r̥].

Реализация английского альвеолярного нелатерального аппроксиманта [ɹ] как норвежского альвеолярного одноударного сонанта [r̥] имеет место в начале слова (*really*), после согласного (*through, countries*), в интервокальной позиции (*parents, party*).

Билабиальные и лабиодентальные [w] → [ʋ], [v] → [ʋ], [v] → [f], [v] → [w].

Английский лабио-велярный глайд [w] в произношении норвежцев приобретает более закрытый характер и переходит в [ʋ] в начале слова, например, *one, well*; в середине слова/фонемного слова, например, *as well*.

Фонема [v] реализуется как глухой звук [v] → [f] в конце таких слов, как, например, *have, five, live, relative*. В таких же словах информанты с более ограниченным уровнем владения английским заменяют [v] → [w].

5.5.4. Факторы, характеризующие особенности произношения норвежско-английских билингвов

Согласные.

Наиболее яркой характеристикой норвежско-английского билингвального произношения является интерферентная замена английских согласных, не имеющих аналогов в норвежском языке.

Межзубные фрикативные [θ] и [ð] отсутствуют в норвежском и, поэтому в английской речи они, как правило, заменяются: глухой [θ] → [t], [s] или [f], звонкий [ð] → [d] в таких словах, как, например: *thick, that*.

В норвежском не различаются [z] и [s], поэтому имеет место оглушение [z] → [s] в таких английских словах, как, например: *dozen, razor*.

В норвежском нет билабиального, велярного полугласного [w], и наиболее близок к нему норвежский лабио-дентальный аппроксимант [v], поэтому в английской речи часто имеют место взаимозамены [w] → [v] и [v] → [w] в таких словах, как, например: *white, when, with, very, evening, over*.

В норвежском нет корреляции по голосу для постальвеолярных фрикативных, т.е. нет звонкого компонента пары [ʒ] и [ʃ], поэтому происходит оглушение в таких словах, как, например: *closure, usually*. В артикуляции глухого [ʃ] активным органом служит не средняя спинка, а кончик языка, поэтому часто происходит сдвиг [ʃ] → [sj]/ [ʃj]/ [tʃ]/ [sk] в таких словах, как, например: *shower, shocking*.

Английский велярный, носовой сонант [ŋ] имеет более задний характер, чем аналогичный норвежский предвелярный, носовой сонант, и в английской речи норвежцев он может реализоваться с сдвинутой вперед, палатальной артикуляцией как [ŋg] и [nʰ], например, *thing* [tɪŋg] или *missing* [mɪsɪnʰ].

Норвежцы часто произносят английский постальвеолярный аппроксимант [r] как апикальный, вибрирующий звук (*apical trill*) либо стараются имитировать [ɹ] как в стандартном английском произношении, а также проявляют тенденцию опускать его в связывающей позиции (*linking r*), например: *after all*.

Гласные.

Английский среднезакрытый, передний, краткий монофтонг [ɪ] в норвежском произношении становится долгим, более закрытым, передним монофтонгом [i:], вследствие чего такие пары, как, например, *leave* и *live* звучат одинаково.

Норвежцы часто заменяют английский среднецентральный, долгий монофтонг [ɜ:] норвежским переднецентральным монофтонгом [ø] или же близким к нему [ɛ:], занимающим промежуточную позицию между английским и норвежским монофтонгами.

Английский открытый, центральный, краткий монофтонг [ʌ] не имеет аналога в норвежском, но близок по артикуляции к норвежскому [a]. Однако же норвежцы часто руководствуются написанием, произнося этот гласный, и часто заменяют его двумя вариантами: в словах с таким написанием, как *sun* или *country/ø/* [ʌ] → [ø]; в словах с написанием *son* [ʌ] → [æ].

Английские открытый, задний, краткий монофтонг [ɒ] и открытый, среднезадний, долгий монофтонг [ɔ] в произношении норвежцев звучат одинаково – как [ɔ:] или несколько более закрытый [o:]. После билабиального аппроксиманта [w] невозможно услышать различие между словами *wars* и *was*.

Английские закрытый, среднезадний краткий монофтонг [ʊ] и закрытый, задний, долгий монофтонг [u:] в произношении норвежцев звучат одинаково – как более закрытые, более задние и сильно лабиализованные [u] и [u:], или же могут переходить в дифтонг [uə].

Английский безударный монофтонг или шва [ə] представляет особую трудность в произношении норвежцев и практически всегда заменяется под влиянием письменной формы слова. Например, в слове *confirm* [ə] → [ɔ], в слове *approve* [ə] → [æ], в слове *somebody* [ə] → [ʌ], в безударной позиции местоимения *her* (...since he sent her the wire...) [ə] → [z:], в частице *to* [ə] → [ö].

Английский нисходящий дифтонг [aʊ] с открытым, центральным первым элементом и закрытым, среднезадним вторым элементом практически всегда заменяется норвежским дифтонгом с сдвинутым вперед первым элементом и сильно лабиализованным вторым элементом [aʊ] → [aʊ], [æö] и [øʊ], либо же первый элемент усиливается, глайд ослабляется и дифтонг почти монофтонгизуется [aʊ] → [a:δ] или [ɑ:δ].

Английский нисходящий дифтонг [oʊ] в произношении норвежцев часто утрачивает глайд и монофтонгизуется [oʊ] → [ɔ] в таких словах, как, например, *bone, role*.

В Таблице 5 приводятся наиболее очевидные характеристики английского произношения норвежско-английских билингвов.

Таблица 5-1.

Особенности английского произношения норвежско-английских билингвов.

Английские слова	В стандартном произношении	В произношении норвежцев
Thick	θɪk	tɪk
Thought	θɔ:t	tɔ:t
Then	ðen	den
Eyes	aɪz	aɪs
Is	ɪz	ɪs
Doors	dɔ:z	dɔ:rs/dɔ:s
Evening	i:vnɪŋ	i:wnɪŋ/i:vnɪŋ
Over	əʊvə	oʊwər/oʊvər
Of	ɒv	ɒv/ɒf
Shower	ʃaʊə	sjaʊər/sj a:δ ər
Hung	hʌŋ	høŋg
Leave	li:v	lɪf/ li:v
Heard	hɜ:d	hø:d/he:rd
Fun	fʌn	føn
Country	kʌntri	køntri/køntri

Wars	wɔ:z	wɔ:s
Was	wɒz	wɔ:s
Loose	lu:s	lo:s
Confirm	kən'fɜ:m	kən'fɜ:rm
Approve	ə'pru:v	æ'pru:f/ʌ'pru:f
About	ə'baʊt	əbæʊ t/əbøʊt
Mouth	maʊθ	mæʊt
Grown	grəʊn	graʊn
Early	ɜ:lɪ	ɜ:rli
Bomb	bɒm	bɒmb
Folk	fəʊk	fɒlk
More	mɔ:	mɔ:ɹ

Выводы к Главе 5

В отличие от Дании и Швеции, где языковая ситуация характеризуется сосуществованием национального языка, языков меньшинств и английского как второго языка интранациональной коммуникации, основной фактор норвежской языковой ситуации – это диверсификация национального языка. В стране функционируют два официально признанных варианта письменного норвежского языка *Bokmål* и *Nynorsk*, отсутствуют общенациональные письменные нормы и стандарты, а современные региональные диалекты используются норвежцами в неформальной и официальной коммуникации, на радио и телевидении, в парламенте, в системе школьного и высшего образования. Наряду с этим английский язык присутствует в Норвегии не меньше, чем в других скандинавских странах.

К началу XXI в. общенациональная дискуссия о взаимоотношениях двух письменных вариантов и о роли территориальных диалектов сменилась обсуждением путей параллельного использования национального норвежского и английского языков в условиях общественно-политической и экономической интернационализации. Стратегия параллельного использования языков была принята «сверху» во всех правительственных документах, регламентирующих норвежскую языковую политику. В реальной языковой ситуации «снизу» практика взаимодействия норвежского и английского языков представляет своего рода континуум,

где пользователи осуществляют свой выбор, руководствуясь прагматикой коммуникации, а не жесткой идеологией параллелингвизма.

Норвежский является первым, основным языком интранациональной коммуникации норвежцев, а английский – вторым, дополнительным языком, необходимым в определенных коммуникативных контекстах. Большинство норвежцев используют английский как основной язык в транснациональной бытовой и профессиональной коммуникации.

Сравнивая факторы «присутствия» АЯ в скандинавских странах, необходимо отметить два общих положения: 1) АЯ служит катализатором изменений в национальных языках в условиях интенсивного использования англицизмов и определенной гибридизации дискурса; 2) АЯ служит основным языком транснациональной коммуникации и фактически приобрел статус второго языка интранациональной коммуникации. Основное различие заключается в том, что в датском и шведском самосознании сформировалось представление о дихотомии: первый, национальный язык : второй, английский язык. Языковая идентификация норвежцев строится по схеме противопоставления: а) местного диалекта – общенациональному варианту (*Bokmål* или *Nynorsk*), б) одного общенационального варианта – другому, в) родного, норвежского языка – иностранному, английскому.

В масштабах всего норвежского сообщества родной язык, со всеми диалектами и вариантами, имеет статус первого, а английский – фактически статус второго языка. В процессе взаимодействия норвежского и английского языков возникают проблемы утраты национальным языком доменов, например, в сферах международного бизнеса, науки и высшего образования.

Английский язык является обязательным школьным предметом в течение 11 лет обучения, и уровень владения АЯ норвежских подростков, представителей «цифрового поколения» значительно отличается от уровня их учителей, сформировавшихся до эпохи цифровых технологий. Первые

успешно владеют навыками устной речи, говорят бегло, используют сленг, не следят за грамматической правильностью. Вторые говорят более медленно, используют правильные грамматические формы, тщательно отбирают лексику.

За последние десятилетия молодые норвежцы испытали значительное влияние английского языка через аудиовизуальные средства массовой информации, многие часто путешествуют и используют АЯ как лингва франка в общении с его носителями и неносителями. Английский язык стал частью лингвокультурной идентичности норвежцев, и они формируют его статус второго языка в коммуникативной практике.

Использование английского языка в норвежском бизнесе диктуется практической необходимостью, поскольку он является инструментом деловых контактов с зарубежными партнерами, от которых зависит процветание этой скандинавской страны. АЯ фактически служит вторым языком интранациональной и основным языком транснациональной коммуникации в норвежском бизнесе, хотя компании часто встречаются с проблемой недостаточного владения профессиональным АЯ и с проблемой культурного барьера в общении с иностранными партнерами.

Официальное признание статуса английского как второго языка этой сферы находится вне зоны ответственности правительственных органов и авторов языковой политики и, в силу специфики норвежской языковой ситуации, не привлекает внимание руководителей бизнеса и лингвистов.

Напротив, в высшем образовании статус АЯ регламентируется «сверху» в постановлениях правительства и документах языковой политики университетов, для которых интернационализация является приоритетной задачей. Английский на равных условиях с норвежским практикуется как один из двух основных языков обучения, академической работы, научной и технической терминологии, служит основным языком публикаций на международном уровне.

Авторы языковой политики высказывают опасения относительно потери норвежским языком доменов образования, науки и бизнеса. Они трактуют домен как совокупность языковых средств, в первую очередь, специальных терминов, используемых в какой-либо специализированной области коммуникации, а потерю домена – как потерю норвежским языком этих средств в условиях глобализации. Параллелингвизм рассматривается как сознательно разработанный способ сохранения доменов в норвежском языке.

Для участников реальной коммуникации домены – это области коммуникативной практики, в которых они самостоятельно регулируют выбор языка, руководствуясь целями коммуникативной ситуации. Параллельное использование языков не означает их жесткого разграничения и предполагает свободное переключение кода для обеспечения взаимодействия участников коммуникации в условиях интернационализации этих доменов.

Так же как в Дании и Швеции, в Норвегии взаимодействие английского и национального языков проявляется в двух аспектах. Во-первых, это интерферирующее влияние глобального английского на норвежский язык, которое проявляется в повсеместном использовании англицизмов в дискурсе на норвежском языке и переключении кодов.

Второй аспект «присутствия» АЯ – это формирование норвежского варианта АЯ, *Norwenglish*, в условиях интерферирующего влияния норвежского на английский язык. На одном полюсе национального варианта АЯ – гибридный язык тех, кто способен обмениваться простыми бытовыми фразами (*low proficiency*), а на другом – язык на уровне функциональной нативности (*functional nativeness*), например, норвежских преподавателей, читающих курсы по-английски.

Норвегизация английского языка проявляется в лексико-семантической интерференции, в калькировании как результате поиска английских эквивалентов норвежских слов, смешении смежных понятий, неверно

понятой эквивалентностью и сходством семантики норвежских и английских лексических единиц,

Грамматические особенности норвежского английского связаны с различиями выражения отдельных грамматических категорий в английском и норвежском. Нестандартные формы часто встречаются в реализации предлогов, артиклей, возвратных местоимений, глагольных категорий времени и вида. Имеет место сверхгенерализация продолженных форм, отдельных модальных глаголов, взаимозамена герундия и инфинитива, нарушение порядка слов в соответствии с норвежскими моделями.

Особенности произношения говорящих по-английски норвежцев являются результатом фонетической интерференции родного языка. В английском произношении всех скандинавов наблюдаются общие явления, которые дают основание говорить о фонетических особенностях регионального варианта транснационального английского языка.

Английские альвеолярные смычные [t] и [d] в таких словах, как, например, *teen*, *twin*, *day* и *had* артикулируются скандинавами как дентальные смычные.

Межзубный глухой щелевой [θ] в таких словах, как, например, *bath*, *thank*, *three* норвежцы и шведы часто реализуют как дентальный или альвеолярный [t], а датчане как [s].

Межзубный, звонкий щелевой в таких словах, как, например, *then*, *this*, *other* и *mother* норвежцы и шведы часто произносят как дентальный [d], а датчане – как слабый [ð], сдвинутый вверх от межзубной щели.

Артикуляция альвеолярного, носового сонанта [n] в таких словах, как, например, *Henry* и *lunch* также сдвигается вперед, и он становится зубным.

Альвеолярный, звонкий щелевой согласный [z], отсутствующий в скандинавских языках, часто оглушается и реализуется как [s], сохраняя место артикуляции, в таких словах, как, например, *dismal* и *boys*. И наоборот, скандинавы, которые не оглушают согласный [z], проявляют тенденцию к удлинению звонкого [z], например, [ˈbizzɪ] *busy*.

Конечные звонкие смычные [b], [d], [g] обычно оглушаются и переходят в [p], [t], [k], что ведет к совпадению таких пар, как, например, *dog* и *dock*, *pub* и *rup*, *said* и *set*. И наоборот, в интервокальной позиции глухие смычные [p], [t], [k] переходят в звонкие смычные [b], [d], [g], что ведет к совпадению таких пар, как, например, *rapid* и *rabid*, *latter* и *ladder*, *bicker* и *bigger*.

Норвежцы и шведы часто проявляют тенденцию к усилению и удлинению согласных после кратких гласных в таких словах, как, например, *coffee*, *cuff*, *letter*.

Постальвеолярный, звонкий щелевой [ʒ], отсутствующий в скандинавских языках, обычно оглушается и реализуется как [ʃ] в таких словах, как, например, *measure* и *pleasure*.

Аффриката [tʃ], отсутствующая в скандинавских языках, обычно произносится как [tj] в таких словах, как, например, *cheek*, *breach* и *nature*.

Аффрикату [dʒ], отсутствующую в скандинавских языках, датчане и норвежцы обычно произносят как [dj], а шведы как [j] в таких словах, как, например, *jeer*, *George*, *conjure*.

Постальвеолярный аппроксимант [r] в таких словах, как например, *range* и *Eric* в реализации норвежцев и шведов часто может артикулироваться кончиком языка (*tip-of-the tongue r-sound*) как альвеолярный, одноударный сонант (*the alveolar tap*) [ɾ]. Обычно это имеет мест в начале слова и после гласного [e], где стандартное британское произношение требует альвеолярного аппроксиманта [ɹ]. В артикуляции датчан участвует задняя спинка языка (*back-of-the tongue r-sound*).

В произношении всех скандинавов билабиальный, велярный аппроксимант [w] в таких словах, как, например, *winner* и *which* часто реализуется как лабио-дентальный аппроксимант [v]. а лабио-дентальный щелевой [v] в таких словах, как, например, *viking* и *ivory* может переходить в билабиальный аппроксимант [w] или лабио-дентальный аппроксимант [v].

Краткий монофтонг [ɪ] в датском, шведском и норвежском произношении становится долгим, более закрытым, передним монофтонгом [i:], поэтому не различаются такие слова, как, например, *seat* и *sit*.

Открытый, широкий монофтонг [æ] в произношении датчан и шведов сужается до [e], поэтому совпадают такие слова, как, например, *bad* и *bed*, а норвежцы проявляют тенденцию к более открытой артикуляции [e] → [æ].

Монофтонг [ʊ] (*book*) в датском и шведском произношении значительно более огублен, чем в артикуляции норвежцев. Долгий, закрытый, задний гласный [u:] (*too*) в артикуляции датчан остается центральным, а в артикуляции шведов он еще больше закрыт и сдвинут вперед.

Долгий, центральный, неогубленный монофтонг [ɜ:] в таких словах, как, например, *her* и *bird* и краткий, открытый, центральный монофтонг [ʌ] в таких словах, как, например, *hut* и *but*, часто сдвигаются вперед и реализуются одинаково – как огубленный, среднезакрытый, передний монофтонг [ø], который может быть долгим или кратким. Такая же артикуляция [ʌ] характерна и для шведов. Датчане часто заменяют [ʌ] гласным, промежуточным между [ʌ] и [ɒ], сохраняя слабую огубленность. Поэтому совпадает произношение таких слов, как например, *hut* и *hot*, *luck* и *lock*. В произношении датчан и шведов монофтонг [ɜ:] в таких словах, как, например, *turn* и *burn* становится переднецентральным и огубленным.

Краткий, открытый, задний, огубленный монофтонг [ɒ] в таких словах, как, например, *was* и *stop* часто сдвигается вперед и реализуется как открытый, среднезадний, огубленный [ɔ], особенно после [w].

Краткий, закрытый, среднезадний монофтонг [ʊ] в таких словах, как, например, *rookie* и *should*, и долгий, закрытый, задний монофтонг [u:] в таких словах, как, например, *neutral* и *shoe* в произношении как норвежцев, так и шведов часто сдвигаются вперед и реализуются одинаково – как долгий или краткий, центральный, закрытый монофтонг [ɯ].

Центральный, безударный монофтонг [ə] в таких словах, как, например, *was* и *confirm* может произноситься под ударением и получать сильную реализацию как [ø], [ɔ] или [e:] в реализации датчан, шведов и норвежцев.

Первые, открытые элементы центральных дифтонгов [aɪ] в таких словах, как например, *high* и *type* и [eɪ] в таких словах, как, например, *take* и *make* часто сдвигаются назад, а второй элемент становится более закрытым и сильным, и в результате норвежцы и шведы произносят эти дифтонги как [aɪ] и [æi].

Закрытый, переднецентральный дифтонг [ɪə] в таких словах, как, например, *theory* и *here* может реализоваться тремя аллофонами – как долгий, закрытый, передний монофтонг [i:], как долгий, среднеоткрытый, переднецентральный монофтонг [e:] или как открытый, переднецентральный дифтонг [eə]. Норвежцы и шведы обычно произносят дифтонги [ɪə], [eə] и [ʊə], заменяя второй элемент постальвеолярным аппроксимантом [r], а датчане произносят эти дифтонги как [iʊ], [eʊ] и [ʊʊ].

Открытый, переднецентральный дифтонг [eə] в таких словах, как, например, *fair* и *bear* может реализоваться как закрытый, переднецентральный дифтонг [ɪə] или долгий, среднеоткрытый, переднецентральный монофтонг [e:].

Открытый, переднецентральный дифтонг [əʊ] в таких словах, как, например, *soap* и *grown* может реализоваться шведами как [u:], датчанами – как [ɔu] или [œu] и норвежцами – как [au] или [ɒu]. Норвежцам трудно различать английские дифтонги [əʊ] и [au] в таких словах, как, например, *load* и *loud*.

Таким образом, для английского произношения скандинавов релевантны такие корреляционные признаки, как место артикуляции и способ артикуляции, характерно оглушение согласных и наличие полувзвонких и оглушенных согласных фонем, интерферентный перенос лабиализации, степени открытости, подъема и напряженности гласных.

Заключение

Анализ современного этапа развития новых вариантов АЯ базируется на понимании преемственности социолингвистических исследований второй половины XX в. Классики социолингвистики заложили основы изучения языковых контактов и билингвизма, конвергенции контактирующих языков и конвергентного развития отдельных групп языков, языковой ситуации и языковой политики, смешения языков и функционирования гибридных языков и других направлений, в ключе которых выполняются социолингвистические исследования начала XXI в. Новая лингвистическая реальность, стержнем которой является принцип социальной обусловленности языка, представлена в модели У. Лабова, использующей понятие языковой переменной – величины, характеризующей новые варианты языка и коммуникативную компетенцию членов их сообществ.

Расширяя поле интересов современной социолингвистики, Б. Качру и его сподвижники положили начало социолингвистике глобального английского языка как важнейшего компонента мирового языкового процесса, двигателем которого являются языковые контакты. Их результатом стало возникновение новых вариантов английского, используемого в качестве второго, дополнительного языка интранациональной коммуникации. Подобные новообразования являются фактом лингвистического континуума и существуют на огромной территории многих стран, где английский язык употребляется наряду с национальными языками.

В ситуациях языковых контактов взаимодействие участников транснациональной коммуникации, представляющее собой особый вид вторичной социализации, ведет к развитию переходной компетенции путем интернализации структуры и семантики новых языковых средств. Вторичная социализация в условиях транснациональной коммуникации

является ситуативной, а практический код, формируемый ее участниками – это их лингва франка, который, помимо общего фонда языковых средств, должен содержать набор лингвокультурных знаний и коммуникативных стратегий, необходимых для взаимной адаптации коммуникативного поведения.

АЯ транснациональной коммуникации ориентирован на обслуживание коммуникативных потребностей индивидуумов и социально ограниченных групп людей в тех коммуникативных контекстах реального и/или виртуального пространства, которые требуют их взаимодействия.

Основные результаты исследования транснациональной и интранациональной социолингвистической вариативности английского языка в странах Скандинавии в свете данных вопросов и проблем свелись к следующим:

1. Европейский вариант английского языка определяется как зонтичный термин, обозначающий региональный функционально-прагматический вариант английского как лингва франка, существующий в виде ситуативно-идентифицирующих социолектов, применяемых в бытовых ситуациях вторичной социализации, и ситуативно-деятельностных социолектов, применяемых в специализированных ситуациях институциональной вторичной социализации, когда имеет место транснациональная коммуникация между людьми, объединенными принадлежностью к какой-либо конкретной сфере деятельности.

Неинституциональный АЛФ – это дополнительная языковая система, обеспечивающая нерегулярную, ситуативную языковую практику транснациональной коммуникации, в которой а) участники являются представителями различных исходных языков; б) один или все участники не идентифицируются по какой-либо специальной области интересов; в) вторичная социализация и интернализация элементов лингвокультуры партнеров не является обязательным фактором; г) взаимодействие с целью

формирования общего фонда языковых средств, т.е. практического кода, отвечает ситуативным потребностям коммуникативного контекста.

Институциональный АЛФ – это дополнительная языковая система, используемая в устном и письменном статусно ориентированном дискурсе, в процессе взаимодействия в рамках дискурсивных сообществ, которые развиваются в социально значимых областях, а их члены вступают в сложные социальные отношения и приобретают свойство коллективной идентификации в процессе совместной деятельности.

2. Для идентификации интранационального статуса АЯ в той или иной стране необходимо учитывать четыре основных фактора:

- 1) распространение национально-английского билингвизма и интранациональное использование АЯ в различных областях;
- 2) нативизацию АЯ на фонологическом, морфосинтаксическом, лексическом и прагматическом уровнях с перспективой последующей систематизации, ведущей к развитию и закреплению локальной нормы;
- 3) институционализацию, возможную, но не обязательную на уровне государственных и общественных институтов, и кодификацию, возможную, но не обязательную для признания национального варианта АЯ;
- 4) расширение путей усвоения языка за пределами системы образования.

Диапазон расхождений национальных уровней владения АЯ свидетельствует о том, что по объему функций, выполняемых АЯ, страны Европы подразделяются на три группы: в одних странах он имеет статус основного иностранного языка, в других – он фактически становится вторым языком интранационального общения, а в третьих – занимает промежуточную позицию как язык, ситуативно используемый в отдельных доменах национального языкового пространства. Контактный АЯ выступает как коммуникативный код, создающий условия для вхождения в интернациональную культуру Европейского сообщества, но не свободный от влияния первичных культур участников. Структура культурной составляющей европейской транснациональной коммуникации и специфика

лингвокультурного компонента АЛФ в различных европейских странах отражают длительный процесс вторичной социализации и интернализации АЯ, который имеет свои особенности в разных частях континента.

3. Идеология пользователя АЛФ принципиально отличается от идеологии носителя АЯ по четырем параметрам: это структура модели языка, содержание языковой компетенции, характер лингвокультурного сообщества, использующего язык, экология языка, т.е. отношения между людьми и их социальной и физической средой. Скандинавия является одним из тех регионов Европы, где языковая идеология пользователей АЯ проявляется в двух направлениях: с одной стороны, в процессе распространения транснациональный АЯ приобретает регионально обусловленные типологические формы; с другой – наблюдается общескандинавская тенденция противостояния расширению его интранационального влияния.

4. Исторически сложившаяся в Скандинавии языковая ситуация отличается от общеевропейской тем, что Дания, Норвегия и Швеция имеют близкородственные национальные языки, т.е. регион составляет единый языковой континуум, в котором распространение транснационального английского языка происходит в специфических культурноязыковых условиях.

Среди основных факторов, характеризующих современную языковую ситуацию в Дании, определяющим, безусловно, являются взаимоотношения между датским, национальным языком 88% населения, и английским, языком глобализации. Языковая политика Дании до недавнего времени была достаточно либеральной и ограничивалась попытками регламентировать влияние английской лексики на словарный состав датского языка путем публикации нормативных справочников и рекомендаций, избегая планирования статуса английского языка.

Швеция до второй половины XX в. представляла собой монолингвальное, культурно-гомогенное сообщество, которое

руководствовалось языковой идеологией, ориентированной на главный – шведский – язык, но допускавшей использование языков пяти официально признанных национальных меньшинств. Вследствие активного участия в процессах интернационализации, вступления в Евросоюз, расширения иммиграции Швеция превратилась в мультилингвальное и мультикультурное сообщество, языковая политика которого основана на понимании необходимости сосуществования различных видов языковой идеологии и языковой практики – от языкового национализма до языкового плюрализма.

В отличие от Дании и Швеции, где языковая ситуация характеризуется сосуществованием национального языка, языков меньшинств и английского как второго языка интранациональной коммуникации, основным фактором норвежской языковой ситуации – это диверсификация национального языка. В стране функционируют два официально признанных варианта письменного норвежского языка *Bokmål* и *Nynorsk*, отсутствуют общенациональные письменные нормы и стандарты, а современные территориальные диалекты используются норвежцами в неформальной и официальной коммуникации, на радио и телевидении, в парламенте, в системе школьного и высшего образования. Наряду с этим английский язык «присутствует» в Норвегии не меньше, чем в других скандинавских странах.

5. Специфическая диглоссная ситуация, сложившаяся в Скандинавии, характеризуется тем, что главными являются национальные языки, а АЯ носит надэтнический характер контактного, транскультурного языка, и ни для одной из этнических или социальных групп населения он не является родным, хотя «присутствует» в коммуникации всех групп. Нордический языковой совет осуществляет координацию совместных усилий по созданию скандинавского языкового единства, но эта цель далека от достижения, поскольку многие датчане, норвежцы и шведы лучше владеют английским, чем родственными скандинавскими языками. В скандинавском сообществе АЯ занимает важную позицию, но при этом диапазон языковой

идеологии чрезвычайно широк. Сторонники пуристических тенденций идеологии протекционизма требуют законодательно оградить национальный язык от агрессивной экспансии английского. Однако же большинство прагматично настроенных скандинавов придерживаются идеологии интернационализации и принципа *laissez faire*, т.е. невмешательства государства и отказа от административной регламентации использования АЯ.

6. Функционально-прагматическая роль английского языка в интранациональной коммуникации является объективной лингвокультурной реальностью в Дании, Норвегии и Швеции. В Дании общественно-политическая дискуссия 2000-х гг. была своего рода переходным рубежом от негативной эмоциональной оценки роли английского языка к практическому поиску форм его сосуществования с родным языком. С этого времени оценка языковой ситуации становится более прагматичной, опасения относительно вытеснения датского языка английским постепенно уходят, и в общественном сознании укрепляется представление о разделении сфер функционирования и параллельном использовании датского и английского языков.

В шведском обществе традиционная национальная идеология протекционизма шведского языка также уступила место языковой идеологии интернационализации посредством АЯ. За последние 10–15 лет произошел сдвиг целей и принципов шведской языковой политики: от управления на общенациональном уровне, в форме законодательных актов и правительственных документов, регламентирующих соотношение языков в масштабах всей страны, к более широкому регулированию использования шведского, английского и языков меньшинств на административном, региональном, локальном, общественном, институциональном и межличностном уровнях.

За тот же период в Норвегии дискуссия о взаимоотношениях двух письменных вариантов национального языка и о роли территориальных

диалектов сменилась обсуждением путей параллельного использования норвежского и английского языков в условиях общественно-политической и экономической интернационализации. Норвежский служит первым, основным языком интранациональной коммуникации, а английский – вторым, дополнительным языком, необходимым в определенных коммуникативных контекстах.

7. Общие предпосылки распространения АЯ включают: высокий статус АЯ в странах Скандинавии; популярность англо-американской медиапродукции и воздействие англоязычных средств индустрии развлечений и интернета; интенсивное преподавание АЯ на всех уровнях образования, мотивацию и интеграцию обучения английскому языку с практическим развитием рецептивных и репродуктивных навыков; экстенсивные международные контакты.

Парадигма интернациональной культуры в ментальности датчан, шведов и норвежцев складывается в процессе вторичной социализации, определяемой формальной принадлежностью к скандинавскому сообществу, которое характеризуется высоким уровнем владения АЯ, независимо от конкретной страны проживания. В лингвокультурном аспекте скандинавские пользователи АЯ подразделяются на три категории:

а) Монокультурные, для которых национальная культура является основой рецептивного владения АЯ в процессе потребления англоязычной медиапродукции и репродуктивного владения – в спорадических ситуациях транснациональной коммуникации, где АЯ выполняет функцию транскультурного языка;

б) Интеркультурные – осознающие различия между национальной и иностранной культурами, но придерживающиеся лингвокультурных стереотипов своей социальной группы, включая и те нерегулярные ситуации, когда АЯ используется в транскультурной функции;

в) Транскультурные – владеющие лингвокультурной компетенцией, достаточной для использования в различных ситуациях интранациональной и транснациональной коммуникации.

8. Термины английский язык «сверху» и английский язык «снизу» передают двойственный статус английского языка в Дании, Швеции и Норвегии. Английский язык «сверху» – это основной иностранный язык, обязательный предмет в школе и язык параллельного обучения в университете, планируемый государством как инструмент интернационализации. Английский язык «снизу» – это язык, локализованный прежде всего в коммуникативной деятельности датчан, шведов и норвежцев, для которых владение АЯ превратилось в маркер статуса, поскольку коммуникативная практика уже нескольких поколений формируется с раннего детства под влиянием интернациональной языковой идеологии, англоязычного интернета и англо-американской медиапродукции. Одновременно с официальной политикой внедрения АЯ «сверху», он приходит «снизу» в значительно больших масштабах как язык «цифрового поколения», к которому принадлежат все скандинавы в возрасте до 30–35 лет, т.е. более 1/3 всего населения. Английский является для них не иностранным языком, а привычным инструментом коммуникации, и обстоятельствами своей жизни они подготовлены к тому, чтобы в эпоху глобализации использовать его как для получения высшего образования, так и на рабочем месте.

9. Национально-английский билингвизм стал отличительной особенностью коммуникации и языкового поведения большинства жителей этих стран. Основное различие между ними заключается в том, что в датском и шведском самосознании сформировалось представление о дихотомии: первый, национальный язык : второй, английский язык. Языковая идентификация норвежцев строится по схеме противопоставления: а) местного диалекта – общенациональному варианту,

б) одного общенационального варианта – другому, в) родного, норвежского языка – иностранному, английскому.

«Присутствие» АЯ в скандинавских странах определяется как двусторонний феномен по критерию направленности процесса интерференции: 1) от английского – к языку-реципиенту, что ведет к изменениям в системе национального языка, и 2) от национального – к английскому, что ведет к становлению интранациональной разновидности английского языка.

10. В Дании, Швеции и Норвегии сложилась ситуация трансязычия, в условиях которого интранациональное взаимодействие национального и английского языков характеризуется двусторонней интерференцией. Результатом интерференции АЯ стала значительная «англификация» национального языка, дискурс на котором содержит большое количество англицизмов: заимствований, калек, включений английских слов, словосочетаний и клише. Под англицизмами понимаются любые индивидуальные или системные черты языка, адаптированные или заимствованные из английского языка или созданные по образцам английских моделей и используемые в интралингвальной коммуникации на национальном языке. Использование англицизмов в первую очередь ведет к расширению словарного состава, вызванному экстралингвистическими причинами, и в меньшей степени – к модификации отдельных элементов грамматической системы. В условиях интенсивного использования англицизмов и определенной гибридизации дискурса АЯ служит катализатором изменений в национальных языках, и это естественный и положительный процесс, свидетельствующий об их адаптации к изменениям в стране и мире.

11. Результатом интерференции национального языка становится локализованный национальный вариант АЯ, который отличается специфическими чертами, сложившимися в результате лингвокультурного влияния автохтонного языка. Именно национальный вариант АЯ служит

основным языком транснациональной коммуникации и фактически приобрел статус второго языка интранациональной коммуникации.

Лингвистические факторы «присутствия» АЯ в ежедневном бытовом общении проявляется в повсеместном переключении кодов: от включения в речь на одном языке отдельных слов, реплик, словосочетаний и предложений на другом языке до попеременного высказывания на двух языках в процессе коммуникации. Процесс переключения кодов находится на пересечении языковых единиц АЯ и национального языка и является показателем гибридного состояния дискурса в социальной практике неформальной коммуникации, когда участники идентифицируют себя по принадлежности к тому или иному сообществу практики.

12. Рассматривая проблему статуса АЯ, следует отойти от общего представления о вытеснении датского, шведского и норвежского языков английским и, руководствуясь функционально-прагматическим критерием, отделить лингвокультурное влияние глобального английского языка, реализуемое путем проникновения англицизмов, пополняющих арсенал скандинавских языков, от использования АЯ в статусе второго языка.

В этом статусе он, во-первых, служит основным инструментом коммуникации в двух специальных доменах, в домене науки и образования и в домене интернационального бизнеса, которые входят в открытое европейское и глобальное пространство АЯ, где наибольшее число скандинавов осуществляют транснациональное и транскультурное сотрудничество. Во-вторых, английский как второй язык используется в бытовой интранациональной коммуникации «снизу».

Многие скандинавские лингвисты видят опасность для своих национальных языков в переходе к АЯ доменов языка, охватывающих какие-либо специализированные области, активно участвующие в процессе глобализации, где АЯ служит основным контактным языком. В реальной языковой практике процесс потери домена – это переход отдельных областей специализированной коммуникации из разряда

интранациональных в разряд транснациональных вследствие того, что национальные участники коммуникации осознают себя членами международного сообщества. В этом процессе АЯ является не агрессором, а нейтральным инструментом, оптимально отвечающим объективным потребностям специализированной транснациональной коммуникации.

Концепт домена в скандинавской дискуссии о потере доменов определяется как область социальной практики, которую можно идентифицировать на основе природы и социальных характеристик этой практики, ее локализации во времени и пространстве и специфических для данного домена ролевых отношений, соотнесенности с областью знания, характеризуемой средствами профессиональной коммуникации в данном языке. Из скандинавских публикаций последних 10 лет постепенно исчезает обсуждение проблем потери доменов и засиления англицизмов: новое поколение авторов интересуют вопросы недостаточного уровня владения английским языком, качества параллельного обучения и лингвокультурной интернационализации.

13. Английскому официально предписан статус параллельного языка в домене науки и высшего образования. АЯ регламентируется «сверху» как один из двух основных языков обучения, академической работы, научной и технической терминологии, публикаций на международном уровне.

Однако же в транснациональной и интранациональной коммуникации других доменов, например, в бизнесе, рекламе, телепрограммах и т.п. никаких официальных предписаний не существует, это всегда сознательный выбор участников коммуникации в конкретном виде социальной практики.

Использование английского языка в скандинавском бизнесе диктуется практической необходимостью, поскольку он является инструментом деловых контактов с зарубежными партнерами, фактически служит вторым языком интранациональной и основным языком транснациональной коммуникации, хотя компании часто встречаются как с проблемой недостаточного владения профессиональным АЯ, так и с проблемой

культурного барьера в общении с иностранными партнерами. Официальное признание статуса английского как второго языка этой сферы находится вне зоны ответственности правительственных органов и авторов языковой политики, но в транснациональной коммуникации выбор АЯ всегда предпочтителен, а в интранациональной коммуникации он диктуется конкретными требованиями языкового взаимодействия.

Параллелингвизм рассматривается «сверху» как сознательно разработанный способ сохранения доменов в скандинавских языках. Для участников реальной коммуникации домены – это области коммуникативной практики, в которых они самостоятельно регулируют выбор языка, руководствуясь целями коммуникативной ситуации. Параллельное использование языков не означает их жесткое разграничение и предполагает свободное переключение кодов для обеспечения взаимодействия участников коммуникации в условиях интернационализации этих доменов.

14. Еще раз необходимо подчеркнуть, что в Дании, Швеции и Норвегии взаимодействие английского и национального языков проявляется в двух аспектах. Во-первых, это интерферирующее влияние глобального английского на национальный язык, которое проявляется в повсеместном использовании англицизмов в дискурсе скандинавов на национальном языке, в языковом ландшафте их стран и в переключении кодов.

Второй аспект «присутствия» АЯ – это формирование национального варианта АЯ в условиях интерферирующего влияния национального языка на АЯ. На одном полюсе национального варианта АЯ – гибридный язык тех, кто способен обмениваться простыми бытовыми фразами (*low proficiency*), а на другом – язык на уровне функциональной нативности (*functional nativeness*) не только высокообразованных преподавателей, ученых, сотрудников межнациональных корпораций, но и молодых людей «цифрового» поколения.

Особенности культурной и языковой среды определяют специфику языковой компетенции и характер фоновых знаний скандинавов, говорящих по-английски. Датский, шведский и норвежский национальные варианты АЯ в одинаковой мере характеризуются интерференцией национальных языков на лексико-семантическом, морфо-синтаксическом и фонетическом уровнях. Локализация АЯ, его так называемое «одомашнивание» (*vernacularization*), проявляется в лексико-семантической интерференции: в калькировании как результате поиска английских эквивалентов и неверно понятой эквивалентности, когда заменяются смежные по семантике, но различные по сочетаемости слова; в прямом переводе слов и словосочетаний национального языка, использовании «ложных друзей», которые, при внешнем сходстве и общем происхождении, имеют разные значения.

15. Грамматические особенности национальных вариантов АЯ представлены категориями, которые связаны с различиями выражения отдельных грамматических категорий и по-разному реализуются в английском и национальных языках. Нестандартные формы часто встречаются в реализации артиклей, категории числа, предлогов, возвратных местоимений, наречий и прилагательных, глагольных категорий времени и вида. Имеет место сверхгенерализация продолженных форм, отдельных модальных глаголов, взаимозамена неличных форм глагола, нарушение порядка слов в соответствии с моделями национальных языков.

Так, датчане, шведы и норвежцы используют инфинитив вместо герундия даже в тех случаях, когда искажается значение высказывания. Распространенной особенностью их речи является генерализация модальных и вспомогательных глаголов. Вследствие различий в восприятии грамматического времени скандинавы имеют тенденцию использовать формы простого прошедшего вместо настоящего, формы *Present Perfect* вместо форм *Past Indefinite* для передачи простого действия в прошлом и формы *Present Continuous* вместо форм *Present Indefinite* для передачи

регулярно повторяющегося действия и общеизвестного факта. В предложениях с перфектными формами и модальными глаголами наблюдается свободный порядок слов. В англоязычной речи датчан, шведов и норвежцев имеет место избыточное употребление или отсутствие окончания 3 лица, ед. числа, наст. времени «-s».

16. Одним из ключевых показателей, присущих «домашнему» английскому языку датчан, шведов и норвежцев являются особенности их английского произношения, обусловленные влиянием внутривидовых законов национальной фонетической системы. В произношении датско-английских, шведско-английских и норвежско-английских билингов установлены два основных маркера так называемого «глобального иностранного акцента», которые относятся к системе их консонантизма.

1) Наиболее регулярные особенности проявляются в результате трансферации таких корреляционных признаков скандинавского произношения, как место и способ артикуляции.

Английские альвеолярные смычные [t] и [d] в таких словах, как, например, *teen, twin, day* и *had* артикулируются скандинавами как дентальные смычные.

Межзубный глухой щелевой [θ] в таких словах, как, например, *bath, thank, three* норвежцы и шведы часто реализуют как дентальный или альвеолярный [t], а датчане как [s]. Межзубный, звонкий щелевой в таких словах, как, например, *then, this, other* и *mother* норвежцы и шведы часто произносят как дентальный [d], а датчане – как слабый [ð], сдвинутый вверх от межзубной щели.

Артикуляция альвеолярного, носового сонанта [ŋ] в таких словах, как, например, *Henry* и *lunch* также сдвигается вперед, и он становится зубным.

В произношении всех скандинавов билабиальный, велярный аппроксимант [w] в таких словах, как, например, *winner* и *which* часто реализуется как лабио-дентальный аппроксимант [v], а лабио-дентальный

щелевой [v] в таких словах, как, например, *viking* и *ivory* может переходить в билабиальный аппроксимант [w] или лабио-дентальный аппроксимант [ʋ].

Аффриката [tʃ], отсутствующая в скандинавских языках, обычно произносится как [tj] в таких словах, как, например, *cheek*, *breach* и *nature*.

Аффрикату [dʒ], отсутствующую в скандинавских языках, датчане и норвежцы обычно произносят как [dj], а шведы как [j] в таких словах, как, например, *jeer*, *George*, *conjure*.

Постальвеолярный аппроксимант [r] в таких словах, как например, *range* и *Eric* в реализации норвежцев и шведов часто может артикулироваться кончиком языка (*tip-of-the tongue r-sound*) как альвеолярный, одноударный сонант (*the alveolar tap*) [ɾ]. Обычно это имеет мест в начале слова и после гласного [e], где стандартное британское произношение требует альвеолярного аппроксиманта [ɹ]. В артикуляции датчан участвует задняя спинка языка (*back-of-the tongue r-sound*).

2) Английское произношение всех скандинавов характеризуется отсутствием устойчивой корреляции согласных по глухости – звонкости и наличием полувзвонких и оглушенных согласных фонем. Конечные звонкие смычные [b], [d], [g] обычно оглушаются и переходят в [p], [t], [k], что ведет к совпадению таких пар, как, например, *dog* и *dock*, *pub* и *pup*, *said* и *set*. И наоборот, в интервокальной позиции глухие смычные [p], [t], [k] переходят в звонкие смычные [b], [d], [g], что ведет к совпадению таких пар, как, например, *rapid* и *rabid*, *latter* и *ladder*, *bicker* и *bigger*.

Альвеолярный, звонкий щелевой согласный [z], отсутствующий в скандинавских языках, часто оглушается и реализуется как [s], сохраняя место артикуляции, в таких словах, как, например, *dismal* и *boys*. И наоборот, скандинавы, которые не оглушают согласный [z], проявляют тенденцию к удлинению звонкого [z], например, [ˈbizzɪ] *busy*.

Постальвеолярный, звонкий щелевой [ʒ], отсутствующий в скандинавских языках, обычно оглушается и реализуется как [ʃ] в таких словах, как, например, *measure* и *pleasure*.

Норвежцы и шведы часто проявляют тенденцию к усилению и удлинению согласных после кратких гласных в таких словах, как, например, *coffee, cuff, letter*.

17. Для артикуляции гласных в произношении датчан, шведов и норвежцев релевантны следующие корреляционные признаки: долгота, степень открытости, лабиализация. Система монофтонгов характеризуется тремя ступенями подъема – низкой, средней и высокой, и тремя рядами – передним, средним и задним. При этом характерно преобладание передней и задней артикуляции над средней, закрытой и средне-закрытой артикуляции над открытой.

Под влиянием национальных языков, где отсутствует фонематическое противопоставление долгих и кратких [i:] : [i] и [u:] : [ʊ], наблюдается трансференция этого явления, и краткий монофтонг [ɪ] в датском, шведском и норвежском произношении становится долгим, более закрытым, передним монофтонгом [i:], поэтому не различаются такие слова, как, например, *seat* и *sit*. К паре [u:] : [ʊ], аналога которой есть в английском вокализме, добавляется специфически сильно лабиализованный [y:] в таких словах, как: *during, who, soon*. В произношении норвежцев фонемы [i:], [y], [u] полностью огублены, а монофтонг [ʊ] (*book*) в датском и шведском произношении значительно более огублен, чем в артикуляции норвежцев.

Открытый, широкий монофтонг [æ] в произношении датчан и шведов сужается до [e], поэтому совпадают такие слова, как, например, *bad* и *bed*, а норвежцы проявляют тенденцию к более открытой артикуляции [e] → [æ].

Долгий, центральный, неогубленный монофтонг [ɜ:] в таких словах, как, например, *her* и *bird* и краткий, открытый, центральный монофтонг [ʌ] в таких словах, как, например, *hut* и *but* норвежцы часто сдвигают вперед и реализуют одинаково – как огубленный, среднезакрытый, передний монофтонг [ø], который может быть долгим или кратким. В произношении

датчан и шведов монофтонг [з:] в таких словах, как, например, *turn* и *burn* становится переднецентральным и огубленным.

Дифтонги отличаются незначительным расхождением подъема от первого элемента ко второму. Первые, открытые элементы центральных дифтонгов [aɪ] в таких словах, как например, *high* и *type* и [eɪ] в таких словах, как, например, *take* и *make* часто сдвигаются назад, а второй элемент становится более закрытым и сильным, и в результате норвежцы и шведы произносят эти дифтонги как [ɑi] и [æi]. Для английской речи скандинавов характерна интерферентная замена одного из элементов дифтонга, замена обоих элементов, переход в бифонемные сочетания и монофтонгизация дифтонгов. Как правило, все дифтонги реализуются как нисходящие.

Таким образом, для английского произношения скандинавов релевантны такие корреляционные признаки, как место артикуляции и способ артикуляции, характерно оглушение согласных и наличие полувзвонких и оглушенных согласных фонем, интерферентный перенос лабиализации, степени открытости, подъема и напряженности гласных.

В английском произношении всех скандинавов наблюдаются общие явления, которые дают основание говорить о фонетических особенностях регионального варианта транснационального АЯ. Они отражают трансферентные и конвергентные изменения, являющиеся следствием взаимовлияния двух акустико-артикуляционных систем, однако перечисленные фонетические изменения свидетельствуют не о появлении какой-то новой фонетической системы английского языка, а о многообразии его вариативного потенциала.

Литература

1. Алпатов, В.М. Глобализация и развитие языка / В.М. Алпатов // Вопросы филологии. – 2004. – № 2. – С. 23–27.
2. Алпатов, В.М. История лингвистических учений : учебное пособие / В.М. Алпатов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
3. Алпатов, В.М. Розалия Осиповна Шор и ее книга / В.М. Алпатов // Шор, Р.О. Язык и общество. – Изд. 3-е. – М. : ЛИБРОКОМ. 2010. – С. IV–X.
4. Алпатов, В.М. Языковеды. Востоковеды. Историки. / В.М. Алпатов. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 364 с.
5. Аристова, В.М. Морфологическая структура английских слов в русском языке / В.М. Аристова // Англо-русские языковые контакты. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – С. 44–47.
6. Арнольд, И.В. Основы научных исследований в лингвистике / И.В. Арнольд. – М. : Высшая школа, 1991. – 140 с.
7. Багана, Ж. К вопросу о билингвизме и диглоссии в современной лингвистике / Ж. Багана, Ю.С. Блажевич // Язык профессионального общения и лингвистические проблемы : сборник статей междунар. науч.-практ. семинара / отв. ред. Т.В. Самосенкова. – Белгород, 2009. – С. 13–16.
8. Балабай, Е.В. Особенности словообразования в южноафриканском варианте английского языка : на материале произведений писателей ЮАР : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Балабай Екатерина Вячеславовна. – М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2007. – 25 с.
9. Батанин, В.П. Учебник норвежского языка для первого года обучения. Основной курс. 2 части. / В.П. Батанин, Л.Б. Малова. – М. : Просвещение, 1980. – 347 с. + 317 с.
10. Безрукая, А.Н. Лексико-семантические и фонетические манифестации языковой вариативности (на материале английского языка

Великобритании, США и Канады) : автореф. дис. ... канд. филол. Наук : 10.02.04 / Безрукая Анна Николаевна. – Белгород : Белгородский гос. ун-т, 2009. – 19 с.

11. Беликов, В.И. Социоллингвистика. Учебник для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 439 с.

12. Беляева, Т.М. Английский язык за пределами Англии / Т.М. Беляева, И.А. Потапова. – Л. : Учпедгиз, 1961. – 152 с.

13. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

14. Берков, В.П. Введение в германистику: учебное пособие / В.П. Берков. – М. : Высшая школа, 2006. – 199 с.

15. Берков, В.П. Норвежский язык / В.П. Берков // Современные германские языки. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АСТ, 2001. – С. 160–180.

16. Берков, В.П. Современные германские языки / В.П. Берков. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – 295 с.

17. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке, 1871 / И.А. Бодуэн де Куртенэ // История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Т. 1 / под ред. В.А. Звегинцева. – М. : Просвещение, 1964. – С. 236–268.

18. Бодуэн де Куртенэ, И.А. О задачах языкознания, 1889 / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 203–222.

19. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Некоторые из общих положений, 1897 / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 348–351.

20. Борисов, В.А. Население мира : демографический справочник / В.А. Борисов. – М. : Мысль, 1989. – 478 с.

21. Брук, С.И. Население мира : этнодемографический справочник / С.И. Брук. – М. : Наука, 1986. – 828 с.
22. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М. : Прогресс, 1972. – С. 25–60.
23. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – К. : Вища школа, 1979. – 264 с.
24. Вахтин, Н.Б. Рецензия на книгу Peter Trudgil. Sociolinguistic Typology : Social Determinants of Linguistic Complexity. – Oxford: Oxford University Press, 2011 (reprinted 2012). – 236 p. / Н.Б. Вахтин // Антропологический форум. – 2014. – № 22. – С. 301–309.
25. Верещагин, Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 160 с.
26. Вессен, Э. Скандинавские языки / перевод со швед. яз. С. С. Масловой-Лашанской / Э. Вессен. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 168 с.
27. Виноградов, В.А. Диглоссия / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 32.
28. Возгрин, В.Е. Скандинавизм: первая попытка интеграции европейских народов / В.Е. Возгрин // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2015. – Вып. 3. – С. 54–64.
29. Вольская, Н.Б. Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований / Н.Б. Вольская. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. – 348 с.
30. Гамперц, Дж. Типы языковых сообществ / Дж. Гамперц // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1975. – Вып. 7. – С. 182–198.
31. Грейдина, Н.Л. Реалии коммуникативно-культурного взаимодействия / Н.Л. Грейдина. – Пятигорск: ПГЛУ, 2001. – 462 с.

32. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин / под ред. А.П. Садохина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.

33. Гураль, С.К. Язык всемирного общения и его функциональное назначение в этнических и национальных культурах / С.К. Гураль, В.М. Смокотин // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 3. – С. 119–130.

34. Д'Анджело, Дж. Японский вариант английского языка? Направляя дискуссию в новое русло / Дж. Д'Анджело // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2 (42). – С. 32–43.

35. Дебрэнн, М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии : дис. ... д-ра фил. наук : 10.02.19 / Дебрэнн Мишель. – Новосибирск, 2006. – 375 с.

36. Деперман, А. Теории и свойства ситуации разговора / А. Деперман, Т. Шпранц-Фогейс // Анализ образовательных ситуаций : сб. научн. ст.; под ред. А.М. Корбута и А.А. Полонникова. – Минск: БГУ, 2008. – С. 209–243.

37. Дешериев, Ю.Д. Проблема создания системы билингвистических понятий и вопросы методики ее применения в исследовании / Ю.Д. Дешериев // Методы билингвистических исследований. – М. : Наука, 1976. – С. 20–33.

38. Домашнев, А.И. Вопросы исследования плюрицентрического развития современного английского языка / А.И. Домашнев // Res Linguistica : К 60-летию д.ф.н., проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 2000. – С. 90–97.

39. Домашнев, А.И. Концепция национального варианта языка в трудах академика Г.В. Степанова / А.И. Домашнев // Res Philologica. Филологические исследования : Памяти академика Георгия Владимировича Степанова. – М. : Наука, 1990. – С. 4–17.

40. Дьяков, А.И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца XX века в функциональном аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Дьяков Анатолий Иванович. – Новосибирск, 2001. – 291 с.
41. Елизарова, Г.В. Культура и обучение иностранным языкам : учебное пособие / Г.В. Елизарова. – СПб. : КАРО, 2005. – 352 с.
42. Ерофеева, Е.В. К вопросу о природе подсистем языка / Е.В. Ерофеева // Проблемы социо- и психолингвистики : сборник статей. – Пермь: Перм. ун-т, 2002. – Вып. 1. – С. 12–16.
43. Жирмунский, В.М. Проблемы социальной дифференциации языков / Жирмунский В.М. // Язык и общество: сборник статей. – М. : Наука, 1968. – С. 9–39.
44. Жлуктенко, Ю.А. Теория национальных вариантов английского языка / Ю.А. Жлуктенко // Варианты полинациональных литературных языков / под ред. Ю.А. Жлуктенко. – К. : Наукова думка, 1981. – С. 45–73.
45. Жлуктенко, Ю.А. Социальная лингвистика и общественная практика (Аспекты социокультурного варьирования полиэтничного английского языка) / Ю.А. Жлуктенко, Ю.А. Зацный, А.Д. Швейцер / под ред. О. Е. Семенца. – К. : Вища школа, 1998. – 168 с.
46. Завьялова, В.Л. Специфика речевого взаимодействия на языке-посреднике в АТР : проблемы восприятия восточно-азиатского акцента / В.Л. Завьялова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2 (42). – С. 50–57.
47. Иванкова, Т.А. Инновации китайского варианта английского языка на лексическом уровне / Т.А. Иванкова // Культурно-языковые контакты : сборник научных трудов. Вып. 11. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 67–72.
48. Иванкова, Т.А. Лексические и грамматические особенности китайской региональной разновидности английского языка (на материале письменных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Иванкова Татьяна Алексеевна. – Владивосток, ДВГУ, 2007. – 25 с.

49. Ильина, С.С. О некоторых грамматических особенностях сингапурского английского / С.С. Ильина // Культурно-языковые контакты : сборник научных трудов. Вып. 11. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. – С. 72–81.

50. Исследование Левада-Центра : 70 процентов россиян не владеют иностранными языками [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – 28.05.2014. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/news/2014/05/28/6787> .

51. Кабакчи, В.В. Английский язык межкультурного общения – новый аспект в преподавании английского языка / В.В. Кабакчи // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 6. – С. 84–89.

52. Кабакчи, В.В. Лингвореволюция конца XX века и изменение лингвистической парадигмы / В.В. Кабакчи // Англистика в XXI веке : материалы конференции. 22–24.11.2001. – СПб., филол. фак-т СПбГУ, 2002. – С. 80–86.

53. Кабакчи, В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации : учебное пособие / В.В. Кабакчи. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 232 с.

54. Кабакчи, В.В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат / В.В. Кабакчи // Лингвистика текста и дискурсивный анализ : традиции и перспективы. – СПб.: СПбГУЭФ, 2007. – С. 51–70.

55. Карасик, В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 447 с.

56. Карпушина, С.В. Учебник норвежского языка. (Фонетический курс, Уроки 1–6) / С.В. Карпушина, А.И. Усков. – 4-е изд., стереотип. – М. : Восток-Запад : АСТ, 2014. – 542 с.

57. Кириленко, С.В. Процессы формирования понятийного аппарата социолингвистики : дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.19 / Кириленко Светлана Владимировна. – М., 2015. – 276 с.

58. Клещина, А.В. Теория межкультурной коммуникации в американских исследованиях / А.В. Клещина // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 3(65). – С. 91–99.

59. Клонова, О.Ю. Упрощенные языковые системы и формирование пиджина (на материале русско-норвежских языковых контактов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.19 / Клонова Ольга Юрьевна. – СПб., 2007. – 25 с.

60. Кнуров, Ю.А. Английский язык в развивающихся странах Африки: английский язык в Эфиопии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кнуров Юрий Алексеевич. – К., 1990. – 24 с.

61. Кобзева, Н.А. Коммуникативная компетенция как базисная категория современной теории и практики обучения иностранному языку / Н.А. Кобзева // Молодой ученый. – 2011. – № 3. – Т. 2. – С. 118–121.

62. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учебное пособие / З.И. Комарова. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с. – (Электронная версия).

63. Конечкая, В.П. Социология коммуникации : учебник / В.П. Конечкая. – М. : Междунар. ун-т Бизнеса и Управления, 1997. – 304 с.

64. Кочетова, М.Г. Вариативность в современном английском языке в лингвокультурном контексте / М.Г. Кочетова // Вестник Московского ун-та. Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 73–79.

65. Крайнюченко, Е.В. Сравнительно-сопоставительная характеристика процессов трансформации английского языка на юге Африки : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Крайнюченко Елена Владимировна. – Пятигорск, 2002. – 18 с.

66. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

67. Лабов, У. Исследование языка в его социальном контексте / У. Лабов // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1975. – № 7. – С. 96–181.

68. Лазаретная, О.В. Преподавание английского языка: модели и стратегии обучения в условиях лингвистической относительности / О.В. Лазаретная // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2 (42). – С. 78–83.

69. Лич, Э. Культура и коммуникация : логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии / пер. с англ. / Э. Лич. – М. : Восточная литература, РАН, 2001. – 142 с.

70. Лосева, Н.В. Некоторые аспекты использования теории интерязыка в методике преподавания иностранных языков / Н.В. Лосева // Человек и его язык : материалы юбилейной XVI международной конференции научной школы-семинара имени Л.М. Скрелиной, РГПУ им. Герцена. – СПб.: Скифия, 2013. – С. 296–301.

71. Мабуб, А. Английский язык: настоящая индустрия (English: The Industry). Часть 1 / А. Мабуб // Филологические науки. Филологические науки за рубежом, 2014. – № 2. – С. 89–99.

72. Мабуб, А. Английский язык: настоящая индустрия (English: The Industry). Часть 2 / А. Мабуб // Филологические науки. Филологические науки за рубежом, 2014. – № 3. – С. 102–108.

73. Мартине, А. Основы общей лингвистики / пер. с франц. В.В. Шеворошкина / А. Мартине // Новое в лингвистике / сост., ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – Вып. 3. – С. 366–566.

74. Маслова-Лашанская, С.С. Учебник шведского языка / С.С. Маслова-Лашанская, Н.Н. Толстая. – СПб.: Петро-РИФ, 1996. – 272 с.

75. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.

76. Мечковская, Н.Б. Языковой контакт / Н.Б. Мечковская // Общее языкознание. – Минск: Выш. школа, 1983. – 456 с.
77. Михальченко, В.Ю. Национальные языки в эпоху глобализации : языки России и Монголии [Электронный ресурс] / В.Ю. Михальченко // Вопросы филологии. – 2010. – № 2. – С. 39–48. – Режим доступа : http://journal.mosinyaz.com/page_39_34/.
78. Михальченко, В.Ю. Российская социальная лингвистика : прошлое, настоящее, будущее / В.Ю. Михальченко // Вопросы филологии. – 1999. – № 2. – С. 27–34.
79. Михальченко, В.Ю. Социолингвистика в России / В.Ю. Михальченко, Т.Б. Крючкова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 5. – С. 116–142.
80. Никольский, Л.Б. Синхронная социолингвистика (Теория и проблемы) / Л.Б. Никольский. – М. : Наука, 1976. – 166 с.
81. Ольшанский, И.Г. Лингвокультурология в конце XX в. : итоги, тенденции, перспективы / И.Г. Ольшанский // Лингвистические исследования в конце XX века. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 26–55.
82. Орлов, Г.А. Современный английский язык в Австралии / Г.А. Орлов. – М. : Высшая школа, 1978. – 172 с.
83. Орлова, Э.А. Культурная (социальная) антропология / Э.А. Орлова. – М. : Академический Проект, 2004. – 480 с.
84. Панькин, В.М. Языковые контакты: краткий словарь / В.М. Панькин, А.В. Филиппов. – М. : Флинта, 2011. – 158 с.
85. Петренко, А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии / А.Д. Петренко. – К. : Рідна мова, 1998. – 255 с.
86. Пивоварова, М.О. Слово-ритмическая организация английской речи носителей вьетнамского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Пивоварова Марина Олеговна. – Владивосток, 2005. – 22 с.

87. Попова, З.Д.. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 60 с.
88. Проценко, Е.А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литературы за последние десятилетия) / Е.А. Проценко // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 123–127.
89. Прошина, З.Г. Английский язык и культура Восточной Азии / З.Г. Прошина. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 476 с.
90. Прошина, З.Г. Вариантность английского языка и межкультурная коммуникация / З.Г. Прошина // Личность. Культура. Общество (Personality. Culture. Society). Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – М., 2010. – Т. XII. – Вып. 2. – № 55–56. – С. 242–252
91. Прошина, З.Г. Динамика развития английского языка в его региональных вариантах / З.Г. Прошина // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. – 2012. – № 2 (18). Серия Филология. – С. 200–206.
92. Прошина, З.Г. Контактная вариантология английского языка (World Englishes Paradigm) : Проблемы теории. Учебное пособие / З.Г. Прошина. – М. : Флинта : Наука, 2017. – 208 с.
93. Прошина, З.Г. Основные положения и спорные проблемы теории вариантности английского языка : учебное пособие / З.Г. Прошина. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 189 с.
94. Прошина, З.Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 6–9.
95. Прошина, З.Г. Репрезентация образа России в англоязычных СМИ Восточной Азии [Электронный ресурс] / З.Г. Прошина // Культурно-языковые контакты. Вып. 11. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – С. 98–120. – Режим доступа : http://ifl.wl.dvgu.ru/download/sborn11.doc#_Toc194219876

96. Прошина, З.Г. Russian English: Pride or Prejudice? (Русский английский: гордость или предубеждение?) / З.Г. Прошина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2014. – Вып. 6 (ноябрь). – С. 15–25.

97. Прошина, З.Г. Терминологическая сумятица в новом лингвистическом ракурсе : метаязык контактной вариантологии / З.Г. Прошина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – № 1. – С. 105–117.

98. Прошина, З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение / З.Г. Прошина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Вопросы образования : языки и специальность. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 155–170.

99. Прошина, З.Г. Учебники английского языка с позиции контактной вариантологии (World Englishes Paradigm) / З.Г. Прошина // Межкультурная коммуникация : Взаимодействие языков, культур и менталитетов : монография : к юбилею профессора М.Г. Лебедько / под ред. О.В. Николаевой. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2014. – С. 220–230.

100. Прошина, З.Г. World Englishes paradigm, или контактная вариантология английского языка (предисловие к переводу) / З.Г. Прошина, Т.А. Иванкова // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. 12. – № 53/54. – С. 173, 174.

101. Ривлина, А.А. Глобализация английского языка и формирование массового русско-английского билингвизма / А.А. Ривлина // Вестник Череповецкого гос. ун-та. – 2014. – № 4. – С. 104–108.

102. Ривлина, А.А. Формирование глобального англо-местного билингвизма и усиление транслингвальной практики / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 22–29.

103. Розенцвейг, В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов / В.Ю. Розенцвейг // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. VI. – С. 5–24.

104. Русаков, А.Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Русаков Александр Юрьевич. – СПб., 2004. – 105 с.

105. Русакова, Е.Б. Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование: автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01 / Русакова Елена Борисовна. – Калининград, 2007. – 24 с.

106. Рюмин, Р.В. Социолектная лексикография в теоретическом и прикладном спектрах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Рюмин Роман Владириович. – Краснодар, 2009. – 30 с.

107. Сафонова, В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций / В.В. Сафонова. – Воронеж : Истоки, 1996. – 237 с.

108. Сафонова, В.В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам / В.В. Сафонова. – М. : Высшая школа, Амскорт интернэшнл, 1991. – 305 с.

109. Семенец, О.Є. Соціальні процеси і мовна дійсність / О.Є. Семенець. – К. : Вища школа, 1984. – 191 с.

110. Семенец, О.Е. Социальный контекст и языковое развитие : Территориальная и языковая дифференциация АЯ в развивающихся странах / О.Е. Семенец. – К. : Вища школа, 1985. – 175 с.

111. Смокотин, В.М. Европейское многоязычие : от государств-наций к многоязычной и поликультурной Европе. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – 178 с.

112. Солнцев, В.М. Вариантность / В.М. Солнцев // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 337–338.

113. Стеблин-Каменский, М.И. История скандинавских языков / М.И. Стеблин-Каменский. – М. ; Л., 1960. – 340 с.
114. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М. : Высшая школа, 1992. – 231 с.
115. Страны мира : энциклопедический справочник / под ред. С.Л. Семеницкого. – Минск: Миринда, 1999. – 622 с.
116. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
117. Тер-Минасова С.Г. Язык как зеркало культуры / С.Г. Тер-Минасова. – М. : МГУ, 1999. – 119 с.
118. Устинович, Е.А. Соціофонетична варіативність сегментного складу англійської мови бурсько-англійських білінгвів: дис. ... канд. філол. Наук : 10.02.04 / Устинович Євген Анатолійович. Сімферополь, 2007. – 223 с.
119. Уютова, Е.В. Слоγο-ритмическая структура английской речи носителей корейского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Уютова Евгения Викторовна. – Владивосток, 2004. – 26 с.
120. Фалькова, Е.Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях : методическое пособие. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. – 77 с.
121. Фершуерен, Дж. Заметки о роли метапрагматической осведомленности в использовании языка / Дж. Фершуерен // Критика и семиотика. Вып. 3–4. – Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2001. – С. 85–105.
122. Хауген, Э. Проблемы двуязычного описания / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. 6. Языковые контакты. – С. 277–289.
123. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. 6. Языковые контакты. – С. 61–81.
124. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 122 с.

125. Хорошева, Н.В. Промежуточные формы городской разговорной речи в свете теории социолингвистических переменных У. Лабова / Н.В. Хорошева // Проблемы социо- и психолингвистики : сборник статей. – Пермь : Перм. ун-т, 2003. – Вып. 2. – С. 8–13.

126. Черкасов, Л.Н. Теория лингвистических систем как основа системной фонологии: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 / Черкасов Лев Николаевич. – М., 1995. – 38 с.

127. Черноглазова, М.В. Фонематический состав слов : традиционные фонологические школы и системная фонология / М.В. Черноглазова // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль, 2002. – № 2. – С. 47–50.

128. Шахбагова, Д.А. Фонетическая система английского литературного языка – целостность, устойчивость вариативность: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.04. – М., 1986. – 38 с.

129. Шаталова, Н.А. О двух аспектах функционирования английского языка в глобальном мире / Н.А. Шаталова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2.

130. Швейцер, А.Д. Очерк современного английского языка в США / А.Д. Швейцер. – М. : Высшая школа, 1963. – 216 с.

131. Швейцер, А.Д. Социолингвистика / А.Д. Швейцер // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 481–482

132. Швейцер, А.Д. Введение в социолингвистику : учебное пособие / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.

133. Шевнин, А.Б. Эрратология и межъязыковая коммуникация / А.Б. Шевнин // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – № 2. – 2004. – С. 36–44.

134. Шнайдер, Э. Модели развития английского языка: сходные или различные? / Э. Шнайдер // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Т. XIV. – Вып. 3 (73–74). – С. 189–203.

135. Шор, Р.О. Язык и общество / Р.О. Шор / предисл. В.М. Алпатова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Либроком, 2010. – 160 с.
136. Эрвин-Трипп, С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия / С.М. Эрвин-Трипп // Новое в лингвистике. – Вып. VII. Социолингвистика. – М., 1975. – С. 336–362.
137. Ярцева, В.Н. Развитие национального литературного английского языка / В.Н. Ярцева. – М. : Едиториал УРСС, ЛКИ, 2004. – 288 с.
138. Agost, R. La traducción en los medios audiovisuales / R. Agost, F. Chaume // Castelló : Publicacions de la Universitat Jaume I. – 2001. – 250 p.
139. Aijmer, K. The influence of English on the languages in the Nordic countries / K. Aijmer, G. Melchers // Nordic Journal of English Studies. – 2004. – Vol. 3. – P. 1–4.
140. Airey, J. The expansion of English-medium instruction in the Nordic countries: Can top-down university language policies encourage bottom-up disciplinary literacy goals? / J. Airey, K.M. Lauridsen, A. Räsänen, S. Salo, V. Schwach // Higher Education. – 2017. – № 73 (4). – P. 561–576.
141. Airey, J. Bilingual Scientific Literacy? The Use of English in Swedish University Science Courses / J. Airey, C. Linder // Nordic Journal of English Studies. – 2008. – Vol. 7. – № 3. – P. 145–161.
142. Alcón Soler, E. Intercultural Language Use and Language Learning / E. Alcón Soler, M.P. Safont Jordà (Eds.). – Dordrecht, The Netherlands : Springer, 2007. – 287 p.
143. Alderson, J.C. The diagnosis of reading in a second or foreign language / J.C. Alderson, E.L. Haapakangas, A. Huhta, L. Nieminen, R. Ullakonoja. – New York : Routledge, 2016. – xviii + 265 p.
144. Alexander, R. Caught in a global English trap, or liberated by a lingua franca? Unravelling some aims, claims and dilemmas of the English teaching profession / R. Alexander // C. Gnutzmann (ed.) // Teaching and Learning English as a Global Language : Native and Non-native Perspectives. – Tübingen: Stauffenburg. – 1999. – P. 23–40.

145. Alptekin, C. Dual Language Instruction: Multiculturalism through a Lingua Franca / C. Alptekin // TESOL Symposium on Dual Language Education : Teaching and Learning in Two Languages in the EFL Setting. – Virginia, U.S.A : TESOL. – 2005. – P. 5–11.

146. Ammon, U. English as an academic language in Europe / U. Ammon, G.D. McConnell. – Frankfurt: Peter Lang, 2002. – 204 p.

147. Anchimbe, E.A. Local or International Standards: Indigenized Varieties of English at the Crossroads / E.A. Anchimbe // F. Sharifian (Ed.) // English as an International Language Perspectives and Pedagogical Issues. – Multilingual Matters UK. – 2009. – P. 271–286.

148. Andersen, G. A corpus-based study of the adaptation of English import words in Norwegian / G. Andersen (ed). // Exploring newspaper language. – John Benjamins. – 2012. – P. 155–192.

149. Andersen, G. Pragmatic borrowing : The case of English-based expletives in Norwegian [Electronic resource] / G. Andersen // The pragmatics of borrowing : Assessing the pragmatic effects of borrowings from and into English. – 12th ESSE Conference, Košice, Slovakia. – 2016. – URL: <http://www.xprag.de/wp-content/uploads/2016/06/Andersen.pdf> .

150. Andersen, G. Pseudo-borrowings as cases of pragmatic borrowing: Focus on Anglicisms in Norwegian / G. Andersen // Cr. Furiassi, H. Gottlieb (Eds.) // Pseudo-English. Studies on False Anglicisms in Europe. – De Gruyter Mouton, 2015. – P. 123–144.

151. Andersen, M.H. Engelsk i dansk: Sprogholdninger i Danmark. Dansk Sprognævns skrifter 33 [English in Danish: Language Attitudes in Denmark. Danish Language Council's writings № 33] / M.H. Andersen. – Copenhagen: Danish Language Council, 2004. – 254 s.

152. Andersson, M. English as a Second Language in Sweden in a Theoretical Perspective / M. Andersson. – Halmstad: Halmstad University, 2013. – 54 p.

153. Arnfast, J.S. Code-switching as a communication, learning, and social negotiation strategy in first-year learners of Danish / J.S. Arnfast, J.N. Jørgensen // *International Journal of Applied Linguistics*. – 2003. – № 13 (1). – P. 23–53.

154. Askedal, J.O. Norwegian / J.O. Askedal // E. König and J. van der Auwera, eds. *The Germanic Languages*. – London : Routledge, 1994. – P. 219–270.

155. Auer, P. Code-switching in Conversation : Language, Interaction and Identity [Electronic resource] // P. Auer (ed.). – London : Routledge, 1998. v + 355 P. – URL : <http://www.udc.es/dep/lx/cac/artigos/1998routledge.pdf> .

156. Awedyk, W. Attitudes of Norwegians towards the growing influence of English / W. Awedyk // *Folia Scandinavica*. – Poznań, 2009. – Vol. 10. – P. 143–153.

157. Bakmand, B. Grund til bekymring? Dansk sprogpolitik på tapetet [Reason for concern? Danish language policy on the wallpaper] / B. Bakmand. – *Sprogforum*, 2000. – № 18. – S. 4–7.

158. Bakmand, B. National language planning, why (not)? / B. Bakmand // J. Allwood (ed.). *Intercultural Communication*. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2000. – № 3. – P. 140–163.

159. Bækgård Nielsen, T. Domain loss? The use of English-language job titles in Danish language job advertisements – eight case studies / T. Bækgård Nielsen. – Aarhus School of Business, Aarhus University, 2009. – 75 p.

160. Barnevik, P. Jag vill förändra världen [I Want to Change the World] / P. Barnevik. – Stockholm : Bonnier, 2011. – 489 s.

161. Basbøll H. *The Phonology of Danish* / H. Basbøll. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. – 596 p.

162. Bech K., Walkden G. English is (still) a West Germanic language [Electronic resource] / K. Bech, G. Walkden // *Nordic Journal of Linguistics*. – 2016. – Vol. 39, – Issue 1. – P. 65–100. – URL :

http://personalpages.manchester.ac.uk/staff/george.walkden/Bech_Walkden_2015_English.pdf .

163. Berg, C. Shaping the climate for language shift? English in Sweden's elite domains / C. Berg, F. Hult, K. King // *World Englishes*. – 2001. – № 20 (3). – P. 305–319.

164. Berns, M. English as lingua franca and English in Europe / M. Berns // *World Englishes*. – 2009. – Vol. 28, Issue 2. – P. 192–199.

165. Berns, M. English in the European Union. *English Today* / M. Berns. – July 1995. – Vol. 11, Issue 3. – P. 3–11.

166. Berns, M. Expanding on the Expanding Circle: where do WE go from here? / M. Berns // *World Englishes*. – 2005. – Vol. 24. – № 1. – P. 85–93.

167. Björkman, B. Language ideology or language practice? An analysis of language policy documents at Swedish universities / B. Björkman // *Multilingua : Journal of Cross Cultural and Interlanguage Communication*. – 2014. – № 33 (3–4). – P. 335–363.

168. Björkman, B. So where we are?: Spoken lingua franca English at a Swedish technical university / B. Björkman // *English Today*. – 2008. – № 24 (2). – P. 11–17.

169. Blommaert, J. *The Sociolinguistics of Globalization* / J. Blommaert. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 230 p.

170. Bø, I. Ungdom og naboland [Youth and neighboring country] / I. Bø. – Stavanger : Rogalandsforskning (rapport 4), 1978. – 249 s.

171. Bolton, K. Varieties of Englishes / K. Bolton // B. Kachru, Y. Kachru, & C. Nelson (eds.), *The Handbook of World Englishes*. – Oxford: Blackwell, 2006a. – P. 289–312.

172. Bolton, K. *World Englishes* / K. Bolton, B. Kachru Braj // *World Englishes: critical concepts in linguistics*. Vol. 1. – N. Y. : Routledge, 2006b. – P. 186–216.

173. Bolton, K. World Englishes and linguistic landscapes / K. Bolton // *World Englishes*. – 2012. – Vol. 31, № 1. – P. 30–33.

174. Bolton, K. World Englishes, globalisation, and language worlds / K. Bolton // *Of Butterflies and Birds, of Dialects and Genres: Essays in honour of Philip Shaw* / Edited by N.-L. Johannesson, G. Melchers, B. Björkman. – Stockholm : Acta Universitatis Stockholmiensis, 2013. – P. 227–251.

175. Bolton, K. World Englishes today / K. Bolton // B. Kachru, Y. Kachru, & C. Nelson (eds.), *The Handbook of World Englishes*. – Oxford : Blackwell, 2006c. – P. 240–270.

176. Bolton, K. English as an academic language at a Swedish university : parallel language use and the ‘threat’ of English / K. Bolton, M. Kuteeva // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2012. – Vol. 33, Issue 5. – P. 429–44

177. Bolton, K. English in contemporary Sweden : Policies, perceptions, and multilingual realities / K. Bolton, Chr. Meierkord // *Journal of Sociolinguistics*. – 2013. – 17 (1). – P. 93–117.

178. Bongartz, Chr. M. English in Cyprus : second language variety or learner English? / Chr. M. Bongartz, S. Buschfeld // Mukherjee J., Hund M., eds. *Exploring Second-Language Varieties of English and Learner Englishes. – Bridging a Paradigm Gap*. Amsterdam, Philadelphia, PA : Benjamins, 2011. – P. 35–54.

179. Booij, G. English as the lingua franca of Europe : A Dutch perspective / G. Booij. – *Lingua e Stile*, 2001. – 36 (2). – P. 347–357.

180. Börestam, U. Dansk-svensk språkgemenskap på undantag [Danish-Swedish language community as a special case] / U. Börestam. – Uppsala : Uppsala Universitet, 1987. – 66 s.

181. Börestam Uhlmann, U. Interscandinavian comprehension and scandinavian language community: real or ideal? [Electronic resource] / U. Uhlmann Börestam. – 2002. – URL : <http://ancilla.unice.fr/~brunet/pub/ulla.html> .

182. Boyd, S. Transatlantic connections // D. Blank, P. Jegebdeck (Eds.) *Migration och mångfald : essäer om kulturkontakt och minoritetsfrågor tillägnade*

Harald Runblom [Migration and diversity: Essays on cultural contact and minority issues dedicated to Harald Runblom]. – Uppsala : Centrum för Multietnisk Forskning, 1999. – P. 233–248.

183. Brankovic, S. Swedish language policy in action: legal rights of migrant languages during the European refugee crisis [Electronic resource] / S. Brankovic // *Linguis Europae*. – 2016. – URL : <http://eucenterillinois-language.blogspot.com/2016/11/swedish-language-policy-in-action-legal.html> .

184. Brevik, L.M. How teachers teach and readers read. Developing reading comprehension in English in Norwegian upper secondary school: PhD diss. / L.M. Brevik. – Faculty of Educational Sciences, University of Oslo, 2015. – 140 p.

185. Brock-Utne, B. The language of instruction and research in higher education in Europe – highlights from the current debate in Norway and Sweden / B. Brock-Utne // *International Review of Education*. – 2007. – № 53 (4). – P. 367–388.

186. Brook, J. “Your son is in the babysitter” : An examination of some semantic issues faced by Swedish learners of English [Electronic resource] / J. Brook // *Hawaii Pacific University TESOL Working Paper Series*. – 2010. – № 8 (1, 2). – P. 25–32. – URL : <http://www.hpu.edu/index.cfm?contentID=8064&siteID=1> .

187. Brubæk, S. Pragmatic competence in English at the VG1 level [Electronic resource] / S. Brubæk // *Acta Didactica Norge*. – 2012. – Vol. 6. – № 1, Art. 20. – 19 p. – URL : <https://www.journals.uio.no/index.php/adno/article/viewFile/1089/968>

188. Brumfit, C.J. Individual Freedom and Language Teaching : Helping Learners to Develop a Dialect of their Own / C.J. Brumfit. – Oxford Univ. Press, 2001. – xvi + 207pp.

189. Bruthiaux, P. Squaring the circles : issues in modeling English worldwide / P. Bruthiaux // *International Journal of Applied Linguistics*. – 2003. – № 13 (2). – P. 159–178.

190. Brutt-Griffler, J. Conceptual questions in English as a world language : Taking up an issue / J. Brutt-Griffler // World Englishes. – 1998. – № 17 (3). – P. 381–392.

191. Brutt-Griffler, J. World English : A Study of its Development / Janina Brutt-Griffler. – Clevedon & Buffalo: Multilingual Matters, 2002. – 215 p.

192. Buschfeld, S. English in Cyprus and Namibia: A critical approach to taxonomies and models of World Englishes and Second Language Acquisition research / S. Buschfeld // The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and beyond // Ed. by S. Buschfeld, T. Hoffmann, M. Huber, and A. Kautzsch. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2014. – P. 181–202.

193. Buschfeld, S. The English Language in Cyprus : An Empirical Investigation of Variety Status / S. Buschfeld. – Inaugural Dissertation. Universität zu Köln, 2011. – 307 p.

194. Byram, M.S. Language choice in a minority school / M.S. Byram // International Review of Education. Springer Netherlands. – 1985. – Vol. 31. – № 1. – P. 323–333.

195. Cabau, B. Language policy in Swedish higher education / B. Cabau // A contextualized perspective. European Journal of Language Policy. – 2011. – № 3 (1). – P. 37–60.

196. Canagarajah, A.S. Multilingual Communication and Language Acquisition : New Research Directions [Electronic resource] / A.S. Canagarajah, A.J. Wurr // The Reading Matrix. – 2011. – Vol. 11. – № 1. – 15 p. – URL: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf .

197. Carlson, K. 2002. Tvåspråkiga naturvetare [Bilingual natural scientists] / K. Carlson // Språkvård. – 2002. – № 2. – P. 14–19.

198. Carroll-Boegh, A. Internationalisation and Teaching through English : A Danish Perspective / A. Carroll-Boegh // The Journal of Doctoral Research in Education. The UCL Institute of Education, University College London. – 2005. – Vol. 5. – № 2. – P. 19–30.

199. Carstensen, B. 1986. Euro-English / B. Carstensen // Descriptive, Contrastive and Applied Linguistics // D. Kastovsky, A. Szwedek (eds). – Berlin & New York : Mouton de Gruyter, 1986. – P. 827–835.

200. Cavalheiro, L.L. English as a European lingua franca: a sociolinguistic profile of students and teachers of English at the faculty of letters of the University of Lisbon : PhD dissertation [Electronic resource] / Lili Lopes Cavalheiro. – Lisbon: University of Lisbon, 2008. – xiv + 134 p. – URL: http://repositorio.ul.pt/bitstream/10451/1728/1/21803_ulfl062027_tm.pdf .

201. Celce-Murcia, M. Rethinking the Role of Communicative Competence in Language Teaching / M. Celce-Murcia // E. Alcón Soler , M.P. Safont Jordà Eds. Intercultural Language Use and Language Learning. – Dordrecht, The Netherlands: Springer, 2007. – P. 41–58.

202. Cenoz, J., Jessner, U. 2000. Introduction / J. Cenoz, U. Jessner (eds) // English in Europe: The Acquisition of a Third Language. – Clevedon & Buffalo : Multilingual Matters, 2000. – P. vii–xii.

203. Chambers, J.K. English in Canada / J.K. Chambers // Canadian English: A Linguistic Reader. – Queen’s University Kingston, Ontario, 2010. – P. 1–39.

204. Chambers, J.K. Geolinguistic Patterns in a Vast Speech Community / J.K. Chambers // *Linguistica Atlantica*. – 2006–2007. – Nos. 27–28. – P. 27–36.

205. Chambers, J.K. Patterns of variation including change / J.K. Chambers // *The handbook of language variation and change* // Ed. J.K. Chambers, P. Trudgill and N. Schilling-Estes. – Oxford: Blackwell, 2002. – P. 349–372.

206. Chen, G.-M. Foundations of Intercultural Communication / G.-M. Chen, W.J. Starosta. – Boston: University Press of America, 2005. – 352 p.

207. Chrystal, J.-A. Engelskan i Svenska dagspress [English in Swedish newspapers] / J.-A. Chrystal. – Diss. Solna: Esselte stadium, 1988. – 246 s.

208. Chvala, L. Assessment in English / L. Chvala, A.L. Graedler // S. Dobson, R. Engh (Eds.). *Vurdering for læring i fag* [Assessment for learning in the disciplines]. – Kristiansand: Høyskoleforlaget, 2010. – P. 75–89.

209. CIP Nyhedsbrev / newsletter [Electronic resource] // Centre for Internationalisation and Parallel Language Use CIP. – 2017. – URL: <http://cip.ku.dk/english/> .

210. Clyne, M. English as an international language : Challenges and possibilities / M. Clyne, F. Sharifian // Australian Review of Applied Linguistics, International Forum on English as an International Language. Special forum issue ed. by F. Sharifian, M. Clyne. – 2008. – № 31 (3). – P. 28.1–28.16.

211. Cogo, A. Efficiency in ELF communication: from pragmatic motives to lexico-grammatical innovation [Electronic resource] / A. Cogo, M. Dewey // Nordic Journal of English Studies. – 2006. – № 5/2. – P. 59–93. – URL : <http://hdl.handle.net/2077/3148> .

212. Cogo, A. English as a lingua franca in Europe / A. Cogo, J. Jenkins // European Journal of Language Policy. – 2010. – № 2.2. – P. 271–294.

213. Coleman, J.A. English-medium teaching in European Higher Education [Electronic resource] / J.A. Coleman // Language Teaching. – 2006. – Vol. 39 (1). – P. 1–14. – URL: <http://dx.doi.org/doi:10.1017/S026144480600320X> .

214. Common European Framework of Reference for Languages : Learning, Teaching, Assessment (CEFR) [Electronic resource]. – November 2001. – URL: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf .

215. Condon, J.C., Yousef F.S. An Introduction to Intercultural communication / J.C. Condon, F.S. Yousef. – Indianapolis N.Y., 1975. – 326 p.

216. Cook, V. Background to the L2 user / V. Cook (ed.). // Portraits of the L2 user. – Clevedon : Multilingual Matters, 2002. – P. 1–31.

217. Corder, S.P. The significance of learners' errors / S.P. Corder // International review of applied linguistics in language teaching (IRAL). – 1967. – № 5 (4). – P. 161–170.

218. Corder, S.P. Error Analysis and Interlanguage / S.P. Corder. – Oxford: Oxford University Press, 1981. – 125 p.

219. Corder, S.P. Idiosyncratic dialects and error analysis / S.P. Corder // International review of applied linguistics in language teaching (IRAL). – 1971. – Vol. 9 (2). – P. 147–160.

220. Crystal, D. An English family of languages / D. Crystal // English as a Global Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997 (2 edition, 2003). – P. 177–189.

221. Crystal, D. English as a Global Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press. 1997. – 228 p.

222. Crystal, D. Moving towards an English family of languages? / D. Crystal // World Englishes : A festschrift for Olga S. Akhmanova from her disciples, friends and colleagues // Ed. by O. Alexandrova and M. Konurbayev. – M. : Диалог-МГУ, 1998. – P. 84–95.

223. Cunningham, U. Acoustic variability in the production of English vowels by native and non-native speakers / U. Cunningham // E. Waniek-Klimczak (Ed.). Issues in Accents of English. Cambridge Scholars Publishing, 2008. – P. 1–15.

224. Cunningham, U. Teaching English pronunciation online to Swedish primary-school teachers / U. Cunningham // E. Waniek-Klimczak, M. Pawlak (eds.). Teaching and Researching the Pronunciation of English, Second Language Learning and Teaching. Springer International Publishing Switzerland, 2015. – P. 63–76.

225. Currie, H. A projection of socio-linguistics : the relationship of speech to social status / H. Currie // Southern Speech Journal. – 1952. – № 18. – P. 28–37.

226. Dalton-Puffer, C. Learner attitudes and L2 pronunciation in Austria / C. Dalton-Puffer, G. Kaltonboeck and U. Smit // World Englishes. – 1997. – Vol. 16 (1). – P. 115–128.

227. Danebod, Th. Do Scandinavians understand one another? [Electronic resource] / Th. Danebod. – February 23, 2014. – URL : <https://thyra10.wordpress.com/2014/02/23/do-scandinavians-understand-one-another/> .

228. Daryai-Hansen, P. Begegnungen mit fremden Sprachen : Sprachliche Hierarchien im sprachenpolitischen Diskurs im Dänemark und Deutschland der Gegenwart / P. Daryai-Hansen. – Tübingen: Narr Verlag, 2014. – 200 p.

229. Daryai-Hansen, P. Promoting linguistic diversity : Reflections on the language policy of European language policy conferences / P. Daryai-Hansen // Preisler B., Fabricius A., Haberland H., Kjærbeck S., Risager K. (Eds.). The Consequences of Mobility : Linguistic and Sociocultural Contact Zones. – Roskilde : Roskilde University, 2005. – P. 272–275.

230. Davidsen-Nielsen, N. Danish language policy in comparison with the language policy of the EU [Electronic resource] / N. Davidsen-Nielsen // European Federation of National Institutions for Language (EFNIL). The papers of the 6-th conference. – Riga, 2007. – P. 131–135. – URL : <http://www.efnil.org/documents/conference-publications/riga-2007/Riga-14-Davidsen-Nielsen-Mother.pdf> .

231. Davidsen-Nielsen, N. Engelsk eller ikke engelsk? – That is the question // N. Davidsen-Nielsen, E. Hansen, P. Jarvad (eds.). – Copenhagen: Gyldendal, 1999. – 52 s.

232. Davidson-Nielsen, N., Harder P. Speakers of Scandinavian Languages: Danish, Norwegian, Swedish / N. Davidson-Nielsen, P. Harder // Swan, M., Smith, B. Learner English : A teacher's guide to interference and other problems. Vol. 1. – Cambridge University Press, 2001. – P. 21–36.

233. Davies, A. Is international English an interlanguage? / A. Davies // TESOL Quarterly. – 1989. – Vol. 23 (3). – P. 447–467.

234. Deklaration om nordisk språkpolitik 2006 [Declaration on a Nordic language policy] [Electronic resource] // Copenhagen : Nordic Council of Ministers, 2007. – URL : [http://www.nordicom.gu.se/common/publ_pdf/280_nordisk% 20sprakpolitik.pdf](http://www.nordicom.gu.se/common/publ_pdf/280_nordisk%20sprakpolitik.pdf) .

235. Delsing, L.-O. Håller språket ihop Norden? En forskningsrapport om ungdomars förståelse av danska, svenska og norska (Does language keep the Nordic countries together? A research report on how well young people

understand Danish, Swedish and Norwegian) / L.-O. Delsing, K. Lundin Åkesson. – København : Nordiska ministerrådet, 2005.

236. De Smedt, K. The Norwegian language in the digital age / K. De Smedt, G.-I. Lyse, A. Müller Gjesdal, G.S. Losnegaard // The White Paper. META, the Multilingual Europe Technology Alliance. – Springer, 2012. – 79 p.

237. De Swaan, A. Endangered languages, sociolinguistics, and linguistic sentimentalism / A. De Swaan // European Review. – 2004. – Vol. 12. – № 4. – P. 567–580.

238. Dewey, M. English as a lingua franca and globalization: an interconnected perspective / M. Dewey // International Journal of Applied Linguistics. – 2007. – Vol. 17. – № 3. – P. 332–354.

239. Dewey, M. English as a lingua franca. Heightened variability and theoretical implications / M. Dewey // A. Mauranen & E. Ranta (eds.). English as a lingua franca : Studies and findings. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2009. – P. 60–83

240. Domanska, A. On the consciousness of anglicisms in Norwegian youth language [Electronic resource] / A. Domanska // Universitetet i Bergen : Institutt for lingvistiske, litterære og estetiske studier, 2008. – 87 p. – URL: <http://bora.uib.no/bitstream/handle/1956/3659/62900235.pdf>.

241. Domeij, R.. Can official websites be accessible to all? A Swedish language policy perspective / R. Domeij, J. Spetz // P. Nuolijärvi, G. Stickel (eds.) Language use in public administration. Theory and practice in the European states. – Budapest : Research Institute for Linguistics, 2016. – P. 61–71.

242. DYLAN. Language dynamics and management of diversity [Electronic resource] // The DYLAN Working Papers, 2008, 2009, 2010. – URL: http://www.dylan-project.org/Dylan_en/home/home.php

243. Edwards, A. English in the Netherlands Functions, forms and attitudes : PhD Dissertation / A. Edwards. – University of Cambridge, 2014. – 375 p.

244. Edwards, A. The progressive aspect in the Netherlands and the ESL / EFL continuum / A. Edwards // *World Englishes*. – 2014. – Vol. 33, Issue 2. – P. 173–194.

245. Ek, C. English product names and descriptions in two Swedish supermarkets. A quantitative and qualitative analysis [Electronic resource] / C. Ek. // Falun, Sweden : Dalarna University, 2015. – 48 p. – URL : <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:945054/FULLTEXT01.pdf>

246. Emonds, J.E. English : The Language of the Vikings [Electronic resource] / J.E. Emonds, J.T. Faarlund // *Olomouc Modern Language Monographs*. – Vol. 3. – Palacký University, Olomouc, 2014. – 180 p. – URL : <http://anglistika.upol.cz/fileadmin/kaa/emonds/vikings2014.pdf>

247. English in the Nordic Region – Why are they so good? [Electronic resource] // *Global Europeans*. – November 2015. – URL : <http://globaleuropeans.com/english-in-the-nordic-region-why-are-they-so-good/>

248. English-Taught Programmes in European Higher Education. The State of Play in 2014 // Wächter B., F. Maiworm F. (eds.). – Bonn: Lemmens Medien GmbH, 2014. – 138 p.

249. Erling, E.J. Globalization, English and the German university classroom : a sociolinguistic profile of students of English at the Freie Universität Berlin. [Electronic resource] / E.J. Erling // Thesis Presented for the Degree of Doctor of Philosophy. University of Edinburgh. – June 2004. – 282 p. – URL: userpage.fu-berlin.de/~berling/Final%20Draft%20pdf.pdf .

250. Erling, E.J. The many names of English : A discussion of the variety of labels given to the language in its worldwide role / E.J. Erling // *English Today*, 2005. – Vol. 81. – № 21(1). – P. 40–44.

251. Ervin-Tripp, S. Child codeswitching and adult context contrasts / S. Ervin-Tripp, I. Reyes // *International Journal of Bilingualism*. – 2005. – № 9–1. – P.85–102.

252. Fabricius, A.H., Mortensen J. Haberland H. The lure of internationalization: paradoxical discourses of transnational student mobility,

linguistic diversity and cross-cultural exchange / A.H. Fabricius, J. Mortensen, H. Haberland // Springer Science+Business Media Dordrecht. – 2017. – № 73 (4). – P. 577–595.

253. Ferguson, C.A., Simplified registers, broken language and pidginization / C.A. Ferguson, C. DeBose // Veldman A. (ed.) *Pidgin and Creole linguistics*. – Bloomington : Indiana Univ. Press, 1977. – P. 99–125.

254. Ferguson, G. The global spread of English, scientific communication and ESP : questions of equity, access and domain loss / G. Ferguson // *Ibérica*. – 2007. – № 13. – P. 7–38.

255. Fiedler, S. English as a lingua franca – a native-culture-free code? Language of communication vs. language of identification [Electronic resource] / S. Fiedler // *Apples – Journal of Applied Language Studies*. – 2011. – Vol. 5, 3. – P. 79–97. – URL: http://apples.jyu.fi/article_files/Fiedler_final.pdf

256. Filipovic, R. Historical-Primary Etymology vs. Secondary Etymology of Anglicisms in European Languages / R. Filipovic // *History and perspectives of language study : papers in honor of Ranko Bugarski*. – Amsterdam : John Benjamins, 2000. – P. 205–216.

257. Findahl, O. English in Sweden in the Age of Satellite Television / O. Findahl // Goodman S., Graddol D. (eds.). *Redesigning English: new texts, new identities*. – London: Routledge, 1996. – P. 228–234.

258. Finegan, E. *Language: Its Structure and Use* / E. Finegan. – Thomson Wadsworth, 2004. – 611 p.

259. Firth, A. The discursive accomplishment of normality: on ‘lingua franca’ English and conversation analysis / A. Firth // *Journal of Pragmatics*. – 1996. – Vol. 26. – P. 237–259.

260. Firth, J. R. *Papers in linguistics, 1934–1951* / J. R. Firth. – London : Oxford University Press, 1957. – 233 p.

261. Fischer, R. *Anglicisms in Europe: Linguistic Diversity in a Global Context* // R. Fischer, H. Pułaczewska (Eds.). – Cambridge Scholars Publishing, 2008. – 336 p.

262. Fishman, J.A. Domains and the relationship between micro- and macrosociolinguistics / J.A. Fishman // J. Gumperz and D. Hymes, eds. Directions in sociolinguistics. The ethnography of communication. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972a. – P. 435–453.

263. Fishman, J.A. Sociolinguistics and the language problems of the developing countries / J.A. Fishman // J.A. Fishman, C.A. Ferguson and J.D. Gupta (eds). Language problems of developing nations. – New York: John Wiley and Sons, 1968. – P. 3–16.

264. Fishman, J.A. The Relationship between micro-and macrosociolinguistics in the study of who speaks what language to whom and when / J.A. Fishman // J.B. Pride and J. Holmes, eds. Sociolinguistics. – Harmondsworth: Penguin, 1972b. – P. 15–32.

265. Fishman, J.A. The Sociology of Language / J.A. Fishman // Advances in the Sociology of Language. Vol. 1. – The Hague, 1971. – C. 217–404.

266. Fluger, L. Towards a description of a discourse universe: interpreting between Danish and English / L. Fluger, A. Zoega // Nielsen J.E. (ed.). Publications on English themes: The twain shall meet. Danish approaches to English studies. Vol.18. – Copenhagen : University of Copenhagen, 1992. – P. 100–118.

267. Francathe European FP6 project DYLAN – Language Dynamics and Management of Diversity [Electronic resource] // Research task 4.2 ‘Emergent varieties’, 2009. – URL : <http://dylan.univie.ac.at/> .

268. Frederiksen, D. BELF in the workplace: a linguistic ethnographic study [Electronic resource] / D. Frederiksen // An observation of English as a lingua franca used by employees at a Swedish company. Sockholms Universitet: Department of English, 2014. – URL : <http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:784843/FULLTEXT01.pdf>

269. Fredriksson, R. The multinational corporation as a multilingual organization. The notion of a common corporate language / R. Fredriksson, W. Barner-Rasmussen, R. Piekkari. – Corporate Communications : An International Journal. – 2006. – Vol. 11. – № 4. – P. 406–423.

270. Fry, D. *Homo Loquens. Man as a talking animal* / D. Fry. – London : Cambridge Univ. Press, 1980. – 193 p.

271. Furiassi, C. *Pseudo-English. Studies on False Anglicisms in Europe* // C. Furiassi, H. Gottlieb (Eds.). *De Gruyter Mouton*, 2015. – xi, 287 p.

272. Gerritsen, M. *Fact or fallacy? English as an L2 in the Dutch business context* / M. Gerritsen, C. Nickerson // C.N. Candli, M. Gotti (Eds.). *Intercultural aspects of specialized communication : Linguistic insights*. – Bern : Peter Lang, 2004. – P. 105–125.

273. Gerritsen, M. *A reconsideration of the status of English in the Netherlands within the Kachruvian Three Circles model* / M. Gerritsen, F. Van Meurs, B. Planken, H. Korzilius // *World Englishes*. – 2016. – Vol. 35, Issue 3. – P. 457–474.

274. Gideskog, J. *English Loanwords at Dagens Nyheter and Svenska Dagbladet's Websites* [Thesis] [Electronic resource] / J. Gideskog // Mid Sweden University, 2009. – 35 p. – URL: www.diva-portal.se/smash/get/diva2.../FULLTEXT01.pdf .

275. Gnutzmann, C. *Lingua franca* / C. Gnutzmann // Byram M. (ed.) // *Routledge encyclopedia of language teaching and learning*. – London : Routledge, 2004. – P. 356–359.

276. Gooskens, Ch. *Contact, attitude and phonetic distance as predictors of inter-Scandinavian communication* [Electronic resource] / Ch. Gooskens // *Near languages – Collateral languages. Actes du colloque international réuni à Limerick, du 16 au 18 juin 2005*. – P. 99–109. – URL : http://www.let.rug.nl/gooskens/pdf/publ_nearcollateral_2007.pdf .

277. Gooskens, Ch. *The role of dialect exposure in receptive multilingualism* / Ch. Gooskens, W. Heeringa // *Applied Linguistics Review*. – 2014. – № 5(1). – P. 247–271.

278. Gooskens, Ch.. *Explaining Danish-Swedish asymmetric word intelligibility : An error analysis* / Ch. Gooskens, R. van Bezooijen // *Phonetics in Europe. Perception and Production*. Peter Lang. – 2016. – P. 59–82.

279. Gooskens, Ch. Is spoken Danish less intelligible than Swedish? [Electronic resource] / Ch. Gooskens, V. van Heuven, R. van Bezooijen, J. Pacilly // *Speech Communication*. – 2010. – Vol. 52. – P. 1022–1037. – URL : http://www.let.rug.nl/gooskens/pdf/publ_speechcom_2010.pdf

280. Gottlieb, H. Anglicisms in Danish : dubbing vs. subtitling [Electronic resource] / H. Gottlieb // *Screen Translation*. – 2001. – P. 151–171. – URL : http://www.tolk.su.se/polopoly_fs/1.58138.1321532012!/gottlieb_2001b.pdf .

281. Gottlieb, H. Danish echoes of English / H. Gottlieb // *Nordic Journal of English Studies*, 2004. – Vol. 3. – P. 39–65.

282. Gottlieb, H. Danish pseudo-Anglicisms : A corpus-based analysis // Cr. Furiassi, H. Gottlieb (Eds.) *Pseudo-English. Studies on False Anglicisms in Europe*. – De Gruyter Mouton, 2015. – P. 61–98.

283. Gottlieb, H. Phraseology in flux / H. Gottlieb // C. Furiassi (ed.), *The Anglicization of European Lexis*. – John Benjamins Publishing, 2012. – P. 169–198.

284. Görlach, M. *Still more Englishes* / M. Görlach. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2002. – xiii + 240 p.

285. Görlach, M. *The development of Standard English* // M. Görlach (Ed.) *Studies in the History of the English Language*. – Heidelberg: Carl Winter, 1988. – P. 9–64.

286. Götz S., Schilk M. Formulaic sequences in spoken ENL, ESL and EFL: focus on British English, Indian English and learner English of advanced German learners / S. Götz, M. Schilk // Mukherjee J., Hund M., eds. *Exploring Second-Language Varieties of English and Learner Englishes. Bridging a Paradigm Gap*. – Amsterdam, Philadelphia, PA : Benjamins, 2011. – P. 79–100.

287. Goetzee-Van Rooy, S. The identity issue in bi- and multilingual repertoires in South Africa : Implications for Schneider's Dynamic Model / S. Goetzee-Van Rooy // *The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and beyond* // Ed. by S. Buschfeld, T. Hoffmann, M. Huber, and A. Kautzsch. – Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2014. – P. 39–57.

288. Graddol, D. English Next. Why global English may mean the end of English as a Foreign Language / D. Graddol. – London : British Council. The English Company (UK) Ltd, 2006. – 128 p.

289. Graedler, A.-L. Attitudes towards English in Norway : A corpus-based study of attitudinal expressions in newspaper discourse / A.-L. Graedler // *Multilingua*. – 2014. – Vol. 33, Issue 3-4. – P. 291–312.

290. Graedler, A.-L. Modern Loanwords in the Nordic Countries. Presentation of a project / A.-L. Graedler // *Nordic Journal of English Studies*. – 2004. – Vol. 3. – P. 5–21.

291. Graedler, A.-L. Norwegian / A.-L. Graedler // Görlach M. (Ed.). *English in Europe*. – Oxford Univ. Press, 2002. – P. 57–81.

292. Graedler, A.-L. Use of English in the linguistic landscape of Norway's capital [Electronic resource] / A.-L. Graedler // *The pragmatics of borrowing : Assessing the pragmatic effects of borrowings from and into English*. – 12th ESSE Conference, Košice, Slovakia, 29 August – 2 September 2014. – URL : [http://web.abo.fi/fak/hf/enge/finsse/ESSE/ESSE %2012%202014%20pdf](http://web.abo.fi/fak/hf/enge/finsse/ESSE/ESSE%2012%202014%20pdf).

293. Graedler, A.-L. Rocka, hipt and snacksy : Some aspects of English influence on present-day Norwegian / A.-L. Graedler, S. Johansson // In G. Melchers, and B. Warren (eds). // *Studies in Anglistics. Stockholm Studies in English*. – 1995. – Vol. 85. – P. 269–287.

294. Greenall, A.K. To translate or not to translate : Attitudes to English loanwords in Norwegian / A.K. Greenall // B. Preisler, A. Fabricius, H. Haberland, S. Kjærbeck, & K. Risager (Eds.). *The Consequences of Mobility : Linguistic and Sociocultural Contact Zones*. – Roskilde: Roskilde University, 2005. – P. 212–226.

295. Greenall, A. To translate or not to translate: Attitudes towards English loanwords in Norwegian / A.K. Greenall, J. Klugervik // Preisler B. et. al. (eds.). *The consequences of mobility*. – Roskilde: Roskilde University, 2005. – P. 212–226.

296. Greenbaum, S. (ed.) *Comparing English Worldwide : The International Corpus of English* / S. Greenbaum. – Clarendon Press : Oxford, 1996. – 286 p.

297. Greenbaum, S. *Introducing ICE* // S. Greenbaum (ed.) *Comparing English Worldwide : The International Corpus of English*. – Clarendon Press : Oxford, 1996. – P. 3–12.

298. Greere, A. *Redefining 'CLIL' – towards multilingual competence*. Lanqua subproject on content and language integrated learning. Year one report / A. Greere, A. Räsänen // Lanqua – language network for quality assurance, 2008. – URL : http://www.lanqua.eu/sites/default/files/year1report_CLIL .

299. Gregersen, F. *Factors influencing the linguistic development in the Øresund region* / F. Gregersen // *International Journal of the Sociology of Language*, 2003 (159). – P. 139–152.

300. Gregersen, F. *Language and ideology in Denmark* / F. Gregersen // Kristiansen T., Coupland N. (Eds.). *Standard Languages and Language Standards in a Changing Europe*. – Oslo: Novus Press, 2011. – P. 47–54.

301. Gregersen, F. *Language Policy : A View from the Periphery of Europe : Scandinavian Language Policy, its problems and possible Perspectives for the Rest of Europe: Is there a regional Alternative to English?* / F. Gregersen // *Angles on the English-Speaking World*. – 2009. – Vol. 9. – P. 95–108.

302. Gregersen, F., *Språkpolitik och internationalisering på nordiska universitet [Language policy and internationalization at Nordic universities]* // F. Gregersen, O. Josephson (ed.). *Hvor parallelt om parallellspråkighet på Nordens universitet [Where parallel to parallelism at the University of the Nordic region]*. – Copenhagen, Denmark : TemaNord. 2014. – P. 35–53.

303. Grønnum, N. *Danish vowels – scratching the recent surface in a phonological experiment* / N. Grønnum // *Acta Linguistica Hafniensia*. – 1996. – Vol. 28. – P. 5–63.

304. Grzega, J. *Globish and Basic Global English (BGE) : Two Alternatives for a Rapid Acquisition of Communicative Competence in a Globalized World?* /

J. Grzega // Journal for EuroLinguistiX. – Vol. 3, 2006. – P. 1–13. – URL : www1.ku-eichstaett.de/SLF/EngluVglSW/ELiX/grzega-061.pdf

305. Gulden, A.T. English for Academic Purposes : A New Discipline in Norway? / A.T. Gulden // Nordic Journal of English Studies, 2008. – Vol. 7. – № 3. – P. 207–211.

306. Gumperz, J.J. Discourse strategies / J.J. Gumperz. – Cambridge univ. press. – 1982. – 225 p.

307. Gumperz, J.J. The communicative competence of bilinguals : Some hypotheses and suggestions for research / J.J. Gumperz // Language in Society. – 1973. – № 2. – P. 143–154.

308. Gumperz, J.J., Cook-Gumperz, J. Studying language, culture, and society: Sociolinguistics or linguistic anthropology? / John J. Gumperz and Jenny Cook-Gumperz // Journal of Sociolinguistics. – № 12 (4). – 2008. – P. 532–545.

309. Gunnarsson, B.-L. Multilingualism in the workplace / B.-L. Gunnarsson // Annual Review of Applied Linguistics. – 2013. – № 33. – P. 162–189.

310. Gunnarsson, B.-L. Swedish tomorrow – A product of the linguistic dominance of English? / B.-L. Gunnarsson // S. Boyd, L. Huss (eds.). Managing multilingualism in a European nation-state : Challenges for Sweden. – Clevedon : Multilingual Matters. – 2001. – P. 51–69.

311. Haastrup, K. English-Medium Higher Education in Denmark / K. Haastrup // Nordic Journal of English Studies. – 2008. – Vol. 7. – № 3. – P. 205–206.

312. Haberland, H. Domains and domain loss // B. Preisler, A. Fabricius, H. Haberland, S. Kjærbeck, K. Risager (Eds.). The Consequences of Mobility : Linguistic and Sociocultural Contact Zones. – Roskilde : Roskilde University, 2005. – P. 227–237.

313. Haberland, H. Danish / H. Haberland // E. König and J. van der Auwera, eds. The Germanic Languages. – London : Routledge, 1994. – P. 313–348.

314. Haberland, H. Kan dansk overleve som kultursprog? [Can Danish survive as a cultural language?] / H. Haberland // Sprogs status i Danmark ar

2011 [Language status in Denmark by the year 2011] // A. Holmen, J.N. Jørgensen, (eds.). – Copenhagen: Danmarks Pædagogiske Universitet, 2000. – P. 127–138.

315. Haberland, H. The position of Danish and other languages in Denmark and at Danish universities / H. Haberland, B. Preisler // Vila F.X., Bretxa V. (eds.). Language Policy in Higher Education. The Case of Medium-Sized Languages. – Bristol: Multilingual Matters, 2015. – P. 15–42.

316. Hagen, S. ELAN: Effects on the European Economy of Shortages of Foreign Language Skills in Enterprise / S. Hagen, S. Davila-Philippon, B. Nordgren. – London : The UK National Centre for Languages (CiLT), 2006. – 79 p.

317. Halliday M.A.K. and Ruqaiya Hasan. Language, context, and text: aspects of language in a social-semiotic perspective / M.A.K. Halliday, R. Hasan. – Victoria, 1985. – 126 p.

318. Hammink, J.E. A Comparison of the code switching behavior and knowledge of adults and children / J.E. Hammink. – El Paso : University of Texas, 2000. – 35 p. – URL : <http://hamminkj.tripod.com/hamminkCS.pdf> .

319. Hansen, E. Sprogpolitik / E. Hansen // Jørgensen J.N. (ed.). Det danske sprogs status År 2001 -er dansk et truet sprog? – København : Danmarks Lærerhøjskole, 1991. – S. 31–43.

320. Hansen, E. Styrk sproget / E. Hansen, I. Kjær, J. Lund // Nyt fra Sprognævnet (Strengthen the language // News from the Language Council). – № 2 (June), Copenhagen, 2000. – P. 1–6.

321. Harbert, W. The Germanic Languages / W. Harbert. – Cambridge University Press, 2007. – 510 p.

322. Hasselgård, H., Lysvåg P., Johansson S. English Grammar: Theory and Use (2nd edition) / H. Hasselgård, P. Lysvåg, S. Johansson. – Oslo : Universitetsforlaget, 2012. – 420 p.

323. Haugen, E. Blessings of Babel : Bilingualism and Language Planning / E. Haugen. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1987. – 176 p.

324. Haugen, E. Language conflict and language planning : The case of modern Norwegian / E. Haugen. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. – 393 p.
325. Haugen, E. Language Planning in Modern Norway / E. Haugen // Fishman J. (ed.). Readings in the Sociology of Languages. – Paris : Mouton de Gruyter, 1968. – P. 673–687.
326. Haugen, E. Planning for a standard language in modern Norway / E. Haugen // Anthropological Linguistics. – 1959. – № 1 (3). – P. 8–21.
327. Haugen, E. Scandinavian language structures / E. Haugen. – Tübingen : Max Niemeyer. – 1982. – xi, 225 s.
328. Haugen, E. The ecology of language / E. Haugen // A.S. Dil (Ed.). The ecology of language : Essays by Einar Haugen. – Stanford : Stanford University Press, 1970. – P. 325–333.
329. Haugen, E. The Scandinavian languages: an introduction to their history / E. Haugen. – Cambridge, Ma. : Harvard University press, 1976. – 507 p.
330. Held, D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global transformations : politics, economics and culture / D. Held, A. McGrew, D. Goldblatt, J. Perraton. – Cambridge: Polity Press, 1999. – 540 p.
331. Hellekjær, G.O. A survey of English use and needs in Norwegian export firms / G.O. Hellekjær // Hermes, Journal of Language and Communication in Business, 2012. – № 48. – P. 7–18.
332. Heller, M., Duchêne, A. Discourses of endangerment : Sociolinguistics, globalization and social order // Duchêne A., Heller M. (ed.) Discourses of Endangerment. – London & New York : Continuum, 2007. – P. 1–13.
333. Hickey, R. Standard English and standards of English. Introduction // R.Hickey (ed.) Standards of English. Codified Varieties Around the World. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – P. 1–30.
334. Hickey, R. Standards of English. Codified Varieties Around the World // R.Hickey (ed.). – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 421 p.

335. Hicks, R. Speaking rate and information content in English lingua franca oral presentations // English for Specific Purposes, 2010. – Vol. 29, Issue 1. – P. 4–18.

336. History of IAWE (International Association of World Englishes) [Electronic resource]. – URL : www.iaweworks.org/history.php .

337. Hoffmann, T. The cognitive evolution of Englishes: The role of constructions in the dynamic model / T. Hoffmann // The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and beyond / Ed. by S. Buschfeld, T. Hoffmann, M. Huber, and A. Kautzsch. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2014. – P. 181–202.

338. Hofstede, G. Culture's Consequences : International differences in Work-Related Values / G. Hofstede. – Sage Publications, Inc; 2nd edition, 1984. – 328 p.

339. Höglin, R. Engelska språket som hot och tillgång i Norden [The English Language as a Threat and an Asset in the Nordic Countries] / R. Höglin. (English Summary. P. 103–121). – TemaNord Språksamarbete: 561, Nordiska Ministerrådet, 2002. – 142 s.

340. Höglund, S. Scania – an international Company [Electronic resource] / S. Höglund. – 12 February 2013. – URL : <https://www.scania.com/group/en/scania-an-international-company/> .

341. Holmen, A. Efterord. Parallelsproglighed og flersprogethed på nordiske universiteter [Afterword. Parallel language use and multilingualism at Nordic universities] / A. Holmen // Nordic Journal of Second Language Research, 2012. – № 2. – P. 161–169.

342. Holmen, A. Language and culture teaching. Foreign languages and Danish as a second language / A. Holmen, K. Risager // International Journal of the Sociology of Language. – 2003. – № 159. – P. 93–108.

343. Holtedahl, W.M. Is your English «Norwenglish»? : Some frequent lexical pitfalls for Norwegian learners of English / W.M. Holtedahl. – Kunnskapaforlaget, 1980. – 391 p.

344. Hordnes, Chr. 'Norwegian-English': English native speakers' attitudes to Norwegian-accented English / Chr. Hordnes. – University of Bergen : Department of Foreign Languages, 2013. – Ix+103 p.

345. House, J. A stateless language that Europe must embrace [Electronic resource] / Juliane House // The Guardian Weekly. – 2001, 19 April. – URL : <http://www.guardian.co.uk/GWeekly/Story/0,3939,475288,00.html> .

346. House, J. English as a lingua franca : A threat to multilingualism / J. House // Journal of sociolinguistics. – 2003. – № 7. – P. 556–578.

347. House, J. Misunderstanding in intercultural communication : interactions in English as a lingua franca and the myth of mutual intelligibility / J. House // C. Gnutzmann (ed.) Teaching and Learning English as a Global Language, 1999. – Tübingen : Stauffenburg. – P. 73–89.

348. House, J. What Is an 'Intercultural Speaker'? / J. House // E. Alcón Soler, M.P. Safont Jordà Eds. Intercultural Language Use and Language Learning. – Dordrecht, The Netherlands: Springer, 2007. – P. 7–21.

349. Howatt, A.P.R., Widdowson H.G. A History of English language teaching. 2 Rev. Edition / A.P.R. Howatt, H.G. Widdowson. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2004. – 417 p.

350. Huber, M. Stylistic and sociolinguistic variation in Schneider's Nativization Phase : T-affrication and relativization in Ghanaian English / M. Huber // The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and beyond / Ed. by S. Buschfeld, T. Hoffmann, M. Huber, and A. Kautzsch. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2014. – P. 86–106.

351. Hughes, C.E. Code Switching Among Bilingual and Limited English Proficient Students: Possible Indicators of Giftedness / C.E. Hughes // Journal for the Education of the Gifted. – 2006. – Vol. 30. – № 1. – P. 7–28.

352. Hülmbauer, C. "You moved, aren't?" The relationship between lexicogrammatical correctness and communicative effectiveness in English as a lingua franca [Electronic resource] / C. Hülmbauer // VIEWS. – 2007. – № 16/2. – P. 3–35. – URL: http://www.univie.ac.at/Anglistik/Views_0702.pdf .

353. Hülmbauer, C. Introducing English as a lingua franca (ELF): Precursor and partner in intercultural communication [Electronic resource] / C. Hülmbauer, H. Böhringer, B. Seidlhofer // Cali Chantal et al. (eds.). Enseigner – apprendre – utiliser le français langue internationale en Europe aujourd’hui: pour une perspective comparatiste. – Synergies Europe. – 2009. – Vol.3/09. – P. 25–36. – URL : <http://ressources-cla.univ-fcomte.fr/gerflint/Europe3/hulmbauer.pdf> .

354. Hult, F.M. English as a transcultural language in Swedish policy and practice / F.M. Hult // TESOL Quarterly. – 2012. – № 46 (2). – P. 230–257.

355. Hult, F.M. English on the streets of Sweden : An ecolinguistic view of two cities and a language policy / F.M. Hult // Working Papers in Educational Linguistics. – 2003. – № 19 (1). – P. 43–63

356. Hultgren, A.K. English language use at the internationalised universities of Northern Europe : Is there a correlation between Englishisation and world rank? / A.K. Hultgren // Multilingua : Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication. – 2014. – № 3–4. – P. 391–414.

357. Hultgren, A.K. English Medium Instruction : Global Views and Countries in Focus / A.K. Hultgren. – Department of Education, University of Oxford, 2015. – 27 p.

358. Hultgren, A.K. Parallel Language Use / A.K. Hultgren // A. Linn (ed.) Investigating English in Europe : Contexts and Agendas. – Berlin : Mouton, 2016. – P. 158–163.

359. Hultgren, A.K. Whose parallellingualism? Overt and covert ideologies in Danish university language policies / A.K. Hultgren // Multilingua : Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication, 2014. – № 33(1–2). – P. 61–87.

360. Hundt, M., Mukherjee J. Introduction: bridging a paradigm gap // M. Hundt, J. Mukherjee, eds. Exploring Second-Language Varieties of English and Learner Englishes. Bridging a Paradigm Gap. – Amsterdam, Philadelphia, PA: Benjamins, 2011. – P. 1–6.

361. Hyltenstam, K. Engelskan, skolans språkundervisning och svensk språkpolitik [English, school language teaching and Swedish language policy] / K. Hyltenstam // Engelskan i Sverige. Språkval i utbildning, arbete och kulturliv [English in Sweden. Language choices in education, work and cultural life]. – Stockholm : Norstedts Ordbok, 2004. – P. 36–107.

362. Hyltenstam, K. Svenskan i minoritetsspråksperspektiv [Swedish in perspective as a minority language] // K. Hyltenstam (ed.) Sveriges sju inhemska språk: Ett minoritetsspråksperspektiv [Sweden's seven native languages: A minority language perspective]. – Lund, Sweden : Studentlitteratur, 1999. – P. 205–240.

363. Hymes, D.H. On communicative competence [Electronic resource] / D.H. Hymes // J.B. Pride, J. Holmes. Sociolinguistics : selected readings. – Harmondsworth : Penguin, 1972. – P. 269–293. URL : <http://www.homes.uni-bielefeld.de/sgramley/Hymes-2.pdf>

364. Hymes, D.H. Two types of linguistic relativity / D.H. Hymes // W. Bright. Sociolinguistics. – The Hague : Mouton, 1966. – P. 114–158.

365. James, A.R. English as a European Lingua Franca – Current realities and existing dichotomies / A.R. James // J. Cenoz and U. Jessner (eds.). English in Europe : The Acquisition of a Third Language. – Clevedon and Buffalo : Multilingual Matters, 2000. – P. 22–38.

366. James, A.R. The Challenges of the lingua franca : English in the world and types of variety / A.R. James // C. Gnutzmann & F. Intemann (eds.) The globalization of English and the English language classroom. – Tübingen : Narr, 2005. – P. 133–144.

367. Jarvad, P. Det danske sprogs status I 1990'erne med særligt henblik på domænetab. Dansk sprognævns skrifter 32; Dansk Sprognævn [The Danish language's status in the 1990s with a particular view of domain. Danish Language Board's writings 32; Danish Language Council] / P. Jarvad. – 2001. – 196 s.

368. Jarvad, P. Nye ord. Hvorfor og hvordan? [New words. Why and how?] / P. Jarvad. – København : Gyldendal, 1995. – 345 s.

369. Jenkins, J. English as a Lingua Franca [Electronic resource] / J. Jenkins // JACET 47th Annual Convention. – Waseda University, 11–13 September 2008. – URL : http://www.jacet.org/2008convention/JACET2008_keynote_jenkins.pdf
370. Jenkins, J. English as a Lingua Franca : Attitude and Identity / J. Jenkins. – Oxford Univ. Press, 2007. – 284 p.
371. Jenkins, J. English as a Lingua Franca : interpretations and attitudes / J. Jenkins // World Englishes, 2009. – Vol. 28 (2). – P. 200–207.
372. Jenkins, J. Points of view and blind spots : ELF and SLA / J. Jenkins // International Journal of Applied Linguistics. – Vol. 16, Issue 2. – July 2006. – P. 137–162.
373. Jenkins, J. World Englishes : a resource book for students / J. Jenkins. – 2nd edition. – London : Routledge, 2009. – 256 p.
374. Jenkins, J. Review of developments in research into English as a lingua franca / J. Jenkins, A. Cogo, M. Dewey // Language Teaching. – 2011. – № 44.3. – P. 281–315.
375. Jensen, C. Danish University lecturers' attitudes towards English as the medium of instruction / C. Jensen, J. Thøgersen // Ibérica. – 2011. – № 22. – P. 13–34.
376. Johannessen, S.H. 1979. Two Norwegian-English regional accents. An auditory analysis of the pronunciation mistakes of some 1st term Oslo and Bergen students of English / S.H. Johannessen. – Bergen : The University of Bergen, 1979. – 90 p.
377. Johansson, S. Contrastive analysis and learner language / S. Johansson. – Oslo : University of Oslo, 2008. – 168 p.
378. Johansson, S. English Influence on the Scandinavian Languages / S. Johansson // Nordic journal of English studies. – 2002. – Vol. I. – № 1. – P. 89–105.
379. Johansson, S. Anglicisms in Norwegian: When and where? / S. Johansson, A.-L. Graedler // G.M. Anderman, M. Rogers (Eds.) In and Out of

English for better, for worse. – Clevedon : Multilingual Matters Ltd., 2005. – P. 161–184.

380. Johansson, S., Graedler A.-L. Rocka, hipt og snacksy. Om engelsk norsk språk og samfunn [Rocka, hipt and snacksy. About English Norwegian language and society] / S. Johansson, A.-L. Graedler. – Kristiansand : Høyskoleforlaget, 2002. – 318 s.

381. Johnson, R.K. International English : Towards an acceptable, teachable target variety / R.K. Johnson // World Englishes. – 1990. – Vol. 9 (3). – P. 301–315.

382. Jones, D. The Phoneme: Its Nature and Use / D. Jones. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 1959. – 234 p.

383. Jones S., Bradwell P. As You Like It. Catching up in an age of Global English / S. Jones, P. Bradwell. – London : Demos, 2007. – 117 p.

384. Jørgensen, J.N. Bilingualism and minority languages / J.N. Jørgensen // International Journal of Sociology of Language. – 2003. – Vol. 159. – P. 73–91.

385. Jørgensen, J.N. Introduction : Multilingual Behavior in Youth Groups / J.N. Jørgensen // Proceedings of the 19th Scandinavian Conference of Linguistics. – Vol. 31.5 : Bilingualism. – Copenhagen: University of Copenhagen, 2003. – P. 740–745.

386. Jørgensen, J.N. Linguaging [Electronic resource] / J.N. Jørgensen, K. Juffermans // A Toolkit for Transnational Communication in Europe, 2011. – URL : <http://www.toolkit-online.eu/docs/linguaging.html> .

387. Jørgensen, L. Rapport om undersøgelse af danske virksomheders behov for sproglig og kulturel viden [Report on the study of Danish businesses' need for linguistic and cultural knowledge] / L. Jørgensen. – Center for Sprogteknologi Danmark, 2000. – Retrieved from <http://cst.dk/elise/danmark/index.html> .

388. Joseph, J.E. Language and politics / J.E. Joseph. – Edinburgh University Press, 2006. – 170 p.

389. Joseph, J.E. T.C. Hodson and the Origins of British Socio-linguistics [Electronic resource] / J.E. Joseph // Sociolinguistics Symposium 15. –

Newcastle-upon-Tyne. – April 2004. – URL :
http://conferences.ncl.ac.uk/ss15/papers/paper_details.php?id=304 .

390. Ives, P. Managing or Celebrating Linguistic diversity in the E.U.? [Electronic resource] / P. Ives // Note de recherche n. 03/04. Institut 'études européennes, Université de Montreal, 2004. – URL :
http://www.iee.umontreal.ca/publicationsfr_fichiers/COLLOQUE-2004/IvesIESfinal.pdf .

391. Kachru, B.B. Asian Englishes : beyond the canon / B.B. Kachru. – Hong Kong : Hong Kong University Press, 2005. – 333 p.

392. Kachru, B.B. The Alchemy of English : The Spread, Functions and Models of Non-Native Englishes / B.B. Kachru. – Oxford : Pergamon Press, 1986. – 200 p.

393. Kachru, B.B. English as an Asian Language / B.B. Kachru // Links & Letters 5. – 1998. – P. 89–108.

394. Kachru, B.B. The Indianness in Indian English / B.B. Kachru // Word. – 1965. – № 21. – P. 391–410.

395. Kachru, B.B. Models for Non-native Englishes // B.B. Kachru (ed.) The other tongue : English across cultures. – 2nd edn. – Chicago, IL : University of Illinois Press, 1992. – P. 48–74.

396. Kachru, B.B. Models of English for the Third World : White Man's Linguistic Burden or Language Pragmatics / B.B. Kachru // TESOL Quarterly. – 1976. – № 10. – P. 221–239.

397. Kachru, B.B. The paradigms of marginality / B.B. Kachru // World Englishes. – 1996. – Vol. 15. – P. 241–255.

398. Kachru, B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle / B.B. Kachru // R. Quirk, H. Widdowson (Eds.). English in the world : Teaching and learning the language and literatures. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1985. – P. 11–36.

399. Kachru, B.B. Introduction: The other side of English and the 1990s // B.B. Kachru (ed.). *The other tongue: English across cultures*. – 2nd edn. – Chicago, IL : University of Illinois Press, 1992. – P. 1–15.

400. Kachru, B.B. *World Englishes in World Contexts* / B.B. Kachru // *A Companion to the History of the English Language*. Ed. by H. Momma and M. Matto. – Blackwell Publishing Ltd., 2008. – P. 567–580.

401. Kachru, B.B. Introduction / B.B. Kachru, R. Quirk // Smith Larry E. ed. *English for cross-cultural communication*. – London : Macmillan, 1981. – P. iii–xx.

402. Kachru, B.B., Smith L.E. (1985) Editorial / B.B. Kachru, L.E. Smith // *World Englishes*. – 1985. – Vol. 4. – P. 209–212.

403. Källkvist, M., and Hult F. Discursive mechanisms and human agency in language policy formation: negotiating bilingualism and parallel language use at a Swedish university [Electronic resource] / M. Källkvist, F. Hult // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. – 2016. – № 19 (1). – P. 1–17. URL : <http://dx.doi.org/10.1080/13670050.2014.956044> .

404. Kaur, J. Achieving mutual understanding in world Englishes / J. Kaur // *World Englishes*. – 2010. – Vol. 29, Issue 2. – P. 192–208.

405. Kautzsch, A. English in Germany : Retreating exonormative orientation and incipient nativization / A. Kautzsch // *The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and beyond* / Ed. by S. Buschfeld, T. Hoffmann, M. Huber, and A. Kautzsch. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2014. – P. 203–228.

406. Kerswill, P. Introduction // R. Wodak, B. Johnstone, P.E. Kerswill (eds.). *The SAGE Handbook of Sociolinguistics*. – SAGE Publications Ltd, 2010. – P. 1–2.

407. Kecskes, I. Formulaic language in English Lingua Franca / I. Kecskes [Electronic resource] // State University of New York, Albany, 2010. – 28 p. – URL: www.albany.edu/~ik692/files/Kecskespaper.pdf .

408. Khubchandani, L.M. *Revisualizing boundaries : A plurilingual ethos* / L.M. Khubchandani. – New Delhi, India : Sage, 1997. – 256 p.

409. Kjær Nielsen, L. Language policy in the Danish Ministry of Foreign Affairs [Electronic resource] / L. Kjær Nielsen // Copenhagen Business School, 2015. – 83 p. – URL:

http://www.kommunikationsforum.dk/log/multimedia/Specialer/Speciale_udenrigsm_inisteriet.pdf .

410. Kirkegaard, A.H. Engelsk indflydelse på dansk – der er brug for sprogrøgt [English influence in Danish – there is need for concern] / A.H. Kirkegaard // Årsskrifter Crituque I. – 2008. – S. 91–107.

411. Kirkpatrick, A. Models of World Englishes. Chapter 3 / A. Kirkpatrick // World Englishes : Implications for International Communication and English Language Teaching. – Cambridge University Press, 2007. – P. 27–38.

412. Kirkpatrick, A. Which model of English : Native-speaker, Nativized or Lingua Franca? / A. Kirkpatrick // Rubdy R., Saraceni M. (eds.). English in the world: global rules, global roles. – London : Continuum International Publishing Group, 2006. – P. 71–83.

413. Kirkpatrick, A. World Englishes : Implications for International Communication and English Language Teaching / A. Kirkpatrick. – Cambridge University Press, 2007. – 257 p.

414. Kirkpatrick, A., Sussex R. English as an International Language in Asia : Implications for Language Education // A. Kirkpatrick, R. Sussex (Eds) . – Springer Science & Business Media, 2012. – 244 p.

415. Koerner, K. Toward a History of Modern Sociolinguistics / K. Koerner // American Speech. – 1991. – № 66, 1. – P. 57–70.

416. Krarup, S. Kronik : Kampen om det danske sprog [Feature: Battle for the Danish language] [Electronic resource] / S. Krarup // Berlingske Tidende, 20 January 2009. – URL : <https://www.b.dk/debat/kronik-kampen-om-det-danske-sprog> .

417. Kretzschmar, W.A., Jr. Emergence of “new varieties” in speech as a complex system / W.A. Kretzschmar // *The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and beyond* // Ed. by S. Buschfeld, T. Hoffmann, M. Huber, and A. Kautzsch. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2014. – P. 142–159.

418. Kristensen, K. Standard Danish, Copenhagen sociolects, and regional varieties in the 1900s / K. Kristensen // *International Journal of Sociology of Language*. – 2003. – Vol. 159. – P. 29–44.

419. Kristiansen, M. Finding terminology in Norwegian newspapers / M. Kristiansen // *SYNAPS – A Journal of Professional Communication*. – № 26/2011. – P. 75–84.

420. Kristiansen, T. Language attitudes and language politics in Denmark / T. Kristiansen // *International Journal of the Sociology of Language*. – 2003. – № 159. – P. 57–72.

421. Kristiansen, T., Jørgensen J.N. Introduction / T. Kristiansen, J.N. Jørgensen // *International Journal of Sociology of Language*. – 2003. – Vol. 159. – P. 1–7.

422. Kristinsson, A.P. 2014. Ideologies in Iceland : The protection of language forms / A.P. Kristinsson // A.K. Hultgren, F. Gregersen, J. Thøgersen (eds.). *English in Nordic Universities : Ideologies and practices*. – Amsterdam : Benjamins, 2014. – P. 165–148.

423. Kristoffersen, G. *The Phonology of Norwegian* / G. Kristoffersen. – Oxford University Press, 2000. – 365 p.

424. Kristoffersen, G. Landrapport Norge. Språkpolitiske grunnlagsdokumenter, internasjonalisering og parallellspråklighet i teori og praksis ved norske universitet og høyskoler [Country Report Norway. Language policy basics, internationalization and parallelism in theory and practice at Norwegian universities and colleges] [Electronic resource] / G. Kristoffersen, M. Kristiansen, U. Røynealand. – 2013. – URL: http://nordiskparallelsprogsnet.blogs.ku.dk/files/2013/04/Landrapport-Norge_01.04.131.pdf.

425. Kuteeva, M. The parallel language use of Swedish and English : the question of nativeness in university policies and practices [Electronic resource] / M. Kuteeva // Journal of multilingual and multicultural development. – 2014. – Vol. 35, Issue 4. – P. 332–344. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/01434632.2013.874432> .

426. Kuteeva, M. Disciplinary differences in the use of English in higher education: reflections on recent language policy developments / M. Kuteeva, J. Airey // Higher Education. – 2014. – Vol. 67, Issue 5. – P. 533–549.

427. Labov, W. Sociolinguistic patterns / W. Labov // Chr. B. Paulston and G.R. Tucker (eds). The early days of sociolinguistics : memories and reflections. – Dallas : The Summer Institute of Linguistics, 1997. – P. 147–158.

428. Labov, W. The social stratification of English in New York City / W. Labov. – Washington, DC : Center for Applied Linguistics, 1966. – xi, 501 p.

429. Lampariello, L. Why Scandinavians speak exceptional English [Electronic resource] / L. Lampariello. – Oct 30, 2014. – URL: <http://www.thepolyglotdream.com/scandinavianenglish/>

430. Lane, L. Focus on pronunciation. Principles and practice for effective communication / L. Lane. – London : Longman, 1993. – 228 p.

431. Larsen, F. More than loan-words : English influence on Danish / F. Larsen // Rask 1, Dept. of Lang. and Communication. – Odense : Odense Univ. Press, 1994. – P. 21–46.

432. Laurén, Chr. Domain Dynamics – Reflections on Language and Terminology Planning [Electronic resource] / Chr. Laurén, J. Myking, H. Picht // Workshop on Terminology Policies. – Infoterm, 2006. – 7 p. – URL: www.infoterm.info/pdf/activities/Picht_DomainDynamics.pdf .

433. Lave, J. Situated Learning : Legitimate Peripheral Participation (Learning in Doing: Social, Cognitive and Computational Perspectives) / J. Lave, E. Wenger. – Cambridge University Press, 1991. – 138 p.

434. Ljosland, R. Language planning confronted by everyday communication in the international university : the Norwegian case / R. Ljosland // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2014. – Vol. 35. – P. 392–405.

435. Ljosland, R. Lingua franca, prestisjespråk og forestilt fellesskap: Om engelsk som akademisk språk i Norge [Lingua franca, prestige language and imagined community: About English as academic language in Norway] / R. Ljosland. – NTNU, Trondheim, 2008. – 396 s.

436. Ljung, M. Skinheads, hackers & lama ankor. Engelskan i 80-talets svenska [Skinheads, hackers and lame ducks. English in Swedish in the 80-ies] / M. Ljung. – Stockholm : Trevi, 1988. – 193 s.

437. Lindberg, L. Multilingual Education: a Swedish Perspective / L. Lindberg // Education in 'Multicultural' Societies. Turkish and Swedish Perspectives. Eds. M. Carlson et al. – Stockholm : Swedish Research Institute in Istanbul. Transactions. – Vol. 18, 2007. – P. 73–92.

438. Lindblom, P.-A. NOG! [Electronic resource] / P.-A. Lindblom // Aftonbladet, November 29, 2005. – URL: <http://www.aftonbladet.se/kultur/article333133.ab> .

439. Linn, A.R. Can parallelingualism save Norwegian from extinction / A.R. Linn // Multilingua, 2010. – № 29 (3/4). – P. 289–305.

440. Linn, A.R. Parallel languages in the history of language ideology in Norway and the lesson for Nordic higher education / A.R. Linn // Hultgren A.K., et al. (Eds.). English in Nordic Universities : Ideologies and practices. – John Benjamins Publishing Company, 2014. – P. 27–52.

441. Linn, A.R. Voices from above – voices from below. Who is talking and who is listening in Norwegian language politics? / A.R. Linn // Current Issues in Language Planning. – 2010. – Vol. 11. – № 2. – P. 114–129.

442. Lomheim, S. I kamp i all æva [In game all sides] / S. Lomheim // Bakke E., Teigan H. (eds.) Kampen for språket : nynorsken mellom det lokale og det globale [The struggle for language: Nynorsk between the local and the global]. – Oslo : Samlaget, 2001. – P. 216–235.

443. Lønsmann, D. English as a corporate language. Language choice and language ideologies in an international company in Denmark : PhD thesis / D. Lønsmann. – Department of Culture and Identity Roskilde University, 2011. – 344 p.

444. Lønsmann, D. Linguistic Diversity in the International Workplace : Language Ideologies and Processes of Exclusion / D. Lønsmann. – *Multilingua*, 2014. – Vol. 33. – № 1. – P. 89–116.

445. Lueg, K. English as a medium of instruction and internationalization at Danish universities : Status, perspectives, and implications for higher education executives / K. Lueg // *Communication & Language at Work*. – 2015. – № 4. – P. 53–73.

446. Lueg, K. Why do students choose English as a medium of instruction? A Bourdieusian perspective on the study strategies of non-native English speakers / K. Lueg, R.Lueg. – *Academy of Management Learning and Education*. – 2015. – № 14 (1). – P. 5–30.

447. MacKenzie, I. Negotiating Europe's Lingua Franca / I. MacKenzie // *European Journal of English Studies*. – Vol. 13, Issue 2. – August 2009. – P. 223–240.

448. Madsen, M. Der vil altid være brug for dansk [There will always be a need for Danish] / M. Madsen. – *Copenhagen Studies in Bilingualism*. 2009. – Vol. 48. – 126 s.

449. Magdahl Jensen, D. Global English and local concern / D. Magdahl Jensen. – Aarhus University, 2013. – 77 p.

450. Major, R.C. The ontogeny and phylogeny of second language phonology / R.C. Major. – Lawrence Erlbaum Associates Inc. Publishers, 2001. – 205 p.

451. Masvie, I.-L. English in Norway / I.-L. Masvie. A sociolinguistic study. Unpublished Master's thesis. – Oslo : Institutt for britiske og amerikanske studier, 1992.

452. Mauranen, A. English as lingua franca: An unknown language? / A. Mauranen // G. Cortese, A. Duszak (eds.). Identity, community, discourse. English in intercultural settings. – Bern : Peter Lang, 2005. – P. 269–293.

453. Mauranen, A. Features of English as a lingua franca in academia [Electronic resource] / A. Mauranen // Helsinki English Studies. – 2010. – Vol. 6. – P. 6–28. – URL: <http://blogs.helsinki.fi/hes-eng/volumes/volume-6/> .

454. Mauranen, A., Metsä-Ketelä M. Introduction : English as a Lingua Franca / A. Mauranen, M. Metsä-Ketelä // Nordic Journal of English Studies. – 2006. – Vol. 5. – № 2. – P. 1–8.

455. Maurud, Ø. Nabospråksforståelse i Skandinavia: en undersøkelse om gjensidig forståelse av tale- og skriftspråk i Danmark, Norge og Sverige [Mutual intelligibility of languages in Scandinavia. A study of the mutual understanding of written and spoken language in Denmark, Norway and Sweden] / Ø. Maurud. – Stockholm : Nordiska rådet, 1976. – 200 s.

456. Mæhlum, B. 2002. Engelsk eller norsk? [English or Norwegian?] / B. Mæhlum // Samtiden, 2002. – № 4. – S. 130–137.

457. Mæhlum, B. Konfrontasjoner. Når språk møtes [Confrontations. When languages meet] / B. Mæhlum. – Oslo : Novus Forlag, 2007. – 41 s.

458. Mæhlum, B., Røyneland U. Det norske dialektlandskapet [The Norwegian dialect landscape] / B. Mæhlum, U. Røyneland. – Cappelen Damm Akademisk, 2012. – 200 s.

459. McArthur, T. Is it world or international or global English? / T. McArthur // English Today. – 2004. – Vol. 20 (3). – P. 3–15.

460. McArthur, T. The English Languages? / T. McArthur // English Today. – 1987. – № 11. – P. 9–13.

461. McArthur, T. The English Languages / T. McArthur. – Cambridge Univ. Press, 1998. – 247 p.

462. McArthur, T. World English(es), world dictionaries / T. McArthur // Who's Centric Now? The Present State of Post-colonial Englishes. B. Moore (ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 1–22.

463. McKay, S.L. The Cultural Basis of Teaching English as an International Language [Electronic resource] / S.L. McKay // TESOL Matters. – 2003. – Vol. 13. – № 4. – URL: http://www.tesol.org/s_tesol/sec_document.asp? CID=192&DID=1000 .

464. McKernan, J. Denglish [Electronic resource] / J. McKernan // The British European. – №. 49, April. – 2001. – URL: <http://www/userwebs.ck/zn7ccc0846/bemagfr.htm>

465. Meierkord, Chr. Interactions across Englishes : Linguistic choices in local and international contact situations / Chr. Meierkord. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – xvi + 247 p.

466. Melander, B. Hur kan vi tänka om undervisning i engelska? Ett svenskt perspektiv [How can we think of teaching in English? A Swedish perspective] [Electronic resource] / B. Melander // Om undervisning på engelska: några bidrag från en konferens [About teaching in English: some contributions from a conference]. – Stockholm: Högskoleverkets rapportserie, 2010. – S. 10–20. – URL: <http://www.xn--sprkfrsvaret-vc4v.se/sf/fileadmin/PDF/1015R-undervisning-engelska.pdf> .

467. Melander, B. Swedish, English and the European Union // B. Melander // S. Boyd, L. Huss (Eds.), Managing multilingualism in a European nation-state : Challenges for Sweden. – Clevedon : Multilingual Matters, 2001. – P. 13–31.

468. Melchers, G. World Englishes: an introduction / G. Melchers, Ph. Shaw. – London : Hodder Arnold, 2003. – 229 p.

469. Melin, T. English is not a threat to Swedish [Electronic resource] / T. Melin // News and events. – University of Gothenburg. The Faculty of Arts. – Sep 24, 2010. – URL: http://hum.gu.se/english/current/news/Nyhet_detalj/english-is-not-a-threat-to-swedish.cid954946 .

470. Mesthrie, R. The sociophonetic effects of Event X : Post-apartheid Black South African English in multicultural contact with other South African Englishes / R. Mesthrie // The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and beyond // Ed. by S. Buschfeld, T. Hoffmann, M. Huber, and A. Kautzsch. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2014. – P. 58–69.

471. Meyer, M. Developing transcultural competence : Case studies of advanced language learners / M. Meyer // D. Buttjes, M. Byram (Eds.). *Mediating Languages and Culture*. – Clevedon, UK : Multilingual Matters, 1991. – P. 136–158.

472. Michigan Corpus of Academic Spoken English (MICASE) [Electronic resource]. – Michigan University, 2007. – URL: <http://micase.elicorpora.info> .

473. Milani, T.M. Voices of endangerment. A language ideological debate on the Swedish language / T.M. Milani // A. Duchene, M. Heller (eds.). *Discourses of Endangerment : Ideology and Interest in the Defence of Languages*. – London : Continuum, 2007. – P. 169–196.

474. Milroy, J. Language ideologies and the consequences of standardization / J. Milroy // *Journal of Sociolinguistics*. – 2001. – № 5 (4). – P. 530–555.

475. Moag, R.F. The life cycle of non-native Englishes : A case study / R.F. Moag // B.B. Kachru (ed.) *The other tongue : English across cultures*. – 2nd edn. – Chicago : University of Illinois Press, 1992. – P. 233–252.

476. Modiano, M. Euro-English : A Swedish perspective / M. Modiano // *English Today*. – 2003. – № 19 (2). – P. 35–41.

477. Modiano, M. Ideology and the ELT practitioner / M. Modiano // *International Journal of Applied Linguistics*. – 2001. – № 11 (2). – P. 159–173.

478. Modiano, M. International English in the global village / M. Modiano // *English Today*. – 1999. – № 15 (2). – P. 22–27.

479. Møller, J. 2009. Stereotyping categorizations of speech styles among linguistic minority Danes in Køge / J. Møller // M. Maegaard et al. (eds.) *Language Attitudes, Standardization and Language Change : Perspectives on Themes raised by Tore Kristiansen on the Occasion of his 60th Birthday*. – Oslo : Novus, 2009. – P. 231–254.

480. Møller, J. Research on youth and language in Denmark / J. Møller, P. Quist // *International Journal of the Sociology of Language*. – 2003. – № 159. – P. 45–55.

481. Mollin, S. Euro-English : Assessing variety status / S. Mollin. – Tübingen : Gunter Narr, 2006. – xi + 214 p.

482. Mollin, S. English as a Lingua Franca : A New Variety in the New Expanding Circle? / S. Mollin // Nordic Journal of English Studies. – 2006. – Vol. 5. – № 2. – P. 41–57.

483. Mollin, S. New variety or learner English? Criteria for variety status and the case of Euro-English / S. Mollin // English World-Wide. – 2007. – № 28. – P. 167–185.

484. Mufwene, S.S. Globalization, Global English, and World English (es): Myths and Facts / S.S. Mufwene // The Handbook of Language and Globalization / edited by Nikolas Coupland. Blackwell Publishing Ltd, 2010. – P. 31–55.

485. Mufwene, S.S. Language evolution : Contact, competition and change / S.S. Mufwene. – London : Continuum, 2008. – 354 p.

486. Nickelsen, T. English is a Scandinavian language [Electronic resource] / T. Nickelsen // ScienceNordic. com – Independent news on research in Nordic countries. – December 7, 2012. – URL: <http://sciencenordic.com/english-scandinavian-language> .

487. Nida, E.A. Morphology; The Descriptive Analysis of Words / E.A. Nida. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1949. – 342 p.

488. Nilsen, T.S. English Pronunciation and Intonation : British, American and World Englishes / T.S. Nilsen. – 3-d edition (1-st edition 1996). – Oslo : Universitetsforlaget, 2010. – 296 p. (P. 67–135).

489. Nielsen, T.B. Domain loss? The use of English-language job titles in Danish language job advertisements – eight case studies / T.B. Nielsen. – Aarhus School of Business, Aarhus University, 2009. – 75 p.

490. Nobody's perfect : mistakes Danes make in English [Electronic resource] // The Copenhagen tales. – Feb. 2016. – URL: <http://thecopenhagetales.com/>

491. Norrby, C. English in Scandinavia : Monster or Mate? Sweden as a Case Study / C. Norrby // J. Hajek, Y. Slaughter (Eds.). Challenging the Monolingual Mindset. – Multilingual Matters, 2014. – P. 17–32.

492. Norrby, C. Swedish language policy : Multilingual paradise or utopian dream? / C. Norrby // Multilingual Europe : Reflections on Language and Identity // J. Warren, H.M. Benbow (eds.). – Cambridge scholars publishing, 2010. – P. 63–76.

493. Nunn, R. Competence and Teaching English as an International Language [Electronic resource] / R. Nunn // Asian EFL Journal. – 2005. – Vol. 7, Issue 3, Article 6. – 12 p. – URL: http://asian-efl-journal.com/September_2005_index.php .

494. Ogden, Ch.K. Basic English : a general introduction with rules and grammar / Ch.K. Ogden. – K. Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd, 1930. – 95 p.

495. Ohlsson, S.Ö. Nabospråksförståelse [Understanding neighboring languages] / S.Ö. Ohlsson // Mål & Møle. – 1978. – № 4 (1). – S. 19–25.

496. Olsson, E. On the impact of extramural English on Swedish 16-year-old pupils' writing proficiency / E. Olsson. – Göteborgs universitet : Institutionen för svenska språket, 2011. – 174 p.

497. Olsson, E. Extramural English and academic vocabulary. A longitudinal study of CLIL and non-CLIL students in Sweden / E. Olsson, L.K. Sylvén // Apples – Journal of Applied Language Studies. – 2015. – Vol. 9 (2). – P. 77–103.

498. Onysko, A. Anglicisms in German: borrowing, lexical productivity, and written codeswitching (Linguistik – Impulse und Tendenzen; 23) / A. Onysko. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2007. – 346 p.

499. Onysko, A. Modeling world Englishes from the perspective of language contact / A. Onysko // World Englishes. – 2016. – Vol. 35. – P. 196–220.

500. Pakir, A. Connecting with English in the Context of Internalization / A. Pakir // TESOL Quarterly. – 1999. – Vol. 33. – № 1. – P. 103–114.

501. Pals Svendsen, L. Tools for Teaching the “Digital Natives” [Electronic resource] / L. Pals Svendsen, M.Mondahl // Læring og Medier, 2011. – № 7/8. – P. 1–23. – URL: <http://www.lom.dk>

502. Paulston, Chr.B. The early days of sociolinguistics: memories and reflections // Chr.B. Paulston, G.R. Tucker (eds.). *Publications in Sociolinguistics* 2. – Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1997. – xii + 362 p.

503. Pedersen, I.L. Traditional dialects of Danish and the de-dialectalization 1900–2000 / I.L. Pedersen // *International Journal of the Sociology of Language*. – 2003. – № 159. – P. 9–18.

504. Pefianco Martin, I. Beyond Nativization? Philippine English in Schneider's Dynamic Model / I. Pefianco Martin // *The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and beyond* // Ed. by S. Buschfeld, T. Hoffmann, M. Huber, and A. Kautzsch. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2014. – P. 70–85.

505. Pennycook, A. Global Englishes, Rip Slyme, and performativity / A. Pennycook // *Journal of Sociolinguistics*. – 2003. – 7 (4). – P. 513–533.

506. Pennycook, A. The cultural politics of English as an international language / A. Pennycook. – New York : Longman, 1994. – 376 p.

507. Peters, P. Differentiation in Australian English / P. Peters // *The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and beyond* / Ed. by S. Buschfeld, T. Hoffmann, M. Huber, A. Kautzsch. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2014. – P. 107–125.

508. Petersen, M., Shaw P. Language and disciplinary differences in a biliterate context / M. Petersen, P. Shaw // *World Englishes*. – 2002. – Vol. 21. – № 3. – Oxford : Brackwell Publishers, 2002. – P. 357–374.

509. Phillipson, R. English as threat: reality or myth? [Electronic resource] / R. Phillipson // A plenary lecture at the conference at the University of Copenhagen. – 19–21 April 2013. – 23 p. – URL: <http://englishineurope.group.shef.ac.uk/resources/KEYNOTESCOPENHAGEN/PhillipsonArticleCopenhagen.pdf> .

510. Phillipson, R. Figuring out the Englishisation of Europe / R. Phillipson // C. Leung, J. Jenkins (Eds.) *Reconfiguring Europe : The contribution of applied linguistics*. – London : Equinox, 2006. – P. 65–85.

511. Phillipson, R. Global English and local language policies : what Denmark needs / R. Phillipson // *Language Problems and Language Planning*, 2001. – № 25/1. – P. 1–24.

512. Phillipson, R. Lingua franca or lingua frankensteinia? English in European integration and globalisation / R. Phillipson // *World Englishes*. – 2008. – Vol. 27(2). – P. 250–284.

513. Phillipson, R. *Linguistic Imperialism* / R. Phillipson. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1992. – 376 p.

514. Phillipson, R. Englishisation : one dimension of globalization / R. Phillipson and T. Skutnabb-Kangas // *AILA Review*. – 1999. – № 13. – P. 19–36.

515. Phipps, A. *Learning the Arts of Linguistic Survival : Languaging, Tourism, Life* / A. Phipps. – Clevedon, UK : Multilingual Matters, 2006. – 240 p.

516. Piekkari, P. *The Role of Language in Corporate Governance : The Case of Board Internationalization* / P. Piekkari, L. Oxelheim, T. Randøy // *IFN Working Paper*. – № 974. – Stockholm : Research Institute of Industrial Economics, 2013. – 60 p.

517. Piekkari, R. *Language in international business : The multilingual reality of global business expansion* / R. Piekkari, D.E. Welch, L.S. Welch. – Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2014. – 272 p.

518. Pilkinton-Pihko, D. English as a lingua franca lecturers' self-perceptions of their language use [Electronic resource] / D. Pilkinton-Pihko // *Helsinki English Studies*. – 2010. – Vol. 6. – P. 58–74. – URL: <http://blogs.helsinki.fi/hes-eng/volumes/volume-6/>.

519. Planck Johnson, K. Bilingual education in Denmark : wedding or divorce? Review of the Copenhagen Studies in Bilingualism / K. Planck Johnson // *International Journal of the Sociology of Language*. – 2003. – № 159. – P. 165–175.

520. Platt, J. *The New Englishes* / J. Platt, H. Weber, M.L. Ho. – Routledge and Kegan Paul, 1984. – 225 p.

521. Pratt, Chr. Anglicisms in contemporary European Spanish / Chr. Pratt // W. Viereck, W.-D. Bald (eds.). English in Contact with Other Languages, 1986. – Budapest: Akadémiai Kiadó. – P. 345–368

522. Preisler, B. Deconstructing ‘the domain of science’ as a sociolinguistic entity in EFL societies : The relationship between English and Danish in higher education and research // B. Preisler, A. Fabricius, H. Haberland, S. Kjærbeck, K. Risager (Eds.). The Consequences of Mobility : Linguistic and Sociocultural Contact Zones. – Roskilde : Roskilde University, 2005. – P. 238–248.

523. Preisler, B. English in Danish and the Danes’ English / B. Preisler // International Journal of the Sociology of Language. – 2003. – № 159. – P. 109–126.

524. Preisler, B. Functions and forms of English in a European EFL country / B. Preisler // T. Bex, R. Watts (eds.). Standard English : The Widening Debate. – London : Routledge, 1999. – P. 239–267.

525. Preisler, B. The Consequences of Mobility : Linguistic and Sociocultural Contact Zones // B. Preisler, A. Fabricius, H. Haberland, S. Kjærbeck, & K. Risager (Eds.). – Roskilde : Roskilde University, 2005. – 290 p.

526. Prensky, M. Digital Natives. Digital Immigrants / M. Prensky // On the Horizon. – MCB University Press. – 2001a. – Vol. 9. – № 5. – P. 1–6.

527. Prensky, M. Digital natives, digital immigrants, part 2 : Do they really think differently? / M. Prensky // On the Horizon. – MCB University Press. – 2001b. – Vol. 9. – № 6. – P. 1–6.

528. Prodromou, L. Defining the ‘successful bilingual speaker’ of English / L. Prodromou // R. Rubdy & M. Saraceni (eds.). English in the World. – London: Continuum, 2006. – P. 51–70.

529. Prodromou, L. Is ELF a variety of English? / L. Prodromou // English Today. – 2007. – Vol. 23. Issue 90. – № 2. – P. 47–53.

530. Proshina, Z.G. The ABC and Controversies of World Englishes / Z.G. Proshina // Основные положения и спорные проблемы теории вариантности английского языка. – Хабаровск: Изд-во ДВИИЯ, 2007. – 120 p.

531. Quirk, R. International communication and the concept of nuclear English. Chapter 3 / R. Quirk // Style and communication in the English language. – London : Edward Arnold, 1982. – P. 37–53.

532. Quirk, R. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk. – London : Longman, 1985. – x + 1779 p.

533. Quist, P. New Copenhagen ‘Multi Ethnolect’. About language use among adolescents in linguistic and culturally heterogeneous settings / R. Quirk // Danske Talesprog. Institut for Dansk Dialektforskning. – København : C.A. Reitzels Forlag. – 2000. – Vol. 1. – P. 143–212.

534. Rajadurai, J. Revisiting the Concentric Circles : Conceptual and Sociolinguistic Considerations [Electronic resource] / J. Rajadurai // Asian EFL Journal. – Vol. 7, Issue 4. – British Virgin Islands : Asian EFL Journal Press. – December 2005. – P. 111–130. – URL : <http://www.asian-efl-journal.com> .

535. Rehm G. The Norwegian Language in the Digital Age – Nynorskversjon // G. Rehm, H. Uszkoreit (Eds.). – Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2012. – 90 p.

536. Reiff, K. Tosprogede unges brug af engelsk [The use of English by bilingual youth] / K. Reiff // Jørgensen J.N. (ed.) De unges sprog [The young people’s languages]. – Copenhagen : Akademisk, 2002. – S. 203–232.

537. Riad, T. The Phonology of Swedish / T. Riad. – Oxford University Press, 2014. – 368 p.

538. Ridder, S. English in Dutch / S. Ridder // English Today. – 1995. – № 11 (4). – P. 44–50.

539. Rindal, U. Constructing Identity with L2 : Pronunciation and attitudes among Norwegian learners of English / U. Rindal // Journal of Sociolinguistics. – 2010. – № 14 (2). – P. 240–261.

540. Rindal, U. Meaning in English. L2 attitudes, choices and pronunciation in Norway : dissertation for the degree of PhD [Electronic resource] / U. Rindal. – Oslo : University of Oslo, 2012. – URL: <http://www.englishineurope.group.shef.ac.uk/resources/PRESENTATIONS/Rindal.pdf>

541. Rindal, U. What is English? [Electronic resource] / U. Rindal // Acta Didactica Norge. – 2014. – Vol. 8. – № 2. – Art. 14. –17 p. – URL: <https://www.journals.uio.no/index.php/adno/article/view/1137/1016>

542. Rindal, U. Who owns English in Norway? [Electronic resource] / U. Rindal // A. Linn, N. Bermel, G. Ferguson (Eds.). Attitudes towards English in Europe. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2015. – P. 241–270.

543. Robertson, R. Glocalization : time-space and homogeneity-heterogeneity / R. Robertson // M. Featherstone, S. Lash, and R. Robertson (eds.). Global modernities. – London : Sage, 1995. – P. 25–44.

544. Rönnlöf, H. Language practices in the workplace. Ethnographic insights from two multilingual companies in Sweden [Electronic resource] / H. Rönnlöf. – Sockholms Universitet : Department of English, 2014. – URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:733464/FULLTEXT01>

545. Rosen, B. Is English Really a Family of Languages? / B. Rosen // International Herald Tribune. – 15 October 1994.

546. Ross, N. Signs of international English / N. Ross // English Today. – 1997. – № 13 (2). – P. 29–33.

547. Røyneland, U. Dialects in Norway – Catching up with the rest of Europe? / U. Røyneland // International Journal of the Sociology of Language, 2009. – № 196/197. – P. 7–31.

548. Rubdy, R. English in the world: global rules, global roles / R. Rubdy, M. Saraceni (eds.). – London: Continuum International Publishing Group, 2006. – 218 p.

549. Saarinen, T. Language ideologies in Finnish higher education in the national and international context : A historical and contemporary outlook / T. Saarinen // A.K. Hultgren, F. Gregersen, J. Thøgersen (eds.). English in Nordic Universities : Ideologies and practices. – Amsterdam : Benjamins, 2014. – P. 127–146.

550. Salö, L. Engelska eller svenska? En kartläggning av språksituationen inom hö gre utbildning och forskning [English or Swedish: A survey of the

language situation in higher education and research] [Electronic resource] / L. Salö. – Stockholm: Språkrådet, 2010. – URL: <http://www.sprakochfolkminnen.se/download/18.42699e142b734b5516d1/1398151024925/Engelska+eller+svenska.pdf>

551. Salö, L. Languages and Linguistic Exchanges in Swedish Academia. Practices, Processes, and Globalizing Markets: Doctoral Dissertation / L. Salö. – Stockholm University, 2016. – 120 p.

552. Samovar, L.A. Communication Between Cultures. – 5th ed. / L.A. Samovar, R.E. Porter, E.R. McDaniel. – Belmont, CA : Wadsworth Publishing Co., 2003. – 432 p.

553. Sanden, G.R. Language policy and corporate law in Norway : Regulate or motivate? [Electronic resource] / G.R. Sanden // Paper presented at the 33rd EGOS Colloquium 2017. – Copenhagen, Denmark, 2017. – URL: [http://research.cbs.dk/en/publications/language-policy-and-corporate-law-in-norway\(6cb4fd65-5bc9-46ae-a812-0f5b3fb4e2ce\).html](http://research.cbs.dk/en/publications/language-policy-and-corporate-law-in-norway(6cb4fd65-5bc9-46ae-a812-0f5b3fb4e2ce).html)

554. Sanden, G.R. Language strategies in multinational corporations. A cross-sector study of financial service companies and manufacturing companies : PhD dissertation / G.R. Sanden. – Copenhagen Business School, 2015. – xiii+406 p.

555. Sander, R.K. English Loanwords in Norwegian. A loanword processing study in young speakers of Norwegian / R.K. Sander. – Trondheim: NTNU, 2013. – 57 p.

556. Sandøy, H. Language culture in Norway : A tradition of questioning standard language norms / H. Sandøy // Kristiansen T., Coupland N. (Eds.). Standard Languages and Language Standards in a Changing Europe. – Oslo : Novus AS, 2011. – P. 119–126.

557. Sandøy, H. Moderne importord i Norden. Ei gransking av bruk, normer og språkholdningar [Modern loanwords in Nordic languages. A review of use, norms and language attitudes] / H. Sandøy // Språk i Norden. – 2002. – P. 73–100.

558. Saraceni, M. The Relocation of English : Shifting Paradigms in a Global Era / M. Saraceni. – Houndmills : Palgrave Macmillan, 2010. – 176 p.

559. Schlögel, K. Archipelago Europe / K. Schlögel // Eurozine 2007-10-12. – URL: <http://www.eurozine.com/articles/2007-10-12-schlogel-en.html> .

560. Schmied, J. English as a lingua franca of the European Union? Debates, concepts, projects / J. Schmied // M. Aibl-Mikasa, S. Braun, S. Kalina (eds.). Dimensionen der Zweitsprachenforschung – Dimensions of Second Language Research. Festschrift für Kurt Kohn. – Tübingen : Narr Francke Verlag, 2010. – P. 141–158.

561. Schneider, E.W. English around the world : An introduction / E.W. Schneider. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – xx + 258 p.

562. Schneider, E.W. Exploring the interface between World Englishes and Second Language Acquisition – and implications for English as a Lingua Franca / E.W. Schneider // Journal of English as a Lingua Franca. – 2012. – № 1-1. – P. 57–91.

563. Schneider, E.W. Hybrid Englishes: An exploratory survey [Electronic resource] / E.W. Schneider // World Englishes, 2016. – URL: <https://www.let.rug.nl/nerbonne/teach/varieties-eng/papers/schneider-lang-2003.pdf>

564. Schneider, E.W. New reflections on the evolutionary dynamics of world Englishes / E.W. Schneider // World Englishes. – 2014. – № 33. – P. 9–32.

565. Schneider, E.W. Postcolonial English: Varieties around the world / E.W. Schneider. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – ix + 367p.

566. Schneider, E.W. The dynamics of new Englishes : from identity construction to dialect birth / E.W. Schneider // Language. – 2003. – Vol. 79. – № 2. – P. 233–281.

567. Seidlhofer, B. Closing a conceptual gap: the case for a description of English as a lingua franca / B. Seidlhofer // International Journal of Applied Linguistics. – 2001. – Vol. 11. – P. 133–158.

568. Seidlhofer, B. Common ground and different realities : World Englishes and English as a lingua franca / B. Seidlhofer // World Englishes. – 2009. – Vol. 28 (2). – P. 236–245.

569. Seidlhofer, B. English as a lingua franca and communities of practice / B. Seidlhofer // Sabine Volk-Birke and Julia Lippert, eds. Anglistentag 2006 Halle Proceedings. – Trier : Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2007. – P. 307–318.

570. Seidlhofer, B. Key concepts in elt. English as a lingua franca [Electronic resource] / B. Seidlhofer // ELT Journal. – 2005. – Vol. 59/4. – P. 339–341. – URL: <http://eltj.oxfordjournals.org/content/59/4/339.full.pdf>

571. Seidlhofer, B. Understanding English as a Lingua Franca. A complete introduction to the theoretical nature and practical implications of English used as a lingua franca / B. Seidlhofer. – Oxford Univ. Press, 2011. – 240 p.

572. Seidlhofer, B. English as a lingua franca in Europe : Challenges for applied linguistics / B. Seidlhofer, A. Breiteneder, M. Pitzl // Annual Review of Applied Linguistics, 2006. – № 26. – P. 3–34.

573. Selinker, L. The elicitation of interlanguage / L. Selinker // International Review of Applied Linguistics. – 1972. – № 10. – P. 209–241.

574. Sevaldsen, J. Culture and diplomacy : Anglo-Danish relations 1945–1949 / J. Sevaldsen // Publications on English themes : The twain shall meet. Danish approaches to English studies. Nielsen J.E. (ed.). – Copenhagen : University of Copenhagen, 1992. – P. 11–35.

575. Sharifian, F. English as an International Language : An Overview // F. Sharifian (Ed.) English as an International Language Perspectives and Pedagogical Issues. – Multilingual Matters UK, 2009. – P. 1–18.

576. Sharifian, F. English as an International Language Perspectives and Pedagogical Issues // F. Sharifian (Ed.). – Multilingual Matters UK, 2009. – 287 p.

577. Sharp, H. English in spoken Swedish : A corpus study of two discourse domains / H.Sharp. Stockholm Studies in English. – Stockholm : Almqvist & Wikseil, 2001. – 226 p.

578. Sharp, H. Swedish–English language mixing / H. Sharp // *World Englishes*. – 2007. – Vol. 26. – № 2. – P. 224–240.

579. Shaw, Ph. Conditions for success in lingua franca interaction [Electronic resource] / Ph. Shaw // *Concepts et modèles en anglais de spécialité*. – ASp, 2011. – № 60. – P. 65–79. – 05 April 2016. – URL :<http://asp.revues.org/2514>

580. Sheppard, H. Avoiding Swenglish. Some of the most common mistakes made by Swedes in written English / H. Sheppard // *Word for Word*. – Lund University, 2010. – URL : <http://www.wordforword.se/avoid.pdf>

581. Shuy, R.W. A brief history of American sociolinguistics, 1949–1989 / R.W. Shuy // Chr. B. Paulston and G. R. Tucker (eds.). *The early days of sociolinguistics : memories and reflections*. *Publications in Sociolinguistics 2*. – Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1997. – P. 11–32.

582. Siiner, M. Hangovers of globalization : A case study of laissez-faire language policy in Denmark / M. Siiner // *Language Problems and Language Planning*. – 2010. – № 34/1. – P. 43–62.

583. Siiner, M. Swedishization or Internationalization? Negotiating the Common Language and Culture in a Swedish-Baltic Financial Institution / M. Siiner // *Language Policy Beyond the State*. – Vol. 14. – Springer International, 2017. – P. 61–80.

584. Siiner, M. University administrators as forced language policy agents / M. Siiner // *Current Issues in Language Planning*. – September 2016. – P. 441–458.

585. Simonsen, D.F. Over the fence – and into English? Reflections on adolescents, academics, linguistic development and language policy in Norway in the early 2000s / D.F. Simonsen // B. Preisler, A. Fabricius, H. Haberland, S. Kjærbeck, K. Risager (Eds.). *The Consequences of Mobility : Linguistic and Sociocultural Contact Zones*. – Roskilde : Roskilde University, 2005. – P. 249–271.

586. Sivertsen, G. Experiences with a bibliometric model for performance based funding of research institutions / G. Sivertsen // *Book of abstracts*, 10th

international science and technology indicators conference. 17–20 September 2008. – Austria: University of Vienna, 2008. – P. 126–128.

587. Skovby Thorndahl, J. English as the corporate language – An analysis of key challenges for Danish employees and of how to enhance their English skills / J. Skovby Thorndahl. – Copenhagen : Copenhagen Business School, 2012. – 122 p.

588. Smith, L. English as an International Auxiliary Language / L. Smith // RELC Journal. – 1976. – № 7 (2). – P. 38–43. Reprinted in L. Smith (ed.) Readings in English as an International Language. – Oxford; New York: Pergamon, 1983. – P. 1–6.

589. Smith, L. Readings in English as an International Language // L. Smith (ed.). – Oxford; New York: Pergamon, 1983. – viii, 179 p.

590. Söderberg, A.J. Code-switching as a communication, learning, and social negotiation strategy in first-year learners of Danish / A.J. Söderberg, J.N. Jørgensen // International Journal of Applied Linguistics. –2003. – Vol. 13. – № 1. – P. 23–53.

591. Soler-Carbonell, J. University language policies in Estonia and Sweden: Exploring the interplay between English and national languages in higher education [Electronic resource] / J. Soler-Carbonell, B. Björkman, M. Kuteeva // Journal of Multilingual and Multicultural Communication. – 2017. – P. 1–15. – URL: <http://www.tandfonline.com/eprint/y9r6iXyrZvi3gapEiUxI/full>

592. Sørensen, E. Our corporate language is English. An exploratory survey of 70 DK-sited corporations' use of English [Electronic resource] / E. Sørensen. – Aarhus school of business, 2005. – 122 p. – URL: <http://www.kommunikationsforum.dk/artikler/our-corporatelanguage-is-english>

593. Sørensen, K. Engelsk i dansk. Er det et must? [English in Danish. Is it a must?] / K. Sørensen. – Copenhagen : Munksgaard, 1995. – 129 p.

594. Sørensen, K. On Anglicisms in Danish / K. Sørensen // W. Viereck, W.-D. Bald (eds.). English in Contact with Other Languages, 1986. – Budapest : Akadémiai Kiadó. – P. 31–50.

595. Spolsky, B. Ferguson and Fishman : Sociolinguistics and the Sociology of Language / B. Spolsky // R. Wodak, B. Johnstone, P.E. Kerswill (eds.) The SAGE Handbook of Sociolinguistics. – SAGE Publications Ltd, 2010. – P. 3–15.

596. Spolsky, B. What is language policy? // B. Spolsky (Ed.) The Cambridge Handbook of Language Policy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 3–15.

597. Stålhammar, M. Engelskan i svenskan. Åttahundra år av lånade ord och språkliga influenser. [English in Swedish. Eight hundred years of borrowed words and linguistic influences.] / M. Stålhammar. – Norstedts, 2010. – 258 s.

598. Stålhammar, M. ‘Show some leg!’ English interference in Swedish [Electronic resource] / M. Stålhammar // MED Magazine. – 2007. – № 44. – URL: http://www.macmillandictionaries.com/MED-Magazine/April_2007/44-Show-Leg-Print.htm

599. Strevens, P. British and American English / P. Strevens. – Collier-Macmillan, 1972. – 104 p.

600. Sundberg, G. Language Policy and Multilingual Identity in Sweden through the Lens of Generation Y / G. Sundberg // Scandinavian Studies, 2013. – Vol. 85. – № 2. – P. 205–232.

601. Sundqvist, P. Extramural English Matters – Out-of-School English and Its Impact on Swedish Ninth Graders’ Oral Proficiency and Vocabulary : PhD Dissertation / P. Sundqvist. – Karlstad University Studies, 2009. – x+276 p.

602. Sundqvist, P., Sylvén L.K. Language-related computer use : Focus on young L2 English learners in Sweden / P. Sundqvist, L.K. Sylvén // Journal of European Association for Computer Assisted Language Learning – ReCALL. – 2014. – Vol. 26 (1). – P. 3–20.

603. Swain, M. Languaging, agency and collaboration in advanced second language learning / M. Swain // Heidi Byrnes (ed.). Advanced Language Learning : The Contributions of Halliday and Vygotsky. – London : Continuum, 2006. – P. 95–108.

604. Swales, J. *Genre Analysis* / J. Swales. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 272 p.

605. Taavitsainen, I., Pahta P. *English in Finland : globalisation, language awareness and questions of identity* / I. Taavitsainen, P. Pahta // *English Today*. – 2003. – Vol. 19. – № 4. – P. 3–15. *The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and beyond* // Ed. by S. Buschfeld, T. Hoffmann, M. Huber, and A. Kautzsch. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2014. – 513 p.

606. Tange, H. *Organising language at the international university : three principles of linguistic organization* / H. Tange // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2012. – Vol. 33 (3). – P. 287–300.

607. Tange, H., Luring J. *Language management and social interaction within the multilingual workplace* / H. Tange, J. Luring // *Journal of Communication Management*. – 2009. – № 13 (3). – P. 218–232.

608. Teleman, U. *Det nordiska språksamarbetet. Idéer och framtidsuppgifter* [Nordic language cooperation. Ideas and future challenges] / U. Teleman // *Språk i Norden*. – 1989. – P. 14–32.

609. Teleman, U. *Det svenska riksspråkets utsikter i ett integrerat Europa* [The Swedish national language's prospects in an integrated Europe] / U. Teleman // *Språkvård*. – 1992. – № 4. – P. 7–16.

610. *The English in Europe project* [Electronic resource]. – 2013. – URL : <http://english-lingua-franca.org/forum/welcome-mat> .

611. *The SAGE Handbook of Sociolinguistics* // R. Wodak, B. Johnstone, P.E. Kerswill (eds.). – SAGE Publications Ltd, 2010. – P. 3–15.

612. *The Statistical Yearbook 2016* [Electronic resource]. – Statistics Denmark. Copenhagen, 2016. – URL : <http://dst.dk/en/Statistik/Publikationer/VisPub?cid=22256> .

613. Thelander, M. *Standardisation and standard language in Sweden* / M. Thelander // Kristiansen T., Coupland N. (Eds.). *Standard Languages and Language Standards in a Changing Europe*. – Oslo : Novus Press, 2011. – P. 127–134.

614. Thøgersen, J. Attitudes towards the English influx in the Nordic countries : A quantitative investigation / J. Thøgersen // Nordic Journal of English Studies, 2004. – Vol. 3. – P. 23–38.

615. Thomas, C.A. Bridging the Gap between Theory and Practice : Language Policy in Multilingual Organisations / C.A. Thomas // Language Awareness. – 2008. – № 17 (4). – P. 307–325.

616. Thorén, B. Swedish accent – duration of post-vocalic consonants in ative Swedes speaking English and German [Electronic resource] / B. Thorén // 16th International Conference of Phonetic Sciences : 6-10 August 2007 Saarbrücken Germany, 2007. – 1693–1696 s. – URL : www.bossethoren.se/bilder/bosse_thoren_corr.pdf.

617. Thue-Vold, E., Doetjes G. Fremmedspråk i norsk arbeidsliv : gapet mellom behov og etterspørsel [Foreign language in Norwegian working life : the gap between needs and demand] / E. Thue-Vold, G. Doetjes // Acta Didactica Norge. – 2012. – Vol. 6. – № 1. – Art. 5. – S. 1–19.

618. Timmis, I. Native-speaker norms and international English : A classroom view / I. Timmis // ELT Journal. – 56 (3), 2002. – P. 240–249.

619. Timofejeva, A. English as a lingua franca in Danish export businesses / A. Timofejeva. – Copenhagen : Copenhagen Business School, 2010. – 103 p.

620. Timpe-Laughlin, V. Learning and development of second and foreign language pragmatics as a higher-order language skill : a brief overview of relevant theories [Electronic resource] / V. Timpe-Laughlin // ETS research report series. – November 2016. – URL : <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/ets2.12124/epdf>

621. Trudgill, P. The Social Differentiation of English in Norwich / P. Trudgill. – Cambridge : Cambridge University Press. – 1974. – 211 p.

622. Trudgill, P. The sociolinguistics of modern RP [Electronic resource] / P. Trudgill // Studia Anglica Posnaniensia. – V. 36. – Poznan : Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2001. – P. 3–13. – URL : <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/trudgill.htm>

623. Truchot, C. Key aspects of the use of English in Europe / C. Truchot. – Council of Europe, Strasbourg, 2002. – 24 p.

624. Van Oostendorp, M. Bilingualism versus multilingualism in the Netherlands / M. Van Oostendorp // Language Problems and Language Planning. – 2012. – № 36 (3). – P. 252–272.

625. Van Rooy, B. Convergence and endonormativity at Phase Four of the Dynamic Model / B. Van Rooy // The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and beyond // Ed. by S. Buschfeld, T. Hoffmann, M. Huber, and A. Kautzsch. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2014. – P. 21–38.

626. Verstraete-Hansen, L. Hvad skal vi med sprog? Holdninger til fremmedsprog i danske 10 virksomheder i et uddannelsespolitisk perspektiv [Why do we need language? Attitudes towards foreign languages in Danish 10 companies in an education policy perspective] / L. Verstraete-Hansen. – Copenhagen : Institut for Internationale Kultur- og Kommunikationsstudier, Copenhagen Business School, 2008. – 79 s.

627. Viereck, W. English in Europe : Its nativisation and use as a lingua franca, with special reference to German-speaking countries / W. Viereck // Hartmann R. (ed.). The English Language in Europe. – Oxford : Intellect 1996. – P. 16–23.

628. VOICE. 2009. The Vienna-Oxford International Corpus of English (version 1.0 online) [Electronic resource] / Director : B. Seidlhofer; Researchers : A. Breiteneder, Th. Klimpfinger, S. Majewski, M.-L. Pitzl. – URL : <http://voice.univie.ac.at> .

629. Wächter, B. Internationalisation and the European Higher Education Area / B. Wächter // Academic Cooperation Association (ACA), May 2008. – URL : [http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/BolognaSeminars/documents/Ghent/Ghent_May08_Bernd_Waechter .pdf](http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/BolognaSeminars/documents/Ghent/Ghent_May08_Bernd_Waechter.pdf)

630. Wächter, B. Teaching in English on the rise in European higher education / B. Wächter // International Higher Education. – 2008. – № 52. – URL : http://www.bc.edu/bc_org/avp/soe/cihe/newsletter/Number52/p3_Wachter.htm .

631. Wächter, B., Maiworm F. English-taught programmes in European higher education. The state of play in 2014/ B. Wächter, F. Maiworm. – Bonn : Lemmens, 2014. – 138 p.

632. Watt, D. Patterns of variation and change in three Newcastle vowels : Is this dialect levelling? / D. Watt, L. Milroy // P. Foulkes, G.J. Docherty (eds.). Urban Voices : Accent Studies in the British Isles. – London : Arnold, 1999. – P. 25–46.

633. Wee, L. The Evolution of Singlish : Beyond Phase 5? / L. Wee // The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and beyond // Ed. by S. Buschfeld, T. Hoffmann, M. Huber, and A. Kautzsch. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2014. – P. 126–141.

634. Weinreich, U. Empirical foundations for a theory of language change / U. Weinreich, W. Labov, and M.I. Herzog // Directions for Historical Linguistics, a Symposium. W.P. Lehmann and Y. Malkiel, Eds. – Austin, TX : University of Texas Press, 1968. – P. 95–195.

635. Wenger, E. Communities of Practice / E. Wenger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 336 p.

636. Westman, M. Har svenska språket en framtid? [Does the Swedish language have a future?] // L. Moberg, M. Westman (Eds.). Svenska i tusen år: Glimtar ur svenska språkets utveckling [Swedish in one thousand years: Reflections of Swedish language development]. – Stockholm : Norstedts, 1996. – P. 182–194.

637. White, L. English support [Electronic resource] / L. White. – Roskilde, November 2005. – № 13. – URL : www.englishsupport.dk/EN/komsprog.htm

638. White, L. The scandal in our schools. English support [Electronic resource] / L. White. – Roskilde, October 2005. – № 12. – URL : www.englishsupport.dk/EN/komsprog.htm

639. Widdowson, H.G. The Forum : EIL, ESL, EFL : Global issues and local interests / H.G. Widdowson // World Englishes. – 1997. – № 16 (1). – P. 135–146.

640. Widdowson, H.G. The Ownership of English / H.G. Widdowson // *Tesol Quarterly*. – 1994. – № 28/2. – P. 377–389.

641. Williams, J. Non-native varieties of English : a special case of language acquisition / J. Williams // *English World-Wide*. – 1987. – № 8. – P. 161–199.

642. Widmalm, S. Innovation and control: Performative research policy in Sweden / S. Widmalm // S. Rider, Y. Hasselberg, A. Waluszewski, eds. *Transformations in Research, Higher Education and the Academic Market. The Breakdown of Scientific Thought*. – New York : Springer, 2013. – P. 39–52.

643. Wingstedt, M. Language ideologies and minority language policies in Sweden. Historical and contemporary perspectives / M. Wingstedt. – Stockholm : Centre for Research on Bilingualism, Stockholm University, 1998. – 376 p.

644. Wright, S. Language on the Internet [Electronic resource] / S. Wright // MOST and Initiative B@bel funded research: Language on the Internet 18 July 2008. – URL : portal.unesco.org/ci/en/files/18255/...internet.../language_internet_en.rtf .

645. Yano, Y. World Englishes in 2000 and beyond / Y. Yano // *World Englishes*. – 2001. – № 20 (2). – P. 119–131.

646. Yule, G. *The study of language* / G. Yule. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014 (5th edition). – 368 p.

647. Источники: документы ЕС, скандинавских официальных органов, информационные материалы в масс-медиа и интернете.

648. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. 2 ноября 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001271/127160m.pdf> .

649. Лингвофорум [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lingvoforum.net/index.php?topic=1962.0> .

650. Danish Language Council. *Om sprogpolitik i Danmark, Norden og Europa*. 2007 [Electronic resource]. – URL : http://www.dsn.dk/arkiv/meddelelser/Engelsk_som_videnskabssprog_i_Norden016.04.07.pdf .

651. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. Совет Европы : Страсбург, 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hrlibrary.umn.edu/euro/Rets148.html> .

652. Лааксо, Й., Спилиопулу-Окермарк С., Сархимаа А., Тойванен Р. Отчет об окончательных результатах международного исследовательского проекта ELDIA (European Language Diversity for All) [Электронный ресурс] / Й. Лааксо, С. Спилиопулу-Окермарк, А. Сархимаа, Р. Тойванен // Европейский союз: Проект ELDIA, 2014. – 124 с. – Режим доступа : <https://fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/objects/o:376832/methods/bdef:Content/get>

653. Население Швеции. Май 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://shveciya-gid.ru/kultura-shvecii/naselenie-shvecii-chislennost-plotnost-yazik-naseleniya.html>

654. Act of 17 July 1998 relating to Primary and Secondary Education and Training (the Education Act). – 2013. – 59 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [educationact_with_amendments_entered2013.pdf](#)

655. A growing number of firms worldwide are adopting English as their official language [Electronic resource] // Business insider. The Economist. – Feb. 18, 2014. – URL : <http://www.businessinsider.com/firms-adopt-english-as-official-language-2014-2>

656. Bästa språket – en samlad svensk språkpolitik [Best language – a concerted language policy for Sweden] [Electronic resource] – Swedish Government. Stockholm, Sweden, 2005. – URL : <http://www.sweden.gov.se/content/1/c6/05/07/61/d32f62b5.pdf>

657. Curriculum for the compulsory school, preschool class and the recreation centre. Swedish National Agency for Education, 2011 [Electronic resource]. – URL : <http://www.skolverket.se/publikationer?id=2687> .

658. Danish Language Council. Dansk sprogs status 2012 [Electronic resource]. – URL : http://www.dsn.dk/sprogviden/sprogpolitik/sprogpolitikker-1/dansk-sprogs-status2012/DSN_sprogstatus2012.pdf

659. Danish Language Council Sprognævnets opgaver, 2013 [Electronic resource]. – URL : <http://www.dsn.dk/omos/sproгнаevnets-opgaver/hvad-er-vi-her-for-2>

660. Danish Ministry of Culture. The language committee. Sprog på spil – et udspil til en dansk sprogpolitik, 2003 [Electronic resource]. – URL : <http://kum.dk/Documents/Publikationer/2003/Sprog%20p%C3%A5%20spil/Sprog%20paa%20spil.pdf>

661. Danish Ministry of Culture. The language committee. Sprog til tiden. Rapport fra Sprogudvalget, 2008 [Electronic resource]. – URL : [http://kum.dk/Documents/Publikationer/2008/Sprog_til_tiden%20%20Rapport%20fra%20Sprog udvalget /pdf /sprog_til_tiden_netpub.pdf](http://kum.dk/Documents/Publikationer/2008/Sprog_til_tiden%20%20Rapport%20fra%20Sprog_udvalget/pdf/sprog_til_tiden_netpub.pdf)

662. Danmark har ondt i modersmålet. Bilagsrapport. [Denmark has reduced education in mother tongues. Supplementary report]. Børne- og Undervisningsudvalget [Committee for children and education], 2014–2015 [Electronic resource]. – URL : <http://www.ft.dk/samling/20141/almdel/buu/spm/196/svar/1242057/1515849.pdf>

663. Deklaration om nordisk sprogpolitik [Declaration on a Nordic language policy]. – Copenhagen : Nordic Council of Ministers, 2006. – København : Nordisk ministerråd, 2007. – 96 p.

664. Destination. Strategy for the University of Copenhagen, 2012. – 40 p. [Electronic resource]. – URL : <http://www.e-pages.dk/ku/236/fullpdf/full4c864d1d9db9e.pdf>

665. Doing business in Norway // Expat arrivals. Local info for global expats, 2017 [Electronic resource]. – URL : <http://www.expattarrivals.com/norway/doing-business-in-norway>

666. Downside-Swenglish. Avigsidan.com, December 2016 [Electronic resource]. – URL : <http://www.avigsidan.com/avigsidan/avigt009.html>

667. Educational Results National Level. Part 1. National Agency of School Improvement. Report 311, 2008 [Electronic resource]. – URL : www.skolverket.se/publikationer?id=2274

668. EF Education First. Company Fact Sheet 2016 [Electronic resource]. – URL : <http://media2.ef.com/~/media/centralefcom/about-us/shared/ef-education-first-company-fact-sheet>

669. EF Education First. Our history [Electronic resource]. – URL : <http://www.ef.com/ca/about-us/our-history/>

670. EF English proficiency index (ef epi) 2011–2016 [Electronic resource]. – URL : <http://www.ef.com/wwru/epi/>

671. English speaking countries in Europe. Language knowledge in EU, 2017 [Electronic resource]. – URL : <http://languageknowledge.eu/languages/english>

672. EUROPEANS AND THEIR LANGUAGES. Special Eurobarometer 386, June 2012 [Electronic resource]. – URL : http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_386_sum_en.pdf.

673. Evaluation of the Norwegian Publication Indicator – English Summary. – Aarhus University : Danish Centre for Studies in Research and Research Policy, 2014. – 16 p.

674. Fauskanger, H.K. What is the meaning of Norglish? [Electronic resource]. – URL : www.quora.com/What-is-the-meaning-of-Norglish...=1553503202.

675. Færås, A. Jagland språkmobbes på Twitter av nordmenn – utlendinger kommenterer innholdet [Jagland language – on Twitter by Norwegians. Foreigners comment on the content] [Electronic resource] // Aftenposten, 10 Desember 2012. – URL : <http://www.aftenposten.no/nyheter/uriks/Jagland-sprakmobbes-pa-Twitter-avnordmenn---utlendinger-kommenterer-innholdet7066495.html#.UXehM8pUaZR>

676. Forr G. Global språkstrid [Global language disputes] [Electronic resource] // Dagbladet, 2005, October 27. – URL : <http://www.dagbladet.no/nyheter/2005/10/27/447607.html>

677. Förslag till handlingsprogram för att främja svenska språket [Proposals for action programs to promote the Swedish language] [Electronic resource] //

Swedish Language Council. Swedish Government. – Stockholm, Sweden. 1998. –
URL : http://www.sprakradet.se/servlet/GetDoc?meta_id=2284

678. Gee, O. ‘Swenglish’: the definitive guide and top ten [Electronic resource] / O. Gee // The Local. Sweden’s news in English. 6 September 2012. –
URL : <https://www.thelocal.se/20120906/43046>

679. Guidelines on Language Policy. Norwegian university of science and technology [Electronic resource] // NTNU, 2009. – 5 p. – URL :
<https://www.ntnu.edu/strategy/language-guidelines>

680. Joint Council of Europe [Electronic resource] // European Commission Declaration to mark the 10th anniversary of the European Day of Languages 26 september 2011. – URL: http://ec.europa.eu/languages/news/pdf/joint_declaration_european_day_of_languages_en.pdf

681. Initiative B@bel. UNESCO. Giving access to information by promoting linguistic and cultural diversity in Cyberspace. 2001–2003 [Electronic resource]. – URL : [portal.unesco.org/ci/en/ev.php-URL_ID=16541 &URL_DO=DO](http://portal.unesco.org/ci/en/ev.php-URL_ID=16541&URL_DO=DO)

682. Innstilling om språksaken fra Komiteen til å vurdere språksituasjonen [Report on the language issue from the committee for the evaluation of the language situation]. – Oslo : Det kongelige kirke- og undervisningsdepartement [The Royal Church and Education Department], 1966. – 104 s.

683. Internationale studerende på en hel uddannelse i Danmark. Uddannelses- og Forskningsministeriet [International students on a full education in Denmark. Educational and Research Ministry], 2015 [Electronic resource]. – URL: <http://ufm.dk/uddannelse-og-institutioner/statistik-og-analyser/international-mobilitet/internationale-studerende-i-dk.pdf>

684. Internationella språkstudien 2011 [The international language survey 2011] [Electronic resource] // Swedish National Agency for Education, 2012. Rapport 375. – URL: <http://www.skolverket.se/publikationer?id=2832>

685. Karlsson, O. Swenglish : The Funny Language [Electronic resource] / O. Karlsson // Radio Sweden. 14 juli 2010. – URL : <http://sverigesradio.se/sida/gruppsida.aspx?programid=2054&artikel=3854804&grupp=855>

686. Kritiserer universitet for overdriven engelskbruk [Criticizes the University of Excessive English Use] [Electronic resource] // NRK. Norsk rikskringkasting [Norwegian Broadcasting Corporation], 15.08.2017. – URL : <https://www.nrk.no/kultur/kritiserer-universitet-for-overdriven-engelskbruk-1.1364273>

687. Language education policy profile. Norway [Electronic resource] // Ministry of education and research Norway. Strasbourg, 2004. – 50 p. – URL : https://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Profile_Norway_EN.pd

688. Language Policy and Corporate Law in Norway [Electronic resource] // Copenhagen Business School. Copenhagen, 2017. – 32 p. – URL : [http://research.cbs.dk/en/publications/language-policy-and-corporate-law-in-norway\(6cb4fd65-5bc9-46ae-a812-0f5b3fb4e2ce\).ht](http://research.cbs.dk/en/publications/language-policy-and-corporate-law-in-norway(6cb4fd65-5bc9-46ae-a812-0f5b3fb4e2ce).ht)

689. Language Policy Guidelines for Oslo and Akershus University College of Applied Sciences [Electronic resource] // University College Board, 2013. – URL: <file:///C:/Users/Downloads/HiOA%20Language%20Policy.pd>

690. Language policy guidelines for the University of Oslo [Electronic resource] // University of Oslo, 2010. – URL : <http://www.uio.no/english/for-employees/support/profile/language>

691. Legernes L.-K. Nordmenn er for dårlige i språk. Kommentar [Norwegians are too bad in language. Comment] [Electronic resource] // E24. A Norwegian online business newspaper, 27.7.2011. – URL: <http://e24.no/kommentarer/spaltister/nordmenn-er-for-daarlige-i-spraak/20081870>.

692. Language policy at Swedish University of Agricultural Sciences. Sveriges lantbruksuniversitet, 01.07.2016. – 3 p.

693. Language policy for Göteborg University. The Language Policy Committee at Göteborg University. Göteborg University, 2006. – 15 p.

694. Language policy for KTH. Royal Institute of Technology in Stockholm, 2009. – 9 p.

695. Language policy for Umeå University. Working party for the formulation of a language policy. Umeå University, 22 April 2008. – 9 p.

696. Languages in Europe. The European Commission. 2001 [Electronic resource]. – URL : <http://europa.eu.int/comm/education/languages/lang/europeanlanguages.htm>

697. Language education policy profile 2003–2004 [Electronic resource] // Country report. Norwegian Ministry of education, 2004. – 31 p. – URL: https://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Country_Report_Norway_EN.pdf

698. Lilleås, H.S.. Nettavisen. Presse-Norge mobbet Jaglands Engelsk [The online newspaper. Norway Press bullied Jaglands English] [Electronic resource] / H.S. Lilleås, Ø. Ludt. – 2009. – URL : <http://www.nettavisen.no/nyheter/article2778059.ece>

699. Lov om Norsk Språkråd [Legislation on the Norwegian Language Council]. – Oslo: Det kongelige kirke- og undervisningsdepartement, 1971.

700. Lund, K. Fourteen Swedish words that give me the giggles [Electronic resource] / K. Lund // The expat blog – blogs.sweden.se, 2011. – URL: <http://blogs.sweden.se/expat/2011/10/09/14-swedish-words-that-give-me-the-giggles/>

701. Lund University Language Policy. Lund University, 19 June 2014. – 6 p.

702. Mål i mun: förslag till handlingsprogram för svenska språket [Objectives in language: proposals for action program for the Swedish language] [Electronic resource] // Kommittén för Svenska Språket. Fritzes, 2002. – 593 s. – URL: www.regeringen.se/sb/d/108/a/1443

703. Mål og mening. Ein heilskapleg norsk språkpolitikk [Objectives and meaning. A comprehensive Norwegian language policy] [Electronic resource] // Kultur og kyrkje departementet (Ministry of church and culture), 2008. – URL: <http://www.regjeringen.no/nb/dep/kud/dok/regpubl/stmeld/2007-2008/stmeld-nr-35-2007-2008-.html?id=519923>.

704. Målbruk i offentlig teneste. Stortingsmelding [Language use in public service. White Paper] // [Electronic resource] 1997. – № 13. – URL:

<http://www.regjeringen.no/nb/dep/kud/dok/regpubl/stmeld/19971998/stmeld-nr-13-1997-98-.html?id¼191413>

705. Mullin, S. Australia, Detour to Denmark [Electronic resource] / S. Mullin // Australians Abroad, 2004. – URL: www.coolabah.com/oz/denmark/index14.cfm LetterFromNewYork.com

706. Measuring the Information Society Report 2015. Executive Summary. International Telecommunication Union [Electronic resource] Geneva, Switzerland, 2015. – URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/ind/D-IND-ICTOI-2015-SUM-PDF-E.pdf.

707. Mere end sprog [More than language]. Confederation of Danish Industry, 2008 [Electronic resource]. – URL : <http://publikationer.di.dk/di/458453673/>

708. Message from Council of Europe Secretary General Thorbjørn Jagland. The European Day of Languages 26 September 2016 [Electronic resource]. – URL : <http://www.coe.int/en/web/portal/26-september-european-day-of-languages>

709. Non-English European Countries with Most English-Taught Degrees. Master's Portal, 2016. [Electronic resource]. – URL : <http://www.mastersportal.eu/countries/26/>

710. National Curriculum for Knowledge Promotion in Primary and Secondary Education and Training. English subject curriculum [Electronic resource] // Oslo: Ministry of Education and Research, 2006, 2013. – URL: <http://www.udir.no/Stottemeny/English/Curriculum-in-English/Upper-secondary-education-/#fellesfag>

711. Non-English European Countries with Most English-Taught Degrees. Master's Portal [Electronic resource]. – URL : <http://www.mastersportal.eu/countries/26/>

712. Nordic language policies. Norwegian center for international education, 2016 [Electronic resource]. – URL : <https://www.siu.no/Data-analyse-og-prioriterte-samarbeidsland/Analyse/language-policy/Nordic-language-policie>

713. Norsk i hundre! Norsk som nasjonalspråk i globaliseringens tidsalder. Et forslag til strategi (Norwegian in a hundred years! Norwegian as a national language in the age of globalization. Strategy proposal) [Electronic resource] // Norsk Språkråd, 2005. – URL : http://www.sprakrad.no/upload/9832/norsk_i_hundre.pdf.

714. Norway. Trade picture. European Commission, 2017 [Electronic resource]. – URL : <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/norway/>

715. Norway universities criticised for overuse of English [Electronic resource] // The Local. Norway's news in English. 16 August 2017. – URL : <https://www.thelocal.no/20170816/norway-universities-criticised-for-overuse-of-english>

716. Norwegian accounting act. 10th ed. 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.fagbokforlaget.no/Norwegian-accounting-act/I9788270823482>

717. Norwenglish for Norwegians. Norwenglish's Blog, 2010 [Electronic resource]. – URL : <https://norwenglish.wordpress.com/2010/04/15/english-invasion/>

718. Norwenglish. From Oz to Oslo. Tales and tidbits from an Australian living in Norway, 2009 [Electronic resource]. – URL : <https://fromoztooslo.wordpress.com/2009/07/03/norwenglish/>

719. Norwenglish. VG Nett Debatt, 2015 [Electronic resource]. – URL : <http://vgd.no/samfunn/spraak/tema/1813633/tittel/norwenglish>

720. The Nordic Declaration of Language Policy [Electronic resource] // Copenhagen, Nov 01, 2006. – URL : <http://www.norden.org/pub/kultur/kultur/sk/ANP2007746.pdf>

721. Norsk i hundre! Norsk som nasjonalspråk i globaliseringens tidsalder Et forslag til strategi [Norwegian in a hundred years! Norwegian national language in the age of globalization. A draft strategy] [Electronic resource] // Språkrådet, 2005. – 192 s. – URL : http://www.sprakradet.no/upload/9832/norsk_i_hundre.pdf

722. Øget indsigt gennem globalt udsyn [Increased knowledge through global outlook] [Electronic resource] // Danish Government, 2013. – URL : <http://fivu.dk/uddannelse-og-institutioner/internationalisering/temaer-under-internationalisering/oget-indsigt-gennemglobalt-udsyn>.

723. Ostrynski, N. Engelsk har fortrængt dansk i hver fjerde virksomhed [English has replaced Danish in every fourth company] [Electronic resource] / N. Ostrynski // Berlingske Business 22.10.07. – URL : <http://www.business.dk/karriere/engelsk-har-fortraengt-dansk-i-hverfjerde-virksomhed>

724. Prins Daniels egne ord om förlossningen [Prince Daniel's own words about childbirth] // [Electronic resource] Feb 23, 2012. – URL: <http://nouw.com/elinaljungberg/-mina-kanslor-ar-lite-all-over-the-place-2629901>

725. Regeringskansliet [Government Registry]. Swedish report on the Council of Europe Charter for Regional or Minority Languages, 2001 [Electronic resource]. – URL: <http://www.regeringen.se/informationsmaterial/2004/04/regeringskansliets-arsbok-2001/>

726. Resurser för kvalitet. Slutbetänkande av Resursutredningen [Resources for quality. Final report of resource investigation] [Electronic resource] // Stockholm : Ministry of Education, 2007. SOU 2007:81. – 475 s. – URL : <http://www.regeringen.se/49b71c/contentassets/1c95444a7c234fe88cc8e16423dd1413/resurser-for-kvalitet-hela-dokumentet-sou-200781>

727. Retsinformationen. Forslag til folketingsbeslutning om forberedelse af en dansk sproglov. (Legal Information. Proposal for a parliamentary resolution on the preparation of a Danish language law), 2013 [Electronic resource]. – URL : <https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=143622>

728. Richardson, D. Do people speak English in Sweden? [Electronic resource] / D. Richardson // 08/02/2015. – URL : <https://www.quora.com/Do-people-speak-English-in-Sweden/answer/David-Richardson-35>

729. Skarsgard, A. Twelve Swedish words with just awesome literal translations [Electronic resource] / A. Skarsgard // The Local. Sweden's news in

English. 26 October 2016. – URL : <https://www.thelocal.se/20161026/swedish-words-with-awesome-literal-translations>

730. Småungar och medier [Young children and media] translations [Electronic resource] // Swedish Media Council, 2015. – URL : <http://www.statensmedierad.se/Publikationer/Produkter/Smaungar--medier-2015/>

731. Språklag [The Language Law]. Swedish Government. Stockholm, Sweden. 2009:600 [Electronic resource]. – URL : <http://62.95.69.3/SFSdoc/09/090600.pdf> (дата обращения: 2016.03.24.)

732. Språkrådet [Swedish Language Council]. New website for living languages and traditions. Uppdaterad 31 januari 2017 [Electronic resource]. – URL : <http://www.sprakradet.se/international>.

733. Statistik och utvärdering [Statistics and evaluation]. Swedish National Agency for Education, 2014 [Electronic resource]. – URL : <http://www.skolverket.se/statistik-och-utvardering>

734. Språkstatus 2012. Språkrådet, 2012. <http://www.sprakradet.no/nb--NO/Politikk---Fakta/Spraakpolitikk/Sprakstatus/Sprakstatus---2012Sprog-er-noglen-til-verden>. Arbejdsgruppen for uddannelse i fremmedsprog [Language is the key to the world. Working group for education in foreign languages], 2011. [Electronic resource]. – URL : <http://fivu.dk/publikationer/2011/sprog-er-noglen-til-verden-2013-anbefalinger-fra-arbejdsgruppen-for-uddannelsei-fremmedsprog>.

735. Sprog på spil – Et udspil til en dansk sprogpolitik [Languages at stake – A proposal for Danish language policy]. Kulturministeriet, 2003. 73 [Electronic resource]. – URL : s.www.modersmaalet.dk/dansktunge/sprogpaaspil2003.h

736. Stockholm University. Facts and figures [Electronic resource]. – URL : www.su.se/english/about/facts-and-figures

737. Strategy for the University of Copenhagen. 2016. – 44 p. [Electronic resource]. – URL : <http://research.ku.dk/strategy/>

738. Surveying Europe's language skills [Electronic resource]. – URL : <http://p21208.typo3server.info/126.0.html>

739. Svenska språknämnden. Förslag till handlingsprogram för att främja svenska språket [Swedish Language Board. Proposals for action programs to promote the Swedish language] [Electronic resource] // Stockholm : The Swedish Language Council, 1998. – URL : ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/sin/article/download/.../14872

740. Swedish for Professionals, 2017 [Electronic resource]. – URL : <http://swedishforprofessionals.com/Swedish-courses-for-companies/>

741. Swenglish Pronunciation. A Swedish American in Sweden, September 2010 [Electronic resource]. – URL : <http://welcometosweden.blogspot.co.il/2010/09/swenglish-pronunciation>.

742. Swenglish eller svengelska? Transparent Language, March 14, 2009 [Electronic resource]. – URL : <http://blogs.transparent.com/swedish/swenglish-eller-svengelska/>

743. The EF English Proficiency Index 2015. The State of Worldwide English Proficiency [Electronic resource]. – URL : <http://www.ef.com/ca/about-us/highlights/2015/ef-epi-release-2015/>

744. The Swedish Government policy for corporate social responsibility. Fact sheet. The Ministry of Enterprise and Innovation, 2016 [Electronic resource]. – URL : http://www.government.se/49930b/contentassets/cdd5ff45a8e04b72813999fb6aa19dd8/faktablad_hallbart_foretagande_160520_eng_webb.pdf

745. The Threat of the Swenglish Language [Electronic resource] // Sverigesradio. Måndag 12 juli 2010. – URL : <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=3849242>

746. Tuition Free Universities in Norway for International Students [Electronic resource] // Study and scholarship, 2016 – URL : <http://www.studyandscholarships.com/2009/02/tuition-free-universities-in-norway.html>

747. UKÄ (Swedish Higher Education Authority), 2017 [Electronic resource]. – URL: <http://english.uka.se/statistics.html>

748. UNESCO. (2001). Declaración Universal de la UNESCO sobre la Diversidad Cultural. Retrieved August 2009 [Electronic resource]. – URL : <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001271/127160m.pdf>

749. Ungar och medier [Children and media] [Electronic resource] // Swedish Media Council, 2015. – URL: <http://www.statensmedierad.se/Publikationer/Produkter/Ungar--medier-2015/>

750. Värna språken – förslag till språklag [Protecting languages: A proposal for a Language Act] [Electronic resource] // Swedish Government, 2008. Stockholm, Sweden. – URL : <http://www.sweden.gov.se/content/1/c6/10/09/59/4ad5deaa.pdf>

751. Verdens Gang. Protokoll. Hva synes du om Torbjørn Jaglands tale? [The course of the world. Protocol. What do you think of Torbjørn Jagland's speech?] Desember 2009 [Electronic resource]. – URL : <http://www.vg.no/protokoll/?pid=488&fylke=00&start=350>

752. What is Norwenglish. Norwenglish's Blog, 2010 [Electronic resource]. – URL : <https://norwenglish.wordpress.com/2010/04/15/what-is-norwenglish/>

753. Why are Norwegians so good at speaking English? [Electronic resource] // Norwegian language blog, 2011–2016. – URL: <http://blogs.transparent.com/norwegian/why-are-norwegians-so-good-at-speaking-english/>

754. Why are Scandinavian people incorporating English sentences into their normal speaking? [Electronic resource] // Request Answers – Quora. 17.06.2015. – URL : <https://www.quora.com/Why-are-Scandinavian-people-incorporating-English-sentences-into-their-normal-speaking>

Словари

755. Берков, В.П. Новый большой русско-норвежский словарь. (Ny Stor Russisk-Norsk Ordbok) / В.П. Берков. – М. : Живой язык, 2006. – 1264 с.

756. Дьяков, А.И. Словарь английских заимствований русского языка / А. И. Дьяков. – Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 2010. – 588 с.

757. Дьяков, А.И. Словарь англицизмов русского языка [Электронный ресурс] / А. И. Дьяков // Dictionary of Anglicisms of the Russian Language. 2010. – Режим доступа : <http://anglicismdictionary.dishman.ru/Slovar>

758. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – М. : АСТ, Астрель, Харвест, 2006. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru /contents.nsf/efremova/>

759. Михальченко, В.Ю. (Отв. ред.) Словарь социолингвистических терминов / В.Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.

760. Словарь социолингвистических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sociolinguistics.academic.ru/582/регистр>

761. Axelsen, J. The Standard Danish-English, English-Danish Dictionary / J. Axelsen – Holt, Rinehart & Winston, 1986. – 654 p.

762. Bright, W. (Editor-in Chief) International Encyclopedia of Linguistics / W. Bright. – Vol. 4. – New York, Oxford : Oxford Univ. Press, 1992. – 482 p.

763. Görlach, M. A Dictionary of European Anglicisms // M. Görlach (ed.). – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 384 p.

764. Norstedts svensk-engelska/engelsk-svenska ordbok – professionell. – Stockholm : Norstedts, 2011. – 1900 s.

765. Sørensen, K. A Dictionary of Anglicisms in Danish / K. Sørensen. – Copenhagen : The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1997. – 405 p.

766. The Oxford Dictionary of New Words. First edition // Ed. by S. Tulloch. – Oxford University Press, 1991. – 336 p.

767. Sørensen, K. A Dictionary of Anglicisms in Danish. Historisk-filosofiske skrifter / K. Sørensen. – Copenhagen: Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1997. – 405 p.

768. Swedish Dictionary Online Translation LEXILOGOS. Svenska Akademiens ordbok [Dictionary of the Swedish Academy]. Svenska Akademiens ordboksredaktion, 2017 [Electronic resource]. – URL : http://www.lexilogos.com/english/swedish_dictionary.htm

769. The Free Dictionary [Electronic resource]. – URL : <http://idioms.thefreedictionary.com/>

Приложение 1

А. Список русскоязычных аудиторов, преподавателей английского языка, принимавших участие в оценке английского произношения датчан, шведов и норвежцев.

1. Исаева О.В., 44 года, старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

2. Стрембицкая Н.С., 42 года, старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

3. Кушнарера С.Е., 28 лет, преподаватель кафедры иностранных языков №1, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

4. Рак А.Н., 27 лет, преподаватель кафедры иностранных языков №1, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

5. Арбузова Н.В., 32 года, преподаватель кафедры иностранных языков №1, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

6. Борзова И.А., 45 лет, старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

7. Ермоленко О.В., 46 лет, доцент кафедры иностранных языков №1, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

8. Ильина В.Ю., 42 года, доцент кафедры иностранных языков №1, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

9. Гриценко И.П., 39 лет, доцент кафедры иностранных языков №3, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

10. Филипченко О.И., 57 лет, старший преподаватель кафедры иностранных языков №1, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

11. Радочина Н.И., 68 лет, старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

12. Кистерская О.М., 36 лет, старший преподаватель кафедры иностранных языков №1, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

13. Ольховская Т.В., 64 года, старший преподаватель кафедры иностранных языков №1, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

14. Никейцева О.В., старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Таврическая Академия, Крымский Федеральный университет им.В.И. Вернадского

Б. Список аудиторов, носителей английского языка, принимавших участие в оценке английского произношения всех трех групп информантов: датчан, шведов и норвежцев.

В. Van der Burg, 67 лет, предприниматель, американец, долгое время работавший в Англии. Проживает в г. Оденсе, Дания. Благодаря его контактам были привлечены:

1. K.D. Sater, 63 г., адвокат, англичанин, Проживает в г. Барнет Хертс, Англия.
2. H.Hall, 67 лет, финансист, англичанин. Проживает в г. Лондон.
3. J. Wilandt, 64 г., финансист, американец. Проживает в г. Маунт Сиско, США.
4. P. Agarwall, 59 лет, предприниматель, англичанин. Проживает в г. Мумбай, Индия.
5. M. Кэррик, 73 г., предприниматель, американец. Проживает в г. Bloomfield, New Jersey, США.
6. A. Chaïmove, 72 г., психолог, англичанин. Проживает в г. [Палмерстон-Норт](#), Новая Зеландия.

Р. МакГоран, 30 лет, аспирантка, канадка, проживает в г. Саутгемптон, Англия. Благодаря ее контактам были привлечены:

1. T. Kelsie, 31 г., аспирантка, канадка, проживает в г. Саутгемптон, Англия.
2. G. Kelsie, 32 г., музыкант, канадец, проживает в г. Саутгемптон, Англия.
3. J. Waterman, 28 лет, аспирантка, австралийка, проживает в г. Саутгемптон, Англия.
4. D. Mohan, 22 г., студент, австралиец, проживает в г. Саутгемптон, Англия.
5. J. Greenough, 25 лет, студентка, канадка, проживает в г. Саутгемптон, Англия.
6. D. Nelson, 32 г., музыкант, англичанин, проживает в г. Саутгемптон, Англия.

M. Honig, 43 г., переводчик, американец. Проживает в г. Сент-Луис, Мичиган, США. Благодаря его контактам были привлечены:

1. Sh. Honig, 39 лет, сотрудник организации Life Leadership, американка. Проживает в г. Сент-Луис, Мичиган, США.

2. B. Maxwell, 39 лет, сотрудник организации Life Leadership, американка. Проживает в г. Сент-Луис, Мичиган, США.

3. Ph. Maxwell, 43 г., менеджер, американец. Проживает в г. Сент-Луис, Мичиган, США.

4. N. King, 41 г., писатель-фрилансер, американец. Проживает в г. Sonoma, California, США.

5. A. King, 38 лет, социальный работник, американка. Проживает в г. Sonoma, California, США.

В. Список аудиторов, носителей английского языка, принимавших участие в оценке английского произношения отдельных информантов.

Это постоянные участники сайта <https://www.quora.com>, обсуждавшие проблему дифференциации английской речи носителей и неносителей английского языка. Контакты с ними устанавливались по электронным адресам, которыми идентифицировались их ответы, размещенные на следующих страницах:

<https://www.quora.com/How-do-native-English-speakers-determine-whether-an-English-learner-is-a-good-non-native-English-speaker>

<https://www.quora.com/What-telltale-signs-typically-differentiate-a-very-good-non-native-English-speaker-from-a-native-English-speaker>

<https://www.quora.com/Do-non-native-English-speakers-typically-have-trouble-distinguishing-between-does-not-and-is-not>.

Поскольку откликнулись около 100 респондентов, ниже перечисляются только те, кто провел экспертную оценку более чем одного текста:

1. Kimberley Lear, lives in Oxfordshire, UK.
2. Donald Tepper, Real estate investor and Realtor, Virginia.
3. Emily Walmrath, ESL Teacher, lives in Brasil.
4. Peter Flom, statistical consultant, lives in New York City.
5. Heidi Cool, builds Web sites and consults on related subjects. Lives in Cleveland.
6. Dave Voorhis, Computer scientist. Lives in Derby, Derbyshire, UK.
7. Amy Dakin, MA Classics, University of Manchester. Lives in The United Kingdom. .
8. Paul Stockley, Driver of big trucks. Lives in Taranaki, New Zealand.
9. Nick DeSoto, Accountant. Lives in Southern California.
10. Michael Koeberg, Studied at Damelin, South African.
11. Jeffrey Lichtman, studied at University of California, Berkeley
12. Harrison Boyle, Californian, lives in Fiji.
13. Steve McCormack, Language Instructor. Studied at University of Western Ontario. Lives in Alajuela, Costa Rica.
14. Rik Osborne, a cook, an American.
15. Derek Longhurst, Professional Writer, British, lives in Singapore.
16. Ruzi Kahonde, economist. Lives in The United Kingdom.
17. Chelly Wilson, PhD Statistics & Ecology, University of California, Davis.
18. Marcel English, EFL Teacher/English Coach. Living in Europe
19. Spencer Broom, ESL Teacher. Lives in Shenzhen, China.
20. Mark Whickman, studied at Imperial College London.
21. Ellie Presner, Freelance writer, editor, studied English & Psychology at Concordia University. Lives in Montréal, QC, Canada.
22. Tom Dolan, Registered Nurse, Clinical Instructor. Lives in Canada.
23. William Fisher, B.S Computer Science, University of North Carolina at Asheville.
24. Athena Gliddon, Chief, Capital and Finance. Lives in California.

25. Nicholas Barnes, English Language Communication Systems Specialist at Private English Tutorials. Lives in UK.

26. Steven French, Owner at Steven French Languages. Lives in Harpenden, Hertfordshire, England.

Приложение 2. Список фонетических обозначений

Для передачи звуковых соответствий фонетических единиц датского, шведского, норвежского и английского языков в работе используется традиционная система транскрипции – транскрипционные знаки Международного фонетического союза (International Phonetic Association) и Международный фонетический алфавит (International Phonetic Alphabet). Особенности звукотипов датского, шведского и норвежского языков отражены следующими условными символами:

- [y] закрытый переднего ряда лабиализованный гласный
- [ɥ:] закрытый продвинутый среднего ряда лабиализованный
- [Y] средне-закрытый переднего ряда лабиализованный
- [ɛ] средне-закрытый передний нелабиализованный гласный
- [ø] средне-закрытый передний лабиализованный гласный
- [œ] высокий средне-открытый передний лабиализованный гласный
- [ɛ̃] средне-открытый передний нелабиализованный гласный
- [æ:/æ] более открытый передний нелабиализованный
- [ɒ] низкий средне-открытый лабиализованный задний гласный
- [ʊ] неслоговой закрытый лабиовелярный глайд

- [ɤ] неслоговой открытый среднего ряда нелабиализованный глайд
- [b̥] билабиальный непридыхательный глухой взрывной согласный
- [b̥^h] билабиальный придыхательный оглушенный взрывной согласный
- [b̥[̄]] билабиальный непридыхательный частично звонкий взрывной
- [p^h] билабиальный придыхательный глухой взрывной согласный
- [^hp] билабиальный преаспирированный глухой взрывной
- [ɸ] лабиодентальный глухой фрикативный (щелевой) согласный
- [ɸ] лабиодентальный звонкий аппроксимант (плавный). Часто реализуется как лабиализованный гласный заднего ряда, верхнего подъема
- [d̥] альвеолярный непридыхательный глухой взрывной согласный
- [d̥] дентализованный альвеолярный непридыхательный звонкий взрывной согласный
- [d̥] преднебный какуминальный непридыхательный звонкий взрывной
- [d̥^s] альвеолярный аффрикатный оглушенный взрывной согласный
- [t^s] альвеолярный аффрикатный глухой взрывной согласный
- [t̥] дентализованный альвеолярный непридыхательный глухой взрывной
- [t̥] преднебный какуминальный непридыхательный глухой взрывной
- [^ht̥] зубной преаспирированный глухой взрывной
- [n] зубной носовой сонант
- [l̥/l̥^j] зубной латеральный сонант (плавный, палатализованный)
- [l̥] преднебный какуминальный латеральный сонант
- [j̥] небный нелатеральный фрикативный аппроксимант
- [ŋ] преднебный какуминальный носовой сонант
- [ɸ̥] альвеолярный нелатеральный аппроксимант (плавный).
- [ɸ̥] оглушенный дентальный звонкий щелевой согласный
- [ç] альвеоло-палатальный глухой свистящий фрикативный согласный
- [ç] глухой небный фрикативный
- [ç^j] палатализованный постальвеолярный щелевой согласный

- [dʃ] постальвеолярная глухая аффриката
- [dʒ] постальвеолярная оглушенная аффриката
- [tʃʲ] палатализованная постальвеолярная глухая аффриката
- [kʰ] велярный придыхательный глухой взрывной согласный
- [ᵏ] велярный преаспирированный глухой взрывной
- [ɡ] велярный непридыхательный оглушенный взрывной согласный
- [ɡʰ] велярный придыхательный оглушенный взрывной согласный
- [ɤ] увулярный (фрикативный или щелевой) нелатеральный сонант («картавое» нераскатистое [ɤ]).
- [ʔ] гортанная смычка (толчок)
- [ʔ̚] слабо различимый неидентифицируемый звук

Приложение 3. Датский материал

3.1. Сопоставление систем английских и датских фонем

К числу особенностей датской фонетики относятся: 1) толчок, 2) отсутствие долгих согласных и, отсюда, иные типы ударных слогов, 3) богатый вокализм, 4) глухость всех смычных. Существенно и то, что в результате некоторых фонетических процессов фонемный состав очень многих слов резко изменился [Берков 2006. С. 140, 144; Берков 1996, С. 128–131; Basbøll 2005, с. 40–65; Grønnum 1996, р. 6–15]. Возникший еще в древнедатский период толчок, по-датски *stød* [sdøð], представляет собой гортанную смычку, т.е. мгновенное смыкание голосовых связок, вследствие чего прерывается воздушная струя. Специфика датского толчка, однако, состоит в том, что он имеет место не перед гласным или дифтонгом, но после них, а также после согласных [n], [ŋ], [m], [l], [ʁ], [ð]. Примеры слов с толчком: *ny* [nyʹ] – новый, *høj* [hoiʹ] – высокий, *hus* [huʹs] – дом, *vinter* [venʹdæv] – зима, *sum* [somʹ] – сумма.

3.1.1. Артикуляционные характеристики датских фонем

Таблица 3.1.

Сопоставительная таблица английских и датских согласных

Английские		Датские	
Губные: билабиальные и лабиодентальные:			
p	билабиальный непридыхательный глухой взрывной		отсутствует
p ^h	билабиальный придыхательный глухой взрывной	p ^h	билабиальный придыхательный глухой взрывной
b	билабиальный		отсутствует

	непридыхательный звонкий взрывной		
	отсутствует	b̥	билабиальный непридыхательный глухой взрывной
m	билабиальный носовой сонант	m	билабиальный носовой сонант
f	лабиодентальный глухой фрикативный (щелевой)	f	лабиодентальный глухой фрикативный (щелевой)
v	лабиодентальный звонкий фрикативный	ʋ /v/	лабиодентальный звонкий аппроксимант (плавный)
Межзубные			
θ	межзубный глухой фрикативный (щелевой)		отсутствует
ð	межзубный звонкий фрикативный(щелевой)		отсутствует
Альвеолярные			
t	альвеолярный непридыхательный глухой взрывной		отсутствует
t ^h	альвеолярный придыхательный глухой взрывной		отсутствует
	отсутствует	t ^s	альвеолярный аффрикатный глухой взрывной
d	альвеолярный непридыхательный		отсутствует

	звонкий взрывной		
	отсутствует	ɗ	альвеолярный непридыхательный глухой взрывной
n	альвеолярный носовой сонант	n	альвеолярный носовой сонант
s	альвеолярный глухой сibilант фрикативный (щелевой)	s	альвеолярный глухой сibilант фрикативный (щелевой)
	альвеолярный звонкий сibilант фрикативный (щелевой)		отсутствует
	отсутствует	ɟ	альвеолярный нелатеральный аппроксимант (плавный)
l	альвеолярный латеральный сонант (плавный)	l	альвеолярный латеральный сонант (плавный, палатализованный)
ɭ /r/	альвеолярный нелатеральный сонант (плавный)		отсутствует
Палатальные (небные):			
альвеоло-палатальные (постальвеолярные) и небные			
ʃ	постальвеолярный глухой шипящий фрикативный		отсутствует
	отсутствует	ç /ʃ/	альвеоло-палатальный глухой свистящий

			фрикативный
ʒ	постальвеолярный звонкий шипящий фрикативный		отсутствует
tʃ	постальвеолярный глухой аффрикат		отсутствует
dʒ	постальвеолярный звонкий аффрикат		отсутствует
j	небный нелатеральный аппроксимант (плавный)	j	небный нелатеральный аппроксимант (плавный)
Велярные (задненебные)			
k	велярный непридыхательный глухой взрывной		отсутствует
k ^h	велярный придыхательный глухой взрывной	k ^h	велярный придыхательный глухой взрывной
g	велярный непридыхательный звонкий взрывной		отсутствует
	отсутствует	ğ	велярный непридыхательный глухой взрывной
ŋ	велярный носовой сонант	ŋ	велярный носовой сонант
w	велярный лабиализованный (огубленный) глайд /лабио-велярный глайд /	ʋ	закрытый лабио- велярный глайд

м	велярный лабиализованный глухой глайд		отсутствует
Увулярно-фарингальный			
	отсутствует	ʁ	увулярный (фрикативный или) нелатеральный сонант
Глоттальные (гортанные)			
h	гортанный глухой щелевой	h	гортанный глухой щелевой
	отсутствует	ʔ	гортанная смычка (толчок)

Корпус согласных фонем датского языка включает: [p], [t], [k], [b], [d], [g], [f], [v], [s], [ʃ], [ð], [h], [j], [m], [n], [ŋ], [l], [R]. Все смычные – глухие, таким образом, различия в парах [t] : [d] и т.д. заключаются в том, что первый звук имеет постаспирацию. [p], [t], [k] – это глухие придыхательные согласные: [p^h], [t^s], [k^h], а пары [p~b], [t~d] и [k~g] различаются только в начале слова или в начале ударного слога, в других случаях они произносятся одинаково. Например, *lappe* (заплата) = *labbe* «колени» – [ˈlab̥ə]; *værte* «хозяин» = *verden* «мир» – [ˈvæɹ̥d̥ən], *lække* «протекает» = *lægge* «класть» – [ˈlɛ̥ɡ̥ə].

Датское [r] не переднеязычный дрожащий звук, а увулярный щелевой сонант («картавое» нераскатистое [ʁ]). В конечном положении после безударной гласной артикулируется очень слабо и является фарингализованным [a].

Необходимо отметить наиболее очевидные различия в системах английских и датских согласных:

1) В датском языке отсутствует пара противопоставляемых по наличию/отсутствию голоса аффрикат: [tʃ - dʒ].

2) В датском языке отсутствует звонкий член пары противопоставляемых по наличию или отсутствию голоса фрикативных согласных фонем:

<i>Английские</i>	<i>Датские</i>
[s] – [z]	[s] – [-]
[ʃ] – [ʒ]	[ç /ʃʲ/] – [-]
[f] – [v]	[f] – [ʋ]

Фонема [ʋ] в датском языке лишь отчасти может рассматриваться как парная фонеме [f] ввиду наличия более одного различия:

[f] – глухой, лабиодентальный, фрикативный;

[ʋ] – звонкий, лабиодентальный, аппроксимант.

3) В датском языке имеются обе фонемы – аналоги английских фонем, но они являются аллофонами:

<i>Английские</i>	<i>Датские</i>
[p] – [b]	Перед ударением [p ^h] – [b̥], после ударения [b̥];
[t] – [d]	Перед ударением [t ^s] – [d̥], после ударения [d̥];
[k] – [g]	Перед ударением [k ^h] – [g̊], после ударения [g̊].

4) В отличие от английского датский сонант [l] характеризуется как палатальный. Действительно, в речи ряда информантов часть фонем [l] реализовалась как [lʲ] – палатализованный альвеолярный латеральный сонант. В настоящем исследовании данная замена не рассматривалась, поскольку палатализация не является смыслообразующим и смысловозначительным признаком в обоих языках.

5) В отличие от английского постальвеолярного глухого шипящего [ʃ], его датский аналог может быть альвеоло-палатальным щелевым согласным [ç] или палатализованным постальвеолярным щелевым согласным [ʃʲ].

6) Фонема [ɥ] представлена только в тех словах (американского английского), где сохранилась аспирация в начальной позиции, например, whether, wheat, why, when, поэтому [ɥ] часто рассматривается как консонантное сочетание [hw].

7) Английский альвеолярный нелатеральный сонант [r], который в американском произношении реализуется как ретрофлексный сонант [ɻ], имеет в датском аналог [ʁ] – увулярный фрикативный/нелатеральный сонант.

Таблица 3.2.

Сопоставительная таблица английских и датских монофтонгов

Английские		Датские	
Закрытые			
i:	закрытый переднего ряда нелабиализованный	i:	закрытый переднего ряда нелабиализованный
ɪ /ɪ/	закрытый среднего ряда нелабиализованный (второй элемент дифтонгов)		отсутствует
	отсутствует	u	закрытый переднего ряда лабиализованный
u:	закрытый заднего ряда лабиализованный	u	закрытый заднего ряда лабиализованный
Средне-закрытые			
	отсутствует	e	высокий средне- закрытый передний нелабиализованный
	отсутствует	ɛ	средне-закрытый передний

			нелабиализованный
ɪ	средне-закрытый средне-переднего ряда нелабиализованный		отсутствует
	отсутствует	ø	средне-закрытый передний лабиализованный
ʊ	средне-закрытый средне-заднего ряда лабиализованный		отсутствует
	отсутствует	o	высокий средне-закрытый заднего ряда лабиализованный
Среднего подъема			
ə	нейтральный среднего подъема среднего ряда	ə	нейтральный среднего подъема задне-среднего ряда
Средне-открытые			
ɛ	средне-открытый передний нелабиализованный	æ	средне-открытый передний нелабиализованный
æ	более открытый передний нелабиализованный		отсутствует
	отсутствует	œ	высокий средне-открытый передний лабиализованный
ɜ/ɝ	средне-открытый центральный нелабиализованный		отсутствует

	отсутствует	ɛ	средне-открытый передний нелабиализованный
ɔ	средне-открытый задний лабиализованный	ɔ	продвинутый высокий средне-открытый задний лабиализованный
ʌ	средне-открытый задний нелабиализованный	ʌ	слабо лабиализованный продвинутый опущенный средне- открытый задний
	отсутствует	ɒ	низкий средне- открытый лабиализованный задний
Открытые			
ɒ	открытый задний лабиализованный		отсутствует
ɑ	открытый передний нелабиализованный (первый элемент дифтонгов)	ɑ	высокий открытый передний неолабиализованныйг
ɑ	открытый задний нелабиализованный	ɑ	сдвинутый открытый задний нелабиализованный

Датский язык отличается богатым вокализмом: в нем 20 фонем-монофтонгов ([i:], [i], [y:], [y], [e:], [e], [ø:], [ø], [ɛ:], [ɛ],[œ:], [œ], [a:],

[a], [ɔ:], [ɔ],[o:], [o], [u:], [u]) и 11 (нисходящих) дифтонгов ([ai], [ɔi], [ui], [iu], [eu], [ɛu], [yu], [øu],[œu], [ɔu], [au]). Характерная черта датского вокализма – наличие фонематически противопоставленных друг другу открытых и закрытых *e*, *o*, *ø*, как кратких, так и долгих, ср. *le* [le'] «смеяться» и *læ* [lɛ'] «укрытие», *lind* [len'] «липа» и *lænd* [lɛn'] «поясница», *synd* [søn'] «грех» и *søn* [sœn] «сын», *ro* [ʁo'] «грести» и *rå* [ʁɔ'] «рея». Основные варианты фонем [a:] и [a] сильно продвинуты вперед. Другие варианты – перед или после [ʁ] – имеют более заднюю артикуляцию.

Для системы датских гласных показательное преобладание передней и задней артикуляции над средней, закрытой и открытой артикуляции – над средне-закрытой; наличие фонематически противопоставленных друг другу открытых и закрытых [e], [o], [ø], как кратких, так и долгих, продвинуто вперед фонем [a:] и [a].

Между системами английских и датских гласных имеются значительные расхождения. В датском отсутствуют:

1) средне-закрытый средне-переднего ряда нелабиализованный [ɪ], средне-закрытый средне-заднего ряда лабиализованный [ʊ] и второй элемент дифтонгов, закрытый среднего ряда нелабиализованный [ɪ];

2) открытый передний нелабиализованный [æ], средне-открытый центральный нелабиализованный [ɜ/ɝ], открытый задний лабиализованный [ɒ].

В английском отсутствуют:

1) закрытый переднего ряда лабиализованный [y];

2) высокий средне-закрытый передний нелабиализованный [e], средне-закрытый передний нелабиализованный [ɛ], средне-закрытый передний лабиализованный [ø], высокий средне-закрытый заднего ряда лабиализованный [o];

3) высокий средне-открытый передний лабиализованный [œ], средне-открытый передний нелабиализованный [ɛ], низкий средне-открытый лабиализованный задний [ɒ].

3.1.2. Расхождения в артикуляции английских и датских фонем (по результатам оценки аудиторов, преподавателей английского языка)

Таблица 3.3.

Отклонения в реализации информантами согласных (по результатам оценки аудиторов, преподавателей английского языка)

Английские фонемы	Датские фонемы	Реализация информантов		
		В начале слова	В середине слова	В конце слова
Губные: билабиальные и лабиодентальные:				
p	Слабый (p)	'(p)ɹɔbləm (p)leɪs	'gʁɑ:s, hɔ(p)ə	di:(p)ʔ 'stu:d_ʌ(p)ʔ
p ^h	p ^h	'p ^h ə:fɪktlɪ 'p ^h .ɪesənʔt	ə'p ^h ɪəð 'sʌp ^h ələs	
b	Слабый (b)	(b)edð (b)ʌt		
b	b̥	b̥eɐ b̥ɪ'fɔ:	'kʌmftb̥l 'hʌsb̥endð	
m	m	maɪ'self	kʌmɪŋ	sʌm
f	f	fə'levə 'fæməlɪ	li:fs lɑ:ft	maɪ'self laɪf
v	v /v̥/f	v̥en v̥ɔsntʔ v̥ɔ:m	lɪv̥ð	hæf_ɛnɪ əf

Межзубные				
θ	θ/слабый (θ)	θɪŋk	welθɪ	tɹu:θ
ð	ð/ð/ð	ðeɪ ðə ðə ðæts	wɪznəʊ əfðə	'ʌndəʔk ^h ləʊs
Альвеолярные				
t	Слабый (t)	(t)ɪeɪn	'mɪs(t)ə 'dʒen(t)ɪs(t)	ge(t) æn(t)
t ^h	--			
t	t ^s	t ^s y 't ^s kævləs 't ^s yʊŋ	'wɪnt ^s ə	naɪt ^s 'hʌsbənt ^s 'praɪvɪdʒ
d	d/d ^ɹ		ɹedɪ	end ^ɹ
d	dʒ	dʒeɪ 'dʒentɪst	sɪ:dʒs 'stændɪŋ	rəʊdʒ təldʒ
n	n			sɪ:n
s	s	sry: sɪ:n	ɪk'saɪtɪŋ	
z	Слабый (z)/s		'hʌsbəndʒ ɪg ^h 'sækt ^ɹ lɪ	plɪ:s 'hevəns wɔs hɪs wɔ(z)
l	l	lɑ:st	k ^h oldə	fɔ:l
ɹ /r/	ɹ	'raɪdɪŋ 'ɹedɪ	θɹu:	
Палатальные (небные): альвеоло-палатальные (постальвеолярные) и небные				
ʃ	ç /ʃ ^j	ʃi: ʃɪʊd		'fu:lɪç

ʒ	--			
tʃ	tʃ/ʃʲ	'tʃɑ:mɪŋ		tʰʌtʃʲ ɪtʃʲ

Продовж. табл. 3.1

dʒ	dʒ	'dʒɛntlmən dʒʌst	'deɪndʒə ɪn'dʒɔɪəbəl	'mesɪdʒ 'ævəɪdʒ
j	j	jɛə	'ny:'jɔ:k 'bju:tɪfəl	

Велярные (задненебные)

k	k/k ^h	'k ^h ʌvəɔ̯	'bɪksbɪ ɪk'saɪtɪŋ	
k ^h	k ^h	k ^h ɛpt 'k ^h ə:nəls	wɔ:k ^h ɪŋ 'ʌndək ^h ləʊs	bæk ^h mɪŋk ^h
g	g	gɪv		
g	g̊	'g̊ɪɑ:s ,hɔpə g̊ɛs g̊ɛt	ə'g̊ɔʊ bɛg̊ɔ̯	bɪg̊
ŋ	ŋ		θɪŋk ^h 'sɪŋɪŋ	'dʒuəɪŋ
w	ʋ	wʌns ʊɔt	'fɛə'wel bɪt'k ^h i:n	
ʌ	--			

Увулярно-фарингальный

--	ɸ	ɸəʊɔ̯ ɸæn	'tɸævlə ɸ ^h ɪ'tendɪɔ̯ ə'ɸaʊndɔ̯	
----	---	--------------	--	--

Глоттальный (гортанный)

h	ɦ	ɦaʊ hə:	teɦk hə:	
---	---	---------	----------	--

		'hevəns		
--	--	---------	--	--

Консонантная система английского языка датско-английских билингвов состоит из 20 согласных: 7 сонантов [m], [n], [l], [j], [ŋ], [ʁ], [w]; 4 билабиальных и лабиодентальных [p^h], [b], [f], [v]; 3 альвеолярных [t^s], [d], [s]; 3 постальвеолярных и палатальных [ʃ] / [ʃ^j], [tʃ^j], [dʃ]; 2 велярных [k^h], [ɡ] и фарингального [h].

Сонорные

[m] – билабиальный, носовой, смычный сонант;

[n] – альвеолярный, носовой, смычный сонант;

[l] – альвеолярный, латеральный, щелевой, аппроксимант (плавный);

[j] – среднеязычный, небный, плоскощелевой, нелатеральный/ срединный аппроксимант (плавный);

[ŋ] – велярный носовой сонант;

[r] ([ʁ]) – английский альвеолярный, нелатеральный аппроксимант (плавный). Во многих реализациях имеет место трансферационная замена датским увулярным (фрикативным или) нелатеральным аппроксимантом [ʁ].

[w] – губной срединный сонант вокализуется в лабиализованный гласный заднего ряда, верхнего подъема > [u] или же имеет место трансферационная замена датским билабиальным полувонким [v].

Губные: билабиальные и лабиодентальные:

[p] – билабиальный, непридыхательный, глухой слабый взрывной, в конечной позиции всегда сопровождается датским толчком;

[p^h] – билабиальный, придыхательный, глухой взрывной;

[b] – датский билабиальный, непридыхательный, глухой взрывной заменяет

[b] – английский билабиальный, непридыхательный, звонкий взрывной;

[f] – лабиодентальный, глухой фрикативный (плоскощелевой);

[v] – лабиодентальный звонкий фрикативный в начальной и средней позиции заменяется лабиодентальным полувзвонким аппроксимантом (плавным) [ʋ] или вокализуется > [ʊ], а в конечной позиции имеет место обязательное оглушение > [f].

Межзубные – глухой фрикативный [θ] и звонкий фрикативный [ð] под влиянием датского языка, где они отсутствуют, ослабляются и утрачивают межзубный характер: [θ], оставаясь глухим фрикативным, приобретает апекально-дентальную артикуляцию в таких словах, как *think*, *wealthy*, *truth*, а иногда даже подменяется [f] или [s];

[ð] – датский альвеолярный нелатеральный аппроксимант (плавный) утрачивает голос, часто переходит в [d̥] – [d̥eɪ] – *they*; ассимилируется – [wɪsnəʊ] – *with snow* или редуцируется – [ˈlʌndək^hləʊs] – *underclothes*.

Альвеолярные

[t] – ослабленный альвеолярный непридыхательный, глухой взрывной;

[t^s] – альвеолярный, аффрикатный, глухой, взрывной, переходящий в бифонемное образование [ts];

[d] – альвеолярный, непридыхательный, глухой взрывной;

[s] – альвеолярный, глухой, круглощелевой, однофокусный сибилант;

Палатальные (небные): альвеоло-палатальные (постальвеолярные) и небные

[ç] / [ʃ^j] – датский альвеоло-палатальный, глухой, свистящий фрикативный в отличие от английского [ʃ] – постальвеолярного, глухого, шипящего фрикативного;

[tʃ^j] – постальвеолярный, глухой аффрикат, переходящий в бифонемное образование;

[dʒ] – постальвеолярный, полувзвонкий аффрикат, переходящий в бифонемное образование.

Велярные (задненебные)

[k^h] – велярный, придыхательный, глухой взрывной;

[g] – велярный, непридыхательный, звонкий взрывной.

Глоттальные (гортанные)

[h] – фарингальный, плоскощелевой, глухой спирант, часто ослабляется > [ʰ] – нулевую фонему.

Таблица 3.4.

Отклонения реализации информантами гласных

Английские		Реализация информантов	
Закрытые			
ii:	закрытый переднего ряда нелабиализованный	ii:	закрытый переднего ряда нелабиализованный si: hi: si:ds
	<i>средне-закрытый средне-переднего ряда</i> нелабиализованный		<i>закрытый переднего ряда</i> нелабиализованный 'wɪspəd hɪd ɪg
u:	закрытый заднего ряда лабиализованный		закрытый <i>переднего ряда</i> лабиализованный 'tʰuɪŋ hy: sy:n закрытый заднего ряда лабиализованный fu:lɪʃ θɹu: tɹu:
ʊ	<i>средне-закрытый средне-заднего ряда</i> лабиализованный		<i>закрытый заднего ряда</i> лабиализованный kudntʰ kud wud lʊk
	средне-открытый передний нелабиализованный		<i>высокий средне-закрытый</i> передний нелабиализованный tə'geðə sed fə'levə
	нейтральный среднего		нейтральный среднего подъема

	подъема <i>среднего ряда</i>		<i>задне-среднего ряда</i>
	<i>средне-открытый</i> передний нелабиализованный		<i>средне-закрытый</i> передний нелабиализованный ə'gen held fə'levə ven es
	<i>более открытый</i> передний нелабиализованный		<i>средне-открытый</i> передний нелабиализованный tʰævlə væn stændɪŋ
ʒ/з	средне-открытый <i>центральный</i> нелабиализованный		средне-открытый <i>передний</i> нелабиализованный wə: p ^h ə:fɪktlɪ fə:st k ^h œnəl hə:
	средне-открытый задний лабиализованный		<i>продвинутый высокий</i> средне- открытый задний лабиализованный wɔ:k ^h ɪŋ ʱɪ'fə: wɔ: m mɔ:dʒ ə:l
	средне-открытый задний <i>нелабиализованный</i>		<i>слабо лабиализованный</i> <i>продвинутый опущенный</i> средне- открытый задний wʌn tʌtʃ ʌðə sʌmə
Открытые			
	<i>открытый</i> задний лабиализованный		<i>высокий средне-закрытый</i> заднего ряда лабиализованный ɔn ʱɔdʒɪ wɔz ʱɔks
	открытый передний нелабиализованный (первый формант дифтонгов)		<i>высокий</i> открытый передний нелабиализованный
	открытый задний нелабиализованный		<i>сдвинутый вперед</i> открытый задний нелабиализованный ɡlɑ:s ,hɒrə a:nt lɑ:dʒ 'kɑ:dʒɔ:dʒ

Система вокализма английского языка датско-английских билингвов состоит из 14 звукотипов-монофтонгов, 10 дифтонгов и 1 трифтонга.

Монофтонги:

[i:] – долгий, закрытый, переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный.

[i] – короткий, средне-закрытый, средне-переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный (трансференция английского короткого [i], который становится несколько более закрытым и передним, чем английский).

[u:] – долгий, закрытый заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный.

[y:] – долгий, закрытый переднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный (трансференция датского [y:]).

[u] – короткий, закрытый, заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный (несколько более закрытый и несколько более отодвинутый назад, чем средне-закрытый, средне-заднего ряда английский [ʊ]).

[e] – короткий, средне-закрытый, переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный (трансференция датского короткого [e], который отличается от английского [e] несколько более высоким подъемом).

[ɛ] – короткий, средне-закрытый, переднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный.

[æ] – средне-открытый, переднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный (несколько менее открытый, чем английский [æ]).

[ɜ:] – долгий, средне-открытый, переднего ряда, центральный, нелабиализованный (трансференция датского средне-открытого, переднего, нелабиализованного [ɛ], который более сдвинут к центру).

[ə] – нейтральный, среднего подъема, среднего ряда (сдвинутый назад в результате трансферации датской артикуляции нейтрального гласного).

[ɔ:] – долгий, средне-открытый, заднего ряда, высокого подъема, лабиализованный (несколько продвинутый вперед по сравнению с английским [ɔ:]).

[ʌ] – короткий, средне-открытый, заднего ряда, среднего подъема, слабо лабиализованный (отличается от английского [ʌ] некоторой продвинутой вперед, низкой позицией среднего подъема и небольшой лабиализованностью).

[ɒ] – короткий, средне-закрытый, заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный (отличается от английского [ɒ] несколько более закрытым характером).

[ɑ:] – долгий, открытый, заднего ряда, низкого подъема, нелабиализованный (несколько сдвинутый вперед по сравнению с английским [ɑ:]).

Дифтонги:

[aʊ] в таких словах, как: *down, around, sound, amount*;

[ɔʊ] в таких словах, как: *ago, stone, know*, и его позиционно необусловленный вариант с первым сдвинутым вперед нейтральным элементом [əʊ] в таких словах, как: *road, so, coast*;

[eɪ] в таких словах, как: *came, say, faint, station*;

[aɪ] в таких словах, как: *replied, sign, lie*;

[ɔɪ] в таких словах, как: *boy, avoid*;

[ɪə] в таких словах, как: *really, dear, appeared, near*;

[ɛə] и его позиционно необусловленный вариант со вторым сдвинутым назад датским нейтральным элементом [ɛʌ] в таких словах, как: *year, there, where, dared*;

[uə] в таких словах, как: *during, pure*.

Зафиксирован один четко произносимый трифтонг [ɔiə] в таких словах, как: *loyal, enjoyable*. Английские трифтонги либо монофтонгизируются: [aʊə] > [a:] и [aiə] > [a:], либо дифтонгизируются, теряя средний элемент: [aʊə] > [aə] и [aiə] > [aə].

3.2. Образцы текстов интервью с датскими информантами

Интервью с 23 студентами и выпускниками Южно-датского университета в г. Оденсе, проведенные в июне-июле 2014 г. и в июне-июле 2015 г. Возраст респондентов – от 20 до 30 лет.

Информант 1. Well, my name is Max and I am twenty-one years of age. I am a full-time student but I've only been so in half a year, since ... eh... since summer... eh I've only studied in the university at the university for about this ... this semester... a half year. Eh.... Before that I went to a gymnasium where also had English as well. Eh I specialize only in English, since this is my first semester. So I hadn't really specialized further yet. I am born in Odense, this city, so I am a native ...from here, eh at the hospital and eh.... I am a Dane all the way through. My parents are Danes and actually they are from Odense too. So, we've just been here since forever, really.

Ehm. If I should say a bit about my family status and a welfare, I'd say it's about... it's about medium, I'd say... eh. My parents are divorced and my father has a rarely... relatively high income and my mother... relatively low income, so I say it, it, it would be somewhere in between medium, I would say.

Language spoken at home... Well...Danish and nothing else, really. My father, he is a translator ...so he, he eh hmm he speaks English at times but mostly, mostly Danish.

Ehm... Other foreign languages... well, I've had, I've had in the gymnasium, we have German, and Spanish as well, eh, and then in public schools we have German, so I am quite familiar with German... eh and a bit familiar with Spanish.

Eh.. I didn't really go that far in Spanish, could have gone a bit further but chose ah to work on in English instead.

Ehm.. Time spent in English-speaking countries and which ones: I say, well most vacations we speak English because when we go to, well pretty much anywhere in the world we speak English and even when we go to Germany and they are not too pleased about that. Ehm, but I've been in England a couple of times ...eh.... mostly in, mostly in, mostly in ... eh Manchester, watching football, which is a big hobby of mine, and it's been quite interesting because ...they... their, their level of speaking and their, their accents are quite different from what we are used to, and I think it's quite interesting working with both Scottish language and Northern English language even though I'm not that good at it really. So I don't try to throw myself into that, just yet.

Time spent watching English language TV/films per day, and / or per week. Well, I'd say that eh English TV versus Danish TV is about fifty-fifty and I think... I think we, as Danes, in general, watch a lot of English TV because, for instance, comedy shows, and the talk-shows, and the films and so on they just 've got subtitles, they are not translated, ...as ... they are not synchronized as for instance in Germany they are synchronized, even if they have a Bruce Willis movie he speaks German, I don't know what it's like in Russia, but, but that's what they do here. They only use subtitles, so we hear a lot of, we hear a lot of English language on, on, on TV.

How much? If I, if I should... as I said, I think fifty-fifty. If I should guess, perhaps I watch in... I don't know how much I watch about two – three hours a day... if you use, if you take, if you take a medium from it, ehmm, because in the week-ends I watch a bit more than in weekdays, so I'd probably say one hour a day eh, one hour an a day, something like that, somewhere in between there. If I should mention three English programmes I like to watch It's a bit tougher but I do like some of the sitcoms "Friends" and so on... they are in English as well here. I think they are quite funny. And it's not that I set my watch after them, but eh... but I like watching them ... ehm.... So... yeah, they, they are ok.

Well, I communicate via internet, e-mail or such ...eh... I do in English. I use it quite a lot but not so much in English. But when I do, I usually write questions in different forums on the Internet such as music forums or, or computer games. If you have questions you can usually go in on internet, find a forum and ask someone something. They usually know ... the questions, the answers to your questions, so. That is always a fairly good idea, but I wouldn't say that I use in a general base... on a general basis, really, so...

Информант 2. My name is Karl, I'm, I'm twenty five years old. I am a full-time student here at the Southern University of Denmark. Eh, it's my first year as a student here eh ... and I don't know about specialization yet.

Ehm I come from southern Fyn a town called Svendborg eh...and I am Danish. Eh... I have a mother and a father and a sister but my parents were divorced when I was four so I have been living with my dad and that have meant that we haven't had a lot of money. A single parent and all.

I can make myself understood in German... and I understand Norwegian and Swedish, to some level, can't speak it though. And I have been taught two years of Spanish so I understand a little Spanish as well. And I thinking of taking Spanish as a third year course. I'm not sure yet, though.

Eh. I spent a year in Ghana which isn't an English speaking country as they use it as a business language. Then I've spent a month in New Zealand and, yeah, a couple of weeks in England, living with a an English family in Anglia.

I use about two hours watching TV mostly, not so many films, eh.. per day hm and I watch a lot of different English Language programs but my favourite ones are "Shameless" eh...eh. "Daily show" and eh... yeah, I don't know. They are so many.

I sometimes write with eh some Australians I know via e-mail..eh.. yeah .. and Americans, and Irish, Scottish, British and I communicate with over ICQ or, maybe MSN. S ... and Skype I have used a few times for communicating in English with people from different countries.

Информант 3. OK. Ehm. I'm Gustav, twenty two years old. I am a full-time student eh in English.

And I was born in the southern part of Denmark and I am Danish.

Ahmm, my family's welfare status, I would say it's, it's medium.

We speak Danish at home, ehm.

I can speak English, Danish, German and Spanish, ahm, yeah, hmmm

Eh, yeah... I have been to.. I have been to England, a couple of times, the United States, Australia and quite a lot of other countries where English is spoken very well but it's not the official language. For the official language... oh.. how long.... Ahm , sorry. Eh I've been to England for a month and eh.... Later on just for holiday, fourteen days or so. And then I've been to the United States for also a month and Australia for one and half month – two months Yeah, a ...yeah.

I don't really know how much time I'm spending on watching TV-shows in English, but I would say, I don't know, maybe an hour per day, oh.... Yeah... I don't know. But ehm. A lot of the movies that I see is in English and ehm... yeah, TV series as "Friends" and what is it called?.. "Desperate Housewives" and all... and yeah. Beverly Hills, ehm... but yeah, mostly.... mostly the movies.

Ok. Thank you. If I communicating via internet, e-mail... yes I do, I, I'm using my e-mail too quite a bit and I have English and American friends... who ... who I am writing with so yeah, yes.

Информант 4. Am I supposed to say something? I'm Lucija.

My age is twenty. My student status is, I suppose full-time, though I only have like ten hours a week.

Year of studies, this is my first year. Specialization: English

Birthplace: Ærøskøbing

Ethnicity: Well, I'm ... white, I suppose Danish.

Family's welfare status: medium. I'd like it higher.

Language spoken at home: Danish

Other foreign languages: not really.

Time spent in English-speaking countries and which one: hmm. None. I traveled about Europe and my impression is that English is useful in Germany, Finland, Holland, but not in Italy, Spain, and not at all in France. Time spent watching English language TV/films per day and / or per week: that's a.. that's a tough one. Around, I don't know, four – five hours a day and whatever that is a week perhaps a bit more on weekends.

Which three English language TV programmes/ shows do you watch the most? Uh... programmes? I like Twenty Four and what it called... I'm watching Rome right now and... eh... are there others? There must be. Well... we will get back to that one.

Do you communicate via internet, e-mail, ICQ, Skype? eh? No, not really, well, perhaps with the other English students and a bit over IRC.

In your everyday life, do you often get to talk in English? Well, yeah, actually I do have a bad habit of spontaneously switching to English when I'm talking Danish, so I suppose, yeah.

Информант 5. So I just start like how? I'm twenty-two years of age and I am a full-time student, and this is my actually it's first year but I studied before so it's it would be like second. Eh. I... I.. I'm not sure what my specialization is gonna be but.. I was thinking maybe anthropology or some.

And my birthplace is in Belgrade, so I am from Serbia.

I've been in Denmark since I was seven years old.

And my family's welfare status is medium to medium-high.

And at home we speak Serbian mostly but also a little bit Danish.

Eh...Some of the other foreign languages I speak is, of course, Serbian and eh Spanish and a little bit of French, and yeah.

I've lived in Sheffield in England for approximately half a year and I have been there couple of time since eh.

I spend a little bit of time watching TV, films and eh shows, and eh I don't know.... like about a hour, an hour and a half a day.

Three favourite English TV programmes. I only watch English TV programmes but I like ...eh... like, comedy series like, I don't know,... "Simpsons". I like that and "Friends" and I like to watch "Sixteen Minutes" as well, quite interesting... And I communicate via internet with my friends from England and France and mostly in English. So, it's like MSN, or e-mail, or on MySpace dot com or some like that.

Информант 6. Hello, my name is Denis. I'm twenty one years old. I am a full-time stu.. eh.. student here at the University of Southern Denmark. And this my first year here hmm.

I think I'm taking English as my major and I am going to take sports as my minor. eh... I have absolutely no idea what I'm going to use them for afterwards but It's... it's just my interests, so that's why I... I've taken this.

Eh, I was born in Kolding, which is a town about sixty five kilometres from here, in Jutland. Eh... I am fourth, the quarter or a fourth from Greenland. My grandfather was from Greenland, so that's why I have black, black hair. But otherwise I'm purely Danish so. Eh

My family's welfare status: I think, it's medium, yeah, I would... what is their income per year? About... about five hundred thousand, I think, approximately, but I.... I don't know. I think it's about that.

We speak Danish at home. We have no other countries. I'm the only one going to have... that has been going to university at our, in our home, so...so... no other words.... no other... other languages.... other Danish.

Eh... What I, I've have been traveling in England and I've been to Australia. I've been in England two or three times, and then I was in Australia for three month ehmm... and...yeah. I enjoyed it very much. I want to go to... to New Zealand later on and see the ...the nature down there.

How much time I spend watching English television. I think I see English television for approximately one to two hours a day. So that makes about fourteen hours per week or something like that. But if I want to see a movie or something

like that, of course it's going to be more so. . . but otherwise, just about watching TV it's about one to two hours every day.

Oh ... three English ... English language TV programmes..... Well, I like watching "Top gear" which is a ... a car programme on TV3, an English car programme. And I watch "Will and Grace", because that's what my girlfriend watches and I am ... with her so and the same thing with "Desperate Housewives", but I like "Desperate Housewives". It's very funny, but it's not always what I want to see, I want to see football or something like that.

Eh... And I communicate via internet, I am using e-mail, ICQ, I use Skype as well ... in... in English. I used to Skype to talk with some of the people that I met both in England and Australia, so. Yeah, I think that was it.

Информант 7. OK. My name is Daniel. I am twenty two years old

I study pretty much full-time here. I don't have a part-time job or anything. □ □

This is my first year... and I haven't figured up my specialization yet. Probably some business... English, international business studies.

I was born in Brøndby suburb to Copenhagen. And ... I'm white and Danish...eth ethnicity.

Eh my family status is medium-high income ...ehmm, well, it's a high income but, we have four children so, it evens out.

And the spoken language at home is primarily Danish, although my brothers and I tend to switch over to English at any given point.

Eh-mm... other than English I speak a bit of Spanish, and a bit of Deutch*, a bit of French and to some degree some Latin.

Ehmm. I haven't really been in English-speaking countries. I've been to countries where I've spoken English but none, none... like England or so.

Ah... I tend to watch an awful lot of films and TV, ehm especially English films and TV and it probably comes to about w... one or two movies a day , its also about four hours five hours, perhaps.

I'll..I some, wrrr ah. Which three English language TV programmes do you watch? Well, CNN and BBC and Discovery are quite good and .. eh I have a bit over fifteen English Channels at home and I watch them quite a lot.

Humm, I... I communicate over the internet, ehm ... not a .., with a program similar to Skype. Eh... I play a lot of online games ... we have a program called Team-speak, so we talk to each other instead of typing all the time it makes it a whole lot easier. And ehn. that that's about all I get to talk English in my ordinary day. I have a lot of English friends and Scottish friends who I've never met but talk to quite a lot.

Информант 8. I am twenty five. Yes, I am. Yeah. Logopædi*. It's my first year, first semester and. In Horsens, in Jutland. Oh I'm Danish. I think my family's income is medium. And we speak Danes at home. My mother is from Norway but we don't speak that*.

Only on short holidays a week or something like that in English-speaking countries.

I watch maybe an hour a day English speaking TV. And what programmes I watch most. I think, well a show called "Fresh-up", for example... but not... nothing in particular. "Desperate Housewives" and "Prison Break".

Not nothing like, eh not ...I don't communicate in English. I communicate with students in school, but it's in Danish. So I don't speak English that much.

Информант 9. OK. I'm eh... twenty six years old. Eh... I guess I'll be a fulltime student, PhD student. Eh... Year of studies...1999 I guess, I started and specialization that's in molecular genetics.

Birthplace: Demark. Or do you need a specific city? – eh, that would be Kolding*, and of course Danish nationality.

Family welfare status: high income. Language spoken at home: that's Danish.

Eh... Other foreign lang ... spoken at home? or?... I speak English... eh .. German. Time spent in English countries: Spent one year in Australia and I think half a year in UK. Watching English language television / films per day: I don't know. one? two hours perhaps.

Eh... TV programmes you watch most. Eh... British comedy shows. And... yes, of course I communicate via e-mail and Skype in English as well, yeah...

Информант 10. I just start? Ok. My age is twenty three and I am a full-time student. And I just began my third year. Ehm... I am studying language and economics. And I am born here in Odense, Denmark.

I don't know is it Danish ethnicity or something?

Oh I guess my family' welfare status would be medium.

And my language is Danish. Eh, I also speak German and English and of course I understand the other Scandinavian countries. I have been in English speaking countries for I guess two and a half month all-and-all, mainly America....

Ehm... and I watch a lot of English television but does it include when it's texted in Denmark? No. ok.. I guess, it would be.... I don't watch that much television at all. I guess an hour a week or something.

Ehm. And I don't really have any favorite. I watch Animal Planet a lot but, but... no specific programs. And I do rarely communicate eh in English via e-mail or Skype or something ... because I don't really have anyone to write at the moment. But I have done it sometimes.

Информант 11. So it's just start? My age is eh.. twenty six. I am working here as a secretary. I am working with Master students, coming and studying in weekends.

I was born here. I... I live alone with my daughter. Well, I think I'm in the medium welfare status. We speak Danish at home and no other languages.

Well, I've been in UK, I've been in France, in Holland oh... Italy. Well... yeah. I think that's it.

English language TV? Well, I think, perhaps two or three times a week. Well, yeah.. I don't see any special ones, I don't follow any special ones. It's just what, what comes up.

And I communicate via internet, yes, e-mail, yes, a lot... and I Skype as well.

Eh... I've been working with foreign students, internation students in northern, in northern part of Denmark for many years, so... at that time I talked English every

day, because it was English students coming from all over the world and now I just moved here and hmm... it's not so much any more because this is Danish students. So that's it.

Информант 12. Eh I am twenty four, well I'm twenty five, I am a student on full time. Eh. I have studied in... this is my six year. Eh and I am studying something called *Cand.merc.aud.¹ - It's accounting.

Ehm. Birth place:... eh, it's Denmark, Fyn*.

Eh (*Asks his friend what N 6 means in Danish. The friend suggests "Isn't it religion?" What is it? Let me see... I don't know*) No. My family's welfare status: I would say it's between medium and high income.

Eh. Language spoken at home... I only speak Danish.

Eh.. I only speak English or German.. eh.. if I meet persons like you or as what have taught in school. I have never been on an English-speaking countries, for a longer time, it's most on holidays and so on.

Eh. Time spent watching English language I would say.. say maximum eh two to four hours per week. Eh ... and programmes I see? Eh. It can be Discovery Channel. Eh, eh [*speaks Danish*] CNN It's mostly that. Ehm. I do communicate via internet, e-mail but ... eh... not in English. So... eh. I only speak English it's very seldom I do it. I normally speak Danish.

Информант 13. OK. My age is twenty six years old. I am a full-time student. Eh, this is fifth year of my studies so...oh? can you get it?... so I am almost done here.

My specialization is called *Cand.merc.aud. accounting.

Ehm, and my birthplace is Kolding here in Denmark. Eh...and I am Danish.

Yes, and my family's welfare is probably high.

¹ En **kandidat**, *candidatus* (men) or *candidata* (women), is a university degree in Scandinavian countries. It corresponds to Master's degree.

cand.merc.aud. - *candidatus/candidata mercaturæ et auditoris* - Kandidat in revision - corresponds to Master of accounting

Ehm... and language spoken at home... eh... we speak Danish but I can also speak English and little bit of German. Ehm, and my mom speaks French also... Yeah, that was the second point.

Eh. Time spent in English-speaking countries and which ones. I spent one year in the United States as an exchange student and well else only on vacation I've visit the States with my parents.

Eh yeh ... we stayed there for about a month...end then I've been to England but only for week. ehm. Yes.

Time spent watching English language TV, films... ehm? Per week^h? Well, per day it's probably about two hours, maybe more. I watch a lot of TV per week probably about fourteen hours then.... Ahm...ehm.

I like to watch, well it's American, of course, "Friends", eh, "Beverly Hills" when I get home, ehm.. and also, I also like to watch Animal Planet, Discovery, ehm.. "Will and Grace", whatever... all sitcoms pretty much.

Yes, I do communicate via internet and e-mail. I still write to some of my friends in the States, ehm... but not very often.

In your everyday life, do you often get to talk in English? Ehm... No, I don't. I work at a Bilka and sometimes when we have an English customer, I speak English, but else. I don't use it very much.

Информант 14. I am twenty six years old. And I am a fulltime student.

But I work also. I have to work also with autistic people. I've been studying for seven years and right now I'm finishing my degree at Psychology in Arhus. Eh. I'm born in Horsens and I'm from Denmark. Eh. My family's welfare status is medium... medium income.

I speak Danish, English and German and no other foreign languages.

Eh. I've been ... two month in Australia and two month in the United States... and few weeks in England.

Eh. I watch MTV, I think that ... yes CNN, BBC, that's the three most common English channels I watch

Eh-mm. I'm communicating on the internet in English on the Messenger and e-mail with my friends in Australia and England. And... yeah, I think I speak it once or twice a week English because I speak with my friends in Australia and England once a week, twice a week. Yeah, that's it.

Информант 15. I am 20 years old. I am a fulltime student. I a first year student and I want to study bio-medicines.

And I am born in Hillerød, in Denmark. And my family is medium-rich.

And we speak Danish and then I speak English and Italian and a bit German and French.

I have been a week in England. And maybe I watch English TV an hour per day I think. And I watch mostly like soap-opera things and I don't know which one stuff. And I... early I've written emails in English but I don't any more.

I don't speak English that often, that's it.

Информант 16. Yeah. Age would be twenty two. I am fulltime student. I've been studying for almost 4 year nows. I'm doing master's degree in business economics and corporate law.

I was born in Denmark, right here in Odense. Ethnicity is purely Danish.

Family's welfare would be medium. And we speak Danish at home.

Beside Danish I speak German, Swedish, Norwegian, English, of course... a bit of Turkish and some Japanese.

Hm Time spent in English-speaking countries is ... more or less nonexistent.

Time spent watching English language TV per day would be around four hours and it goes the same for the weekend that would make about twenty eight... between twenty eight and thirty hours per week.

Favourite TV programs in English would be ... hm... "King of Queens", "It's All Relative", and ... I actually think it must be "Game of Ants". □

Do you communicate via internet, e-mail, Skype in English? Yes, I do. Quite a lot, actually... and I get to talk English around three hours per day

Информант 17. Right, so. I'm twenty six years old. I'm a full-time student

And I've been studying for what? six years. Eh... and... I... my... I'm currently writing my thesis on Old English strong verbs.

I am... was born Is it a country or a town? Or? I was born in, Nykøbing Falster, Denmark. I'm Danish.

My family's welfare status, well, I suppose that's high income.

We speak Danish at home. I speak, beside Danish, I speak English, some German, some French, eh, yeah.

I've been on holiday in England for a couple of weeks at a time time, but I haven't been staying there for longer time.

Eh.. I usually spend well, what? one two hours a day, maybe, watching English language television. Eh... three programmes I watch the most? I don't know about that. Hm ... well.. No.

Do I communicate on English via internet and so on? A bit, sometimes. Ehm and yes, I often speak English in my everyday life, I speak English in connection with my studies since I study English so.

Информант 18. Well, I'm eh twenty-five. My stu... I'm full-time student. And-eh I'm in my fourth year. And my specialization is International Management.

Eh, I'm born in Denmark. And I'm Danish.

And eh welfare status is, is medium, I don't know where, it's probably medium.

Eh. We speak Danish in my home. Eh... I only speak English in my... my studies, actually, not home.

Eh-m. Vacational... I've been in England and.... English-speaking countries... as I think it's just England. I've been where they speak English.

Ehm...well I, a lot of the movies that I watch are English, I don't know... per day... an hour or two or something. Ehmm... Programmes, English programmes.

Ehm, I'm watching English football and ... I don't really watch a lot of talk shows and stuff, so, I don't know if I can mention three specific.

Internet, e-mail, actually all of them. I communicate in English because my studies are in English, so. We have eh... it's very international. There a lot of

other nationalities also in my group as well so we have to speak English. Eh-mm. So I actually speak it almost every day, except the vacations.

Информант 19. I am eh twenty two years old. I'm a part-time student here at SDU. I begun studying in hm two thousand and three but I've been off due to a maternity leave and now I started again and I'm about ,... I finished about one year of studying. Ehm. I don't really know what my specialization is going to be yet.

I was born on Zealand in Holbæk*, and both my parents are, I guess, completely Danish.

Eh-mm. My family's welfare status is ... I guess medium, quite normal.

We speak Danish at home. Well, my parents do, except on Tuesdays where they speak Spanish mostly to teach my baby-sister. We spent six years in South America and they want her to ... to keep up the Spanish. Ehhh... I haven't really spent time in English-speaking countries except from just touring... but not... not longer periods.

Eh... and I don't watch a lot of English television, probably a movie a week.... Always without subtitles.... Mostly because we download the movies from the internet and ... they come without subtitles...

Ehm. I communicate via internet and e-mail and I don't use ICQ and Skype. I write in Messenger, MSN Messenger, in English a lot. Eh. And I'd say that I do use English in my everyday life.

Информант 20. Ok. I'm twenty six years old and I am student at fulltime at the university and I've studied four and a half years.

And my sp.. Cultures studies is my main studies.

And my birthplace is Ringkøbing in Jutland. And I am Danish.

Ehm. My family's welfare status is like medium.

And at home we speak German and English. My father is German. And other foreign language I speak is like little Spanish and English. That's all.

I think in total I spent like half years in English speaking countries, like England, most.... and a little at the United States.

And I don't see a lot of TV maybe like an hour a week and I can't answer you which three English language TV programmes I watch because I don't have any favourite. And I communicate a little in English via e-mail because I have some friends from around the world.... I have met when I was travelling. And in my everyday life I don't speak a lot of English but I read a lot of it.

Информант 21. OK. I'm twenty one. And I'm a student at full-time.

It's been my third year at the university and ... my specialization is law. My birthplace is Denmark. And my parents come from Iran. And ehm... my family's welfare status... it's medium, I think.... Yeah, it is.

And the language we speak at home is Iranian and hm Danish, and besides that I speak English, of course... and a little bit German and a little bit Arabic, and Danish, of course, and my own language...

I've been in London about three times each time ten days.

Eh-hm. And I watch a lot of TV, all English... soaps movies, documentaries, everything...eh. I would say about three hours a day or something... ehm. And I watch a lot of Discovery and TV3, it's all.... Ninety percent of it it's English eh Television.

And I communicate by e-mail in English, I think... Ehm and I speak a little English every day because I have a friend who is an exchange student so... I can not talk to her... Eh. That's about it.

Информант 22. I am twenty-five years old and I'm not a student. But I, I am a Master in History and Sociology and Sociology from Copenhagen University and ... so. I've been studying for five years ehm. I am a teacher...at. What is that called in English? Ehm. Teacher training college, I think, yeah. Where I'm teaching history and a subject called "School and Society".

I am born in Hillerød north Zealand... North of Copenhagen, and I am Danish. My parents are Danish.

And my family's welfare status is... well my parents that will be high income.... But I don't know if ...it's my own family. My husband is low income...ehm but I am high income myself, I guess. And we are speak in Danish at home.

Ehm. Other foreign languages: I speak Spanish and French... but not... not fluently.

Eh. I've spent hm. English speaking countries, I've been to the States... for. Hm. Half a year...I think in total. And I've been to Ireland for a month.... Couple of month. And I've been to London, lots of times, but just for holidays.

Time spent watching English language T... well, I never really watching shows... I'm watching movies... that's it. Maybe I am watching two or three movies per week. Eh. And I do communicate via internet, via e-mail in English with friends from other countries.

Yes, well. I no... no, actually not. I do sometimes have English students, but it's not so often.

Информант 23. Ok. My age is twenty four years old. Ah, I'm a full-time student. I started studying in two thousand and one and I'm studying pharmaceutical chemistry.

I'm born here in Odense. Oh what was that... I can't remember what that was.

Eh. My family's welfare status ... is about medium. We speak Danish at home. And I speak Germany and English. And I've been in London for week some years ago.

Eh. I watch a lot of television per day about five-six hours and it's mostly English. And I watch Friends, for instance and ahm... all those series that are played in TV.

Eh ah and I communicate via internet both e-mail and Skype in English.

And I don't talk so much English every day but all the books that I read are in English. All the books in my classes and stuff like that.

Приложение 4. Шведский материал

4.1. Сопоставление систем английских и шведских фонем

Ниже приводится краткий обзор особенностей шведской фонетики, обобщенных на основе трудов отечественных скандинавистов В.П. Беркова, С.С. Масловой-Лашанской, Н.Н. Толстой и шведского фонетиста Т. Риادا [Берков 1996 с. 143–148; Маслова-Лашанская, Толстая 1996, с.18–35; Riad 2014, p. 17–72]. В качестве предварительного этапа следует указать основные артикуляционные характеристики шведских фонем, сопоставить их с артикуляционными характеристиками соответствующих английских фонем и составить список переменных, которые могут участвовать в процессах трансферации и конвергенции.

4.1.1. Артикуляционные характеристики шведских фонем

Таблица 4.1.

Сопоставительная таблица английских и шведских согласных.

Английские		Шведские	
Губные: билабиальные и лабиодентальные:			
p	билабиальный непридыхательный глухой взрывной	p	билабиальный непридыхательный глухой взрывной
p ^h	билабиальный придыхательный глухой взрывной	p ^h	билабиальный придыхательный глухой взрывной
		^h p	билабиальный преаспирированный глухой взрывной
b	билабиальный непридыхательный	b	билабиальный непридыхательный

	звонкий взрывной		звонкий взрывной
m	билабиальный носовой сонант	m	билабиальный носовой сонант
f	лабиодентальный глухой фрикативный (щелевой)	f	лабиодентальный глухой фрикативный (щелевой)
v	лабиодентальный звонкий фрикативный	v	лабиодентальный звонкий фрикативный
Межзубные			
θ	межзубный глухой фрикативный (щелевой)		отсутствует
ð	межзубный звонкий фрикативный (щелевой)		отсутствует
Зубные и альвеолярные			
t	альвеолярный непридыхательный глухой взрывной		
		t̚	зубной непридыхательный глухой взрывной
	jtсутствует	t	преднебный какуминальный непридыхательный глухой взрывной
t ^h	альвеолярный придыхательный глухой взрывной	t ^h	зубной придыхательный глухой взрывной
		h̥t̚	зубной преаспирированный глухой взрывной
d	альвеолярный непридыхательный	d	альвеолярный непридыхательный

	звонкий взрывной		звонкий взрывной
	отсутствует	ɖ	преднебный какуминальный непридыхательный звонкий взрывной
		ɗ	зубной непридыхательный звонкий взрывной
п	альвеолярный носовой сонант	ɱ	альвеолярный носовой сонант
		ɳ	зубной носовой сонант
	отсутствует	ɲ	преднебный какуминальный носовой сонант
с	альвеолярный глухой сбилянт фрикативный (щелевой)	ʃ	альвеолярный глухой сбилянт фрикативный (щелевой)
		ʂ	зубной глухой сбилянт фрикативный (щелевой)
з	альвеолярный звонкий сбилянт фрикативный (щелевой)		отсутствует
	отсутствует	ʐ	преднебный глухой ретрофлексный фрикативный (сбилянт)
л	альвеолярный латеральный сонант (плавный)	ɭ/ɭʲ	зубной латеральный сонант (плавный, палатализованный)
	отсутствует	ɮ	преднебный какуминальный

			латеральный сонант
ɹ /r/	альвеолярный нелатеральный сонант (плавный)		отсутствует
	отсутствует	ɹ	ретрофлексная (какуминальная) альвеолярная трель
Палатальные (небные):			
альвеоло-палатальные (постальвеолярные) и небные			
ʃ	постальвеолярный глухой шипящий фрикативный		отсутствует
	отсутствует	ʃ̥	альвеоло-палатальный глухой свистящий фрикативный
ʒ	постальвеолярный звонкий шипящий фрикативный		отсутствует
tʃ	постальвеолярный глухой аффрикат		отсутствует
dʒ	постальвеолярный звонкий аффрикат		отсутствует
j	небный нелатеральный аппроксимант (плавный)	j	небный нелатеральный фрикативный аппроксимант
Велярные (задненебные)			
k	велярный непридыхательный глухой взрывной	k	велярный непридыхательный глухой взрывной

k ^h	велярный придыхательный глухой взрывной	k ^h	велярный придыхательный глухой взрывной
		^h k	велярный преаспирированный глухой взрывной
g	велярный непридыхательный звонкий взрывной	g	велярный непридыхательный звонкий взрывной
ŋ	велярный носовой сонант	ŋ	велярный носовой сонант
w	велярный лабиализованный (огубленный) глайд /лабио-велярный глайд /		отсутствует
ɱ	велярный лабиализованный глухой глайд		отсутствует
	отсутствует	ɸ	глухой небо-велярный фрикативный
Глоттальные (гортанные)			
h	гортанный глухой щелевой	h	гортанный глухой щелевой

Корпус согласных фонем шведского языка включает 18 качественно различных фонем (см. Приложение, Таблица 4.1), 16 из которых имеют долгий и краткий варианты, при этом противопоставление по количеству – смыслоразличительное: [p], [b], [t], [d], [k], [g], [f], [v], [s], [ʂ], [ç], [j], [h], [m], [n], [ŋ], [l], [r]. Согласные [ç] и [h] не бывают долгими.

Характерная черта шведских смычных – двойная фонетическая оппозиция по наличию или отсутствию голоса и по наличию или отсутствию аспирации. Сильные согласные – это глухие, придыхательные: [p^h], [t^h], [k^h], а слабые согласные – звонкие, непридыхательные [b], [d], [g].

Еще одна характерная черта шведского языка – наличие фрикативных [ʃ] и [ç] наряду с [s], [j] и [f], [v].

При слиянии переднеязычных согласных [s], [t], [d], [n], [l] с предшествующим [r] по так называемому правилу ретрофлексии возникают какуминальные (ретрофлексные) согласные [ʂ], [tʂ], [dʂ], [nʂ], [lʂ]. Фонема [r] реализуется как апикальная трель с ретрофлексной характеристикой. Качество (ретрофлексия) определяет сходство между [r] и [ʂ] и различие между [r] и другими переднеязычными согласными [s], [t], [d], [n], [l], с которыми [r] сливается по правилу ретрофлексии.

Необходимо отметить семь очевидных различий в системах английских и шведских согласных:

1) В шведском языке отсутствует пара противопоставляемых по наличию/отсутствию голоса аффрикат: [tʃ - dʒ].

2) В шведском языке отсутствует звонкий член пары противопоставляемых по наличию или отсутствию голоса фрикативных согласных фонем:

Английские

Шведские

[s] – [z]

[s] – [-]

[ʃ] – [ʒ]

[ç / ʃ] – [-]

Фонема [v] в шведском языке лишь отчасти может рассматриваться как парная фонеме [□] ввиду наличия более одного различия: [□] – глухой, лабиодентальный фрикативный; [v] – звонкий, лабиодентальный фрикативный или звонкий, лабиодентальный аппроксимант, который переходит в оглушенный аллофон [v̥], возникающий рядом с глухими согласными. Оглушение, однако, не достаточно сильное для полного перехода в [f].

3) В шведском языке отсутствуют обе межзубные фрикативные фонемы [θ], [ð].

4) Шведские аналоги английских переднеязычных, альвеолярных смычных [t], [d], альвеолярного глухого сибиланта [s] и альвеолярного носового сонанта [n] отличаются по месту артикуляции: [t] – всегда зубной, непридыхательный, глухой смычный [t̚]; [d] – может реализоваться как альвеолярный, непридыхательный, звонкий смычный [d] или как зубной, непридыхательный, звонкий смычный [d̚]; [n] – зубной, носовой сонант [n̠], но может реализоваться как альвеолярный [n], если [d] реализуется как альвеолярный.

5) В отличие от английского шведский сонант [l] характеризуется как зубной [l̠]. Однако в речи, в ряде позиций (кроме начала слова), реализуется как вибрант [r̠].

6) В отличие от английского постальвеолярного, глухого, шипящего [ʃ], его шведский аналог может быть альвеоло-палатальным, щелевым согласным [ç], или преднебным, глухим, ретрофлексным, фрикативным согласным [ʂ] (произносимым как [ʃ], [h̠], или даже [x]).

7) Аналог английскому альвеолярному, нелатеральному сонанту [r], который в американском произношении реализуется как ретрофлексный сонант [ɹ], в шведском – ретрофлексная, апикальная трель [r̠]. В начале слова [r] может произноситься как апикальный фрикативный или апроксимант [z̠], например, *roligt* ['z̠u:lɪt] – «веселье»

Таблица 4.2.

Сопоставительная таблица английских и шведских монофтонгов

Английские	Шведские
Закрытые	

i:	закрытый переднего ряда нелабиализованный	i:	закрытый переднего ряда нелабиализованный
i /I/	закрытый среднего ряда нелабиализованный (второй элемент дифтонгов)		отсутствует
	отсутствует	y:	закрытый переднего ряда лабиализованный
	отсутствует	ɥ:	закрытый продвинутый среднего ряда лабиализованный
u:	закрытый заднего ряда лабиализованный	u:	закрытый заднего ряда лабиализованный
Средне-закрытые			
ɪ	средне-закрытый средне- переднего ряда нелабиализованный	ɪ	средне-закрытый переднего ряда нелабиализованный
	отсутствует	ʏ	средне-закрытый переднего ряда лабиализованный
	отсутствует	e:	высокий средне-закрытый передний нелабиализованный
	отсутствует	ø:	средне-закрытый передний лабиализованный
ʊ	средне-закрытый средне- заднего ряда лабиализованный	ʊ	средне-закрытый заднего ряда лабиализованный
	отсутствует	o:	высокий средне-закрытый заднего ряда лабиализованный

Среднего подъема			
	отсутствует	ɛ	среднего подъема передний нелабиализованный
	отсутствует	œ	среднего подъема средне- переднего ряда лабиализованный
ə	нейтральный среднего подъема среднего ряда	ɵ	среднего подъема задне- среднего ряда
Средне-открытые			
ɛ	средне-открытый передний нелабиализованный	ɛ:	средне-открытый отодвинутый передний нелабиализованный
æ	более открытый передний нелабиализованный		отсутствует
ɜ̃ / ʒ	средне-открытый центральный нелабиализованный		отсутствует
ɔ	средне-открытый задний лабиализованный	ɔ	средне-открытый продвинутый задний лабиализованный
ʌ	средне-открытый задний нелабиализованный		отсутствует
Открытые			
ɒ	открытый задний лабиализованный		отсутствует
ɑ	открытый передний нелабиализованный (первый элемент дифтонгов)	ɑ	открытый средний нелабиализованный

а	открытый задний нелабиализованный	а:	приподнятый открытый задний нелабиализованный
---	--------------------------------------	----	--

К числу особенностей шведской фонетики относятся: 1) долгота и краткость согласных, 2) наличие долгих и кратких аллофонов гласных, и, как следствие, 3) подчинение правилу так называемого «слогового равновесия».

Основная характеристика вокализма шведского языка – наличие долгих и кратких вариантов фонем-монофтонгов (см. Приложение, Таблица 4.2). Корпус гласных фонем насчитывает 9 пар фонем-монофтонгов, противопоставляемых по корреляции долготы/краткости ([i:] : [ɪ]; [y:] : [ʏ]; [e:] : [ɛ]; [ɛ:] : [ɛ̃]; [ø:] : [œ]/[ø]; [ɤ:] : [ø]; [u:] : [ʊ]; [o:] : [ɔ]; [ɑ:] : [a]). Краткие гласные не встречаются в открытых, ударных слогах. Хотя в некоторых неударных слогах краткие гласные приобретают шва-подобные качества, шва как отдельная гласная фонема не характерна для шведского вокализма.

Для системы шведских гласных характерно преобладание передней и задней артикуляции над средней; закрытой и средне-закрытой артикуляции над открытой. Артикуляция нелабиализованных гласных более напряженная с оттягиванием в сторону уголков рта.

Система гласных включает фонематически противопоставленные друг другу передние, огубленные гласные: [ø], [y], [ɥ]. Для гласного [ø] характерна более открытая артикуляция, а для [y] – передняя артикуляция, тогда как [ɥ] – фонологически более центральный, в основном, ввиду качественной вариативности его долгого и краткого аллофонов (краткий ударный аллофон [ø] – фонетически центральный гласный). Акустически, [ɥ] ближе к [y] чем к [u]. Артикуляторно, различие между долгими аллофонами [y] и [ɥ] заключается в степени лабиализации, где [y] присуще более выдвинутое вперед положение губ, например, *skur* [skɥ:r] –

«ливень», но *skyr* [h̥y:r] – «остерегаться»; *kultur* [kø'l'tʏ:r] – «культура», *buss* [bøs:] – «автобус», *buddism* [bʏ'dis:m] или [bø'dis:m] – «буддизм».

Для шведского [ɛ:] (среднего подъема, переднего, неогубленного) характерно понижение до аллофона [æ:] (более открытого, переднего, неогубленного) перед ретрофлексным согласным, как в ударном, так и в безударном слоге: *läsa* ['lɛ:sa] – «читать», но *lära* ['læ:ra] – «изучать».

В шведском вокализме нет дифтонгов, но три дифтонга, передаваемые на письме как 'au', 'eu', и 'ou' или 'oa', встречаются в заимствованных словах, например: *kautschuk* ['kaũthøk] или ['kaøthøk] – «ластик»; *neutrum* ['ne:ʏtrøm] или ['ne:øtrøm] – «средний (род)»; *soul* [səul] или [su:l] – музыкальный жанр «соул». Альтернативное произношение указывает на отсутствие стабильности этих дифтонгов в шведском языке, поскольку они используются в иностранных словах и считаются маргинальными для фонетической системы.

Между системами английских и шведских гласных имеются значительные расхождения (см. Приложение, Таблица 4.2). В шведском отсутствуют следующие звуки:

- 1) второй элемент дифтонгов, закрытый, среднего ряда, нелабиализованный [ɪ];
- 2) открытый, передний, нелабиализованный [æ], средне-открытый, центральный, нелабиализованный [ɜ/з], средне-открытый, задний, нелабиализованный [ʌ], открытый, задний, лабиализованный [ɒ].

В английском отсутствуют следующие гласные:

- 1) закрытый, переднего ряда, лабиализованный [y], закрытый, среднего ряда, лабиализованный [ʏ];
- 2) закрытый, переднего ряда, лабиализованный [ʏ], высокий, средне-закрытый, передний, нелабиализованный [ɛ:], средне-закрытый, передний, лабиализованный [ø:], высокий, средне-закрытый, заднего ряда, лабиализованный [o:];

3) среднего подъема, передний, нелабиализованный [ɛ], среднего подъема, средне-переднего ряда, лабиализованный [œ].

4.1.2. Расхождения в артикуляции английских и шведских фонем (по результатам оценки аудиторов, преподавателей английского языка)

Таблица 4.3.

Отклонения реализации шведскими информантами английских согласных (по результатам оценки аудиторов, преподавателей английского языка).

<i>Английские фонемы</i>	<i>Шведские Фонемы</i>	<i>Реализация информантов</i>		
		<i>В начале слова</i>	<i>В середине слова</i>	<i>В конце слова</i>
Губные: билабиальные и лабиодентальные:				
p	p/p ^h		i'sp ^h ekt	gi'vap ^h
p ^h	p ^h /p	'p ^h ersøn	spi:d	
b	b/b̥	'bækɡ'räund' 'bo:riŋ	trabl	ɔ̄cɔbɔ̄s ɔ̄ab
m	m	mi:n̄ maj	'hjɛ:man̄	fɾɔm
f	f/f:	fɔ̄sɔ̄d̄ freiɔ̄	'di:frent' 'emfaɔ̄iɔ̄	jə'self
v	v/v̥/f/	'viɔ̄it̄	ɔ̄ɔ̄m'sɛl̄v̄ɔ̄	mu:v
Межзубные				
θ	-- [θ/θ̥/t̄]	θri: t̄ry:	bət̄dei	fɔ̄θ̄θ̄
ð	-- [ð/ð̥]	ðou	wid̄ ða	

Альвеолярные				
t	t/t ^h	t ^h ʌ:	mætr̩a	'fo:mæt
t ^h	t ^h	t ^h op ^ɹ p ^h		
t	t̩		an'fo:ʈɪn̩n̩t̩li	smɑ:t̩
t	t ^ɹ /ʔ		im'po:ʔan̩t̩ ^h	ə'baʊt ^ɹ
d	d/d:/d ^ɹ	dʒɪrɪŋ	mɪd̩:l 'frɛnd ^ɹ ɛ:p	
d	d̩		sprɛd̩s fu:d̩ st̩ɔə	
n	n/n̩	'næn̩:i	'fɪn̩:iɛ	fɪf'ti:n̩
n	n̩		'wɔ:n̩ɪŋ	l̩ə:n̩
s	s/s̩	st̩a'tɪst̩ɪks̩	a'sʌmpçɪn̩	'kɔm:ɛnt̩ ^ɹ s̩
z	-- [z/s̩]	zʌ: sɪ:rɔʊ	dɪ'sɔ:ɪv ɪ'sɛ:kt̩ ^ɹ lɪ	pl̩'i:s̩ dɛjnz̩
l	l/l̩ ^j	'læŋgwɪʃ	'beɪsɪk ^{l̩j} ɪ	ʃku:l̩ ^j
ɹ /r/	ɹ / r/ɹ /ɹ/ɹ/ɹ ^ɹ	ɹɪ:l̩ ^j i rɛɹ ^{ɹj} i	θɹɹ: 'stɔ:ɹɪs	moɹ
Палатальные (небные):				
альвеоло-палатальные (постальвеолярные) и небные				
ʃ	ç /ç/ ʃ ^j	çöʊs̩ ʃo:ɹt ^h	'fɪn̩ʃ ^j t̩	kæç
ʒ	-- [ʃ/ç]		dɪ'sɪçn̩ 'jʌ:çʊal̩ ^j i	
tʃ	tʃ/ʃ ^j /ç	'tʃɔs̩ɛn̩	'wɔçɪŋg	wɔtç
dʒ	dʒ	dʒɹɪ:n	meɪdʒə	'læŋgwɪdʒ eɪdʒ

dʒ	ʤ	ʤenə'reɪn		
j	j/ɟ	Yesterday	future	
Велярные (задненебные)				
k	k/k ^h /k ^ɾ kç/kç	keɪʃ	'sekənd ^ɾ	ju'ni:k ^ɾ kç sikç
k ^h	k ^h	k ^h æt ^ɾ t ^ɟ	ri'spek ^h t ^ɾ	
g	g/g:	'græfik ^h gæt ^h	'pro:gram brægɪŋ	bæg
g	g̊		æŋ ^{g̊} ʃæjɪti	
ŋ	ŋ		θɪŋk ^h	
ŋ	ŋg/ŋg̊			kɔŋ ^{g̊} fjy:ʃɪŋg
w	-- [w/v]	wɪ:k'ɛŋd̥ vɔɹʃt̥	kväɪt ^h 'swɪ:dɪʃ	
ʌ	--			
Глоттальный (гортанный)				
h	h /	hɔʊm	wɪθ _h hɜ	

Консонантная система английского языка шведско-английских билингвов состоит из 20 согласных: 6 сонантов [m], [n]/[ŋ]/[ɲ], [l]/[l^j], [j]/[ɟ], [ŋ], [w]; 4 билабиальных и лабиодентальных [p^h]/[p], [b], [f], [v]; 2 межзубных [ð], [θ]; 3 зубных и альвеолярных [t^h]/[t], [d̥]/[d], [s]/[s̥]; 3 постальвеолярных и палатальных [ç] / [ʃ^j], [tʃ^j], [dʃ]; 2 велярных [k]/[k^h], [g] и фарингального [h].

Сонорные:

[m] – билабиальный, носовой, смычный сонант;

[n] – альвеолярный, носовой, смычный сонант в речи чаще всего реализуется как [ŋ] зубной, носовой, смычный сонант, в отдельных случаях в комбинации «*rn*» реализуется как преднебный, какуминальный,

носовой сонант [ŋ], также может количественно варьироваться в словах после краткого гласного, переходя в долгий [n:];

[l] – альвеолярный, латеральный, щелевой аппроксимант (плавный) реализуется как зубной или дентализованный [l^j], палатализованный латеральный сонант;

[j] – среднеязычный, небный, плоскощелевой, нелатеральный/ срединный аппроксимант (плавный), заменяется шведским небным, нелатеральным, фрикативным аппроксимантом [j̥];

[ŋ] – велярный носовой сонант;

[r] ([ʀ]) – английский альвеолярный, нелатеральный аппроксимант (плавный). Во многих реализациях имеет место трансферационная замена шведской какуминальной, альвеолярной трелью [r], но иногда наблюдается замена увулярным, нелатеральным аппроксимантом [ʀ]. Степень наличия [r] после гласного вариативна, но обычно выше, чем для носителей британского английского.

[w] – губной, срединный сонант, иногда подвергается трансферационной замене шведским билабиальным звонким [v].

Билабиальные и лабиодентальные:

[p] – билабиальный, непридыхательный, глухой смычный, может количественно варьироваться в словах после краткого гласного, переходя в долгий [p:], также, в конечной позиции, всегда сопровождается придыханием и легким фрикативным релизом;

[p^h] – билабиальный, придыхательный, глухой смычный;

[b] – английский билабиальный, непридыхательный, звонкий смычный;

[f] – лабиодентальный, глухой фрикативный (плоскощелевой);

[v] – лабиодентальный, звонкий фрикативный, может, как и в шведском, в позиции рядом с глухим сегментом оглушаться до [v̥], однако оглушение не достаточно сильное для нейтрализации до глухого фрикативного [f].

Межзубные, звонкий фрикативный [ð] и глухой фрикативный [θ] под влиянием шведского языка, где они отсутствуют, ослабляются и частично утрачивают межзубный характер: [ð] – межзубный, звонкий фрикативный – зачастую переходит в зубной, непридыхательный, звонкий взрывной [d̥], особенно в односложных словах – [d̥is] – *this*;

[θ] – чаще всего реализуется как английский межзубный, глухой фрикативный, но в речи отдельных информантов меняется на шведский зубной, непридыхательный, глухой смычный [t̥] или, оставаясь глухим фрикативным, приобретает апекально-дентальную артикуляцию [s̺].

Зубные и альвеолярные:

[t] – альвеолярный, непридыхательный, глухой смычный чаще всего реализуется как зубной, непридыхательный, глухой смычный взрывной [t̥].

После краткого гласного переходит в долгий [t:], в конечной позиции также может сопровождаться придыханием и легким фрикативным релизом. В отдельных случаях в комбинации «rt» реализуется как преднебный, какуминальный, носовой сонант [t̪];

[d] – альвеолярный, непридыхательный смычный, в основном реализуется как зубной, непридыхательный, звонкий смычный [d̥]. В отдельных случаях в комбинации «rd» реализуется как преднебный, какуминальный носовой сонант [d̪];

[s] – альвеолярный, глухой, круглощелевой сибилант в речи шведско-английских билингвов реализуется как зубной, глухой фрикативный.

Палатальные и альвеоло-палатальные (постальвеолярные):

[ç]/[ʃʲ] – шведский альвеоло-палатальный, глухой фрикативный в отличие от английского [ʃ], постальвеолярного, глухого фрикативного,

артикулируется спинкой языка и может в отдельных случаях переходить в глухой, небно-велярный фрикативный [ħ];

[tʃʲ] – постальвеолярный, глухой аффрикат, переходящий в бифонемное образование, в английских словах с орфографической репрезентацией фонемы через «ch» в начале слова, может реализоваться как шведский альвеоло-палатальный, глухой фрикативный [ç];

[dʒʃ] – постальвеолярный, полувзвонкий аффрикат, переходящий в бифонемное образование.

Велярные (задненебные):

[k] – велярный, непридыхательный, глухой смычный;

[k^h] – велярный, придыхательный, глухой смычный в конечной позиции может сопровождаться придыханием и легким фрикативным релизом [kʰkç];

[g] – велярный, непридыхательный, звонкий смычный.

Глоттальные (гортанные):

[h] – фарингальный, плоскощелевой, глухой спирант часто ослабляется в

[ʔ] – нулевую фонему.

Таблица 4.4.

Отклонения реализации шведскими информантами английских гласных (по результатам оценки аудиторов, преподавателей английского языка).

	<i>Английские</i>		<i>Шведские</i>	<i>Реализация информантов</i>
Закрытые				
	закрытый переднего ряда нелабиализованный	i̥ :	закрытый переднего ряда нелабиализованный	k ^h i̥:

закрытый заднего ряда лабиализованный	u:	закрытый заднего ряда лабиализованный	hju:ɖʒ
	ɯ	закрытый продвинутый среднего ряда лабиализованный	mjɯ:t ^h
	y:	закрытый переднего ряда лабиализованный	ʒy:n
	ʏ	средне-закрытый переднего ряда лабиализованный	jʏʒ
Средне-закрытые			
средне-закрытый средне-переднего ряда нелабиализованный	I	средне-закрытый переднего ряда нелабиализованный	'ʃi ^h ti
		опущенный закрытый переднего ряда нелабиализованный	'bɨʃi
средне-закрытый средне-заднего ряда лабиализованный	ʊ	средне-закрытый заднего ряда лабиализованный	gʊɖ
Среднего подъема			
нейтральный среднего подъема среднего ряда	ə	нейтральный среднего подъема среднего ряда	'maðə
	ɘ	ротацированный среднего подъема задне-среднего ряда нелабиализованный	'let: ^ɘ
	ɵ	среднего подъема задне-среднего ряда	'p ^h ersən

			лабиализованный	
		а	открытый средний нелабиализованный	'æfrika
Средне-открытые				
	средне-открытый передний нелабиализованный	ɛ	средне-открытый отодвинутый передний нелабиализованный	frend ^ɪ s
æ	более открытый передний нелабиализованный	æ	более открытый передний нелабиализованный	æʃk
	средне-открытый центральный нелабиализованный	ə	среднего подъема задне-среднего ряда лабиализованный	ŋəʃ
		ɜ	среднего подъема среднего ряда	t ^h ɜm
	средне-открытый задний лабиализованный	o:	высокий средне- закрытый заднего ряда лабиализованный	θo:t ^ɪ
		ɔ:	средне-открытый продвинутый задний лабиализованный	ŋɔ:θ
		ɔɜ	приподнятый средне- открытый продвинутый задний лабиализованный переходящий в ротацированный среднего подъема задне-среднего ряда	wɔɜ

			нелабиализованный	
	средне-открытый задний нелабиализованный	a	открытый средний нелабиализованный	kap ¹ p ^h
		ɑ	приподнятый открытый задний нелабиализованный	sak
Открытые				
	открытый задний лабиализованный	ɔ	средне-открытый продвинутый задний лабиализованный	lot ^h
		ö	приподнятый открытый задний нелабиализованный	kwɪ ¹ iti
	открытый передний нелабиализованный (первый элемент дифтонгов)	ä	открытый средний нелабиализованный	p ^h räiʂ
	открытый задний нелабиализованный	æ	более открытый передний нелабиализованный	bæθ
		a	открытый средний нелабиализованный	bäθ
		ɑ:	приподнятый открытый задний нелабиализованный	pɔ:m

В системе вокализма английского языка шведско-английских билингвов 15 звукотипов-монофтонгов, из которых 10 являются результатом трансференции, т.е. переноса датско-английскими билингвами

особенностей артикуляции шведских фонем в свой английский вокализм: [i:], [i], [u:], [u], [ɥ:], [y:], [e], [ɛ], [ø], [ə]. 5 монофтонгов – этот результат конвергенции, т.е. совмещения английских и шведских артикуляционных характеристик: [æ], [ɔ:], [o:], [ɔ], [ɑ:].

Монофтонги:

[i:] – долгий, закрытый, переднего ряда верхнего подъема, нелабиализованный.

[ɪ] – краткий, средне-закрытый, переднего ряда, нелабиализованный (трансференция английского короткого [ɪ], который становится несколько более открытым и передним, чем английский).

[y:] – долгий, закрытый, переднего ряда верхнего подъема, лабиализованный (трансференция шведского [y:]).

[ɥ:] – долгий, закрытый, продвинутый среднего ряда, лабиализованный.

[u:] – долгий, закрытый, заднего ряда верхнего подъема, лабиализованный.

[ɛ] – короткий, среднего подъема, передний, нелабиализованный.

[ɛ:] – долгий, средне-открытый, передний нелабиализованный.

[æ] – более открытый, передний, нелабиализованный (несколько менее открытый, чем английский [æ]).

[ø] – среднего подъема, задне-среднего ряда.

[ə] – нейтральный, среднего подъема, среднего ряда (сдвинутый назад в результате трансференции шведской артикуляции нейтрального гласного).

[ɜ̥] – нейтральный, среднего подъема, среднего ряда ().

[o:] – долгий, высокий, средне-закрытый, заднего ряда, лабиализованный

[ɔ:] – долгий, средне-открытый, задний, лабиализованный (несколько опущенный по сравнению с английским [ɔ:]).

[a] – короткий, открытый, средний, нелабиализованный.

[ɔ] – короткий, средне-закрытый, заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный (отличается от английского [ɔ] несколько более закрытым характером).

[ɑ:] – приподнятый, открытый, задний, нелабиализованный (несколько сдвинутый назад по сравнению с английским [ɑ:]).

Под влиянием шведского языка, к паре [u:] : [ʊ], аналогии которой есть в английском вокализме, добавляются специфически шведские: закрытый продвинутый среднего ряда лабиализованный [ɥ:], закрытый переднего ряда сильно лабиализованный [y:], средне-закрытый переднего ряда лабиализованный [ʏ] в односложных словах, как: *you, who, choose*.

Наблюдается позиционно необусловленное использование пары [e] : [ɛ]/[ɛ:], где [e] – гласный верхнего подъема (трансференция шведского долгого [e:], который отличается от английского [ɛ] несколько более высоким подъемом), короткий [ɛ] – среднего подъема передний нелабиализованный, а долгий [ɛ:].

Дифтонги:

[aʊ] – [äʊ] в таких словах, как: *down, around, sound, amount*;

[ɔʊ] – [öʊ] – [ɵʊ] – [əʊ] в таких словах, как: *ago, stone, know*, и его позиционно необусловленный вариант с первым сдвинутым вперед нейтральным элементом [əʊ] в таких словах, как: *road, so, coast*;

[eɪ] – [eɪ̯] – [eɪ̯] в таких словах, как: *came, say, faint, station*;

[aɪ] – [äɪ̯] в таких словах, как: *replied, climbed, sign, lie*;

[oɪ] – [ʊɪ̯] в таких словах, как: *boy, avoid*;

[iə] – [iə̯] в таких словах, как: *really, dear, appeared, near*;

[ɛə] – [ɛə̯] и его позиционно необусловленный вариант со вторым сдвинутым назад шведским нейтральным элементом [ɛä] в таких словах, как: *year, there, where, dared*;

[uə] – [ʊə̯] – [ə̯] в таких словах, как: *during, pure*.

В речи шведско-английских билингвов характерна интерференционная замена одного из элементов дифтонга, замена обоих элементов и монофтонгизация дифтонгов. В артикуляции дифтонгов со вторым элементом [ə] возможна замена шведским [ä], [ø]. В дифтонгах, передаваемые на письме комбинацией «гласный + *r*», происходит понижение (более открытая артикуляция) второго компонента до [ɚ].

Английские трифтонги либо монофтонгизуются: [aʊə] > [a:] и [aɪə] > [a:], либо дифтонгизуются, теряя средний элемент: [aʊə] > [aə] и [aɪə] > [aə]. Также возможна замена среднего элемента [ɪ] фрикативным аппроксимантом [j]: [ɔɪə] > [ɔjə] например, в слове *royal*.

4.2. Выдержки из интервью с участниками летней школы по тестированию в университете Хальмстада

Участники летней школы по тестированию в университете Хальмстада, Швеция: 14 иммигрантов, постоянно проживающих в Швеции и 6 шведов. Время проведения – июнь 2016 г.

Informant J.P. (an engineer, ethnic Albanian). I was educated in Albania, in Tirana, both in elementary school and university. English was used since primary school. After completing my Bachelor's degree, I continued on with Master's, with the medium of instruction in English at a university in Stockholm, Sweden.

I never spoke English at home in Tirana, I read English books as part of my schoolwork. In Sweden, studied Swedish in a summer course at the university. I did not complete the course due to much work at university. I wanted to take Swedish classes for social integration, and to find a job. My Master's thesis was good for the job in the company, So I never actually needed to learn Swedish to find work. For my work it's only English.

We use Swedish and English at the workplace. I understand some people when they talk in Swedish but I just respond in English. Talking in Swedish you spend a lot of energy and you need to think before you want to say something so just

English comes out so easy. Also people who are speaking Swedish do not adapt to new participants who do not know the language, and instead kept on speaking Swedish.

Some Swedish people don't switch to English. I've been in the situation where everyone is Swedish and I am the only person who doesn't know it but they keep going Swedish. So they don't pay attention that you are not understanding.

I speak English with people who do not share my first language. When speaking to Albanian speakers, we switch to Albanian if talk is not work-related. At lunch, and with people who speak Albanian. And we take it in Albanian because we're all Albanian.

Swedish-speakers speak Swedish over English, even when there are non-native speakers of Swedish in the conversation. When you are talking with Swedish people you know then maybe someone comes and then the conversation changes to Swedish again, you don't feel like stable Swedish.

I know I have an accent and make grammatical mistakes. Learning Swedish would make life easier in terms of integration and assimilation into the Swedish society. I think you can be more integrated with the Swedish people or the Swedish society because when everything is in Swedish, the papers, so it is a little bit hard to just translate everything in Google translate... so maybe it makes life easier. When I was taking a Swedish course at university, I had a better understanding of society. When I'm watching the...the walls in the street or like some newspaper or something in the metro then at least I understand like, what they saying, not to be so stranger in the society.

I am not a good Swedish speaker; lack Swedish skills, English is perhaps the only language available. What language I use depend on the topic and with whom I speak. In work-related topics, I use English or Swedish and English. For social talk, English and my language.

When I interact with Swedish speakers, I replied in English, never in Swedish. They used to speak Swedish by themselves /.../ to relax while I attempt to communicate in English. I am fluent in using English in the workplace. If I know

Swedish yeah I would like to speak in Swedish, and would use a mix of Swedish and English, as English includes technical terminology.

Informant A.H. (an engineer, ethnic Arab). I grew up in Palestine, where English is used as medium of instruction in both elementary and university education.

I did my Bachelor's in Lithuania and Master's in London, England and Gävle, Sweden. The Master's program was offered in English. During my school years, I spoke English and Arabic at home and watched English-language cartoons, films and TV-shows. During his Master's program, I took A1 and A2 courses in Swedish but stopped after a couple of months due to pressures of school and late hours.

I lived in Sweden for eight years and found the Swedish lessons useful. You could understand outside a little and how to order something or you buy something...

it's not logic that a person living here eight years he doesn't speak [Swedish] while I learn German in six months. I spent some time in Germany after my Bachelor's in Lithuania, before Master's in Sweden, as I have family who live there.

English is international and the language of all my studies and the scientific vocabulary for physics, electronics, and mathematics is all in English. For example "frequency" is "frequency" eh, "gain" is "gain", I mean in electronics... "return losses" are "return losses". Having learned words in English, it is difficult to learn them in another language.

I speaks only English at work, but sometimes have interactions in Swedish as well. Mostly I always speak here in English. Sometimes they speak with me in Swedish but I replied automatic in English. I speak in Arabic with people who have the same language, except when it is related to work. I have a colleague, a native Arabic speaker, with whom I always speak in Arabic. But related to job, we speak in English. However, that we have lunch together, Arabic is used. It is not used for work purposes.

I want to speak in a more respectful and professional way, my English improves even more. When someone has a poor English and speaking to me – everything is corrupted, even the grammar... I start to speak like the person is to go to his level to understand me and this is the terrible situation. I feel like I'm really an idiot in English.

In Germany I socialized with people every day. In Sweden when I start "hey hello", they said "ah no, sorry". Swedish people are shy when I speak in English or No actually they don't like me. I'm like originally not from Sweden. They are a little isolated.

Informant L.Sh. (an engineer, ethnic Chinese). I am natively from China and had no schooling in English, except two years of study that began when I was 18. My husband who was accepted for a Master's program in Sweden, and I enrolled for Master's degree myself. I was employed in antenna design for a space station in China. My university education in China was in Chinese (Mandarin). In Sweden, I enrolled in SFI (Swedish for Immigrants) classes. I completed the first level in 6 months and wanted to go to the second level SAS (Svenska som Andraspråk). I need just the talk and to hear. Living in Sweden we must know more detail so we need study Swedish.

If English is needed for technical terms, I use English; sometimes I use Swedish, and sometimes we use Google translate. I also have Chinese colleagues, with whom I speak Chinese. Sometimes we talk English. It depends on other Chinese. If everybody understand Swedish we talk Swedish but if not cannot understand Swedish we must talk English.

We talk some technique we use English. Just gossip is Swedish. Because a lot of technique word is come from English. So it's easier understand, a lot of the document must use the English. When I have lunch with Swedish speakers, we speak both English and Swedish. It is easier to understand people from English speaking countries, they can choose easier word talking with me.

Yeah. So before I meet a woman, she come from America. I said my English is very poor. Said: No it's not your problem it's their problem she must try to you understand. She must choice the easier word.

They were so perfect in English and you feel that they really also like to speak in English because it was their language. I think it felt more natural to speak with them in English.

Living in Sweden we must know more detail so we need study Swedish.

Informant J.S. (a manager, Swede). Everything that's documented is in English. Even if everyone speaks Swedish, the minutes and emails are in English. Because an email might need to be forwarded to someone who doesn't speak Swedish. That's a ground rule.

I'm very straightforward in my emails, I don't embellish. I'm always pleasant and polite, but I'm direct, that's how I am. It works pretty well.

My opinion is that it's a very open atmosphere here but then, it's easy to be drawn to similarities, so you probably do spend more time with those who speak your own language. I like to mix with everybody, but I think that the ones who don't speak Swedish keep with their groups a bit more.

At Halmstad school the Russians were more shy, and maybe not as confident in their English, so they often changed back to speak Russian with each other, you had to drag the conversation back to English. What makes it good is that it creates an openness, and everyone is included. People mix with each other and a lot of the Swedish codes or norms are washed off.

Of course, when you start scratching the surface, on these nice lunches for example, there will be a degree of incomprehension. Some cultures are very strong, Swedes are quite adaptable, not all cultures are. And to understand what is culture and what is personality is can be difficult sometimes.

I had a manager from Italy, his English wasn't that good, but he made sure to get help from someone who could verbalize and package his messages, so he could communicate what he wanted to say effectively. (13) Its dependent on the market we work in, in China we translate most things to Chinese, or you wouldn't be

able to have big clients there. All external communication is adapted to the receiver. In Brazil we translate to Portuguese.

I had to do both verbal and written tests in English and Swedish when I applied for the job. They were quite tough. All job applications need to be in English. So you can tell just by the CV. Even the interviews are often in English. But then it depends on the job as well, not everyone needs that high proficiency in English.

Informant B.L. (a manager, Swede). If I send out an important email or report, which goes to management, I want it to look professional. It takes a little longer than writing in Swedish, but it doesn't take that long to look up a couple of words or synonyms and double check the spelling. When you write a short email just to ask a question, it doesn't take any longer than writing in Swedish. But then you use the same lines over and over, "let me know if you need anything else" and "best regards".

I might choose not to use the most advanced words I know when I talk to someone who isn't as good at English. But it's not much of a difference really. More slang and idioms when I speak to natives I guess.

When you talk to English-speaking people outside of meetings in the lunchroom for example, you still talk about work.

Everyone understands English well, but there is one person who doesn't like speaking English. She's not that used to it, not comfortable with it. She's quieter when we speak English in the lunchroom and stuff. There hasn't been any problems and she can do the job, it's just the social bit.

One time the finance manager in Germany started talking with her colleagues after the meeting, but they hadn't hung up the phone so we overheard her saying in German that she hadn't understood a word we'd said. That meeting had been one and a half hour long. We had a good laugh after that.

We have no official language policy. We might have one, from before, but that no one reads. I haven't read it. Don't think anyone looks at those files. But I know that English is the corporate language, and that all the documents and reports

need to be in English. You need English to work here. But I didn't need to do a test or anything. But I had worked in international companies before, so I guess they trusted that my English was good enough.

Informant K.S. (a tester, American) Every Swede I have ever met has had excellent English.

Informant D.H. (a tester, American) The majority speak very good English and will switch in mid-sentence once they realize you are not Swedish.

Informant C.B. (a tester, American) All Swedes speak English. And they speak it well.

Informant S.W. (an IT coach, American) Yes, I have visited Sweden at least a dozen times, and hosted many user group meetings with up to 250 participants. Everyone I met spoke excellent English.

Informant D.R. (an entrepreneur, investor, American) Humiliating as it is to admit, Swedes often speak better English than Americans.

Informant M.K. (a programmer, Indian) Ethnic Swedes may speak good English. However the question is different. I have met many people in Sweden (also in Stockholm) who hardly speak English. Mainly they are the asylum seekers and other immigrants. You can find them in hospitals, grocery stores, as bus drivers, cleaners etc. There are many (a lot) immigrants from Iraq, Iran, Somalia, Eritrea, China, Thailand, Syria, Poland, Bosnia and other countries who do not know English. The Swedish accent is easier than British or American to understand for non-native English speakers, since it is slow and a bit over pronounced pronouncedly.

Informant G.P. (an engineer, Indian) They speak almost perfect English with a beautiful sinusoidal accent (yes, goes up and down like a sine wave) that is difficult to imitate if you don't speak Swedish. I hardly ever encountered an adult Swede who couldn't converse in English. (Though, there was once this really cute 3-year-old who was trying to talk to me in Swedish and I hated not being able to understand him). My friends tell me a major role in their practicing English is played by TV. The English channels in Sweden are not dubbed into

Swedish. They have Swedish subtitles. They are so good at it in fact, that even if you try speaking Swedish with them they'll switch to English the moment they realize you are struggling with their language (to make you more comfortable). The only drawback of this is that you lose the motivation to learn their language. I've been here a year and yet can only speak some choice (read: rude) phrases my friends were kind enough to teach me. I can tell people "Jag pratar inte Svenska". I think you can be more integrated with the Swedish people or the Swedish society ... When I was taking a Swedish course at university, I had a better understanding of society ... When I'm watching the... walls in the street or like some newspaper or something in the metro then at least I understand like, what they saying, not to be so stranger in the society.

Informant R.Sh. (an engineer, Indian) Every single one of them understand and speak fluent english. To give you a peculiar example: I once met a drunk 60 year old sailor at a bus stop in Helsingborg. The man started talking to me in Swedish but he soon realized that I am not so good in Swedish. He switched to English and regaled me with his sailing stories for full 20 minutes, while we waited for the bus.

My Swedish colleagues tell me the key reason for the fluency is that from a long time back, American movies and TV programs have been broadcasted in Sweden. The movies and TV series were always telecast undubbed (unlike say in Germany), but with subtitles in Swedish.

Informant D.L. (a manager, Swede) We do our best. I think we're probably better at English than most foreigners expect, but quite a bit worse than we ourselves believe we are.

Informant C.-A.L. (a manager, Swede) Swedes in general are well known as having one of the world's strongest English proficiency scores together with Danes and the Dutch. Relatively small populations, high GDP and good school systems all contribute to this.

Informant T.S. (a tester, Swede) I am really amazed the so many say that Swedes speak better than Americans. I did not know about that. When you talk to older people the language skills are not so great. My mom is soon to be 70 and she speaks, but slow and she can make herself understandable. Swedes learn English from early age, I actually teaching my kids before they start school (3 and 6, real school starts at 7). There are also no dubbing of TV programs here, well only kids program then. I also think that we are forced to learn, otherwise no one would understand us. And since we are a traveling people how could we manage without it.

Informant G.Dj. (an engineer, Chinese) I went to Sweden last summer. Most local people there speak English quite well. Here is what I found from Internet. However, if you wanna live here for the long run only English is a bit insufficient, especially if you wanna find a job here.

Informant P.S. (a student, Czech) Many young people in their 20s do. Of course, you can find exceptions, but I wouldn't worry. They are also pretty good compare to other European countries.

Informant J.A. (a secretary, Swede) I've got an American friend living in Stockholm, his Swedish is almost completely flawless, and where he doesn't sound completely native, you certainly can't tell where he's from or that his mother tongue is English, but he's got a really hard time getting people to speak Swedish to him after they find out about his origins. The attitude if you're from a European country where the general level of English isn't too far below ours is often the same, which you've already found out. It's not as consistent as with native English speakers however, I don't think many people would switch like that in a small town like mine, and you've got a much bigger chance of convincing people to use Swedish with you, even if it can take a few reminders. If you look like you're from the Middle East or Africa, the general attitude is "learn the language or go home!" and it's often held by the very same people who would tell an American or Australian not to bother with Swedish. Or well, if

you're a native English speaker you're excused, but you risk being met with hostility from some until they know this fact about you.

When they switch to talk to you or a native English speaker, it's probably because they think they're genuinely helping, that anyone who comes here is much less comfortable speaking Swedish than English, or at the very least one of the other major Western languages. They simply don't stop to think what language the other person would prefer, and on top of that quite a lot of Swedes think they speak much better English than they actually do.

It could also be that Swedish is only really used in two countries and the majority of us didn't grow up hearing a lot of non-native Swedish all around us or in media. So when we hear a foreign accent and grammatical mistakes it grates a lot more on the ears than hearing broken English, we are after all perfectly accustomed to the latter, being non-natives ourselves. There's also the whole power dynamic thing, like I said above, if you're Western and your English isn't too shabby, many people don't understand why you'd even want to make the effort to learn Swedish, while if you're from a country that is seen as low status, you're not given much leeway at all.

Informant W.B. (an engineer, Dutch) I think similar questions have been asked before with the concensus being that their English is possibly better than your Swedish, they get a kick out of being right about the source of your accent, or they, like you, want to practice their foreign language skills.

If it really bothers you consider pretending you're French or Dutch or something, or perhaps from somewhere less likely to have a language presence in Sweden (Latvian?). Alternatively, just continue to use Swedish a la dont break character! I've always wanted to try pretending I don't speak English if someone thinks they've detected my accent. Let me know if you do :)

4.3. Образцы интервью со шведскими студентами в университете Уппсалы
Возраст информантов – от 22 до 29 лет. Все они проживали в общежитии университета и в летнее время были заняты на какой-либо работе.

Информант 1. I am twenty two years old. I study Peace and Conflict Resolution. What was the next?

Well, I speak Swedish at home but my dad is half Finnish. He doesn't speak Finnish though. So it's just Swedish. In the home, it's only Swedish.

- *[Interviewer]: What about your everyday tasks?*

I speak more English than Swedish. My program in school is basically an English program. We have a lot of international students. My first Swedish... or course in Swedish since two years back was just a semester and that was a Methods course. Everything else has been in English. By... Even when I'm at work, I speak more English than Swedish. I mean during semester, not just here. Plus I'm dating a Scotsman so it's kind of impossible for me to speak Swedish at him. So, yeah, it's basically only English.

Well, with my parents, I speak Swedish; with my boyfriend I speak English.

- *[Int.]: And written communication?*

Depending on who I am talking to. If I'm talking to Swedes, obviously, I do it in Swedish. But, in school all my papers and stuff is in English.

- *[Int.]: When did you start learning English?*

I started taking English when I was seven, so in first grade. Ehm...but throughout like the first twelve years everything is in Swedish until high school. I was in university that I started speaking English more like ...as the main language. But I also studied abroad for a semester or a year in the States. So, obviously, I spoke English there. And after that basically I've been in international environment so English has become pretty natural.

- *[Int.]: Was it an exchange study program in the same field or subject?*

No, it was separate. It was basically like my gap year. I studied during it. So it was completely different field of studies.

Информант 2. I am twenty four years old and I started to study English when I was about ten years old. And... and we only speak Swedish at home. And I listen to English like every day in music, and when I watch series at TV.

- *[Int.]: How many hours per day or per week do you hear English?*

Per day, it must be like... I don't know... four-five hours with the music and series combined. Yeah, like maybe five hours, I think.

- *[Int.]: Do you write in English?*

That's rarely, but I am going on exchange so I've been speaking to people in English last couple of weeks now. So, maybe one or two times a week, I write to friends in English... Text messages.

- *[Int.]: And you are studying?*

Engineering

- *[Int.]: Do you need any English for your studies?*

Well, that depends on the courses. We don't have that many ... you know English speaking teachers... which is quite sad, because I think it's important. But when we read² a course in programming, you need to write in English because the data and like programs are coded so they need be English. They can't handle the Swedish letters 'å', 'ä', 'ö', so it's easier to use English. But... Ehm... No, not that much, actually.

- *[Int.]: What kind of engineering?*

Well, I'm reading Associate Technical Systems. So it's like combined social studies, with economy, with technology so it's a bit of everything.

- *[Int.]: Is the number of courses requiring English higher for post-graduate programs in your field?*

I think it's pretty much the same, actually. Like, there might be a few more courses that have English speaking teachers. But I studied psychology before and it was more common with English speaking courses at that program. I recon...like... Now it's more in Swedish

- *[Int.]: Have you ever studied at an English speaking country?*

No, but I worked as a nanny in Australia for six months, so I didn't study English but I stayed in Australia for a while.

² Шведские глаголы *studera* и *läsa* могут переводиться на английский и как *study*, и как *read*.

- *[Int.]: Was it difficult for you?*

In the beginning... Sometimes the kids looked at me and ask me “What do you mean, Madlen?” You know... But... you sort of learn pretty quickly and... It depends on who you speak to... like if you speak to an Australian person, you know that they are so much better at English so you get a bit more stressed about it that if you speak with friends; it’s more relaxed. And they don’t, you know, put that pressure on you. Like ... have to be good at. And... yeah, it was hard in the beginning... but English is a language that you hear a lot...so... I understand almost everything and ... Yeah, so it was easy that way.

- *[Int.]: Do you feel any difference in English skills between different generations?*

My dad, he went to USA as an exchange student so he is quite comfortable with English but I recon like... it’s easier these days. Like, I can tell my little brother. He is playing lots of computer games and there he has to speak with people in English on the chat. And, he also reads English words all the time. And I think ten-fifteen year older than me didn’t have that luxury of learning English now that easy. It’s easier to listen to music with Spotify and... You know, it’s easier today, I recon.

Информант 3. So, I’m a Swedish girl who is twenty six years old now. And, I’ve been studying English in school since I was ten years old. And I also lived half a year in England worked as an au pair for two kids. And I was six month in Australia where I worked as au pair as well, together with Madeline. So it’s totaling about one year abroad in a ... English speaking country.

So, and I also read a lots of books in English, actually, mostly during my school time. I am... often watch TV series like Friends, if you are aware. Yeah. And that’s quite easy English to understand, I think.

Actually, when I studied to become a nurse, there were a few articles on English... in English... So, it’s made it so much easier for me that I been abroad and I lived in Australia and in England for a couple of month... and that’s made it easier for me to understand the articles at university. So... yeah, it’s really good

to be able to understand English and talk English, especially when you live in Sweden. Because, I think that's... yeah, when it comes to social media and everything,... it's more and more in English, actually. And, even commercial at TV and... eh... yeah, so. I think it's a language which... we should put a lot of effort in teaching our kids actually.

Sometimes, when I think about one sentence, it comes in English before it comes in Swedish. Just special sentences, not all the time. Not at all. Just special words or special sentences. That's I heard a lot of times in Australia or England. It's just pop up in my head.

- *[Int.]: Is it mostly related to your professional life?*

No, it's more on my spare time, I think. Because my education was mostly in Swedish, and when I meet with patients at the hospital, most of them speak Swedish as well. So, I think it's more if you study to become a doctor, it's more common that the books and literature is in English actually. Than when you study to become a nurse, it's ... most of it is in Swedish.

There are and it's getting more and more common. Because I know if you are having another language as your first language, you can get extra education in school in your special language. And you can take classes and ... so you know how to write grammatic things in your own language. So you can still develop your own language when you live in Sweden. So, it's actually quite common, I think, to have that.

Информант 4. My name and so on?

- *[Int.]: You don't have to say your name unless you want to.*

So, background information, you mean where I come from and so on? Ah, all of the things you said.

Ok. I'm twenty eight and I come from Göteborg³. And... so... no English when I was growing up. That's what you wanted to know, right? So, yeah, only Swedish

³ [jœtɛ'bori] – Гётеборг; англ. Gothenburg

in the home. And... eh... Also, how much I hear it every day, or how? How I use it, or?

Ah, when I started, yes... You start in third grade usually, I think, in Sweden. So then you are about nine or ten, I think. Yes. And then you do it all the way up to high school. And in high school as well. And, yes.

And, so, how often do I encounter it? Or what you say?

- *[Int.]: Yes.*

Well, I watch films, of course, and some, you know, TV shows, perhaps, and ... ehm, listen to some music in English, as well.

- *[Int.]: How many hours per day or per week do you hear English?*

Well, it's probably... it's got to be every day, because I usually watch something and ... like a film or something when I come home. And it's usually... it's very often that it's English speaking film. So, maybe I ... maybe two hours a day or something like that? Something like that, yes.

- *[Int.]: Have you spent some time as an exchange student in an English speaking country? Or maybe you have taken an individual course?*

No, I have never done that. No

- *[Int.]: What is your degree?*

It's in Swedish... Scandinavian Studies, Nordic History and Nordic Languages - history of.

- *[Int.]: Is the specialization in teaching or more in research?*

Yeah, specialization is actually more toward research. But I don't know if I will do that. I haven't decided yet. No, I haven't. But the course, the program is more towards that, perhaps, in reality. Yes.

- *[Int.]: Do you need to use any English in your studies?*

No, very little, actually. Lots of...eh... if you take other courses, I don't know, psychology, or history, or what have you, then a lot will be in English, I would suspect. But when you take Swedish or Nordic languages, it's not so much actually. It's much more Swedish and sometimes Danish or Norwegian,

sometimes German. But, it happened that there is an article in English but it's ... not so much.

- *[Int.]: Have you studied somewhere elsewhere in Scandinavian countries?*

I did study in Iceland but that was a year ago so. So that was a year course...

- *[Int.]: What language did you speak there?*

Mostly Icelandic but also a little bit of Scandinavian *[laughs]* And, of course, I spoke English to foreign students, exchange students. Yes...

- *[Int.]: Are there any international students with Swedish background doing the same program?*

That I do? Yes, there are quite a few not English speakers but from Germany, and Holland, and ... yeah some Poland, East Europe as well, ... Switzerland, yeah.

- *[Int.]: But the preferred language would be Swedish, right?*

Yes, the class will be in Swedish, yeah.

- *[Int.]: And outside the classroom?*

You mean what we speak to each other? Yes, then we would speak Swedish, yes. Because they are on a very high level obviously, and they...

- *[Int.]: In your observation, in post-graduate programs, are there more courses in English?*

I think, in my field it's very much Swedish still. Yes. I can't say for sure, but yeah. I don't think there is increase, maybe about the same. I think so. General linguistics... that would be much more English. I would assume that.

- *[Int.]: Do you get to write in English in your daily life? Maybe on social media?*

Like if I do that usually? No, not so much. Maybe sometime if I... it would be if I am writing an email or talking to somebody if I have a friend that we don't have another common language. Then, yeah, then... but not so much.

Is it it?

- *[Int.]: Unless you would like to share some thought or observations about any changes or tendencies in use and role of English.*

I would definitely say that it's much more... I would say that, for example, when I was ten- fifteen... when I was ten, or something like that, you would never-ever use an English, you know, any phrase or any... coz you weren't... Well, first of all, you didn't know any English at the time. You didn't think so very... Yeah, you just didn't do that. But now, I have my cousins, for example, they are bit older now but very... I think very early they started using English phrases and I think maybe that has to do with the computer games that they... They have some things that they only know how to say in English because the games are in English. So, maybe they would use them like that. So, yeah, I would guess so. Yes.

Информант 5 *[Int.]: What did you study at university?*

The teacher program... for upper secondary school, subjects Swedish and Swedish as Second Language.

- *[Int.]: Is Swedish the only language spoken in your family?*

Yeah.

- *[Int.]: At what age did you start learning English?*

I think when I was eight years old, seven or eight.

- *[Int.]: Have you ever spent a semester or more in an English speaking country?*

Unfortunately not.

- *[Int.]: Did you have to use English when you studied at the university?*

Well... Most of the time, the literature, and the lectures, and seminars was in Swedish but sometimes we read English literature, articles, and a few books. But most of the time, it was in Swedish.

- *[Int.]: In your field, if people are going for post graduate, do you think they need more English?*

Well, I'm ... I think ... everyone would... let me stop here. I think... there's no wrong learning more languages. And, I think since English is such a lingua

franca, I think it would be good if the Swedish students would be even better in English, but in other languages as well.

- *[Int.]: In you daily life, do you get to use any English like over Facebook or the Internet? If 'yes', for how many hours per day or per week?*

Yeah, I don't speak English that often, neither do I read it. But most of the TV I watch is either from Sweden or from an English-speaking country. So, I would say that I, perhaps ... I hear English TV series... or, I mean, English language TV series, perhaps, one hour a day. So... yes.

- *[Int.]: Do you write in English like maybe some short messages over some media?*

Yeah, perhaps, once a month or once every other month, perhaps... Not that often, unfortunately. But as often as I can because I want to improve...well, my language skills and... mainly the English skills.

- *[Int.]: Do you feel there is a difference in English language skills or language command between the generations? Between younger generation and people who would be 10 or 15 years older than you?*

Maybe, not the ones who are ten years older than me... But I think ... eh... my parents' generation. They are in their sixties... they don't... not everyone of them speak as much English, but I do think that they speak more German or French perhaps... Eh, but I think my generation and the generations who are younger than me, they speak better English than my parents speak German or French. So... now, I'm generalizing, but I think that's the general opinion and now I think that's how it is. Let's find out if it's that way real.

Информант 6. I'm twenty-nine, and I just finished my studies to become high school teacher in English and French. So that's what I do. And my mother-tong is Swedish, and that's the only language I speak at home. Also, everyone in my family speak Swedish.

- *[Int.]: Did you have to use English a lot in your studies and with your classmates?*

During the English courses, we spoke English to each other in class but Swedish outside mostly, mixed sometimes.

- *[Int.]: Why and how would it be mixed?*

When we sat for study, for example, we read books about... that are in English and where we were supposed to write in English, sometimes we spoke in English, but mostly the conversation is in Swedish.

- *[Int.]: So there weren't international students in your class?*

No, I think we had one in our English class but then there were... that was mixed class, not only teachers. So, teachers have been Swedish... hundred percent.

- *[Int.]: Is the amount of communication or work in English compared to that in Swedish different between graduate and postgraduate studies in your field?*

Usually, the higher level, more English when we study at university in general. But for... we also... or we have to take more English when we teach in high school than if we teach under... eh, the lower grades.

- *[Int.]: Have you taken a semester or even a moth course in an English speaking country?*

I've been to the States both for a vacation and I also lived there for three months, was the longest period I stayed there. And I go to the UK now and then. But not for studies. I've only studies English in Sweden.

- *[Int.]: Do you think there is a difference in English competence between different age groups?*

Yes, most people in general speak good English in Sweden, also the elder people, but the younger, of course, use English a bit more. And we use English, we switch, we do a lot of code switching. So usually we speak in Swedish but then throw in English words or English sentences now and then. And that is quite common. It could be any sentences but like short... like expressive sentences. Some things that we think sound better in English than in Swedish or better

communicate exact... exactly what we want to say. Some more like shorter things to emphasize something that you...

- *[Int.]: Do you think those would be quotes from TV series?*

Could be, could be. Mostly... yeah, could be influenced by that.

- *[Int.]: Does the younger generation tend to do it more often?*

I think so, but I think also it's up the ages right now. You know, parents do that sometimes, too.

- *If people are coming to Sweden to work, do they really need to learn Swedish?*

They don't have to, and I think it's a bit hard to, because we always switch to English as soon as we hear that someone is not from here, we start speaking English usually. So, I know it's quite difficult to learn Swedish for those who come here. And you can get by with English very easily. But that's always in order to get into society for real you need to learn the language. Because Swedish is the language we use with each other.

ИНФОРМАНТ 7. I'm twenty-six and I am... I've studied pharmacy for five years on... at university.

And what's that a question?

Was there something else?

- *[Int.]: Are there any languages other than Swedish spoken at home?*

Ahm... no, just Swedish, but my sister hus... my sister's husband is from New Zealand, so sometimes, when we go there, we speak English with them, but not that often. Like he has learned Swedish so, mostly, I would say, Swedish. And my dad and my mom only speaks Swedish. My mom, ehm... knows English; my dad – not so much. But the language that we speak like ninety-five percent of the time is Swedish.

- *[Int.]: Have you gone to take at least a month long course in an English-speaking country?*

No, not at all.

- *[Int.]: At your school, did you need to use English?*

Not like in the lower classes, but when you go to university, lot of the books were in English, so you had to like understand English to learn. Because there are not that many books in Swedish that are on that high education level in the pharmacy field... that all the books are in English. Ah... I think we had maybe one seminar in English but that's it. Most of the time we spoke Swedish, but all articles, all the books, everything... that's in English. So you need to be able to understand English to get through ... ehm... through university.

- *[Int.]: Did you have any international students that you would have to communicate with in English?*

No, not in our class. No.

- *[Int.]: In your daily life, do you hear English often? If so, how many hours per day or per week?*

Oh, wow, that's difficult to...to know, but I would guess... I mean, the most through TV, I guess. Maybe like one and a half hours a day... at least. And it depends if I watch TV or something... but, I mean, all the TV series that I follow are in English. We don't ... eh... translate them to Swedish, you know, the speaking version. We have like subtitles. So I think that is one of the main reasons why I have learned English is through... through watching TV. I try to learn French in school but didn't work out that well because I don't hear it every day. I, like, very rarely hear French, but English I hear every day on TV. So that's one of the main parts, main reasons why I learned English, I think.

- *[Int.]: Do you ever need to write in English, maybe on social media?*

Not on social media. But we did a lot of ... like for school... in university, we had to write some reports in English. Yeah, so...

- *[Int.]: Other than that, do you write in English in your daily life?*

Not that much, no. Because I have like friends that play a lot of computer games. They have to write a lot of in English, and they told me that is the way they have learned English. But I don't play a lot of computer games online so... I don't

communicate that a lot in English. So... online. But I read stuff online. There's a lot of English I watch TV series or movies online then I watch them in English, yeah, so...

- *[Int.]: Do you think people now tend to use more English words and phrases in their daily life now?*

Yeah, definitely. Yeah, I do it myself, sometime, you know. So, right, yeah, I think so.

- *[Int.]: Do you think there is a difference in English language skills between generations?*

Yeah, I think... I mean, older people all learned their English in school. But younger people learned in the school but we also go a lot of help from like social... maybe not like social media, but the Internet. And the way... the music, the TV series, and a lot of media experience like newspapers in English and then ... well, not... maybe not a lot of newspapers, but I think music and TV has helped us to, I don't know, to be interested in English and to learn automatically, without studying English. So, yeah. And I think the younger generation; the English language is more spread in younger generation. But I definitely believe that a lot of older people that knows English, but I think it's more common or... yeah, in younger generation.

Информант 8. My name is Malin. I am 27 years old. I am majoring in electrical engineering. It's a bachelor degree and you can also take a Master degree if you'd like. Ehm, and languages... I'm... My mom's Swedish, my dad is Swedish. So, and all our relatives from back is Swedish so I don't have any other languages. Ehm. But I... That's it, I guess. I lived in Germany for two years to study German. Because I had this engineering plan and Germany is quite big engineering country. So it was in my fields... it's a good language to know because you are always working in some sorts towards Germany, if you'd like... but other than that, no.

English, of course. We have some... like the texts in school is English and we also do... some work in English. But in the bachelor degree, it's mainly Swedish.

If only you take a Master, you... the education in English more or less. But, that's it.

- *[Int.]: Do you hear it very often in you everyday life?*

English, yes, every day. Like for all sorts of media, I read a lot of English written newspapers, for example, and like films, and televisions. We don't dub in Sweden. Like all... if TV show's English, then we have Swedish subtitles so we always, like, hear English in our everyday life.

- *[Int.]: Do you have to write or speak it?*

You don't have... I don't have to but I do because I am quite active in forums where you, like, talk to people from different parts of the world more or less. And then you have to, like... English is some good way of human communication. Because a lot of people know English. It's quite interesting that if I am abroad, my, It's not... like I think: "Ok, now I'm going to France so I should probably learn some French"... It's like, well, I can manage on English. But in France it's not like that. Now that I think I use English... yeah, every day. It would not go pass a day that I do not encounter English in some sort.

- *[Int.]: You started learning English when you were...?*

Young. I think the first English in Sweden you learn in, when you are in fifth ... fourth or fifth grade. And then you are like... eleven, ten-eleven... twelve. Then you have it in school for... like a course in school. Like Swedish, and geography, and history. So, it's quite young; it's quite early.

- *[Int.]: Do you think younger people use it more now?*

Yeah. My brother is five year younger than I am and his English is impeccable. He's like really-really good at English. Because he's also like gaming, computer gaming, online. And that's also ... then you meet people... you play with people from all of... other counties, and you speak English. So his English, I could say, somewhat the vocabulary is better than his Swedish vocabulary in some fields. Because, they talk to each other... and communicate with each other.

- *[Int.]: What about the older generation?*

My mom is actually quite bad at English but she manages when she is abroad, for example, and ... but for her it's not natural, she always switches... she has to concentrate a lot more. My dad, his English is fine because he's had a lot of business trips and he also is an analytical chemist so then it's like he studied a lot in English at his Masters.

And my grandparents, they have like the senior class so they go and learn English because when they were young they learned German. Like we learn English at an early age, they learned German. Yeah, so I think a lot of older people in Sweden actually try to learn English. They search for it in order to be modern, and young, and hip.

So when I think about my boyfriend and his grandparents, and his mom, and his parents, they are also... Yeah, I think a lot of middle aged people in Sweden actually can come by by their English.

Информант 9. (Часто общались, т.к. она проживала в соседней комнате, в студ. общежитии) Фрагменты бесед в течение июля 2016 г.

– (04.07.2016) You are not able to integrate with each other, and learn from each other, and get to know each other. Because, if you are no able to talk to each other, then they are just people in far distance who you don't know. And it's really frustrating. Now I was not refugee, I was like a tourist... traveler to German, to Germany but it's all... it's really frustrating not being able to... to show people who you are. Because who you are you communicate with your language; and not being able to do that, it's really frustrating.

I actually think the program for foreigners learning Swedish the last couple of ... four-five years that's become a lot better because they learn Swedish really-really fast now. And they get to... and I think that's a key actually to integrating to society. Because without... if you don't know... In Sweden, of course, like you can... you can come by really good with English. But still, you... People look at you like "but you don't even know Swedish". And that's like... you making assumption about a person based on their language skills. And if you don't... I think that if a person comes to Sweden and don't "bother" to learn Swedish,

people make the assumption that they are either lazy, or uninterested, or like nonchalant, not ... you make, like, this negative assumption based on the personality. And, it's not like the assumption is not like "Well, I can understand because if you come from Arabic speaking country, it's f**ing difficult to learn Swedish." I will never be able to learn Arabic because it's like two different worlds not even the same language... you say language stem, like we as Swedes is Indo-European ... Yeah, exactly. It's... so for... like, for Spanish people, it's quite easy to learn French, or Italian, because it's like...it's the same. And for Swedes, it's quite easy to learn German because they are basically the same. But like India, it's ... the language is completely different so. So, I think it's a struggle to learn Swedish so good that you can come by in everyday life: like going to the police, going to the doctor, going to the physical ... Försäkringskassan... If you get sick, you can go to this instance and get money for being sick. And you can't do that if are not able to communicate, you need like a translator, and it becomes lot more work than just being able to do it yourself.

– **(06.07.2016)** When we talk about the migration problem, you don't talk about people coming from... from Great Britain or America. You don't talk about Western people... you talk about 'the Eastern' parts. And, I think statistics says in Sweden, like, the biggest... not the last couple of years due to this humanitarian crisis in Syria, but normally, I think, the biggest migration to Sweden prior was from other Western countries. Like from other European countries. But in the statistics, you only see Muslims, that's when you say 'migration to Sweden', you mostly think about Muslims or foreign subject states, for example. Because that's our image of migration. And also because they don't speak English.

– **(07.07.2016)** They had this Esperanto experiment, like, in the beginning of the century, I think the idea is really-really good. Like making a... an artificial language which easy to understand and... which would be easy to learn; to be a global language, because then... if everyone spoke the same language, a global language in some sort, then you would be able to communicate with each other. And then...

- *[Int.]: But don't you think that English has become such a global language, by "English" I mean the international English, spoken with an accent or a set of accents?*

I think that's because... for a Swede, it's quite easy to learn English because the grammar is not that different from Swedish grammar. The way they build sentences is quite similar, and... and... words are quite similar. So, in that sense, it's quite easy for us to learn English I think because it's the same mindset.

– (09.07.2016) Yeah, I think it's also... when I was exchange student, then you were always, like, talking to exchange students always talked to each other in English. We did not try to speak German with each other, but we were just there to learn German, so... But we spoke English. Because it's easier, because then you can start communicating with each other a lot faster than if you were to... speak with A1 German with each other.

– (12.07.2016) We have that like old colonial heritage, the western con... the Western world. It's... we have this... this... I think, it's... in the colonial age it was like... it wasn't even question, it was a fact that we were better, we were superior, and higher. And that's why we thought it was, of course, legit to colonize Africa. It was... because Africans were not as intelligent, or highly educated, or smart as we were. And it was not question, that was fact. And I think that mindset, even if we're not practicing it as brutless... brutal anymore, it's still in some sorts... we're used to being so highly civilized. So we are, we also think that, well, we are so superior, so... our civilization is... everyone should look at our civilization, look how great it is. It's been thriving for three hundred years straight upwards. And I think that also... reflects and contribute how we see and how we interact with other parts of the world.

– (13.07.2016) My boyfriend's grand mom, she's... ehm, she is from the part that today is ... Kalininigrald? ... So she is and her... [Konigsberg?] ... Konigsberg, yeah. So, her mom, she fled the First World War, and she was able to come back. And then they fled the Second World War and was not able to come back in like ninety-four? She's... so she's war refugee, and she's come from Sweden... from

Ostpreussen to Germany, to Denmark, to Sweden. And she married a Danish man. And she's think... she thinks in both Swedish and German but she always dreams in German. The dreams... I asked her, "Do you think in German, or do you think in Swedish?" "Well, it's fifty-fifty, basically. I think in both German and in Swedish. But when I dream, I always dream in German." Her dreams are always in German.

– (14.07.2016) [Int.]: *In English, a "grandfather" is always a "grandfather", it doesn't matter whose father he is.*

But in Swedish it's from you father's side or from your mother's side...

It's all structure of the society, as well. When, I was in Germany, I studied with a lot of South Koreans. And I remember I had so much difficulties just understanding their world... view of the world. Because... And they told us, like... depending on if you are sis... if you are the sister, you address the brother in a way. If you are the younger or the older, then he has a different name or... The brother... if you are sister – sister, you address each other in some way. And if you are a brother addressing your sister, it's... and all...that... we don't have that! And that also a soci... it's a reflection of... I think some sort of hierarchy in... within society. And we don't have those kind of structures, so for me it was "I'm not getting that. I don't understand". Because for me the concept of... my brother is my brother. That's that. The concept of him being anything else than just my brother, and that I would address him differently if there are other people around, it was like, it's.... I could not imagine.

– (15.07.2016) My boyfriend's family, they were... my boyfriend's grand mom, she had five siblings, so six with her. And she and two of her brothers, when they were start to build the wall, they actually... they managed to flee from... from East Germany. And the other family members who were staying, they would say "Well, we will come later. This will not be so bad." And then they were cut off. They... and one of them, the sisters, she was living in East Germany, and she never got kids, and she never got married. So she leave never... she was never allowed to leave. Because she... there was nothing here... in East Germany

keeping her still there. So she've never got to visit her other family members for like thirty plus years. And that's sad, it's horrible, actually, that you separate people in... And that's also in some sorts...the sad part about countries, and country limits because it's not because it's not biological... Yeah, because, for instance, Swedish map has looked a lot different in the history, depending on the imperialistic success... yeah... Like it could, like Skåne⁴, for instance, was... it's Danish more or less, but today it's obvious it's Swedish. So it's just a matter of what you decide a country to be. It's not like... it is there by default.

Информант 10. *[Int.]: And the other person who was with you is your supervisor?*

Yes, exactly, he wasn't here yesterday because he was busy with other things. He went home today in the morning.

- *[Int.]: So it looks like you two are the only Swedes here, other than organizers?*

Yeah, exactly, I think so, too. Everyone else are non-Swedes.

- *[Int.]: Do you study in your hometown?*

Yeah, in Gothenburg. Actually, my PhD starts today... Officially, I am a Masters PhD, a program in Gothenburg. So, I finished my Master's thesis last week with all the components... program and stuff like that. I actually, it's officially today that the program begins.

- *[Int.]: It is not strictly in Computer Science, right?*

No, it is more cross-over Computer Science and Control. I come from the Computer Control background. So this is related, of course, but it's not fully related. I am not a computer scientist, I'm a control engineer, you can say. But I need computer science as well to perform the testing that we need to perform.

Информант 11. I am twenty-two years old. I live with my boyfriend in a small city called Motala. I studied Media and Graphic Design in school... university in Malmo.

⁴ Скания или Сконе (Сконеланд; швед. Skåneland)

I speak English fluently because my dad is American and I grew up bilingual. But most Swedes are actually fluent in English.

My dad was born in the US, outside of Chicago, and my mom was born in Finland. My mom moved to Sweden when she was very young, like four or something. And my dad came to Sweden for work or school or something, I don't know, in the eighties, I believe. And then he met my mom. And then my mom went back to the US with my dad for some... For him to finish school, I think, or something like that. And then, eventually, they moved to Switch... to Switzerland where my older brother was born in Zurich. And then, eventually, my dad got a job in Sweden and they moved to Sweden. And that's where I was born and that's where my younger brother was born. And we have never lived in any other country than Sweden. And my dad has lived here now for twenty-seven..ish years, I don't know. Twenty-six... twenty-five, twenty-four... No idea. Yes, h speaks fluent Swedish but we all in the family speak English to him. And, we speak Swedish to my mom. And, no, I do not speak Finnish at all. What else... Siblings speak Swedish to each other. That's more or less the history. I have never lived anywhere else; I just got my dual citizenship through my dad being American. So I'm half-American. Which means I get a citizenship which is pretty cool.

What city am I born in? I was born in Uppsala. If you watch "Vikings", you probably heard about Uppsala, I don't know. But, yeah, I was born in Uppsala, but I live in Enköping the first two years of my life.

- *[Int.]: Is it important to learn Swedish or can you work in Sweden if you only know English?*

Everybody... Now I am generalizing, but more or less everybody knows English here. Ehm, and, of course you need to know Swedish at some point, you need to learn Swedish if you gonna stay here for a longer period of time. But if you work at an international company that operates everything in English, you are fine... Ehm, I had an interview with an English speaking company based in Stockholm about a year ago... whatever... So, there are companies like that. But you gonna have to learn Swedish at some point, for sure.

Приложение 5

5.1. Сопоставление систем английских и норвежских фонем

5.1.1. Артикуляционные характеристики норвежских фонем

Краткий обзор артикуляционных характеристик норвежских фонем необходим для последующего анализа их влияния на английское произношение норвежцев. В этом обзоре мы опираемся на описания фонологической системы норвежского языка, представленные в работах В.П. Беркова, С.В. Карпушиной и А.И. Ускова, Н. Дэвидсона-Нильсена и П. Хардера, Г. Кристофферсена, Т. Нильсена [Берков 2001, с. 160–180; Карпушина, Усков 2013, уроки 1–6; Davidson-Nielsen, Harder 2001, p. 21–36; Kristoffersen 2000, p. 11–25; Nilsen 2010, p. 67–135].

Таблица 5.1.

Сопоставительная таблица английских и норвежских согласных.

Английские		Норвежские	
Губные: билабиальные и лабиодентальные:			
p	билабиальный непридыхательный глухой взрывной	p [̥]	билабиальный непридыхательный глухой взрывной
p ^h	билабиальный придыхательный глухой взрывной	p ^h	билабиальный придыхательный глухой взрывной
b	билабиальный непридыхательный звонкий взрывной	b [̥]	билабиальный непридыхательный частично звонкий взрывной
m	билабиальный носовой сонант	m	билабиальный носовой сонант
f	лабиодентальный глухой	f	лабиодентальный глухой

	фрикативный (щелевой)		фрикативный (щелевой)
v	лабиодентальный звонкий фрикативный	v	лабиодентальный звонкий аппроксимант (плавный)
Межзубные			
θ	межзубный глухой фрикативный (щелевой)		отсутствует
ð	межзубный звонкий фрикативный (щелевой)		отсутствует
Зубные и альвеолярные			
t	альвеолярный непридыхательный глухой взрывной	t̥	ламинальный зубно- альвеолярный непридыхательный глухой взрывной
	отсутствует	t̥	преднебный какуминальный непридыхательный глухой взрывной
t ^h	альвеолярный придыхательный глухой взрывной	t̥ ^h	ламинальный зубно- альвеолярный придыхательный глухой взрывной
d	альвеолярный непридыхательный звонкий взрывной	d̥	ламинальный зубно- альвеолярный непридыхательный частично звонкий взрывной
	отсутствует	d̥	ламинальный зубно- альвеолярный непридыхательный частично звонкий взрывной

		t̚	ламинальный зубно-альвеолярный непридыхательный глухой взрывной
	отсутствует	d̥	преднебный какуминальный непридыхательный звонкий взрывной
n	альвеолярный носовой сонант	ɲ	ламинальный зубно-альвеолярный носовой сонант
	отсутствует	ɲ̥	преднебный какуминальный носовой сонант
s	альвеолярный глухой сбилянт фрикативный (щелевой)	s	ламинальный (зубно-) альвеолярный глухой сбилянт фрикативный (щелевой)
z	альвеолярный звонкий сбилянт фрикативный (щелевой)		отсутствует
	отсутствует	ʂ	преднебный глухой ретрофлексный фрикативный (сбилянт)
l	альвеолярный латеральный сонант (плавный)	l	ламинальный зубно-альвеолярный латеральный сонант (плавный)
	отсутствует	ɭ	преднебный какуминальный

			латеральный сонант
ɹ /r/	альвеолярный нелатеральный сонант (плавный)	ɹ	альвеолярный одноударный сонант
	отсутствует	ɻ	ретрофлексный (какуминальный) одноударный
Палатальные (небные): альвеоло-палатальные (постальвеолярные) и небные			
ʃ	постальвеолярный глухой шипящий фрикативный		отсутствует
	отсутствует	ʃ̺	глухой небный фрикативный
ʒ	постальвеолярный звонкий шипящий фрикативный		отсутствует
tʃ	постальвеолярный глухой аффрикат		отсутствует
dʒ	постальвеолярный звонкий аффрикат		отсутствует
j	небный нелатеральный аппроксимант (плавный)	j	небный нелатеральный фрикативный аппроксимант
Велярные (задненебные)			
k	велярный непридыхательный глухой взрывной	k	велярный непридыхательный глухой взрывной
k ^h	велярный	k ^h	велярный придыхательный

	придыхательный глухой взрывной		глухой взрывной
ɣ	велярный непридыхательный звонкий взрывной	ɣ	велярный непридыхательный звонкий взрывной
ŋ	велярный носовой сонант	ŋ	велярный носовой сонант
w	велярный лабиализованный (огубленный) глайд /лабио-велярный глайд /	w̥	лабиальный глайд
ʌ	велярный лабиализованный глухой глайд		отсутствует
Увулярные			
		ɰ	увулярная трель <i>(характерна для носителей южных и центральных диалектов)</i>
Глоттальные (гортанные)			
h	гортанный глухой щелевой	h	гортанный глухой щелевой
		ʔ	гортанная смычка (толчок)

Согласные

К числу особенностей норвежского консонантизма относятся: отсутствие долгих согласных, наличие ретрофлексных согласных, глухость или частичная звонкость смычных. Корпус норвежских согласных включает 23 фонемы: [p], [b], [t], [d], [t̪], [d̪], [k], [g], [f], [v], [s], [ʂ], [ç], [j], [h], [m], [n], [ŋ], [ɲ], [l], [l̥], [r], [r̥].

Норвежские смычные [p], [b], [t], [d], [t̥], [d̥], [k], [g] делятся на 2 группы по различной артикуляторной активности гортани. В поствокальной позиции одна группа реализуется как звонкие /b, d, g/, например, *jobb* [jɔ**b**] «работа», *jod* [jɔ**d**] «йод», *jogg* [jɔ**g**], «бегайте» (пов.), а другая – как глухие /p, t, k/, например, *leppe* [ˈlɛp**pʰ**ə] «губа», *lette* [ˈlɛt**tʰ**ə] «освещать, зажигать», *lekke* [ˈlɛk**kʰ**ə] «лизать». В начале слова (и в начале ударного слога, независимо от положения в слове) фонетическая оппозиция между этими двумя группами проявляется не в наличии или отсутствии голоса, а в наличии или отсутствии аспирации. Согласные /p, t, k/ – это глухие, придыхательные согласные: [p^h], [t^h], [k^h], а [b, d, g] – это глухие [p[̄]], [t[̄]], [k[̄]] или частично звонкие [b[̄]], [d[̄]], [g[̄]], непридыхательные, например, *bil* [b̄i:l] «автомобиль» и *pil* [p^hi:l] «стрелка», *dom* [d̄ɔm] «вердикт» и *tom* [t^hɔm] «пустой», *gutt* [ḡʉt] «мальчик» и *kutt* [k^hʉt] «порез». В звукосочетаниях после [s] эта оппозиция нейтрализуется, и данные фонемы реализуются как глухие, непридыхательные смычные.

Для норвежского, как и для шведского, характерно возникновение какуминальных (ретрофлексных) согласных [ʂ, ṭ, ḍ, ɳ, ḷ] при слиянии переднеязычных согласных [s, t, d, n, l] с предшествующим [r] по так называемому правилу ретрофлексии. Однако, диграфы <rs>, <rt>, <rn>, <rl> также могут реализоваться как кластеры фонем [rs], [rt], [rn], [rl], например, *garde* [ˈgarˈdə] «охранник», но *gardist* [gaˈḍist] «гвардеец».

Норвежская фонема [r] – это альвеолярный, одноударный сонант [r], который может реализоваться как увулярный, нелатеральный сонант [ʁ].

В отличие от английского постальвеолярного, глухого шипящего [ʃ] его норвежский аналог может быть глухим, небным, фрикативным [ç], или глухим, альвеоло-небным, фрикативным [ç̣].

Из наиболее очевидных различий в системах английских и норвежских согласных следует отметить:

1) Отсутствие в норвежском языке пары противопоставляемых по наличию/отсутствию голоса аффрикат: [tʃ - dʒ].

2) Отсутствие в норвежском языке звонкого члена пары противопоставляемых по наличию или отсутствию голоса фрикативных согласных фонем:

Английские

Норвежские

[s] – [z]

[s] – [-]

[ʃ] – [ʒ]

[ç] – [-]

[f] – [v]

[f] – [v]

Фонема [v] в норвежском языке лишь отчасти может рассматриваться как парная фонеме [f] ввиду наличия более одного различия:

[f] – глухой, лабиодентальный, фрикативный;

[v] – звонкий, лабиодентальный, аппроксимант.

3) Отсутствие в норвежском языке обеих межзубных, фрикативных фонем [θ], [ð]

4) Артикуляция норвежских аналогов английских переднеязычных, альвеолярных смычных [t], [d] и альвеолярного носового сонанта [n] как ламинальных, зубно-альвеолярных, артикулируемых с кончиком языка, прижатым к нижним зубам, а ламиной, приподнятой против зубно-альвеолярной области:

5) В отличие от английского, норвежский сонант [l] характеризуется как ламинальный, зубно-альвеолярный, латеральный сонант [l].

Таблица 5.2.

Сопоставительная таблица английских и норвежских монофтонгов

Английские		Норвежские	
Закрытые			
i:	закрытый переднего ряда нелабиализованный	i:	закрытый переднего ряда нелабиализованный

i /I/	закрытый среднего ряда нелабиализованный (второй элемент дифтонгов)	i	ненапряженный закрытый продвинутый средне- переднего ряда нелабиализованный
	отсутствует	y:	закрытый переднего ряда лабиализованный
	отсутствует	y	ненапряженный закрытый средне-переднего ряда лабиализованный
	отсутствует	ɨ:	закрытый продвинутый среднего ряда лабиализованный
	отсутствует	ɨ	ненапряженный закрытый продвинутый среднего ряда лабиализованный
u:	закрытый заднего ряда лабиализованный	u:	закрытый заднего ряда лабиализованный
		u	ненапряженный закрытый заднего ряда лабиализованный
Средне-закрытые			
I	средне-закрытый средне- переднего ряда нелабиализованный		отсутствует
	отсутствует	e:	средне-закрытый передний нелабиализованный
	отсутствует	ø:	средне-закрытый средне- переднего ряда лабиализованный

ʊ	средне-закрытый средне-заднего ряда лабиализованный		отсутствует
Среднего подъема			
	отсутствует	ɘ/ɛ	среднего подъема переднего ряда нелабиализованный
	отсутствует	ø	среднего подъема средне-переднего ряда лабиализованный
		ɔ:	среднего подъема задний лабиализованный
ə	нейтральный среднего подъема среднего ряда	ə	нейтральный среднего подъема среднего ряда
Средне-открытые			
ɛ	средне-открытый передний нелабиализованный		отсутствует
æ	Более открытый передний нелабиализованный	æ: æ	более открытый передний нелабиализованный
ɜ̄ / ɝ	средне-открытый центральный нелабиализованный		отсутствует
	отсутствует	œ	средне-открытый средне-переднего ряда лабиализованный
ɔ	средне-открытый задний лабиализованный	ɔ	средне-открытый продвинутый задний лабиализованный
ʌ	средне-открытый задний нелабиализованный		отсутствует

Открытые			
ɒ	открытый задний лабиализованный		отсутствует
ɑ	открытый передний нелабиализованный (первый элемент дифтонгов)	ɑ	открытый продвинутый задний нелабиализованный
ɑ	открытый задний нелабиализованный	ɑ:	открытый продвинутый задний нелабиализованный

Между системами английских и норвежских гласных также имеются значительные расхождения. В норвежском отсутствуют:

- 1) второй элемент дифтонгов, закрытый, среднего ряда, нелабиализованный [ɪ], средне-закрытый, средне-заднего ряда, лабиализованный [ʊ];
- 2) средне-открытый, центральный, нелабиализованный [ɜ/ɝ], средне-открытый, задний, нелабиализованный [ʌ],
- 3) открытый, задний, лабиализованный [ɒ], открытый, передний, нелабиализованный (первый элемент дифтонгов) [ɑ].

В английском отсутствуют:

- 1) закрытый, переднего ряда, лабиализованный [y:] и ненапряженный, закрытый, средне-переднего ряда, лабиализованный [y], закрытый, продвинутый, среднего ряда, лабиализованный [ɥ:] и ненапряженный, закрытый, продвинутый, среднего ряда, лабиализованный [ɥ];
- 2) высокий, средне-закрытый, передний, нелабиализованный [e:], средне-закрытый, передний, лабиализованный [ø:], среднего подъема, задний, лабиализованный [ɔ:];
- 3) средне-открытый, средне-переднего ряда, лабиализованный [œ].

5.1.2. Расхождения в артикуляции английских и норвежских фонем (по результатам оценки аудиторов, преподавателей английского языка)

Таблица 5.3.

Отклонения реализации норвежскими информантами английских согласных (по результатам оценки аудиторов, преподавателей английского языка).

Английск ие фонемы	Норвежск ие фонемы	Реализация информантов		
		В начале слова	В середине слова	В конце слова
Губные: билабиальные и лабиодентальные				
p	p/p ^h	<i>peace</i> ['pi:s]	<i>happy</i> ['hæp:i], <i>shopping</i> [ʃɒp'piŋ]	<i>step</i> ['stɛp'p ^h], <i>map</i> ['mɑ:p'p ^h] <i>WhatsApp</i> [ˈwɒtsɑp'p ^h]
p ^h	p ^h /p	<i>please</i> ['p ^h li:s] [ˈpli:z]	<i>happen</i> [ˈhɑ:p'p ^h ən]	
b	b/b̥/p	<i>busy</i> [ˈb̥isi], <i>Bergen</i> [ˈb̥ɛɾŋen]	<i>habit</i> [ˈhɑb̥it], <i>maybe</i> [ˈmeɪb̥i]	<i>suburb</i> [ˈsʊb̥ɛ:p]
m	m	<i>most</i> [ˈmɔʊst]	<i>amazing</i> [æ'meɪzɪŋ]	<i>seldom</i> [ˈsɛ:l̥d̥ɔm]
f	f	<i>friends</i> [ˈfrɛnz] <i>facts</i> [fækt's]	<i>shifting</i> [ˈʃɪftɪŋ]	<i>enough</i> [i'naf]
v	v/v̥/v̥/f/	<i>views</i> [ˈvj̥u:s]	<i>seven</i> [ˈsɛv̥n] <i>overly</i> [ˈɔv̥ɛli]	<i>wave</i> [vɛj̥v̥] <i>have</i> [hæf]
Межзубные				
θ	[θ/θ̥/ʈ̥]	<i>thought</i>	<i>ethical</i> [ˈɛt̥ɪkəl]	<i>north</i> [ˈnɔ:ʈ̥h]

		['θɔ:t̩ ^h] <i>thousands</i> [ˈt̩aʊsɛnz]		
θ	f	<i>thick</i> [fɪkˈk̩ ^ɚ]		
ð	[ð/d̩/t̩]	<i>the</i> [ˈðə] <i>this</i> [ðɪs]	<i>and then</i> [ən ðen] <i>given that</i> [ˈgɪvən ðæt̩ ^h]	<i>with</i> [vɪt̩]
Альвеолярные				
t	t̩/t̩/t̩ ^h	<i>tell</i> [ˈt̩ ^h ɛl]	<i>letter</i> [ˈlɛt̩ ^ɚ ˈt̩eː], <i>matter</i> [ˈmæt̩ ^ɚ :və]	<i>thought</i> [ˈt̩ ^h ɔ:t̩ ^ɚ ˈt̩ ^ɚ] <i>about</i> [æˈbaʊt̩ ^ɚ ˈt̩ ^ɚ]
t ^h	t̩ ^h /t̩	<i>train</i> [ˈt̩ ^h reɪn] <i>teach</i> [ˈti:t̩t̩ʃ]		
t	t̩			<i>smart</i> [ˈsmɑ:t̩]
t	t̩ ^ɚ /ʔ		<i>facts</i> [fækt̩ ^ɚ ˈs] <i>sentence</i> [ˈsɛnʔt̩ ^ɚ ˈɛnz]	<i>just</i> [dʒʌst̩ ^ɚ ˈt̩ ^ɚ]
d	d̩/d̩/d̩ ^ɚ /∅	<i>down</i> [ˈdaʊn] <i>dog</i> [ˈdɔ:g̩]	<i>weekends</i> [ˈvi:k̩,ɛn̩d̩z] <i>handshake</i> [ˈhænd̩,ʃeɪk̩]	<i>called</i> [ˈkɔ:ld̩ ^ɚ ˈt̩ ^ɚ]
d	d̩/t̩	<i>during</i> [d̩jʊəːɪn̩]	<i>fjords</i> [ˈfjɔ:rd̩z] <i>kids</i> [ˈkɪts]	
n	n/n̩	<i>Norwegian</i> [ˌnɔ:ˈvi:t̩t̩ʃən]	<i>sentence</i> [ˈsɛnʔt̩ ^ɚ ˈɛnz]	
n	ŋ			<i>born</i> [bɔ:n̩]

s	s/ʃ/z	<u>s</u> o [ʃo] <u>s</u> entence [ˈsɛnʔtɪns]	also [ˈɔlsɔ] <u>p</u> ossibility [ˌpɔʒiˈbi:lɪtʰi]	us [ʌʃ]
z	-- [z/ʒ]	<u>z</u> ero [ˈsɪrɔ]	<u>a</u> s <u>w</u> ell <u>a</u> s [æʃˈvelˈeʃ] <u>a</u> mazing [æˈmeɪzɪŋ] <u>b</u> usy [ˈbi:ʒi]	<u>a</u> s <u>w</u> ell <u>a</u> s [æʃˈvelˈeʃ] <u>q</u> uestions [ˈkwestʃəns] <u>c</u> oz [ˈkɔ:ʒ]
l	l/ɫ	<u>l</u> ike [ˌaɪkˈkʰ]	<u>s</u> eldom [ˈse:ldəm] <u>c</u> alled [ˈkʰɔld]	<u>s</u> mall [ˈsmɔ:l]
ɹ /r/	ɹ / r/ɹ /ɹ/ɹ/ ʁ / Ø	<u>r</u> ationalizing [ˈræçɪnəˌlaɪzɪŋ]] <u>r</u> oyal [ˈrɔjəl]	<u>R</u> egarding [reˈgɑ:rdɪŋ] <u>h</u> undred [ˈhʌndrɪd]	
Палатальные (небные): альвеоло-палатальные (постальвеолярные) и небные				
ʃ	ç/ç /ʃʃ	<u>s</u> he [çi], <u>s</u> hifting [ˈʃɪftɪŋ] <u>s</u> ure [ˈʃjʉə], <u>s</u> hort [ˈçɔ:tʰ]	<u>i</u> nternational [ˌɪnteˈnæʃɪnəl] , <u>r</u> ationalizing [ˈræçɪnəˌlaɪzɪŋ] , <u>r</u> eality- <u>s</u> hows [riˈæliʔi ˈçɔ:s]	<u>E</u> nglish [ˈɪŋɡliç]
ʒ	-- [ʒ/ç /ç]		<u>t</u> elevision [ˈteliˌvɪʒn] <u>u</u> nusual [ʌnˈju:ʒʉəl]	
tʃ	tʃ/ʃʃ/ç/ç	<u>ch</u> ips [ˈçɪps]	<u>w</u> atched [ˈwɔçt]	

dʒ	dʒ/tʃ/ç	<i>just</i> [ˌdʒʒas]	<i>Norwegian</i> [ˌnɔːvi:tʃən] [ˌnɔːtʃi:çn] <i>exaggerating</i> [egˈzadzʃjərejtɪŋ]	<i>age</i> [æjdʒ], <i>challenge</i> [ˈtʃælɛŋdʒʃ]
j	j	<i>year</i> [ˈjɛə]	<i>annoyed</i> [əˈnɔɪd]	
Велярные (задненебные)				
k	k/k ^h /k ^ʷ /k ^ç /k ^ç	<i>currently</i> [ˈkɛ:rəntʃli]	<i>dialect</i> [ˈdaɪələktʃ]	<i>like</i> [ˈlaɪkʃ] <i>speak</i> [ˈspi:kʃ]
k ^h	k ^h /k	<i>kids</i> [ˈkɛ:rəntʃl]		
g	g/ ɡ /k	<i>good</i> [ˈɡʊd] <i>guideline</i> [ˈkaɪdlaɪn]	<i>began</i> [biˈɡæn], <i>degree</i> [diˈkri:] <i>English</i> [ˈɪŋɡlɪʃ]	<i>big</i> [ˈbɪk] <i>dog</i> [ˈdɔɡ]
ŋ	ŋ		<i>think</i> [ˈtɪŋk]	<i>exaggerating</i> [egˈzadzʃjərejtɪŋ]
ŋ	ŋg/ŋɡ		<i>songs</i> [ˈsɔŋɡs]	
w	-- [w/v/vʷ]	<i>we</i> [vi] <i>weekends</i> [ˈwi:kʰɛŋs]	<i>Norway</i> [ˈnɔʊweɪ] [ˈnɔrwei]	
Глоттальный (гортанный)				
h	h /∅	<i>hope</i> [h ^h ɔp ^h]	<i>ask her</i> [ʔɒskə]	
∅/ʔ	ʔ	<i>ask her</i> [ʔɒskə] <i>hour</i> [ˈʔaʊə]		

Консонантная система английского языка норвежско-английских билингвов состоит из 26 согласных: 9 сонантов [m], [n]/[ɲ]/[ŋ], [l]/[ɫ]/[ɮ], [r], [ɹ], [j], [ŋ], [w], [v]; 4 билабиальных и лабиодентальных [p^h]/[p], [b], [f], [v]; 2 межзубных [ð], [θ]; 5 зубных и альвеолярных [t^h]/[t], [d], [d], [s]/[s], [ʒ]; 3 постальвеолярных и палатальных [ʃ]/[ʃ]/[ʃ], [tʃ], [dʒ]; 2 велярных [k]/[k^h], [ɡ] и фарингального [h].

Сонанты:

[m] – билабиальный, носовой сонант;

[n] – альвеолярный, носовой сонант, в речи часто реализуется как [ɲ] ламинальный, зубно-альвеолярный, носовой сонант;

[l] – альвеолярный, латеральный сонант, часто реализуется как ламинальный, зубно-альвеолярный, латеральный сонант [l], в отдельных случаях, в комбинации после / p, t, k, f / реализуется как оглушенный [l̥], а также как веляризованный ламинальный [ɫ] после гласных заднего ряда;

[j] – средняяязычный, небный, плоскощелевой, срединный аппроксимант;

[ŋ] – велярный, носовой сонант;

[r] – альвеолярный, нелатеральный аппроксимант, часто заменяется норвежским альвеолярным, одноударным сонантом [r] или увулярным, нелатеральным аппроксимантом [ʀ];

[w] – губной, срединный сонант, иногда подвергается трансферентной замене норвежским лабиодентальным, звонким аппроксимантом [v] или билабиальным, звонким [v].

Губные: билабиальные и лабиодентальные:

[p] – билабиальный, непридыхательный, глухой смычный;

[p^h] – билабиальный, придыхательный, глухой смычный;

[b] – билабиальный, непридыхательный, звонкий смычный, может реализоваться как частично оглушенный или глухой [b̥];

[f] – лабиодентальный, глухой фрикативный;

[v] – лабиодентальный, звонкий фрикативный, в начальной и средней позиции может заменяться лабиодентальным, полувзвонким аппроксимантом [ʋ], а в конечной позиции имеет место оглушение [ʋ] или [f].

Межзубные – звонкий, фрикативный [ð] и глухой, фрикативный [θ] в произношении норвежцев ослабляются и частично утрачивают межзубный характер:

[ð] – межзубный, звонкий фрикативный – может реализоваться как частично оглушенный и переходит в зубной, непридыхательный, частично звонкий смычный [d̥], особенно в таких односложных словах, как, например, [d̥is] – *this*;

[θ] – может реализоваться как английский межзубный, глухой фрикативный, но в речи многих информантов, меняется на норвежский альвеоло-зубной, непридыхательный, глухой взрывной [t̥] или, оставаясь глухим фрикативным, приобретает апикально-дентальную артикуляцию [s̺], хотя иногда реализуется как лабиодентальный, глухой фрикативный [f].

Зубные и альвеолярные

[t] – альвеолярный, непридыхательный, глухой смычный, часто реализуется как ламинальный, зубно-альвеолярный, непридыхательный, глухой смычный [t̺];

[d] – альвеолярный, непридыхательный, звонкий смычный, реализуется как ламинальный, зубно-альвеолярный, непридыхательный, звонкий смычный [d̺];

[s] – альвеолярный, глухой сибилант, в речи норвежско-английских билингвов часто реализуется как ламинальный, зубно-альвеолярный, глухой сибилант. Иногда встречается гиперкорректная замена ламинальным, зубно-альвеолярным, звонким сибилантом [z̺];

[z̺] – ламинальный, зубно-альвеолярный, полувзвонкий сибилант.

Палатальные: альвеоло-палатальные (постальвеолярные) и небные

[ç]/[ç̥] – в отличие от английского, постальвеолярного, глухого шипящего [ʃ], его норвежский аналог может быть глухим, небным, фрикативным [ç] или глухим, альвеоло-небным, фрикативным [ç̥].

[tʃ] – постальвеолярная, глухая аффриката, переходит в бифонемное образование в произношении английских слов с орфографической репрезентацией фонемы через «ch», а в начале слова может реализоваться как норвежский небный, глухой, свистящий фрикативный [ç];

[dʒ̥] – постальвеолярная, полувзвонкая аффриката переходит в бифонемное образование, часто с очень слабым первым элементом [d̥ʒ̥], и в быстрой речи может упрощаться до монофтонга [ʒ̥].

Велярные (задненебные)

[k] – велярный, непридыхательный, глухой смычный;

[k^h] – велярный, придыхательный, глухой смычный;

[g̊] – велярный, непридыхательный, звонкий смычный.

Глоттальные (гортанные)

[h] – фарингальный, плоскощелевой, глухой спирант, часто ослабляется в

[ʰ] – нулевую фонему.

Таблица 5.4.

Отклонения реализации норвежскими информантами английских гласных (по результатам оценки аудиторов, преподавателей английского языка).

	Английские		Норвежские	Реализация информантов
Закрытые				
	закрытый переднего ряда		закрытый переднего ряда	feel [fi:l] meet [mi:t]

	нелабиализованный		нелабиализованный	
			ненапряженный закрытый продвинутый средне-переднего ряда нелабиализованный	these [ðɪs] three [tri]
	закрытый заднего ряда лабиализованный		закрытый заднего ряда лабиализованный	school [sku:l]
			ненапряженный закрытый заднего ряда лабиализованный	school [skʊl]
		ʉ:	закрытый продвинутый среднего ряда лабиализованный	do [dʉ:] unusual [ʌn'ju:ʃʉəl]
			закрытый переднего ряда лабиализованный	use [jy:s] super ['sjy:pe]
Средне-закрытые				
	средне-закрытый средне- переднего ряда нелабиализованный		средне-закрытый переднего ряда нелабиализованный	thick [ˈtɪk]
			ненапряженный	will [vɪl]

			закрытый продвинутый средне-переднего ряда нелабиализованный	six [sᶨks]
			ненапряженный закрытый средне- переднего ряда лабиализованный	typical [ˈtᶨpɪkəl]
	средне-закрытый средне-заднего ряда лабиализованный	ʊ	средне-закрытый заднего ряда лабиализованный	put [pʊtʰ]
		ɯ	ненапряженный закрытый продвинутый среднего ряда лабиализованный	good [gʊd] book [bʊkˈkʰ] actually [aktʃˈɯeli]
			ненапряженный закрытый средне- переднего ряда лабиализованный	to [ˈtʊ]
Среднего подъема				
	нейтральный среднего подъема среднего ряда	ə	нейтральный среднего подъема среднего ряда	happen [ˈhɑ:pˈpʰən]
		ɘ	ротацированный среднего подъема задне-среднего	future [ˈfju:tɘ]

			ряда нелабиализованн ый	
			среднего подъема средне-переднего ряда лабиализованный	commuting [kø'mjy:tiŋ]
			более открытый передний нелабиализованн ый	amazing [æ'meiʒiŋ]
			открытый продвинутый задний нелабиализованн ый	unusual [ʌn'ju:ʃuəl]
			средне-открытый средний нелабиализованн ый	better [betə]
Средне-открытые				
	средне- открытый передний нелабиализованн ый	ɛ/ɛ	среднего подъема переднего ряда нелабиализованн ый	ready ['reɹdi] empty ['ɛmpti]
	более открытый передний нелабиализованн		более открытый передний нелабиализованн	began [bi'gæn]

	ый		ый	
			открытый продвинутый задний нелабиализованный	exaggerate [ɪ'ksɑ:çerejt̪] map ['mɑ:p̪p̪ʰ]
з /з	средне-открытый центральный нелабиализованный		средне-закрытый средне-переднего ряда лабиализованный	first [fɜ:st̪ʰ] church [tʃɜ:tʃ]
			среднего подъема переднего ряда нелабиализованный	search [sɛ:tʃ]
			среднего подъема среднего ряда	purpose ['pɜ:pɜ:s]
	средне-открытый задний лабиализованный		средне-открытый продвинутый задний лабиализованный	short [ʃɔ:t̪ʰ]
	средне-открытый задний нелабиализованный		открытый продвинутый задний нелабиализованный	funny ['fʌn:i]
			среднего подъема средне-переднего ряда	country ['kʰɒnt̪ri]

			лабиализованный	
			средне-открытый продвинутый задний лабиализованный	come [ˈkʰɔm]
Открытые				
	открытый задний лабиализованный		средне-открытый продвинутый задний лабиализованный	commonly [kʰɔmənli]
	открытый передний нелабиализованный (первый элемент дифтонгов)		открытый продвинутый задний нелабиализованный	down [ˈdaʊn]
	открытый задний нелабиализованный		более открытый передний нелабиализованный	asked [æsk ˈtʰ]
			приподнятый открытый задний нелабиализованный	party [pɑːtɪ]

Система вокализма английского языка норвежско-английских билингвов состоит из 17 звукотипов-монофтонгов и 8 дифтонгов.

Монофтонги:

[i:] – долгий, закрытый, переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный;

[i] – ненапряженный, закрытый, продвинутый, средне-переднего ряда, нелабиализованный;

[y:] – долгий, закрытый, переднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный (трансференция норвежского [y:]);

[ɥ:] – долгий, закрытый, продвинутый, среднего ряда, лабиализованный;

[ɥ] – ненапряженный, закрытый, продвинутый, среднего ряда, лабиализованный;

[u:] – долгий, закрытый, заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный;

[ʊ] – краткий, средне-закрытый, средне-заднего ряда, лабиализованный;

[ɛ] – краткий, среднего подъема, передний, нелабиализованный;

[ɛ:] – долгий, средне-открытый, средне-переднего ряда, нелабиализованный;

[ø:] – долгий, средне-закрытый, средне-переднего ряда, лабиализованный;

[æ] – открытый (несколько менее открытый, чем английский [æ]), передний, нелабиализованный;

[ə] – нейтральный, среднего подъема, среднего ряда;

[ɔ:] – долгий, средне-открытый, средне-задний, лабиализованный (несколько опущенный по сравнению с английским [ɔ:]);

[ɔ] – краткий, средне-открытый, средне-задний, лабиализованный (отличается от английского [ɔ] более открытым характером);

[ɑ] – краткий, открытый, средний, нелабиализованный;

[ɑ:] – приподнятый, открытый, задний (несколько продвинутый вперед по сравнению с английским [ɑ:]), нелабиализованный;

Под влиянием норвежского языка, к паре английских гласных [u:] : [ʊ] добавляются специфически норвежские: закрытые, продвинутые, среднего ряда, лабиализованные [ɥ:] и [ɥ], закрытые, переднего ряда, сильно лабиализованные [y:] и [y].

Дифтонги:

/aʊ/, представленный аллофонами [aʊ]/[aʊ] в таких словах, как, например, *down, around, sound, amount*;

/ɔʊ/, представленный аллофонами [ɔʊ]/ [ɔʊ]/ [ɔʊ]/ [ɔ] в таких словах, как, например, *ago, stone, know*;

/eɪ/, представленный аллофонами [eɪ]/[æɪ]/[ej]/[e] в таких словах, как, например, *came, say, faint, station*;

/aɪ/, представленный аллофонами [aɪ]/[aj] в таких словах, как, например, *replied, climbed, sign, lie*;

/ɔɪ/, представленный аллофонами [ɔɪ]/[ɔɪ]/[ɔj] в таких словах, как, например, *boy, avoid*;

/iə/, представленный аллофонами [iə]/[i:]/[ɛv] в таких словах, как, например, *really, dear, appeared, near*;

/ɛə/, представленный аллофонами [ɛə]/[ɛv]/[ɛ] в таких словах, как, например, *year, there, dared*;

/uə/, представленный аллофонами [uə]/[uə]/[u:] в таких словах, как, например, *during, pure*.

Речи норвежско-английских билингвов характерна интерферентная замена одного из элементов дифтонга, замена обоих элементов и монофтонгизация дифтонгов. Как правило, все дифтонги реализуются как нисходящие. Дифтонги со вторым элементом [ɪ] и [ʊ] могут реализоваться как бифонемные сочетания «гласный» + аппроксимант /j/ или /ʊ/.

5.2. Образцы текстов интервью и бесед с норвежскими информантами

5.2.1. Выдержки из записи интервью с преподавателем кафедры языка и литературы гуманитарного колледжа Бергенского университета (BUHC), ведущим курс *Cognitive Aspects of Language Society* по программе *Communication studies* (14.06.17)

Б.К. I think it's unproblematic to write academic articles in English. Norwegian researchers should generally publish more in English than they do today.

I hope that people outside the field of my study can also enjoy / benefit from reading my publications. I do not usually think about which language I use, I take what's coming naturally. Language is just a tool, and then I take the tool that best suits me. The colleagues would think it was strange if I had written my articles or my doctoral dissertation in Norwegian.

It does not matter what I mean or do, the globalization is going to happen anyway. One should publish in English to contribute to the total knowledge accumulation.

Everybody within my field publishes their most important work in English. Publishing in languages other than Norwegian should be more meritorious than publication in Norwegian. Publication in Norwegian has no purpose in my field of study.

I prefer to read professional texts in English than in Norwegian. There are some Norwegian translations of English terminology on our field, but much of it sounds pretty stupid.

All the subject I read is in English. What I need to read is not available in Norwegian. There are very few in Norway who deal with what I'm doing so I often cooperate with colleagues / universities abroad because I consider myself as part of the international academic community. BUHC should offer more subjects in English than today.

I can choose to write in Norwegian, while attending a research conference here though I think writing in Norwegian is the same as making it unavailable to a large potential audience.

5.2.2. Выдержки из записи интервью с преподавателем кафедры языка и литературы гуманитарного колледжа Бергенского университета (BUHC), ведущим курс *Culture and Language* по программе *Communication studies* (14.06.17)

X.A. Norwegian is a future-oriented language. I am more pleased to have lectures in Norwegian than in English.

The Norwegian language is part of my identity. When someone speaks English, I always understand what they say but I can discuss professional questions better in Norwegian than in English. I speak more accurately in Norwegian than I do in English. It is a part of my responsibility to maintain Norwegian as a science language. I think the opinion becomes clearer if the terminology is in Norwegian. Norwegian is a more beautiful language other than English.

In my subject we have a well-developed language in Norwegian. I would like to make an effort to find good Norwegian vocabulary

I write in Norwegian whenever I can, and English when I need to. I think it's more difficult to write academic articles in English than in Norwegian.

If I'm going to publish in English, it's because it's a requirement / it's expected of others. Publishing in Norwegian is more beneficial for my career than publishing in English. It is important to publish in other languages other than English.

BUHC should offer more subjects (also outside the language subjects) in foreign languages other than English. It is important to read subjects in other languages other than English to keep track of what is happening in the field internationally.

5.2.3. Выдержки из записи интервью с группой студентов Университета Осло (20.06.2017)

General answers

Interviewer: What languages do professors at your departments usually use in scientific publications?

Students: Always English; Mostly English; Mostly Norwegian; Some English, some Norwegian.

Interviewer: What languages do professors at your departments usually use in written works that are not primary scientific publications (popular science texts, textbooks)?

Students: Mostly Norwegian; Mostly English; Some English, some Norwegian.

Interviewer: What language is the subject terminology in your field from?

Students: Everything is in Norwegian; Most often Norwegian, some English; Like much Norwegian and English; Everything is in English.

Interviewer: What languages are usually used in lectures at your departments?

Students: Always English; Most often Norwegian, some English; Like much Norwegian and English; Most often English, some Norwegian.

Interviewer: In what languages do the students read special literature at the bachelor level?

Students: Always English; Most often Norwegian, some English; Like much Norwegian and English; Most often English, some Norwegian.

Interviewer: In what languages do the students read special literature at master's level?

Students: Always English; Like much Norwegian and English; Most often English, some Norwegian.

Interviewer: Do you discuss language questions (formally or informally) at your departments?

Students: No, never; Yes, but rarely; Sometimes.

Student 1: In a meeting with English/American-speaking people, someone who does not have English as a native language will have a certain handicap, but I do not believe this will create any particular imbalance in the meeting as long as everyone is able to understand in a good manner.

Student 2: In many cases, English is the language that everyone can best, and that is why the most neutral language available.

Student 3: English books have also been even better than the Norwegian books. I've felt, the Norwegian books can often be old and outdated. As long as the lecturer either uses English terms, or terms that can easily be translated or linked with the English (and points out this), there is usually no problem with lectures in Norwegian and the literature in English.

Student 4: No. I think somebody might feel so because they «forget the Norwegian language.» We have a lot of Norwegian words and phrases that have almost been replaced with English, so some people do not remember what these

words or phrases are in Norwegian. But I do not think that Norwegian is a poor language, those who think it just has not taught the language well enough.

Student 5: In companies that have offices all over the world, I understand that they have English as a business language.

Student 6: But if everyone in this company constantly has to communicate with each other in English, despite both of them having another common native language, I think this will be a little too extreme. Because it can more easily lead to communication errors and that work may take longer than necessary.

5.2.4. Выдержки из записи интервью с группой студентов Университетского колледжа Осло и Акерсхуза (22.06.2017)

Leading questions to be discussed:

How and for how long have you learned English?

How good are you in speaking English? (fluent – very good – good)

How well do the professors and the staff speak English?

Do you have any lectures or seminars that take place in English?

Do you think it is much more difficult to write the main assignment in a foreign language? (Why?)

If you could choose between taking the same subjects either in Norwegian or English - what would you prefer? (Why?)

Do you have to read in English?

Are your textbooks written in Norwegian or English?

Why do students choose to write their main assignments in English?

Why do you think students choose English only?

Do you use other foreign languages?

When and how often do you use English at the university?

Do you speak English with your teachers and friends?

When and how often do you use English outside academia?

Do you think you can use English for prestige within academia? (Why?)

Can you describe the difference between writing tasks in Norwegian and writing in English?

Is teaching in English useful for international students?

Can teachers and administrators speak and write good professional English in the Norwegian academic system?

– **1st Norwegian student:** The professors and the lab staff are great to speak English. They are very open and very helpful. The professors ask us to know how to help to study their courses.

– **2nd Norwegian student:** At Akershus you speak English with your teachers, as with friends.

– **Cyprus student:** In my opinion, how they teach the Network and system administration course in English is optimal for foreign students.

– **Portuguese student:** My English wasn't perfect but I very well accepted the Norwegians and the Erasmus community. The fact that everyone speaks English is very easy to communicate and feels accepted.

– **3d Norwegian student:** This is a very open academic atmosphere. Everybody speaks great English. If you have questions, you contact your professors by skype and ask whatever... **The professors' opinion is that the students and themselves (themselves) are either using English terms in research, or they have to speak absolutely Norwegian. It is really up to the students themselves (themselves) to make a schedule that gives them the theory they need and get theirself experience.**

– **German student:** Lecturers are great though you spend much less time sitting in lectures, and you have to read in English much more. For me it was a new experience, but I like this system.

– **Belarus student:** Everybody can speak and write good professional English in the Norwegian academic system, I would have used two words: innovation and research.

- **4th Norwegian student:** Akershus university college is very well organized and innovative. Since my department is small, it is very easy to get to the staff and discuss in English... well, sometimes also in Norwegian... all the research related issues.
- **Nigerian student:** Research in the field of science and development is offered in English, so it was easy with terminology. I talked to one of my professors that I wanted to find a job in Norway and he persuaded me to learn Norwegian terminology.
- **Russian student:** Professors teach you critical thinking, not just do a compulsory assignment. Teaching in English is very useful for international students; They are doing everything possible to help students from abroad.
- **5th Norwegian student:** The MSc international program at the university college was useful for our teachers' experience and for their professional advantages. They got a new understanding of multinational teaching, how to express oneself in English and be understood by all kinds of non-native speakers of English.
- **Hungarian student:** The students here have more independence on how to do research and organize study time, there are fewer exams than in Hungary.
 - **German student:** In my opinion, the curriculum at Akershus is optimal for international students, and it is offered in English. The academic support and the College's detailed study guide are a great help. These factors make sure that you are well-prepared.
- **Polish student:** Education is more advanced than in most Eastern European countries, and is offered in English. Administration and professors are very accessible, and they give you professional support.
- **Belarus student:** I was surprised by the large modern library, as well as free Internet access and computers in all buildings.
- **Romanian student:** The professors and staff are more interested in the students' success than in my country Romania.

- **Nigerian student:** This is a very modern university, everything is well organized, they have chosen the best English-speaking lecturers for each subject.
- **Hungarian student:** Study at Akershus is different, I think, better than at Debrecen university (Hungary). They focus on important and practical subjects in each course, not just theoretical ones.

5.2.5. Выдержки из записи интервью с группой студентов Университета Бергена (27.06.2017)

Student 1: It is very expensive in Norway. There are very cheap some events for students (tours, museums and etc.), and student clubs... Moreover, one of the most popular clubs in Bergen is...in the basement of the university! Therefore, you can end up going there right after studying if your economy feels like it.

Student 2: Norway has the ideology that the university should be accessible to all (very socialist). The professors are «ok» in English, but not as a native language speaker the facilities is available for everybody. Perhaps you just need a book, the rest is provided..., and the university is nice, you want a swimming pool and sauna inside, and a cheap cafeteria open till 6 p/m/... Luckily, the guys at the nearby Statoil gas station behold the food counter all day round and cheer up students with coffee, food and smiles.

Student 3: I would like to advise future students to take the opportunity to go and study in Bergen. You will be confronted with other cultures, other university facilities and you will ...

Student 4: It is a very beautiful city in an even more beautiful country. The university offers interesting courses, but demand varies widely from the different studies.

Student 5: Really good facilities, wide range of books and databases in a library; good choice of courses for people from my study, and I also believe others; good professors and interesting approach to teaching; good student environment (dorms, discounts, parties etc.)

Student 6: Case-based courses are quite demanding and I mean I want to be prepared for discussion in class the next day, so that I don't want to disappoint the professor! For example, Thursday night, typical student night-out here in Bergen, but I was working on my data to define the theme for the conference. I was preparing for discussion... Well, I realized I didn't have studying time on my side since a couple of my friends came back to our office very happy, and a late night talk was about to begin. It turned out to be quite inspirational, as most late night talks are. At 3 am everybody went back home. All in all, a normal day at Bergen, but it made me think about a couple of points we usually take for granted: It's easy to make great theories on the paper but difficult to put them to life.

Student 7: I would recommend this university to all my friends who wish to study in an international environment. Student life is a lot of fun. It is one of the best universities I have visited so far, very ...

Student 8: You have access to university facilities with your student card 24/7 and you can leave the university at 3 am with no worries for your safety. No lawbreaking! My meaning is that you could, if you wanted, spend all your time at the campus and nearby areas and still have all the basics for a comfortable student life. It's better than I can put word on. Not that I am suggesting the knowledge achieved at Bergen is not important!

5.2.6. Выдержки из записи беседы с пожилой норвежкой в поезде Осло-Бергена (25.06.2017)

Do most people in Norway speak English well?

I make an occasionally mistake when I speak English but shall you mind if you understand my meaning?

We have some types of Norwegians speaking with English who don't even try to pronounce the words correctly. Here is the politician Thorbjørn Jagland: Good vocabulary, terrible accent.

I really think that Jagland's accent is a shame for us Norwegians. Why can't he possible try and learn some good English? It shall mostly be Norwegian in English, – or else it's not, **We can see it even more obvious in our modern society.**

English is such a big and Norwegian words are fewer – I do like Norwegian dialect, – I write only bokmål, it's not... the best we have in the country, it's the largest dialect, dialects are dying out in fast speed here... it's wery sad, – around Bergen town all dialects die out in my lifetime, or about...

Wery sad, it is! because it's so preferably to speak the big city languish. Oslo and Bergen, Trondheim, we lose all dialect (dialects) – something that was Norway – much more beautiful it was (it was much more beautiful), or is...

I live in Norway for my entire life and I never talk English except to tourist who wonder where something is. The only times I really speak English was in school and if I speak with my friends I shall use a lot of phrases and words from TV, but never have entire conversations in English. Some might use it for work or other professions, but few ordinary Norwegians use it frequently.

5.2.7. Выдержки из интервью с руководителем отдела Торгово-промышленной палаты Осло (06.07.2017)

I am leading a business organization that has daily contact with foreign countries, and helps Norwegian companies with foreign establishments, or foreign companies, to find customers in Norway.

We all too often discover that poor language knowledge among Norwegian companies causes major problems. Everyday English is good, but in the case of contract negotiations and some more advanced discussions, many Norwegians often fall off the load.

I have worked in three non-Norwegian multinational companies for some years and I had never received the jobs without solid oral and written language skills in English and French.

The business community has a responsibility. Many companies today have the attitude that it holds English, and 95 percent of export companies currently use English as their working language.

However, assuming English skills are good, better than just from upper secondary school... When it comes to other foreign languages like German, French and Spanish, it's even worse.

This means, among other things, that many Norwegian companies do not dare to enter new markets or spend much unnecessary time on misunderstandings and communication problems. What this costs the business community in lost income and increased costs I have not counted on, but that's a big amount.

Access to employees with competence in foreign languages is important for Norwegian companies that trade in foreign countries. It is also important for the individual employee to reach the increasingly globalized struggle for workplaces and to have enough competence for negotiations and discussions in foreign countries.

5.2.8. Выдержки из интервью с менеджером по связям Торгово-промышленной палаты Осло (06.07.2017)

Corporate Federation and Oslo Chamber of Commerce conducted a survey of export and import companies to map the business needs of foreign languages. The survey shows, among other things, that as much as one-third agree with the claim that they have a necessary need for language skills in addition to English and Norwegian.

There is largely a need for employees with German language skills (12%) and amazing enough English (9%). Around 40% of companies responded that they experience negative consequences due to lack of language skills. Of these, 8% reported lost contracts and sales, 12% losing business opportunities, 14% delivering poor quality and customer service, 27% experiencing collaborative problems with customers and partners and 2% that it caused unnecessary liability.

We also conducted a survey of students in higher education specialization programs in Oslo and Akershus and discovered that interest in learning foreign languages is low. In the survey, the students scored very high on the statement «Being able to express themselves in English is important» (4.4 points of 5 possible). But the result was only 2.8 points for the claim that «being able to express themselves in a third language is important». This clearly shows that the attitude of youth is that it holds English as a foreign language, and it does not benefit business.

What needs to be done? Business needs to be better placed to market to students that they need more language skills than English from higher education, and it should be premiered. Schools need to be better off teaching foreign languages and putting even greater demands on competence.

5.2.9. Выдержки из интервью со студенткой летней школы в Университете Осло. Программа *Linguistics and its Applications for a Multilingual Society* (04.07.2017)

I am going to have a debate about English as a written language in Norway, and was dealt with against this, so I need reasons for keeping Norway in Norway.

Through the development of the Norwegian language, we know that English has long been a strong influence factor.

Many loan terms in Norwegian are taken from the British Isles or the major recourse to the English language.

However, in recent decades, we have seen a new development. This means that Norwegian vocabulary is replaced with English, and that English is also in the process of conquering task writing, teaching and textbooks in the higher education institutions.

I have not only once heard people say in earnest that English is so much richer language than Norwegian, so they prefer it!

The problem is, too, that most people are too bad in Norwegian, not just writing, but too little vocabulary – and when you lack the words, you have to resort to English. Or at worst, use the word “greie” as an adjective.

English is the language that affects most Norwegian. Expressions like “What’s up?” (“whazzup”) and “Hi mate!” and words like “chille”, “chat” and “dude” occur frequently in the youth chat. Nor is it difficult to see what expressions like “He rules!” or “The book sucks!” originating from. It would have caused some sense if adults used such words and expressions.

5.2.10. Выдержки из интервью со студентом летней школы в Университете Осло. Программа *Linguistics and its Applications for a Multilingual Society* (04.07.2017)

I focus especially on English influence in social media and the problem is as follows: How does English affect the Norwegian language in social media?

Does English threaten the Norwegian language?

Many fear that Norwegian languages will lose ground.

An action to counteract the threat to Norwegian languages is so-called norvagination; that is, starting from the imported word and adapting it to Norwegian.

This means that Norwegian vocabulary is replaced with English, and that English is also in the process of conquering task writing, teaching and textbooks in the higher education institutions.

Another phenomenon we have in terms of loans from other languages is code exchange. While it used to be common to only use single words, we now take full sentences or phrases. A great source of inspiration here is reality programs or popular TV shows.

So far, I’ve found a bit about: language exchange or code exchange, jumping between multiple languages in a conversation like forms of code exchange.

What function it has for us, especially youths, like cite someone, fellowship or spice the language? Which context, like serious and unreasonable situations?

I cannot find more, and I need a lot.

Please tell me, maybe there will be some help for me.

Youth and use of English?

The increasing and rapid impact of English-language culture comes first and foremost from the media, as we see it in television series and reality programs, and from social media. I have also looked at how language and chat languages are influenced by English. The major consumers of these media are teenagers which bring English words and expressions into their language to a much greater degree than adults.

Through the media, an urban culture is also spreading more easily. Here too, we see that the influence of English is massive.

In fact, I have the honors of English influence in the Norwegian language, I'm really stuck, thinking that you can take a few moments around this theme.

Приложение 5.3.

5.3.1. Материалы из интернет-сайтов

5.3.1-1. Вопросы и ответы на сайте <https://www.quora.com/>

5.3.1-1a. What's the difference between Norwegian Bokmål and Norwegian Nynorsk? When you go to Norway, what dialect will be used? Which dialect is closer to Swedish?

M.I. Dec 16, 2016

Here on the south coast of Norway I hear this mostly among young people. I am not surprised. When I grew up in western Norway, everyone for miles and miles spoke and wrote Nynorsk, the minority language. But I and my brothers still used canned phrases in Bokmål, the majority language: Quotes from poetry, jokes, newspaper or magazine headlines, famous phrases from radio and so on. Now the turn has come to the Bokmål people to take their own medicine and be a minority in a big world. Enjoy!

S.R. Aug 14, 2016

Bokmål (BM) and Nynorsk (NN) aren't spoken languages. They're written ones. You'll see some words here and there with similarities with the written languages (as written versus spoken language tend...

Bokmål (BM) and Nynorsk (NN) aren't spoken languages. They're written ones. You'll see some words here and there with similarities with the written languages (as written versus spoken language tends to go), but there are no one (perhaps aside from those reading a text aloud) who speaks purely BM or NN. Where the distribution of the written form is concerned, it is mostly Western Norway that have it as the major written language (though all Norwegian students are required to learn both).

The difference isn't abysmal. It's very similar in some aspects, and somewhat dissimilar in others. It has some recurring themes, such as "ØY" or "AU" replacing "Ø" in som words:

- To drive
 - BM - kjøre
 - NN - køyre
- Red
 - BM - rød
 - NN - raud

Then there's the more dissimilar ones

- To visit
 - BM - å besøke
 - NN - å vitje
- You (plural)
 - BM - dere
 - NN - de/dykk
- with (someone)
 - BM - hos
 - NN - hjå

The sentence structure is largely similar, so it isn't as if you can't possibly understand the one if you do the other in most cases. In conservative BM the written language only has two noun genders as well (perhaps similar to Danish), while it *is* allowed to write three. The latter is a requirement for NN.

- A red car is parked at your uncle's.
 - BM - En rød bil står parkert hos onkelen deres.
 - NN - Ein raud bil står parkert hjå onkelen dykkar.
 - Swedish - En röd bil står parkerad hos din farbror.
 - Danish - En rød bil står parkeret hos din onkel.
 - (please correct me if my Danish/Swedish is erroneous)

As you can see, the difference isn't abysmal, not between NN and BM nor between the Scandinavian languages in general (bear in mind that there are some other differences between the Scandinavian languages that do not come into play in this sentence). People will however speak dialect. The big city dialects are (understandably) most widely known, the big cities of Norway being Oslo, Stavanger, Bergen, and Trondheim (also being the only cities going over a 100 000 people). There are local varieties within these as well, but the cities and the areas around tend to speak similar-ish. Then there's the more rural dialect, and the really rural dialects. If we were to generalise, there are at the very least 4 main varieties of Norwegian, these being Nordnorsk (north Norwegian), Trøndsk, Vestnorsk (West Norwegian), and Østnorsk (East Norwegian). Some may also be inclined to separate South Norwegian from Western Norwegian.

- Sandøy, Helge: *Norsk dialektkunnskap*, 2. utg., 1987.
- Skjekkeland, Martin: *Dei norske dialektane*, Høyskoleforlaget, 1997.
- Skjekkeland, Martin: *Dialektar i Noreg. Tradisjon og fornying*, 2005.
- Skjekkeland, Martin: *Dialektlandet*, 2010.
- Mæhlum, Brit og Røynealand, Unn: *Det norske dialektlandskapet*, Cappelen Damm Akademisk, 2012.

“Northern Norwegian” (*nordnorsk*), “Central Norwegian” (*trøndersk*), “Western Norwegian” (*vestlandsk*), and “Eastern Norwegian” (*østnorsk*). Sometimes “Midland Norwegian” (*midlandsmål*) and/or “South Norwegian” (*sørlandsk*) are considered fifth or sixth groups.

Nynorsk is largely developed from Western Norwegian (Ivar Aasen was from Ørsta in Western Norway, which may have something to do with this), while Bokmål was a Norwegianizing(?) of Danish, having an amount of parallels with South Norwegian and Eastern Norwegian (perhaps partly because the Danes in their time largely resided in the Capital or to the south, when speaking Danish-ish was fashionable for the upper echelon), though you may also see some parallels with Northern Norwegian (to a lesser degree than to the south, admittedly).

Dialects closer to Swedish would likely be more to the East, but not because they have Bokmål as a written language as much as it is because they’re closer to Sweden in the east. Understandably Western Swedish would also be closer to the Eastern Norwegian dialects.

Long story short, Bokmål and Nynorsk are written languages, not spoken ones, they are not entirely the same but largely mutually intelligible, and they are not related to Swedish as much as eastern dialects closer to Sweden are, due to the proximity to Western Swedes.

5.3.1-1b. Is English a Scandinavian language?

J.Y. Jul 21, 2016

I got you some quality Wikipedia research right here. Norwegian, Danish, and English are all Germanic languages. Norwegian and Danish are North Germanic (or Nordic) and English is West Germanic (a group that also includes modern German).

So these languages each fall in a group of Germanic (North and West) and Germanic languages as a whole fall under the umbrella of Indo-European languages.

Basically, these languages are all related. Norwegian, Danish, and English all share common traits as Germanic languages. Germanic doesn't equal German, in the sense of modern German. Modern German is a Germanic language (obviously), not a grouping of language.

It's not that English is Scandinavian; it's that Scandinavian languages are actually Germanic. The Wikipedia link has more information- it's a page on North Germanic languages, but it's easy enough to find West Germanic and Germanic languages from there. I hope that helps.

M.I., Jul 21, 2016

The English language is heavily influenced from Scandinavian languages from the Vikings, you will find that a lot of the English language derives from Scandinavian languages. English is a mixed language but clearly Germanic. The Scandinavian languages are also Germanic, but North Germanic while English is originally West Germanic, like Dutch. Surprisingly, there is very little influence from the languages of the Celtic peoples who lived on the British Isles before the Angles and Saxons arrived. Then again, their languages were not mutually intelligible. The Scandinavian traders, conquerors, and settlers that came later did have a significant influence, though, both on grammar and vocabulary, so that it might not be wrong to call English a "North-West Germanic language". But for convenience it is classified as West Germanic, which it originally was. The language later borrowed a great many words from French, which again is derived from Latin, but the grammar remains mostly unchanged by this, or slightly simplified.

R.H. Jan 26, 2016

That's an interesting question. I studied Old English at University and learnt that English is a West Germanic language and that the Vikings added a small amount of vocabulary to the English language. Later, the French invaders added a large amount of vocabulary and some grammar changes.

However, there is a Swedish professor of linguistics who suggests that English is not a West Germanic, but a North Germanic (i.e. Scandinavian)

language, and I think he has a point. Some of the words added by the Danes and Norse settlers are very common ones, like “get” and “talk”, so although they are not a large number by percentage, their influence is great. Many other words have the same root in the North and West Germanic languages (like “kan” in Danish and German). Also, it seems to me that the structure of the language is almost identical to the Scandinavian ones, even more than to French.

In any case, the traditional view of English as belonging to the West Germanic family, including German, Dutch, Flemish and Frisian is perhaps a bit too simple: in my opinion, it is somewhere on its own in between the North and West Germanic language groups.

J.G. Jul 21, 2016

Scandinavian languages and English are all Germanic. Modern English is based on Old English, the language of the Anglo-Saxons, who were Germanic tribes who settled on Great Britain. Scandinavian languages, such as Danish and Swedish, come from other Germanic tribes such as the Danes and the Swedes who settled in Scandinavia.

Thus Old English and the Scandinavian languages were quite related, as they only diverged with the settling of the various tribes in different areas of Europe. However, English was heavily influenced by Norman French from the eleventh century onward after the Norman invasion of Britain. The Normans, although originally from Scandinavia, settled in Normandy and adopted the Latin-based French language, then disseminating it to Britain where it merged with Old English. Thus English is related to the Scandinavian languages, as well as all other Germanic languages in addition to Latin.

D. Feb 2016

It's possible. Old English may well have been a Germanic language, but modern English is a Scandinavian language, basically the language of the Danelaw settlements in the East Midlands. Compare the sentence structure/grammar of English and Norwegian and you'll see what I mean. Verbs in the same position,

can finish a sentence with a preposition, “the” and “and” from old English, but the verbs and the nouns from Norwegian and/or Danish.

Comparing modern English to Dutch/German, it's clear that their sentence structure is vastly different to ours. I guess we abandoned old English and derived modern English once the Norwegians/Danes started to settle here in huge numbers.

And this is old news. Linguists were defining modern English as a Scandinavian language way back in the 1930s, well before WWII. British people have known English was a Scandinavian rather than Germanic language for years.

A.L. Apr 12, 2016

The fundament is laid down when we learn English in school.

Then we are exposed to the English language almost everywhere — not only watching programmes and movies from USA and the UK, but, strangely enough, also in commercials for Norwegian products aimed at Norwegian customers.

We are also incorporating many English words in our daily language. Interestingly enough, if you ask a Norwegian and a Dane which language has the most English words, the Norwegian will say Danish and the Dane will say Norwegian. I guess this is because we only react to *other* English words being used (like *job* and *teenager* in Danish).

It is often very simple to determine whether a person speaking English is Norwegian, Danish or Swedish. At least it is for us. If a Scandinavian person has lived in an English-speaking country, especially during their formative years, they might speak without a discernible Scandinavian accent.

5.3.1-1c. Why are Scandinavian people incorporating English sentences into their normal speaking?

E.K. Jun 17, 2015

We are often incorporating many English words in our daily language. I don't think there's any other reasons. We're a small country in a big world, and a high

fraction of us are swimming in a sea of English pretty much every day. (Hi; I'm writing an answer in English on a English website right now!) It's not just subtitled, undubbed movies and tv.

- It's computer games
- It's Facebook
- It's music
- It's instruction-manuals
- It's textbooks in university
- It's your masters thesis and your ph.d in university
- It's the conferences you attend.
- It's the vacations you go on.

It's hardly surprising under these circumstances that some vocabulary and/or phrases from English gets used in everyday communications.

W.H. Jun 31, 2016

Like others have stated, this has to do with how much English is present in the daily lives of Scandinavians today, through pop culture, the movie industry not the least, and through communication with the world, through travelling but also through social media et cetera. In addition comes studies and work.

It's no wonder that certain words is being implemented in everyday vocabulary, and even phrases. And yes, even what is mentioned in the question, that people might start to speak English with their pet. Perhaps they just feel that their so filled up with the language that the urge to let it out is irresistible, but it would be odd if they started to talk English to the spouse, colleagues or neighbours, so it has to be the dog.

But on a more serious note, what I think few notice, but which I do, is that it has begun to influence the way people use their native language. Norwegian, for instance, is becoming anglified if that's a word. How?

Since I moved from Norway in 1990, I've noticed how Norwegians in general have begun to use "think" in the same way as in English. It has replaced at least three words which earlier expressed different nuances. Think in

Norwegian is “tenke”. But think could also mean “synes”, “mene” and “tro”. Today you seldom hear that when people speak Norwegian, if at all. They all think = tenker.

What do you think of that? someone asks. Jo, jeg tenker at... begins the answer. To me it sounds wrong, because earlier the answer would start with: Jo, jeg synes at...

To think or “å tenke” did specifically refer to the cognitive, intellectual processing of thoughts, not expressing what you feel or sense about something. I find it difficult to explain this properly in English as it seems like English lack these nuances and have clumped them all together in the word “think” and it might be that no other Norwegians are capable of seeing the difference either, today, because this is something which has changed gradually over the years, but since I was without much contact with the language for many years, my Norwegian has been preserved the way it was way back in 1990.

Perhaps I should mention that I noticed this way of using «think» in all contexts instead of the other words, when I moved to Finland and heard Finnish-speaking Finns speak Swedish. Then they used “jag tänker att” instead of “jag tycker att” or “jag tror att”, which always gave the impression of being an odd and awkward phrasing. Nowadays I think that you see the same development in Swedish and perhaps in Danish as well.

What do I think about it? Well, I think it’s a little bit sad. Nuances are being lost and no one notices.

W.H. Oct 31, 2015

I used to think that Norwegians were among the best and that almost everyone spoke fairly good English, but I have changed my opinion after living many years away from the country. Most people know some English and I guess younger people speak it fairly well, like it’s the case in most European countries today, but among adults it’s another story.

One thing is the heavy accent which you can hear when even quite prominent persons speak, people who use English quite often, having lots of

international contacts. Jagland-English is a standing joke in Norway. An accent is natural but when it's so heavy that you can barely decipher what the person is saying, it might be problematic.

My impression is that out of the countries mentioned, the Dutch are the best. Next up are the Danish and the Swedes speaks more or less like Norwegians, with a different accent, but a significant one.

But the accent might be charming, of course, and an Irish friend said to me that Swedes who had a decent vocabulary but spoke with a heavy Swedish accent, reminded him of the way they speak in Cork in Southern Ireland, where he was from!

A.B. Dec 11, 2015

As others have noted, the most obvious reason why English is gaining more of a foothold in the Scandinavian languages is that English is so prevalent in everyday life for Norwegians, Swedes and Danes. Many people in those countries have been studying English from a young age as it is compulsory in most schools. There is also a vast amount of English-language exposure due to the pop culture exported from English-speaking countries in terms of the movies, the music, the television shows and the slang that gets popularised through them.

English is also the de facto common language of Europe and in many places around the world, whenever two people who don't share a common language attempt or need to communicate, the go-to language will almost inevitably be English. If a Dane was to engage a Dutchman in conversation, it would be done in English. If a Swede was to try his hand at communicating with a Spaniard, it would be done in English. Of course, there are exceptions to this, but by and large, it's true for the most part.

English is also the language of science, technology and business. When Norwegian companies do business in the Middle East, it's never easy finding someone who can translate from Norwegian to Arabic but there are plenty of people who can communicate in Norwegian and English and plenty that can communicate in both Arabic and English so English is quite important as far as

commerce goes. Other responders have noted that they have seen the amount of English in everyday speech rise in Scandinavia over the past few years - this is especially true for people working in high-tech fields. The bulk of technology is geared toward English speakers. Computer and internet speak, instruction manuals for heavy machinery, the fine print on detailed contracts, research papers and scientific journals - probably three-quarters of what's out there is either written in or printed in (made available) English. Of course the amount made available only to speakers of Scandinavian languages would be relatively scant in comparison.

The world has grown smaller. Internet usage is at an all time high. People on opposite sides of the globe can communicate virtually face to face in real time. This has only raised the importance of English.

But something that others don't seem to have touched on yet is another facet of the intrusion of English... It's not just that English words and phrases are creeping steadily further into speech in Denmark and Norway and Sweden... A bigger issue, one that is often given less attention, is that English is actually altering the way that Danes and Norwegians and Swedes speak their own languages.

Young people will often add -s or -es when referring to a plural rather than using the Swedish -ar or -er or -or. Teenagers will say things like: "Det finns en hel der kirks there" when describing the neighborhood around a location instead of saying "kyrkor" or "dar". English is also replacing personal pronouns in some cases in Scandinavia where instead of "Jeg" teenagers in Norway might substitute "I" and no one bats an eye at that. This is quite a different thing altogether from a few English words slipping in. When native speakers are actually subconsciously altering the grammar and spelling of their native tongues to make it conform to English better, that's cause for concern.

H.J. Jan 24, 2016

Because of pop culture and extremely heavy americanisation, it's considered very cool to speak English, and Scandinavians are told all the time that no one

cares about our culture and/or languages so we have very little pride or love for those.

Then there is the myth that everyone in Scandinavia speaks perfect English (my 60-year-old parents don't (don't they count?), and because of that many foreigners who move here don't bother to learn the language, and then more things have to be in English so they will understand, and so on, it's an evil circle. I know about people who have lived in Oslo for 20 years and don't speak Norwegian. And the globalisation is just getting bigger all the time.

Also, because our countries are rich, we are told to feel bad about it. For example, after many south europeans emigrated here after the economic crisis, they searched frantically for jobs, often offering to work for low wages, and it became common to hire people in bars and restaurants that don't speak Norwegian. So if you go to a cafe or a pub in Oslo, you might have to order what you want in English. Few people seem to mind this, because 1. It would be seen as slightly evil to claim that they should strive to learn our language, 2. "Everyone speak perfect English anyway", and 3. English is cool...

E.D. Dec 16, 2016

Simply because they think it sounds cool. I am norwegian, and here foreign movies are not dubbed, like they are in many other countries. Here we subtitle. So we grow up with english and american movies and music and what not, and we become accustomed to it, and pick up many of the words and phrases that we enjoy using. Everything can be translated, but it would not sound cool in our language. Hollywood and afro-american slang has given its audience so many funny and cool phrases that people just can't help themselves from using them. Norway and I suppose Sweden and Denmark too, are little wanna-be Americas. I am not proud of that, but there is nothing I can do to stop it. Our language and culture here has lost much of it's identity long time ago, and it's not going to get better. "Whatever..."

K. Dec 16, 2016

It is certainly not just Norwegians who possess excellent English language skills. Other nationalities that have proven their incredible fluency in English include the Netherlands, Denmark, Sweden, and Finland. I have heard both that Norwegians are the best and that the Dutch are the best. It doesn't much matter, but it is certainly interesting to think about and to observe if you are in the vicinity of either Norwegians or Dutch people speaking English. I remember my sophomore year of college, I became good friends with a Norwegian boy (who I am still very good friends with) and I could barely believe he was from Norway. Were it not for his stories and his distinct Scandinavian look, I would have thought he was joking – his English was that good.

Several years later when I was living in Oslo and studying at the University, I became good friends with 2 Dutch girls who also spoke impeccable English... All of the Norwegian and Dutch people I have met (except for older people who either didn't learn English in school at all, or learned a very minimal amount) fit this stereotype. They are absolutely incredible!

The question is why? The answer has multiple components – they have several things in common: like Denmark, Sweden & Finland, Norway and the Netherlands are small, wealthy, northern European countries. This reason is essentially the major reason that all others stem from. Students start learning English early and particularly in college, some, if not all classes are taught in English, TV, music, media, and computer games, to name a few, are heavily influenced by the English language. Movies are subtitled, rather than dubbed, as many other countries do

No other nationalities speak these languages, so it is imperative for people in these countries to learn English if they want to be part of the global community in any way/ People from these countries typically travel a lot and therefore get to use English more than their less traveled counterparts.

Some people think that one of the main reasons that northern Europeans are extremely good at English is because these languages are Germanic and have

similarities to each other and to German, for instance. I happen not to subscribe to this philosophy as much as the others for several reasons: Finnish is not Germanic or similar to any of the other mentioned northern European nationalities who are proficient in English.

If this philosophy was true, theoretically Germans should be able to (but don't) speak English just as well as other northern European nationalities like Scandinavians. Also, theoretically Spaniards and Portuguese people should have roughly the same English language skills, but in fact, the Portuguese are known to be more proficient in English than the Spaniards.

5.3.1-1d. Why do they speak English in Norway?

C.B. June 12, 2016

If you think that we speak English in Norway as our first language, you've been misinformed. (that whole thing about asking "if" before "why"...))

If you think that the average Norwegian speaks English as a second language on a daily basis, you've been misinformed. Most Norwegians only speak English when they go on vacation.

Most Norwegians do go on vacation at least once a year, however, so having a reasonable command of English is useful.

A few Norwegians, like me, work in multinationals where English is the working language. In practice, I still speak Norwegian 90% of the time, even at work.

You may wonder why we learn English in school, or why we speak it so well? Trying to get by in the world with a language spoken by 5 million, and understood by fewer than 20 million Scandinavians isn't going to get you very far. Kids start learning English in the first grade, and because we don't dub TV and movies, we get an almost immersive learning experience from an early age.

My 15 year old daughter could probably pass for an American, as long as the conversation doesn't stray from what you can learn from Keeping Up With The Kardashians or Pretty Little Liars.

My 12 year old watches tons of English language YouTubers with no subtitles. Back in the day I would watch reruns of The Brady Bunch and I Dream of Jeanie on satellite TV.

My grandparents didn't speak English very well. Instead they spoke fluent German. Then World War 2 happened. After being liberated from the five year Nazi occupation Norway shifted completely towards the English speaking cultural sphere. German and French are now taught as third languages.

W.V. June 11, 2016

People mainly speak Norwegian in Norway. However, just about everyone is also fluent in English as a second language. This is the case with all of the Scandinavian countries.

They have one of, if not the best education system in the world, and it helps them to stay relevant in business, tourism and culture to teach their children English from a young age.

S.R. June 11, 2016

There's about 5 million people in the world who speak Norwegian, a vast majority of them living in Norway. If Washington State spoke their own specific language that only they understood (even if the neighbouring states may be able to guess some of it – here representing Sweden and Denmark), they'd start learning English too.

5.1-1e. Do people speak English in Norway?

C.B. Apr 21, 2015

Not much to add, but quite a few corporations, even ones based in Norway like Telenor or Statoil, have English as their working language. Where I work all documentation is written in English, and as much as half of all meetings are conducted in English. In one project I'm managing right now the core team is somewhat distributed, but we're all Norwegians. Even so, any and all communication on Slack is in English - just in case.

J.S. Sep 8, 2014

If you mean “are Norwegians able to speak English?” the answer is: For the most part, yes. There’s a tendency to overestimate one’s fluency, however, but if you need to ask someone for assistance most people will be able to understand you.

If you mean “Is English a commonly-spoken/primary language in Norway” or something to that effect, the answer is no. There’s a trend of sprinkling English words into conversations (and we enjoy using certain English curse words), but people almost exclusively speak Norwegian. The “trendy” English words are often used in a manner which suggests the user doesn’t properly understand their meaning.

We start learning English early in our schooling. Many commercials aimed at Norwegian consumers are in English, and we watch a lot of English-language TV shows and movies, subtitled in Norwegian. So we’re exposed to the language a lot.

M.G. Oct 12, 2014

I speak both English and German (English is second language). I casually think in both languages, using the more practical language when needed. I do the same with my little brother (since his English skills are also commendable).

However, studying a language at school doesn’t necessarily guarantee fluency. I get hundreds of emails from language learners, telling me how their academic education failed them. I studied the native language of my own country for **eleven years** at school, along with five years of German. I absolutely could not claim to be an expert in either subject when I finished my education. In fact, I couldn’t speak either even basically.

5.3.2. <https://blogs.transparent.com/norwegian/why-are-norwegians-so-good-at-speaking-english/>

Why are Norwegians so good at speaking English?

Kari, Apr 6, 2011

It is certainly not just Norwegians who possess excellent English language skills. Other nationalities that have proven their incredible fluency in English include the Netherlands, Denmark, Sweden, and Finland. I have heard both that Norwegians are the best and that the Dutch are the best. It doesn't much matter, but it is certainly interesting to think about and to observe if you are in the vicinity of either Norwegians or Dutch people speaking English. I remember my sophomore year of college, I became good friends with a Norwegian boy (who I am still very good friends with) and I could barely believe he was from Norway. Were it not for his stories and his distinct Scandinavian look, I would have thought he was joking-his English was that good.

Several years later when I was living in Oslo and studying at the University, I became good friends with 2 Dutch girls who also spoke impeccable English.

Honestly, I doubted my own English skills (despite the fact that it is my mother tongue...) because they were so good. All of the Norwegian and Dutch people I have met (except for older people who either didn't learn English in school at all, or learned a very minimal amount) fit this stereotype. They are absolutely incredible!

The question is why? The answer has multiple components/they have several things in common:

- like Denmark, Sweden & Finland, Norway and the Netherlands are small, wealthy, northern European countries. This reason is essentially the major reason that all others stem from.
- students start learning English early and particularly in college, some, if not all classes are taught in English;
- TV, music, media, and computer games, to name a few, are heavily influenced by the English language. Movies are subtitled, rather than dubbed, as many other countries do;
- no other nationalities speak these languages (except colonies...), so it is imperative for people in these countries to learn English if they want to be part of the global community in any way;

- people from these countries typically travel a lot and therefore get to use English more than their less traveled counterparts.

Some people think that one of the main reasons that northern Europeans are extremely good at English is because these languages are Germanic and have similarities to each other and to German, for instance. I happen not to subscribe to this philosophy as much as the others for several reasons: Finnish is not Germanic or similar to any of the other mentioned northern European nationalities who are proficient in English.

Pir., Apr 2011

Norwegians have an unbelievable command of the English language. Still, there are noticeable differences. My wife has absolutely no Norwegian accent and has to tell people here in the US that she is not a native English speaker and was born and raised in the Oslo area. Her younger brother speaks fluent English, but with a definite accent. Their younger sister has an even heavier accent and much less command of English. All three went to the same schools, so I have to attribute these variations in English ability to differences in instructors and teaching styles. Yes, different instructors and teaching styles are likely to make a difference as well!

Br., Apr 2011

It's true that Norwegian are very good in English. Resources they have in school play a big role in this. Like you said, they are rich. That's why they can travel a lot and expose to language more often than others. English culture is deeply influenced in this society. The songs they listen to, the movie they watch are most in English language.

F., Apr 2011

When I first visited Norway as a new, non-Norwegian-speaking bride, Norway was a small, relatively poor, Northern European country (still recovering from the war and the occupation). The older generation, to a large extent, was non-English-speaking. However, almost every home I visited had a TV set. There

were only a couple of channels and those functioned for only a short time every day. The limited programming included several American series (including Gunsmoke). There were no subtitles and no dubbing. The majority of homes I visited seemed to have the TV on all of the few hours that it operated with young children listening or at least present while the English was being spoken on the TV. I have always believed that this exposure, combined with the fact that, if Norwegians step one foot out of Norway, no one has any idea what they are saying (with the exception of people in the other Scandinavian countries) has motivated them to become fluent in English.

As time has gone by and I later lived in Norway for a time and visited many times I saw a remarkable change as Norway gradually became a wealthy nation and her citizens became great lovers of travel (well, of course, they were historically travelers), it was my experience that more and more people spoke English (as well as other languages).

S. Dec 2011

Norwegians; though especially teens are able to communicate on they're 2nd language (english) fluently. Like when I was nine years old I started to play video games, and from there I learned my english so well that I could communicate IRL even though it was only my third year with English at primary school... But of course. Not every single person speaks good English.

Btw. I have noticed that the Norwegians who live on the west coast, gets a much more similar dialect with Native English speakers than the people of Eastern Norway, where I can easily hear they're ugly dialects flow into they're English.

N., Jul 2012

Well, I am Norwegian. And I believe the reason that you get the impression that we are good at the English language, is that we start to learn English at the age of 10. Also a lot of the shows on TV are in English. We also frequently use the internet.

A.N., Aug 2012

I can see where u going with this, but hey, like you said, not all of the norwegians are good at speaking english! Mostly people who were boarn earlier than the 70's actually SUCK! It's the newer generation that you're might pointing to... I go to 10'th grade now (in norwegian schoolsystem) but I still got plenty to learn! I mean, it's probably some horrible spelling mistakes in this very comment!

I am getting an A in english, but that's just the oral part! You see, norwegian schools have two ways to learn the language english, it's oral and then it's a writing part! And u know what?

Mostly, students at my age are not that good when it comes to SPEAK english, but their grammar, stories, and yeah... prity much everything is really good! I got influenced by "the choose"! That's somethig many schools give their students when they goes to the last year at primary school, or in what we norwegians call 8'th grade! What they give, is a dilamma between talking (and very important writing) American English or British English!

I think that's the biggest source to the Norwegans impressive english! When they got to choose what they really want to talk, and that just might given them a lot of inspiration to continue talking! Oh, and btw... we use A LOT of google translate!

H., Feb 2013

Learn english at the age of 10?? My class began when we were eight years old, but i still cant say that i speak fluently. Iv'e just took an english test, and the respond was "youre english is advanced" I dont think the test was good enough when they say MY english is advanced!

I dont have any american accent, only british, its like my tongue cant make those sounds. And my spelling isnt good enough, im better speaking english than writing it. So i dont agree that EVERY norwegian born after the 70's are good at it, cause im still learning. But i think its because the english and the norwegian language has the "same" sentences like: i can speak English Jeg(I) Kan(can) snakke(speak) Engelsk (english).

They both got the same words on the same spot, but if we for example take the german language it would be: Ich kann Englisch sprechen (I can english speak). I dont know if this made any sence at all, but i think it has something to do with it.

N.G. Jun 2013

^Norwegian: I'm Norwegian too, and I think we start learning English earlier than at the age of 10. We start learning the numbers and the colors when we're like 6-7, I think.

I have to say that many Norwegians are fluent or almost fluent in English, but some suck at it. Take Petter Solberg for an example. He once said "It was so much dog on the window", when he actually meant to say "It was so much dew on the window". (Dew is "dugg" in Norwegian, almost pronounced like the English word "dog").

I personally think, and I'm told all the time, that I'm really good at both speaking and writing English. (I probably shouldn't be writing this, though, because of the Jante Law. Haha :p). BUT as stated above, some of us Norwegians have such a lack of English that I honestly think it's so embarrassing! Heavy accents are also a problem. Some have a such a heavy accent that it's hard to understand what they are trying to say.

I don't know why, but I've always been fascinated by English and the US, and I think that's the reason for my "skills in English", or what to call it. By the way, I'm 17 now. If you were wondering: I speak American, because I just loooove it! I'm actually going to be an exchange student in Utah, USA 2013/2014 and I'm leaving this summer! I have a blog (www.lotteinusa.blogg.no) you can read, if you want to. I'm writing in Norwegian, though.

Sorry if I had any words miss spelled or any grammatical errors! Please let me know.

K.-O., Aug. 2013

Hi! I'm another norwegian here.

It is true that many do speak good english, but seriously, some are probably the worse in this world.

My class (I believe mostly everyone in Norway born after 1990 or 95) started learning english at the age of 6, we started out easy, but you know, we knew the easiest words like yes, no, one, two, three, so, sorry and so on. I speak with a big, fat, British accent and my old classmates always used to tease me a little for it. But I believe that the younger generation and even some from about 1930 speak good english is because of how they have been working.

The west coast of Norway has always been influenced a lot with fishing and boats, many of these went abroad and came to other countries. My granddad f. Ex. worked on a boat as a machinist or something like that and the boat went abroad all the time with other nationalities on board and they would usually use english, spanish and german to communicate with eachother and when they came to other countries.

These days we have many working with the oil and machines, my mother for example is working with spare sales in a company called cargotec wich sell parts of machines to others, among them many english speaking. The younger generation today watches movies, tv-shows, use youtube, travel, use english practically and do use the Internet a lot. It is not weird that the younger generations from mostly all over the world are getting better at english when we use it so much in the media and computer games online, blogs and TV.

We do also work harder in school to get what we want, if you want a really good job, you should know english.

In Norway for example if you want to study to be a doctor or an enginour you (I believe you have to, this is what my teachers told me) have to start with another foreign language in 8th grade (when you are 13-14 years old) as f. ex. Spanish or German or French, and this is beside the english. Believe me, many Norwegian teenagers do want to be good in english, that's why we make an effort.

M. Jun 2016

The real answer is TV and movies in English. University courses taught in English helps too. My Romanian friends speak English amazingly well, and Romania is not a rich country.

Cartoon Network brought the country into the English-speaking world. Children watching TV, at the right age when the brain is wired to learn language.

5.3.3. <https://norwenglish.wordpress.com/2010/04/15/what-is-norwenglish/>

What is norwenglish April 15, 2010 by norwenglish

The greater part of Norway speak English, but somehow that part managed to create an own form of English called Norwenglish. What is this, you ask? A very delicat mixture of English (and in some cases English-sounding) words, highly Norwegian pronunciation and a dash of literal translation.

Looking at the announcement of the peace prize winner of 2009, a golden example of Norwenglish pronunciation, we Norwegians aren't exactly proud of our minister of foreign affairs. Even worse is that he is our minister of FOREIGN affairs. This was broadcast all over the world, which means that this is the impression we're giving the rest of the world. However the grammar is very good, then again how many people read through before reading this for the rest of the world?

English invation!! April 15, 2010 by norwenglish

It is clear that the younger generation speak English more fluently than the older generation. There has obviously been a lot of change in the education system since then that might've had an influence in our English-skills. However, we must not forget one of man's best friends and greater inventions: the television! English speaking television dominates the TV and technology, which the younger generation is keeping up with, as well is mainly in English.

During Christmas a Norwegian TV-channel aired a Christmas tv-calender where Norwenglish was used. This was intentional to make good entertainment.

As for the academic side, many Norwegian students choose to study abroad during 12th grade. This means lessons and communicating with fellow students in English. In conclusion, we can say that English is something we deal with in our everyday life.

Norwenglish for Norwegians.

Mali Steiro Tronsmoen, the leader of a political party for teens called Sosialistisk Ungdom, said in 2008 that she thinks Norwenglish is a good thing. That the language gives character and it's nice being able to tell who's Norwegian by listening to their English.

However the leader of another political party for teens doesn't agree with Tronsmoen. He means that with more English knowledge, the better politicians for our country.

The Education System in Norway. April 15, 2010 by norwenglish

When it comes to why Norwegians often speak Norwenglish we have to look at the amount and quality of English lessons in Norway. The Norwegian school system consists of at least 13 years of education, whereas the students start their English education in 3rd grade, at the age of 8 years old. From 3rd to 11th grade the students are taught English in a regular basis from 3–5 school hours a day. During 12th and 13th grade, English is optional.

In 2006 the Norwegian government introduced a new school reform called Kunnskapsløftet to the schools. This changed the organizing, structure and contents within the schools.

Speaking on our behalf, I feel that the amount of Norwenglish-speakers has decreased. Of course there are a few in every class, but on general basis Norwegian students now speak English with fluency and correct pronunciation. The problem here lies in our parents' generation. I think that the problem comes from the poor quality of the English lessons during their schooldays. The focus

was centered on grammar and written English. This created an English language where the oral side became something less important, but this is where they had to learn!

In 2006 the Norwegian government introduced a new school reform called Kunnskapsløftet to the schools. This changed the organizing, structure and contents, giving the new generation of students the opportunity to learn better English.

Oral English is what you will use the most. English is a lingua franca, a common language that most people speak around the world. English is the language you automatically speak when meeting a stranger in a foreign country, the language spoken at International airports around the world, the language that more and more people want to learn around the world. The new generation of English speakers in Norway should be known as Norwegian English speakers, not Norwenglish speakers!

5.3.4. <https://fromoztooslo.wordpress.com/2009/07/03/norwenglish/>

Norwenglish by Zara. Tales and tidbits from an Australian living in Norway.

There is a strange middle language that flickers somewhere between Norwegian and English, that I like to call ‘Norwenglish’. It is a dialect spoken by those Norwegians who are maybe out of practice with English or simply not used to speaking it (or speaking about particular topics), and which – understandably – almost always results from them trying to directly translate a Norwegian phrase or pronunciation into English. Norwenglish is usually not *that* far from the correct English version, but far enough for you to stare at the speaker blankly for a second, thinking “Huuuuuh?”

If you ask a Norwegian for the time, you might be baffled to hear them reply that it’s “ten to half six”. Buh? This essentially means that the time is 5:20 – or ten minutes to when it is halfway to the hour of six. What a mouthful! This is particularly confusing for those countries who oppositely use “half six” to mean “half past six”. (All foreigners spend a long while on the telling-time chapter in

the textbook!) I often hear family anecdotes from Norwegians along the lines of “I helped out my grandmother, my mother’s mother, when I was young...” At first this struck me as odd – why does it matter to the story which grandparent it was? Then I found out that the word for grandmother or grandfather in Norwegian depends on which side of your family they come from; the word for the grandmother on your mother’s side is *mormor* (literally “mother mother”), while the one on your father’s side is *farmor* (“father mother”). Similarly, a paternal grandfather is known as *farfar* (“father father”).

The same often happens when talking about cousins, as Norwegians interrupt themselves to clarify if it is a male or female cousin – simply because they have a different word for each (*fetter* and *kusine*).

Norwegians often refer to “a few days ago” as “some few days ago”, and “last night” as “yesterday night”.

The word for oven in Norwegian is the same as the word for heater. During my first winter in Norway when I complained about the cold in the office, I was baffled when my boss suggested I should solve the problem by going and turning on the oven. (I thought perhaps he was suggesting an entirely different method for ending my misery over the cold.

Similarly, the word for shadow and shade are the same, so Norwegians often suggest on a hot day to walk “in the shadow”. Of course, if you try to correct them, you end up in the head-scratching situation of trying to explain the difference between the two. (When *does* a shadow become shade?)

In a similar vein, Norwegians have the same word for borrow and lend, and also the same word for learn and teach. As such, they end up saying things like “can you borrow me a book” or “I will learn you this dance”. I understand that doubling up these two sets of words is common in many European languages.

Sounds and Letters

Most of the time when the letter G is used in the Norwegian language, it is pronounced as a hard G, as in “grey” or “gold” (not the soft G of “gem” or “gentle”). As a result, when speaking English they often use a hard G in soft-G

words like “gesture” and “generation”. (There is a soft G in some Norwegian words, but it is pronounced more like *sh*.)

Some letters of the alphabet – particularly C, W, X and Z – do not natively exist in the Norwegian language, and are pretty much only used in words imported from other countries. I think it is for that reason that Norwegians are not used to saying W, and instead mix it up with the letter V (as in the German or Dutch languages, where W is indeed pronounced V). A colleague of mine once came back to the office announcing a fruitful business development meeting with the company “PVC”... I spent the rest of the afternoon wondering if we were partnering with a glue company or an adult costume store, before I realised he was talking PricewaterhouseCoopers.

And definitely the mostly common Norwenglish-ism of them all is attaching a definite article to the word “nature”, so that instead of a person proclaiming that they enjoy being out in nature, they say they enjoy being out in “the nature”. This is something *every* Norwegian says, not just the ones unused to English. I have actually got so used to hearing this one that I was recently found myself trying to figure out if maybe it *was* correct English after all. Much as my first encounters with Norwenglish were greeted with a giggle or two, Norwenglish can be quite contagious.

I have more than once accidentally suggested that we go stand in the shadow or switch on the oven in the living room. I think I might have even suggested going out in the nature once. An anyone borrow me medication to treat this problem?

5.3.5. <http://vgd.no/samfunn/spraak/tema/1813633/tittel/norwenglish>

Norwenglish, a mixture of English and Norwegian, has a major influence on today’s youth. Is it threatening to the Norwegian language, or does it give us a better language development? There are several examples that this humorous mix is becoming more and more common, an example of this is “The Christmas Calendar”. At the same time, we hear in the media several proprietors who

generally have poor English, such as Petter Solberg. Do you think Norwenglish is a major factor of the bad English more in Norwegians, or is it something positive that gives us a richer vocabulary in English? Politicians mention Norwenglish as something negative, but does it have to be negative? Should we normalize all English words?